

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE
D'HISTOIRE
ANCIENNE

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

1947

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

2(20)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · 1947 · ЛЕНИНГРАД

РЕДАКТОР ПРОФ. А. В. МИШУЛИН

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ И ЕЕ ЗАДАЧИ В СОВЕТСКОЙ НАУКЕ

Как известно, классическая филология—наука, изучающая путем анализа памятников слова многообразные стороны античной культуры. Основа классической филологии—античный текст и его всесторонняя интерпретация. Эта наука преподавалась в наших университетах с самого их возникновения, но глубокая научная разработка проблем классической филологии началась в университетах лишь с середины 19-го столетия.

Начало положил профессор Московского университета П. М. Леонтьев, первый издавший статьи по классической филологии в сборнике «Пропилеи», в котором он сам поместил много ценных исследований. Далее следует упомянуть ряд выдающихся ученых Киевского университета, конца 19-го века: покойных А. И. Сонни¹, Ю. А. Кулаковского² и особенно Ф. Г. Мищенко (с 1879 г. проф. Казанского университета), известного публикацией русских переводов Геродота, Фукидида, Полибия, Страбона, а также написавшего «Отношение трагедий Софокла к современной поэту действительной жизни в Афинах» (1874 г.) и другие работы³.

Затем нельзя не отметить и сейчас работ проф. б. Петербургского университета Н. М. Благовещенского «О литературных партиях в Риме в век Августа» (СПб., 1855) и «Гораций и его время» (СПб., 1864), кроме того издавшего с русским переводом и комментарием труднейшего римского сатирика Персия (СПб., 1873).

Ценными остаются также работы по латинскому синтаксису, римской истории и «древностям» профессора Харьковского университета И. В. Нетушила⁴.

Давнишний в западноевропейской науке спорный «Гомеровский вопрос» (вопрос о происхождении и авторе «Илиады» и «Одиссеи») привлек внимание и русской науки. Мы имеем исследования покойного проф. Казанского университета С. П. Шестакова (ум. в 1940 г.)⁵, проф. б. Петер-

¹ Особенно известна его докторская диссертация на латинском языке, *Ad Dionem Chrysostomum analecta*, Киев, 1896 г. (Введение в издание этого оратора-философа).

² Его главные филологические работы: «Коллегии в древнем Риме», Киев, 1882 г. и «Сказание об основании Рима», Киев, 1888 г. Большое значение имеет перевод Аммиана Марцеллина, сделанный Кулаковским и Сонни.

³ Другая большая работа Мищенко «Опыт по истории рационализма в древней Греции», 1881 г.

⁴ Латинский синтаксис, Харьков, 1880 г.; Очерк римских государственных древностей, Зап. Харьк. унив., 1894, 1896, 1897 гг.

⁵ О происхождении поэм Гомера, Казань, 1899 г.

бургского университета Ф. Ф. Соколова (1841—1909)—блестящее исследование в духе «унитарной» теории, доказывающее единство «Илиады»¹, работы проф. того же университета Ф. Ф. Зелинского².

Помимо гомеровского вопроса проф. Ф. Ф. Соколов занимался, главным образом оперируя эпиграфическим материалом, реставрацией фактов наиболее темного периода истории Греции III—II вв. до н. э. и в этом отношении явился создателем целой школы филологов, из которых некоторые превзошли своего учителя.

Среди них следует упомянуть известного эпиграфиста, проф. Московского университета, впоследствии академика А. В. Никитского (ум. в 1923 г.)³ профессора Московского университета Н. И. Новосадского⁴ и профессоров Ленинградского университета, потом академиков, В. К. Эрнштедта⁵, С. А. Жебелева⁶ и особенно В. В. Латышева, с именем которого связано начало глубокого изучения остатков греко-римской культуры на юге нашего Союза. Профессор того же университета И. В. Помяловский еще в 1881 г. издал «Сборник греческих и латинских надписей Кавказа». Из петербургской школы Ф. Ф. Соколова вышел и ныне здравствующий академик И. И. Толстой.

В. В. Латышев обратил серьезное внимание на изучение эпиграфических памятников культуры греческих колоний на северном побережье Черного моря и издал капитальный труд «Древние греческие и латинские надписи Северного Причерноморья» (3 тома, 1885—1902 г.), а также «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» (1890—1904)⁷.

В 6. Петербургском университете работал профессор, потом академик М. И. Ростовцев, посвятивший свои капитальные работы главным образом античной культуре Северного Причерноморья и истории древнего Рима⁸. Следует особо упомянуть и основоположника «яфетической теории» академика Н. Я. Марра, привлекавшего в сферу своего изучения также латинский и греческий языки.

В Московском университете основателем школы филологов был знаменитый профессор, затем академик Ф. Е. Корш (1843—1915). Гениальный филолог, лингвист и историк литературы он показал, что классическая филология в изучении языка не может плодотворно развиваться без связи с общим языкознанием. Корш положил начало лингвистическому направлению классической филологии⁹. По этому пути успешно продолжали идти его ученики: профессор, потом академик М. М. Покровский (также ученик академика Ф. Ф. Фортунатова), проф. А. А. Грушка и

¹ Гомеровский вопрос, ЖМНП, 1868, № 11 и 12.

² Особенно важна его работа «Закон хронологической несовместимости и композиция «Илиады» (в сборнике в честь акад. Ф. Е. Корша, 1896 г., стр. 101—121).

³ Его основные труды: «Дельфийские эпиграфические этюды», Одесса, 1894—95, «Исследования в области греческих надписей», Юрьев, 1901.

⁴ Главные работы: «Елевсинские мистерии», СПб., 1887, «Культивирование в древней Греции», Варшава, 1891, «Орфические гимны», Варшава, 1900, «Греческая эпиграфика», I, М., 1909.

⁵ Его выдающаяся работа «Порфириевские отрывки из аттической комедии СПб 1891 г.

⁶ Важнейшая его работа «Из истории Афин 229—31 г. до Р. Хр.», СПб., 1898; «Ἀρχαί. В области древностей провинции Ахайи», СПб., 1903.

⁷ Вся работа в новой редакции переиздается в журнале «Вестник древней истории».

⁸ Его главные труды до революции «Римские свинцовые тессеры», «Античная декоративная живопись на юге России», текст и атлас, 1914, и работа по истории римского колоната (на нем. языке, 1910). Кроме того, будучи за границей, он выпустил ряд больших работ из социально-экономической истории древнего мира, которые характерны буржуазной модернизацией истории древности.

⁹ Главные работы Ф. Е. Корша: О сатурнийском стихе, М., 1868 и «Способы относительного подчинения», М., 1877.

ныне здравствующий проф. С. И. Соболевский (больше ученик проф. А. Н. Шварца).

Каково же было развитие науки классической филологии? В чем заключается задача науки, изучающей древние языки и занимающейся интерпретацией латинских и греческих текстов, в системе историко-филологического образования и в развитии исследовательской работы?

Постановка преподавания классической филологии в дореволюционных университетах предполагала, что студенты получали предварительную подготовку по всем древним языкам уже в средней школе. Конечно, эта подготовка в дореволюционных гимназиях имела крупные недостатки. Преследуя политически-реакционные цели, считая самих преподавателей древних языков слепым самодержавия, царское министерство народного просвещения перегружало гимназические программы древними языками; латинский язык проходил с первого класса все восемь лет, греческий язык начинался с третьего класса. Лишь незадолго до революции в гимназиях был оставлен один латинский язык.

Преподавание отличалось схоластическим характером; редкие преподаватели давали культурно-исторический и литературный комментарий к читаемым авторам и раскрывали учащимся все значение античной культуры; дело большей частью ограничивалось грамматическим разбором заданного отрывка текста, при переводе которого у учеников иногда совершенно утрачивалась связь данного отрывка с содержанием целого произведения. Подготовка часто сводилась к формальному изучению языков, их грамматики и синтаксиса.

Великая Октябрьская социалистическая революция сделала всякую науку доступной всем трудящимся; она открыла небывалые перспективы для всех наук. Однако на первом этапе нашей революции, разрушавшей все старое и реакционное, нельзя было сразу восстановить изучение древних языков в преобразованной средней школе.

После закрытия в 1921 г. старых историко-филологических факультетов преподавание классической филологии на новой основе полностью восстановлено не было. Причиной этого явления отчасти было отношение к классической филологии школы М. Н. Покровского, все еще находившейся под впечатлением царского реакционного школьного классицизма. Читалась только античная литература, но преподавание латинского языка все еще не было организовано. Впоследствии латинский и греческий языки преподавались историкам и лингвистам в Российской ассоциации научно-исследовательских институтов (Ранион), далее в Государственной академии искусствознания (ГАИС); в этих учреждениях в античной секции разрабатывались и проблемы античной литературы. Также в ИИП наряду с античной литературой для античников (историков и словесников) преподавались древние языки, которые изучались также и аспирантами Академии истории материальной культуры. Таков был первый этап изучения древних языков в системе советского образования.

В 1932 г. в Москве был открыт институт философии, лингвистики и литературы (ИФЛИ) имени Чернышевского и такой же институт в Ленинграде (ЛИФЛИ); эти институты исполняли функции филологических факультетов университетов. В них и были открыты новые отделения классической филологии. Впоследствии ИФЛИ и ЛИФЛИ вошли в состав Московского и Ленинградского университетов в качестве филологических факультетов. В дальнейшем классические отделения стали открываться и в других университетах: в Тбилиси, в Харькове, в Томском университете (с 1941/42 учебного года), в Казанском (с 1944/45 г.); с того же года — в Латвийском университете; преобразовано отделение классической филологии в Львовском университете, существовавшее с 1772 г. Создание

классических отделений показывает заботу Партии и Правительства и об этом участке идеологического фронта. Мало этого. Даже в суровое военное время, в период Великой отечественной войны, Советское правительство, озабоченное поредением рядов старых специалистов—преподавателей латинского и греческого языков, решило усилить подготовку филологов. Приказом Всесоюзного комитета по делам высшей школы от 4.II.1944 г. был увеличен прием на классические отделения университетов и создано новое отделение классической филологии в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина.

Для урегулирования учебных планов, программ, создания и пересмотра учебных пособий и улучшения методики преподавания в 1944 г. была создана в Министерстве высшего образования под председательством проф. Н. Ф. Дератани экспертная комиссия по классической филологии, в которую вошли главным образом представители Московского университета, Института мировой литературы им. А. М. Горького, Института иностранных языков и Московского пединститута им. В. И. Ленина. Эта комиссия проделала большую работу; в июле 1944 г. было даже создано общемосковское совещание преподавателей древних языков и классической филологии, выработавшее мероприятия для улучшения методики преподавания.

Если в университетах все время шло преподавание древних языков, то в педагогических институтах на историческом и литературном факультетах нет ясности о преподавании этих языков. Латинский язык был, им. правда, введен в 1937 г., в связи с чем в Педагогическом институте В. И. Ленина явилась возможность образовывать даже отдельную кафедру классической филологии. Но латинский язык был снят, затем снова введен, однако на исторических факультетах допущен лишь как факультативный.

Вряд ли правильно также, в целях сокращения обязательных учебных часов, переводить латинский язык в факультативные дисциплины и на литературных факультетах. Это является совершенно нецелесообразным, даже если бы наша средняя школа давала для желающих стать филологами и историками элементарную подготовку по древним языкам. Но при отсутствии в учебных планах средней школы латинского языка и элементарной филологической подготовки у поступающих в высшую школу снятие латинского языка на литературных факультетах является просто недопустимым.

Мы знаем, как высоко ценили основоположники марксизма античную культуру, как прекрасно они знали и ценили латинский и греческий языки. Известно, что К. Маркс, по воспоминаниям Лафарга и В. Либкнехта, читал трудный текст Эсхила в греческом подлиннике и настолько знал греческий язык, что «по вечерам отдыха ради увлекался «Гражданскими войнами в Риме» Аппиана в греческом оригинале»¹. Латинские фразы и крылатые выражения употребляли и Маркс и Энгельс. Энгельс резко возражает Дюрингу, который намерен «упразднить и знание древних языков, открывающее, по крайней мере, лицам разных стран, получившим классическое образование, общий широкий горизонт»². В своих речах и выступлениях Ленин и Сталин нередко привлекают образы античной литературы и мифологии.

Помимо общеобразовательного значения латинский язык особенно пужен в целостной системе подготовки педагога-историка, словесника-лингвиста и историка литературы.

¹ Письмо к Энгельсу от 27 февраля 1861 года, Маркс и Энгельс, соч., т. XXIII, стр. 15.

² Анти-Дюринг, Партиздат, 1934, стр. 233.

Следует помнить, что пока еще студент приходит в педагогический вуз без знания латинского языка. В вузе элементарное прохождение латинского языка дает студенту понимание научных (политических, философских и юридических) терминов, а также родного языка, который только тогда может быть понят, «когда прослеживают его возникновение и постепенное развитие, а это невозможно, если оставлять без внимания, во-первых, его собственные омертвевшие формы и, во-вторых, родственные живые и мертвые языки» (Энгельс)¹.

Помимо этого опытный преподаватель попутно знакомит студента с античной культурой. Нельзя стать на узко утилитарную точку зрения, т. е. готовить студента педагогического вуза только по тем дисциплинам, которые преподаются в средней школе.

Мы должны готовить широкообразованного и высококультурного педагога. Это необходимо все время иметь в виду в свете поставленной товарищем И. В. Сталиным задачи превзойти достижения зарубежной науки.

Перед нашей классической филологией стоят, таким образом, серьезные задачи по подготовке кадров преподавателей древних языков и античной литературы, по изданию соответствующей учебной литературы. Большое место в работе филологов должно занять издание высококачественных переводов античных авторов, чтобы сделать великие творения античной литературы достоянием широких кругов советской интеллигенции.

Не меньшие задачи настоятельно выдвигаются требованиями нашей науки в области научного исследования проблем истории языка и литературы, имеющих большое значение не только для построения правильной материалистической теории происхождения языка и законов его развития в конкретных исторических условиях, но и для дальнейшей марксистско-ленинской разработки теории и истории литературы, в частности античной, до сих пор составляющей одно из величайших сокровищ человеческой культуры. Многие проблемы классической филологии тесно переплетаются с актуальными и важными вопросами истории, в том числе ранней истории народов СССР. Исторические исследования оплодотворяют филологическую науку и в свою очередь получают необходимую поддержку от специальных филологических изысканий. Открытия последних десятилетий, которые показали далеко уходящие в древность связи древних греков с народами Передней Азии и Эгейским миром в широком смысле слова, по-новому ставят вопрос о происхождении древнегреческого языка, который уже нельзя трактовать как изолированный, искони самостоятельный, язык какой-то особой ветвью индоевропейского древа. Древнегреческий язык начинает вырисовываться как некая ступень в развитии языков Средиземноморья вообще. Изучение истории греческого языка в свете новых исторических открытий (например, «Ахийява» восточных текстов) и исследований должно окончательно развеять миф о «нордической расе» как носительнице какой-то особой, исключительной культуры, не зависящей от условий общего исторического процесса.

Для вопросов этногенеза народов Европы, в частности славян, углубленные исследования в области классической филологии являются одним из необходимейших условий. Для разработки истории народов того времени, от которого письменных источников не могло прийти, история языка, наряду с археологическими памятниками, — ценный и важный источник. Топонимика и этнонимика, занимающие столь важное место в исследованиях этногенеза, только тогда являются полноценным материалом, когда их использование основано на серьезном изучении истории языка, особенно на данных сравнительного языкознания. Исследования Н. Я. Мар-

¹ Там же.

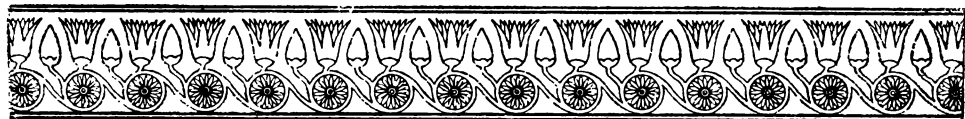
ра показали, какие значительные результаты для истории могут быть достигнуты благодаря палеонтологии языка при методологически правильной ее разработке. А со времени Бахофена стало ясно, как много может дать для познания далекого прошлого изучение античной мифологии.

Для изучения Скифии, народов Кавказа и Северного Причерноморья именно филологическая наука сумела собрать дошедшие до нас разрозненные данные древних авторов и составить свод эпиграфических источников. «*Scythica et Caucasica*» и «*Inscriptiones Orae Septentrionalis Ponti Euxini*» В. В. Латышева вошли в фонд мировой науки. Но здесь требуются громадные усилия для дальнейшей разработки богатого наследия прошлых поколений ученых. Свод надписей Северного Причерноморья должен быть дополнен многочисленными новыми публикациями и открытиями последних десятилетий; необходимо свести в одно собрание античные надписи, открытые в других областях СССР. Собранный материал античных источников—литературных и эпиграфических—по истории нашей родины должен быть не только систематизирован, но и филологически изучен. Здесь должна быть проделана критическая работа, без которой пользование источниками может привести историка к неправильным выводам. Филологические занятия—необходимое предварительное условие для исторического изучения древности. Изучая древнюю общину, Энгельс считал необходимым, как он пишет К. Марксу, заняться фризско-англо-готско-скандинавской филологией и археологией, а через несколько месяцев (15 июня 1865 г.) он пишет Марксу: «Я изучаю теперь сказки Гримма, германские героические саги, древнефризское право и т. д. Лишь только с этим несколько справлюсь, я серьезно перейду к древноревскому языку».

Нашим историкам приходится обычно пользоваться здесь результатами, добытыми буржуазной филологией, подходящей к источниковедческим исследованиям с формальным, главным образом, критерием и с точки зрения буржуазного понимания исторического процесса. Отсутствие у нас самостоятельной критики, например римской анналистической традиции, приводит к тому, что ранняя история Рима в наших учебниках и общих работах по истории Рима страдает либо чрезмерной неопределенностью и схематизмом, либо, наоборот, чрезмерной категоричностью. О том, что может дать правильная научная методология в филологических исследованиях, учат нас данные Марксом и Энгельсом блестящие образцы толкования терминов *γένεσις*, *gens*, *enuptio gentis* в «Происхождении семьи». В области критики античных источников перед нашими филологами обширное поле деятельности. Важно только организовать подготовку кадров советских историков.

Перед классической филологией стоят большие задачи не только в изучении и преподавании древних языков и литературы, но и в разработке важных историко-филологических проблем. Содружество истории и филологии должно обогатить не только наши исторические знания, но и поднять филологию на уровень науки, изучающей и познающей закономерности развития человеческой культуры от самых первичных, прослеживаемых в языке, ее начатков до высшего ее этапа—культуры коммунистического общества.

Акад. А. И. Тюменев

ЭРМИТАЖНЫЙ ПАПИРУС 1116 А, СТРОКИ 101—102

Названные строки Поучения гераклеопольского царя представляют особый интерес, поскольку в них идет речь об оросительных работах, производившихся в области Дедисут, смежной с областью столицы того времени—Гераклеополя, причем от того или иного толкования и перевода этих строк в значительной мере зависит решение вопроса: каким трудом, трудом ли рабов военнопленных или же трудом основной массы египетского населения, производились оросительные работы в Египте? Здесь сообщается, что орошают поля области и провели дамбу до Гераклеополя

mḥtjw 'š' (:) — «многочисленные северяне»¹.

Кто были эти mḥtjw 'š'? Академик В. В. Струве видел в этих людях, производивших оросительные работы, «северных варваров» и соответственно признавал их военнопленными рабами. Согласно даваемому им переводу (или, точнее, толкованию) этого места, царь, возведя укрепления в области Дедисут и поселив там 10 000 неджесов, «освободил их от поборов и налогов... границы его (т. е. города) области установлены. Многочисленные северные варвары орошают их (т. е. поля неджесов). Нижний Египет дает подати ячменем из чистой области. Это опора для Нижнего Египта. Они (т. е. те же варвары) сделали дамбу до Гераклеополя»². На основании такого толкования текста академик В. В. Струве делает дальнейшие общие выводы: «таким образом, крестьянин древневосточного ирригационного общества был, с одной стороны, непосредственным производителем как работник на поле; с другой же стороны, он был и эксплуататором, поскольку он работал на полях, которые были способны давать урожай лишь при условии создания ирригационной сети, которая и создавалась и поддерживалась преимущественно трудом военнопленных—рабов»³.

В подтверждение своей точки зрения академик В. В. Струве в другом месте, возвращаясь к тому же тексту, обращал внимание на то, что двумя строками выше царь называет «город Атрибис, который находится в цен-

¹ Golenischeff, les papyrus hiératiques № 1115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage impérial de St. Pétersbourg, ?—4, табл. XII, строки 101—102.

² В. В. Струве, Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ древнего Востока, «Известия ГАИМК», вып. 77, М.—Л., 1934, стр. 45.

³ Там же.

тре восточной Дельты, т. е. в достаточной степени далекий от области азиатов» — «пупом азиатских варваров»¹. Комментируя это место, академик В. В. Струве замечает: «Очевидно, царь хочет указать этими словами, что им нагнано туда столько пленных варваров, что эта область стала как бы варварской страной. В предшествующем же тексте говорится о том, что он дал разбить египтянам Дельты азиатов, захватив их в плен. В последующем контексте говорится о том, что многочисленные северные варвары орошают поля воинов в южной области востока Дельты»².

Как видим, академик В. В. Струве использовал данные армитажного папируса как доказательство (притом, по видимому, весьма показательное) в подтверждение теории широкого распространения труда военнопленных рабов в странах древнего Востока, поскольку этим трудом выполнялись все основные ирригационные работы. Однако уже соображения общего характера заставляют усомниться в таком толковании текста Поучения. Если даже и согласиться с предлагаемым академиком В. В. Струве переводом, все же и в таком случае данное место Поучения не может служить основанием для столь далеко идущих обобщений и выводов. С одной стороны, речь идет об орошении местности вообще, а не об орошении именно полей недрожесов. С другой же стороны, если бы действительно для оросительных работ в данном случае был использован труд «северных варваров», это еще ни в какой мере не означало бы, что и вообще оросительные работы в Египте производились трудом военнопленных варваров. Следует, однако, заметить, что ближайшее рассмотрение и исследование всего данного места Поучения не позволяет согласиться с тем толкованием, какое дает ему академик В. В. Струве. Против этого говорит как буквальное значение цитируемого им места, так и весь ближайший, непосредственно предшествующий ему контекст. Чрезвычайно сомнительной представляется, наконец, и самая точность этого текста армитажного папируса.

Возвращаясь к вопросу о том, кто были «северяне», производившие оросительные работы в области Дедисут, мы не только не видим никаких оснований для распространительного толкования термина *ḥḥtjw* в значении «северных варваров», но, напротив, первоначальное и буквальное значение этого термина должно привести нас, скорее, к совершенно обратному его пониманию. Известно, что детерминативным знаком, служившим для обозначения севера с тождественным произношением, служило

изображение цветов папируса () — растения, столь же типичного для

области Дельты и так же символизировавшего (чаще в измененной форме

) область Дельты и вообще северный (Нижний) Египет, как рас-

тение *pnt* () символизировало собою и соответственно служило детерминативом для обозначения Юга, южного (Верхнего) Египта. Тот же де-

терминатив () одинаково употреблялся и для обозначения болотистой

местности, в свою очередь в древнем Египте отождествлявшейся также прежде всего с областью Дельты. Соответственно, таким образом, и в «людях Севера», «северянах» мы прежде всего должны видеть жителей

¹ Там же, стр. 63.

² Там же.

Дельты, т. е. урожденных египтян¹, а не варваров. В пользу такого понимания термина *ḥḥtjw* говорит и то обстоятельство, что в самом Поучении несколькими строками выше, где речь идет о действительных варварах, они обозначены различными иными терминами—как «азиаты», «жители пустыни», «лучники», но не как «северяне»². С другой стороны еще несколько выше дается очерк положения области Дельты времени возникновения нашего памятника, причем эта последняя определенно обозначена как *t' ḥḥw* (земля Севера)³.

Уже все эти соображения не оставляют сомнения в том, что термин *ḥḥtjw* в нашем тексте обозначает именно жителей Дельты (Нижнего Египта). В пользу употребления его в этом значении говорит также и весь ближайший контекст. Обратимся прежде всего к тому месту, в котором академик В. В. Струве видит свидетельство о переполнении местности пленными варварами. И в данном случае такое толкование представляется сомнительным уже само по себе, поскольку со стороны царя было бы крайне рискованно и нецелесообразно создавать такое скопление пленников в местности, подвергавшейся набегам со стороны их единоплеменников. Однако, помимо того, и самое данное место, интерпретируемое таким образом академиком Струве, представляется крайне сомнительным и, повидимому, передано в эрмитажном папирусе не в первоначальном, но в сильно искаженном виде, чем и объясняется его темнота и неясность.

Следует заметить, что мы имеем три параллельных списка Поучения⁴. Сопоставление их показывает, что в текст вносились различные изменения и дополнения, одни термины заменялись другими. И лучшим примером такого свободного отношения к тексту при переписке может служить как раз интересующее нас место. Речь здесь идет об укреплении границ против азиатских варваров, именно о сооружении плотины и о затоплении местности в предупреждение новых набегов. Уже одно это обстоятельство делает сомнительным, что в данном случае имеется в виду город Атрибис, расположенный вдали от границы, поскольку оборонительные меры, и тем более связанные с затоплением местности, должны были применяться в пограничной полосе, а не во внутренних областях вблизи крупного городского центра. Притом самое место, до которого проводится затопление, названо в тексте собственно не Атрибис, но *ḥm wj*. Правда, это название тождественно с *ḥm wt* (так оно и названо в списке Борхардта), первоначальным обозначением Атрибиса, но одновременно известно и другое местечко с таким же самым наименованием, находившееся как раз на восточной ази-

¹ Из трех существующих переводов этого места А. Н. Gardiner [«New literary works from ancient Egypt», JEA I. (1914), стр. 31] и А. Erman («Die Literatur der Aegypter» (1923), переводят этот термин как «северяне» (northerners) и как «люди Севера» (viele Nordleute). Наиболее точный и в то же время более близкий к нашему пониманию перевод термина дан в новейшем переводе Schaff'a (A. Schaff, Der historische Abschnitt der Lehre für König Merikare, SBAW, 1936, Heft 8), где он передан словом Unterägypten. В этом именно значении термин *ḥḥtjw* и употребляется обычно в описываемое время; более же широкое и распространительное значение он получил лишь значительно позже, см. Erman—Grapow, II, 126.

² См., например, строки 95, 99 и др.

³ Строки 81—84; см. комментарий к этому месту в переводе Шаффа, стр. 24, примечание 25; ср. Sethe в «Zeitschr. für äg. Sprache und Altertumskunde», XLIV, стр. 10.

⁴ Помимо основного текста эрмитажного папируса, в Москве имеются еще фрагменты другого, параллельного списка (московский папирус 4658), воспроизведенные в том же издании Голенищева на дополнительных таблицах а—с. Уже оба эти списка разнятся между собою. Еще большие отличия представляет третий список, находящийся во владении известного египтолога Борхардта. Борхардт опубликовал лишь часть своего папируса, содержащую, однако, как раз интересующее нас место (B o r c h a r d t, Allerhand Kleinigkeiten, Leipzig, 1933, стр. 45 и таблица 15).

атской границе Египта. Уже Гардинер в объяснение этого «загадочного места» высказал предположение, что в данном случае могло иметься в виду именно это пограничное местечко. Предположение это казалось, однако, Гардинеру сомнительным, так как при названии *km wr* стоял детерминатив быка, которым обычно сопровождалось название города Атрибис. Сомнение это, однако, не имеет решающего значения: детерминатив быка мог быть внесен малосведущим переписчиком, который, зная название города с детерминативом, восполнил отсутствие его от себя.

По счастью, мы имеем возможность сверить данный темный текст с экземпляром Борхардта. Здесь это место текста передано совершенно иначе: вместо   эрмитажного папируса в папирусе Бор-

хардта дано совсем иное написание, именно:

Детерминатив быка, как видим, совершенно отсутствует, и, напрстив, название местечка связывается с находившимся на границе озером (современным Тимсах близ Измаилии).

При таком определении местоположения *km wr* более понятным было бы и обозначение этого места как «лупа варваров», притом уже не в предполагаемом академиком Струве значении накопления массы военнопленных, а, напротив, в значении стечения варваров в целях совершения набегов на Египет. Однако очень вероятно, что все это выражение также представляет плод недоразумения, возникшего в результате неточности при переписке. Сисок Борхардта и в данном случае дает иное написание, именно:

hrw ( ) вместо *hr'*. Такое написание, особенно при наличии де-

терминатива , придает всему этому месту совершенно иной смысл,

и очень вероятным представляется перевод его, предложенный Шарфом и передающий термин *hrw* словом *Abwehr*(?). Речь в таком случае в данной фразе, в полном соответствии с остальным контекстом, идет относительно мер отражения варварских набегов.

В дальнейшем изложении следует описание мирной, спокойной и уверенной жизни, наступившей в области Нижнего Египта после изгнания азиатов и обеспечения границ: границы установлены, укрепления возведены, воины многочисленны; высшие начальники и серы управляют страной; жители мирно занимаются своим делом и область платит налоги. В связи с этим описанием мирной обстановки после победы над варварами находится и интересующее нас сообщение о «северянах», т. е. жителях Дельты, которые в этой мирной обстановке занимаются орошением местности и проводят дамбу до Гераклеополя.

Подведем итога. Уже буквальное значение термина *mhtjw* не дает нам никакого основания видеть в этих людях военнопленных варваров, но предполагает именно урожденных египтян — жителей Дельты. В Поучении содержится, как сказано, и специальное указание, что именно автор понимает под «землей Севера», а следовательно, и кого следует разуметь под «северянами» *mhtjw*. В пользу того, что это именно жители Дельты, говорит, как мы видим, и ближайший контекст всего данного места.

Из данных Поучения можно, таким образом, вывести только одно заключение — что оросительными работами в данном случае, а, как мы имеем все основания полагать, и в остальных случаях, занимались прежде всего сами египтяне.

Проф. С. Я. Лурье

ЭКСПЛУАТАЦИЯ АФИНСКИХ СОЮЗНИКОВ

В нынешней исторической литературе является общим местом, что члены Афинского морского союза подвергались бессовестной эксплуатации со стороны афинской демократии (особенно крайней демократии) и что на защиту их выступали представители аристократической партии, руководимой Фукидидом из Алопеки¹. Такое представление основано на том, что представители этой аристократии, действительно, выступали в роли защитников союзников.

«Афинский народ, — говорят они у Плутарха («Перикл», 12), — теряет уважение греков... Вся Греция считает, что над ней совершают открытое насилие и распоряжаются деспотически: греки видят, что средства, принудительно взыскиваемые с них для ведения войны, мы тратим на то, чтобы наш город, точно развратная бабенка, мог раззолотить и разубрать себя...»

Сама демократия, несомненно, считала правильным свое поведение по отношению к союзникам. Перикл в том же месте Плутарховой биографии замечает в ответ на эти обвинения: «Афиняне не обязаны давать своим союзникам отчет в израсходовании ими денег, так как афиняне сражаются за них... Союзники же не выставляют ни конницы, ни кораблей, ни гоплитов, а только вносят деньги; ясно, что эти деньги уже принадлежат не тем, кто их платит, а тем, кто их получает, если только они выполняют то, за что им платят деньги, а государство в достаточной мере обеспечено всем, что нужно для войны». Вряд ли действительная аргументация демократов сводилась только к этим соображениям: в этом случае им легко было бы возразить, что война с Персией кончилась, что союзникам вообще ничто больше не угрожает и поэтому пора оставить мысль о военных действиях и дать союзникам полную независимость. Очевидно Плутарх черпает свою информацию из аристократического источника, где Периклу влагаются в уста такие доводы, которые легко опровергнуть².

В этом отношении чрезвычайно интересны патриотические агитационные трагедии Еврипида «Гераклиды» и «Молящие», поставленные во время

¹ Афинская демократия состояла из двух групп: богатых торговцев и ремесленников, игравших ведущую роль в демократической партии, и городской бедноты. Аристократическо-олигархическая партия в основном состояла из землевладельцев и ростовщиков — занятие торговлей и ремеслом считалось в этих кругах позорным.

² См. H. R o h d e, *De Athenensium imperio quid quinto quartoque saeculo sit iudicatum*, Diss., Götting., 1913.

Архидамовой войны. Учтем, что Еврипид радикальным демократом никогда не был и крайней демократии никогда не сочувствовал.

Он протестует против обвинения Афин в военной политике («Молящие», ст. 321 сл.)¹:

*Не видишь ты? За безрассудство твой народ
Враги его поносят—будто жаждет он
Войны кровавой. Ибо мощь его растет
В трудах военных².*

Очевидно, в это время в Элладе было в ходу обвинение Афин в стремлении разрешать все вопросы «Горгоной», т. е. войной, силой. Еврипид считает причиной этих обвинений зависть к афинскому могуществу (в этом смысле он и говорит: «Ибо мощь его растет»). Афины, гордо замечает он в «Гераклидах», смогут защищать свою честь и ответят ударом на удар (под «микенцами» ниже разумеются пелопоннесцы).

Ст. 755:

*Да! За отчую землю,
За очажное пламя,
Должен медью сверкать я,
Потому что молящих
Я взял под защиту.
Хоть тяжело нам считать,
Что золотые Микены,
Осененные славой побед,
К нам исполнены злобой,
Но ужасно, о город, гостей выдавать,
О защите молящих!*

Ст. 371.

*Мир мое сердце любит...
Все же, злобный владыка,
Слушай! В городе нашем
Встретишь прием ты немилый!
Иль у тебя лишь копьё?
Войско в доспехах медных
Есть и у нас! Хоть друг ты
Шуму и сече бранной,
Все же совет мой: смуту
В город, Харитам милый,
Лучше вводить побойся.*

Из приведенных мест получается впечатление, что Афины стремились только к миру, а вступили в войну, обороняясь, когда враг напал на территорию Аттики, на отчую землю (τᾶς πατριώτιδας γᾶς), на дома (περὶ καὶ δόμων), на город (εἰ πᾶν ἤξεις). В действительности, в переговорах перед началом Архидамовой войны и речи не было о претензиях

¹ См. уже M a r k l a n d, Eur. Supplices, Lond., 1763 (ad loc.: «Videtur politicum aliquid huic sententiae subesse...»)

² Принимаю пунктуацию и перевод G. Hermann, Euripidis Supplices, 1844, стр. 333: ὁρᾷς; ἄβουλος ὡς κερτομημένη τοῖς κερτομοῦσι (dat. при perf. pass.), Γοργόν' ὡς ἀναβλέπει, ἡ πατρίς = ὡς ἄβουλος (οὐσα) κερτομημένη (ἔστι) ὑπὸ τῶν κερτομοῦντων ἢ ἡ πατρίς (διὰ τοῦτο), ὡς ἀναβλέπει Γοργόνα. Ср. Aristoph., Acharn. 574: τίς Γοργόν' ἐξήγγισεν ἐκ τοῦ σχήματος; Выражению ἀναβλέπει Γοργόν' во второй половине фразы симметрично противопоставлено: βλέπουσι σκεπταίνα—«выглядят тихими, незаметными» о миролюбивых государствах; следовательно, ἀναβλέπει Γοργόν' означает: «выглядит воинственно».

на Аттику: речь шла, как известно, сперва о Мегарах, Керкире, Потидее, затем о роспуске Афинского союза. И сам Еврипид не хочет сказать, что единственной причиной войны было «спасение чести Афин» и «самозащита». В цитированном месте из «Гераклидов» (ст. 755 сл.) особенно важны два выражения: «Потому, что молящих я взял под защиту» (*ἵκετας ὑποδεδυείς*); «Но ужасно, о город, гостей выдавать, о защите молящих» (*κακὸν δ', ὃ πόλις, εἰ ξένοισι ἵκτῆρας παραδῶμεν*). Подобных мест можно привести десятки и из «Гераклидов» и из «Молящих»: эта война—долг совести и гуманности; филантропические Афины морально обязаны вести ее для защиты ксенов (*ξένοισι*), молящих о помощи.

Кто же эти *ξένοι* в политическом плане? Ведь не может быть, чтобы этот все повторяющийся мотив был чисто мифологическим, религиозным, чтобы он не вызывал у афинского зрителя аналогий с современностью!

Обычно в соответствующих выражениях в трагедии «Молящие» видят, сообразно непосредственному содержанию пьесы, намек на трупы афинян, погибших у Делии в 424 г., которые беотийцы, вопреки международному праву того времени, отказывались выдать афинянам. Такой намек в «Молящих», несомненно, содержится, но этот изолированный эпизод не объясняет того ударения, которое на протяжении всей пьесы делается на «защите молящих». Для «Гераклидов» же это объяснение уже абсолютно не годится: здесь нет ни малейших намеков на битву при Делии, и эта трагедия была, скорее всего, поставлена за короткое время до этой битвы.

Всякий непредубежденный исследователь, желающий ответить на этот вопрос, не может не вспомнить, что *ξένοι* —это обычное в Афинах название членов Афинского морского союза¹ и что непосредственным поводом для Архидамовой войны было предъявленное афинянам пелопоннесцами требование распустить Афинский морской союз, т. е., говоря юридическим языком, отказать афинским *ξένοι* в постоянной и организованной военной защите. Если после Шмидта², поскольку мне известно, никто не давал этого прямо напрашивающегося объяснения мотива «защиты молящих» в «Гераклидах», «Молящих» и позже в «Андромахе», то причина этого тот предвзятый, официально-спартанский взгляд на Афинский морской союз, которого придерживается наш основной осведомитель—Фукидид³ (и якобы Аристофан, как его обычно толкуют): с этой точки зрения Афинский союз—это чистейшей воды деспотизм и тирания, аппарат для выжимания соков из союзников; союзники только о том и думают, как бы сбросить афинское иго; спартанцы—это великодушные спасители, стремящиеся освободить союзников от афинского «рабства», и требование спартанцев «распустить» (*ἀφεῖναι*) Афинский морской союз было продиктовано этими гуманными соображениями⁴. Но даже в том случае, если бы политика Афин по отношению к союзникам и была сплошной политикой

¹ См. например, „Ахарияне“, 503, 505, 635, 1197 и др.

² G. Schmidt, *Qua ratione Euripides res sua aetate gestas adhibuerit in Herac-
lidis potissimum quaeritur*, Diss., Halle, 1881.

³ Впрочем Эд. Мейер («Forsch.», II, стр. 399 сл.) полагал, что даже Фукидид считал Афинский союз выгодным для союзников: «Der Überzeugung, dass die Herrschaft der Athener über die Bundesgenossen gerecht ausgeübt wurde und ihnen weit mehr Vorteil als Nachteil brachte, die Athen deshalb gemachten Vorwürfe also unbegründet seien, gibt Thukydides Ausdruck». Это несомненно преувеличено, см. Н. Ронде, ук. соч., стр. 28.

⁴ Однако см. прекрасную работу F. M. Cornford «Thucydides Mythistoricus» (Lond., 1903, стр. 6—7): «Для малых государств «свобода», в сущности, сводится к автономии. Афинские союзники, до того как они восставали, пользовались весьма широким самоуправлением. Афиняне мирились с господством землевладельческой олигархии на Самосе до восстания 440 г.; в Митиле до восстания 428 г. была у власти умеренная олигархия... Спартанская олигархия удерживала у власти олигархию, но только в Пелопоннесе; что касается остальной Эллады, то спартанцев никак нельзя обвинять в том, чтобы они были бескорыстными миссионерами аристократических идеалов».

эксплуатации и угнетения, было бы естественно, чтобы сами афиняне (и выражающий их взгляды Еврипид) стремились изобразить ее в выгодном для них свете. Поэтому уже Шмидт правильно истолковал эти места как ответ Еврипида на обвинение Афин в эксплуатации союзников (стр. 14 сл): «Adversus eos igitur, qui Atheniensibus obiciebant, quod libertatem Graecorum opprimerent, Euripides illud praedicandum esse putavit, ipsos Athenienses minores civitates contra maiores defendere solitos esse». И на стр. 57: «Quae sententiae omnes eo redeunt, ut libera Atheniensium civitas, quae benigne peregrinos ac socios tueatur, praedicetur».

Но так ли уж справедливо это обвинение? Действительно ли афинские демократы были в этом отношении хуже своих противников? Фукидид, действительно, выдвигает такое обвинение (II, 8): «Симпатии людей были в гораздо большей мере на стороне лакедемонян,—прежде всего потому, что они обещали освободить Элладу... Большая часть греков крайне ненавидела афинян: одни хотели освободиться от их господства, другие боялись, как бы афиняне не подчинили их себе». Ниже (стр. 18 и сл.) мы увидим, однако, что Фукидид (устами олигарха Фриниха) обвиняет в этой эксплуатации не правящую в Афинах демократию, а афинян вообще, и даже афинских олигархов прежде всего. Отметим также, что при всем своем беспристрастии, Фукидид не мог не быть инстинктивно настроен против Афин, изгнавших его; под «людьми» (οἱ ἄνθρωποι) и большинством (οἱ πλείους) он подразумевает, несомненно, не широкие народные массы, а тех καλοὶ καγαθοί, «богатых джентльменов», в кругу которых он вращался во время изгнания. Что же касается Аристофана, то он сочувствует союзникам только как одной из групп, эксплуатируемых афинскими демагогами (а не Афинами в целом!). Ни в одной из дошедших до нас комедий, поставленных ранее 411 г., не осуждается самая система управления союзниками; говорится только о злоупотреблениях и взятках афинских демагогов, сикофантов и чиновников, от которых в равной мере страдают и афинские граждане¹. Наиболее известно замечание в «Осах» (ст. 656 сл.), но и здесь речь идет не о том, что взимание фороса несправедливо, а лишь о том, что этот форос вместо того, чтобы быть распределенным между афинскими гражданами, попадает в карманы демагогов²; взамен существующей системы он вносит «демократический» проект, чтобы каждый из 1000 союзных городов взял на прокормление 20 афинских граждан,—тогда все неимущие афиняне будут жить в роскоши («Vesp.», 688). Разумеется, этот план—шуточный, но он показывает, что существование и в будущем Афинского морского союза, основанного на эксплуатации союзников, казалось Аристофану чем-то самым собою подразумевающимся³; мечтая о сказочном будущем, Аристофан хочет видеть Афины «владыкой Эллады», «царем эллинов». Своей заслугой по отношению к союзникам он считает, кроме борьбы с злоупотреблениями должностных лиц и демагогов, лишь некоторое смягчение приемов управления союзниками⁴.

¹ В «Лисистрате» (411 г.) Аристофан выступает с предложением уравнивать союзников и метэков в правах с афинскими гражданами (ст. 586 сл.), а никак не распустить Афинский союз. См. Н. Rohde, ук. соч., стр. 25.

² «Eq.», 801, 834, 838, 932, 996, 1030, 1408; «Vesp.», 665, 669, 924; «Nub.», 211; «Av.», 1025, 1422 сл.; 1954 сл.

³ Н. Rohde, ук. соч., стр. 24.

⁴ «Рак», 9: 5 сл: ὥς ἐς ἐσθλὸν... τοῖσι συμμάχοισι παύτεροι πόλεις. Ср. Рак, 759: ὅπερ ὁμῶν πολέμιον | ἀντιῶν ἀεὶ καὶ τῶν ἁλλῶν νῆσων. Поскольку речь здесь идет сразу и об афинянах и об островитянах, автор, очевидно, имеет здесь в виду борьбу с злоупотреблениями демагогов. В этом же, очевидно, состоит и смелая помощь союзникам, о которой Аристофан говорит («Ach.», 643): ὅστις παρεκινδύνευς εἰσπῆν ἐν Ἀθηναίοις τὰ δίκαια. Ср. «Eq.», 1349: ὃ τὰς ἱσραῖς φέγγος Ἀθηναῖς καὶ τὰς νῆσοις ἐπὶ κούρε.

Обычно Аристофан изображается адвокатом угнетенных союзников на основании недошедшей до нас комедии «Вавилоняне», поставленной на сцену в 426 г. Аристофан якобы изобразил здесь афинских союзников в виде клейменых рабов, работающих на мельнице афинского Демоса. Г. Норвуд¹ показал, что эта реконструкция произвольна и неправильна. Как можно видеть из «Ахарнийн» (ст. 377 сл.), Клеон обвинял Аристофана в том, что он в «Вавилонянах» поносил афинские власти в присутствии союзников и тем подрывал их авторитет, а не в том, что он говорил об эксплуатации союзников. Это подтверждается и схолией². В парабазе, перечисляя свои заслуги перед афинским народом и требуя присуждения себе победы на состязании, Аристофан говорит, что заслужил ее, τοὺς δῆμονες ἐν ταῖς πόλεσιν δειῖας ὡς δῆμον· χρεῖται (показав, каков демократический режим в союзных городах») (ст. 642)³.

Если бы речь здесь шла о борьбе с эксплуатацией союзников афинским народом, то Аристофан не мог бы говорить об этом, как о выдающейся заслуге перед афинским народом; поэтому схолиаст, очевидно, правильно интерпретирует это место так: «Показав наш государственный строй союзным городам, т. е., научив союзников, как надо организовать демократическое управление, он сделал их расположенными к вам». Более того, Аристофан не только не выступает здесь адвокатом союзников, но выставляет своей особенной заслугой, что он научил афинян не поддаваться лживым словам этих же союзников и не позволять им себя обманывать (стр. 635: πύσας ἡμᾶς ἐνικεῖσι λόγοις μὴ λίαν ἐξαπατᾶσθαι, μὴδ' ἡδιστα θωπευόμενος) и не идти на уступки им (ст. 671) в благодарность за дешевые комплименты.

В тех же «Осах» Аристофан подчеркивает, что взыскание форо́са с союзников вполне правомерно. Уже Геродот (VI, 42) замечал, что форо́с, взимаемый афинянами с союзников, есть та же дань (и притом в том же размере), которую они прежде платили персам; совершенно в том же духе Аристофан в «Осах» гордо заявляет от имени «марафонских бойцов»:

Ст. 1098:

*Так отняли мы у мидян
Много городов богатых,
В нас причила, что в Афины
Поступает форо́с, — тот, что
Эти молодцы крадут...*

К этому схолиаст делает правильное замечание: «Повидимому, те города афинян, которые (прежде) были под властью персов».

Точно так же и в ст. 711 той же комедии Аристофан заявляет, что от союзников афиняне «получают выгоды, достойные их земли и марафонского трофея». Роде (ук. соч., стр. 24) справедливо замечает по этому поводу: «(Aristophanem) putasse (Athenienses) et ius habere civitatibus imperandi et, cum Persas vicissent, iure a sociis munera expetere posse».

¹ G. Norwood, The «Babylonians» of Aristophanes, «Classical Philology», 25, (1930), стр. 1 сл.

² ἐκωμωδῶντες γὰρ τὰς τὰ κληρωτάς καὶ χειροτονητάς ἀρχάς καὶ Κλέωνα παρόντων τῶν ἐόντων... εἰς ὅσον τοῦ δήμου καὶ τῆς βουλῆς τούτοι πεπαιχημένοι...

³ Правда, при появлении на сцене клейменных вавилонских рабов кто-то из действующих лиц замечал: Σχιδίω ὁ δῆμός ἐστιν ὡς πολυκλήμντος, что, повидимому, означает: «Да, это же самосский народ — на нем так много клейм!» Возможно, что здесь имеется в виду заклеивание самосцев, произведенное афинянами в 440 г. (Plut., Pericl., 26; Phot., р. 498, 15; Suid., s. v. Σχιδίω: Aelian, V. H., II, 9). Если это даже так, то здесь Аристофан осуждал случаи бесчеловечного обращения с восставшими союзниками, а не легальную эксплуатацию союзников в силу устава союза.

Если принять во внимание эти места, то нельзя не признать остроумной догадку Норвуда, по которой содержание «Вавилонян» имело сходство с сюжетом аврипидовых «Вакханок»: Дионис прибывал в Афины со свитой варваров-вавилонян; афинские демагоги и сикофанты тащили Диониса в суд и требовали с него взятку (Athen., XI, p. 494), а его свиту отправляли клейменными рабами на мельницу, но Дионису удавалось одержать верх. Эти вавилоняне ничего общего с афинскими союзниками не имели. Норвуд приходит даже к выводу: «Мы не имеем решительно никаких свидетельств, чтобы Аристофан выступал когда-либо в роли адвоката союзников» (стр. 10).

Целью Афинского морского союза была первоначально совместная защита от персов. По Каллиеву миру 448 г., афиняне признали персидский суверенитет над малоазиатскими греками при условии их автономии и пребывания в Афинском союзе¹. Теперь тем общим врагом, с которым должны были бороться военные силы союза, стал Пелопоннесский союз, возглавляемый Спартой, и примыкающие к нему реакционные элементы в других эллинских городах. В союзных с Афинами городах, особенно в наиболее крупных, действительно существовала сильная партия, стремившаяся к полной независимости, т. е. фактически к вхождению полностью в сферу персидского экономического влияния, но о сближении с Пелопоннесским союзом и примыкавшими к нему реакционными группами могли мечтать только небольшие группы богачей и аристократов.

Автор псевдоксенофоновой «Афинской политики» (I, 14; III, 10) справедливо замечает, что беднота в союзных городах всецело сочувствует афинской демократии: «Что касается союзников..., то афиняне... простых людей здесь поддерживают... Простые люди в каждом государстве сочувствуют демократии,—и понятно: подобный подобному всегда друг». О том же свидетельствует у Фукидида противник Клеона Диодот (III, 47, I), которого никак нельзя обвинить в пристрастии к радикальным демократам: «Теперь народ (ὁ ἄλλος) во всех (союзных) городах сочувствует вам (афинскому народу): либо он отказывается восставать вместе с олигархами (τοῖς ὀλιγοῖς), либо, если его заставят сделать это, уже через короткое время становится врагом тех, которые принудили его принять участие в восстании. Начиная военные действия, вы имеете союзником народные массы во враждебных вам городах». Даже реакционный афинский оратор Антифонт считает необходимым заявить, что восстание митиленян против афинян было величайшим несчастьем для всего митиленского народа, что митиленский народ ненавидит не афинян, а афинских сикофантов (Antiph., De caede Herod., 79).

Спартанское требование «освободить союзников из союза и сделать их автономными» (ἀφεῖναι αὐτονόμους) было чистейшим ханжеством: фактически имелось в виду подчинить эти города и безжалостно эксплуатировать здесь народные массы. Это обнаружилось наглядно после 404 г., но уже и ранее это было понятно всякому искушенному в политике человеку, как мы видим из речи олигарха Фриниха у Фукидида (VIII, 48, 6): «Союзники уверены, что так называемые *халоὶ καὶ ἀδοὶ* (аристократические элементы) доставят им не меньше неприятностей, чем демократы, так как именно они советуют народу и приводят в исполнение те крутые меры, из которых пользу извлекают главным образом они для себя. Быть под властью таких людей означало бы для союзников подвергаться без суда насилиям и казням, тогда как демократия служит убежи-

¹ См. Н. Т. Wade-Gery, The Peace of Kallias, «Athenian Studies presented to W. S. Ferguson», в «Harvard Studies in Classical Philology», Suppl.-Vol. I, Cambr., 1940, стр. 121.

щем для них и уздой для олигархов. Он, Фриних, наверное знает, что αἱ πόλεις (союзные государства), умудренные самым опытом, думают именно таким образом».

Эти слова главного вождя лаконофильской группировки олигархов чрезвычайно показательны¹. Олигархи, т. е. землевладельческие и ростовщические круги (как и их покровители спартанцы), из демагогических соображений без устали кричавшие о жестокой эксплуатации союзников афинской демократией, о необходимости распустить союз и вернуть союзникам независимость, фактически, как ростовщики и откупщики, были больше других заинтересованы в этой эксплуатации, вдохновляли и организовывали ее. Они кричали о казнях и насилиях, но за кулисами сами толкали народ на эти меры.

Правда, в ряде вопросов они могли без ущерба для своего кошелька выступать против колонизационной политики афинского демоса. Запрещение вывоза хлеба и ряда других товаров куда бы то ни было, кроме Афин, торговые пошлины, обязанность союзников являться по ряду дел в Афины и т. д.—все это было, конечно, в высшей степени выгодно торговым конкурентам зажиточных горожан из числа союзников—афинским торговцам и ремесленникам. Форос был выгоден отчасти афинской бедноте, отчасти этим торговцам и ремесленникам,—не только потому, что он ослаблял их конкурентов, но и потому, что, как справедливо замечал Аристофан, только часть фороса шла на дивты; немалая его доля перепадала в карманы народных вождей, принадлежавших к торгово-ремесленным группам.

Землевладельческо-аристократическая олигархия не была заинтересована во всех этих мерах, даже наоборот: ввоз хлеба из-за границы обесценивал хлеб, родившийся на их полях; поэтому они могли без вреда для своего кармана в демагогических целях агитировать против этих мер.

Но это не означает, что они и вообще не были заинтересованы в беспощадной эксплуатации союзников, в эксплуатации другими путями. Каковы же эти пути? В этом отношении интересно следующее: в договоре Афин с Халкидой, заключенном в 446 г.², мы читаем: «Иностранцы, поселившиеся в Халкиде, должны платить здесь подати наравне с халкидцами, за исключением тех, которые платят налоги в афинскую казну или освобождены от податей афинским народным собранием», т. е. за исключением афинских граждан и метэков.

Сопоставим с этим тот факт, что процессы между афинянами и жителями союзных городов, несомненно, разбирали афинские суды и афинские должностные лица, склонные более благоприятствовать афинянам, чем их союзникам. Этот факт устанавливается на основании ряда источников. У Фукидида (I, 77, 1) в месте, совершенно ясном и без всяких причин перетолковывавшемся вкривь и вкось, читаем: «Мы (афиняне), (постоянно) оказываясь в невыгодном положении в судах по контрактам с союзниками, организовали суды в нашем собственном городе на началах равенства сторон; за это мы получили репутацию кляузников. Но при этом никто из хулителей не обращает внимания на то, что другие, имеющие подвластные области в других местах, не проявили к подвластным городам такой уме-

¹ Они подтверждаются и свидетельством того же Фукидида (VIII, 64, 2): фессосские олигархи меньше всего желали подчиняться афинской аристократии.

² SIG³, 64: τὸς δὲ χεῖνος τὸς ἐν Χαλκίδι, ὅσοι οἰκόντες μὲ τελέουσιν Ἀθηνᾶς, καὶ εἰ τοι δέδοται ἡμῶ τὸ δέμο τὸ Ἀθηνᾶς ἀτέλεια, τὸς δὲ ἄλλος τελέν ἐς Χαλκίδα, καθάπερ οἱ ἄλλοι Χαλκιδῆες... В своей (ненапечатанной еще) работе «Писистрат и его эпоха» я, на основании ряда параллельных примеров, показал, что ὅσοι μὴ... τοὺς δὲ ἄλλους...—то же, что πάντας, πλὴν τούτων, ὅσοι... Ср. Hiller von Gaertringen, ad loc.: «praeter eos, qui Atheniensium civitati vectigales sint et eos, quibus a populo Atheniensium immunitas decreta sit»; Ed. Meyer, Forschungen zur alten Geschichte, II, 141.

ренности, как мы, и тем не менее не подвергаются поношению за это»¹.

Это равенство сторон перед законом в Афинах (ἐν ταῖς ὁμοίαις νόμοις) состояло в том, что судящиеся иностранцы не должны были платить особых пошлин и иметь поручителя из афинян² и что они судились на основании одних и тех же афинских законов; однако мы вправе предполагать, что в смысле тяжести наказания между афинянами и их союзниками тем не менее проводилась дискриминация. Это видно из того, что лица, нарушающие права «проксонов и эвергетов», получавших в виде особой привилегии уравнивание в правах с афинянами, подвергались такому же наказанию, как если бы они нарушили права афинян: «Если кто-либо у[бьет либо такого-то проксена, либо кого-либо из] его детей [в одном из (союзнических) городов или на территории], которой владеют афиняне, [то виновного надо наказать, взыскав по] пять талантов [за каждого, как если бы был убит] кто-либо из афинян» (IG I², 28; раньше 446 г.); «Если кто-нибудь убьет Леонида (из Галикарнасса) в одном из городов, которыми владеют афиняне, то виновного надо наказать, как за убийство кого-либо из афинян» (IG I², 56; около 430 г.); «Если кто-нибудь кого-нибудь из них разбойно убьет или лишит свободы или [уведет в рабство, то виновного надо] наказать так, как это установлено [за преступление против афинян] и [если они потерпят какой-либо ущерб, то виновный] должен уплатить штраф в размере двойного убытка» (IG I², 154).

Этот колоссальный и разорительный штраф в пять талантов, быть может, имевший прежде всего в виду террористические акты против афинских переселенцев, взимался с чрезвычайной ригоричностью и жестокостью. Интересную сатиру на это установление представляет ст. 169 сл. «Мира» Аристофана. Летя верхом на навозном жуке, Тригей замечает какого-то человека, отправляющего естественную потребность в Пирее, и боится, как бы жук, привлеченный запахом, не устремился вниз, — тогда при падении Тригей разобьется вдребезги. «Если я погибну упав, — говорит Тригей этому человеку, — то за мою смерть Хиосское государство заплатит из-за тебя пять талантов». В Афинах существовала пословица: Χῖος ἦν ὁ ἀποπύτων («Chios erat qui casabat»); итак, Тригей окажется разбившимся по вине неизвестного хиосца, и, следовательно, все Хиосское государство должно будет заплатить штраф в пять талантов! Как поясняет схолиаст, «Афиняне занимались сикофантством и накладывали штрафы, ссылаясь на то, что, мол, «Χῖος ἦν ὁ ἀποπύτων»... или, вернее, из подозрения, что они хотят отложиться от афинян».

Так как это право «получать с правонарушителя возмездие, как афиняне», для не-афинян являлось особой п р и в и л е г и е й, то, очевидно, наказание за преступления против жителей союзных городов были в принципе меньше, чем за преступления против афинян. Но если даже допустить, что по гражданским искам жители союзных городов судились с афинянами на основании одних и тех же законов, то это не предохраняло союзников от пристрастных решений афинских судей в пользу своих сограждан.

Итак, до некоторого не известного нам времени, в ту эпоху, когда Делосский союз приближался еще к типу союза равноправных государств, для тяжб между афинянами и их союзниками был также в силе общий прин-

¹ См. Busolt-Swoboda, Griechische Staatskunde, II, 1926, стр. 1244: «Афиняне... принуждены были (на первых порах) обращаться к суду государства, членов союза... Но так как они при этом часто оказывались в невыгодном положении, то они допустили исключение из этого правила для тех случаев, когда одной из тяжущихся сторон были афиняне...» Литература по вопросу о толковании этого места Фукидида там же, стр. 1244, прим. 3.

² Ср. Arist., Polit., I, 3, p. 1275 a.

цип, по которому местом судопроизводства по искам является место жительства ответчика¹. Но, так как приговоры оказывались убыточными для афинян, за местными судами было оставлено судопроизводство только по делам, в которых тяжущимися не были афиняне, а все процессы, в которых одной из сторон были афиняне, должны были разбираться (на основании норм, содержащихся в договорах с этими городами) в афинских судах. Такое положение вещей имело место уже в 465—450 гг., как можно заключить из афинского постановления о Фаселисе², при правильном восстановлении его текста³: «Леонт сказал: пусть будет принято постановление относительно фаселитов, что, если контракт заключен между афинянином и кем-либо из фаселитов, то процесс должен иметь место в Афинах под председательством полемарха, как (в процессах) с хиосцами (см. выше) и больше нигде, а для прочих (контрагентов) суд должен происходить согласно существующим конвенциям с фаселитами».

Действительно, из свидетельства Псевдоксенофонта в «Афинской политии» I, 16 также ясно, что союзники должны были являться на суд в Афины не только по политическим делам, но и по частноправным искам. Здесь сказано: «Афиняне заставляют союзников плыть на суд в Афины... прежде всего потому, что из судебных пошлин (πρῆταυεῖς) они получают плату в течение целого года». Так как πρῆταυεῖς вносились только по частноправным искам⁴, то здесь, несомненно, имеются в виду гражданские дела. С этим можно сопоставить фрагментарную милетскую надпись IG I² 22, из которой, повидимому, можно заключить, что разбору в Афинах подлежали иски на сумму выше 100 драм, т. е. как раз иски, по которым было установлено взыскание πρῆταυεῖς⁵.

В этой надписи устанавливались правила для процессов между афинянами и милетцами; эти процессы должны были разбираться в Афинах под председательством полемарха (см. предыдущее примечание).

Другая надпись, середины V в. из Эрифр (IG I², 11), также специально посвящена вопросу о процессах между эрифрейцами и афинянами. В стр. 10 говорилось об «[афинянах и эрифрейцах]»; в стр. 11/12: «[Если афинянин судится с эрифрейцем]»; в стр. 13 «эрифреец с [афинянином]»; стр. 14: «судить, пусть внесет»; стр. 15: πρῆταυεῖς и т. д.

И в других надписях начиная с 460—450 гг. проводится резкая граница между процессами, в которых обе тяжущиеся стороны—жители одного

¹ См. Busolt-Swoboda, Griechische Staatskunde, с ссылкой на договор между Эфесом и Сардами (OGIS, 437, строка 58), согласно которому истец должен δικάζεσθαι ἐν τῇ τοῦ ἀδικοῦντος πόλει.

² IG I, 16, Tod, № 32; относительно датировки см. A. Wilhelm, y Busolt-Swoboda, ук. соч., II, стр. 1338; прим. 4 на стр. 1339.

³ Стр. 5 сл. я читаю: δει, ἀρ μὲ[ν] Ἀθ[ηναῖοι] ἐ[ν] πόλει μὲ[ν] λειον γέννηται [πρὸς Φ]ασηλί[ων] τινι, Ἀθ[ηναῖοι] τὴν τῆς δίκης γίνεσθαι παρ[ὰ] τῷ πε[ρὶ] λειον, καθὼς Χίσις, καὶ ἄλλοι μὴ δὲ τῷ ἐν πόλει ἀλλὰ ἐν πόλει ἐμμελῶν κατ[ὰ] τῆς δίκης ἐ[ν] πόλει λειον (resp. δίκην) γίνεσθαι τινος πρὸς τινι обеспечена соотв. род. падежом τῷ[ν] во второй части. До сих пор все издатели дополняли: ἀρ μὲ[ν] Ἀθ[ηναῖοι], в результате чего получалась нелепая и беспрецедентная дискриминация: кто бы ни были тяжущиеся, если договор заключен в Афинах, его судят афинские суды (а если не в Афинах, очевидно, не афинские!)—правило крайне невыгодное для афинян, живущих в Фаселисе, и к тому же противоречащее и общему принципу античного права, по которому, как мы видели, δεῖ τὸν ἀδικοῦντον δικάζεσθαι ἐν τῇ τοῦ ἀδικοῦντος πόλει. При моем дополнении эта нелепость устраняется.

⁴ Стр. 31: τῆς δὲ δίκης ἐν Μιλήσις κατ[ὰ] Ἀθηνῶν... δραχμὰς... τὰ [δ]ὲ πρῶταυεῖς τιθέντων πρὸς [τὸν] πολέμαρχον... hxi] δὲ δίκην Ἀθηνῶν ὄντων... стр. 48: τὰς δὲ ὑπερ ἡξακ[ο]ν[τ] δραχμὰς. Ср. Pollux, VIII, 38: καὶ οἱ μὲν ἀπὸ ἐκατὸν δραχμῶν ἄχρι γυλίων δικάζονται πρὸς δραχμὰς κατ[ὰ] τὸν νόμον, οἱ δὲ ἀπὸ γυλίων τριάκοντα. Очевидно, по искам на сумму менее 100 драм πρῶταυεῖς совсем не взыскивались.

⁵ Pollux, VIII, 38; Meier-Schömann-Lipsius, Der Attische Prozess, 809.

города, и такими, в которых одна из тяжущихся сторон—афинянин. Здесь, правда, речь идет по общей связи о политических и уголовных процессах, но нет никакого основания думать, чтобы в гражданских процессах дело обстояло иначе.

Так, в утраченном, известном нам только в очень плохой копии Фовеля, афинском постановлении об Эрифрах 465—455 гг. (IG I², 10), если отвлечься от безнадежно искаженных Фовелем мест и произвольных и субъективных конъектур нынешних ученых, резко противопоставляются обе группы процессов: «Если какой-либо эрифреец убьет другого эрифрейца, его судит местный суд...» Ниже: «И если ... из находящихся в городе афинян...», «Находящегося в Эрифрах ...», «Против афинянина ...»¹.

Такое же противопоставление двух указанных категорий налицо и в халкидской надписи, о которой мы говорили уже выше.

В этом договоре с Халкидой предусматривается, что афинские должностные лица не могут без судебной процедуры или особого постановления афинского народного собрания приговаривать халкидцев к изгнанию, заключению, лишению гражданских прав, смертной казни и конфискации всего имущества² и что процессы халкидцев против халкидцев же должны разбираться халкидскими судами³; отсюда ясно, что по искам афинян к халкидцам, по которым было установлено наказание меньшее, чем изгнание, конфискация имущества и т. д., приговоры выносили афинские суды или должностные лица⁴.

Не менее поучительны в этом отношении и формулы афинских декретов о проксении V в. «Проксены и эвергеты» обычно получают все права афинских граждан, исключая политические (т. е. кроме права быть членом совета, народного собрания или суда и занимать государственные должности). В числе этих прав упоминается и право судиться в Афинах (у полемарха), причем никакие другие суды, кроме афинских, не могут наказывать этих людей. Эти права являются особой привилегией «проксенов и эвергетов», получивших не полные гражданские права; следовательно, полноправные афинские граждане во всяком случае подлежали юрисдикции только афинских судов⁵.

Итак, вряд ли может быть сомнение в том, что афинянам при всякого рода тяжбах с союзниками представлялось право и привилегия судиться в Афинах, тогда как союзники этого права, за отдельными исключениями, не имели.

¹ Стр. 28: ἐν δὲ τῇ ἀποκ(ε)ίνῃν [Ἐριφρ] εἰς ἑτέρων Ἐριφρ[αίων]... Стр. 37: καὶ [ἐν... τῶν] ἐνόντων Ἀθηναίων... Стр. 38: τῷ Ἐριφρᾷσι... Стр. 39: πρὸς Ἀθηναίων. Так как Фовель постоянно смешивает Т с Υ, и О с Θ, то я в случае такого смешения довольствуюсь точкой под соответствующей восстановленной буквой. В других случаях я пишу снизу букву, данную в копии Фовеля, а над ней принимаемое исправление.

В стр. 37 обычно читают: καὶ [ἐάν τις ἡλθὼι τὸν δ]᾽ ἐνόν τὸν Ἀθηναίων [ἢ τὸν φρ]οκίαις σεν [ἔστω] [[.υθ]] Ἐριφρᾷσι, но полная произвольность такого дополнения очевидна. Τῶν ἐνόντων Ἀθηνίων, читаемое у Фовеля, вполне правильное и уместное выражение, ср., например, Xen., «Hell.», III, 1, 15: См. Passow, Handwörterbuch s. v. εἰ ἐνόντες «die in einem Orte (einer Stadt) sind, sich darin befinden».

² Там же, строка. 5: οὐκ εὐσεβὲς Χалкиδέας εἶναι Χалκιδέας... οὐδὲ ἰδιόταν οὐδένα ἀτιμῶσαι οὐδὲ φυγεῖν ζημιῶσαι οὐδὲ ὑπολέσσειν οὐδὲ ἀποκτενεῖν οὐδὲ ὑρέματα ἀφ' ἑσέων ἀκρίτως οὐδὲνός ἀνεῖν το δέμο τῷ Ἀθηνίων. Ὑρέματα ἀκρίτως εἶναι может означать только «конфискация имущества», а никак не «вызыскание долга по обязательству» или «штраф».

³ Там же, стр. 70: τὰς δὲ εὐθύναις Χалκιδέων κατὰ σφῶν αὐτῶν ἐναι ἐν Χалκίδι καθάπερ Ἀθηνᾶσιν Ἀθηναίοις. Hiller von Gaertringen: «(εὐθύναις)... poenas... ut εὐθύναι, punire».

⁴ Lipsius («Der attische Prozess», стр. 1004, прим. 663) напрасно возражает против этого правильного вывода Шталя (Stahl, De sociorum Atheniensium iudiciis, Münster, 1881).

⁵ IG I², 152, стр. 4—6; 453, стр. 5: IG, I², 28 (ранее 446 г.), стр. 3; IG I² 59 (ок. 427/6 г.).

Разумеется, не во всех случаях жителям союзных городов, имевшим контракты с афинянами, приходилось ездить на суд в Афины. Можно думать, что процессы по искам на сумму ниже 100 драхм и процессы по $\sigma\upsilon\gamma\gamma\rho\alpha\phi\acute{\iota}$, т. е. по так называемым экзекутивным контрактам или бесспорным искам, имеющим силу исполнительного листа и подлежащим административному взысканию без суда¹, разбирались на местах. Но кто разбирал эти процессы или руководил соответствующими судебными коллегиями? В «Птицах» Аристофана выведен афинский $\acute{\epsilon}\pi\acute{\iota}\sigma\kappa\omicron\pi\omicron\varsigma$, выбранный по жребию ($\tau\tilde{\omega}$ $\kappa\omicron\acute{\alpha}\rho\phi$ $\lambda\chi\acute{\omega}\nu$) для надзора над союзным городом (ст. 1021 сл.). Он несет с собой два баллотировочных ящика ($\tau\tilde{\omega}$ $\kappa\acute{\alpha}\delta\omega$), откуда ясно, что его главная цель — руководство судебными процессами². Эти «епископы» упомянуты в ряде надписей, причем обычно они называются просто «должностные лица» ($\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma$)³. Эти должностные лица, как и афинские суды, должны были руководствоваться особыми «конвенциями» ($\sigma\omicron\mu\beta\omicron\lambda\alpha\acute{\iota}$ или $\sigma\omicron\mu\beta\omicron\lambda\omicron\iota$). Так, в надписи из Митилены, вырезанной в 427 г., после усмирения восстания, читаем: «Они судятся в качестве истцов и ответчиков с афинянами, согласно конвенциям, заключенным с митиленцами»⁴.

Эти «конвенции» мы уже встретили выше, в договоре с фаселитами. Несомненно, при всей их сравнительной гуманности (они запрещали лишение свободы и заключение в тюрьму за долги⁵ свободных граждан союзных городов) эти конвенции фактически оставляли судьям необходимые лазейки для того, чтобы выносить приговоры, выгодные для афинян, и потому были, как свидетельствовал Аристотель, очень тягостными для союзников⁶.

Если афинские «епископы» несли баллотировочные ящики ($\tau\tilde{\omega}$ $\kappa\acute{\alpha}\delta\omega$), то, очевидно, они председательствовали в каких-то голосующих коллегиях. Что же это за коллегии? Поскольку в них председательствовали афинские должностные лица, очевидно, здесь разбирались дела, в которых одной из сторон были афиняне; в этом случае эти коллегии могли состоять либо из местных жителей и афинян, либо только из афинян. Вероятнее мне кажется второе, — в этом случае такие коллегии состояли бы из афинских клеруков, поселенных на территории самого города. В пользу такого предположения говорят шуточные фантазии, содержащиеся в аристофановых «Всадниках» (798, 1089): афинскому народу обещают, что, когда к Афинскому союзу будут присоединены Аркадия и Экбатаны, он будет там заседать в качестве гелиаста, получая пять оболлов платы в день и лакомясь пряниками.

Самое выявление процессов, подлежащих суду в Афинах, и установление юрисдикции, как можно судить по дошедшим до нас разрозненным свидетельствам, было делом деликатным и сложным, «кляузные» афиняне посылали для этой цели особых должностных лиц — «разъездных островных судебных приглашателей» ($\kappa\lambda\eta\tau\tilde{\iota}\gamma\mu\alpha\varsigma$ $\nu\eta\tau\iota\omega\tau\iota\kappa\omicron\upsilon\varsigma$, Aristoph., Av. 1422). Понятно, что на эту работу шли обычно профессиональные донос-

¹ См., например, Demosth., c. Lacritem, 12, § 4: $\acute{\epsilon}\alpha\nu$ $\delta\epsilon$ $\mu\eta$ $\acute{\alpha}\nu\theta\omega\omicron\iota\nu$... $\acute{\epsilon}\sigma\tau\omega$ η $\rho\alpha\iota\acute{\varsigma}$ $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\delta\iota\kappa\nu\acute{\iota}\sigma\tau\alpha\iota$... $\kappa\alpha\theta\acute{\alpha}\pi\epsilon\rho$ $\delta\acute{\iota}\kappa\eta\nu$ $\omega\phi\lambda\eta\kappa\acute{\omicron}\tau\omega\nu$ $\kappa\alpha\iota$ $\acute{\upsilon}\pi\epsilon\rho\eta\mu\acute{\epsilon}\rho\omega\nu$ $\acute{\omicron}\nu\tau\omega\nu$; Mitteis, Reichsrecht und Volksrecht, стр. 404.

² Так правильно Busolt-Swoboda, ук. соч., стр. 1355, прим. 4, см. Schol., in Arist. Aves, 1049: $\tau\tilde{\omega}\nu$... $\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha$, $\delta\iota\kappa\alpha\sigma\tau\acute{\eta}\nu$.

³ Примеры у Busolt-Swoboda, там же, стр. 1356, прим. 1, см. Aristoph., Av., 1049.

⁴ Tod 63 = IG I², 60 (это дополнение принято Диттенбергером и Кирхнером, SIG³, 76): $\delta\iota\kappa\alpha\varsigma$ $\delta\acute{\iota}\delta\omicron\nu$ [т.е.] $\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma$ 'Αθηνάϊος $\kappa\alpha\iota$ $\delta\epsilon\chi\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\tau\alpha\varsigma$ $\chi\upsilon\sigma\mu\beta\omicron\lambda\alpha\acute{\iota}\varsigma$, $\eta\alpha\iota$ $\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\nu$ [$\pi\rho\acute{\omicron}\varsigma$ Μυτιληναίους].

⁵ Andoc., in Alcib., 18, p. 121.

⁶ Lox. Seguer, 436, 1 = Hesych., s. v. $\acute{\alpha}\pi\omicron$ $\sigma\omicron\mu\beta\omicron\lambda\omega\nu$: $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\zeta\omicron\nu$ 'Αθηναῖοι $\acute{\alpha}\pi\omicron$ $\sigma\omicron\mu\beta\omicron\lambda\omega\nu$ $\tau\omicron\iota\varsigma$ $\acute{\upsilon}\pi\eta\kappa\omicron\upsilon\sigma\iota\varsigma$ $\kappa\alpha\iota$ $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron$ $\eta\nu$ $\chi\lambda\epsilon\sigma\pi\acute{\omicron}\nu$... $\acute{\omicron}\upsilon\tau\omega\varsigma$ 'Αριστοτέλης. Cp. Pollux, VIII, 62: $\acute{\alpha}\pi\omicron$ $\sigma\omicron\mu\beta\omicron\lambda\omega\nu$ $\delta\epsilon$... $\acute{\omicron}\tau\alpha$ $\omicron\acute{\iota}$ $\sigma\omicron\mu\mu\alpha\chi\omicron\iota$ $\acute{\epsilon}\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\zeta\omicron\nu\tau\omicron$.

чики, и сутяги, и взяточники (σοκοφάνται, «Av.», 1423; προήματοδής, 1424, σοκοφάνταις τοὺς ξένους, «Av.», 1431); повидимому, они получали определенный процент с суммы иска (ср. «Av.», 1429: καταπετωκὼς δίκας). Эти же клетеры исполняли обязанности судебных приставов, приводя в исполнение решения афинских судов. Это видно из того же места «Птиц» («Av.», 1455 сл.): молодой сикофант просит, чтобы ему дали крылья: тогда он сможет вызвать союзников на суд в Афины, затем быстро полететь в Афины; прежде, чем вызванные союзники прилетят, он уже добьется нужного приговора в афинском суде и, быстро прилетев назад в союзный город, произведет взыскание с имущества проигравшего тяжбу в то время, как тот будет еще только плыть на суд в Афины («Av.», 1459: ὁ μὲν πλεῖ δεύρο, σὺ δ' ἐκείσ' αὖ πέται ἀρκασόμενος τὰ χρέματ' αὐτοῦ).

Во всех этих местах употребляется термин δίκη, обозначающий обычно «гражданский судебный процесс» (в противоположность уголовному — ὕλη); поэтому, скорее всего, речь идет здесь о гражданских делах. Эти клетеры в течение лета объезжали подведомственный им район, неся всюду страх и угрозу разорения («Vesp.», 924: ἔστις περιπλεύσας... ἐν κύκλῳ ἐκ τῶν πύλων τὸ σκῆρον ἐξεδόχευ; «Av.», 1425: κύκλῳ περισβεῖν τὰς πύλεις καλούμενος).

Взыскание форо́са и других долгов афинскому государству афинские богачи и богачи союзных городов стремились, естественно, переложить на беднейших граждан, как наиболее беспомощных и безответственных. Этому содействовала сдача налогов на откуп. Из отрывков речи, произнесенной афинским оратором Антифонтом «О форо́се с самофракийцев» (Antiph., XV, fr. 49—54, Blass), мы узнаем, что на Самофраке долги государству отдавались на откуп особым должностным лицам — ἐκλεῖταις, которые выбирались из наиболее богатых местных граждан; однако из того факта, что дело разбиралось в афинском народном собрании, быть может, следует заключить, что во главе этих откупщиков стояли афиняне, делившие в данном случае доходами с наиболее богатыми из местных граждан¹. Имущество несостоятельных должников продавалось². Впрочем, общий ход мыслей в речи Антифонта нам не известен, и эти слова могли стоять в самом неожиданном контексте; дальше необоснованных предположений мы в этом случае, очевидно, идти не можем.

Итак, эти процессуальные формы давали афинским ростовщикам и откупщикам широкие возможности эксплуатации союзников — разумеется, им нетрудно было также подкупить «епископов» и других афинских чиновников, в руках которых находилось судопроизводство. Жадность, корыстолюбие и лихоимство этих чиновников, очевидно, были всем известны: когда в «Птицах» Аристофана (ст. 1021) афинский «епископ» появляется в Нефелококкигии, Писфетер встречает его словами: «Это что за Сарданапал»? Как поясняет схолиаст, лозунгом Сарданапала было: «Ешь, пей, развратничай, все остальное ничего не стоит»; «епископ» выходил на сцену надутый и разодетый в пух и в прах. Писфетер предлагает ему взятку, и «епископ» охотно ее берет.

В свете этих фактов получает новый интерес следующее сообщение.

Из анонимной биографии Фукидида (Vita Thuc., 7=Marcellin. vita, 24) мы узнаем, что Фукидид из Алопеки, вождь олигархов, которые, как сообщает Плутарх, громче всех кричали об эксплуатации союзников афиня-

¹ Fr. 52: ἐκλογεῖς οἱ ἐκλέγοντες καὶ εἰσπράττοντες τὰ δευόμενα τῷ δημοσίῳ. Ἀντιφῶν ἐν τῷ περὶ τοῦ Σαμοθράκων φόρου. «ῥέευσαν γὰρ ἐκλογῆς περ' ἡμῖν οἷς πλείστα ἐδόξα χρέματα εἶναι».

² Fr. 54: ἀποδιδόμενοι... ἀποδιδόντες... ἀποδιδόμεθα... ἀντὶ τοῦ πιπράσκμεν.

нами, во время своего остракизма (т. е. с 443 г.) поселился на Эгине (изгнанные остракизмом, как известно, сохраняли все права и привилегии афинских граждан!) и занимался здесь ростовщицеством; «он выбросил за долги всех эгинян из их домов и участков»¹.

Прибавим сюда еще интересное место из устава 2-го Афинского морского союза. Целью этого устава было, как известно, устранение несправедливостей по отношению к союзникам, имевших место в первом союзе. Содержащееся в этом уставе (стр. 15 и сл.) запрещение взимать форос, высылать клерухии и т. д. направлено против форм эксплуатации, выгодных для торгово-ремесленных групп и бедноты; но, кроме того, здесь содержится специальное запрещение: афиняне не могут давать жителям союзных городов деньги под залог имущества².

Из всех этих свидетельств мы вправе сделать вывод, что афинские (как, в соответствующих случаях, и пелопонесские) богачи эксплуатировали союзников теми же способами, как впоследствии римские оптиматы провинциалов: они либо сами поселялись в союзных городах, либо поселяли в них доверенных лиц, часто метэков³, и, пользуясь защитой афинских законов и афинского судебного аппарата, которому они были исключительно подсудны, вели здесь ростовщические операции хищнического характера, отдавая деньги в рост под залог недвижимости; конкуренция с ними была для местных ростовщиков затруднительна, так как не только сами эти афиняне, но и приехавшие сюда из Афин метэки освобождались здесь от налогов и обложений, падавших на местных жителей.

Есть основания предполагать, что афинская радикальная демократия, бывшая, как мы видели выше (стр. 18—19), по словам олигарха Фриниха, «прибежищем (κρηττόν) для союзных городов и уздой для олигархов», вела борьбу с этим видом эксплуатации союзников. При выводе в 428 г. клерухов в Митилену специально оговаривается, что в клерухии не могут принимать участия пентаксиомедимны и всадники, но участвуют метэки⁴. Если бы эта мера объяснялась просто стремлением уменьшить конкуренцию для бедных граждан, то непонятно было бы, почему в клерухии могли принимать участие метэки, а не могли пентаксиомедимны и всадники. Можно думать, что афинские богачи, если бы их не сдерживал публичный демократический аппарат, применяли бы эти насилия еще с большей жестокостью; еще большей эксплуатации подверглись бы жители этих городов, если бы они попали под власть наиболее циничных—спартанских—аристократов. Поэтому Фриних, как мы видели, и заявлял справедливо, что союзные города в целом (οἱ πόλεις—значит не только демократия в этих городах, но и зажиточные круги!) видели свое убежище и спасение в афинской демократии; этому научил их горький опыт.

Характерно, что и в «Гераклидах» хор афинских граждан сначала принимает аргосцев, прибывших с мольбой о помощи, за делегатов от союзников-островитян (ср. ст. 84: οἱ νηλώτην, ὧ ἔξοι, τρίβω βίον), пришедших с просьбой вынести справедливое решение по их внут-

¹ Κρηττόν(ισ)ον ἀναστάτους ἐποίησαν. Разумеется, источник этого сообщения имел в виду Фукидида из Алопеки, а не историка Фукидида; см. напр. Н. Т. Wade-Gery. JHS I II, 1932, 214, прим. 39.

² SIG³, 147, 36: μή ἐξείναι... Ἀθηναίων μηδὲν ἐγκτήσεσθαι ἐν ταῖς τῶν συμμάχων χώραις μήτε σίχην μήτε ὑφίσιν... ὁ ποθεμένην.

³ См. выше, стр. 19, а также Thuc. VII, 63, 3 (обращение Никия к афинским метэкам-морякам): τῆς ἀρχῆς τῆς ἡμετέρας ἐς... τὸ φοβερόν τοῖς ὑπηκόοις... μεταίχυστα. Ср. schol. ad loc.: τοὺς μεταίχους λέγει. Ср. Н. Kohde, ук. соч., стр. 19, прим. 1.

⁴ Thuc. III, 16, 1. Вспомним, что и в числе поселенцев в покоренной Халкиде, кроме афинян, упоминались и афинские метэки.

ренним делам (ст. 95: $\tau\acute{\iota}$ χρέος; ἢ λόγων πόλεως... μελέμενοι τυχεῖν)¹. Очевидно, такие делегации были обычным явлением в Афинах². В свете этих замечательных свидетельств, до сих пор вовсе не привлекавших историками, получают совершенно новый смысл приведенные места из разбираемых нами трагедий. Если даже олигарх Фриних принужден признать, что союзные города ($\alpha\acute{\iota}$ πόλεις) видят в афинской демократии прибрежище ($\kappa\alpha\tau\alpha\phi\upsilon\gamma\acute{\eta}$) для себя, то, очевидно, было не мало реальных случаев в течение Архидамовой войны, когда эти города прибежали ($\kappa\alpha\tau\epsilon\phi\upsilon\gamma\omicron\upsilon$) к афинянам с мольбой о помощи. Характерно, что у Эврипида мы находим тот же термин, что и у Фукидида: $\kappa\alpha\tau\alpha\phi\upsilon\gamma\acute{\eta}$ — «прибежище». См. «Молящие»:

Ст. 269:

*Прибежищем имеет зверь—скалу,
Раб—алтари богов, а город к городу
Припал, прося защиты в буре...*

Очевидно, с такими ξένοι $\iota\kappa\tau\eta\acute{\iota}\epsilon\varsigma$, о которых говорил Эврипид в «Гераклидах» и «Молящих», афинянам приходилось иметь дело в живой действительности. А если так, то становится понятным, какой отзвук должны были найти в сердцах зрителей следующие слова из «Гераклидов» Эврипида:

Ст. 329:

*Не в первый раз (ἀεί!) стоять земле афинской
За правду и несчастных; без числа
Она подъяла бед в борьбе за близких—
Такое ж сосязанье предстоит!*

или равнозначные им из «Молящих»:

Ст. 306:

*Когда б несчастных я
Обязан не был от обиды защититъ,
Мир, как и прежде, я глубокий бы хранил (ср. ст. 329, 381).*

Стремление удержать ξένοι в афинском союзе даже ценой войны со Спартой Эврипид (ст. 176 сл.) объясняет постоянным обычаем афинян ($\delta\pi\epsilon\rho$ φιλεῖτε δῶν) поддерживать слабых и обиженных против сильных угнетателей. Шмидт справедливо указывает, что здесь перед нами политический намек, выпадающий из контекста трагедии³.

Нам известно, что одним из требований спартанцев в начале Архидамовой войны было «отпустить на свободу» ($\alpha\phi\epsilon\iota\upsilon\alpha\iota$ ἐλευθέρους) афинских союзников. Это требование, несомненно, поддерживалось определенными группами аристократов и богатей в союзных с Афинами городах—вероятно, они посылали уже теперь, как позже в 412 г., соответственные делегации в Спарту, разумеется, тайные, иначе бы им не поздоровилось. До нас дошла надпись (IG, V, 1,1 = Tod, № 62), содержащая список пожертвований Спарте на ведение Пелопоннесской войны. Здесь имеется и ряд пожертвований от жителей городов, союзных с Афинами, но это все— «друзья», пожелавшие остаться неизвестными⁴.

¹ F i r n h a b e r, Commentatio de tempore quo Heraclidae etc., Progr., Wiesbaden, 1846, прим. 37: «an iudiciales urbis sententias appetentes?».

² См. G. S c h m i d t, ук. соч., стр. 21—22.

³ Ук. соч., стр. 11—12: Hic enim sententiam illam hac sola causa commotus poeta interposuit, ut se ipsum cives suos alloqui indicaret eorumque animos intenderet. Nam praeconem suas partes deponere, ut poetae consilium quoddam exprimat, nemo opinor non videbit... Nam primum Demophontis temporibus illud in universum dictum $\delta\pi\epsilon\rho$ φιλεῖτε δῶν minime accomodat est. Deinde ne praeconi quidem, qui regi persuadere vult, ut miseros Heraclidas deserat, convenit morem maiorum, qui contraria fecerunt, in memoriam revocare».

⁴ Стр. 9: [ἔδον τοῖς Δα]κκαδιμονί[ς...] ποττὸν πόλεμον... [Δακκαδιμονί[ς] τῶν Χίων φίλοι ποττὸν [πόλεμον]... στατήρας Αἰγινάιος...

После сказанного выше мы можем быть уверенными, что гораздо более многочисленные группы в этих городах посылали делегации в Афины, прося защитить их от непрощенных защитников их свободы; в «освобождении» они видели в ы д а ч у и х политическим врагам внутри государства и спартамцам.

Вот откуда этот постоянный мотив трагедий—требование спартамцев и их союзников в ы д а т ь молящих, нашедших убежище в Афинах; гордый отказ афинян исполнить этот надменный приказ пелопоннесцев, несомненно, отображает требование, предъявленное спартамцами афинянам перед войной—распустить Афинский морской союз. См., например, «Гераклиды»:
Ст. 262:

Д е м о ф о н т.

Но у себя дела решаю я!

К о п р е й.

Разумен будь! Микенцев не гневи!

Д е м о ф о н т.

Пусть лучше вас гневаю я, но не бога.

К о п р е й.

С Микенами войны вам не желаю!

Д е м о ф о н т.

Зачем война? Но не предам гостей!

«Молящие», Ст. 519

*Не знаю, то Креонт владыкой стал
Вдруг надо мной иль что настоль сильнее
Креонт меня, что мог бы он Афины
Принудить сделать это. Нет, скорее
Вверх реки потекут, чем град Афины
Других приказы станет исполнять.*

В свете этих фактов нам станет понятно, почему в течение 47 лет господства демократии в Афинах (460—413 гг.) было только два случая отделения от союза, и то только сильных аристократических государств: Самоса (440 г.) и Митилены (427 г.), тогда как за короткий промежуток аристократического правления Кимона (приблизительно 472—461 гг.) восстали Наксос (около 470 г.) и Фасос (465 г.). Неправильно было бы сказать, что демократические Афины не эксплуатировали союзников—как мы говорили уже, эта эксплуатация была довольно суровой. Но все же она обрушивалась главным образом на зажиточные круги союзных городов и была несравненно легче экономической эксплуатации аристократических ростовщиков и сборщиков налогов, своих и афинских. Едобавок она гарантировала союзникам регулярные торговые сношения по морю—в частности, снабжение хлебом—и предохраняла их и от экономической кабалы пелопоннесской аристократии и от пиратства.

Недаром, как сообщает Исократ (Ранег., 187), первым последствием распада Афинского союза было то, что Эгейское море оказалось во власти пиратов.

А. Ранович

ЗАВИСИМЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ

В буржуазной историографии стало общим местом рассматривать древневосточные общества, поскольку вообще им дается общая социально-политическая характеристика, как феодальные. Это объясняется тем, что буржуазные историки не видят основного факта—того, что общество есть совокупность производственных отношений; они поэтому не ищут ведущих форм этих отношений, не исследуют линии их исторического развития. Рассматривая типы общества лишь со стороны отдельных внешних признаков, без анализа их социально-экономической основы, они усматривают феодализм на древнем Востоке, капитализм в античности. Наиболее глубокий буржуазный социолог Макс Вебер находит в древности семь типов, или стадий, общества и государства, в которых причудливым образом сочетаются различные государственные формы и виды земельной собственности, первобытная община, феодализм, рабовладение, капитализм. Это многообразие типов у М. Вебера—не результат конкретно-исторического исследования и последующего обобщения фактов, освещаемых стройной научной материалистической теорией; оно получается как следствие применения фактов к вечным, неизменным категориям, «идеально-типическим понятиям», как он их называет; «... ясные, «идеально-типические» понятия должны быть правильно применяемы, не как схемы для преодоления исторически данного, но для того, чтобы с их помощью определить экономический характер явления, поскольку оно приближается к тому или иному «идеальному типу»¹. Буржуазные историки большей частью не дают себе труда произвести даже такой анализ фактов применительно к тому или иному «идеальному типу», как это делает Вебер; они либо дают обществу то или иное определение по нескольким разрозненным фактам, либо вовсе отказываются от каких-либо обобщений, довольствуясь простым описанием отдельных групп явлений социально-экономической жизни—труд, ремесло, торговля, сельское хозяйство, финансы, семья, право и т. д.—и не пытаясь установить какие-либо исторические связи и закономерности.

¹ М. Вебер, *Аграрная история древнего мира*, М., 1913, стр. 393.

К сожалению, этот ненаучный подход к определению социально-экономической основы общественных явлений в результате не критического восприятия взглядов буржуазных ученых проникает и к нам. Еще не перевелись у нас, хотя они и не выступают открыто, сторонники определения древневосточных обществ как феодальных; феодализм усматривают в парфянской Парфии и в древней Армении. Проф. С. Юшков¹ говорит о дофеодальных государствах, которые «возникают в результате разложения первобытно-общинного строя» (стр. 45—46); но ведь всякое государство возникает в результате разложения первобытно-общинного строя, и, приняв построение проф. С. Юшкова, пришлось бы признать все общества, существовавшие до феодализма (например, древний Рим), дофеодальными. Проф. С. Юшков поэтому считает более удобным применять вместо термина «дофеодальное государство» термин «варварское государство». Но существо дела от этого не меняется.

Проф. С. Юшков представляет дело так, что в результате разложения соседской общины, появления патриархального рабства, развития ремесла и торговли возникает дофеодальное общество, превращающееся затем в феодальное. Для Греции и Рима автор, повидимому, делает исключение, хотя прямо об этом не говорит и, главное, не поясняет, почему в античности сложилось не дофеодальное, а рабовладельческое общество, какие особые исторические условия привели к тому, что от одного и того же исходного пункта пошли разные линии развития, приведшие к различным результатам. Мало того, автор применяет без оговорок рисующие Энгельсом общие контуры образования государства в Афинах и в Риме для объяснения возникновения именно дофеодального государства (стр. 62). Что касается древнего Востока, где долгое время сохраняются сельская община, домашнее рабство и «ведомство ограбления собственного народа» (Маркс), то здесь, очевидно, по концепции проф. С. Юшкова, господствует дофеодальный строй, развивающийся в сторону феодализма.

Все это говорит о том, что предстоит еще не малая работа по исследованию конкретных форм, предшествующих капиталистическому производству, по анализу и теоретическому осмыслению основных, ведущих производственных отношений, определяющих строй древнего общества.

Представление о феодализме и крепостничестве на древнем Востоке вносит путаницу в характеристику эллинистических монархий, которые получили наследство древневосточных деспотий. В статье «Колонат», приложенной к книге Макса Вебера, М. Ростовцев, характеризуя положение «царских земледельцев» Птолемеевского Египта, отмечает: «Мы имеем, таким образом, дело с отношениями, которые довольно близко стоят к крепостничеству (*Leibeigenschaft*)», а в царских монополиях *ὑποτέλεις* тракуются как настоящие крепостные». Но в эллинистическом Египте все это, по М. Ростовцеву, — последние времена фараонов; при Птолемах обе категории зависимого населения «поставлены в непосредственную зависимость от государства и освобождены от зависимости от храмов и от их настоятелей и от частных феодальных владельцев»². Более решительно о феодальных отношениях и крепостничестве М. Ростовцев говорит в отношении эллинистической Малой Азии. В своей выдающейся монографии «*Studien zur Geschichte des römischen Kolonats*» М. Ростовцев, на основании анализа крайне скудного материала, заключает, что в Малой Азии исконное население, непосредственно подчиненное царям и платившее им непосредственно подать, особенно тесно срослось с царством; «ибо то были

¹ Проф. С. Юшков, К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве. «Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 45 сл.

² М. Вебер, ук. соч., стр. 412.

не только подданные, но и крепостные, работающие не на своей, а на царской земле»¹.

Этот феодальный строй, пишет он дальше, устарел уже при персах, а после Александра сохранился только в самых отсталых районах (стр. 309). В статье «Колонат» М. Ростовцев указывает, что χωρά βασιλική возделывается крепостным населением (λαοὶ βασιλικοί). При Селевкидах последние постепенно освобождаются. «Это превращение крепостных (Leibeigenen) в государственных и городских крестьян характеризует, таким образом, политику эллинистических властителей в отношении к λαοὶ βασιλικοί, но, тем не менее, многие феодальные владения (Lehnhergschaften), как и храмовые территории, остаются до римской эпохи при своем старом устройстве»².

В своем последнем труде об эллинизме М. Ростовцев делит земельные владения в М. Азии на три группы: 1) храмовые территории, 2) крупные домены с крепостными, 3) туземные селения, непосредственно подчиненные царю. При этом, однако, он отмечает, что в Сирии, Месопотамии, Вавилонии в римское время нет следов крепостничества, откуда можно заключить, что их не было и при селевкидах; нет также следов крупных поместий с крепостными крестьянами»³.

М. Ростовцев, таким образом, признавая без колебаний феодализм на древнем Востоке, осторожен в своих суждениях о феодальных отношениях в эллинистической Азии. Более решительно об этом высказывается М. Вебер, говоря о «крупных феодальных поместьях», «доменах», хотя и считает, что «формальное, установленное правовыми нормами прикрепление к земле сидящих на частных феодальных поместьях (Grundherrschaften) колоннов не может быть доказано, да и не представляется вероятным»⁴.

Мысли и факты, сообщаемые М. Ростовцевым в его Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, буржуазные историки безоговорочно принимают как непреложные истины, не подвергая анализу использованных М. Ростовцевым источников и не дополняя их новыми материалами. Поэтому необходимо поставить вопрос о его источниках.

В отношении феодального политического строя эллинистической и до-эллинистической Малой Азии М. Ростовцев ссылается на сообщение Плутарха в биографии Эвмена (гл. 8): «Он обещал солдатам выдать жалованье через три дня и стал продавать им встречавшиеся в стране виллы и замки (ἐπαύλεις καὶ τετραपुरγίαι), где было много рабов и стад рогатого скота. Купивший их начальник македонского отряда или наемников получал от Эвмена орудия и машины и приступал к осаде». Переводя и толкуя ἐπαύλεις как «феодальные замки», М. Ростовцев и его последователи делают отсюда вывод о феодальном политическом строе во Фригии в IV в., не замечая, что они совершают ошибку petitio principii. В самом деле, нет никаких оснований для толкования слова ἐπαύλεις, как «феодальные замки». В действительности смысл данного слова совершенно иной. Фригия еще в римское время, особенно ее внутренние и горные области, оставалась страной варваров. Для характеристики грубости Марсия Апулей (Flor. III,) называет его Phryx cetera et barbarus. Христианский апологет Юстин также приводит фригийцев как типично варварское племя (dial. с. Труп., 99). А в IV в. до н. э. фригийцы в глубинных районах были еще действительно варварами; ἐπαύλεις и τετραपुरγίαι скорее всего характерны для варварских поселений, которые Энгельс описывает следующим обра-

¹ R o s t o w t z e w, Studien zur Geschichte des römischen Kolonats, 1910, стр. 308.

² М. Вебер, ук. соч., стр. 415—416.

³ М. R o s t o v z e f f, The Social and Economic History of the Hellenistic World, I, 1941, стр. 502 сл.

⁴ М. Вебер, ук. соч., стр. 233.

зом: «Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен»¹. Судя по тому, что в этих *ἐπαύλεις* было «много рабов и скота», здесь произошло первое крупное разделение труда, в результате которого появились богатые каменные или кирпичные дома.

Точно так же С. В. Welles без всяких оснований переводит встречающееся в надписях, относящихся к Лаодике (см. ниже), слово *βαῖς* феодальным термином *manor-house*. Происхождение слова *βαῖς* неясно; оно встречается в греческом языке в значении «богатый, роскошный дом, дворец». В Септуагинте словом *βαῖς* переводится древнееврейское *ʾgmn* (II Хрон., 36, 19), *hjl* [Ис., 44 (45), 9] — «дворец»; роскошный дом, который построил себе богатый откупщик Гиркан, Иосиф Флавий называет *βαῖς* (Ant. Iud., XII, 4, 11).

Вот и весь материал о «феодалах» и «феодализме» в эллинистической Малой Азии: одно упоминание *ἐπαύλεις* у Плутарха, писавшего через четырехста лет после описываемого времени. Конечно, ни о феодальной иерархии, ни о политической организации феодалов как класса абсолютно никаких материалов нет, да и быть не может.

Что касается аграрных отношений, то здесь сторонники феодализма на Востоке не ставят самого коренного вопроса — о характере земельной собственности; между тем без решения этого вопроса всякие рассуждения о феодализме остаются беспочвенными.

Крестьяне на древнем Востоке не были свободными владельцами земли. Однако характер зависимости крестьян, непосредственных производителей на земле, должен быть установлен совершенно точно, прежде чем делать какие-либо выводы о характере общественного строя. Древность — не только восточная, но и античная — знает различные формы зависимости земледельца. Факт существования в классической Греции зависимых крестьян² никому не дал еще повода усматривать здесь феодализм, — эта зависимость была либо модификацией рабства (илоты) и возникла в результате завоевания [таковы, например, мариандины в Вифинии, о которых сообщает Страбон (XII, 3, 4), ласкутанцы, поработанные жителями города Гасты в Испании, согласно надписи Эмилия Павла, недавно вновь исследованной А. В. Мишулиным], либо в результате обнищания свободных земледельцев, попадавших в долговую зависимость от кредиторов (*obaerati*, о которых пишет Варрон в частности для Азии).

Иначе обстоит дело на Востоке, где масса крестьянского населения испокон века была связана, с одной стороны, отношениями к общине, с другой стороны — подчиненным положением по отношению к верховному собственнику земли — царю или богу (т. е. храму и его жрецам). Еще и в эллинистическую эпоху сохранялось «некоторое нерасчлененное единство города и деревни» (Маркс); подавляющее большинство крестьян, «царские земледельцы, жило в *κῆμαι*, сохранивших более или менее ясно выраженные остатки общинной организации. Они меньше других слоев населения воспринимали культуру греческих завоевателей, которые называют их поэтому *ἑθνη*. Некогда высшее единство общины воплощалось в царе или в боге, и обязательства общинников перед царем или храмом совпадали — в идее — с интересами самой общины. Со временем взносы натурой на общие нужды и участие в общественных работах превратились в обязательную дань верховному собственнику земли и в обязательную работу «на дом царя». Принадлежность к общине, дававшей каждому своему члену

¹ Энгельс, Происхождение семьи... (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI ч. II, стр. 138).

² Относящийся сюда материал собран К. Neumann'ом в HZ, LX (1906), стр. 27 сл.

право владения землей и правовую защиту, также изменила свою сущность по мере разложения общины и превратилась в связанность земледельца, в его прикрепление к *ἰδίᾳ*, которое гарантировало государству выполнение крестьянами своих повинностей.

Эта зависимость была, очевидно, не феодальной. Крестьяне владели землей по праву своей принадлежности к общине, от которой некогда получил право верховной собственности на землю и сам царь. Совершенно очевидно также, что феодальной земельной собственности древний Восток не знал. В эллинистический период впервые появляется здесь а н т и ч н а я форма земельной собственности благодаря приписке бывшей царской земли к греческим полисам—старым и вновь возникавшим.

Все эти обстоятельства хорошо засвидетельствованы документами. Уже Александр Македонский в приенской надписи (OGIS, 1) различает между землей, принадлежавшей городу, и *χωρὰ βασιλική*. О последней он говорит: *καὶ π[ρὸς] τῇ πέριξ χωρᾷ [ν] γινώσκω ἐμὴν εἶναι, τοὺς δὲ κατοικοῦντας ἐν ταῖς χώραις ταύταις φέρειν τοὺς φόρους*. Здесь дана формулировка понимания греком восточной земельной собственности. Земля принадлежит царю, и жители сельских поселений платят поэтому подать. Только земли, приписанные к полисам, получают обычный статус земель полиса. Весь относящийся сюда материал хорошо известен и широко использован прежде всего М. Ростовцевым и его учениками. Что касается «феодализма» и «крепостничества» на древнем Востоке, сохранившихся якобы в эллинистической Малой Азии, то эти утверждения основываются на двух-трех документах, к рассмотрению коих и следует обратиться.

В 253 г. Антиох II, разведшись с Лаодикой, чтобы вступить в брак с дочерью Птолемея Филадельфа Береникой, решил, повидимому, компенсировать разведенную жену, продав ей (может быть, фиктивно) по дешевой цене крупное земельное владение. Подробное сообщение об этом акте сохранилось в надписи Антиоха, обращенной к стратегу (?) Метрофану¹. Текст гласит (стр. 1—19):

Βασιλεὺς Ἀντίοχος Μητροφάνει χαίρειν. πεπ[ρ]άχμεν Λαοδίχῃ Πάννου κώμην καὶ τὴν βῆλιν καὶ τὴν προσούσαν χώραν τῇ κώμῃ, ὅπως τῇ τε Ζελεϊτίδῃ χώρῃ καὶ τῇ Κυζικηνῇ καὶ τῇ ὁδοῖ τῇ ἀργαίᾳ, ἥ ἡμῖν ἐπὶ Πάννου κώμης σ[υ]ν[η]ροῦσα [σ]μένη δὲ ὑπὸ τῶν γεωργούντων πλησίον ἔνεκεν τοῦ ἀποτεμεῖσθαι τὸ χωρίον—τῇ μὲν Πάννου κώμῃ ὑπ[α]ρχούσαν συμβαίνει ὕστερον γεγενῆσθαι—καὶ εἴ τις <ε>ίς τὴν γῶ[ρ]αν ταύτην ἐμ[π]ίπτουσιν τόποι καὶ τοὺς ὑπάρχοντας αὐτοῖς [λ]αοῖς παλαιοῖς σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν πᾶσιν καὶ οὐν ταῖς [τοῦ ἐ]νάτου καὶ πεντήκοντα ἔτους προσόδοις ἀ[γ]οῦ, ἰσοτάλάντων τράχοντα—ἐμῶς δὲ καὶ εἴ τις ἐ[κ] τῆς κώμης ταύτης ὄντες λαοὶ μεταηλύθασιν εἰς ἄλλους τόπους—ἐφ' ᾧ οὐδὲν ἀποτελεῖ εἰς τὸ βασιλικὸν καὶ κοινὸν ἐ[σ]ταῖ προσφερομένη πρὸς πόλιν ἢ ἂν βούληται. κατὰ ταῦτα δ[ε] καὶ οἱ παρ' αὐτῆς πράξαντες ἢ λαβόντες αὐτοῖς τε ἔξουσιν κυρίως καὶ πρὸς πόλιν προσέουσιν ἢ ἂν βούλω[ν]ται ἑάπερ, μὴ Λαοδίχῃ τογχανεῖ πρότερον προσηνεγμένη πρὸς πόλιν, οὕτω δὲ κεκτῆσονται οἱ ἂν ἡ γῶ[ρ]α ἡ προσωρισμένη ὑπὸ Λαοδίχης.

«Царь Антиох Метрофану привет. Мы продали Лаодике Паннукоме, виллу [βῆλιν] и относящуюся к селению землю, граничащую с землей Зелеи и Кизика и со старой дорогой, которая проходила выше Паннукоме, но была распахана близкими земледельцами, чтобы отрезать этот участок для себя—нынешняя Паннукоме возникла позднее,—и местечки, какие окажутся на этой земле, и принадлежащих к ним *λαοὶ* со всеми их домами

¹ Последнее издание текста этой и двух других относящихся сюда надписей у С. В. Welles, «Royal correspondence in the Hellenistic Period», New Haven, 1934, № 18—20 стр. 89 сл.

и со всем принадлежащим им и с поступлениями пятьдесят девятого года¹ за тридцать талантов серебра—равно как λαοί, которые, будучи из этого селения, переселились в другие места—с тем, что она [Лаодика] не будет платить никаких налогов в царскую казну, и она будет вправе приписывать к полису, к какому пожелает; на тех же основаниях купившие или получившие у нее тоже будут владеть неограниченно и припишут к полису, к какому пожелают, если только Лаодика не успела раньше приписать к полису; в этом случае они будут владеть землей там, куда она присоединена Лаодикой». После указания о порядке расчета за полученную Лаодикий землю Антиох продолжает (стр. 24—28):

«Распорядись передать Арридею, управляющему Лаодики, селение, виллу, дом, относящуюся сюда землю и λαοί с их домами и всем принадлежащим им и зарегистрировать продажу в царском архиве в Сардах и на пяти каменных стелах». Стелы предписывается, далее, установить в храме Афины в Илионе, в храме на Самофраке, в святилищах Аполлона в Дидиме и Артемиды в Сардах и Эфесе, т. е. в наиболее чтимых храмах.

На той же стеле помещено распоряжение (Welles, № 19) Метрофана (адресованное, судя по Welles № 20, эконому Никомаху) об изготовлении указанных в царском письме пяти стел; здесь же сообщается, что библиофилаку Тимоксену дано распоряжение о регистрации продажи и границ проданной земли в царском архиве в Сардах.

Наконец, третья надпись (Welles, № 20), в которой первые три строки стерты (осталось только Πάνν[ο] в стр. 2 и λαοί[i] в стр. 3) сообщает, что передано «Арридею, управляющему Лаодики, гипархом... кратом селение и βῆμας и относящаяся сюда земля в соответствии с предписанием эконома Никомаха, к которому приложено письмо Метрофана и адресованное ему письмо царя». Далее следует подробное определение границ участка.

В приведенном документе крестьяне, работающие на царской земле, со всем своим имуществом продаются вместе с землей. Дополнением к этой надписи может служить другая надпись, еще не известная М. Ростовцеву, когда он писал свои «Studien zur Geschichte des römischen Kolonats», но использованная им в последнем труде об эллинизме. Эту чрезвычайно интересную во многих отношениях надпись, найденную в храме Артемиды в Сардах, издали в 1912 г. Баклер и Робинсон². В двух столбцах надписи сохранилось в общем 37 строк (приблизительно по 80 букв в строке). Хотя начало надписи отсутствует, однако содержание ее не вызывает сомнений. Мнесимах, приближенный диадоха Антигона, получил от него большое имение: повидимому, для приведения его в порядок он занял у храма Артемиды 1325 золотых статеров. Теперь храм требует возврата денег, но у Мнесимаха денег нет; поэтому он фиктивно продает (фактически закладывает) свое имение храму—так называемая πρᾶσις ἐπὶ λύσει («продажа с правом выкупа»). При этом Мнесимах подробно описывает свои владения, их стоимость и доходность:

«... Так как неопеи (настоятели храма) требуют от меня данное под заклад золотого, принадлежащее Артемиде, а у меня неоткуда им отдать—так вот что есть в моем имении (οἶκος): нижеследующие селения (χωμαί), а именно: селение Тобалмуры на сардской равнине на холме Ил; к этому селению принадлежат и другие селения, а именно Танду и Комбдилипия, подать с этих селений (вносится) в хилиархию Питея пятьдесят золотых в год. Есть и клер в Кинарое вблизи Тобалмур, подать в год три золотых. Есть

¹ Эры Селевкидов—253 г. до н. э.

² W. H. B u c k l e r and D. M. R o b i n s o n, Greek Inscriptions from Sardes I, AJA, XVI (1912), стр. 11—82; W. K. P r e n t i c e, The Mnesimachus Inscription at Sardes, ib., стр. 526 сл.

еще одно селение Периасасостры у вод Морста, подать в Хилиархию [Саг]ария в год пятьдесят семь золотых. Есть и клер у вод Морста и в Нагриое, подать в хилиархию Сагария, сына Кореида, три золотых и четыре золотых обола. Есть и еще селение в районе Аттуд, называемое Илу-Коуме, подать в год три золотых и три золотых обола. И вот, от всех селений и клеров и относящихся к ним усадеб (οἰκπέδων), от крестьян со всеми их домами с принадлежащим им (τῶν λαῶν παυσικίων σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν), от винных мехов, от подати денежной и трудовой (τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρίου καὶ τοῦ λητοουργικοῦ) и всего прочего, получаемого от селений, и еще много сверх того, когда произошел раздел, Питей и Адраст взяли в отдельную собственность виллу (αὐλήν) в Тобалмурах; а за пределами виллы находятся дома крестьян (λαοί) и рабов и два сада на пятнадцать артаб посева¹, а в Периасасострах усадебные участки на три артабы посева и сады на три артабы посева и рабы, живущие в этом месте: в Тобалмурах—Эфес, сын Адраста, Кадой, сын Адраста, Гераклид, сын Белетра, Туий, сын Манея, сына Каика; в Периасасострах проживают Кадой, сын Армананда, Адраст, сын Манея...

Во втором столбце речь идет о гарантиях храму в том случае, если Мнесимах не обеспечит ему собственности на имущество и поступления всех статей дохода, в частности: «если же мы не гарантируем или нарушим настоящий контракт (συγγράφην) относительно селений, клеров, участков (χωρία) и всех рабов, пусть они останутся собственностью Артемиды». «Если же селения, клеры или что-либо другое из заложенного царь заберет у Артемиды из-за Мнесимаха, то основную сумму золотом, полученную под заклад, тысячу триста двадцать пять золотых, я, Мнесимах, и мои потомки немедленно отдадим храму Артемиды».

Ростовцев в «Studien» ссылается еще на надпись из Зелен, впервые опубликованную У. Келером [«Ath. Mitt.», IX, 1884, стр. 58 сл.]. Здесь в числе прочих даров город дает некоему Клеандру λαῶν αὐτοικον. Вряд ли, однако, эта надпись имеет отношение к разбираемому вопросу. Надпись содержит шесть декретов о даровании гражданства и ряда привилегий и о распродаже конфискованной у изгнанников земли. По некоторым данным, эти постановления (как и SIG², 154) изданы в связи с тем, что город был освобожден Александром Македонским от тирана и для его реорганизации надо было привлечь новых граждан. Декреты сформулированы в более или менее одинаковых выражениях. Так, в пункте 4 говорится: [τῷ δαίνι] εὐαργέτη γενομένῳ τῆς πόλεως δοῦναι [πολιτείαν], κλήρον ἐν τῷ πεδίῳ, οἰκίην, κῆπο[ν καὶ] μ[ω]ν διηκοσίῳ ἀμφορέων, ἀτέλειαν ἀπὸ [ἐγ]γαίων τέλων, προεδρίαν αὐτῷ καὶ ἐκγόνοις. Независимо от различия в предложенных новым гражданам дарах, всем им дается πολιτεία. В этом весь смысл декретов—привлечь новых граждан. Между тем в пункте 5 читается: Κλεάνδρῳ... οὐ... εὐαργέτη γενομένῳ τῆς πόλεως... ἡμικλήριον δασείης κτ... οὐ... δῶν, οἰκίην κῆπον καί μωον ἀμφορέων ἑκατὼν [стр. 6 в маюскульной транскрипции] ΔΕΝΑΥΤΟΙΚΟΝΤΕΛΕΙΑΝΑΓΟΡΑΠΟΤΕΛΕΩΝ καὶ προεδρίαν αὐτῷ καὶ ἐκγόνοις καὶ στέφανον χρύσειον. Таким образом, здесь отсутствует дарование πολιτεία, вместо которой имеется загадочное λαῶν αὐτοικον; в строке есть еще ряд других искажений: вместо ожидаемого (согласно пункту 4) ἀτέλειαν ἀπὸ ἐγγαίων τέλων явно испорченное τελεῖαν γορωι τελεων. Повидимому, именно по этим соображениям издатель надписи, имевший в своем распоряжении копию, сделанную неспециалистом—греком Лимниосом, в своей минускульной транскрипции передал 6 строку в пункте 5 так: [πολιτείαν καὶ ἀ]τέλειαν ἀ[π]ὸ [ἐ]γ[γ]α[ί]ω[ν] τέλων. При

¹ Размер земельной площади в надписях обычно определяется количеством зерна, необходимого для его засева.

переиздании надписи в SGDI (№ 5533) издатели следовали копии Мордмана и передают 6 строку так: $\lambda\epsilon\omega\nu\ \alpha\upsilon\tau\alpha\iota\kappa\omicron\nu\ \acute{\alpha}\tau\epsilon\lambda\epsilon\alpha\iota\nu\ \acute{\alpha}\gamma\omicron\rho\alpha\tau\iota\omega\nu\ \tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\omega[v]$, но замечают: ohne Beispiel, и предполагают, ссылаясь на Гокатей, что, может быть, Клеандру подарили раба с домом. Как бы то ни было, надпись из Зелей остается неясной. Но независимо от того или иного чтения надписи нельзя предположить, чтобы греческий полис Зелей выступал в роли «феодала». Из другой надписи, относящейся к тому же времени (SIG², 154), известно, что часть городской земли принадлежала фригийцам, платившим $\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma$; для урегулирования земельных отношений после изгнания тирана избирается комиссия из 9 граждан: $\acute{\alpha}\nu\epsilon\rho\alpha\tau\acute{\eta}\varsigma\ \tau\omega\nu\ \chi\omega\rho\iota\omega\nu\ \tau\omega\nu\ \delta\eta\mu\omicron\sigma\iota\omega\nu\ \epsilon\sigma\alpha\ \mu\grave{\eta}\ \omicron\iota\ \Phi\rho\acute{\upsilon}\gamma\alpha\varsigma\ \acute{\epsilon}\chi\omicron\nu\tau\epsilon\varsigma\ \phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\nu\ \acute{\epsilon}\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\nu$. О крепостных земледельцах, которых можно было бы дарить вместе с домом, здесь не может быть и речи.

Иначе обстоит дело с надписями, относящимися к Лаодике и Мнесимаху.

Хотя эти документы единичны и не касаются основной массы сельского населения Малой Азии, они кажутся настолько выразительными, что на этом основании в буржуазной литературе «крепостничество» и «феодализм» в эллинистической Малой Азии почти не вызывают сомнений. В самом деле, вместе с землей продают и крестьян (надпись Антиоха), которые платят оброк и обязаны барщиной ($\phi\acute{\epsilon}\rho\omicron\varsigma\ \lambda\eta\tau\omicron\upsilon\rho\gamma\iota\kappa\acute{\iota}\varsigma$ в надписи Мнесимаха). Все это, однако, получает другой вид, если, во-первых, принять во внимание все обстоятельства дела и, во-вторых, рассмотреть рисуемое в этих надписях положение вещей не статически, а в движении, выяснить, откуда эти явления возникли и куда вели.

Действительно ли продаются $\lambda\alpha\omicron\iota$ вместе с землей? Каково правовое их положение? Каковы их права на землю, которую они обрабатывают?

В надписи Лаодики в акт продажи включаются и крестьяне, но они принадлежат не царю, а селениям: $\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \upsilon\pi\acute{\alpha}\rho\chi\omicron\nu\tau\alpha\varsigma\ \alpha\upsilon\tau\omicron\tau\omicron\varsigma\ \lambda\alpha\omicron\upsilon\varsigma$. В донесении гипарха о передаче земельного владения управляющему Лаодики перечисляются $\eta\ \tau\epsilon\ \chi\omega\mu\eta\ \kappa\alpha\iota\ \eta\ \beta\acute{\alpha}\rho\iota\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \eta\ \pi\rho\omicron\sigma\omicron\upsilon\sigma\alpha\ \chi\omega\rho\alpha$, но не $\lambda\alpha\omicron\iota$ и их имущество.

В надписи Мнесимаха $\lambda\alpha\omicron\iota$ в составе имения не упоминаются; о них говорится лишь при перечислении доходов с земли; в той части надписи, где речь идет о санкциях в случае нарушения Мнесимахом договора, названы только «селения, клеры, участки ($\chi\omega\rho\iota\alpha$) и рабы». В относящейся к тому же периоду (около 275 г.) надписи Антиоха I о дарении земли Аристодикиду $\lambda\alpha\omicron\iota$ названы лишь случайно: «царские же $\lambda\alpha\omicron\iota$ того района, где расположена Петра, если пожелают ради безопасности жить в Петре, мы предписали Аристодикиду позволить им жить там» (Welles, № 11, стр. 22—25). Наконец, что важнее всего, и Антиох I при дарении Аристодикиду и Антиох II при продаже Лаодике предусматривают, что новые владельцы земли приписывают ее к территории одного из ближайших полисов, и в виде привилегии предоставляют им самим выбрать себе полис. Но приписка земли к полису означает переход земли, ее владельцев и трудящихся на ней в новый статус, существующий в греческих полисах. Тем самым «продажа» крестьян не могла быть принята сторонами всерьез. Что это было не формальным только присоединением к полису, видно из надписи Мелеагра, стратега геллеспонтской сатрапии, которому адресовано предписание Антиоха I о дарении земли Аристодикиду; из нее ясно, что приписка бывшей царской земли к полису представляла для последнего большой материальный интерес. Мелеагр пишет городу Илиону, что многие города заискивали перед Аристодикидом, чтобы он присоединил свою землю к ним. Аристодикид остановил свой выбор на Илионе. Мелеагр рекомендует илионцам вынести решение о предоставлении Аристодикиду привилегий ($\phi\iota\lambda\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\tau\alpha$) и закрепить условия приписки (Welles, № 13).

Аналогичный случай имеется в надписи в честь Лариха, относящейся ко времени Антиоха I или его отца (OGIS, I, 215). Лариху, помимо личных привилегий, постановлено предоставить ἀτέλειαγ καὶ τῷ[γ] κτηνῶν καὶ τῶν σωματίων δσα ἂν ὑπάρχηι ἐν τα τοῖς ἰδίοις κτήμασι[ι] καὶ ἐν τῇ πόλει (свободу от обложения скота и рабов как в его собственных владениях, так и в городе).

Включение царской земли в состав территории полиса не влекло за собой, вероятно, во всех случаях немедленного радикального изменения положения крестьян. Но в дальнейшем оно было неизбежно; при этом часть земледельцев, оставаясь в своих хῳραι, обязаны были платить φόρος городу за свою землю, как это делали фригийцы в Зелее (SIG², 154); поселившиеся в городе назывались πόριοι—термин, часто встречающийся в надписях¹. Πόριοι занимали положение, напоминающее метэков, но могли со временем приобретать право гражданства.

Территорий, присоединенных к городам, было относительно немного. Но и в отношении царских земледельцев нет данных о том, чтобы они при Селевкидах были политически бесправны. Напротив, они имели свои организации и народные собрания, выносили декреты или участвовали в вынесении декретов от имени полиса, к которому они тяготели. Они были привязаны к своей ἰδίᾳ; однако из надписи Антиоха II видно, что крестьяне распахали и присвоили прилегающую к их селению землю, где проходила дорога, что часть крестьян переселилась в другое место. В распоряжении Антиоха I о даровании земли Аристодикиду говорится о λαοί, проживающих вне своей ἰδίᾳ, в Петре. Λαοί были связаны с землей потому, что только в своей ἰδίᾳ, которая является пережитком древней общины, они могут владеть землей; точно так же в античных полисах право собственности на землю обусловлено принадлежностью к гражданской общине. А в некоторых случаях еще в эллинистическое время существовала даже общинная земельная собственность. В частности, М. Ростовцев («Studien», стр. 262) цитирует надпись из Филадельфии, где народное собрание хῳρη принимает решение разделить τὸν ὑπάρχοντα αὐτοῖς ἀγρόν—принадлежащее им сообща поле.

При таких условиях очевидно, что в надписи Лаодики имеется в виду не продажа крестьян, а передача Лаодике права на те доходы, которые до сих пор с царской земли поступали в казну. Это необходимо было оговорить потому, что в других случаях земля, полученная в дар или купленная у царя, продолжала оставаться все же царской. За землю, полученную от Антигона Мнесимахом, как мы это видели, вносится φόρος и за хῳραι и за клеры, причем, судя по точному выражению надписи—φόρος τῶν хῳρῶν (ст. 1, стр. 5), φόρος вносили сами селения, продолжавшие оставаться в непосредственном подчинении царю.

В условиях восточной деспотии положение масс народа представлялось для греков, конечно, рабским. Но крестьяне не были ни рабами, ни крепостными. Λαοί следует переводить «мужики», «люди», «люди», как именуются непосредственные производители на земле у многих народов; этот термин соответствует 'mh'rš (am haarez) у древних евреев. Этот термин стал унижительным позднее, тогда как в древности он не имел такого оттенка; в латинских надписях III в. н. э. в дунайских провинциях фигурируют lai consistentes: выходцы из Азии продолжают на новой родине именовать себя λαοί (lai)². Малоазиатские λαοί не были крепостными, как и египетские γεωργοὶ βασιλικοί. Даже ὑποτελεῖς, работавшие в цар-

¹ См., в частности, Welles, стр. 353.

² Е. М. Ш т а е р м а н, К вопросу о dediticii в эдикте Каракаллы, ВДИ, 1946, № 2, стр. 85.

ских монополиях в Египте, не имевшие права самостоятельно распоряжаться ни своим трудом, ни своими орудиями и средствами производства, отнюдь не были крепостными, как их решительно определил М. Ростовцев («*Studien*», стр. 66). Конечно, работавшие на монополию, да еще при деспотическом режиме, были до предела ограничены в правах. Но они не только владеют средствами и орудиями производства, они работают на договорных началах, пусть в большинстве случаев принудительных, получают заработную плату и участвуют в доходах. Как сообщает К. Прео, М. Ростовцев ей заявил, что он теперь отказался от мнения, будто работники масляной монополии в Египте были крепостными¹.

Из надписи Мнесимаха видно, в чем заключались доходы с земли; это—*φόρος ἀργυρίκός καὶ λητουργικός*—взносы деньгами и работой. Если отнести туда же *ἀγγεῖα οὐνιρά* (конструкция фразы неясна), то были и натуральные поступления. В царских владениях, эксплуатировавшихся непосредственно казной, натуральный φόρος играл большую роль. В очень интересной надписи (306—302 гг.) Антигона о синойкизме Теоса и Лебедоса (SIG³, 344; Welles, 3) царь пишет (§ 10, стр. 72—94), что послы Лебедоса просят разрешить выдать из казны желающему под залог 1400 золотых статеров на закупку хлеба для переселенцев на первый год. Антигон сначала не хотел разрешать этой операции, так как «поблизости находится податная земля (*φορολογούμενης χώρας*), так что если появится нужда в хлебе, отсюда, мы думаем, можно без труда доставить, сколько угодно».

Во втором столбце надписи, где перечисляются гарантии, какие дает Мнесимах храму по всем статьям, φόρος земледельцев не назван, и ни характер, ни объем его неизвестны. Можно не сомневаться, что φόρος λητουργικός это «работа на дом царя», общественные работы, сохранившиеся в наиболее чистом виде в Египте. Здесь они получили характер обязательной трудовой повинности, которая могла быть заменена денежным взносом; λητουργικόν (а также χωματικόν) засвидетельствован в Египте². Вероятнее всего, φόρος λητουργικός означал выполнение крестьянами тех трудовых повинностей, которые возлагались на принадлежавшую Мнесимаху землю и, следовательно, тем самым на самого Мнесимаха. Эллинистические цари переняли от своих восточных предшественников право взимать с населения дань натурой и деньгами и привлекать его к общественным работам. В письме Деметрия к Ионатану Маккавею, которое приводится у Флавия Иосифа (Ant., XII, 2, 3; ср. I Макк., 10, 30; 11, 34), перечисляется ряд налогов и повинностей, которые Деметрий обещает снять с иудеев: третью часть злаков, половину древесных плодов, подушную подать; царь обещает также освободить иудеев от принудительных работ в субботние и праздничные дни и в три дня, предшествующие празднику. Отсюда, конечно, никто не делает вывода о том, что иудеи были крепостными или что Иудея при Хасмонеях была страной феодальной.

¹ С. P r é a u x, *L'économie royale des Lagides*, Brux., 1939, стр. 79. Сама Прео подчеркивает, что «царские земледельцы не привязаны к земле и их положение имеет далеко не такой законченный и роковой характер, как обычно воображают» (стр. 438). Но, будучи совершенно чужда теории социально-экономических формаций, Прео формулирует эволюцию от древневосточного к эллинистическому обществу как переход «от феодального права к индивидуалистическому» («*droit individualiste*», стр. 461). Гораздо ближе к истине Э. Бикерман, который на основе анализа материала приходит к правильному выводу, что на территории Малой Азии, подчиненной непосредственно царю, не было частной собственности на землю, не было, очевидно, и феодальной собственности («*Institutions des Seleucides*», P., 1938, стр. 185). И все же Бикерман не решается отказаться от взгляда на λησί как на крепостных (стр. 178), так как он исходит из ложной предпосылки о феодализме при Хаммураби, в Птолемеевском Египте (стр. 88) и в Ахеменидской Персии.

² Н. Wilcken, *Ostraka*, I, стр. 382; A. Ch. Johnson, *Roman Egypt*, стр. 567, 580.

Никто не может отрицать, что λαοί или γεωργοὶ βασιλικοί были лично свободны, что в эллинистической Малой Азии не было феодальной земельной собственности и не существовало самодовлеющих феодальных поместий. Основной хозяйственной единицей даже в крупных владениях остается деревня или село, κώμη; Мнесимах все время говорит о κώμη, κληροί, χωρία; надпись Лаодики—о κώμη и τόποι, надпись Антиоха относительно Аристодикида—о χωρίον. М. Ростовцев как раз подчеркивает, что в основном территория Малой Азии состояла из туземных villages¹. Они платили за землю ренту-налог натурой в виде десятины или по другой какой-либо твердой ставке (ἐκφόριον). Крупные земельные владения принадлежали храмам, но это были исконные владения, восходящие еще к тому времени, когда сельская община группировалась вокруг своего святилища. Они дольше всех остальных противились духу времени и удержались во многих случаях и в римское время.

Таким образом, даже если не касаться того факта, что рабовладение в эллинистических государствах и на древнем Востоке было ведущим способом производства, и остается только на почве аграрных отношений, приведенные документы не дают основания говорить об элементах крепостничества или феодализма в эллинистической Малой Азии. Только неправильная презумпция побуждает некоторых исследователей с необычайной легкостью расширять круг феодальных понятий, которые они применяют к эллинистической Малой Азии. Так, Welles склонен понимать в некоторых случаях глагол ἔχω как «держание» (10,4—5: ἦν πρίτερον εἶχεν Μελέαγρος—which formerly Meleagros held), хотя он сам в аналогичном случае переводит ἦν πρίτερον εἶχεν Δημήτριος—formerly the property of Demetrios (70,6—7). Что ἔχω не имело значения «держания», показывает хотя бы текст надписи Лаодики: лица, которые купят землю у Лаодики, ἔξουσιν κτήτως — «будут владеть ею неограниченно». Еще более поразительный случай—в «Recueil des inscriptions juridiques grecques»², где речь идет о каре, грозящей судье за нарушение декрета: ἀτιμὸν εἶπεν καὶ χρέματα πᾶσιτοφασχίσται, τὸ μέρος μετὰ Γοικιτᾶν: «он будет лишен прав, и имущество его конфискуется, его удел с рабами»; издатели, хотя и приводят ссылку на Гезихия, поясняющего, что σικιτήτης—ὠνητὸς δούλος, переводят, однако, «serfs».

Те два документа, на которых строится теория феодализма в эллинистической Малой Азии, подтверждают иное: на Востоке не было собственности на землю, а лишь владение ею. Самыми прочными владельцами были, с одной стороны, λαοί, но не лично, а лишь поскольку они принадлежали к существовавшим некогда общинам, ныне превратившимся в большинстве случаев лишь в организационную связанность крестьян со своей ἰδιᾶ. С другой стороны, верховным владельцем земли был царь, но именно как носитель царской власти, а не лично. Этим объясняется, что Антиох, продавая землю Лаодике, приказывает, кроме регистрации сделки, вырезать ее текст на пяти каменных стелах и установить их в наиболее чтимых святилищах: это должно служить дополнительной гарантией права Лаодики на владение землей. Как видно из земельного спора между Митиленой и Питаной (OGIS, 335, стр. 133 сл., 140 сл.), акт продажи Антиохом I земли городу Питане впоследствии был подтвержден Эвменом. Мнесимах, как мы видели, предусматривает такой случай, что царь может отнять его землю. Только с македонским завоеванием появляется на Востоке античная земельная собственность, ранее существовавшая здесь только в старых греческих полисах.

¹ M. R o s t o v z e f f, Soc. and Ec. Hist. of the Hell. World, I, стр. 503.

² «Rec. des inscr. jur. grecq.», fasc. II, № XI, face B, стр. 18—20.

Эллинизация Востока привела к изменению аграрных отношений—объективно в интересах роста рабовладельческой системы. Застав на востоке непривычную для эллинов форму земельных отношений, эллинистические цари прежде всего стремились использовать это положение вещей в интересах своей казны, применяя при этом также свое право победителей и завоевателей. Однако переход к античным формам земельной собственности требовался всем ходом экономического развития, означавшего на Востоке переход от примитивных форм рабства к рабовладельческой системе, целью которой является производство прибавочной стоимости. Эта объективная потребность побуждала Александра, диадохов и Селевкидов строить новые греческие города, превращать в полисы города старые, приписывать к полисам значительные территории царской земли. Несмотря на необходимость сохранять добрые отношения с могущественным жречеством, о чем говорят многочисленные документы из Азии и Египта о всевозможных привилегиях храмам, Селевкиды и Лагиды по возможности ограничивают храмовое землевладение, хотя иногда, в трудную минуту, приходится вновь даровать землю храму (например, храму в Бэтокэке, Welles, № 70). В Египте только Август завершил этот процесс, конфисковав храмовые земли и переведя жрецов на жалование (σύνταξις).

Именно этот переход от восточных аграрных отношений к античным (а не, как думает М. Ростовцев, освобождение крестьян от крепостной зависимости) характерен для селевкидской Малой Азии и, особенно, для Пергамского царства, где наблюдается расцвет рабовладельческих отношений.

Характер этого процесса случаен, но очень удачно, сформулирован в одной надписи римского времени из Поглы в Ликии. Здесь прославляется Публий Целий Лукиан, который «в годы общинного строя (κοινωνίας) решал местные судебные дела» и «давал раздачи в годы гражданственности πολιτείης» (IGRR, III, 403). Поскольку здесь идет речь о пережитках прошлого, то с полным правом можно сделать отсюда заключение к прошлому. Переход от κοινωνίας к πολιτείης, от восточного к античному типу рабовладельческого общества—вот в чем заключается основная линия исторического развития аграрных отношений на эллинистическом Востоке.

Ю. А. Солодухо

КОНЦЕНТРАЦИЯ ЗЕМЛИ И ОБЕЗЗЕМЕЛЕНИЕ МЕЛКИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ В ИРАКЕ во II—V вв. н. э.

(По талмудическим данным)

¹ Экономический подъем и рост производительных сил в Ираке в конце II и начале III вв. н. э. вызвали коренные изменения в характере производственных отношений. Изменения эти особенно сильно отразились в землевладении и землепользовании.

До рассматриваемого периода непосредственными производителями в сельском хозяйстве Ирака являлись, в основном, свободные земледельцы, которые индивидуально возделывали небольшие земельные участки, принадлежавшие им лично или сельской общине. Наряду с ними имелось крупное землевладение немногочисленных представителей земельной знати, сановной аристократии и откупщиков государственных податей, обширные владения которых обрабатывались преимущественно рабами.

Начиная со II в., наряду с указанными выше видами крупного землевладения, в Ираке стали появляться новые группы зажиточных землевладельцев, выдвигавшиеся из среды торговцев и ремесленников, а иногда и мелких землевладельцев, и владевшие значительными земельными угодьями. Насколько значительными были поместья таких землевладельцев, показывает рассказ о том, что, когда Абба бар-Абба (II—III вв.) или его сын Самуил (умер в 254 г.), выносили на рынок крупного города Нагардеи, где они жили, плоды своих полей, цены на соответствующие продукты резко снижались (Берахот, 56^б). В то же время в источниках нигде не говорится об особенном богатстве Аббы бар-Абба и Самуила; повидимому, некоторые другие представители этой группы землевладельцев владели гораздо большими земельными угодьями.

О размерах земельных владений, принадлежавших новым землевладельцам, не происходившим из старой знати, говорит и ряд других рассказов. Так, указывается, что у р. Гуны скисло 400 бочек вина (Берахот, 56^б). Эти 400 бочек вина составляли, как видно из контекста, только ту часть урожая виноградников р. Гуны, которую он получил в тот год от одного из своих многочисленных издольщиков. Гениба (III в.) завещал Абинэ 400 зуз¹ из доходов от своих виноградников, находившихся на юге Ирака у реки Пания (Гитт. 65^б).

¹ зуз или зип—то же, что и dinar—серебряная монета в 3,6 г, по стоимости равнявшаяся римскому денарию (приблизительно 33—35 коп.).

Многие из этих зажиточных землевладельцев продолжали заниматься также переработкой сельскохозяйственного сырья, производством тканей, ковров, корзин, пивоварением, виноделием и т. д. Часть из них вела одновременно обширную торговлю продуктами сельского хозяйства и изделиями ремесленников, а также различными чужеземными товарами: по рекам и многочисленным каналам Ирака они отправляли зерно, сезам, вино, пиво, лен и т. д. в менее плодородные местности и в другие страны.

Так, например, Абба Арика (он же Рав), владевший обширным огородным хозяйством, разбогател от пивоварения. Р. Гуна сказал однажды ему: «Начал Абба приобретать *istira* [stater—т. е. богатеть] от *sikra* [пивоварение из фиников]» (Моед катан, 12^б; Кидд, 39^{а,б}; Баба батра 54^а). Землевладельцы р. Хисда (217—309 гг.; Моед катан, 28^б) и р. Папа (IV в.; Песах. 113^а) также разбогатели от пивоварения. Р. Папа торговал также сезамом (там же). Р. Гуна, который в молодости был мелким землевладельцем (Мегилла, 28^а; Кетуб. 105^а), впоследствии разбогател (Мегилла 24^б) благодаря занятию виноделием и торговле вином. В упомянутом уже выше отрывке рассказывается, что скисшее вино он продал по цене хорошего вина, так как укус вздорюжал (Берахот, 5^б). Землевладелец р. Гуна бен-Иошуа (умер в 410 г.) торговал сезамом, который закупал в местностях, расположенных по берегам канала Негар-Малка, и перевозил по этому каналу (Гитт. 73^а). Упомянутый выше Абба бар-Абба занимался также торговлей шелком (Баба камма, 117^б; Мидраш Шемуел, 10), для чего ездил в отдаленные области Ирака и в соседние страны; в городе Нисибин (Нисибис) он предлагал свой шелк Иегуде бен-Батира (II в.) в кредит (там же). Торговые и промышленные прибыли давали этой группе землевладельцев возможность расширять свои земельные угодья.

Значительные прибыли извлекались зажиточными землевладельцами и из владения землей. Рассказывается, что р. Папа и р. Гуна бен-Иошуа пришли к Равве (умер в 352 г.) на занятия по талмудическому праву; Равва спросил их, подготовили ли они тот раздел, который был им задан в предыдущем семестре. Когда они ответили ему утвердительно, Равва спросил их: «Разбогатели ли вы немного?» Р. Папа и р. Гуна бен-Иошуа ответили: «Да, мы купили небольшой участок земли» (Горайот, 10^б). Это показывает, что владение хотя бы небольшим участком земли обеспечивало владельцу достаток, возможность располагать временем для посторонних занятий.

2. Однако земельные фонды в Ираке в этот период, ввиду большой плотности населения, были очень ограничены. Использовался каждый пригодный для земледелия участок земли; захватывались берега рек и каналов (Баба мец., 103^а). Отвоевывались даже мелкие участки от самих рек и каналов путем засыпки их, для чего при покупке у государства земли, находящейся на берегу реки, в купчую вносился пункт о том, какая часть реки будет принадлежать покупателю: «Пишут персы [персидское правительство]: приобрел себе до шеи лошади» (там же) — вместе с землей приобрел прилегающую часть реки до того места, где вода достигает шеи лошади. Р. Иегуда (218—298 гг.) наставлял землемера Адду: «Не пренебрегай при измерении [размежевание полей надо производить с большой точностью], потому что каждая мелочь годится для [посева] огородного шафрана»¹ (там же, 107^б).

Между желающими приобрести землю происходила сильнейшая конкуренция. Р. Папа (IV в.) советует: «Поспешь купить землю» (Иебам., 63^б)—надо торопиться с покупкой земли, пока ее не приобрел другой.

¹ Огородный шафран—*kurkema rišaka*, *socus vernus*—высоко ценился и приносил посеянному его большие доходы.

Далее рассказывается: «Рабба бар-бар Хана (III в.) дал Раву деньги и сказал ему: «Купи для меня ту землю». Пошел [Рав] и купил ее для себя. Это — поступок обмана [почему же Рав поступил так?]. В долине сильных находилась [все земли в окрестностях продаваемого участка принадлежали богатым владельцам]; Раву оказывали они уважение [и поэтому дали согласие на продажу ему земли]; Раббе бар-бар Хана не оказывали они уважения [не соглашались продать землю ему]. Должен был [Рав] сообщить ему [Раббе бар-бар Хана] раньше, чем приобрел землю для себя. Думал он [Рав]: «пока что придет другой человек и купит ее» (Кидд., 59^а). «Гиддель [III-IV вв.] хлопотал о той земле [пытался купить ее]; пошел Абба и купил ее [для себя]. Гиддель пожаловался Зеере. Зеера пожаловался Исааку Напаху; встретил [Исаак Напаху Аббу] и сказал ему: Как? [как называют человека, который так поступает?]. Ответил он [Абба] ему: Называется он грабителем. А ты почему сделал так? Я не знал [что Гиддель хлопочет о покупке этой земли]. Теперь же отдай ему [продай землю Гидделю]. [Ответил Абба]: Продать не продам я ее, потому что она первая земля [у меня]» (там же).

Имелся, правда, закон о смежном владельце (*bar me'gra*), согласно которому в случае продажи земельного участка преимущественным правом на его приобретение пользовался владеющий какими-либо угодьями, прилегающими к продаваемому участку (*Баба мец.*, 108^{а,б}). Если кто-либо приобретал участок земли в нарушение этого закона, сделка могла быть аннулирована, а продаваемая земля передана тому, кто являлся смежным владельцем (там же).

Но это постановление, как будет подробно показано далее, лишь использовалось крупными и зажиточными землевладельцами для недопущения мелких землевладельцев к приобретению новых земель. Для ослабления же конкуренции оно никакого значения не имело: многочисленные изъятия из общего закона оставляли зажиточным землевладельцам много лазеек для его обхода и даже давали возможность полностью его игнорировать.

Погоня за землей приводила часто к резким столкновениям: то кто-либо покупал участок земли, а другой закреплял его тем или иным способом за собою (*Баба батра*, 54^б), то кто-нибудь присваивал себе чужой участок путем обмана или просто силой (там же, 40^б; 168^б). В талмудической литературе имеются многочисленные указания на бесконечные споры о том, кому принадлежит тот или другой участок земли (*Баба батра*, 30^{а,б}; 32^{а,б}; 33^б).

С усилением новой группы средних землевладельцев и увеличением погони ее представителей за земельными угодьями ценность земли быстро повышалась. А в результате этого, как будет указано дальше, неизменно росло обнищание и обезземеление мелких независимых землевладельцев, превращение их в закрепощенных арендаторов и издольщиков.

3. Хотя еврейские литературные памятники раннего средневековья содержат лишь косвенные указания на размеры земельных угодий мелких землевладельцев, тем не менее по ним можно установить приблизительные размеры этих участков.

Указывается, что «кто продает землю за тысячу зуз, удешевляет [снижает цену] и продает» (*Баба мец.*, 77^б). Чтобы продать участок земли сравнительно большой по размерам, приходится установить относительно более низкую цену, чем при продаже мелких участков, так как круг возможных покупателей такого участка крайне ограничен.

Поля мелких землевладельцев стоили гораздо меньше 1000 зуз. Рассказывается, что «один человек, который должен был сто зуз, умер; он оставил небольшое поле, стоящее пятьдесят зуз. Пришел заимодавец и за-

брал его [это поле]» (Кетуб., 91^б). Другой человек, который «должен был сто зуз, имел два небольших участка земли: один он купил за пятьдесят [зуз] и другой за пятьдесят. Пришел займодавец и забрал один из них, опять пришел [займодавец] и забрал другой» (там же). Таким образом, земельный участок мелкого землевладельца не был обычно больше участка стоимостью в пятьдесят зуз; к тому же долги владельца такого участка весьма часто превышали стоимость самой земли.

При этом небольшие участки земли, которые находились в распоряжении мелкого землевладельца, были разделены бесчисленными межами, усложнявшими их обработку. Небольшое поле мелкого землевладельца представляло собой иногда ряд отдельных, еще более мелких участков, находившихся в разных местах. «Человек не станет жить немного тут, немного там, но в отношении посева часто бывает, что человек сеет тут немного, там немного» (Баба мец., 118^а).

Нередко два мелких землевладельца обрабатывали совместно участок земли, настолько малый по своим размерам, что его нельзя было поделить. Рассуждения о том, при каких минимальных размерах можно производить раздел недвижимого имущества, чрезвычайно показательны для характеристики размеров земельных владений мелких землевладельцев.

В Мишне приводятся по этому вопросу следующие высказывания: «Не разделяют двора [при доме], если в нем нет четырех локтей¹ для одного и четырех локтей для другого, и не [разделяют] поле, если в нем нет девяти кабов² для одного и девяти кабов для другого» (Мишна Баба батра, I, 6). Р. Иегуда Ганаси (135—220 гг.) считает, что нельзя разделять поле, «если не будет девяти полукабов для одного и девяти полукабов для другого. И не [делят] огород, если в нем нет полукаба для одного и полукаба для другого» (там же). Акиба (I—II вв.) считает, что можно огород делить только в том случае, если после раздела придется на долю каждого площадь в «четверть каба» (там же). «Это все тогда, когда не оба желают [раздела]; но если оба желают, даже меньше этого разделяют» (там же).

По поводу этого спора сирийских правоведов (таннаитов) иракские правоведы говорят: «Не спорят [высказывающие в Мишне различные мнения]: один [говорит так], как в его местности; другой, как в его местности» (Баба батра, 12^а). Понятие о минимальной площади участка, пригодной для поля или огорода, зависит, вероятно, от плодородности земли, интенсивности ведения сельского хозяйства и т. п. На вопрос «В Вавилонии как?»—при какой величине поля может совладелец требовать раздела,—р. Иосиф (умер около 322 г.) отвечает: «При вспашке одного дня» (там же),—если после раздела на долю каждого придется такой участок, вспашка которого потребует одного дня работы.

Требовать раздела плодового сада можно было при размерах участка, средних между минимальными размерами поля и огорода; для раздела плодового сада требуется, согласно высказыванию Аббы Бар-Абба, чтобы после раздела у каждого оказалось по три каба (там же). «Когда кто-либо говорит своему ближнему: «Часть виноградника я продаю тебе»,—пусть [продает ему] не меньше трех кабов» (там же),—заявляет Симмахос (II в.). По мнению Раввы бен-Каспа, при разделении сада в Ираке требуется, чтобы на долю каждого приходилось «по три ряда и по двенадцать

¹ Локоть (амма) = 56,2 см; площадь в один локоть = 3158 кв. см., т. е. около $\frac{1}{3}$ кв. м.

² Каб (множественное число «кабин») — мера сыпучих и жидких тел, равная 4 логам. Лог = 519,4 см³; следовательно, каб = 2197,6 см³ или 2,2 л. Меры площади в источниках определяются обыкновенно количеством засеваемого на этой площади зерна. «Бет-каб» — площадь, на которой засевадается каб зерна, равная $416\frac{2}{3}$ локтям = 130,7 м². Таким образом, площадь, засеваемая 9 кабами, = 1176,3 м², или немного больше $\frac{1}{10}$ га.

виноградных лоз в каждом—сколько человек может обработать в день» (там же).

При обсуждении этих вопросов исходили, повидимому, из того, что обработка участка земли, уступающего некоторому определенному минимуму, вообще нецелесообразна. Владельцам таких ничтожных клочков земли выгоднее стать наемными работниками или заняться каким-либо иным трудом. Аналогично этому размеры бассейна или колодца для искусственного орошения, при которых совладелец может требовать его раздела, ограничены. Р. Нахман (умер в 320 г.) указывает, что такого раздела можно требовать, «если сможет черпать день» (там же), если после раздела каждому из совладельцев хватит воды для работы по орошению поля в течение одного дня; в противном случае использование оросительных сооружений не эффективно.

Все эти постановления и высказывания ярко показывают, насколько дробились земельные участки.

4. Тяжелое положение мелких землевладельцев усугублялось налоговым гнетом. Поземельная подать (taska) и подушная подать (kraga или karga), которые должен был платить землевладелец, составляли от одной шестой до одной трети доходов¹. Кроме этих податей существовал целый ряд других повинностей. Население было обязано предоставлять чиновникам животных для передвижения (повинность ангария; Баба мец, 78^б), которые иногда не возвращались владельцам (там же). Население должно было обеспечивать проезжающих чиновников и сопровождающих их едой и питьем (арнона; Недарим, 62^б; Песах., 6^а). В случае постройки дорог, при строительстве мостов или ремонте старых и т. д. население обязано было предоставлять даром строительный материал (Баба камма, 113^б); жители должны были принимать непосредственное участие в работах по возведению городских стен, рытью общественных колодцев и т. д. (Баба мец., 108^а).

Налоговый гнет увеличивался злоупотреблениями откупщиков и сборщиков налогов, которые вносили собираемые ими налоги в больших размерах, чем это полагалось (Сангед., 25^б).

Нередко откупщики официально имели право взимать с населения взятый на откуп налог в размерах, устанавливаемых ими по собственному усмотрению (Баба камма, 113^а); такие налоги были особенно тягостны для населения. Откупщики злоупотребляли также существовавшей в Ираке круговой порукой жителей одного селения (там же). Этот порядок давал большой простор произволу откупщиков и сборщиков податей, которые взыскивали всю сумму налогов, причитающихся с жителей данного селения, с кого-либо одного, выдав ему удостоверение на право взыскать эту сумму с других местных жителей (Баба камма, 113^б).

Крупные землевладельцы могли всегда тем или иным путем избавиться от притязаний государственных чиновников и сборщиков податей. Налоговый гнет давил преимущественно на мелких землевладельцев, окончательно разоряя их.

Поля тех, кто не уплатил налогов, продавались государственными чиновниками по взиманию поземельных налогов (zaharoga² Баба батра, 55^а), откупщиками или органами местного самоуправления. Чтобы облегчить продажу полей неплательщика, разрешалось производить ее с аукциона

¹ N ö l d e k e, Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari, Leyden, 1879, стр. 241, прим. I.

² От арамейского слова zihara (zahara)—поле, земельный участок (Баба батра, 61^а). См. J. L e v y, Neuhebräisches und Chaldäisches Wörterbuch über die Talmudim und Midraschim, Leipzig, 1876, I, 546, слово «Zihara».

без соблюдения ряда формальностей, обычно требовавшихся при этом. «Говорят нагардейцы [жители Нагардеи]: «Для [уплаты] поголовной подати, для питания [когда суд продает имущество умершего для пропитания его семьи] и для похорон продают без [предварительного] оповещения» (Баба мец., 108^б), которое являлось необходимым условием продажи с аукциона. При такой продаже не считались также с постановлением о смежном владельце (там же).

Не уплатившим налогов угрожало полное порабощение. Крупные и зажиточные землевладельцы широко пользовались при персидском царе Шапуре II (309—380 гг.) общегосударственным законом, по которому не уплативший поголовной подати порабощается тем, кто уплатил за него этот налог; и, уплатив за всех тех, кто не был в состоянии сделать это сам, обращали их в рабство (Баба мец., 73^б). Члены семьи Папы Бен-Абба (IV в.) «давали деньги людям для [уплаты] их поголовной подати и порабощали их» (Иебам., 46^а). Так поступали также и многие из талмудистов (Баба мец., 73^б). Когда р. Папа обратился к Равве с жалобой на них: «Смотри, учитель, те законоучители дают деньги для [уплаты] поголовной подати людей и порабощают их» (там же),—Равва, сославшись на р. Шешета (III в.), ответил ему, что делающие это поступают вполне законно, так как «податные записи (*muharke*¹) этих [всех обязанных платить подать] вларце царя лежат, а царь сказал: «Кто не дает подати, пусть поработится тем, кто даст [за него] подать» (там же). Особенно широко пользовались этим правом сами откупщики и сборщики податей.

Мелкие землевладельцы, не сумевшие своевременно уплатить налоги, часто бросали свои участки и спасались бегством от угрожавшего им порабощения (Баба мец., 39^а).

Для уплаты налогов, а нередко также и для пропитания, приобретения семян для посева и т. п., мелкие землевладельцы были вынуждены прибегать к займам в счет будущего урожая (Баба мец., 72^б) или к предварительной продаже будущего урожая по низкой цене (там же, 73^{а,б}). Вследствие бедственного положения мелких землевладельцев подобные займы и предварительные продажи были в это время как в Ираке, так и в Сирии обычным явлением. В источниках подробно обсуждаются различные виды займов и запродаж, рассматривается степень их законности с точки зрения Моисеева закона, запрещавшего взимание процентов (Иебам., 93^а; Баба мец., 62^{а,б}; 65^б; 73^{а,б}) и т. п. На вопрос о том, можно ли заранее продавать плоды сада, Рав отвечает: «Нельзя, так как потом стоят больше, равносильно процентам». Самуил же заявляет, что предварительная продажа плодов сада вполне допустима, и ссылается на то, что «может еще случиться неурожай» (Баба мец., 73^а). Про Рабину (IV—V вв.) рассказывается, что «он давал [ссужал] деньги жителям укрепленного места Шанвата [в счет будущего урожая их виноградников] и [при расчете] наливали они ему больше кувшинов» (там же, 73^б),—чем полагалось, если бы та же сумма денег была уплачена после созревания виноградников.

Все это приводило к еще большему обнищанию мелких землевладельцев и закабалению их крупными и зажиточными средними землевладельцами. В источниках указывается, что мелкие землевладельцы принуждены «питаться солью и *ḥaṭraḥ* [травы после покоса], спать на земле и иметь тяжбы с соседями» (Иебам., 63^а). Р. Элеазар (III в.) говорит: «Только если человек делает себя рабом земли, он будет сыт хлебом, а если нет,—не

¹ J. Levy (op. cit., I, 546, слово «*muharka*») приводит мнение Fleischer'a о том, что слово это персидско-арабское и означает по-арабски—папирус, пергамент, документ.

будет сыт хлебом» (Сангед., 58^a), — только тяжелым трудом может мелкий землевладелец добыть себе средства для пропитания. Таких землевладельцев имел в виду р. Элеазар, заявляя также: «Нет ремесла хуже земли» — ваяния земледелием (там же).

5. Тяжелым положением мелких землевладельцев пользовались крупные и зажиточные землевладельцы для увеличения своих владений.

Широкую возможность вытеснения мелких землевладельцев из их земельных участков предоставлял богатым землевладельцам иранский закон, согласно которому «кто дает поземельную подать, тот пользуется землей» (Баба мец., 73 ; Баба батра, 54^c). Зажиточные землевладельцы уплачивали налоги за земли тех, кто не был в состоянии уплатить их сам, и забирали эти земли себе.

Владельцы смежных полей, связанные круговой порукой, иногда сами передавали кому-либо земельный участок отсутствующего соседа. Богатые землевладельцы, получившие во временное пользование такой участок, старались уплатить налоги за несколько лет вперед, чтобы таким путем обеспечить себе пользование землей на более продолжительное время. Так поступил, например, Гиддель бен-Реилаи (IV в.), получивший участок земли от соседей его владельца: он уплатил налоги за три года вперед (Гитт., 58^c), рассчитывая закрепить таким путем за собой землю на это время. В данном случае, однако, когда через год вернулся прежний владелец, участок был возвращен соседями ему. Прежний владелец сказал Гидделю бен-Реилаи: «Прошлый год ты дал [уплатил налоги], — ты ел [пользовался урожаем поля]; теперь мы дадим — мы и будем есть» (там же). Гиддель потребовал от землевладельцев, передавших ему поле, выплаты той суммы, которую он уплатил в качестве налогов за следующие два года. Р. Папа был склонен удовлетворить этот иск; он считал, что владельцы полей округа не имели права отнять у Гидделя поле без возвращения ему истраченных на уплату налогов денег. Однако р. Гуна бен-Иошуа (умер в 410 г.) отказал Гидделю в его иске, говоря, что Гиддель «положил деньги свои на бараний рог» (там же), — выбросил на ветер: ввиду вступления прежнего владельца во владение своим участком уплаченная Гидделем сумма не будет зачтена владельцам полей округа при уплате ими общей суммы налогов; Гиддель не должен был спешить с уплатой налогов вперед.

Сам институт круговой поруки служил в руках крупных и зажиточных землевладельцев средством для подчинения мелких землевладельцев и вытеснения их с их земельных участков. Налоги часто накладывались на землевладельцев целого округа в виде общей суммы, которая распределялась между отдельными землевладельцами самими налогоплательщиками. При этом крупные и зажиточные землевладельцы перекладывали всю тяжесть налогов на мелких, тем самым принуждая их к отказу от своих земельных участков в пользу богатых соседей, навсегда или временно, чаще всего в виде залога при ссуде.

Закладывать свой участок мелкий землевладелец бывал принужден как для уплаты налогов, так и для пропитания семьи или ведения хозяйства. Ссуды давались обычно на некоторый заранее обусловленный при их выдаче срок — до десяти лет и даже больше (Баба мец., 67^c; 109^b), и в течение всего этого времени заложивший землю не имел во многих местах права выкупить ее (там же, 67^b). Если срок не был установлен, должник не имел права выкупа в течение года. Р. Аши (умер в 427 г.) передает от имени «старейшин Мата-Мхасии», что «обычный заклад (когда не договариваются заранее о сроке) — год» (Баба мец., 67^b; 68^a).

В течение всего условленного времени залогодатель пользовался заложной землей и получал все доходы с нее. Чаще всего при этом он поль-

вовался заложенной землей «без отчисления» (*belo nekhaġta*),—доходы, получаемые от заложенной земли, не засчитывались в счет долга (Баба мец., 62^a, 6). Иногда срок подобного пользования определялся заранее; по истечении его дальнейшее пользование начинало уменьшать долг (Баба мец., 67^b). На вопрос: «Что такое *kiṣuta*?»—определение срока,—правоведы разъяснили: «Когда он [заимодавец] сказал ему [должнику]: «До пяти лет буду я есть ее [получать доходы от земли] без всякого отчисления; отсюда и дальше буду я оценивать тебе все плоды»—уменьшать на соответствующую сумму долг (там же). В городе Сура доход от заложенной земли засчитывался в счет долга, но не полностью, и в залоговом документе заранее указывалось, через сколько лет долг будет считаться покрытым за счет дохода, который получает заимодавец от заложенных угодий: «По истечении стольких-то лет перейдет земля от заимодавца к заложившему без [выкупных] денег» (Баба мец., 67^b; Баба батра, 38^a).

Заклад земельных участков мелкими землевладельцами вел нередко к переходу земли в полную собственность заимодавцев. Заимодавцы всячески принуждали своих должников продать им заложенные участки земли.

Для закрепления за собой заложенных у них земельных угодий крупные и зажиточные землевладельцы пользовались также законом о праве давности. По этому закону, если земля или другая недвижимость находилась во владении у кого-либо более трех лет, они могли быть признаны его собственностью и без предъявления купчей, по праву давности—«хазака»¹ (Мишна Баба батра, III, I). Рассказывается, что «один человек заложил плодовый сад у ближнего своего на три года. После того, как ел его [заимодавец пользовался его плодами] три года давности, сказал [заимодавец должнику]: «Если я одашь мне—хорошо, а если нет—спрячу договор о закладе и скажу: она [земля] куплена мною» (Баба батра, 40^b). Подобные злоупотребления заимодавцев правом давности имели место очень часто (там же).

Нередко крупные и зажиточные землевладельцы сразу вслед за получением участка земли в обеспечение ссуженных мелкому землевладельцу денег сдавали этот участок земли его же владельцу в аренду или издольщину. В городе Нереше такие случаи были столь обычны, что имелась даже соответствующая формула договора: «Заложил такой-то землю свою у такого-то, а потом арендовал ее [или взял в издольщину] у него» (Баба

¹ «Хазака» означает буквально «укрепление», «закрепление» и употребляется в еврейских памятниках, как юридический термин, в различных значениях. В данном случае это слово означает давность владения (*usucapio*)—приобретение права собственности на имущество путем фактического владения им в течение известного времени, а именно в течение трех лет.

В отличие от римского права, по которому сам факт продолжительного владения вещью может заменить право собственности на нее, талмудическое право (Баба батра, 29) считает, что давность владения может лишь служить доказательством права собственности. Никто не обязан хранить акты на право собственности более трех лет; поэтому, право собственности признается за лицом, которое 3 года владеет спорным имуществом, если оно при этом ссылается на *justus titulus* (законное основание владения), которое оно, однако, не обязано доказывать документально или свидетельскими показаниями, пока оспаривающая сторона не докажет противного. Считающий себя законным собственником недвижимого имущества должен был в течение трех лет заявить в присутствии двух свидетелей протест (*maḥa'a*) против нарушающего его право собственности. Владелец земли обязан был тогда хранить акты, подтверждающие его право собственности, снова в течение трех лет со дня заявления протеста—нового срока давности. Арендаторы и издольщики не могли, ссылаясь на право давности, без предъявления купчей, заявить, что участок земли, который они обрабатывали, стал их собственностью; если они начали обработку данного земельного участка в качестве арендаторов или издольщиков, владелец участка мог в дальнейшем не заявлять протеста против использования его собственности, требуемого обычно при длительном владении чужим имуществом (Мишна Баба батра, III, 5; Баба батра, 47^a).

мец., 68^a). Интересно при этом отметить, что впоследствии текст договора несколько изменили, смягчив резкость формулировки о переходе земли к заимодавцу: «Заложил такой-то землю свою у такого-то, приобрел у него [займодавец у должника в качестве залога], продержал некоторое время, а потом отдал ему в аренду [или издольщину]» (там же).

Мелкие землевладельцы оказывались в зависимости от крупных и зажиточных также в связи с необходимостью искусственного орошения полей. Поля в Ираке всегда требовали искусственного орошения, сложной ирригационной системы, которую было нужно постоянно поддерживать, исправлять и обновлять. Все это было не под силу мелкому землевладельцу, и потому он зависел от зажиточного соседа; последний тем или иным путем мог вообще лишить его в любое время источников орошения. Для этого было достаточно углубить в каком-нибудь месте дно канала, протекающего через его обширные поместья или иным путем задержать нормальное течение реки или канала, и поля тех или других землевладельцев оказывались лишенными орошения, а их владельцы — обреченными на голод.

Источники красноречиво говорят о спорах и распрях между соседями, об очередности пользования водой речек и каналов для поливки полей и о праве того или другого из соседей на устройство различных ирригационных сооружений с целью оттягивания воды реки или канала в сторону своих полей или собирания ее в свой резервуар. Чаще всего такие споры возникали между владельцами полей, расположенных в верхнем течении реки или канала, и владельцами полей, находящихся в нижнем течении той же реки или канала.

Характерен, например, следующий рассказ об одной такой распре: «Жители Бе-Хермака выкопали у начала реки Шанвата ров, обвели его вокруг своих полей и соединили его [второй его конец] с рекой у ее окончания. Пришли верхние [владельцы полей, расположенных у верхнего течения реки] к Аббайе и сказали ему: «Они [жители Бе-Хермака] портят нам реку» [из-за выкопанного ими канала река мелеет]. Сказал им Аббайя: «Копайте вместе с ними немного больше» [углубите дно реки]. Сказали ему [владельцы верхних полей]: «Высохнут каналы» [если углубить дно реки, вода не будет попадать в каналы]. Сказал им [жителям Бе-Хермака] «Уходите отсюда и удалитесь» (Гитт., 60°). Аббайя приказал засыпать выкопанный ров.

Тем более приходилось владельцам полей, расположенных по нижнему течению, бороться против всяких попыток владельцев полей по верхнему течению чинить какие-либо препятствия обычному течению реки или канала. Они требовали уничтожения таких сооружений по верхнему течению реки или канала и не допускали собирания ими воды в резервуары и колодцы до тех пор, пока не оросятся поля и не наполнятся водой резервуары и колодцы нижнего течения реки.

По вопросу о пользовании водой рек и каналов владельцами полей по верхнему течению и владельцами полей по нижнему течению талмудистами высказывались различные мнения: «Рав говорит: нижние пьют воду [черпают воду для поливки полей] первыми; Самуил [умер в 254 г.] говорит: верхние пьют воду первыми» (там же). Далее разъясняется, что «при течении — никто не спорит», — если воду черпают непосредственно из реки или канала, не задерживая их обычное течение, и Рав согласен, что владельцы верхних полей имеют право черпать первыми. «Когда же спорят? Когда закрывают и поливают», — когда ввиду мелководности реки или канала приходится запрудить их и остановить на некоторое время дальнейшее течение. О таких случаях Самуил говорит: «Верхние пьют воду [имеют право первыми брать воду для поливки и для этого запрудить реку или

канал], потому что могут сказать: «Мы более близки к ней» [находимся ближе к истокам реки]»; Рав говорит: «Нижние пьют воду первыми, потому что могут сказать: «Пусть река течет обычным своим течением» (там же).

Интересно отметить, что спорившие талмудисты, Рав и Самуил, не пришли по данному вопросу к какому-либо соглашению. Р. Гуна бар-Тахлифа (IV в.) заявляет: «Так как не вынесено законодательного постановления, кто сильнее—берет верх» (там же). Более сильным, понятно, всегда являлся более богатый из соседей, владевший большими участками земли и имевший много рабов и наемных работников; мелкие землевладельцы, как далее будет показано, находились во многих отношениях в полной зависимости от богатого соседа.

Распри происходили часто также между компаньонами, владевшими совместно колодезем или другим каким-либо резервуаром для собирания и сохранения воды. Так, рассказывается: «Был колодец двоих [принадлежавший двоим]. Каждый день черпал один из них [по очереди]. Пришел один [из них] и стал черпать не в свой день. Сказал ему [второй]: «Ведь это мой день». Не обратил на него внимания. Взял [компаньон] рукоятку лопаты и бил его. Сказал р. Нахман [III в.]: «Сто ударов рукояткой лопаты пусть ударит его. Даже те [правоведы], которые считают: не должен человек сам творить суд по личному делу [согласны, что],—там, где убыток [где возможен большой убыток, если не будут приняты немедленно меры для восстановления нарушенного права], может человек и сам творить суд» (Баба камма, 27^б).

Крупные и зажиточные средние землевладельцы легко могли, таким образом, использовать находившиеся в их распоряжении ирригационные сооружения для оказания давления на мелких землевладельцев с целью принудить их к продаже своих земельных угодий.

6. Переходу земли в руки крупных и зажиточных землевладельцев способствовал и упомянутый выше закон о смежном владельце, по которому землевладелец пользовался преимущественным правом на приобретение земли, находящейся в соседстве с его владениями (Баба мец., 108^б). Ввиду обширности поместий крупных и зажиточных землевладельцев любой продающийся участок земли неизменно должен был оказываться граничащим с их владениями, чем заранее предreshался вопрос о том, кому достанется этот участок.

Уточняя постановление о смежном владельце, талмудисты сделали целый ряд изъятий из общего закона опять-таки в интересах крупных и зажиточных землевладельцев. Так, указывается, что «если деньги одного покупателя хорошие [ходовые], а деньги другого [смежного владельца] полновесные [но не ходовые], нет закона о смежности» (там же, 108^б),—не следует считаться с постановлением о смежном владельце, если смежный владелец предлагает менее ходовые деньги, нежели посторонний покупатель. Далее, «если скажет [один из покупателей]: «Пойду, постараюсь и принесу деньги», не ждут его; [если же] скажет: «Пойду и принесу деньги», смотрят: если богатый человек он, который пойдет и принесет деньги [о котором можно предполагать, что он в действительности принесет деньги], ждут его, а если нет, не ждут его» (там же). Если с разных сторон продающегося участка имеются различные соседи и один из них, опередив остальных, купил участок, сделка считалась действительной (там же). Таким образом, во всех случаях, когда один из покупателей мог предложить продающему землю более выгодные условия, чем другие, закон о смежном владельце не должен был применяться.

Закон о смежном владельце терял силу также, если кто-либо продавал все свои земельные угодья, находящиеся в разных местах, одному покупателю (там же). Разумеется, мог воспользоваться этим только крупный или

закрепощенный земледелец; мелкий земледелец, желавший приобрести соседний участок, опять оказывался в неблагоприятном положении.

Точно так же не имел силы общий закон, если землю приобретал заимодавец, у которого земля находилась в качестве залога в обеспечение уплаты долга (там же): если крупный земледелец давал предполагающему продать землю деньги взаймы под обеспечение этой земли, он мог затем беспрепятственно приобрести ее в обход закона о смежном владельце.

Иногда заимодавцы заранее улавливались со своими должниками о том, что в случае продажи заложенной земли она может быть продана только заимодавцам по цене, которая будет при продаже установлена, или даже за ту сумму, которая была ссужена (там же).

Закрепощенный земледелец мог, пользуясь постановлением о смежном владельце, добиться приобретения любого земельного участка. Скупив земли, прилегающие со всех сторон к данному участку, он становился по отношению к нему единственным смежным владельцем. Оказывая затем давление на владельца окруженного им участка, — например, путем лишения его возможности пользоваться ирригационными сооружениями, — он легко мог принудить этого владельца к продаже его участка и, как единственный смежный владелец, приобретал его.

Ярким примером такого вытеснения мелкого землевладельца с его земли является относящийся к IV в. талмудический рассказ о мелком землевладельце Ронии.

Закрепощенный земледелец Рабина «окружил Ронию [землю Ронии] с четырех сторон» (Баба батра, 5^a), а затем стал оказывать на Ронию давление с целью принудить его продать свой участок. Рабина потребовал, например, чтобы Рония принял на себя часть расходов по постройке забора, который Рабина возвел вокруг своих полей, под тем предлогом, что этот забор попутно ограждает также и поле Ронии (там же). Указывается, что он даже подстрекал своего издольщика воровать плоды с финиковых пальм Ронии (там же).

Рония долго сопротивлялся требованиям Рабины. Он даже купил в дополнение к своему участку участок другого мелкого землевладельца, поле которого, видимо, прилегал к полю Ронии и тоже было окружено владениями Рабины. Рабина хотел приобрести и этот участок, а потому опростестовал сделку по продаже его Ронии и потребовал уступки земли ему, как смежному владельцу (там же). Рония также являлся смежным владельцем, но Рабина ссылаясь на то, что его владения несравненно обширнее участка Ронии и линия соприкосновения его земли с проданным участком значительно длиннее. Благодаря вмешательству Сафры Бен-Иеба (IV—V вв.) Ронии удалось все же временно сохранить за собой купленный им участок (там же)¹.

¹ В оправдание решения спора в пользу Ронии р. Сафра бен-Иеба сослался на поговорку: «Четыре (монеты нужны для жизни) šall'a (кожевнику) — четыре (монеты нужны также) šallal'a (мелкому кожевнику)», — владелец мелкого участка имеет в отношении смежности одинаковые права с владельцем крупного. Смысл варьирующих в пословице арамейских слов šall'a и šallal'a, редко встречающихся в талмудической литературе, не совсем ясен; благодаря этому сама пословица различно понимается переводчиками и комментаторами. От понимания же ее зависит и понимание всего рассказа о споре Ронии со своим более состоятельным соседом. В Tosafot (Баба батра 5^a, s. v. atba'a) приводится толкование, по которому Рония являлся смежным владельцем купленного участка лишь в качестве издольщика; при этом слова šall'a и šallal'a переводятся: «кожа» и «кожевник». Так же переводят эту пословицу J. Levy, Goldschmidt и некоторые другие. При таком понимании данного отрывка получается, что решением р. Сафра понятие о смежном владельце было распространено и на издольщиков. В талмудической литературе нет, однако, никаких других текстов, которые бы подтверждали это положение, а основываться на одной только приведенной пословице нельзя. Поэтому слова šall'a и šallal'a следует понимать в смысле: кожевник вообще и мелкий, бедный

Но в дальнейшем Ронии не удалось устоять против натиска Рабины. Лишив Ронию всех его земельных угодий и окончательно разорив его, Рабина превратил его в своего издольщика-засадчика (Баба мец., 109^a).

Впоследствии Рабина согнал Ронию и с того участка земли, который он обрабатывал в качестве издольщика. Заявив, что Рония «причинил вред» засаженному им участку, Рабина присвоил себе все результаты многолетнего труда Ронии и средства, которые Рония вложил в участок (там же).

Крупные и зажиточные землевладельцы старались вообще не допускать приобретения земли мелкими землевладельцами. Об этом говорит, например, приведенный выше рассказ о том, как зажиточные землевладельцы одного округа «не оказывали уважения» Раббе бар-бар Хана и воспротивились его намерению купить продававшуюся в их округе землю; только Раву, более крупному и более влиятельному землевладельцу, удалось «снискать уважение к себе» и получить их согласие на приобретение им этой земли для себя (Киддушин, 59^a).

Мелкие землевладельцы не имели возможности сохранить за собой имевшиеся у них земельные угодья, противостоять натиску сильных соседей и сборщиков податей, им становилось все труднее и труднее. Р. Элеазар заявляет: «Земля дана только сильным (ba'ale zero'oth) Сангед, 58^b).

Процесс обеднения, обезземеления мелких землевладельцев в Ираке привел, наконец, к тому, что мелкий землевладелец был вынужден либо искать себе другие источники пропитания, либо продолжать обрабатывать свой прежний участок в качестве арендатора или издольщика, а иногда даже в качестве наемного сельскохозяйственного работника.

кожевник. На правильность такого перевода указывает повторение в слове şallal'а второй коренной буквы l; образование уменьшительной или унизительной формы посредством повторения второй и третьей букв корня или одной из них отмечено исследователями как для древнееврейского, так и для талмудическо-арамейского языков. Данный же перевод слов şall'а и şallal'а заставляет понимать по-новому весь этот отрывок. Данная интерпретация оправдывается также контекстом и местом талмудического рассказа о судьбе Ронии. См. J. L e v y, Chaldäisches Wörterbuch über die Targumim und einen grossen Teil des rabbinischen Schriftthums, II, 325, слово «şall'а» II; idem, «Neuh und Chald. Wört. üb. die Talm. und Midr., IV, 189, слово «salla», L. G o l d s c h m i d t, Der Babylonische Talmud, VI, 933, прим. 423; «Arukh has-salem» VII, 17, слово «şall'а».

А. Н. Бернштам

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

І. Основные этапы изучения¹

Исследование Восточного Туркестана неразрывно связано с русской наукой. Достаточно напомнить имя Чокана Валиханова, с которым связано первое путешествие в северный Синьцзян 1858—1859 гг. в оазисы Кашгар и Ташмалык². Произведенные Чоканом Валихановым наблюдения исторического и этнографического характера по своей глубине и важности выводов стоят несравненно выше, чем более знаменитые и впоследствии переведенные на русский язык работы о Синьцзяне Шау (Shaw) 1868—1869 гг. и Беллью, описавшей миссию Форсайта 1870 и 1873 гг.³

Если представитель русской науки начал экспедиционное обследование Синьцзяна в историко-этнографическом отношении, то русским принадлежит и честь первого специально историко-археологического изучения Синьцзяна. В развитии этой отрасли исторического знания роль русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского вряд ли может быть оспорена.

Ольденбург вскоре после смерти Н. Петровского в 1908 г. писал: «Во времени его поселения в Кашгаре (1862 г.—А. Б.) мало было еще известно о древностях в Китайском Туркестане; существовали только отдельные случайные заметки членов миссии сэра Д. Форсайта и некоторых других англичан, главным образом относительно Хотана; ими же были вывезены отдельные предметы древности. Были, наконец, литературные упоминания о памятниках старины в Западном Китае, но никем еще не была сделана попытка начать систематическое собирание древностей и исследование того, что еще осталось в стране от прежних культур. Николаю Федоровичу Петровскому принадлежит громадная заслуга

¹ Настоящий раздел статьи ставит целью дать только вехи историко-археологического изучения Восточного Туркестана и, следовательно, не претендует ни на полноту перечисления имен, ни, тем более, на исчерпывающую библиографию. Это заманчивое предприятие может (и должно) стать предметом специального исследования, имеющего большое научное и политическое значение. Попыток такого типа, кроме кратких упоминаний в работе В. Бартольда («История изучения Востока в Европе и России», СПб., 1911, 2 изд., Ленинград, 1926), в европейской литературе не было.

² Роберт Шау, Очерки верхней Татарии, Яркенда и Кашгара, СПб., 1872.

³ Беллью, Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—74 гг., СПб., 1877.

в этом деле: он первый, насколько ему только позволяли его сложные и трудные задачи по Кашгарскому консульству, стал последовательно собирать все относящееся к прошлому края¹.

Если Боуэр (Bower) в Шах-яре к югу от Кучи в 1890 г. первый открыл санскритскую рукопись на березовой коре, чем обратил внимание западно-европейской науки на историю домусульманского Синьцзяна², то Н. Ф. Петровский не только начал на восемь лет раньше собирание археологических коллекций, но и, в связи с археологическими памятниками, начал ставить ряд историко-культурных проблем, не потерявших значение по сей день. И, наконец, если в Западной Европе появилась первая сводная компиляция об истории Синьцзяна в многотомном предприятии Риттера, то несравненно выше этого труда стояли комментарии к русскому переводу соответствующих частей «Землеведения», исполненные в 1869—1873 гг. В. В. Григорьевым³.

Стремление к историческому исследованию Синьцзяна породило первую русскую (в серии многочисленных последующих европейских экспедиций) специальную экспедицию 1898 г. Д. Клеменца в Турфан, не говоря о предшествующих сборах исторических материалов Регелем, Куропаткиным, Зеланд, Корниловым и братьями Грумм-Гржимайло.

Экспедиция Д. Клеменца начала научную линию в исследовании Восточного Туркестана.

Успехи русской науки в изучении Восточного Туркестана, получившие всеобщее признание⁴, определили то ведущее значение, которое признавалось западноевропейской наукой за русским комитетом в международном Союзе ученых по изучению Средней и Центральной Азии, созданном в начале XX в. Русский комитет был признан центральным.

По стопам русских исследователей развернулся блестящий научный поход в Восточный Туркестан английских, французских, немецких, итальянских и японских исследователей в первые два десятилетия XX в. Продолжали свои экспедиции и русские ученые.

Так, в 1900 г. начинает свою деятельность Aurel Stein, наиболее разносторонний исследователь Восточного Туркестана. Достоинство работ А. Стейна заключается не только в широком территориальном охвате его экспедициями оазисов Туркестана, но и в установлении историко-культурных связей Синьцзяна с Китаем, Индией и Афганистаном. Широкий и разнообразный интерес А. Стейна к историко-культурным проблемам Туркестана четко выражен разнообразными исследовательскими сюжетами в его фундаментальных трудах-отчетах. Здесь и вопросы истории, исторической географии, истории культуры, искусства и религии, нумизматики, языка и общих вопросов филологии и, наконец, постановка ряда специальных вопросов археологии. Археологический диапазон исследований А. Стейна—от неолита Лобнора («палеолитическая оккупация Такла-Макан») до этнографических зарисовок современного насе-

¹ Сергей Ольденбург, Памяти Николая Федоровича Петровского, 1873—1908 гг., ЗВО, т. XX, вып. 1, стр. 5.

² См. «Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», ноябрь 1890, апрель 1891, а также «Journal of the Asiatic Society of Bengal», т. LXVI, 1897, ч. 1, (ср. 1893, ч. 1) со статьями R. Hoernle (ср. его публикацию коллекций археологических находок из Синьцзяна в JASB, 1899).

³ Восточный или Китайский Туркестан, вып. 1, СПб., 1869; вып. II, СПб., 1873. «Petermans Mitteilungen», 1879, Н. 10, 11; 1880, Н. 6; 1881, Н. 10; «Jahresberichte d. K. Friedrich-Alexanders Universität», Erlangen, 1911/12, стр. 4; отчет Д. Клеменца в статье D. Klementz und W. Radloff, Nachrichten über die von der Kais. Akad. d. Wiss. z. Petersburg im Jahre 1898 ausgeführte Expedition nach Turfan, Petersburg, 1899; С. Ф. Ольденбург, Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 г. «Изв. ВГОРГО», т. 45, Иркутск, 1917.

ления Сарыкола и Алтая. Большой и высококвалифицированный, международный по своему составу, коллектив, участвовавший в обработке материалов А. Стейна, обеспечил установление ряда решающих моментов в истории Восточного Туркестана. Напомним, например, имена Э. Шаванна и Лионеля Джайлса (синология), Готье, Райхельта, Андреаса (согдийские документы), Сигл и Сигелинга, Конова, Людерса, Байлея, Сильвана Леви, Гернле, Байера, Рапсона, Сенара (сакские и тохарские тексты), Томсена, Мюллера (древнетюркские и уйгурские документы), Томаса (тибетские), Алана (нумизматика), Эньдрюса (историческая технология) и многие другие.

Этот коллектив и обеспечил, если не всегда решение, то часто постановку важнейших историко-культурных проблем, прежде всего в силу личных исторических интересов руководителя экспедиции А. Стейна.

В 1900—1901 гг. А. Стейн проводит экспедицию в Хотан¹, в 1906—1908 гг. он проводит второе и третье путешествие по всему Восточному Туркестану от Дунь-Хуана до Турфана, результаты которого изложены в его знаменитой Сериндии². В 1913—1916 гг. он дополняет свои исследования обследованием китайского лimesа³.

О связи исследований Туркестана А. Стейна с сопредельными странами—Китаем, Индией, Афганистаном и Ираном—свидетельствует ряд предпринятых им путешествий, начиная с путешествия 1904—1905 гг. в северо-западной Индии и Белуджистане⁴ вплоть до путешествия 1927—1928 гг. по Индии, нашедшее свое отражение в двух томах «Записок археологической съемки в Индии»⁵.

Интересуясь в последние годы вопросами истории культуры в Иране в его взаимосвязи с Индией, А. Стейн публикует итоги своих последних наблюдений в работе, посвященной археологии северо-западной Индии и юго-восточного Ирана от халколита вплоть до развитого средневековья⁶.

Продолжая и углубляя свои исследования к северо-востоку, Стейн подошел к связям Афганистана с большим культурным миром «Сериндии», т. е. Туркестана в Индии, но, не завершив своих огромных и плодотворных трудов, скончался в г. Кабуле в 1942 г., уже во время Великой Отечественной войны.

А. Стейн завоевал несомненное первенство в накоплении разнообразного материала, обогатившего Британский музей в Лондоне и музеи Индии. Однако в его исторических концепциях выявляется несколько одностороннее преувеличение роли Индии и ее культуры в культуре Туркестана. Не получили и должной археологической классификации многочисленные памятники материальной культуры, которым он посвящал гораздо больше внимания, чем все остальные исследователи.

По количеству исследований и охвату тематики после Стейна следует отметить работы Лекока и Грюнведела. Грюнведел в 1902—1903 гг.

¹ «Ancient Khotan», тт. I и II; см. также его «Sand-Buried Ruins of Khotan» London, 1903; см. предварительные отчеты в JRAS, 1901, апрель—июль.

² «Serindia», тт. I—V, Oxford, 1921; см. также его «Innermost Asia», тт. I—V, Oxford, 1928.

³ «Ruins of desert Cathay», London, 1912; см. также «A third Journey of Exploration in Central Asia 1913—1916» в «The Geographical Journal», 1916, aug. ser. Краткое описание путешествий см. в сжатом изложении в отдельной книге «In Ancient Central Asia Tracks», London, 1933.

⁴ См. «Report of Archaeological Survey Work in the North-West Frontier Province and Baluchistan», Peshaver, 1905.

⁵ «Memoirs of the Archaeological Survey of India», 1930, № 42; «An Archaeological tour in Upper Swat and Adjacent Hill Tracts, 1934, № 43; «An Archaeological tour in Gedrosia».

⁶ «Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran», London, 1937.

обследует оазис Турфана¹. Лекок, продолжая работы Грюнведела, в 1904—1905 гг. обследует Турфан и продолжает свой маршрут в сторону Хами². В годы 1906—1907 А. Грюнведель и Лекок исследуют фрески в Турфанском оазисе, а также в Куче, Карашаре и Комуле, причем результаты их обследования Кучара были опубликованы Грюнведелем только в 1920 г.³ В этой экспедиции Лекок в 1906 г. обследует оазисы Кок Яр (3-я немецкая экспедиция⁴), а Грюнведель в 1906—1907 гг. продолжает обследование буддийских фресок в Безекликте и других памятниках Турфана⁵, а также в Карашаре.

Четвертая немецкая экспедиция (и последняя) накануне первой империалистической войны была проведена Лекоком в 1913 г. и была посвящена, главным образом, оазису Хочжо и Марал-баши⁶.

Из сказанного явствует, что четыре немецкие экспедиции занимались северной частью Туркестана, в то время как юг, по выражению Гайгера, оставался «доменом» А. Стейна.

А. Грюнведель был искусствоведом, занимаясь главным образом стилистическими компонентами восточно-туркестанской фрески⁷ и архитектурой буддийских монастырей, в чем подвизались многие последователи, например Георг Каро и Вальдшмит⁸. Интересы Лекока были более широкими. Лекок выступает не только как незаурядный искусствовед, издавший, в частности, великолепную серию «Буддийский поздний антик в Средней Азии» в шести выпусках in folio⁹. Он освещает и проблемы античного наследия не только в буддийской фреске манихейской и уйгурской школ, но во всем многообразии памятников материальной культуры, как непосредственно через греко-бактрийское государство и эллинистические влияния, так и через поздние реплики гандарского искусства¹⁰.

Наконец, следует указать на работы Лекока по тюркологии в широком смысле этого слова, главным образом, в области уйгуристики и отчасти этнографии, представленные прежде всего в его переводах манихейских текстов¹¹, и в его научно-популярной книге о «стране и людях Восточного Туркестана»¹².

Немало положили труда в публикации тюркских текстов Мюллер

¹ «Первая немецкая экспедиция» — о работах в Турфане (Индикутшари) см. «Bericht über archäologische Arbeiten in Indikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903, München, 1905.

² См. его «Auf Hellas Spuren in Ost-Turkestan», 1926 (Отчет о 2-й и 3-й немецких экспедициях).

³ См. его «Alt-Kutscha», 1920 г. Экспедиция Грюнведела носила название «3-й немецкой экспедиции», см. его «Die archäologischen Ergebnisse der Turfan Expedition», Z. E., вып. 6, 1909.

⁴ См. «Auf Hellas Spuren...»

⁵ См. его «Altbuddhistische Kultstätten in Chinesischen Turkistan», Berlin, 1912.

⁶ См. роскошное издание замечательных фресок Хочжо в специальном многокрасочном атласе in folio, «Chotscho», Berlin.

⁷ См. его статью «Краткие заметки о буддийском искусстве Турфана» в ЗВО РАО, т. XVIII.

⁸ Georg Karo, Die Kunst von Ost-Turkestan, ZDMG. 79, Neue Folge, t. IV, r. IV, 1925, стр. 136—149. Работы Вальдшмита (Waldschmit): «Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien», t. V.; его же «Gandhara, Kutscha, Turfan, Eine Einführung in die frühmittelalterliche Kunst Zentralasiens», Leipzig, 1925.

⁹ «Die Buddhistische Spätantike Mittelasien», Berlin, 1922—1926.

¹⁰ См., например, «Auf Hellas Spuren in Ostturkestan», 1926 г., а также в его известной работе «Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasien», Berlin, 1925.

¹¹ «Turkische Manichaica aus Chotscho» (три выпуска) 1912, 1919, 1922 (издавались Ирусской Академией Наук).

¹² «Von Land und Leuten in Ost-Turkestan», Leipzig, 1928.

и Банг со своими учениками (Рахмати), иранских—Андреас, китайских—Франке, Габаин¹.

Экспедиции французов были направлены главным образом в сторону исследования связей Туркестана с китайской цивилизацией, причем в решении этих проблем наибольшее значение имели археологическая миссия Эдуарда Шаванна в северо-западный Китай (провинция Сычуань и Хэнань)² и экспедиция Поля Пелльо 1906—1909 гг. в Дунь-Хуан³.

Работы Поля Пелльо, связанные с изучением истории, филологии языков и т. п. Туркестана, исключительно обильны. Он занимается интенсивно публикацией текстов и переводами с блестящим всесторонним комментарием китайских, тюркских, тибетских и монгольских источников. В каждой своей статье, заметке и рецензии Поль Пелльо публикует огромный фактический материал по самым различным вопросам истории культуры народов Восточного Туркестана⁴.

Не оставляет свою деятельность в Туркестане русская наука. Продолжая наблюдения Клеменца, в 1906 г. Березовский занимается копированием фресок Турфана и собирает новые документы языка I, заканчивая подготовительные работы для большой экспедиции С. Ф. Ольденбурга, два раза (1909—1910 гг., 1914—1915 гг.) работавшей в Туркестане, в первом случае на юге, во втором—на севере этого замечательного края⁵.

Существенной чертой русских экспедиций под руководством С. Ф. Ольденбурга было бережное и любовное отношение к памятникам Туркестана и сведение к минимуму разрушений буддийских храмов, чем, например, не могут похвастаться его предшественники и, прежде всего, немецкие экспедиции.

С работами русских ученых в Туркестане связаны поездки 1909—1911 и 1913—1915 гг. С. Е. Малова, посвященные задачам исследования уйгурского народа. С. Малов и его учитель академик В. В. Радлов, а также Розенберг и Залеман, принимают активное участие в обработке материалов русских экспедиций и, прежде всего, сборов Ольденбурга и Малова.

В отличие от вышеперечисленных экспедиций не оставили после себя значительных следов экспедиции: финская японская и итальянская, оставшиеся в пределах узко собирательских интересов⁶.

Японская экспедиция 1908—1909 гг., организованная буддийской сектой Ниши Хонгванжи, была возглавлена графом Отани и ставила перед собой целью изучение истории буддизма. В коллекциях этой экспедиции для нас наибольший интерес имеют собрания уйгурских документов, в изучении которых больше всего подвизался Тору Ханеда⁷.

¹ Как правило, работы печатались в протоколах Прусской Академии Наук: Мюллер в серии статей «Uigurica», Банг и Габаин в серии «Turkische Turfan-Texte». В тех же «Sitzungsberichte» печатался и Андреас.

² См. Ed. Chavannes, Mission Archéologique dans la Chine Septentrionale, Paris, 1915.

³ Библиография публикаций Пелльо (в журналах «Journal Asiatique», «T'oung Pao» и др.), связанных с результатами его экспедиции 1906—1909 гг., когда ему удалось открыть богатейшее собрание рукописей в одной из пещер Дунь-Хуана, составила бы, пожалуй, солидную книгу. Мы здесь укажем на одну его публикацию, имеющую особое значение для историко-археологических исследований, а именно «Les Grottes de Touen Houang», Paris, 1920.

⁴ См., например, Ed. Chavannes et P. Pelliot, Un Traité manichéen retrouvé en Chine, traduit et annoté, «Journal Asiatique», 1911—1913.

⁵ С. Ф. Ольденбург, Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 СПб., 1914.

⁶ См. «Some Buddhist fragments from Chinese Turkistan in Sanskrit and «Khotanese», «Journal de la Société finno-ougrienne», XXX.

⁷ BEFEO, 1909; ср. также BEFEO, т. X, 1910, стр. 651—654. Интересующие нас проблемы отражены в статье Tôru Haneda, A propos d'un texte fragmentaire de pierre manichéenne en ouïgour provenant de Turfan, Tokyo, 1932.

Итак, в первые два десятилетия XX в. были собраны колоссальные материалы по разным сторонам истории и культуры Восточного Туркестана, был поставлен ряд кардинальных вопросов его исторического развития и международных связей. Русская наука поставила серьезней всех проблему связей народов Восточного Туркестана с историей народов Средней Азии (трудами прежде всего В. В. Бартольда¹) как в домусульманский, так и в мусульманский периоды; далее, русская наука занялась изучением этнографии и фольклора уйгурского народа—аборигенов Туркестана, роль которых в создании высокой культуры Восточного Туркестана за плотной завесой международных влияний подчас оставалась в тени.

В актив русской и советской науки следует поставить также блестящие исследования П. Козловым древнего города Хара-Хото в 1907—1909 гг., где был найден культурный стык Восточного Туркестана с Монголией и Китаем², подобно тому как открытия Ядринцева 1889 г. и экспедиция В. Радлова 1891 г. в Монголию с последующими исследованиями востоковедов установили пути тюркского воздействия, в частности, на Восточный Туркестан³.

Из сказанного становится ясным не только удельный вес роли ученых нашей страны в изучении Туркестана (хотя мы привели далеко не полный список трудов)⁴. Вместе с тем вырисовываются исторические проблемы, которые стоят перед советским востоковедением. Формулировке этих проблем мы и посвятим свое дальнейшее изложение, сосредоточивая внимание главным образом на историко-археологических проблемах. В настоящей статье мы оставляем вне нашего внимания и вопросы позднего средневековья и нового времени, т. е. время после XV в.

II. О генезисе историко-культурных особенностей Восточного Туркестана

То, что А. Стейн называл «палеолитической оккупацией» пустыни Такла-Макан, судя по инвентарю находок, принадлежит к неолитическому возрасту, если даже не более молодому. Тип кремневых орудий со сплошь

¹ Например его работы: «Хафиз Аbru и его сочинения» в сборнике «Аль Музаффарийя» (сборник статей учеников проф. Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13 XI—1872 г.), СПб., 1897; «К вопросу об языках согдийском и тохарском», сб. «Иран», Л., 1926; предисловие к изданию рукописи Худут-ал-Алам, получившее свое развитие в труде V. Minorsky, «Hudud al Alam», GMS, New Series, London, 1937.

Вопросами средневековых княжеств в Восточном Туркестане занимался А. Ю. Якубовский; взаимоотношением культуры Восточного Туркестана с культурой народов Средней Азии интересовались многие авторы, например, С. Толстов («Хорезмийский всадник» в «Кратких сообщениях ИИМК», № 1); А. Бернштам («Согдийские колонизация Семиречья», там же, № 6); Н. Пигулевская («Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана» в «Советском Востоковедении», № 1); Ф. Розенберг («О согдийцах» в «Записках Коллегии востоковедов», № 1; Согдийские «старые письма», «К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии», ИАН, 1932, № 5) и т. д.

² П. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, М.—Л., 1923.

³ Литературу вопроса о древних тюрках см. в нашей работе «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков», М.—Л., 1946.

⁴ Укажу, например, что переводы китайских источников досунской эпохи об оазисах Восточного Туркестана во всей их полноте впервые были даны И. Бичуриным, а повторный перевод Шаванна был сделан по инициативе русской науки и также опубликован в России в серии «Сборник трудов Орхонской экспедиции» шестым выпуском.

По сравнению с переводами И. Бичурина значение пересказов Юлиуса Клапрота («Tableaux historiques de l'Asie», Paris, 1925) или выборки Абея Ремюза о Хотане («Histoire de la ville de Khotan», Paris, 1920) невелико.

фасеточным сколом поверхности орудия и частичной (по лезвию) или сплошной шлифовкой поверхности дает нам к этому основания¹.

Однако, в отличие от микролитической индустрии окружающих районов, этот комплекс каменных орудий указывает на южные связи, уводящие в область китайского «триполья», культур типа Янь-шао или более поздней Чэнцзыяй, связанных с земледельческой культурой древнего Китая, его северо-западных областей².

Наряду с этим в песчаных выдувах Такла-Макан, по северной и восточной ее границам, известны единичные пока находки микролитовидных орудий, органически входящих в круг памятников степного неолита и ранней бронзы, наиболее мощные и ближайшие очаги которых отмечены в Ордосе³ и Монголии, а также в других степных местах, прежде всего в Казахстане⁴.

Сопоставляя небольшое количество памятников этой эпохи, приведенных в основном Стейном, с ближайшими очагами земледельческой культуры в Иране и Средней Азии на севере и северо-западе и китайскими культурами на юге, мы можем пока указать на явные аналогии с обществами пастушеского типа, в то время как круг культурных остатков древнеземледельческой культуры и ее расписной керамики начисто отсутствует, что лишает нас возможности ставить вопросы генетического порядка. Одно несомненно, что культура эта, во всяком случае на юге Восточного Туркестана, есть, но до сих пор не выявлена. Для эпохи бронзы положение по существу не изменяется, несколько иначе складывается положение для раннескифского времени.

Хотя скифского типа курганы Стейн не раскапывал, но им было собрано большое количество наконечников стрел в различных местах Туркестана—в оазисах Хотан, Иоткан, Ния, Керия, Эндере⁵, на севере в Кучаре и др., т. е. в областях, сопряженных с предгорьями Тяньшаня, Гиндукуша и Куэньлуня, а также по отрогам Алтын Тага вплоть до Лобнора⁶. Впрочем, находки скифских стрел тянутся и вдоль всего лимеса на восток.

Наряду со стрелами в районе Кучара Стейн отметил и ряд других скифского цикла вещей, как, например, часть удила, характерные бронзовые пряжки с овальной рамкой без язычка на трапециевидном ажурном основании и шипом на овале. У Лобнора были найдены фрагменты сероглиняной керамики с орнаментом-насечкой в виде елочки, восходящей к андропо-карасукским формам керамики эпохи бронзы, и скифоидного облика кинжал⁷.

Находки скифского типа стрел, так же как и других вещей этого цикла, вкупе с памятниками предшествующей эпохи, с которыми связана скифская культура, тяготеют к предгорьям и примыкающим к ним оазисам. Эта локализация находок дала нам основание для аналогии в распределении памятников сакской культуры по Тяньшаню и его отрогам, изученных нами на этой территории экспедициями 1933—1945 гг. Вещи скифского облика в Восточном Туркестане делятся явно на две группы. В отли-

¹ A. Stein, *Innermost Asia*, Oxford, 1928, т. I, стр. 85—86, табл. XXIII

² Библиографию см. в сб. «Китай», М.—Л., 1940, стр. 492—493.

³ N. Egami и S. Mizuno, *Inner Mongolia and the region of the Great Wall*, Tokyo-Kyoto, 1935, «Archaeologia Orientalis», ser. B. t. I; ср. сб. «Северная Монголия», II, Л., 1926.

⁴ Большой материал из этих районов, как правило, не издан. Хранится в музеях Алма-Аты и Фрунзе.

⁵ A. Stein, *Ancient Chotan*, табл. LXXXVIII.

⁶ A. Stein, *Innermost Asia*, т. I, табл. XXIII.

⁷ A. Stein, *Innermost Asia*, т. I, табл. XXIII.

чие от Тяньшаньских стрел, стрелы Восточного Туркестана, из района Алтын-Тага—Хотана, все в основном трехперые, в то время как стрелы Тяньшаня в основном пластинчатые (в обоих случаях стрелы втульчатые). Можно эти различия рассматривать как хронологические (пластинчатые более древни, чем ребристые), но предпочтительнее их считать не только хронологическими, но и территориально-этническими, ибо и на Тяньшане и в Алтын-Таге—Хотане встречаются, хотя в несравненно меньшем количестве, стрелы менее характерного для данного района типа. Эти различия подтверждаются и данными письменных китайских источников. Согласно данным этих источников, племена, принадлежащие к группе сакоусуньского круга (по характеру хозяйственной деятельности), делятся на две ясно выраженные группы.

Первая группа расположена в областях Алтын—Тага—Хотана и Яркенда. Это племена Сие (Юлэрэк), Пули (Сарлэк), Инай (Ингасар), восходящие к кругу тибетских кочевых племен. Вот что по поводу этих племен сообщает история старшей династии Хань: «Жители владений Пули, Инай и Улэй—одного племени с сиецами, а сиецы не тюркского происхождения, но ближе подходят к цянам и ди и составляют кочевое владение: комментарий Шы-гу: «не имеют оседлости». Переходят со скотом с места на место, там, где вода и трава» (Цяньханышу, гл. 96а, л. 9а). На границе северной группой племен располагались кочевники Улэй (Арачул), которых китайцы рассматривают как «полуцянов», «полусэсцов», т. е. полутибетцев-полусаков¹.

Севернее их расположена группа племен, которых китайцы прямо связывают с древними саками, утверждая, что их обычай сходен с обычаями племен усуней. Это племена хюсюнь, гюаньду, кочевники области Гибинь (Кашмир); кроме того, отмечаются племена уш в долине Юйту (Алай) (ЦХШ, л. 20а). Цяньханышу говорит: «когда сюнну разбили даюечжи, то даюечжи заняли на западе государство Дася, а сакский владетель занял на юге государство Гибинь. Сакские племена живут среди них (среди жителей Гибинь) отдельными группами и больше под зависимостью других племен. От Сулэ (Кашгара) на северо-западе Хюсюнь и Гюаньду—потомки «древних саков» (гл. 96а, л. 10б).

О племенах хюсюнь говорится, что «народные обычаи и одежда (мин су и) сходны с усуньскими. Они кочуют со своим скотом «там, где вода и трава, (они являются) племенем (чжун) древних саков» (гл. 96а, л. 19а.). Совершенно аналогично сообщение о племенах гюаньду, о которых, кроме того, еще сказано, что они смежны с усунями (л. 19б).

Как показывает китайская география, племена кочевников расположены от Тяньшане—Алая вплоть до Тибета по отрогам Гиндукуша. На участке Яркенд—Хотан намечаются границы их различий этнического порядка. Эти различия несомненны. Если на Тяньшане—Алае сакская культура повсеместно продолжается в культуре усуней—исседонов, то в Восточном Туркестане черты усуньской культуры выступают только в отдельных районах, например у Лобнора². Более тесные связи с Тяньшанем по археологическому материалу выявляются в севернотаримских оазисах, особенно в Кучарском, возле которого издавна обитали кочевники («задние чешы»), родственные обитателям Тяньшаня и, быть может, кроме Кучара, населявшие также и долину Большого Юлдуза вплоть до оз. Баркуль (Цяньханышу, гл. 96б).

¹ «Одежда сходна с усуньской, обычаи с юлэрэк одинаковы», ЦХШ 96а, л. 10а.

² См., например, сосуды сако-усуньского типа, воспроизведенные А. Stein, «Innermost Asia», Oxford, 1928, т. III, табл. XXIX.

Таким образом, пока еще фрагментарный археологический материал в свете письменных источников показывает, что север и запад Туркестана этнически и по культуре связан с обитателями древнего Тяньшаня. Острова этих этнически родственных племен прощупываются по Алтынтагу и особенно у Лобнора.

Результаты исследования древней скотоводческой культуры Тяньшаня показали, в свою очередь, ее связанность с южносибирским кругом племен, во всяком случае с эпохой средней и поздней бронзы, о чем говорит не только весь комплекс обнаруженных памятников, но прежде всего андроновского типа погребения и их инвентарь, раскопанные нами в долине Арпа в 1944—45 гг.¹

Учитывая, что характерные черты этого круга племен (эпоха бронзы, саков и усуней), связанные с мощными союзами племен Алтая, Казахстана и Киргизии, постепенно утрачиваются по мере продвижения к южным областям Восточного Туркестана и, наоборот, ярче выступают на севере, можно сделать первый вывод: в племенном составе Восточного Туркестана I тысячелетия до н. э. доминирующим компонентом было население, ведущее свое происхождение от среднеазиатских (точнее — семиреченских) племен.

Надо отметить, что культура саков проникла глубже в центр Восточного Туркестана и даже на юг, чем культура их продолжателей — усуней. Объясняется это, во-первых, наступлением китайской цивилизации по пути лимеса и, во-вторых (и это главное), фактом активного воздействия гуннского племенного союза из Монголии, постепенно охватившего (с середины I в. до н. э.) и области Тяньшаня и воспрепятствовавшего усуньскому культурному воздействию с севера на юг, направив его на запад (Фергана и Шаш). Гуннское вторжение в пределы Восточного Туркестана также преградило китайское влияние, идущее с юга на север.

Столкновение китайской культуры и гуннской экспансии ярче всего выступило по материалам раскопок А. Стейна в районе Лоулани у Лобнора². Здесь черты китайской культуры, синтезируясь с культурой кочевников, создали индивидуальный облик культуры Лоулани. Однако эти черты гунно-китайской культуры Лоулани оказались блестяще представленными и на Тяньшане, что следует из наших раскопок Кенкольского могильника в долине р. Талас³ и могильника в долине Арпа на Тяньшане⁴. Сходство обнаруживается не только в памятниках материальной культуры, но даже в расовом типе, что было отмечено Е. Жировым и В. Гинзбургом⁵. Влияние гуннов сказалось в проникновении элементов их культуры даже в северный Тибет, что показано раскопками Ю. Рериха⁶.

Ввиду того, что с середины I в. до н. э. и до начала II в. н. э. Тяньшань не только оказался в сфере влияния гуннов, но стал их основной территорией после изгнания гуннов из Монголии⁷, наличие черт сходства

¹ «Археологические контуры Тяньшаня и Алая», «Известия КирФАН», вып. 2—3, Фрунзе, 1945.

² В основном результаты раскопок опубликованы им в труде «Innermost Asia».

³ А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, «Археологические экспедиции Эрмитажа», вып. II, Л., 1940.

⁴ «Археологические контуры Тяньшаня и Алая», «Известия КирФАН», вып. 2—3, 1945.

⁵ См. статью Е. Жирова, Об искусственной деформации головы, КС ИИМК, VII, стр. 85. Специальная работа Е. Жирова и В. Гинзбурга не опубликована.

⁶ Ю. Н. Рерих, Звериный стиль у кочевников Северного Тибета, Прага, 1930.

⁷ Этого неоднократно мы касались в ряде работ. См., например, Хуханье и Чжичжи шаньюй. Из истории гуннов I в. до н. э., «Советское Востоковедение», I; Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1931 и др.

между культурами Восточного Туркестана и Тяньшаня вполне объяснимо. Таким образом, гуннское завоевание Восточного Туркестана и Тяньшаня, засвидетельствованное археологическими данными и письменными китайскими источниками, было вторым этапом в образовании общей этнической среды Восточного Туркестана и Тяньшаня.

Процесс гуннского воздействия способствовал прежде тюркизации племен севернотаримских оазисов—гоаюй, предков уйгур, от оазисов Кашгар (Суля) до Кучара (Гуйцы). Также и в Семиречье в результате гуннского влияния складываются тюркоязычные племена типа юебань.

Гуннский период в Восточном Туркестане и в Семиречье, прежде всего на Тяньшане, способствовал дальнейшему сближению культуры обеих территорий и единству этногенеза.

Наряду с этим еще с конца III в. до н. э. в Восточном Туркестане складываются и свои локальные различия, связанные с этническими массами, не имеющими ничего общего с материальной культурой Тяньшаня и предгорий Восточного Туркестана этой эпохи. Это две группы жителей оседлых оазисов, четко различающихся по своей материальной культуре. Первую группу составляют земледельческие оазисы по широте Хотан-Миран, т. е. по всему Алтын-Тагу, по южной оконечности пустыни Такла-Макан, а именно: Хотан, Иоткан, Раван, Дандан-Ойлык, Кара-Донг, Керия, Хадалык, Ния, Энд-ре, Черен, Чарклык, Миран.

Группа этих оазисов явилась носителем особой земледельческой культуры, представленной так наз. «сакскими» документами, писанными шрифтом каошты на одном из индоиранских языков, носящим условное название «язык II».

В области материальной культуры оазисы этого района носят на себе явные черты древнеиранской культуры с сильными проявлениями античных традиций и индийских влияний. Особенно это ярко сказывается в находках из Хотана, Иоткана и Эндарэ. Здесь наличествуют в технике обработки керамики лощение, штамп и резьба, аналогичные обработке предметов из дерева и камня. В терракоте представлены такие сюжеты, как голова льва, сменяющаяся образом античной горгоны, изображения обезьяны, коней, маски с изображением старца. Весьма распространен «аппликационный орнамент» и резьба в виде ромбической сетки. Поселения имеют ломаный периметр стен, не свойственный прямоугольному плану авестийских поселений. Культура Алтын-Тага (оседлых поселений) является свидетельством юго-восточного расселения иранских племен, которые продолжали быть связанными с северноиндийским и восточноиранским центром вплоть до греко-бактрийского времени и не прерывали этих связей в Кушанский период в первые века н. э. Таков характер добуддийского периода поселений Хотана—Алтын-Тага, составляющий первый этап их развития.

Культурно-этническая, а следовательно, и политическая связанность кушано-иранского мира Алтын-Тага—Хотана была серьезным препятствием в освоении этих оазисов китайской культурой. Военное покорение и присоединение оазисов началось при императоре Вуди (140—87 гг. до н. э.). Однако частые отпадения из-под китайского протектората «западных владений» приводят к необходимости в I в. н. э. организации крупной военной экспедиции под руководством Бан Чао. Характерно, что конечным пунктом глубокой разведки типа путешествия Чжан-Цяня (II в. до н. э.) или военных походов от Ли Гуанли (конец II в. до н. э.) до Баньчао (I в. н. э.), связанных с умиротворением «западных владений», являются средне-

азиатские территории от Тяньшаня и Ферганы вплоть до верховий Аму-Дарьи, т. е. Тохаристана. Очевидно, спокойствие на отрогах Алтын-Тага и Гиндукуша обеспечивалось покорением или хотя бы установлением добрососедских отношений со среднеазиатским Севером. Народы Средней Азии были в конце I тысячелетия до н. э. и первых веках н. э. политическим оплотом и культурно-этническим союзником населения южной части Восточного Туркестана.

Усиление этой роли произошло с того момента, когда Тяньшань стал гуннским, что усилило политические позиции севера, т. е. Средней Азии¹. не ослабевшие и в I тысячелетии н. э., во всяком случае до Танской эпохи: об этом свидетельствуют такие факты, как проникновение и развитие по этому пути кушанского буддизма со времени Канишки с его эллинистически-гандарскими чертами в южных оазисах Восточного Туркестана; этот буддизм проник до северо-западного Китая, где он создал шедевры хананьской скульптуры и отложил черты иранской архитектуры в культурных сооружениях оазиса Мирана, прямо перекликающиеся с архитектурными элементами раннего Ирана,—ахеменидским Персеполем². И хотя со временем в Восточном Туркестане явно наступает китайская культура, все же и в I тысячелетии н. э. в уже буддийской культуре оазисов алтынтагского Синьдзяна продолжают настойчиво звучать ее северные связи (от северной Индии до Средней Азии) и историко-культурные общности, создающие ее особый колорит и индивидуальные особенности. Культура Алтын-Тага—Хотана является наследницей кушанского историко-культурного мира, политические центры которого лежали в границах древних среднеазиатских государств.

В свете этих положений становится понятным, что согдийская колонизация в Восточном Туркестане VI—VIII вв., дошедшая до Денъ Хуана, являлась лишь логическим продолжением тех историко-культурных связей, которые почти на тысячелетие раньше уже сложились между Алтын-Тагом и Средней Азией. Но к этому мы еще вернемся ниже.

Этапы развития севернотаримских оазисов, лежащих к югу от Тяньшаня, были несколько иными.

С одной стороны, судя по письму документов языков I и II, т. е. кучарско-турфанских и хотанско-сакских, между южнотаримским и севернотаримским оазисами были культурно-исторические связи, однако культурные особенности земледельческих оазисов для ранней эпохи не выступают так ярко, как в Хотане—Алтын-Таге. Быть может, это является результатом слабого археологического изучения, а всего вероятней, что культура севернотаримского круга поселений дольше была под воздействием сако-усуньской среды, непосредственно связанной с Тяньшанем. Это предположение основывается на прямых свидетельствах китайских источников, все время указывающих на аналогии в обычаях местного населения в эпоху старших и младших Хань, т. е. со II в. до н. э. до начала III в. н. э., с культурой аборигенов Тяньшаня алая-саков и усуней. Вместе с тем севернотаримские оазисы испытывают на себе сильное воздействие западных влияний, создающих им совершенно своеобразное лицо только с середины I тысячелетия н. э., отраженное как в памятниках буддизма, так и в документах языка I A и B. Мы имеем в виду незнакомые для южнотаримских оазисов два ярко выраженных культурных влияния. Это, во-первых, византийский антик, согласующийся индоевропейскими элементами языка I A и B, т. е. диалектами кучар-

ским и карашарско-турфанским. Во-вторых, сассанидский Иран представлен здесь в таких элементах как неоднократное употребление орнаментального круга из перл с живственным посередине (например, утка, держащая в клюве гилянды, или изображение в таком же круге головы кабана в росписях пещер Кызыла в Кучаре)¹. Сюда же относятся находки сассанидских тканей в Астане (оазис Турфана) с геральдическими растительно-животными композициями. Бросается в глаза в буддийских росписях широкое воспроизведение корон сассанидских царей—Шапура II, Бахрам-Гура, диадем с орнаментом в виде зигзагов с точками по углам, трехрогих шляп сассанидских (эфталитских) воинов. В архитектуре наличествует роспись плафона, воспроизводящая световое отверстие в потолке, встречающееся в архаических постройках не только в памирских и припамирских странах (например, в Афганистане), но имеющее себе параллели и на Кавказе; формально типологически оно представляет собой восходящее к тундюку световое и дымовое отверстие в куполе кочевой кибитки. В Кучарском оазисе бордюр фрески подчас имеет любопытные росписи, имитирующие орнаментальный архитектурный мотив, известный под названием сассанидских городков. Такова одна группа явлений—связанных с так наз. сассанидским кругом. Вторая группа, представленная прежде всего фресками Кучара (Кумтура, Кизил, Кириш), несет в себе явно византийские элементы. Укажем на наиболее яркие детали. Сюда относится частая трактовка буддийских персонажей в духе византийских аскетов. Подобно тому, как в гандарском искусстве, как блестяще показал Фушэ², будда (особенно будда Авалокитешвара) меняет аполоновский прототип с его античной туникой на скульптурную реплику распятого Христа, подобно этому кучарские фрески меняют гандарские модели на образы византийско-христианских аскетов. Мрачная палитра красок с преобладающими темными красками, своеобразный пуантилизм, идущий от подражаний византийским мозаикам, весьма характерный репертуар костюмерных деталей (диадемы с инкрустацией, обилие украшений, покрытых зернью, и т. п.), наконец, преобладание европейского типа в изображениях буддийского пантеона («кавказский» тип по Грюнведелю),—все это красноречиво свидетельствует о мощной византийской струе в культуре севернотаримских оазисов³.

Ясная датировка указанных объектов—от V до VIII вв. н. э. указывает пути поиска к объяснению этих явлений.

Сассанидское и византийское влияния обнаруживаются прежде всего непосредственно за Тяньшанем к северу, в городах и поселениях долины Талас и Чу. Сассанидские элементы мы неоднократно отмечали в своих отчетах по археологическому обследованию указанных районов, считая даже, что синкретические формы орнамента на шелковых тканях (сассанидский круг с китайским лотосом) происходят из Семиречья. Сассанидообразные круги из перл были обнаружены в Таразе на Таласе и в Сукулукском поселении Чуйской долины. Там же нашли свое широкое распространение сассанидские городки. Западноазиатские элементы в искусстве, не только с узко сассанидской территории, ярко представлены в терракоте⁴.

¹ С. О л ь д е н б у р г, Русская Туркестанская экспедиция, СПб., 1914.

² A. F o u c h e r, L'Art Greco-Bouddhique du Gandhâra, Paris, 1905.

A. G r ü n w e d e l, Alt-Kutscha. См. особенно выразительные в этом отношении росписи Кызыла, ук. соч., т. III—IV, рис. 2, XIX, XX, XXIII.

³ «Согдийская колонизация Семиречья», КС ИИМК, VI.

⁴ «Памятники старины Таласской долины», Алма-Ата, 1941; «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала». Фрунзе, 1941.

Византийское влияние выявлено главным образом в варварских подражаниях византийским образцам. Укажу на находку византийских монет на Иссык-Куле, отмеченных М. Массоном¹, клад серебряных вещей из Лебединовки, опубликованный В. Городецким²; по моим раскопкам отмечу подражание восточноримскому солиду V в. из Тараза³, подражание византийским монетам первой половины VII в. в брактеатах из Сукулуга⁴, идентичность резной кости и ее орнаментации с коптско-византийскими образцами, изданными в сводке Вульфа⁵, и многое другое.

Другими словами, основные культурные влияния сассанидского Ирана и Византии, отмеченные нами для памятников севернотаримских оазисов, главным образом Кучара, т. е. к югу от Тяньшаня, представлены полностью к северу от Тяньшаня в долинах Таласа и Чу. Очевидно, что генезис этих явлений надо искать в общности исторических судеб указанных районов.

Время этих явлений—это время господства западнотюркского каганата.

В истории этого государственного образования выступает его широкая международная активность, включившая в орбиту своих действий расположенные к западу от него народы и государства вплоть до Византии. Факт этот широко известен и подробно освещался в литературе. Характерной особенностью государства западных тюрков была их веротерпимость, привлекавшая внимание широкой эмиграции—вначале манихейцев-сирийцев, впоследствии согдийцев-зороастрийцев. Характерно, что на Таласе была нами найдена древнейшая сирийская надпись, прочитанная А. Я. Борисовым, надпись, на столетие старше несторианской надписи в Сианьфу (надпись в Сианьфу VII в.)⁶. По мнению В. Радлова, одна из древнейших манихейских рукописей на уйгурском языке—Хуастуанит (покаянная молитва манихейцев) происходит из северного Притяньшанья⁷. Факты из этого цикла можно было бы намного увеличить; все они свидетельствуют, что манихейцы, и среди них сирийцы, являющиеся одними из носителей византийской культуры, опираясь на политическую поддержку тюркского каганата, внесли ее в области, занятые тюрками, как к северу, так и к югу от Тяньшаня. Мы уже не говорим о прямых связях тюрков с Византией, возникших со времени посольств Маниаха и Земарха. Сассанидские мотивы в Кучаре объясняются нами из факта согдийской колонизации, перешедшей через Тяньшань по пути Согд-Шаш, Талас-Чу, а не через Фергану, как автор пытался доказать в другом месте⁸.

Археологические находки А. Стейна в Кучаре кочевой культуры тюрков VI—VIII вв. свидетельствуют, что с глубоких времен севернотаримские оазисы находились под воздействием кочевников и, главным образом, тюрков. Очевидно, что отсюда и через оазис Хами шло проникновение западных влияний дальше на Восток (но не через юг), нашедшее свое

¹ «Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии», «Материалы Узком-стариса», вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 9 (византийский золотой солид Ираклия 610—641 гг.).

² «Серебряные сосуды из курганов с. Покровское, Пишпекского уезда», «Известия Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1936.

³ ВДИ, 1939, № 4.

⁴ «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии...», стр. 17.

⁵ Oskar W u l f f, *Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke*, I, Berlin, 1909.

⁶ Чтение А. Борисова впервые опубликовано нами в работе «Памятники старины Таласской долины», стр. 21, прим. 48.

⁷ W. R a d l o f f, *Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer*, СПб., 1909, стр. V.

⁸ Результаты наблюдений в экспедиции 1945 г., о чем предварительные сообщения см. в моей статье «Фергана и Тяньшань», газ. «Сов. Киргизия», 1945, декабрь: «Из истории культурных связей Ферганы и Тяньшаня», сб. К. И. Скрябину, Фрунзе, 1945.

выражение в карабалгасунской надписи¹, в наличии сирийского наставника у представителя киргизской знати², в сирийских документах Хара-Хото³ и, быть может, в появлении византийских монет на Алтае⁴.

Из сказанного следует, что культура севернотаримских оазисов, расположенных к югу от Тяньшаня, неразрывно связана с историей западно-тюркского каганата, основная территория и политические центры которого лежали в Семиречье, т. е. в границах современных республик Средней Азии.

Таковы в основных чертах исторические судьбы восточнотуркестанских оазисов, культуру которых в доисламский период нельзя понять без учета решающего, особенно для севернотаримских оазисов, воздействия культуры племен и народов Средней Азии. Среди разнообразных научных идей и попыток объяснить древнюю культуру Восточного Туркестана, ее возникновение, развитие и особенности, эта сторона не только не принималась во внимание, но даже не упоминалась. В значительной степени это стало возможным только в наши дни, когда интенсивные археологические исследования советских ученых в Средней Азии позволили коренным образом переосмыслить историю и культуру народов Средней Азии, когда выяснились их международные связи. В свете этих новых данных, среди которых особо важную роль в отношении Восточного Туркестана составляют исследования Семиречья, назрела пора коренного пересмотра истории культуры этого замечательного, во многом еще загадочного центра скрещения цивилизаций Востока, одностороннее рассмотрение которых уводило от желаемой ясности их познания.

Мы сознательно обошли здесь вопрос о взаимоотношении языков Восточного Туркестана и не вникли в дискуссию по этому вопросу, которая ведется уже 45 лет. Однако мы не можем не коснуться этого вопроса, поскольку вопрос о языке документов тесно связан с первостепенной проблемой этнического состава населения Восточного Туркестана.

Оставляя за собой право специально возвратиться к обсуждению этого вопроса в особом подготавливаемом нами труде, мы все же сегодня можем менее пессимистично взглянуть на эту проблему, чем Hoernle, который рассматривал спор о языках Восточного Туркестана как дискуссию, базирующуюся на более или менее дискуссионных же этнических или исторических рассуждениях⁵, или как иранист Geiger, который, подводя итоги экспедициям в Восточный Туркестан и накопившимся исследованиям, заключил свое выступление двустихием из Гетевского Фауста:

*«Da muss sich manches Rätsel lösen,
Doch manches Rätsel knüpft sich auch»,⁶*

Думаю, что когда в руки науки, наряду с имеющимися материалами, будут переданы и археологические комплексы, характеризующие повседневную культурную жизнь человека этой замечательной страны, когда

¹ Olaf Hansen, Zur Soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun, Helsingfors, 1930.

² Ramstedt, Zwei Uigurische Runeninschriften in der Mongolei, JSFO, 1913.

³ Н. Пигулевская, Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана, «Сов. Востоковедение», № 1.

⁴ С. Киселев, Находки античных и византийских монет на Алтае, ВДИ, 1940 № 3—4, стр. 360—363.

⁵ R. Hoernle, ук. соч., стр. X: «Some of these names, however based as they are on more or less disputable ethnico-historical consideration, has met with general acceptance».

⁶ W. Geiger, Die archäologischen und literarischen Funde in Chinesisch Turkistan und ihre Bedeutung für die Orientalistische Wissenschaft, Erlangen, 1912, стр. 14.

вопрос о языках, принявших ныне алгебраические шифровки (языки I A и B и язык II), будет решаться не только во всем богатстве филологического и формально-лингвистического метода, а в совокупности со всеми данными исторической науки (чем мы еще сегодня не располагаем), наука разрешит, выражаясь словами «Фауста», туркестанскую «загадку».

III. Восточный Туркестан и Семиречье в средние века. Уйгурская проблема

Укрепление позиций Китая в Танскую эпоху на территории Восточного Туркестана часто сменялось серьезными политическими кризисами и уходом из-под власти Китая ряда городов и государств, особенно Хотана, Турфана и Кучара. Деловые китайские документы, обнаруженные в Восточном Туркестане, раскрывают характер китайской колонизации, несущей для населения этих оазисов типично феодальные формы эксплуатации во всех ее разновидностях, но преимущественно раннефеодального типа. Укажу, например, на широкое развитие натуральных поборов и обязанностей по содержанию китайских военных гарнизонов. Наряду с этим широко было развито и казенное земледелие в военных поселениях, ведущее свое происхождение от Ханьской эпохи. Характерны в этом отношении, например, договоры Ран-Мана с гуннами¹—не принимать беглецов из Западного края. Широкая торговая деятельность, способствующая развитию ремесла, дополняет картину феодальных отношений не только у китайских колонизаторов, но и у местного населения. Вскрываемый в уйгурских юридических документах социально-экономический строй Восточного Туркестана в Монгольскую эпоху характеризует новую вспышку отсталых форм феодального типа эксплуатации, где широко представленное патриархальное рабство сосуществовало с кабалой и всеми видами рент. Показательны расписки о продаже в рабство и отдачу в кабалу лиц из местного населения; китайцы фигурируют в весьма редких случаях, в документах только Монгольской эпохи, и то речь идет в них только о кабале, но не о рабстве². Это объясняется положением восточнотуркестанских оазисов как колоний в последовательно сменяющихся государствах Китая и Монгольской империи. Естественно, что социальные протесты, которые возникли в этой стране-колонии со стороны местного населения,—с IX в., главным образом, со стороны уйгуров,—не могут быть иначе рассматриваемы как акты борьбы за независимость, лишь в немногих случаях приведшие к политической самостоятельности—в X в. к образованию самостоятельного Турфанского княжества, а в XI—XII вв. к вхождению их в состав Караханидского государства, где Кашгар получил некоторый доступ к самостоятельной политической организации.

Эти политические подъемы в обоих случаях обеспечены блоком уйгурской знати с царственными домами тюркских государств, политическая экспансия которых была направлена на северо-запад (Караханиды).

¹ См. у нас в статье «Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение», «Известия ООН», 1937, № 4.

² См. нашу работу «Уйгурские юридические документы» «Проблемы Источниковедения», т. III. Аналогичные отношения зафиксированы карошти и тибетскими документами и для более ранней эпохи—VII—IX вв. См., например, документы о рабстве (F. W. Thomas, Two Terms employed in Kharosthi Documents from Chinese Turkestan, BSOS, VI, 1930—1932, стр. 525), об адоптации (T. Burrow, Further Kharosthi Documents from Niya, BSOS, IX, ч. 1. стр. 118, док. 771).

Это был тот период, когда Восточный Туркестан становится Уйгуристаном, когда уйгуры получают возможность оформления своего этнического лица и, более того, выступать в роли культуртрегеров в сопредельных областях.

Буддийская культура Восточного Туркестана, которая со времен Канишки заняла здесь прочные позиции, при уйгурах получает дальнейшее развитие и обогащение. Уйгуры создают новую школу буддийской живописи, резко отличную от манихейской школы¹. Активизация уйгурского буддизма, особенно ясно прослеживаемая в период образования уйгурских княжеств, т. е. со второй половины IX в., затронула и тяньшаньский север, что отмечено нашими археологическими работами. С другой стороны, с конца X и в XI—XII вв. Семиречье с его высоко развитой культурой дарит Уйгуристану мощный поток культурных ценностей, что отмечается не только мусульманской нумизматикой², но также четырехугольными поселениями без цитадели, дошедшими до Хара-Хото и характерными для караханидского времени³, а также обильно представленной глазурованной, типично караханидской керамикой (при отсутствии саманидской), что все в целом объясняется прежде всего вхождением северной части Восточного Туркестана в государство Караханидов и в империю каракитаев, быть может, и монголов.

Развитие ремесла и городов Уйгуристана идет в это время по путям Семиречья, вступая в резкий контраст с китайско-колониальным застойным характером эксплуатации оазисов Восточного Туркестана. О том, что здесь быстро развиваются ремесла и уйгурские города проявляют особенное развитие, свидетельствуют такие факты, как возникновение уже в Минскую эпоху крупных ремесленных центров, предлагающих Китаю в числе посольских даров китайскому императору не только сырье, но и такие предметы как шелк и фарфор⁴. Эти факты, засвидетельствованные китайско-уйгурскими документами XV — начала XVI вв., говорят о мощных ремесленных центрах в оазисах Илибалык (Семиречье), Хами, Хочжо, Турфан и других, которые выросли как раз в районах древнего Уйгуристана. Этот подъем уйгуров продолжался до тех пор, пока они сохраняли свою, хотя бы культурную, самостоятельность, пусть даже в системе других государств, караханидской или монгольской. Только с Циньской династии маньчжуров наступают черные дни для уйгуров, лишившихся политических возможностей раскрытия своих творческих дарований.

Мы можем остановиться здесь только на основных данных, характеризующих историю уйгуров и их культуры в связи с историей того района, в истории которого уйгуры всегда находили политическую опору своего развития, т. е. в Семиречье.

Расселение уйгуров в древности не поддается точной локализации. Очевидно, что в составе уйгуров были племена, которые жили на территории от Байкала до Дуная. Сами уйгуры неоднократно подвергались нападению, раскалывались на отдельные части, распространяясь по новым территориям.

Уже Ф. Хирт полагал, что племена «уге» ханьской эпохи имеют отношение к уйгурам⁵.

¹ Об этом см. Le Q o q, *Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien*, вып. II и III.

² Нумизматические находки обработаны Аланом и опубликованы в качестве приложения к работам A. Stein'a «Serindia» и «Innermost Asia».

³ «Innermost Asia», т. III, табл. XVIII.

⁴ Документы эти подготовлены нами совместно с С. Маловым к печати в статье «Уйгурско-китайские документы XV—XVI вв.».

⁵ F. Hirth, *Über die Wolga-Hunnen und Hiong-nu*, SBAW, Phil.-Hist. Klasse, 1899, t. II, B. 2.

Столь же несомненна связь этнонима «уйгур» и «ухун». Учитывая закономерный переход $n|p$ (на примере Ансьи|Арсак), мы в термине «ухун» имеем одну из древних разновидностей этнонима «уйгур».

Не останавливаясь сейчас на вопросе о взаимоотношениях этих уйгуров с четырьмя группами угуров Восточной Европы (упургур, кутургур, отургур и онургур), в свое время рассмотренным В. Радловым¹, недавно М. Артамоновым², отметим, что они (угуры), несомненно, населяли северную часть Семиречья. Основанием к этому предположению служит анализ маршрута Чжи-Чжи шаньюя 49—47 гг. до н. э., который из ставки кыргызов на Енисее двинулся на запад, разбил племена уге (угур) и, повернув на юг, врезался клином между усунями и кангюй, т. е. по р. Талас. Очевидно, что племена уге были разбиты им в районе Северного Семиречья, в Илийской долине³.

С этими древними угурскими элементами были связаны и те протоуйгурские племена (китайские гаогюй), которые были в конце V в. (492) разбиты жужанями (ханом Даулунь и Нагай), преследовавшими гаогюй к западу от Алтая⁴. К этому протоуйгурскому племени принадлежат и племена юебань, потомки северногуннской коалиции⁵, по языку одинаковые с гаогюй, т. е. тоже восходящие к тому же огузскому племени.

На рубеже V—VI вв. заканчивается развитие гурских племен, т. е. древнего племени уйгурских племен, который был протоогузским племем, сохранившимся пережиточно в чувашском языковом островке и, представляющем, по мнению Н. Я. Марра, пример яфетических переживаний в тюркской группе племен и народов⁶.

Восточная часть гузских, огузских племен, вошедших в состав туркмен на Западе и конфедерацию уйгурских племен на Востоке, распадается в силу исторических событий, о которых здесь не место распространяться, на группу северную, или селенгинскую, юго-западную, или синьцзянскую, и северо-западную, или семиреченскую. И это широкое распространение уйгурских племен, одно время слившихся с конфедерацией толес на тохарской основе⁷ севернотаримских оазисов, по сведениям Суйшу⁸, достигло даже Восточной Европы⁹, что связывает протоуйгурскую основу племен, широко раскинувшуюся в V в. с огузскими потомками, занимавшими более скромную (хотя и обширную) территорию по сравнению с той, о которой сообщали китайские анналы¹⁰.

¹ «К вопросу об уйгурах», СПб., 1893.

² «Очерк древнейшей истории хазар», Л., 1936.

³ А. Б е р н ш т а м, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 48—51.

⁴ Вэйшу, гл. 103, л. 7-а, «Даулунь чуцзи Суньги шань бэй, эр си Нагай пзы чу Цзиньшань». У И. Бичурина («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», СПб., 1851, ч. 1, стр. 224) несколько иной перевод.

⁵ А. Б е р н ш т а м, Из истории гуннов I в. до н. э., «Советское Востоковедение», т. I.

⁶ «Чуваши—яфетиды на Волге», Чебоксары, 1926.

⁷ Об этом см. W. B. H e n n i n g, «Argi and the «Tokharians», BSOS, 1938 т. IX, ч. 3. См., например, тюркские (уйгурские) переводы с тохарского (в свою очередь, перевод с индийского)—F. W. K. M ü l l e r, Beitrag zur genaueren Bestimmung der unbekannten Sprachen Mittel-Asiens, SPAW, 1907; ср. И. У м н я к о в, Тохарская проблема, ВДИ, 1940, № 4.

⁸ См. раздел о Теле, Суйшу, гл. 84, л. 19—20.

⁹ F. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq, ATIM, 2 Folge.

¹⁰ По представлению Суйшу толесы, куда входили уйгурские племена, были распространены от р. Толы на север до Байкала, а на западе доходили до р. Ало (Итиль-Волга) и Фулинь (Сирия). Среди западных «толесов» упоминаются, наряду с аланами, и «ухун»—угуры (Суйшу, гл. 84, л. 19а). Очевидно, что под именем толес китайцы описывают распространение в V—VI вв. всех тюркских племен, в том числе и древних уйгур.

Селенгинская группа, вследствие поражения ее кыргызами Яглакар-хана¹ распадается в IX в., количественно увеличивая синьцзянскую², а отчасти семиреченскую³ группу уйгуров.

В то время как синьцзянская группа увеличивается количественно и стабилизируется политически, семиреченская группа уйгуров растворяется в среде других тюркских племен западнотюркского каганата и в карлукской политической конфедерации Семиречья⁴.

Однако, несомненно, взаимодействие между синьцзянскими и семиреченскими уйгурами продолжается, что документировано как проникновением из Синьцзяна уйгурских школ буддийской живописи⁵, так и заимствованием уйгурами, через тюркешское посредство, согдийского курсива из Семиречья⁶.

Уйгуры в Семиречье, как это следует из китайских источников монгольского времени⁷, продолжали традиции согдийских колонистов в экономике и культуре, но, будучи менее ортодоксальными буддистами, чем согдийцы,—зороастрийцами, быть может, первые на востоке Средней Азии стали ревнителями ислама, подобно тому как прежде представляли манихейство⁸.

Синоним китайского «хойху» и «мусульманин» мог быть рожден только в Семиречье, скорей всего в Чуйской долине и на Таласе с их развитой городской жизнью в средние века⁹.

И не так уже невозможно искать в скрещении «хойху» и каракитаев, завязь того этнического процесса, который породил начало, а, быть может, содействовал ускорению ранее начавшегося процесса скрещения, давшего новое этническое образование—дунган, исследование истории кото-

¹ Об Яглакар-хане см. нашу работу «Историческое прошлое кыргызского народа». Фрунзе, 1941 (есть на кирг. яз.); см. также нашу статью «Кыргыз элинин тарихиндеги уч адам», «Советтик Кыргызстан», 1943, № 4, стр. 71 и сл.

² Конфуцианская реакция в Китае в 840-х гг. отбросила бежавших в Китай уйгур в Синьцзян, а «манихейские: рукописи и буддийские образы сожгли»: «Мони шу, жосян, шао», Тан-шу, гл. 2176, л. 5а)—см. Ed. Chavannes et P. Pelliot, *Un traité manichéen retrouvé en Chine, traduit et annoté*, «Journal Asiatique», 1913, январь—февраль, стр. 285.

³ Ср. «Сян Си Чжи юй Пан дэле шиу ду бэнь Гэлолу»—«Высший чиновник Сячжи с Пантегином и 15 аймаками бежали (к) карлукам», (Тан-шу, гл. 2176, л. 26). Карлуки в это время (840 г.), как известно, господствовали в Семиречье. У И. Бичурина несколько иной перевод (см. ук. соч., стр. 419).

⁴ Ed. Chavannes, *Documents sur les Toukiou Occidentaux*, СПб., 1909.

⁵ А. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 94; Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 22.

⁶ А. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, КС ИИМК, 1940, VI; не безинтересен тот факт, что для владельца Ферганы Арслан Тархана, промисходившего из племен Чигиль (Иссык-куль) манихейская рукопись была написана уйгурским шрифтом (Le Qoq, *Türkische Manichaica aus Chotscho, I, Anhang*, AKAW, Berlin, 1911; по мнению В. Радлова, покаянная молитва манихейцев—Хуастуанит происходит из Северного Притяньшанья (W. Radloff, *Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer*, СПб., 1910).

⁷ По Юаньши, уйгуры («вэйбуэр») живут к северу и югу от Тяньшаня. Представления эти в китайской литературе складываются с X в., когда они делят уйгуров на два государства—одно на Тяньшане, другое в Ханчжоу, Хуачжу и Шацжоу. См. Bretschneider, *Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources*, London, 1888, т. I—II.

⁸ См. E. Chavannes et P. Pelliot, JA, 1911, 1913; Prosper Alfarié, *Les Écritures Manichéennes*, Paris, 1918; cp. M. F. Grenard, *La Légende de Satok Boghra Khan et l'Histoire*, JA, 1900, янв.—февр., IX сер., т. XV.

⁹ В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 41. О городах Чуйской долины см. А. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 66 сл.; Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941, стр. 43 сл.; J. Marquart, *Guwaini's Bericht über die Uiguren*, SPAW, 1912, стр. 486—502.

рых доселе не уходит, по существу, дальше народных этимологий; документально точные повествования начинаются только с Биянху¹.

Связывая Мавераннахр с Синьцзяном, уйгуры Семиречья, являясь носителями синкретизма великих цивилизаций, выступали не на последнем месте и в эпоху Караханидов XI—XII вв.² и при монголах в XIII—XIV вв.³

И то, что в XV в. в числе донесений к Минским императорам наличествуют уйгурско-китайские письма из Илибалыка⁴, подтверждает факт широкого распространения уйгуров в Семиречье, их роль в развитии культуры, о чем говорит венская рукопись Кудатку Билик, написанная уйгурским шрифтом⁵.

Из сказанного следует, что история Восточного Туркестана с IX в. так же, как и в предшествующую эпоху, неразрывно связана с историей нашей территории, народы которой являлись активными помощниками в деле не только культурного развития, но и политического самоопределения Уйгуристана. Среди многочисленных фактов, которые можно было бы привести в этой связи для последующего времени (с XVI в. и позднее) укажем на активную роль киргизов в борьбе с потомками монголов в государстве Могулистан, включавшем в свои границы и часть оазисов Туркестана, укажу, далее, на такие факты, как активную роль киргизов в свержении калмыцкого господства в 1758—1760 гг., что отмечали сами китайцы. И если дальнейшая судьба Уйгуристана не была связана с независимостью уйгуров, то этому причина ослабление их в результате политического господства монголов и калмыков и отсутствия поэтому прочного союза с народами Средней Азии.

IV. Выводы

Кратко резюмируя сказанное в отношении основных этапов исторического развития Восточного Туркестана, мы должны указать следующее:

¹ Восстания дунган 1861—1876 гг.

² Достаточно указать на теорию об уйгурском происхождении Караханидской династии, несомненно имеющую за собой не мало оснований (В. Григорьев, *Неизданные монеты уйгурских владельцев Мавераннахра*, «Ученые Записки Казанского университета», 1863, вып. 1, Казань, 1865, стр. 1). Об уйгурах этого периода см., кроме вышеуказанных работ Гренара, Маркварта, Шаванна и Пелльо, также Р. Pelliot. «Kao tsch'ang, Qoso, Hoio-tcheou et Hodja», JA, 1912, сер. X, т. XIX.

³ Роль уйгуров при монголах прекрасно вскрывается уйгурскими документами, изданными В. Радловым и С. Маловым («Uigurische Sprachdenkmäler», 1928), что мы отмечали в статье «Уйгурские юридические документы», «Проблемы источниковедения», т. III, М.—Л., 1940. Аналогичное значение имеют уйгуры и ранее, в XI—XII вв. когда они в Синьцзяне шире пользуются официальным для того времени арабским письмом в юридических документах, но подписываются по-уйгурски. См. M. Cl. Huart, *Documents de l'Asie Centrale (Mission Pelliot), Trois Actes Notairées Arabes Jarkend*, JA, 1914, IV). Документы датированы 1096, 1112, 1114 гг. При монголах, когда конкуренция арабской культуры ослабевает, возобладал уйгурский шрифт. «Автономизацию» уйгуров после падения династии Караханидов Г. Вернадский датирует 1209 г., когда они начали играть большую роль в Монгольском государстве (см. G. Verнадский, *Notes on the History of Uigurs in the Late Middle Ages*, JAOS, т. 56, № 4, стр. 458—461; ср. его статью «A propos des origines du servage de kabala dans le droit russe», «Revue Historique de Droit», 1935).

⁴ J. Klapproth, *Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren*, Paris, 1812; E. Breitschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, London, 1910. т. II, стр. 182—183; Д. Позднеев, *Исторический очерк уйгуров*, СПб., 1899, стр. XIII. В рукописном отделе Института востоковедения АН СССР мы обнаружили списки этих документов в качестве приложения к уйгурско-китайскому словарю (РКП № 396), которые являются предметом нашей совместной работы с С. Е. Маловым на тему «Уйгурско-китайские документы XV—XVI вв.».

⁵ Полное издание: W. Radloff, *Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass Hadschib aus Balasagun*, SPB, 1891—1910.

1) В сложной истории Восточного Туркестана отчетливо выступают разносторонние связи с народами Средней Азии, особенно для северных оазисов. Этот тезис стал ясен в свете успехов советской археологии по истории культуры народов Средней Азии, связанных с подъемом археологической работы за последние годы. Не будет преувеличением сказать, что особое значение в серии этих работ имеют археологические исследования в Семиречье, логическое продолжение которых неизбежно приводит на территорию современного Синьцзяна.

2) Народы Средней Азии всегда оказывали народам Восточного Туркестана политическую поддержку, помогали им в борьбе за независимость; союзы с народами Средней Азии обеспечивали Восточному Туркестану большую автономию, чем государственные образования, превращавшие Восточный Туркестан в колонию. Политические союзы с народами Средней Азии обозначали для народов Восточного Туркестана этапы их наибольшего исторического развития и ликвидации старых, застойных социально-экономических отношений.

3) Указанные особенности исторического развития народов Восточного Туркестана приводили к все более нарастающим общностям культурного и этнического характера, ярче всего раскрываемым в возникновении и развитии уйгурского народа и его культуры. Уйгурский народ и его культура целиком и полностью были связаны с историческими судьбами тюркоязычных народов Средней Азии, предков современных казахов, киргизов, узбеков.

4) Таким образом, основные проблемы историко-культурного изучения Восточного Туркестана являются частью историко-культурных проблем Средней Азии.

Наряду с влиянием Китая, Индии, Тибета и Монгольских степей в области политической истории, культуры и этногенеза влияния, шедшие со стороны Средней Азии, были, во-первых, одними из самых древних, во-вторых, постоянно действующими, в-третьих, наиболее прогрессивными.

Проблемы истории Восточного Туркестана тесно связаны с изучением истории Средней Азии; их исследование—в первую очередь задача советского востоковедения, а в их разрешении должен участвовать солидный коллектив ученых разнообразных специальностей, прежде всего—китаисты, тюркологи, арабисты и иранисты и представители различных отраслей гуманитарного знания, т. е. историки, археологи, филологи и языковеды.

Не только традиция приоритета в изучении Восточного Туркестана, но фактическое содержание проблем, их научный аспект приводят к выводу, что советскому востоковедению, наследнику лучших традиций русской науки, должна принадлежать в этом научном предприятии ведущая роль.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

*ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ под редакцией С. И. Со-
болевского, Б. В. Горнунга, З. Г. Гринберга, Ф. А. Петровского,
С. И. Радцига. Том 1-й—эпос, лирика, драма классического периода.
Издательство Академии Наук СССР, Москва—Ленинград, 1946, 487 стр.
с иллюстрациями*

Вышел в свет первый том капитального труда, выполненного коллективом научных работников в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии Наук СССР.

В составлении этого труда принимали участие такие крупные ученые, как покойные академик М. М. Покровский, члены-корреспонденты Академии Наук СССР С. П. Шестаков и Н. И. Новосадский и ныне здравствующий академик И. И. Толстой. Это целое событие в области классической филологии. До сих пор мы имели лишь обзоры, хрестоматии и учебники по античной литературе¹; теперь у нас огромный труд, который должен дать подробное научное изложение истории древнегреческой литературы за все время ее многовекового существования.

Вышедший том охватывает греческую поэзию до последней четверти IV в. до н. э.—эпос, лирику, драму классического периода. В обширном интересном «Введении» (стр. 13—70) указываются общие проблемы истории древнегреческой литературы и периоды ее развития; рассматриваются ее особенности как литературы, развивавшейся в рабовладельческом обществе; дается понятие о греческом языке и его диалектах с очень ценным научным анализом их возникновения и соотношения (приложена даже карта диалектов древней Греции); далее идет краткий обзор развития литературного греческого языка, особенно интересна гл. III, посвященная истории изучения литературы как в самой Греции, так и в новое время; наконец анализируются фольклорные истоки литературы (мифология, сказка, бытовая песня, басня), и, как введение к Гомеру, характеризуется «древнегреческое общество в процессе разложения родового строя».

Самое изложение литературы открывается эпосом (стр. 71—182), в который прежде всего входит Гомер. Гомеровским поэмам посвящены четыре главы. Разбирается вопрос о личности Гомера, об аэдах и рапсодах, троянский эпический цикл, эпический стиль поэмы; имеется хорошая статья о законе «хронологической несовместимости» в гомеровских поэмах. Далее заслуживает внимания статья, имеющая темой сравнение гомеров-

¹ Проф. С. И. Радциг, История древнегреческой литературы, М., 1940; проф. Н. Ф. Дератани, Античная литература. Краткий обзор, изд. Института библиотек-оведения, М., 1938; «Книга о лучших книгах». Античная литература, под ред. проф. Н. Ф. Дератани, изд. Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, М., 1940; акад. М. М. Покровский, История римской литературы, М.—Л., 1942; проф. И. М. Троенский, Античная литература, 1946; Хрестоматия по античной литературе т. I—II под ред. проф. Н. Ф. Дератани, Учпедгиз, 1937—1939; «Греческая литература» (избр. переводы), изд. «Советский писатель», М., 1939; «Римская литература» (избр. переводы), изд. «Советский писатель», М., 1939.

ского эпоса и народно-эпического творчества других народов. Много страниц (109—131) занимает вопрос о возникновении поэм и их авторе («Гомеровский вопрос»). Отдел заключается двумя статьями, разрабатывающими мало исследованные вопросы: «Гомер в литературах Западной Европы» и «Гомер в русской литературе». За Гомером идут киклические поэмы, гомеровские гимны, Гесиод и дидактический эпос, эпическая поэзия после Гесиода. Далее раздел лирики (стр. 183—274): элегическая, ямбическая, мелическая поэзия, торжественная лирика, в которой главное внимание, естественно, уделяется поэзии Пиндара, и, наконец, дается история драмы (стр. 275—476)—начало греческой драмы с указанием новейшей литературы по вопросу о происхождении драмы, организация представлений и устройство театра, творчество Эсхила, Софокла, Эврипида и других трагических поэтов, начало комедии, древняя аттическая комедия, завершающаяся творчеством Аристофана.

Книга богато иллюстрирована многочисленными снимками с памятников изобразительного искусства древней Греции. В конце книги (стр. 477—483) даны краткие объяснения к иллюстрациям.

В отношении полноты материала едва ли можно бросить какой-нибудь существенный упрек составителям. Рассмотрены все остатки когда-то богатой эпической поэзии древней Греции, все известные лирические поэты, в том числе Семонид Аморгский, Фокилид и «номы» Тимофея Милетского (новые находки в Оксиринхских папирусах при составлении книги еще не были у нас известны); помимо Эсхила, Софокла и Эврипида, характеризуются второстепенные трагические поэты, драматурги, комедиографы—предшественники и современники Аристофана. В отличие от других пособий и учебников в этой книге указываются спорные вопросы, ставятся проблемы, приводятся различные мнения русских и западноевропейских ученых, иногда начиная с критики самих античных теоретиков. Таким образом читатель может получить стимул к дальнейшему углубленному изучению того или иного вопроса. Рассматривается влияние греческих писателей на последующую литературу, при этом особенно акцентируется судьба античных мотивов в русской литературе, что является одной из актуальных проблем литературоведения. Нельзя также не отметить, что параллельно с литературными фактами сообщаются сведения об изобразительном искусстве эпохи (стр. 308 сл., 345—347).

Изложение основано на тщательном изучении источников и обнаруживает, особенно во «Введении», знакомство с обширной научной литературой. К сожалению, как указывается в редакционном предисловии, по техническим причинам весь научно-библиографический аппарат (обзор рукописей, изданий, переводов, схолий, научная литература и т. п.) будет помещен в последнем томе. Это создает большое неудобство для читателя. Другое неудобство состоит в том, что, как указывается в том же редакционном предисловии, вся прозаическая литература отнесена во второй том, «где изложение, таким образом, вновь начинается с литературных фактов VI—V вв. до н. э.». Правда, такое разделение проводится в некоторых иностранных руководствах (например у Магаффи в его «Истории классического периода греческой литературы», тт. I—II) (ср. работу Риббека «История римской поэзии» и у др.). Но мы не можем формалистически разделять литературные явления одной эпохи; мы должны изучать весь комплекс литературных явлений в их взаимосвязи, например нельзя вполне понять трагедию, особенно Эврипида, без связи с философией и ораторским искусством V в., а последнее без связи с историографией этой эпохи и т. д. Очевидно, составителям во втором томе придется вновь давать характеристику тех же эпох и поставить прозаическую литературу в связь с поэзией данного периода.

Рассмотрим, прежде всего, как построена книга с идейно-теоретической и литературоведческой точки зрения. Редакционное предисловие прямо говорит, что коллективный труд «История греческой литературы» имеет своей целью дать систематическое изложение истории древнегреческой и византийской литературы в свете марксистско-ленинской теории (подчеркнуто нами).

Действительно, в книге приводятся многочисленные цитаты из сочинений основоположников марксизма-ленинизма, освещающие различные стороны литературы и куль-

туры античности, а известное высказывание К. Маркса о мифологии (из работы «К критике политической экономии») выписано полностью (стр. 56 сл.). В некоторых случаях авторы стараются заострить свое толкование против концепций буржуазных ученых. Так, во «Введении», представляющем наиболее интересную и свежую часть книги, подчеркивается особенность социально-экономического базиса античного общества как общества рабовладельческого и дается предостережение против искажения исторической перспективы, против буржуазных модернизаторских концепций и упрощенчества (стр. 25—26). И в дальнейшем изложении, например в статье об Эсхиле правильно ставится в вину буржуазному ученому Бухгольцу (стр. 330), что он приписал Эсхилу новейшее представление об умеренной конституционной монархии; характеризуется эпоха, в которую жил писатель, и т. д.

Однако можно ли утверждать, что изложение истории древнегреческой литературы действительно и вполне дается в свете марксистско-ленинской теории? Этого утверждать нельзя. В книге мы видим лишь некоторую попытку подойти к явлениям греческой литературы с марксистско-ленинских позиций. Основной причиной этого является то, что марксистско-ленинское изучение античных литератур, правда, успешно начато и ведется на кафедрах наших вузов, однако глубокого марксистского исследования творчества отдельных писателей у нас пока нет. Тем не менее составители и несколько лет тому назад могли бы сделать в этом отношении больше; античная литература уже читалась в вузах, вышли некоторые советские пособия по истории и литературе древней Греции, программы. Можно было организовать широкое обсуждение статей с привлечением других специалистов, поставить предварительные доклады по некоторым вопросам.

Обратимся, прежде всего, к характеристикам целых разделов литературы.

Следовало ожидать, что отделу лирики будет предпослана всесторонняя характеристика социальных отношений Греции VII—VI вв. до н. э., на почве которых выросла лирическая поэзия древней Греции. Такая характеристика давно установлена в исторической науке. Нужно было сказать об изживании пережитков родовой идеологии, обособлении личности, о гражданской войне между земледельческой знатью и демократическими слоями земледельцев и ремесленников, об укреплении рабовладельческого государства-полиса, развитии передовой философской мысли и т. д. Тогда стали бы более понятными изменения в поэзии VII—VI вв.—развитие индивидуальной и художественное оформление хоровой лирики как выражения чувств коллектива граждан. Вместо этого на стр. 187 («Бытовые основы греческой лирики») вытеснение эпоса и развитие лирики прежде всего объясняется захватом в разных городах власти тиранами: «им нужны были не аэды, а певцы, которые воспевали бы их собственное величие и богатство». И лишь второй причиной «в двух словах» выставляются изменения в экономической и социальной жизни: «изменяются классовые отношения (какие?—Н. Д.), растет торговля, усиливаются международные отношения, основывается целый ряд колоний».

Указывается и еще фактор, содействовавший развитию лирической поэзии,—это—состязания поэтов и музыкантов, учрежденные в Греции в VI—V вв. до н. э.,—но эти состязания сами были вызваны потребностью в лирике.

Эпохе Эсхила посвящены полторы страницы введения (стр. 307—309), в котором характеризуется «время Эсхила». Указывается на демократические реформы Клисфена, на греко-персидскую войну, на борьбу вокруг ареопага, на характер изобразительного искусства времени Эсхила. Но не учитывается самое основное, что важно для понимания не только творчества Эсхила, но и почти всей дальнейшей греческой трагедии, особенно Софокла,—борьба новой государственной идеологии с отживавшей родовой идеологией; ведь «моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали»¹. Работа Энгельса, из которой приведены эти слова, имеет огромное и еще не вполне оцененное значение для понимания греческой трагедии. Чтобы связать твор-

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. М. Э., соч., т. XVI, ч. I, стр. 97.

чество Эсхила с общественным развитием его времени, необходимо указать и те проблемы, которые неизбежно возникали в мировоззрении эпохи. Следует указать на проблему борьбы человека с природой за культурные достижения, на проблему божества, рока и закономерности космоса, на проблему рабства, наконец, на особенно интересовавшую Эсхила проблему власти, вождя и народа; эти проблемы отчасти ставились современной Эсхилу передовой философией, с которой, как известно, он так был связан¹.

В главе XXII («Век Софокла и Эврипида», стр. 342—352) обрисована культурно-политическая обстановка эпохи V в., описана деятельность Перикла, искусство, наука этого периода, однако общественно-политическая характеристика эпохи представлена недостаточно. Неясно говорится об «усложненных» условиях общественной жизни (стр. 347), под влиянием которых стали возникать многие отрасли науки; правильно говорится о росте люмпен-пролетариата и деятельности демагогов, как признаках вырождения демократического строя (стр. 351), но не показано давно установленное в науке противоречие в развитии афинского общества V в., которое особенно отразилось и в трагедии, и в комедии,—именно растущее противоречие личности и государства, разложение коллективистических основ полиса благодаря развитию рабовладения, связанного с торговлей и силой денег. Отсюда в области идеологии развитие индивидуализма (в условиях апатичности), а на этой почве—возникновение философии софистов, на что не указывают авторы. Ведь в конце концов как трагедия, так и комедия лишь различными средствами художественного воздействия одинаково сопротивлялись всем силам, разрушавшим единство полиса, и идеализируют это единство. Далее подробно описывается изобразительное искусство эпохи, но было бы необходимо сказать и об известном эстетическом идеале V в.—о простоте, соразмерности, гармонии (канон Поликлета). Это особенно пужно для понимания Софокла, которого недаром называли «Фидием литературы». Таким образом, характеристику эпохи следовало бы углубить и на основании уже имеющихся данных больше выделить моменты, связанные с трагедией.

Таковы замечания и дополнения, которые необходимо сделать к характеристикам эпох.

Присмотримся теперь к характеристикам отдельных писателей и явлений литературы.

В характеристике отношения Вергилия к Гомеру (стр. 133) нельзя обойтись без известной оценки художественности Гомеровского эпоса, данной К. Марксом: «Относительно некоторых форм искусства, напр. эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство как таковое». По отношению к Гесиоду верно отмечается в его поэме новый фактор в истории греческой литературы—проявление определенной личности, индивидуальности автора (стр. 165), но объяснение этого нового явления историческими условиями, разрушением родовых связей (на что сетует сам Гесиод в описании «железного века» в поэме «Труды и дни») —отсутствует. В характеристике Пиндара можно было бы глубже показать его аристократизм; он свысока смотрит на земледельцев, пастухов, птицеводов, стремящихся лишь «голод смягчить» (1-я Истм. ода). В характеристике Эсхила нужно было бы уточнить его политическую позицию. Эсхил не противник прогресса, но он борется лишь против отрицательных следствий неизбежного исторического развития полиса, отсюда его консерватизм, его борьба с городской демократической партией. В этой борьбе не видно, чтобы Эсхил желал победы именно родовой аристократии эвпатридов, он стремился лишь к примирению партий, к установлению политического единства полиса. Если в «Эвме-

¹ Эсхил, идеолог афинской государственности, конечно, не мог дойти до идеи уничтожения рабства, но у Эсхила можно заметить признание в рабе человека, осознание тяжести рабства (см. «Прометей прикованный», 927, «Агамемнон», 1—4, «Семь против Фив», 108, 332, 450). Кассандра в трагедии «Агамемнон» — яркий образ трагизма рабства.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XII, ч. 1, стр. 200.

нидах» он защищает ареопаг, то прежде всего не как оплот аристократии, а главным образом потому, что это учреждение, по его мнению, не «причастно наживе» (ст. 704: *ἄφικτον*).

Говорится «о сознательном уклонении Эврипида от всякого участия в бурной политической жизни и о равнодушии к общественному мнению» (стр. 378). А в § 5 на стр. 407, говоря о «Просительницах», авторы замечают, что речь Тезея к Адрасту «лишний раз подчеркивает связь творчества Эврипида с современной ему политикой». Надо было вскрыть демократизм Эврипида, его патриотизм, показать драматурга как пламенного глашатая своих политических и философских взглядов.

Аристофан разработан лучше Эсхила и Эврипида. Хорошо отмечается, что Аристофан критикует не демократический строй как таковой, а лишь «недостойных агентов строя» (стр. 472), что Аристофан отразил новые, передовые идеи эпохи (стр. 473), но и здесь нужно было бы поставить и решить ряд вопросов, которые могут явиться у читателей, например, какими историческими причинами объясняется более позднее по сравнению с трагедией появление на сцене греческого театра комедии, сказать о том, что положение мелких земельных собственников, сатирическим рупором которых стала древняя комедия, ухудшилось лишь около середины V в. Далее нам известны глубокие социальные причины изменения характера аристофановской комедии от «Всадников» до «Богатства»,—дело здесь в положении тех же земледельцев в связи с ходом пелопоннесской войны. Кстати, следует заметить, что комедия «Птицы», взятая в целом, не лишена политической направленности, как утверждается на стр. 451; эта направленность не так резко выражена, как в комедиях двадцатых годов V в., но уже самая проводимая в ней идея отрыва от действительности не аполитична, хотя до сих пор и не удалось установить то историческое событие, которое в ней высмеивается.

В книге, как было указано, иногда наблюдается направленность против буржуазных концепций. Например в статье об Эсхиле автор на стр. 330 правильно уличает буржуазного ученого Бухгольца в том, что тот «эсхилоскому царю приписал буржуазно-либеральные свойства», но немного ранее (стр. 328) без всякой критики приводится как заслуживающее нашего внимания мнение ученых Плюсса и Говальда, склонных «вовсе отрицать наличие у Эсхила каких-нибудь иных задач, кроме чисто художественных». Это мнение надо было бы резко осудить, как порочное. Можно было бы поставить еще целый ряд вопросов, касающихся отдельных писателей, на которые авторы в состоянии были бы ответить на основе уже установленных исторических фактов, не проделывая специального марксистско-ленинского анализа произведений.

Остановимся еще на таком существенном вопросе в истории античной литературы, каким является ее реализм. Построение научной истории греческой литературы совершенно невозможно без разрешения этого вопроса. Острее всего он поднимается в истории греческой трагедии. Особенностью здесь является то, что трагический конфликт разворачивается здесь в рамках мифологической фабулы и мифологических образов, которые до известной степени стесняют свободу драматурга в отображении им действительности. Было бы желательно предварительно разработать вопрос о реализме. Без этого у читателя не составляется ясное представление о характере развития трагедии.

На стр. 416 (§ 6—«Драматургия Эврипида») приводится цитата из «Философских тетрадей» Ленина: «От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике—таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности». Автор статьи добавляет: «Эврипид дал такое широкое применение в драме приемов художественного реализма, какое после него проявил в ней лишь Шекспир». Но каков художественный реализм Эврипида, автор так и не раскрывает. Если он имеет в виду раскрытие характеров, то по полноте и многообразию этого раскрытия Эврипид все же не может идти в сравнение с Шекспиром. На стр. 289 автор говорит: «Мастерство изображения характеров видно и на второстепенном образе фригийского раба, входящего в свой рассказ много бытовых подробностей. В описании раба упоминается даже его восточная обувь». «Любитель женщин Фригиец даже в рассказе о нападении на Елену не может не отметить белизну ее груди и золотые туфли».

(стр. 389). Очевидно автор считает, что реализм—это передача тех или иных натуралистических деталей. Да, действительно, бытовой реализм, «правдивость деталей» (Энгельс) особенно мы наблюдаем у Эврипида (хотя уже в «Хэзофорах» Эсхила бытовые подробности приводит кормилица Ореста при воспоминании о его младенчестве (стр. 754—747). Правда, в греческой трагедии замечается снижение, очеловечение образов героев; у Эврипида мы видим,—если можно выразиться, несколько модернизируя,—в известном смысле «психологический реализм». Однако в отношении широты и глубины охвата социальной действительности уже у Эсхила, например в трагедии «Прометей прикованный», открывается в оболочке мифологических образов и мифологического конфликта непревзойденный в дальнейшей трагедии глубочайший реализм; в пьесе борьба свободы с тиранией, гуманности с насилием и угнетением отражается основной антагонизм не только античного (рабовладельцы и рабы), но и всякого классового общества. Ведь, по Марксу, борьба Прометея не только борьба против небесных богов, но и против земных, «которые не признают человеческого самосознания высшим божеством»¹.

В связи с Прометеем следует сказать, что в книге трактовка образа Прометея бледна и не глубока. Не раскрывается значение образа Прометея для нас, в нашей борьбе против всяческой тирании и насилия. Автор заключает свое рассуждение лишь общей фразой: «Образ Прометея принадлежит к числу мировых и вечных, излюбленных образов человечества» (стр. 325). Как будто реакционные слои тоже восторгаются образом Прометея и как будто нет ученых, которые, вроде Веклейна, стоят на стороне Зевса, карающего бунтаря. Говоря далее о судьбе Эсхила в последующих поколениях, автор объясняет понижение интереса к Эсхилу исключительно трудностью его языка, между тем как глубокая причина была та, что последующему греческому обществу были скорее понятны более индивидуализированные, реалистические образы Софокла и особенно Эврипида.

В книге широко используется иностранная ученая литература, но достаточно критического отношения к этой литературе нет; в большинстве случаев остается совершенно неясным, каково же отношение самого автора к разбираемому вопросу. Например на стр. 286 приводится особое мнение английского ученого Хая («The tragic drama», 1896, стр. 41), который считает вероятным, что поговорка, касающаяся драмы («что в этом относящегося к Дионису?»), возникла не при Фринихе и Эсхиле, а во времена Феспида,—но отношение самого автора к этому утверждению остается неясным и т. д. Возьмем, далее, статью об Эврипиде. Автор часто приводит мнения разных ученых Запада—Бека, Буркхардта, Магаффи, Патена, Норвуда, но правильны ли эти высказывания буржуазных ученых, автор статьи об этом умалчивает. Например в анализе трагедии «Вакханки» (стр. 399) автор приводит оценку Жирара, полагающего, что в сущности эта трагедия есть драма сатиров, только без участия их самих, а также мнение Норвуда, считавшего, что эта трагедия полна «красивейших лирических номеров», а что думает по этому поводу сам автор—неизвестно.

Советский читатель ожидал бы конкретной критики работ и теорий западноевропейских ученых. Иногда указывается, что нельзя согласиться с мнением того или другого ученого, но в чем его ошибки, остается неясным. Например на стр. 129 делается ссылка на известный труд Дрерупа о гомеровских поэмах и замечается, что «мы не можем принять многих конкретных выводов его работ», но каких именно выводов, неизвестно. Далее говорится: «вопрос об эпическом стиле должен решаться советским литературоведением иначе, чем у Дрерупа, но как же иначе, спросит читатель,—об этом автор умалчивает».

Ученая литература не заходит позже 1937 г., хотя можно было использовать и более новую; ведь имеется же на стр. 29 ссылка на журнал «Gnomon», т. 16, 1940. Новые работы о трагедии не использованы (например T h o m s o n, Aeschylus and Athen,

¹ К. М а р к с, Диссертация. Предисловие—Соч., т. I, 1928, стр. 26.

London, 1940 и др.). При этом большей частью привлекаются немецкие работы: особенно это видно в изложении «Гомеровского вопроса», где из английских ученых упоминаются только Грот и Скотт и говорится лишь вообще о «неоунитаризме» в Англии и Америке XX в. (стр. 128). Иногда забываются и русские работы, например работы в яфетических сборниках. Незвестной осталась автору раздела лирики обстоятельная статья о лирике Тимофея проф. С. П. Шестакова в «Ученых записках Казанского университета», где помещен и изысканный стихотворный перевод сохранившейся части «нома» Тимофея. Следовало бы эту статью учесть в дополнение к работе и переводу Виламовица. В отделе о Гомере не упомянута известная работа проф. Д. М. Петрушевского «Общество и государство у Гомера» (М., 1913), а также работы А. Н. Веселовского.

Переходим к отдельным замечаниям по некоторым разделам книги. По «Гомеровскому вопросу» мы ожидали бы более систематического изложения разнообразных теорий. На стр. 118 кратко указаны три старинные теории по Гомеровскому вопросу (малых песен, унитарная и теория ядра), но дальнейшее изложение вовсе не идет по этим рубрикам и даже включает в себя многих авторов, имеющих мало общего с этими теориями. На протяжении страниц 118 и сл. изложение несколько раз возвращается к одному и тому же. Готфриду Герману посвящается одна фраза, и притом не указывается, что это ранний представитель теории ядра. На стр. 119 излагаются взгляды унитариста Нича, но из него приводится только указание на национальное значение Гомера и совершенно не приведено ничего из того, чем известен Нич как критик Вольфа, ни одного его аргумента о греческой письменности и т. д. На стр. 120 Кирхгоф отнесен к сторонникам теории ядра, в то время как Кирхгоф является основателем теории компиляции, диаметрально противоположной теории ядра. На той же странице, без всякой связи с предыдущим, и притом в очень отрывочной форме, приводится теория Фикка, которую авторы не знают куда отнести — к первой, ко второй или к третьей из названных теорий. После Фикка почему-то вдруг опять начинается разговор о теории ядра и даже тратится целых три страницы на ее анализ. На стр. 122 говорится, что Виламовиц раньше стоял на точке зрения теории ядра, но Виламовиц никогда не стоял на точке зрения теории ядра. Если авторы имеют в виду старую работу Виламовица «*Pomerische Untersuchungen*», 1884 г., то там проводится не теория ядра, а теория компиляции, или источников. На той же 122 странице Е. Шварц отнесен к последователям Виламовица, но авторы тут же опровергают сами себя, объявляя его сторонником теории малых песен, близким к Лахману и т. д. Капитальный труд Кауэра, составивший в свое время эпоху в Гомеровском вопросе, заслуживает не только просто упоминания по случайному поводу на стр. 126. Из труда Бете на стр. 127 и сл. приводится лишь мнение о позднем происхождении «Илиады», но ни одного слова не говорится о самом важном и интересном, что есть в теории Бете, — именно о попытке объединить вековую народную эволюцию «Илиады» с чисто индивидуальной творческой фантазией. На стр. 128 о работах Мюльдера и Бете сказано, что они «известны только специалистам», в то время как ссылками на Мюльдера и Бете испещрены решительно все исследования и руководства последних тридцати лет.

В заключение нужно сказать, что авторы «ни полслова» не сказали об отношении яфетической теории акад. Марра к «Гомеровскому вопросу».

В отделе лирики в главе о Сапфо приводится гимн к Афродите, Катулловский 62 эпиграммий, а фрагмент 55 с чудесным описанием свадьбы Гектора и Андромахи, столь ценный для связи с Гомером, отсутствует. В отделе о Пиндаре ничего не говорится о 12-й олимпийской оде с ее обращением к умирающей эпохе дорийских воителей, которую поэт хочет воскресить песнью об ἀρετή. В главе «Начало греческой драмы» ориентирующее нас указание «Поэтики» Аристотеля (р. 1449а) о происхождении трагедии от «зачинателей дифирамбов» отнесено в мелкий шрифт. Пусть дифирамб «является одним из самых загадочных видов греческой поэзии» (стр. 286), все же этим не нарушается значение общего ценного указания Аристотеля.

О «драме сатиров» говорится лишь мимоходом (стр. 286) по поводу вопроса о происхождении трагедии, но не дается полного представления о характере сатировской драмы как «шутливой трагедии», связанной с мифами о Дионисе. Говоря об оценке

Пушкиным перевода «Илиады» Гнедича (стр. 148), следовало бы упомянуть и об эпитафии 1830 г., которую поэт потом сам тщательно зачеркнул:

*Крив был Гнедич-поэт, прелазатель слепого Гомера,
Божим одним с образом стиха и его перевод.*

Таким образом, Пушкин понимал, что ни один перевод не может заменить подлинник. Действительно, Гнедич, как это показано в работах, помещенных в «Ученых записках педагогического института им. Герцена», проявил по тому времени либеральное отношение к подлиннику. Это тоже не учитывается в указанной статье. Далее, не один Ордынский переводил «Илиаду» былинным размером (стр. 152),—такую же неудачную попытку сделал в 90-х гг. прошлого века Аппельрот. В главе об Аристофане необходимо было бы упомянуть об остроумной гипотезе проф. Лурье, что под именем Сократа выведен софист Антифонт; далее, желательно было бы указать на предположение о том, что комедия «Лягушки»—пародия на Элевсинские таинства, и т. д.

В отделе «Организация представлений и устройство театра» нет вовсе упоминания о классическом труде Дерпфельда-Рейша («Das griechische Theater», Alfen, 1896).

О Дерпфельде говорится дальше на стр. 294—опять без всякой ссылки на его труд.

На стр. 291 дается план греческого театра по Витрувию, и в то же время отсутствует план основного афинского театра (так наз. «театра Ликурга»), в котором ставились пьесы Эсхила, Софокла и Еврипида. Его следовало бы дать в масштабах.

Другим недочетом в этом отделе является полное игнорирование работы нашего молодого архитектора В. Е. Быкова, дающего общую схему построения греческих театров по закону «золотого деления», превосходно объясняющую многообразие в членениях театронов. Это многообразие зависело от того, как вписывались радиальные проходы в величину, определенную схемой, благодаря чему театрон получал различное количество клиньев, а план всего театра—индивидуальный характер (см. В. Е. Быков, Пропорциональный анализ планов греческих театров и схемы их построения, в книге «История античного театра», М.—Л., 1940, стр. 273—296).

Стр. 294. Высота сцены равнялась в среднем 9 метрам, ее кровля в Афинах в IV в. была из дерева: эти важные утверждения не подкрепляются никакими ссылками на современные исследования.

Стр. 293—299. Термин «проскений» без соответствующего указания его местоположения на масштабном плане мало говорит и не помогает «общедоступности» изложения.

В этом разделе не упоминается важная работа E. R. F i c h t e r «Die baugeschichtliche Entwicklung des antiken Theaters. München, 1914.

Не рассматривается вовсе важный вопрос о театральной акустике (о ней см. Yern K n u d s e n, Architectural Akoustik, London, 1932, § 170, а также С. Я. Л и ф ш и ц, Курс архитектурной акустики, М.—Л., 1937, стр. 124—126).

Не говорится и о голосниках. Следовало бы упомянуть о работе В. И. П е т р а «О голосниках в античных театрах», а также сказать хотя бы несколько слов о замечаниях Витрувия относительно голосников и вокальном ансамбле актеров, подкрепляющем акустическое воздействие этих голосников.

На стр. 292 говорится: «на ступенях (алтаря) становился флейтист, сопровождавший пляски своей музыкой». Но сохранившиеся цитаты не позволяют сделать этого вывода, а именно, что флейтист был один. В источниках о флейтисте говорится то в единственном, то во множественном числе.

Несколько слов о согласованности отдельных статей книги.

В редакционном предисловии указывается, что «коллектив авторов поставил себе целью дать, насколько это было возможно, доступное изложение, не загроможденное деталями и частными гипотезами». Однако особенность античной литературы та,—правильно указывает редакция,—что при ее изучении до сих пор остается еще немало

нерешенных проблем; поэтому разбор спорных вопросов и гипотез является неизбежным. Однако «доступность» статей этой книги не одинаковая, в этом отношении нет согласованности, например некоторые статьи «Введения» труднее для усвоения, чем многие другие; здесь даже не разъясняются лингвистические термины для обозначения групп индоевропейской системы языков «*kentom*» и «*satem*»; в примечании лишь указываются языки, принадлежащие к группе «*kentom*» (стр. 28—29). Но в других статьях, особенно в отделе драмы, считается обязательным подробное изложение содержания всех драматических произведений, даже таких, которые, как правило, должны быть известны читателю этого труда, например трагедий «Прикованный Прометей», «Эдип-царь», «Ифигения в Авлиде» и др.; при этом как-то не вяжется с общим научным стилем всей книги слишком примитивное изложение последовательности сцен и явлений драмы,—такой пересказ, который заслоняет от читателя всю художественность произведения. Особенно это бросается в глаза в пересказе содержания драм Эсхила. Вот образцы «стиля» такого пересказа: «Трагедия «Семеро против Фив» начинается с пролога, в котором представлено, как Этеокл распоряжается обороной города. После окончания этой песни появляется вестник. Антигона, сестра убитых, говорит, что... похоронит брата» (стр. 313). А вот что стало с одним замечательным художественным образом в передаче содержания трагедии «Персы»: «А на утро представилось ей (Атоссе) знамение—орел, спасающийся от преследования ястреба» (стр. 311). В подлиннике яркая картина: ястреб налетает на орла, когтями раздирает ему голову: орел поникает от страха («Персы», стр. 207—210). Вообще отдельные статьи книги не согласованы одна с другой. Статья об Эсхиле построена по четкому плану, в котором отдельно отмечаются социально-политические взгляды Эсхила, его религиозно-правственные взгляды, вопрос о судьбе и личности человека, о трагической иронии и т. д. В статьях о Софокле и Эврипиде такого плана уже нет. Даже в одной статье то дается перевод «Илиады» В. В. Вересаева (стр. 81—82), то старый перевод Н. И. Гнедича (стр. 90).

В заключение о художественно-иллюстративном материале. Он подбирался по плану, однако не все рисунки одинаково хорошо выполнены. Хорошо поданы «Сокровищница афинян в Дельфах» (таблица 1), «Боевая колесница» (табл. II), «Театр Диониса в Афинах» и др.

Но некоторые имеющие значение для литературы уникальные памятники поданы неясно, так, например, ваза Франсуа—подписной кратер Клития и Эрготима (табл. IX). На таблице дан лишь общий вид вазы без деталей и подписей. Неясно передана важная для трагедии Эсхила ваза, изображающая выезд Амфиараа.

Хотелось бы под изображенными на таблицах памятниками, объяснение которых дается в конце книги, видеть более точные названия, например на табл. XXXVI под уникальной, широко известной вазой эсхилевского круга «Персы» читаем: «Двор персидского царя», хотя в верхнем ряду вазы даны боги Олимпа, поддерживающие Элладу, и около нее Азия, напоминающие о начале греко-персидских войн. Под изображением на табл. XXII написано: «Похищение Гипподамии Пелопом», хотя Пелоп выиграл, как известно, Гипподамию в состязании с ее отцом Эномаем, о чем явно свидетельствует олимпийский фронтон.

Неточность надписей и на других таблицах: изображается дискобол—реставрация статуи Мирона, но не упоминается о реставрации—написано просто «Дискобол» и т. д.

В книге нет многих упоминаемых в тексте художественных памятников. На стр. 381 подробно говорится о знаменитой картине Тимомаха «Медея», но не дается фреска «Медея» (Геркуланум). Упоминается Антиопа, но не даются скульптуры («Фарнезский бык») и фрески той же тематики.

В разбираемом капитальном труде поставлено столько вопросов по античной литературе и филологии, что в одной рецензии отозваться на все, конечно, трудно. Каковы же итоги?

В книге собран обширный материал на основании тщательного изучения источников, даны оценки древних критиков, поставлены спорные вопросы. Читатель, уже зна-

комый с общим курсом греческой литературы, сможет выбрать себе проблему для углубленного изучения.

Книга написана более с филологической, чем литературоведческой точки зрения. Иногда делается некоторая попытка подойти к явлениям античной литературы с марксистско-ленинских позиций. Однако с идейно-теоретической стороны можно было бы ожидать более глубокого анализа, если даже учитывать недостаточную разработанность творчества отдельных писателей на основе марксистско-ленинской теории. Это показывает, что основной задачей кафедр классической филологии должно быть тщательное детальное марксистско-ленинское изучение художественного литературного наследия античности, особенно после недавних исторических решений ЦК ВКП(б) об идеологическом фронте.

Проф. Н. Ф. Дератани¹

«ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО». Члены Академии архитектуры СССР: А. В. Бунин, Л. А. Ильин, Н. Х. Поляков, В. А. Швариков. Под редакцией В. Шварикова. Издание Академии архитектуры СССР, М., 1945, 327 стр.

Перед нами совершенно оригинальная книга—книга по истории строительства городов,—не строительной техники, но градостроительства как искусства. Назначение ее—служить учебным пособием по истории архитектуры в высших и средних архитектурных учебных заведениях.

Трудно было бы переоценить значение подобного издания именно теперь, когда в нашей стране осуществляются грандиозные работы по восстановлению городов, разрушенных немецкими оккупантами во время войны, по реконструкции и созданию новых индустриальных центров.

Если мы хотим иметь красивые города, обладающие определенным художественным лицом, являющиеся неким архитектурным целым, а не простым конгломератом зданий, не соответствующих подчас друг другу ни по стилю, ни по размерам, ни даже, иногда, по расположению своему на улице, необходимо чтобы строились города—инженеры и техники—прониклись важностью стоящих перед ними не одних лишь строительно-технических, но и эстетических задач.

Знакомство с архитектурой прошлого, умение распознавать и ценить ее художественные достоинства должно быть доступно каждому архитектору. В наше время особенно важно усвоение основ истории строительства и планировки городов, прослеживаемой с глубокой древности,—важно и в смысле овладения наследием прошлого, и во избежание совершенных в прошлом ошибок и неудач.

Большая часть рецензируемой книги посвящена градостроительству недавнего прошлого и, в частности, предвоенных лет. Она открывается разделом, характеризующим древнейшие города Месопотамии и Египта; значительный раздел обнимает городскую архитектуру Греции и Рима. Небольшие главы трактуют о городах Византии и Дальнего Востока. Объемистые разделы посвящены русской городской архитектуре, с древнейших времен до XIX в. включительно, и архитектуре Западной Европы эпохи Возрождения и новейшего времени (не больше листа уделено здесь городам Америки). Книга заканчивается градостроительством СССР в эпоху социалистического строительства. Книга богато иллюстрирована, при этом среди иллюстраций имеется свежий, интересный материал.

¹ В эту рецензию включены некоторые замечания по Гомеру, лирике, Эврипиду, организации театра, по изобразительному искусству, сделанные членами кафедры классической филологии Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина.

Около трети объема книги уделено древней городской архитектуре, начиная от ее зарождения на Древнем Востоке и до эпохи Ренессанса. Древнее градостроительство Востока представлено особенно полно, ибо не упущены Индия, Средняя Азия и Китай.

Имея в виду оценку исторической части книги, мы особенное внимание должны будем уделить архитектуре классической древности и древней Руси.

Рецензируемая книга является первым опытом учебного пособия в области истории искусства градостроительства. Этим обстоятельством обуславливается ряд ее недостатков, на которые необходимо указать в первую очередь, потому что в недалеком будущем потребуются, несомненно, ее переиздания, в которых недочеты должны быть устранены.

Прежде всего книга не имеет еще четко выраженного лица, ибо, как дисциплина, градостроительство еще не вполне выделилось из общей истории архитектуры.

Градостроительство не история архитектуры и не руководство по истории техники планировки и строительства городов. Книга ставит своей задачей освещение с эстетической стороны истории создания городского ансамбля, развития городской архитектуры как своеобразного художественного целого.

Поскольку эти темы разработаны в истории архитектуры различных стран и эпох далеко неравномерно, книга нередко сбивается на изложение истории архитектуры вообще. Желание не оказаться в отрыве от социальной и исторической среды толкает авторов зачастую к изложению таких исторических фактов, которые не только вообще не имеют прямого отношения к истории архитектуры, но и не помогают ни в малой степени установлению тех общеисторических вех, наметить которые по замыслу авторов они призваны.

Понятно, что здесь необходим какой-то очень строгий отбор фактов, действительно показательных и характерных, могущих послужить обрамлением истории градостроительства, а не простой пересказ некоторых исторических событий, во что превращается подчас изложение рецензируемой книги.

Так, например, на стр. 23—30 даны довольно подробные сведения исторического характера о древнейшем и архаическом периодах в истории Греции, не имеющие прямого отношения ни к истории градостроительства, ни даже к истории архитектуры вообще. Мы узнаем о переселении дорических и ионийских племен, о колонизации на западе и на востоке, о торговле Греции с Египтом, но ни слова о древнейших архитектурных формах субмикенского и геометрического периодов, представленных находками на Крите (Дрерос и др.), в Пелопоннесе (Асина и др.) и в Северной Греции. Ни слова об архитектуре древнейших греческих колоний Великой Греции и Сицилии.

Общая характеристика градостроительства классического и эллинистического периодов Греции (стр. 32—33) сопровождается экскурсами в области политической и социальной истории, значительно более краткими, чем в разделе, посвященном архаике. Однако она составлена более удачно уже по одному тому, что об архитектуре этих периодов читатель получает более цельное общее представление, чем об архитектуре архаической эпохи.

В историческом очерке, предваряющем историю римского градостроительства, говорится, что «древнеримская политическая история тесно связана с городом Римом» (стр. 64), но о том, как возник и сложился первоначальный Рим, мы из этого очерка не узнаем. Некоторые сведения, опять-таки главным образом чисто исторического, а не архитектурно-исторического порядка, содержатся на стр. 73 в описании Рима как одного из выдающихся древнеримских городов. Общий же очерк посвящен преимущественно описанию этрусско-римского обряда инавгурации городов.

У читателя не может не создаться ложного впечатления, что города в Италии и вообще на территории Римской империи возникали во всех случаях по принципу *templum* и на пустом месте. Так, римляне «из стратегических соображений» основали Лондон, Париж и Вему (стр. 68). О том, что римские крепости: Лутетия, Лондиний и Виндобона возникли на месте более древних поселений, приспособляясь к их плану, размеру и т. п., не сказано ни слова.

Некоторые упреки приходится сделать и в отношении специального содержания книги.

Допуская, что история градостроительства, в том плане, как ее понимают авторы, не должна содержать сведений технического характера, все же приходится протестовать против того, например, что при характеристике древневосточного градостроительства никак не подчеркнуто то обстоятельство, что все грандиозные сооружения Хорсабада, Вавилона и других городов древнего Двуречья создавались из сырцового кирпича,—обстоятельство немаловажное не только для техники, но и для эстетики древневосточной архитектуры.

Круг фактов, составляющих предмет истории градостроительства как особой дисциплины в рамках общей истории архитектуры, настолько еще не определен, что границу между историей строительной техники и историей искусства градостроения еще нельзя считать установленной.

Во всяком случае несомненно, что авторы должны стремиться к отбору материала, типичного для градостроительства в пределах той или иной культуры. Не только наиболее характерные образцы планов городов, но и типичные образцы зданий: храмов, дворцов, оборонительных, публичных и жилых сооружений, должны служить предметом изложения. Этого-то мы, к сожалению, еще и не находим в виде определенной и на протяжении всей исторической части книги выдержанной системы.

Отсутствие ее мешает отчетливому восприятию различий, например в принципах градостроительства древневосточного и древнегреческого и т. д. Читателю остается неизвестен образец типичного жилого дома в древнегреческих городах. Между тем за таким образцом не пришлось бы ходить далее нашей Ольвии; читатель так и не знает, какие здания являются составляющими древнеиталийского города или хотя бы одного лишь города Рима, каковы его базилики, термы, мосты, акведуки, оборонительные стены, промышленные здания, тюрьмы и т. д. Многое из перечисленного упомянуто в той или иной связи, но нет цельной картины; читатель, не обладающий специальной подготовкой в области антиковедения и не видевший Рима своими глазами, не может в результате проработки рецензируемой книги представить себе, как выглядел древний Рим в ансамбле его наиболее типичной архитектуры; в чем его отличия от современного города, какие наиболее характерные изменения имели место на протяжении столетий.

Главное достоинство подобного учебного пособия—это его ясность и иллюстративность. Оно должно помочь читателю возможно более отчетливо представить себе, как выглядел в действительности тот или иной архитектурный ансамбль. Этим требованиям книга удовлетворяет не вполне. Для того чтобы добиться необходимого эффекта, в одних случаях потребуется перегруппировка материала, в других же, может быть, достаточно будет каких-либо отдельных дополнительных штрихов. Например, нам кажется, что реконструкции греческих городов, представленные в книге, заговорили бы более живым языком, если бы при их характеристике были приведены, насколько возможно, сравнения с современностью и было, например, сказано, что общий облик жилых кварталов древнегреческого города был не столь уже далек от впечатления, производимого черепичными кровлями и белыми стенами современного Севастополя или Феодосии.

Отмеченные выше недочеты характерны не только для раздела античной архитектуры. То же относится и к главам, посвященным градостроительству Византии и древней Руси. Достаточно будет сказать, что никакого в сущности впечатления о деревянном древнерусском городе читатель не получает, хотя наглядных примеров из области деревянного зодчества, в виде ли древних иллюстраций или современных художественных реконструкций, или, наконец, современного деревянного зодчества наших северных областей, сохранившего в своих традициях богатейшее древнее наследие, вполне достаточно.

В целях этой наглядности и отчетливости, может быть, следовало бы даже поступиться частью материала, который весьма широк и разнообразен, с тем, чтобы на примерах более выигрышных, на образцах градостроительства, наиболее хорошо сохра-

нившихся и наиболее детально изученных, дать совершенно отчетливую и убедительную картину эволюции города как архитектурного целого.

Позволительно также в некоторых случаях требовать большего историзма, большей исторической детализации. Следовало бы, например, по нашему мнению, планам древнерусских городов предпослать некоторые планы древних городищ скифских и протославянских, с соответствующей их характеристикой, что, несомненно, расширило бы историческую перспективу древнерусского градостроительства. То же относится и к истории античных городов: ей должен быть предпослан очерк эгейской архитектуры: городов-дворцов и дворцов-крепостей; планы Феста и Тиринфа (на стр. 35) имеются в книге, но о первом ничего не сказано в тексте, а второй трактуется в связи с архитектурой афинского акрополя.

К числу погрешностей книги, с нашей точки зрения, относится то, что план одной из наиболее хорошо сохранившихся террамарр—Кастеляццо ди Фонтанелла, приведен и оговорен в тексте (на стр. 64) без всякого указания на то, что это североиталийская террамарра; план этот не использован в тексте как этап чрезвычайной важности и значения в истории италийского градостроительства, а трактован мимоходом, наряду с некими неопределенными древнеиталийскими «укрепленными пунктами», какова Альба-Лонга, кстати сказать, никогда не являвшаяся крепостью в тесном смысле этого понятия.

В исторической части наблюдается известный схематизм, порождающий подобные искажения.

Неприятна и некоторая затуманенность регионально-географических особенностей. Например, Милет сопоставляется без каких-либо оговорок с Селинунтом (стр. 44), или, в другом случае, города упоминаются в такой, ничем не оправданной, последовательности: Византий, Паутикапей, Халкида, Фапагория и др. (стр. 35). Между тем несомненно, города Великой Греции отличались от городов западного побережья Малой Азии, а эти, в свою очередь, были во многом отличны от греческих поселений Северного Причерноморья.

Мешает (а неподготовленного читателя дезориентирует) невыдержанность транскрипции наименований: Паутикапей вместо принятого уже давно Пантикапей, Византия (античная) вместо Византий, Навкратида, вместо Навкратис и т. п.

Авторам необходимо было добиться более отчетливого изложения эволюции архитектурного ансамбля античного города, города средневекового—европейского и древнерусского. История Рима, история ганзейских городов, история Киева, Новгорода и Москвы содержит для этого достаточно красочного материала. Материал этот фрагментарен, в смысле наглядности часто недостаточно скомпонован и разработан—недостающие схемы и реконструкции необходимо создавать заново.

«Градостроительство» в сжатой и доступной форме излагает факты, характеризующие развитие города на всем протяжении его истории в разных частях света, и сопровождает это изложение богатым иллюстративным материалом, зачастую заимствованным из далеко не всегда доступных альбомов и книг. В этом положительное значение рецензируемого издания, хотя и не лишнего недостатков, поскольку оно представляет собой первый опыт учебного пособия по истории градостроительства.

Л. Ельницкий

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ, *Записки о войне с галлами*, книга вторая, с введением и комментариями С. И. Соболевского. 16 рис. и 1 план, 80 стр., Москва, 1946, цена 3 р. 50 коп.

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН, *Избранные произведения*, комментарии Ж. С. Покровской, с вводной статьей и под общей редакцией академика М. М. Покровского, 4 рис. и 3 карты, 91 стр., Москва, 1946, цена 4 руб.

Серия «Римские классики» быстро увеличивается. Вслед за «Энеидой» Вергилия появились сразу две новых книги в том же издании и оформлении. Издательство литературы на иностранных языках делает полезное и нужное дело. Ныне студенты гуманитарных факультетов университетов и пединститутов получают два новых текста латинских классиков, снабженных, что особенно ценно, высококвалифицированными комментариями.

Обе книги изданы довольно тщательно и прилично оформлены, хотя их внешний вид, а в частности подбор иллюстраций, значительно уступает «Энеиде». Зато комментарии к тексту, хотя они и принадлежат перу разных авторов, которые, повидимому, подходили к своей задаче с различными установками, почти не оставляют желать лучшего как с методической, так и с научной точки зрения.

Первая из рецензируемых работ состоит из чрезвычайно краткого введения, полного текста второй книги Цезаря, с обстоятельным, в основном синтаксическим, комментарием. В конце книги помещено несколько иллюстраций и три приложения. В введении дана военно-политическая обстановка в Галлии весной 57 г. до н. э. и рассказано в кратких чертах содержание второй книги.

Выбор именно второй книги «Записок о войне с галлами» Цезаря для отдельного издания вполне целесообразен. Значительные отрывки из четвертой и шестой книг даны в выпущенном за последние годы вот уже вторым изданием учебном пособии «Латинский язык» А. Н. Попова и П. М. Шендяпина. Переиздание хотя бы в полном тексте одной из этих книг не принесло бы большой пользы ни преподавателям, ни студентам, так как в учебных сетках вузов, особенно пединститутов, не отводится достаточного количества часов для прохождения полного текста хотя бы одной из книг «Записок». А что касается самостоятельного чтения студентов, то для ознакомления их как со стилем и личностью Цезаря, так и с техникой военного дела у римлян вторая книга дает вполне законченное целое— всю бельгийскую кампанию Цезаря.

Комментарии С. И. Соболевского вполне гармонируют со стилем Цезаря. Они целеустремлены, их язык сжат, четок и, что наиболее ценно, всегда точен. Комментарии преследуют только одну цель: облегчить студентам самостоятельную работу над текстом. Все места, представляющие на втором году обучения какие-либо синтаксические трудности, объяснены очень тщательно, с указанием на аналогичные места у Цезаря и, частично, у других латинских классиков. Полезны также постоянные указания на соответствующие параграфы «Грамматики латинского языка» автора комментариев. К сожалению, «Грамматика», изданная восемь лет тому назад, является теперь библиографической редкостью.

Существенным упущением является то, что читателю непонятно, к каким примечаниям к другим книгам Цезаря постоянно отсылает его автор комментариев. Повидимому, речь идет о каком-то старом издании «Записок о войне с галлами», которое вышло под редакцией С. И. Соболевского. Но даже в таком случае следовало бы указать название, год и место издания книги, как это сделано в отношении «Грамматики». К тому же вряд ли постоянные ссылки на примечания к другим книгам окажут большую пользу студентам, лишенным возможности ими пользоваться.

Следует отметить, что в комментариях, несмотря на их чисто синтаксический характер, автор обращает внимание учащихся также и на особенности стиля Цезаря. Пояснение ряда близких по значению латинских терминов, как *clementia* и *mansuetudo*

стр. 31), *acies* и *ordines* (стр. 40), *ratio* и *ordo* (стр. 37 и 45), будет с благодарностью воспринято читателями. Вполне уместны, хотя немного скупо, даны объяснения, выходящие из рамок грамматического разбора, как, например, данные об археологических раскопках в *Noviodunum* (стр. 13) или объяснение о способе продажи в рабство населения городов, взятых штурмом (стр. 65).

Помещенные в конце книги три приложения: о частных случаях употребления союза *si* в косвенной речи у Цезаря, об употреблении *perfectum coniunctivi* после *ut consecutivum* и о грамматическом интерпретации отрывка II, 21, 1, резко отличаются от всего характера комментариев. Для учащихся они, особенно первое из них, несомненно, слишком трудны.

Весь иллюстрационный материал, за исключением общего плана сражения с бельгами (стр. 17) и схемы сражения с нервиями (стр. 54), сгруппирован в конце книги между текстом Цезаря и приложением. Это вполне целесообразно, так как иллюстрации тематически представляют собой одно целое, поясняя технику военного дела у римлян. Следовало бы только под каждым рисунком давать и латинские и русские названия. Непонятно, почему *imperator* (стр. 68) и *vinea* (стр. 70) или *sarcina* (стр. 69) даны без перевода на русский язык, в то время, как «подвижные щиты из досок и из прутьев» даны без соответствующего латинского термина.

Корректорских ошибок относительно немного (*Nerivos* вместо *Nervios* на стр. 34; *uauque* вместо *suaque* на стр. 30 и *viederetur* вместо *videretur* на стр. 54). В комментариях на стр. 44 вместо «племь» должно быть, по видимому, «щиты».

Но эти мелкие недочеты не портят общего впечатления от книги. Наша студенческая молодежь будет, несомненно, глубоко благодарна С. И. Соболевскому за полезное пособие по изучению латинского языка.

«Избранные произведения» Овидия заключают в себе наиболее характерные отрывки из «Метаморфоз»: «Вступление», «Века», «Потоп», «Дафна», «Пирам и Тисба», «Нюоба», «Превращение ликийцев в лягушек», «Кефал и Прокрида», «Дедал и Икар», «Филемон и Бавкида», «Орфей и Эвридика», «Пигмалион», а также четыре произведения из «Скорбных элегий» (*Tristia*): «Автобиография», «Последняя ночь в Риме», «Письмо к жене» и «Зима у гетов». Выбор отрывков, особенно из «Скорбных элегий», дает учащемуся неплохое представление о характере творчества Овидия и, что, пожалуй, не менее важно, позволит ему глубже ознакомиться с бытом и настроениями римлян эпохи Августа. В этом смысле «Автобиография» и «Последняя ночь в Риме» прекрасно дополняют друг друга. «Письмо к жене», проникнутое глубоким лирическим чувством и одновременно полное легкого юмора, даст нашим студентам возможность познать Овидия-человека со всеми его слабостями. Наконец, «Зима у гетов» ярко характеризует настроения и чувства изгнанника.

Биография Овидия, составленная академиком М. М. Покровским, оставляет значительно лучшее впечатление, чем введение к «Энеиде». Прежде всего, кроме основных биографических сведений о писателе, в ней дана обстоятельная характеристика его поэтического творчества, а также особенно подробно освещены именно те произведения, которые помещены в настоящем издании.

Комментарии к «Избранным произведениям» Овидия более разнообразны, чем к «Энеиде» и к «Запискам о войне с галлами». Наряду с грамматическими и просодическими пояснениями текста много места уделено сюжету каждого в отдельности произведения. Кроме того, в комментариях к «Скорбным элегиям» уделено, как это и следовало сделать, большое внимание пояснению подробностей римского быта. Так, например, комментарии к «Автобиографии» в данном издании более подробны, чем в учебнике А. Н. Попова и П. М. Шендяпина, причем особенно обстоятельно даются реальные пояснения к биографии поэта.

Кое-где комментарии, в отличие от четких пояснений к Цезарю, сформулированы не совсем ясно. Так, например, в пояснении к *emendaturis ignibus* (стр. 74) совершенно непонятно, о каких «образованиях» говорит автор.

Карты к «Овидию» перепечатаны, по видимому, с дореволюционного издания. Следовало более внимательно их выправить. В карте на 75 стр. слово «Прут» написано с твер-

дым знаком. Особенно часты опечатки в немногочисленных греческих словах (стр. 15, 88 и др.).

В заключение необходимо обратить внимание на одно обстоятельство, касающееся всей серии «Римские классики» в целом. Серия предназначена для учащихся примерно одинакового уровня. Это предъявляет к редакции серии определенные требования единообразия. Прежде всего речь идет об орфографии. Учащимся, например, совершенно неясно почему *eius* пишется в тексте Цезаря через «j», а у Вергилия и Овидия через «i». Это же касается и всех прочих случаев спорной орфографии. Здесь все-таки следовало бы придерживаться общепринятой в учебниках орфографии и уж во всяком случае надлежало объяснить в введении причины отклонений от нее.

Второе требование, также касающееся единообразия, относится к научному аппарату, в частности к указанию источников, из которых взят латинский текст. Это сделано в «Энеиде», но обойдено молчанием в двух других книгах.

Пожелаем, чтобы отмеченные недочеты были устранены в дальнейших публикациях «Римских классиков», предназначенных в качестве учебных пособий для вузов.

Я. Ленцман

А. Н. БЕРНШТАМ. *Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала*, Фрунзе, 1943, 67 стр., цена 6 р.

Великие народные ирригационные стройки, развернувшиеся в республиках Средней Азии перед Великой Отечественной войной, проходили под наблюдением археологов местных и центральных научно-исследовательских учреждений. Они позволили обследовать обширные неизученные еще пространства, на которых в древности развивалась интенсивная человеческая деятельность, дали большое количество находок предметов материальной культуры и пролили новый свет на многие до того совершенно еще не освещенные страницы далекого прошлого. Так, большой вклад в науку дали наблюдения при строительстве каналов в Фергане, в Ташкентской области и на строительстве Катта-Курганского водохранилища в Самаркандской области.

Особенно большими успехами увенчались археологические наблюдения на строительстве Большого Чуйского канала весной 1941 г., проведенные под руководством автора рецензируемой работы. На трассе в 150 км длины при земляных работах объемом 6 миллионов кубометров грунта было искусно расставлено 25 человек научного состава экспедиции, которым удалось собрать свыше 3000 древних предметов (не считая монет и массового материала), послуживших основным фондом для историко-археологического отдела Киргизского государственного музея (стр. 27—28). Сколь значительным вкладом в историю и археологию края явилось добытое на канале, особенно ясно видно, если мы сравним новые данные с тем, что имелось для Северной Киргизии по итоговому обзору предшествующих плодотворных исследований А. Н. Бернштама на 1940 г.¹

В рецензируемой работе дан предварительный очерк новых археологических материалов со II тысячелетия до н. э. до XV в. н. э. включительно.

Если в 1940 г. можно было лишь в общем ставить вопрос о связях культуры бронзового века Северной Киргизии с андроновской культурой (II тысячелетие до н. э.) Казахстана, то ныне автор ввел в археологию ясное понятие о сущности этой культуры и дал объективную характеристику двух ее основных этапов, из которых первый восходит к андроновской, а второй к карасукской стадии (стр. 9). В целом, по определению А. Н. Бернштама, севернокиргизская бронза «выступает со своими локальными чертами, характеризующимися архаическими чертами керамики, сосуществованием поли-

рованных каменных орудий с бронзовыми орудиями, своеобразным типом кельтов, пожей и особенностями комплексного хозяйства (интенсивное скотоводство, охота и рыболовство)» (стр. 9). В приведенной характеристике мы не можем согласиться лишь с заключением автора о занятии населения. Если для карасукского этапа, по аналогии с карасуком в Минусинском крае, оно близко к истине, то для более древнего, андроновского, этапа оно находится в противоречии с накопившимися уже фактически данными по археологии Северной Киргизии. Андроновская культура бронзового века в Казахстане и в Минусинском крае рассматривается, как и родственная ей срубная культура на юге европейской части СССР, в качестве типичной пастушеско-земледельческой культуры. Состав бронзовых орудий, находимых в Семиречье, которые могут быть отнесены к андроновскому этапу, известен. В качестве руководящей формы среди них выступают тяжелые топоры с гребнем¹. Показателен состав предметов Сукулукского клада, который А. Н. Бернштам справедливо относит ко времени андроновской культуры². В него входят три вислообушных топора, три клиновидных тесла, три долота, два ножа листовидной формы, две проколки, одна коническая втулка, наконечник и три зеркала. Состав этих бронз явно рисует перед нами производственные процессы, связанные не с пастушеско-охотничье-рыболовным хозяйством, а с мотыжно-земледельческо-пастушеским бытом. Вот почему найденные на Большом Чуйском канале бронзовые серпы следует считать земледельческими орудиями, а не орудиями для уборки сена при интенсивном скотоводстве, как это полагает автор (стр. 8). Наличие оседлости для Северной Киргизии на андроновской стадии зафиксировано лишь в одном случае³, но эти древние поселения еще никак там специально не отыскивались, так как основная деятельность археологов распространяется пока на памятники городского типа и на курганные могильники.

Культура саков, скифского племени Средней Азии, открывалась уже не раз, но такими открытиями вносилась только путаница в науку, как имело место, например, с «открытием» сакской культуры в Каунчи-тепе (близ Ташкента), которая в действительности относится ко времени не ранее кушанского периода⁴.

Ныне сакская культура открыта, и честь этого важнейшего в археологии Средней Азии открытия принадлежит А. Н. Бернштаму.

По данным автора, культура саков, датируемая VII—IV вв. до н. э., представлена погребениями в курганах, сопровождающимися глиняными полусферическими сосудами грубой ручной лепки (без шаблона), бронзовыми орудиями и предметами вооружения—ножами, стрелами, копьями (стр. 9—10). Саки, как и геродотовы массагеты, являлись носителями культуры бронзового века. Отмеченная нами длительность pereжитков бронзы (примерно до V—IV вв. до н. э.) в истории культуры восточной части Узбекистана⁵ нашла живое подтверждение в археологии саков. Облик материальной культуры саков и обитателей среднего течения Сыр-Дарьи VII—IV вв. до н. э. и «Культу-

¹ Б. Г р а к о в, Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана, Кзыл-Орда, 1930, стр. 10.

² А. Н. Б е р н ш т а м, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 20—21.

³ А. И. Т е р е н о ж к и н, Археологические разведки по р. Чу в 1929 г., «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1936, № 5—6, стр. 138.

⁴ Г. В. Г р и г о р ь е в, Отчет об археологической разведке в Янги-Юльском районе УзССР в 1934 г., Ташкент, 1935; о н ж е, Каунчи-тепе (раскопки 1935 г.), Ташкент, 1940, о н ж е, Краткий отчет о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940; наши рецензии на эти работы в «Известиях УзФАН», 1940, № 8 стр. 84—87; С. П. Т о л с т о в, К вопросу о датировке культуры Каунчи, ВДИ, 1946, №1, стр. 173.

⁵ А. И. Т е р е н о ж к и н, Памятники материальной культуры на Ташкентском канале, «Известия УзФАН», 1940, № 9, стр. 31—32.

туры городищ с жилыми стенами» в Хорезме (VI—IV вв. до н. э.)¹ подводит нас к пониманию сущности еще не обнаруженной согдийской культуры ахеменидского времени².

Усуни, отождествляемые А. Н. Бернштамом с исседонами Птолемея³, в свете материалов с Большого Чуйского канала выступают в качестве прямых преемников культуры саков; сущность ее осталась та же, несмотря на рост уровня техники производства вообще и окончательный переход общества в усуньское время в Киргизии от бронзового века к железнному (стр. 11—12).

Эпоха городов в Северной Киргизии, вызванная к жизни, как это показывает А. Н. Бернштам, согдийской колонизацией в V в. н. э.⁴ и закончившаяся в начале XIII в. монгольским завоеванием, представлена наиболее богато в сборах на строительстве Большого Чуйского канала. Несмотря на сжатость обзора этих обширных материалов, автору удается наметить общие тенденции, учесть своеобразие каждого исторического этапа и последовательно рассмотреть их в строго хронологическом порядке. Автор рассматривает здесь следующие вопросы: согдийская колонизация, в результате которой происходит трансформация местной автохтонной культуры и сращивание согдийской культуры с культурой политически господствовавших в стране тюркских племен (12—16 стр.); византийский компонент в городской культуре V—VII вв., выявляющийся в находках электронных брактеатов—оттисков варварского подражания монетам Константина Погоната (641—668 гг.) и Ираклия (611—629 гг.), которые «документируют и обогащают отрывочные факты письменных источников о широких связях Семиречья с Византией, возникшие в эпоху расцвета западнотюркского каганата» (стр. 17—18); своеобразная и глубоко отличная от культуры оседлого населения кочевническая культура тюрков, связанная с Алтаем и Енисеем (стр. 18); обогащение культуры Северной Киргизии в связи с усилением влияния Китая в VII в., и, что замечательно, не ослабевавшего даже после известного критического события 751 г., когда китайские войска были разбиты арабами на р. Таласе (стр. 19—20)—волна китайского влияния проявляется в это время в сильном пропикновении буддизма; формирование культуры карлукского периода (766—902 гг.), для которой характерно появление целой сети укрепленных поселений, огромный рост ремесленного производства, появление выработанных в Мавераннахре форм сосудов (пиала, каса, блюдо); просачивание в орнаментальные мотивы арабских надписей; дальнейшее распространение буддизма (стр. 21—22); изменение лица Чуйской долины при Караханидах (XI—XII вв.) со сформировавшимися типично феодальными городами по среднеазиатскому образцу с шахристаном и рабадом и сельскими поселениями с феодальными замками; внедрившимся в быт исламом, приобщившим Северную Киргизию к культуре Мавераннахра (стр. 22—23) и, наконец, роль каракитаев, вопросы монголо-тимуридской культуры (стр. 25—27).

Калейдоскоп проблем, возникших на основании новых материалов,—это реальное отображение действительно калейдоскопически развивавшихся исторических процессов и процессов формирования и развития культуры в Чуйской долине, жемчужине Киргизии, в мире скрещения и симбиоза великих и малых цивилизаций всех четырех

¹ С. П. Толстов, Новые материалы по истории Хорезма, ВДИ, 1946, № 1, стр. 96.

² Г. В. Григорьев относит культуры ранних слоев городища Тали-Барзу (ТБ I и ТБ II), находящегося несколько южнее г. Самарканда, к доахеменидскому и раннеахеменидскому времени (городище Тали-Барзу, «Труды отдела востока Государственного Эрмитажа», II, Ленинград, 1940, стр. 88). Однако ТБ I и II были Г. В. Григорьевым отнесены слишком далеко в глубь времени. По материалам, добытым нами осенью 1945 г. на городище Афрасиаб (древний Самарканд), устанавливается, что ТБ I и ТБ II нельзя относить к более древнему периоду, чем первые века до н. э.

³ А. Н. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии стр. 32—33.

⁴ А. Н. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, «Краткие сообщения ИИМК», № 6, стр. 34 и сл.

стран света—Китай, Сибири, Индии,¹Согда-Мавераннахра, а через его посредство—Ирана и Византии. В раскрытии этих процессов и явлений автор, умело пользуясь методами исторического и археологического анализа, стоит на верном пути. Нужно пожелать, чтобы археологические материалы с Большого Чуйского канала были в скорейшем времени опубликованы в полном объеме.

Отдельная глава в рецензируемой работе (стр. 29—40) посвящена автором предварительному очерку его рекогносцировки по Южной Киргизии, проведенной весной того же 1941 г. с целью сбора материалов для составления перспективного плана исследований Ошской и Джалал-Абадской областей Киргизской ССР. В главе дан обзор археологических памятников Южной Киргизии с III в. до XII в. н. э. и поставлен вопрос о их месте в истории культуры народов Средней Азии.

Заканчивая рассмотрение очерка А. Н. Бернштама, мы должны отметить в нем один досадный недостаток. Он оснащен большим количеством иллюстраций (218 рисунков в 10 таблицах), но, к сожалению, многие из них так мелки и выполнены так грубо, что не передают действительных форм и типов древних предметов материальной культуры, чем наносится серьезный ущерб всей работе.

А. Тереножкин

ANDRE PIGANOL, Histoire de Rome, Paris, 1946, LI + 586 стр.

Андре Пиганиоль, автор «Римской истории», является известным французским ученым. Его перу принадлежит ряд очерков по историографии античности и специальных исследований по Римской истории. Им написана монография, посвященная Константину («L'empereur Constantin, Paris, 1932»), специальный труд, посвященный возникновению Рима (Origines de Rome) и ряд других работ. Для серии «Народы и цивилизации» Пиганиоль написал заслуживающий внимания том, посвященный Римской республике (La conquête Romaine). «История Рима» (Histoire de Rome) Пиганиоля, выпущенная в 1939 г. в серии «Klio», Introduction aux études historiques, недавно (1946) переизданная, является как бы завершением его прежних работ по изложению римской истории. Этот последний труд, предлагаемый вниманию читателя, мы не можем отделить от предшествующих работ этого автора. Для понимания отношения автора к римской истории необходимо кратко охарактеризовать установки Пиганиоля как по общим, так и по частным вопросам истории Рима. В этом отношении характерной является монография Пиганиоля о Константине. Живое и яркое изложение истории Константина, его политики и, главным образом, изложение его религиозных реформ дает на фоне политических событий поздней империи картину выдающегося исторического деятеля.

В литературе по данному вопросу монография Пиганиоля имеет, несомненно, немалое значение. Однако следует признать, что к исследованию политической и религиозной деятельности Константина автор подходит скорее как католик, но отнюдь не как историк, дающий объективную оценку событиям. И это прежде всего выдает сентиментально-романтическая оценка автором всей деятельности Константина. В конце своей монографии Пиганиоль характеризует Константина, как «человека, который в век, когда разум человеческий заколебался, опускал жизнь».

В труде по Римской республике («La conquête Romaine») Пиганиоль не стремился предложить какую-нибудь оригинальную композицию или новые идеи, под углом зрения которых Римская республика выступала бы в новом свете. Нет. У Пиганиоля весьма скромная задача: дать все, ничего не упустить и поменьше «точек зрения»! Компилятивная сторона выступает на первое место, отодвигая всякий момент исследований, теоретического обобщения и продвижения вперед той или иной научной проблемы. Такой

подход Пиганиоля неразрывно связан с его точкой зрения на древнюю историю, как научно уже окончательно разработанную. Пиганиоль как-то писал в одной из своих работ, что «древняя история вступила в фазу составления капитальных руководств и фундаментальных справочников. В области исторической науки она готова стать разделом наиболее разработанным в сравнении с другими». Очевидно, исходя именно из такого взгляда на современное состояние научной разработки древней истории, автор пришел к наивному, с нашей точки зрения, положению, что дело историка теперь в этой области завершается только составительской работой. Фактологическое отношение к составлению книг, монографий и общих пособий, в лучшем же случае—драматизация описываемых фактов—все это обходится без живой, организующей мысли, без творческой идеи исследователя.

Подобный стиль в буржуазной историографии не может не обратить на себя внимания, ибо он отражает безидейность, падение тонуса творческой работы современного буржуазного историка.

Подобная установка нашла отражение и в рецензируемой книге. В предисловии, правда, автор пишет, что задача его заключается «не в том, чтобы осветить хорошо изученные истины, но поставить проблемы и дать направление исследованию». Но те проблемы, какие выдвигаются Пиганиолем, далеко не равноценны, и нужно сказать, что вопросы частные занимают его больше, чем кардинальные проблемы римской истории. Задачу последней автор сводит главным образом к истории общеполитической. «Под историей Рима следует понимать историю создания и разрушения государства, которое окаймляло берега Средиземного моря». Вопросы хозяйственного и социального развития отходят тем самым на задний план. Из истории культуры Пиганиоль ставит на первый план религиозную проблему, возвращаясь при этом к той периодизации, какая дана была Огюстом Контом: «в недрах Римской империи восторжествовала религиозная революция, благодаря которой период мифический уступил место метафизическому»(?!).

Это предисловие, несмотря на глубокое знакомство автора с проблемами римской истории, возвращает историографию более чем на столетие назад.

Материал между отдельными периодами распределен систематично. Книга делится на четыре части. Вся история до 268 г. (до окончательного покорения Италии) составляет для Пиганиоля как бы предисторию. В подражание, видимо, Катону Старшему он называет этот период «Началом» (*Origines*). Второй период—эллинистический: римское завоевание (*La conquête Romaine*); третий период—принципат; соответствующая часть называется «Эволюция принципата». Он начинается с Августа и кончается смертью Галлиена. С Клавдия II Готского начинается бюрократическая монархия, которая продолжается до 476 г. Этой периодизации, уклоняющейся до известной степени от традиционной, можно поставить упрек в искусственности. В основу ее положены моменты второстепенные, а не основные; она не учитывает общественного развития (образование классов, развитие рабовладения и его упадок). Как автор ни относится к достоверности наших сведений об эпохе царей и ранней республики, но все же следует разделять две стадии в ранней римской истории. У Пиганиоля же они объединены в один период, причем предистория Италии не отделена в сущности от ее истории. Пиганиоль вводит термин «бюрократическая монархия», отмечая лишь политический момент, и начало соответствующего периода относится, по его мнению, не ко времени Диоклетиана, а Клавдия II Готского, с которого начинается правление иллирийских императоров. В 70-е годы III века кризис Римской империи отнюдь не был преодолен, Клавдию и Аврелиану удалось лишь (и то не полностью) восстановить политическое единство империи.

Четыре части книги Пиганиоля состоят из отдельных глав, каждая из которых состоит из основного текста, «notes», содержащих краткую характеристику источников, библиографии и ряда историографических заметок, помещенных под заголовком *état des questions*.

Последние пять страниц — 523 — 527 — посвящены библиографии за период 1939—1945 гг.

По интересу трактовки выделяются отдельные главы первой части (*Les origines*) и некоторые главы, относящиеся ко времени империи. Начало римского развития рассматривается в тесной связи с общеталийским развитием, причем Пиганиоль в отличие от Моммзена, Пайса и Белоха считает возможным видеть отражение истинных событий в некоторых сказаниях, относящихся к царской эпохе. Так, например, в споре Ромула и Рема Пиганиоль видит столкновение основателя города, вышедшего из Альбы, с главой Авентинского холма. Для ранней Римской общины характерен, по его мнению, дуализм, отражающий объединение латинских и сабинских элементов. Достоверное зерно усматривается и в легендах о Тарквиниях, в которых отражается этрусское господство в Лации. Мало достоверного находит Пиганиоль в истории раннереспубликанской (особенно в известиях, относящихся к VI веку). Известие о Юнии Бруте (консуле 509 г.) является, по его мнению, интерполяцией, ибо род Юниев—плебейский, получивший известность только в IV веке. Ничего определенного, по Пиганиолю, нельзя сказать ни о времени, ни о характере, ни о первоначальном содержании законов двенадцати таблиц. *Foedus Cassianum* перенесен традицией на столетие ранее: он отражает договорные отношения между Римом и Тускулумом, относящиеся к 381 г. Вместе с тем Пиганиоль признает достоверным аграрный закон Лициния и Секстия. В историю завоеваний и в историю гражданских войн Пиганиоль не вносит ничего нового, пытается, например, в вопросах о причинах римской интервенции на Востоке объединить и примирить различные точки зрения, а иногда и уклониться от разрешения сложных проблем. Так, например, Пиганиоль ставит вопрос: «В какой мере можно говорить о римском капитализме?» и отвечает таким образом: «Это вопрос определения. В Риме уже со времен Полибия наблюдается накопление капиталов, но эти капиталы вместо того, чтобы быть помещенными в промышленные предприятия, вкладывались в землю (отсюда концентрация собственности) или же вкладывались в компании по сбору налогов». Хотя Пиганиоль и не дает определенного ответа на поставленный вопрос, однако у автора явно сквозит типично буржуазная эклектическая точка зрения. Буржуазный взгляд на социальное развитие римского общества не позволяет Пиганиолю выделить отдел о революциях рабов и значении социальной борьбы в истории Римской республики. Эпохе империи отведено у Пиганиоля больше места. Здесь уделено социальной истории больше внимания, хотя в основных наших источниках социальная история империи отражена беднее, чем в источниках, относящихся к концу поздней республики. Основные выводы автора, касающиеся социальных отношений времен империи, отражают взгляды Ростовцева, хотя по ряду вопросов Пиганиоль вносит свои коррективы. В оценке императоров династий Юлиев—Клавдиев Пиганиоль ближе к античным авторам (Тациту и Светонию), чем многие из современных историков. Нечто новое вносит Пиганиоль в историю гражданской войны 68—69 гг. Победа Гальбы отражает победу оппозиционной Неропу аристократии, провозглашение Отона было «нероновской реакцией», главными носителями которой были преторианцы. Нижнегерманская армия восстала, по мнению автора, во имя народа, верхнегерманская провозгласила Вителлия. В конечном итоге одержали верх дунайская армия и армия, стоявшая на востоке. Время Флавиев характеризуется, по Пиганиолю, ростом «эатизма», централизации и фискального гнета.

Продолжая традицию Гиббона, Пиганиоль дает высокую оценку положения империи во времена Антонинов, причем главная причина этого усматривается в деятельности правительства. После обзора внешней и внутренней истории эпохи Антонинов дается сначала обзор политического строя империи, а затем характеристика провинций, включающая краткие очерки административного устройства, а также обзоры хозяйственного развития.

Время Северов, по Пиганиолю, не было еще началом кризиса. Тяжелым временем для империи является период с 235 по 268 г.—время «анархии и вторжений».

Вызывает серьезные возражения также и характеристика иллирийских императоров: последние вели политику, благоприятную «для слабых и бедных», но они не любили анархии и решили восстановить дисциплину. Частную инициативу подчинили они высшей необходимости государства. У них был культ армии и бюрократии. Они

были на пути к своего рода государственному социализму, который вырисовывается в конце века» (439). В этом определении верно лишь то, что касается армии и бюрократии, все остальное является реакционным измышлением автора.

Из общих вопросов истории империи в основном изложении уделяется особое место кризису III века и вопросу о падении Римской империи. И здесь проявлен эклектизм автора, пытающегося объединить различные точки зрения. Он говорит об утрате сенатом прежнего авторитета (взгляд Ферреро), о недостаточно эффективной защите границ, организованной Августом и Адрианом (теория Корнемана), он указывает на падение ценности денег (взгляд Миквица), на ослабление внешней торговли (об этом говорил Зеек). Подобно Ростовцеву, автор говорит об упадке «буржуазии»; нужно заметить, что в числе симптомов кризиса Пиганиоль упоминает и о стремлении рабов к свободе. Всего лишь один абзац посвящен Пиганиолем упадку Римской империи. И здесь мы видим нагромождение различных причин, восходящих к разным исследователям. Пиганиоль говорит и об отказе римлян от военной службы, и о подавлении частной инициативы и развитии бюрократизма, и о торжестве метафизического монотеизма. Но главной причиной считает он то, что торговые пути переместились от Средиземного моря к Рейну и Дунаю и далеко не все пути вели уже в Рим.

Вывод неожиданный и не вытекающий из изложения, в котором на первое место поставлена политическая история.

Считая основой исторического процесса политическое развитие, стремясь «учесть» все точки зрения по основным вопросам, Пиганиоль не дает своих ответов на кардинальные вопросы исторического развития Рима.

Имеются некоторые олошности фактического свойства. Ливию Андронику, например, приписывается перевод «Илиады», а не «Одиссеи» (стр. 84), непонятно, почему начало восстания Аристоника датировано 131 г. (стр. 116).

Примечания в «Истории Рима» являются наиболее ценной частью книги Пиганиоля. Полной библиографии римской истории не существует, особенно трудно учесть статьи и исследования, рассеянные в различных журналах. Издаваемые периодические справочники Марузо охватывают всю древность и в силу громоздкости не удобны для пользования. Большое значение имеют короткие историографические обзоры, посвященные то общим, то частным вопросам, вызывавшим научную дискуссию: например, хронология постройки римских стен, вопрос о происхождении плебеев, история галльского нашествия, толкование гиссеновского папируса, содержащего эдикт Каракаллы, спорные вопросы диоклетиановской реформы. В библиографии у Пиганиоля очень мало (по сравнению с обзором Ростовцева в его «Социально-экономической истории» и Бэйнеса в «*Journal of Roman Studies* за 1944 г.) дано по обзору различных взглядов, касающихся падения Римской империи. Конечно, библиографические указания Пиганиоля следует признать не полными. Отсутствует, прежде всего, русская литература, кроме ссылки на работы М. М. Хвостова, да и указанная иностранная литература далеко не полна. Из общих работ, например, не указана *History of Rome* Т. Франка, представляющая больший интерес, чем упоминаемые автором книги Кэри и Блока.

Относительно библиографического приложения, перечисляющего литературу, вышедшую в 1935—1945 гг., автор сам говорит, что им даются лишь предварительные указания, поскольку полные возможны только после установления нормальных международных связей. И действительно, у Пиганиоля мы не находим ряда существенных изданий.

Нет, например, вышедшего в 1941 г. V т. издания *An economic history of Rome*. Не указан IV т. *Fontes Hispaniae Antiquae*, не названа важная и во многих отношениях оригинальная книга A. N. Scherwin-White *The Roman Citizenship*, Oxford, 1939, так же как появившаяся в том же издании и в том же году книга Syme «*The Roman revolution*», встретившая отклики в различных журналах, а также книга Шультепа по Испании, появившаяся еще в 1933 г. Мы уже не говорим о том, что список статей, вышедших в последние годы и касающихся различных вопросов истории Рима, далеко не полон.

Таким предстает перед нами труд Пиганиоля. Он имеет существенные недостатки. Однако, насколько это возможно в кратком пособии, автор учитывал различные стороны истории Рима, к каждому периоду истории даны библиографические указатели литературы и ссылки на источники. В качестве справочника книга Пиганиоля может быть использована всяким, кто интересуется современным уровнем буржуазной науки.

Проф. А. Мишулин
Проф. Н. Машкин

«ИЗВЕСТИЯ НА БЪЛГАРСКИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИ ИНСТИТУТ», т. XV (1946), стр. 1—290, София (обзор античных материалов).

Рассматриваемый нами номер журнала был подготовлен болгарскими археологами еще в годы войны, наполовину сгорел в марте 1944 г. и лишь в 1945 г. дополнен. Содержание его составляют статьи, посвященные античной и древнеболгарской археологии и истории.

Д. Крънджалов в статье «Характерна ли е бермата за «прабългарските» валове» (стр. 37—51) ставит задачей опровергнуть принятое многими болгарскими учеными положение К. Шкорпила о праболгарском происхождении всех валов на территории Болгарии. Выдвинутая в 1905 г. эта теория не была еще никем пересмотрена. Сам Д. Крънджалов является автором нескольких работ, посвященных изучению валов в восточной половине Балканского полуострова (см. его книгу «Валовете в Добруджа и Бесарабия и прабългарската теория», София, 1943). В реферируемой статье он рассматривает прежде всего топографию валов, указывая, что лишь с юга территория болгарской державы была укреплена валами. Это противоречит положению Шкорпила, считавшего, что древняя Болгария была защищена валами на всех границах. Отбрасывая литературные доводы праболгарской теории происхождения валов, которым уже посвящена его специальная работа («Арабският писател Аль-Масуди от X век и неговите сведения за борджаните», ГНМ, VII), автор уделяет особое внимание техническим доводам К. Шкорпила. Согласно Шкорпилу, берма¹, характерная для праболгарских земляных сооружений, является единственным признаком, позволяющим выделять последние. Несостоятельность этого положения автор аргументирует примерами строительства крепостей на Руси и в Византии. Для истории античного военного дела особенно важны его наблюдения относительно применения бермы в римской фортификации. Берма, как отмечает Крънджалов—это обычный технический прием, употреблявшийся в римских укреплениях; особенно часто ее оставляли перед каменными стенами и, как исключение, перед пограничными валами. Им указывается наличие бермы у нескольких римских крепостей: крепость при Шумне, укрепление Хисарлък, Абтаатското кале, земляное укрепление между Силистрией и Тутраканом, небольшое укрепление у Перлекьой, крепость у с. Сираково и др.

Таким образом, берму нужно рассматривать не как украшение, вызванное эстетическими наклонностями какого-либо народа, но как известный технический прием. Автор приводит и статистические доказательства: из 1222 км общей протяженности валов в болгарских и соседних землях берма сопутствует валам лишь на протяжении 75 км.

Задачу, поставленную автором, бесспорно, следует считать разрешенной.

Т. Герасимову принадлежит работа «Антични монети с контрамарки от Долна Мизия и Тракия» (стр. 51—81). Исследователь избрал чрезвычайно интересный вопрос о перечеканке монет в восточной части Балканского полуострова в эллинистическую

¹ Берма—небольшая полоса различной ширины, тянущаяся между рвом и насыпью (стеной), предохраняющая насыпь от оседания в ров.

эпоху, что дает большой материал для освещения экономической и политической истории черноморского и эгейского побережий Фракии. Он привлекает монеты из известного клада Айтооска бани (*Aquaе calidae*), а также некоторые монеты римского времени. Останемся на материале, который дает работа Герасимова.

В Истрии были перечеканены медные монеты Лисимаха, города Том и самой Истрии. В Томах—медь Лисимаха, Аполлонии, Каллатии, Лисимахии, Абдеры, Истрии, фракийских царей *ΑΔΑΙΟΥ* и Керсobleпта, скифских царей Хараспа, Канита и Танусы и самого города Том. В Каллатии—драхмы и тетрадрахмы Александра, Селевка и Лисимаха, медь Истрии и Дионисополя. В Одессе—медные монеты Филиппа II, Александра, Лисимаха и собственные монеты. В Месембрии было перечеканено мало монет—медь городов Том и Месембрии на Эгейском побережье. В Аполлонии—медь Лисимаха, фракийского царя Риметалка I, самой Аполлонии, а также варварские имитации фасосской тетрадрахмы. Из внутренних городов только город Кабила перебивал медную монету Аполлонии, Антиоха I и свою собственную.

Особенно интересен тот факт, что такие центры, как Фасос, Абдера, Маронея-Сест и Лисимахия, перечеканивали только свою собственную монету. Кардия контрамаркировала медь обеих Месембрий, Том и фракийского царя Риметалка I. Город Визант—медь Лисимаха и свою собственную. Перинф—медь союзных городов Византии и Калхедона. Перечеканка монет в Византии носила массовый характер. С его клеймами известны: серебро Александра, Лисимаха, Антиоха I, Птолея I Сотера, медь Лисимахии и самого Византия. В Абидосе перечеканивали медь Аполлонии Понтийской.

Среди контрамаркированных монет имеются такие, штемпель контрамаркации которых еще не локализован. Это штемπεля с бюстом Артемиды, головой женщины вправо, амфорой, треножником, *quadratum incisum* и изображением перуна, сопровождаемым легендой *ΤΕΤΡΑ* (вероятно, обозначение общины).

В римское время, как указывает автор, монеты императоров перечеканивались в городах Тонзос, Тома, Перинф, Никополь на Росипе и Цела.

В отличие от Head² а, полагавшего, что перечеканка монет была вызвана экономическими затруднениями городов, восполнявших таким образом недостаток собственной монеты, Т. Герасимов считает, что причиной перечеканки была необходимость установить реальное достоинство старой истертой монеты, как своей, так и чужой.

Автор делает важные выводы о наличии оживленной торговли между городами побережий Фракии в III—I вв. до н. э. Болгарский ученый правильно указывает на активную роль прибрежных греческих городов в торговле. Особенно важное место принадлежит Каллатии и Византию, которые перечеканивали и серебро.

Однако нельзя согласиться с выводом автора, утверждающего отсутствие прямых торговых связей фракийских городов с главнейшими центрами Греции, Эгейских островов и М. Азии. С этим связано положение Герасимова, что торговля городов фракийского берега имела локальный характер и не охватывала отдаленные рынки, так как среди монет, перечеканивавшихся во Фракии, отсутствуют монеты важнейших греческих городов. Это утверждение противоречит установившемуся в науке мнению о наличии тесных торговых связей фракийского побережья со многими центрами Средиземного моря¹.

¹ О торговле северо- и западнопонтских городов в эпоху эллинизма с крупнейшими торговыми центрами Эгейского моря см. работы Ростовцева: «Эллинизм и иранство на юге России», «The Social and Economic History of the Hellenistic World»; работы Жебелева: «Боспорские этюды» в «Изв. ГАИМК», 104, стр. 7 сл.; «Экономическое развитие Боспорского государства» в ИАН, 1934, № 8, стр. 591—607 и № 9, стр. 661—679. Эллинистическая торговля западнопонтских городов прекрасно освещена в статье Хр. М. Данова «Из древната икономическа история на западното Черноморие до установяването на римското владичество», ИАИН XII, София, 1939, стр. 185—259.

Отсутствие перчеканки монет Афин, Родоса и других в городах фракийского побережья было бы правильное объяснить по аналогии с известным ольвийским декретом о хождении иностранной монеты в городе (IOSPE, I², № 24). Этот декрет, датируемый Латышевым и Диттенбсгером началом IV в. до н. э., запрещает обращение какой-либо чеканенной монеты в городе, кроме собственной ольвийской, медной и серебряной, а также кизикских золотых статовров. Возможно, что подобное финансовое законодательство существовало и в остальных греческих городах Понта и северной Эгеиды. В таком случае контрамаркация могла служить средством легализации ходившей в городе мелкой чужеземной монеты, которая принадлежала более или менее близким государствам. Из дальних центров привозились лишь монеты крупного достоинства. Исключение, сделанное в ольвийском декрете для кизикского золота, могло существовать и во фракийских городах для монет крупных городов и государств, чеканивших полноценное серебро и золото. Их монета перчеканке не подлежала.

D. D e t s c h e w, Ein neues Militärdiplom aus Germania inferior (Д. Д е ч е в, Една новооткрита военна диплома, стр. 86—93).

Автор публикует военный диплом времени императора Домициана, найденный летом 1944 г. в районе Разграда. Начертанный на медной табличке текст сохранился без начала и с некоторыми лакунами в середине.

На основании сравнения его с другими военными дипломами (CIL, XVI, № 20, 23, 26, 28 и др.) Дечев предлагает более или менее полное чтение текста. Диплом был выдан в начале февраля 82 г. солдату фракийского происхождения Дурису, сыну Бифа, вернувшемуся по окончании службы на родину. Дурис был пехотинцем IV фракийской когорты. Диплом заключает выписку из указа императора Домициана о даровании гражданства выслужившим срок пехотинцам и всадникам ряда когорт, в том числе и IV фракийской, находившимся в Германии. Таким образом, текст диплома сообщает новые данные о дислокации частей римской армии. Документ датирован консульством Aulus Didius Gallus Fabricius Veiento и L. Lamia Plautius Acmitianus, в силу чего мы узнаем о существовании новых consules suffecti 82 г. Кроме того, из диплома явствует, что император Домициан был избран консулом в 9-й раз в период от 1 февраля до 20 сентября 82 г. Диплом интересен еще и тем, что он дает указание о месте установки стел с императорскими указами в 82 г.—они стояли in Capitolio post Ligures. Вероятно, это место было названо от лигурийских трофеев консулов 233 и 181 гг. до н. э.

Работа Дечева привлекает читателя не только новизной публикуемого им документа, но и блестящим знанием предмета. Это дает ему возможность извлечь все данные, какие только может представить военный диплом. Не можем не заметить, что славянским ученым было бы приятнее прочесть эту статью на болгарском языке, а не на немецком, на котором она напечатана.

Георгий А я н о в в работе «Стари пътища и селища край тях през Странджа и Сакар» (стр. 94—113) разбирает вопрос о торговых путях в восточной Фракии в средневековую эпоху. На стр. 106—109 он касается тех дорог, по которым мог следовать Дарий, и пытается определить место остансовки Дария у горячих источников (Геродот, IV, 90). По мнению автора, река Теар, упоминаемая древним историком, может быть только рекой Бюдере. Однако эти соображения нуждаются в более твердых доказательствах, чем внешнее сходство рек.

В реферируемом томе, согласно установившейся в Болгарии прекрасной традиции, публикуются новые находки в разделе «Археологические вести». Г. И. Кацаров, «Обредът поднасяне на чаша» (стр. 166—167), излагает часть работы венгерского ученого Alföldi «Antike Darstellungen zur Kenntnis der Kultur der eurasischen Reiterhirlen», в которой исследуется обряд поднесения чаши. Кацаров приводит примеры существования обряда поднесения чаши у неонцев и древних македонцев.

Никола М а в р о д и н о в в лекции по радио сообщает о раскопках летом 1945 г. в Болгарии, в том числе и в Никополе на Истре (стр. 171). Продолжая прежние раскопки, болгарские археологи расчистили две больших залы, мостовую улицы,

трубы 2 водопроводов, а также часть ранее открытого амфитеатра. Найдена статуя без головы.

Петър Детеv («От Burdenis до Argus», стр. 172—176) описывает часть римской дороги между Константинополем и Белградом на участке от Свиленграда (Burdenis) до развалин городища Argus (к югу от села Калугерово). Автор подробно характеризует следы древней дороги и городищ поблизости.

Т. Герасимов (Разкопки на могили при с. Свети Кирилово, стр. 180—184) сообщает о разкопках 1941 г. близ села Свети Кирилово. Могильник, состоящий из 4 близко расположенных погребений, относится к римской эпохе. Наиболее интересный факт — в кургане № 2 в основном погребении были найдены орехи, обгорелые и целые. Как отмечает автор, ему еще неизвестны случаи принесения орехов в дар усопшему. Заметим, что орехи известны в погребальных инвентарях Боспора («Материалы и исследования по археологии СССР», IV, 71, а также ИАК, 47, 52, погребение 28). Тот же автор (стр. 184—185) публикует недавно приобретенную гемму с изображением Септимия Севера, Каракаллы и Геты. Геммы с портретами римских императоров и членов их семей очень редки, их известно до сих пор было лишь 4 экземпляра. На стр. 185—186 он публикует 3 фрагмента мраморной статуи Геракла, найденные в Софии (античная Сердика). Техника выполнения статуи позволяет отнести ее ко II в. н. э. Там же была найдена золотая пластинка с изображением «фракийского всадника», датируемая IV в. до н. э.

М. Мирчев (стр. 187—189) сообщает об открытии в поле под древним Марцианополем каменных гробницы и саркофага, содержащих только скелеты, без вещей, и публикует найденные в той же местности предметы: 2 плиты с изображением «фракийского всадника», фрагмент рельефа, относящегося к культу Диописа, обломок вотивного рельефа и две женских головы: мраморную и из известняка.

В заметке «Едно старо тракийско селище» (стр. 189—192) он издает предметы из с. Кипра (окрестности Марцианополя), относящиеся, по видимому, к древнему фракийскому поселению. Это выдолбленные в скале гобы почти эллипсовидной формы, местная керамика из них, а также 4 мраморных рельефа «фракийского всадника» местной работы.

С. Стефанов («Антични паметници от Свищовско», стр. 192—194), описывает вещи, поступившие в Свищовский музей: стелу из известняка с изображением Геракла, мраморный торс женщины, изящный мраморный подсвечник, фрагменты рельефов с изображением атлетов и двух животных, голову юноши тонкой работы из мрамора, глиняную и оловянную вазочки, оловянную статую Фортуны, оловянную пластинку с изображением рыбы, бронзовые фигурки Геракла, грифона и льва.

Ив. Венедиктов («Тракийска гробница при с. Ветрен, Пазарджишко», стр. 194—196) помещает описание склепа, сложенного из известняковых плит насухо. Погребение было ограблено еще в древности, но в тонком слое земли на полу погребальной камеры были найдены обломки золотых и позолоченных украшений покойника. Автор датирует склеп концом V — началом IV вв. до н. э.

Хр. Д. Пеев на стр. 196—197 публикует свою реконструкцию римского саркофага из Пловдива, найденного в 1932 г. разбитым на несколько частей. Как отмечает автор, саркофаг имеет традиционную форму римских каменных гробниц II—III вв. н. э.

Д. Цончев («Новосткрити старини от Пловдивско», стр. 209—219) издает погребения, составляющие некрополь «Sub Radice» первой станции на римском пути из Филиппополя в Дакию. Среди описанных им предметов интересны: каменный саркофаг из дер. Надеждино (погребение разграблено), план новых помещений, открытых недавно в римских банях в Хисаре, а также описание гробниц, найденных в Пловдиве при рытье водопровода. Из них заслуживает упоминания гробница, расписанная изображениями животных и растений. Там же были обнаружены в нескольких местах: следы базилики позднеимперского времени, зданий, назначение которых не выяснено, остатки римского водопровода и канализационных труб.

И. Моллов публикует глиняный светильник из Мадара в виде головы Силенна (стр. 227—228).

Ив. Велков и Ив. Венедиктов в разделе «Кратки вести от разни места» (стр. 228—235) издают различные античные предметы, найденные в Болгарии.

Т. Д. Герасимов («Коллективни находки на монети през последните години», стр. 235—244) описывает монеты, найденные в Болгарии в 1941—1945 гг.

Т. В. Блаватская (Бороздина)

V. GORDON CHILDE, *Man makes himself*, London, Watts & Co., 1936, XII+275 стр.; *What happened in history*, London, Watts & Co., 1942, 256 стр.; *Progress and archaeology*, London, Watts & Co., 1944, 119 стр.

За последние годы в зарубежной, западноевропейской и американской, археологической науке заметно большое оживление. Перед второй мировой войной во всех странах, в том числе и в таких небольших, как Швеция, организуются крупные археологические экспедиции, располагающие значительными средствами и производящие чуть ли не повсюду в Старом и Новом свете раскопки, зачастую открывающие для истории новые страницы, иной раз неведомые ей ранее культуры. Техника раскопок, изучения и публикации добытого материала непрерывно совершенствовалась. Обилие материала вызвало естественное стремление разобраться в достигнутом, перейти к обобщению и синтезу. В последние годы у некоторых представителей зарубежной археологической науки заметны попытки преодолеть буржуазную ограниченность и формализм в обобщающих построениях, подойти ближе к познанию объективных закономерностей исторического процесса. В этом сказывается влияние передовой советской археологической науки. Пожалуй, самым интересным выразителем такой тенденции в зарубежной археологии в настоящее время является профессор Эдинбургского университета В. Гордон Чайлд.

Он родился в 1892 г. в Сиднее, в Австралии. Высшее образование получил в университетах Сиднея и Оксфорда. Менее всего кабинетный ученый, проф. Чайлд изучал музеи и археологические стоянки не только Англии, но и Центральной Европы, балканских стран, греческих островов, Египта, Турции, Индии и СССР. Он не раз руководил раскопками в Шотландии и Северной Ирландии, но особенно знамениты его раскопки прекрасно сохранившейся неолитической деревни Skara Brae в Оркнее, которая привлекает ежегодно тысячи туристов. Неоднократно показав мастерство самого детального археологического анализа, Чайлд на протяжении всей своей ученой карьеры стремится к осмыслению и обобщению собранного им огромного материала. Его основные труды—прежде всего опыты широкого исторического синтеза. Такими, кроме трех выписанных выше, являются: 1) «The Dawn of European civilization», 2 ed., London, 1939; 2) «The Danube in prehistory», Oxford, 1929; 3) «The prehistory of Scotland», London, 1936; 4) «The Most Ancient East», London, 1939; 5) «The Bronze Age Cambridge, 1930; 6) «Prehistoric communities of the British Isles», London, 1942.

Чайлд выступает в своих работах как материалист, хотя и не идет далее экономического материализма. Он отнюдь не марксист, но внимательно изучает советскую археологическую литературу. Он изучил русский язык настолько, что в состоянии читать русские и украинские научные публикации. В нем мы имеем друга советской науки, часто осведомляющего зарубежный научный мир о нашей археологической работе¹

¹ После того как настоящая рецензия была сдана в печать, в журнале «Man», febr. 1947, vol. 47, стр. 31—32 появился отзыв С. Пиготта на новую работу В. Г. Чайлда «Scotland before the Scots», London, 1946, VII+144. В предисловии к своему труду В. Г. Чайлд подчеркивает свое намерение «истолковать шотландский материал на основе установок советских археологов, применение которыми марксизма к доистории дало работы, которые кажутся более историческими, чем те, авторов которых можно назвать «буржуазными» доисториками». Эта установка В. Г. Чайлда вызвала суровое порицание со стороны Пиготта.

Его труды внимательно изучаются советскими специалистами. Представляется поэтому своевременным и существенным делом рассмотреть и оценить в целом концепцию проф. Чайлда.

Разбираемые три работы Чайлда написаны на одну тему—о развитии человека, человеческого общества и культуры от первых их шагов до античной цивилизации. Цель их—показать на вещественном археологическом материале, в чем состояло прогрессивное развитие человечества.

В первой из перечисленных книг, «*Man makes himself*» проф. Чайлд изучает исторический процесс в хронологической последовательности от появления человека до «городской революции» в странах древнейшего Востока, завершившейся созданием науки. В работе «*What happened in history*» эта картина подвергнута более сжатой переработке (что не исключает отдельных существенных добавлений и изменений) и продолжена до кризиса и падения античной цивилизации. В последнем своем труде «*Progress and archaeology*» автор распределил материал тематически, в отдельных главах—в хронологическом порядке. За вступительной главой о «развитии археологии» следуют главы о «добывании пищи», «орудиях, машинах и материалах», «отоплении и жилище», «обмене и распространении культуры», «погребении, жертвоприношениях и храмовом строительстве» и, наконец, о «результатах прогресса». Все три работы написаны в очень популярной форме, доступной для самых широких масс, лишены документации и научных примечаний. Тем не менее они базируются на исключительно эрудиции и развивают широкую философско-историческую концепцию, интересную и для специалистов. Во всех трех работах так много повторений одних и тех же взглядов с использованием зачастую одних и тех же материалов, что не целесообразно давать детальный разбор каждой из этих книг в отдельности.

Что Чайлд считает «прогрессом» в историческом процессе? Об этом он говорит неоднократно, но всего подробнее и яснее в «*Man makes himself*», стр. 1—16.

До первой мировой войны понятие «прогресс» было широко распространенным и обычно казалось само собой понятным. Но мировая война (эта книга писалась Чайлдом в 1936 г. еще до разгула германского фашизма) и последующие кризисы подорвали этот наивный оптимизм. Зачастую понятие прогресса складывается из односторонних, крайне субъективных оценок и желаний. В результате возникли штампованные схемы периодов «расцвета» и «падения» культур и народов. Чайлд считает совершенно произвольным, например, считать V в. до н. э. веком расцвета Греции, а IV в., век Аристотеля и научного подъема,—началом упадка. Или другой пример: «рост» Рима приходится на эпоху грабительских войн и всяческого угнетения, а Римская империя, давшая народам два века относительного мирного развития, считается в учебниках эрой «упадка». Школьная наука преувеличивает значение политической и религиозной истории, что для Чайлда, как англичанина, особенно ясно на примере английской истории. Чайлд подчеркивает огромное научное значение Маркса, открывшего, что первенствующую роль в истории играют «экономические отношения, общественные производительные силы и практическое использование науки» («*Man makes himself*», стр. 7). Правда, к этой не слишком четкой формулировке Чайлд сейчас же делает оговорку, что академические круги могут принять теоретическую установку Маркса, не разделяя «партийных страстей, воспламеняемых другими сторонами марксизма». Не поняв сути учения Маркса, впервые открывшего закон развития человеческой истории, Чайлд ищет «объективного» подхода к проблеме прогресса и думает найти его в критерии биологическом.

«Прогресс для историка,—утверждает Чайлд,—может быть эквивалентом эволюции у зоолога. Можно надеяться, что стандарты, применимые в последней дисциплине, могут помочь историку достичь того же беспристрастия и той же объективности суждения, какая характеризует зоолога или ученого в области любой другой естественной науки. А для биолога прогресс, когда он употребляет этот термин, означает успех в борьбе за существование. Выживание наиболее приспособленного—это подлинный принцип эволюции. А приспособленность означает именно успех, определяемый выживанием. Проверкой приспособленности вида мог бы быть счет его членов по отдельным поколениям. Если

эти числа идут возрастающим рядом, вид может считаться преуспевающим; если же сумма падает, он осужден на исчезновение» (там же, стр. 10—11). Вслед за Мальтусом, не упоминая его, Г. Чайлд обращает особое внимание на законы роста населения. На стр. 15 он набрасывает картину роста населения Великобритании за период 1500—1800 гг., причем выясняется, что до 1750 г. эта линия очень медленно идет вверх и что на ней никак не отражаются политические революции и религиозные движения XVI и XVII вв., которым историки обычно придавали такое большое значение. Зато между 1750 и 1800 гг. линия резко загибается кверху под углом в 30°. Это является результатом «промышленного переворота», который, несмотря на великие страдания переломного момента, создал совсем иной, более высокий уровень хозяйства и быта народа, его культуры и науки. На этом основании объективный критерий прогресса Чайлд думает найти в этом признаке темпа роста населения, пригодном для подсчета «независимо от партийных или философских предрассудков»¹. Таким образом, при всех своих добрых намерениях, проф. Чайлд подменяет материалистическое понимание истории антинаучным «социальным дарвинизмом». Пытаясь стать выше «политических и философских предрассудков», он по сути дела становится, помимо своего желания, проводником реакционных буржуазных политических и философских идей. Беда проф. Чайлда в том, что он воспринял, и притом поверхностно, лишь вульгарные, опошленные экономистами и ревизионистами идеи марксизма. В результате он, несмотря на свою субъективную благожелательность к марксизму, объективно смыкается с враждебной ему теорией.

Неправильное понимание существа исторических закономерностей сказывается не только в случайных и непоследовательных общеполитических соображениях Чайлда, но и в конкретном изложении хода исторического процесса.

Вызывает серьезные возражения в книгах Чайлда его периодизация древнейшей истории. Вкратце она такова. Вначале мы имеем эпоху простого добывания пищи, или присваивающего хозяйства, когда людям приходилось производить только орудия добывания пищи, а не ее производства. Эта стадия в целом соответствует палеолиту (или, по схеме Моргана, периоду дикости). Далее следует «неолитическая революция», которая с изобретением земледелия и скотоводства создает хозяйство нового, более высокого типа, является скачком, создающим условия для более быстрого роста населения и освоения им более обширных земельных пространств. Наконец, с переходом к металлургии в странах Ближнего Востока происходит «городская революция», на базе которой развивается античная цивилизация. В целом такая периодизация довольно близко соответствует схеме Моргана с ее членением истории на периоды дикости, варварства и цивилизации. Но более внимательное изучение и «Древнего общества» Моргана и, тем более, «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Энгельса показало бы проф. Чайлду, что за этим делением не следует упускать из виду и другого, еще более глубоко проникающего в исторический процесс. Чайлд от экономики и материальной культуры склонен слишком непосредственно переходить к религии, искусству, науке, почти опуская социальное опосредствование, столь рельефно выдвинутое у Моргана, Маркса, Энгельса. И поэтому читателю остается самому, без помощи автора, разбираться в вопросах, иной раз очень трудных, — какие факты и явления в этих книгах Чайлда относятся к родовому обществу, какие характеризуют родовой строй или различные стадии его разложения. Это невнимание или, по крайней мере, недостаточное внимание к истории социальных отношений нельзя оправдать одно-сторонностью археологического материала, поскольку для оценки проявления ранних форм религии или искусства Чайлд иной раз не избегает и этнографических аналогий. По Моргану, первобытный материнский род формируется уже на средней ступени дикости, а разложение родового строя идет полным ходом уже на высшей ступени варварства. Чайлд, положив в основу периодизации признак технико-экономический и упустив признак организационно-общественный, тем самым закрыл себе путь к пониманию решающих, переломных моментов исторического процесса. В результате в его

¹ G. C h i l d e, *Man makes himself*, стр. 15.

книге «Progress and archaeology», в которой материал распределен по темам, нет темы о развитии общественного строя, а в двух других трудах, дающих связную историю от палеолита до античной культуры, нельзя найти ни картины роста родового строя, ни его характеристики на основании памятников материальной культуры; мы не находим у него и серьезной попытки объяснить «городскую революцию» победой классовых отношений. Таким образом, периодизацию первобытной и древней истории у Чайлда, несмотря на ее материалистический (в духе экономического материализма) характер и ряд отдельных, зачастую очень метких и тонких замечаний, приходится признать не соответствующей требованиям научной методологии и упускающей из поля зрения основные линии социального развития. Все же по сравнению с господствующими в Англии буржуазными теориями концепция Чайлда представляется в своей области явлением прогрессивным. Важно указать также, что Чайлд не одинок, что в самой Англии у него есть единомышленники, стоящие примерно на тех же позициях, как-то Hawkes, Cyril Fox, Grimes и др.

Перехожу к отдельным замечаниям по поводу частностей построения истории у Чайлда. Палеолиту посвящена в книге «Man makes himself» 4-я глава (Food gathers», стр. 54—73), а в книге «What happened in history»—2-я (Palaeolithic savagery», стр. 24—42). Чайлд, как и Хаукес, не является специалистом по этому периоду, его исследования касались преимущественно неолита и бронзового века. Тем не менее он в курсе важнейших открытий, в том числе в СССР, и материал знает не только по публикации, но на основании изучения его в музеях и на некоторых стоянках. На небольшом числе страниц (18—19) Чайлд дает довольно четкую картину быта первобытных собирателей и охотников. В ней мы не находим ничего особенно нового. Встречаются очень сомнительные утверждения по крайне важным вопросам. Так, по вопросу о древнейшей культуре палеолита после эолита он, как и Хаукес, принимает схему реакционной венской археологической школы, в частности Менгина, и французской школы аббата Брейля, отказывающихся от тезиса единства древнейшей культуры, установленного Мортилье и воспринятого советской археологией. Согласно этой схеме на территории Старого Света в начале палеолита отдельные районы были якобы заняты двумя различными культурами, одна из которых, клектонская, характеризуется обработкой пластин, откалываемых от кремневого ядрища, а другая, шелльско-ашельская, отличается от первой обработкой, наоборот, именно этого ядрища, в то время как откалываемые при этой обработке пластины и осколки являются лишь отбросами производства. Археологи этого направления считают случаи скрещивания в одном районе техники обоих типов исключением, и получается картина раздельного существования, а в дальнейшем и борьбы двух «культур», за которыми в представлении некоторых авторов стоит и борьба двух древнейших человеческих «рас». Понятно увлечение такими построениями со стороны крайне-правых и, тем более, профашистских кругов, но досадно видеть их успех и в среде демократически настроенных ученых. Было бы крайне важной задачей советской археологии помочь зарубежным ученым прогрессивного направления основательно разобраться в накопленном наукой материале по древнейшему палеолиту и освободиться из-под влияния реакционных идей.

Другим порочным пунктом построенной Чайлдом схемы развития палеолитической культуры является его представление о смене и сосуществовании древнейших человеческих рас. Он допускает, хотя и оговаривается относительно недоказуемости такого предположения, что создатели культуры пластин принадлежат к расам, представители которых не являются предками *Homo sapiens*, и эту честь предоставляет только создателям культуры ядрища. Он думает, что нет возможности перебросить генетический мост от неандертальца к *Homo sapiens* верхнего палеолита, что неандерталец слишком приспособился к условиям арктической природы, и с изменением климата в Старом Свете эта раса должна была вымереть, причем эта гибель могла быть ускорена борьбой с расой более высокого физического и умственного уровня. Ясно, что эти положения, хотя бы в более умеренной и осторожной форме, отражают схемы реакционных школ археологической науки и в корне расходятся с установками советской антропологии и археологии, доказывающих единство человеческого рода, признающих неандертальца

предшественником и предком *Homo sapiens* и относящих дифференциацию человечества на расы лишь к верхнему палеолиту.

Главы о неолите («*Man makes himself*», стр. 74—117; «*What happened in history*», стр. 43—60) представляют большой интерес, поскольку Чайлд является видным специалистом по неолитическим культурам. В этот период освоения больших земельных пространств, переселений, скрещений и взаимных культурных влияний развитие представляется крайне осложненным процессом, требующим для своего изучения детального знания неолитических культур самых различных районов. Чайлд обнаруживает в этой области исключительную эрудицию, и сильное впечатление производит его мастерство (сказавшееся также в труде «*The dawn of European civilizations*») учитывать скрещение местных традиций с влияниями соседних культур. Для такой ранней поры трудно с уверенностью распознавать за изменениями в инвентаре, типах и орнаментике вещей реальные передвижения и скрещения человеческих групп. Буржуазная наука много погрешила по части произвольной реконструкции доисторических миграций, завоеваний и даже «империй». Но в представлении об исключительно внутренних факторах общественного развития тоже есть своя опасная сторона. Закономерное общественное развитие является результатом одновременно и внутреннего развития и скрещения племен. Чайлд свободен от одностороннего увлечения как тезисом внутреннего закономерного развития, так и крайними миграционными теориями; основная методологическая линия в этих трудных вопросах берется им правильно. Он ярко рисует возникновение земледелия и скотоводства в странах Ближнего Востока. Древнейшие вскрываемые заступом археолога неолитические культуры в Передней Азии, Северной Африке и позже в Европе (в первую очередь в Дунайской равнине) дают картину смешанного хозяйства (*mixed farming*). Основная черта этого хозяйства, в общем,—самодовлеющий, несмотря на наличие обмена и культурных связей, характер экономики каждой общины. Это создает благоприятные условия для роста населения и накопления опыта, знаний, примитивной культуры. Это есть «революция» в разъясненном выше, согласно Чайлду, смысле. К сожалению, он не дает описания родового строя эпохи, хотя приводит некоторые данные о неолитических деревнях, вроде *Skara Brae*, и о широком развитии кооперации. Таким образом, вопрос о первобытно-общинном строе остается по существу незатронутым. Вряд ли это объясняется только особенностями археологического материала, поскольку автор в главе о «неолитическом варварстве» в книге «*What happened in history*» довольно широко применяет этнографические аналогии. В конце неолита Чайлд постулирует широкие народные передвижения и завоевания. Смену культур в это время он объясняет не столько отмиранием какой-либо культуры, сколько процессом смешения (*mixed culture*). Например, поздненеолитические культуры Средней Европы, по его мнению, есть результат отчасти древнедунайских традиций, отчасти же влияния лесных областей Севера, даже, может быть, завоевания и порабощения древнего придунайского населения северянами. В такой обстановке, по его мнению, происходит отмирание рода. Выработать новый тип общества и сломать относительную замкнутость неолитических общин, открыть для прогресса и культуры более широкие перспективы—в этом заключалась задача второй «городской» революции.

Этой «городской революции» Чайлд посвящает особенно много места. Поскольку она в первую очередь произошла в странах Ближнего Востока, Чайлд имеет возможность в рецензируемых работах использовать материал своего труда «*The Most Ancient East*». Этой проблеме он посвящает в книге «*Man makes himself*» главы VI—VIII (стр. 118—256), а в книге «*What happened in history*» главы IV—X (стр. 61—204). Уже в эпоху неолита чувствуется неравномерность исторического развития. Вперемежку с племенами земледельческими и скотоводческими живут племена первобытных охотников и скотоводов. С другой стороны, уже тогда местами намечается вторая «революция». Может быть, именно отсутствие официальной неподатливой идеологии и глубоко вкоренившихся учреждений сделали возможным менее чем в два тысячелетия превращение самодовлеющих деревень в индустриальные и торговые города-государства (*cities*). В странах Ближнего Востока в первую очередь возникло противоречие между

ростом населения, вызванным неолитической революцией, и недостатком земли, пригодной для скотоводства и, особенно, земледелия. Отсюда важная для этих стран проблема ирригации, требующая для своего разрешения в условиях природы Египта и Месопотамии огромного труда и резкого повышения технического уровня. Это вызывало укрупнение общин и более сложную организацию кооперативного труда. Последнее обстоятельство приводило к замене морального авторитета вождя или царя принудительной властью. И в этом случае Чайлд исходит их технико-экономического момента, и в его построении новые классовые и политические отношения остаются на втором плане. Технический переворот происходил в обстановке более широкого обмена, чем это допускали условия неолитической экономики. Без импортных материалов нельзя было возводить ирригационных сооружений. С другой стороны, обмен вызывал сближение земледельческих оседлых и кочевых скотоводческих племен, приводившее не только к культурному взаимодействию, но иной раз и к военным столкновениям. Сущность технического переворота связана с возникновением металлургии, которое Чайлд освещает довольно подробно (еще большие детали можно найти в труде Чайлда «The Bronze Age»). Однако дело не ограничивается изображением переворота в области техники, вызванного изобретением металлургии. Чайлд указывает на переворот в средствах транспорта, изобретение колеса, парусного судна. Самую возможность целого комплекса технических и культурных новшеств, несмотря на религиозно-магическую идеологию, освящающую старинную практику и осуждающую любое нововведение, Чайлд объясняет вторжением пастушеских племен и подчинением им земледельцев речных долин. Такое вторжение ломает робкий консерватизм рутины, смешение культур рождает новый синтез, облегчает культурное творчество. Завоевание решает и трудную задачу интенсификации труда, столь актуальную в момент технического переворота. Пастухи оставляют земледельцев на их участках и даже защищают их от внешних врагов, но зато заставляют их платить себе часть урожая. Таким образом, земледельцы вынуждены производить излишки в пользу новой, поземельной «аристократии». Правда, Чайлд оговаривается, что в Месопотамии следы такого первичного завоевания очень неясны, что в шумерских городах государственное местное божество (т. е. жреческая корпорация) стояло во главе общинного хозяйства. Чайлд резко подчеркивает жреческое и магическое происхождение царской власти.

Было бы слишком долго входить в дальнейшие детали этой «городской революции». В книге «What happened in history» Чайлд в последовательных главах разбирает вопросы о «Вышей стадии варварства в эпоху медного века», о «Городской революции в Месопотамии», о «Цивилизации раннего бронзового века в Египте и Индии», о «Пути распространения цивилизации», о «Расцвете цивилизации бронзового века». В главе VIII в книге «Man makes himself» («Революция человеческого знания») Чайлд дает очень интересный и содержательный очерк древневосточной науки. Признавая талантливость изложения и меткость отдельных замечаний автора, следует признать, что общая концепция этой «городской революции» совершенно неприемлема. Схема: завоевание, государство, классы — ставит на голову порядок исторического развития. Классовая сущность древневосточного общества осталась непонятой, хотя наличия в нем (но не ведущей роли) рабства Чайлд не отрицает.

В главах IX—XII книги «What happened in history» проф. Чайлд дает очень краткую, с точки зрения археолога, характеристику расцвета, кризиса и упадка античной цивилизации (стр. 164—252). Это наименее самостоятельная часть труда Чайлда. Он признает рабовладельческий характер античного общества и его культуры. Противоречия рабского способа производства он объясняет узкие границы развития торговли и промышленности, сорвавшие расцвет таких торговых центров, как Афины или Сиракузы. Расцветом античного мира он считает создание крупных эллинистических государств и, позже, Римской империи, разбивших рамки небольшого полиса и создавших условия для более мощной экономики. Но в конце концов это было лишь отсрочкой. Рабство разложило и империю. Обеднение масс, разоренных конкуренцией рабского труда, сузило внутренний рынок, а внешний более расширяться не мог, поскольку уже в 150 г. н. э. были достигнуты границы цивилизованного мира. В ре-

зультате оказались неизбежными падение городской экономики и обнажение примитивно-аграрной основы империи. Но на такой основе само государство беднело и разлагалось. С этим связаны и разложение всей античной цивилизации и победа христианской идеологии. В этой картине общего краха совершенно не затронуто основное—классовая борьба, завершившаяся революцией рабов и свержением рабовладельческого строя общества. Не отмечено также, что возникавшее на развалинах империи феодальное общество было дальнейшим прогрессивным этапом в истории человечества. Чайлд говорит даже о повороте римских «лэндлордов» к принципам неолитической хозяйственной замкнутости.

Подведем итоги. Книги Чайлда возбуждают живой интерес археологов и историков как за рубежом, так и в СССР. Они развертывают сложную концепцию, производящую впечатление попытки серьезного синтеза первобытной и древней истории. Автор интересуется советской наукой и симпатизирует ей. Тем важнее нам было показать, что его концепция не идет далее экономического материализма и в целом довольно далека от подлинной марксистской идеологии. Более того, по целому ряду важнейших вопросов первобытной и древней истории автор, к сожалению, присоединяется к установкам реакционных течений. Работы проф. Чайлда лишний раз показывают важность стоящей перед советскими учеными задачи—своими конкретными исследованиями помочь прогрессивным зарубежным ученым освободиться от пагубного влияния реакционных буржуазных идей.

С. Ляковский

Новые данные о шумерской культуре

S. N. KRAMER, Sumerian Mythology, «Memoirs of the American Philosophical Society», vol. XXI (1944)

К числу наиболее трудных клинописных памятников относятся шумерские литературные тексты, дошедшие до нас в числе около 3000 фрагментов и целых табличек. Они рассеяны по всем важнейшим музеям мира, но две трети общего их числа хранятся в Филадельфии¹.

S. N. Kramer взял на себя трудную задачу собрать, издать, перевести и истолковать эти тексты. Книга его «Sumerian Mythology» задумана как введение к многотомной серии, посвященной изданию и переводу памятников шумерской литературы и изложению основ шумерской религии и мифологии.

Вряд ли можно найти специалиста, лучше подготовленного к такой филологической задаче, чем S. N. Kramer. Он является продолжателем блестящего палеографиста-ассириолога E. Chiera и учеником создателя детальной научной грамматики шумерского языка A. Roebel'a. Работая с 1933 г. над копированием шумерских литературных памятников, он, без сомнения, в настоящее время является в этой области лучшим специалистом.

Значение подобной работы для науки о Древнем Востоке едва ли может быть переоценено. Зависимость почти всех древних культур Западной Азии от древнейшей культуры Шумера, процветавшей между 3500 и 2000 гг. до н. э., общеизвестна. И, однако, до сих пор обширная литература шумерского народа, его главные верования оставались для науки книгой за семью печатями, несмотря на то, что основная масса текстов была раскопана еще в 90-х годах прошлого века.

S. N. Kramer указывает две основные причины этого явления. Первая—это языковые трудности. Шумерский язык, не родственник ни одному из ныне известных язы-

¹ Имеются они и в Советском Союзе. Один из шумерских литературных текстов из наших собраний должен вскоре появиться в печати.

ков, изучался с помощью весьма несовершенных и часто ошибочных позднейших ассирийских филологических пособий и предлагавшиеся переводы чаще всего оказывались мало достоверными. Лишь после издания грамматики Пибеля (в 20-гг.) изучение шумерского языка было поставлено на вполне научную основу, хотя вопросы шумерского словаря и до сих пор в очень многом остаются невыясненными.

Вторая причина заключалась во фрагментированном состоянии большинства текстов. Так, некоторые тексты приходилось собирать из многих десятков фрагментов, находящихся в разных музеях. Не менее 1500 литературных фрагментов остаются неизданными даже в автографической копии и по сей день.

К этому можно прибавить еще и третью причину—трудности, связанные с письмом. Мало того, что шумерская система письменности является, быть может, труднейшей в мире,—огромное большинство шумерских литературных текстов написаны беглым курсивным почерком. Тот, кто знает, сколько времени и труда отнимает расшифровка хотя бы десяти строк шумерского литературного текста, может только пожелать исследователю, чтобы ему хватило силы и возможностей для выполнения задуманной им грандиозной работы, которая должна охватить издание всех шумерских эпосов, мифов, гимнов, «плачей» и дидактических сочинений.

В книге «Sumerian Mythology» С. Н. Крамер, после сжатого очерка развития шумерологии от ее истоков (догадка Хинкса о не-семитском происхождении клинописи в 1850 г.) до наших дней дает краткое изложение семнадцати эпических поэм, из которых лишь три были ранее полностью изданы и правильно переведены (в том числе две—самим Крамером), две изданы и переведены не полностью и две ложно поняты и переведены неправильно. Остальные десять поэм ранее были совершенно неизвестны и восстановлены впервые автором на основании множества фрагментов, из которых лишь часть издана в копии¹. К сожалению, пока автор приводит только отдельные короткие отрывки из этих поэм в транскрипции и переводе; приходится ждать обещанного им полного издания.

Поэмы эти следующие: 1) «Гильгамеш и дерево хулуппу» (содержание приводится мною ниже); 2) «Энлиль и Нинлиль» (место действия—г. Ниппур; наученная матерью, богиня Нинлиль дает себя увидеть Энлилию во время купанья. Плодом их любви является бог Наннар. Энлиль нисходит в преисподнюю, запрещая Нинлиль следовать за собой; в поисках Энлилия Нинлиль встречает привратника, бога реки преисподней, и перевозчика через эту реку, в образе которых скрывается тот же Энлиль. От них Нинлиль рождает хтонических богов Нергала, Ниназу и еще одного); 3) «Путешествие Наннара в Ниппур» (бог г. Ура, Наннар, прибывает в Ниппур, где Энлиль дарует ему плодородие для его города); 4) «Эмеш и Энтеа» (создатель скотоводства, Энтеа, спорит с создателем земледелия, Эмешем, за звание «Земледельца (?) богов». Бог Энлиль решает спор в пользу Энтеа); 5) «Изобретение мотыги» (после сотворения мира Энлиль создает мотыгу и дарует ее людям для обработки земли и для строительства); 6) «Лахар и Ашнан» (ситуация, аналогичная той, что в поэме «Эмеш и Энтеа», только вместо этих героев выступают богиня Ашнан и бог Лахар); 7) «Энки и Нинхурсаг» описывается страна Дильмун во времена «золотого века»; Дильмун страдает от засухи. По просьбе богини Дильмуна Нинсикиль бог Энки дает Дильмуну воду. Затем, путем сочетания с богиней Нинхурсаг, с богиней Нинсар, родившейся от этого союза, и с богиней, родившейся у Нинсар, Энки создает богиню растительности Утту, которая «рождает» от него восемь полезных растений. Затем происходит ссора между Нинхурсаг и Энки; Нинхурсаг проклинает его и насылает на него болезни. Примиренная

¹ В статье, опубликованной в 1946 г. в «Proceedings of the American Philosophical Society», vol. 90, № 2, S. N. Kramer дает изложение еще восьми шумерских эпических поэм, не этот раз героического содержания. Таким образом, усилиями S. N. Kramer'a в обиход науки введено двадцать пять новых эпических поэм. Из этих восьми новых поэм две посвящены древнему герою времен «золотого века» Энмеркару, две—герою Лугальбанде и четыре представляют обработку отдельных мифов, связанных с именем Гильгамеша.

с Энки вмешательством лисы, Нинхурсаг создает восемь божеств, излечивающих недуги Энки. Затем божества эти получают «назначения» в качестве богов растительности, «владык» стран Маган и Дильмун и т. д.); 8) «Энки и Шумер» (Энки благословляет и дарует различные богатства Шумеру, Уру, Мелуххе, благоустраивает моря, степь, земледелие, скотоводство, создает различные культурные изобретения); 9) «Энки и Эреду» (Энки создает город Эреду на берегу моря и отправляется к Энлилю в Нишпур за благословением); 10) «Инанна и Энки» (богиня г. Урука Инанна, подпоив Энки, увозит из Эреду в Урук более сотни «культурных изобретений», которыми владеет Энки, в том числе царскую власть, различные ремесла и т. д. Протрезвев, Энки безуспешно пытается вернуть Инанну); 11) «Создание человека» (богов некому кормить, и они решают создать человека; из глубины моря вызывается Энки, и он обращается к богине Нинмах. Нинмах из глины лепит шесть человеческих существ, в том числе также евнуха и бесплодную женщину. Энки дает им пищу и назначает им судьбу, затем пытается сам сотворить человека, но безуспешно); 12) «Подвиги Нинурты» (бог Нинурта сражается и побеждает Кура («Гору») — дракона преисподней, охраняющего мировые воды. Начинается потоп, гибнут поля; Нинурта воздвигает над мертвым Куром плотину, сдерживающую воды, и поселяет в «Горе» свою мать Нинмах-Нинхурсаг); 13) «Инанна и Эбех» (борьба богини Инанны с горным чудовищем Эбех); 14) «Нисхождение Инанны в преисподнюю» (довольно близкий прототип вавилонской поэмы о «Хождении Иштар»); 15) «Потоп» (описание создания допотопных городов, а также история потопов — близкая к известной вавилонской версии в 11-й таблице эпоса о Гильгамеше); 16) «Сватовство Марту» (сватовство Марту, бога кочевников-семитов и покровителя города Нинаб, к дочери Нумушды, бога г. Казаллу; интересная характеристика кочевника); 17) «Инанна избирает земледельца» (изложено ниже).

Таким образом, большинство поэм — космогонического порядка. Создание богов, сотворение человека, создание земледелия и культуры, борьба между земледельческим и скотоводческим героем, потоп — таковы основные сюжеты.

Автор не делает никаких обобщений на основании приводимых им текстов, если не считать отдельных религиозно-исторических замечаний и кратких схем устройства вселенной и космогонии по шумерским верованиям. Однако эти краткие замечания заставляют полагать, что в области истории религии и мышления мы не сможем следовать за автором, как следуем в области шумерской филологии. Едва ли, например, можно согласиться со следующей характеристикой шумерского мировоззрения (стр. 73): «Нельзя достаточно подчеркнуть тот факт, что шумерские космогонические воззрения, будучи весьма ранними, никоим образом не примитивны. Они отражают зрелую мысль и разум шумерийца, наблюдавшего силы природы и характер своего собственного бытия. Если проанализировать эти воззрения, если отбросить богословскую оболочку и политеистические побрякушки... то шумерские воззрения о сотворении мира обнаружат остро наблюдательное мышление и способность выводить и формулировать выводы из наблюденных данных». Следует «рационально изложенная» схема шумерской космогонии. В этой схеме автор часто произвольно-рационалистически толкует мифы, приписывая это толкование шумерийцам, например миф о рождении бога луны Наннара от бога Энлиля объясняется якобы существовавшим в Шумере представлением о сгущении материи луны из газов воздуха. Едва ли правомерно произвольно подставлять под миф «философские» толкования, объявляя мифологические образы «политеистическими побрякушками». Повидимому, автор стоит здесь на неприемлемой точке зрения пра-монотеизма, что и заставляет его механически подставлять рациональные объяснения под весьма интересные, но по своему характеру хорошо знакомые сравнительной мифологии довольно примитивные мифы¹.

¹ В этом отношении характерен миф об Инанне, сходящей в преисподнюю. Поэма, повидимому, складывалась уже в эпоху объединения Шумера, и автор ее пытается придать мифу общешумерский характер. Для этого он, между прочим, пренебрегая законами современной логики, заставляет Инанну одновременно выходить и с неба и из семи храмов семи городов Шумера и Аккада!

Вполне понятное увлечение автора шумерской литературой и мифологией привело его к преувеличению уровня развития шумеров.

Склонность автора к чересчур рационалистическому толкованию мифов сказывается и в том, что он безоговорочно считает шумерских мифологических героев Энмеркара, Лугальбанду и Гильгамеша историческими личностями (стр. 13). Конечно, мифология в какой-то степени может представлять фантастическое отражение действительности; можно даже допустить историчность имени Гильгамеша¹, хотя, конечно, это имя обросло множеством чисто мифологических мотивов. Но Лугальбанда, например, очевидное божество,— и по связанным с ним представлениям, и даже по этимологии его имени,— и его можно считать исторической личностью не более чем Таммуза, имя которого следует за именем Лугальбанды в списке мифических царей Шумера².

Круг вопросов, вызываемых обрабатываемыми Крамером материалами, чрезвычайно широк, и значение этих материалов для истории культуры не только самого Шумера, но и всей Западной Азии, огромно. Существенное значение они могут иметь например, для библейской критики. Параллели библейским мифам о Каине и Авеле («Эмеш и Энте»), о смещении языков (одна из поэм об Энмеркаре), о потопе и др. заслуживают тщательного внимания и изучения. Дальнейшие издания Крамера, возможно, позволят судить, имелось ли здесь прямое или косвенное заимствование или лишь аналогичный процесс развития мифологии.

Уже краткое изложение шумерских мифов, данное Крамером, позволяет сделать известные выводы, которые могут быть весьма интересными. Поэтому я позволю себе высказать несколько предположений в области политической и культурной истории шумеров, вызванных изучением этого нового материала, хотя размер и характер настоящей статьи не позволяет мне в полной мере привести надлежащую аргументацию.

Первые заключения, к которым приводят излагаемые автором тексты, состоят в том, что сами шумерийцы видели свою прародину в странах по берегам Персидского залива. Так, действие поэмы о «золотом веке» перенесено на остров Дильмун—вероятно, современный о. Бахрейн у берегов Аравии³. Другая поэма «Энки и Шумер», посвященная устройству цивилизации богом вод Энки (= Эа), также весьма характерна в этом отношении. Бог Энки в одинаковой степени благословляет Шумер и другую страну—Мелухху; Шумеру он сулит обильные стада овец и коров, а также власть над соседними странами, столице Шумера Уру—богатство и многоводность; для Мелуххи же—благословляет леса и тростник, быков и птиц, серебро и золото, бронзу и медь, и людей.

Страна Мелухха в клинописных текстах обычно упоминается вместе со страной Маган,—так же как и Дильмун, имевшей, по поэме «Энки и Нинхурсаг», шумерских богов. По поводу местоположения Магана существует большая литература. У нас этому вопросу была в свое время посвящена статья акад. В. В. Струве⁴, который искал

¹ Текст, излагающий историю ниппурского святилища Туммаль, несомненно составленный на основании хранившихся в храме votivных надписей, ссылается, в числе прочих, вполне исторических царей, и на Гильгамеша и его сына. A. Pöbel, *Publ. of the Bab. Sect. Un. of Pennsylvania*, IV—V, №№ 6, 7. Ср. также историко-героический эпос о победе Гильгамеша над Агой, царем Киша.

² Ср. T. h. J a c o b s e n, *The Sumerian King List*, *Or. Inst. of Chicago*, «*Assyriological Studies*», № 11, стр. 69.

³ Менее вероятно, что Дильмун—это о. Хормуз. Крамер считает, что Дильмун—часть побережья Ирана, однако, судя по анналам Саргона II, это, несомненно, был остров (если здесь мы не имеем случая вторичного использования древнего названия, о чем см. ниже). Ср. H. W i n c k l e r, *Die Keilschrifttexte Sargons*, Bd. I, стр. 60—63, строки 369—371.

⁴ «Яфетический сборник», № IV (1926), стр. 20—33.

страну Маган на западном побережье Аравии. В настоящее время материал о Магане умножился. Мы знаем о нем следующее: 1) название «Маган» означает «страна кораблей» (возможно, народная этимология); 2) сношения между Шумером и Маганом осуществлялись морем, причем Маган был расположен по Персидскому заливу далее Дильмуна; 3) маганские корабли прибывали регулярно в Шумер и Аккад¹, подымаясь вверх по Евфрату; 4) Маган был лесной страной²; 5) там добывался диорит.

О Мелуххе мы знаем: 1) что она была расположена недалеко от Магана; 2) что она была горной и лесной страной; 3) что там добывался золотой песок³.

Упоминания о сношениях с Маганом и Мелуххой прекращаются вскоре после III династии Ура (после 2000 г. до н. э.) и сохраняются только в литературе предсказаний (записи небесных и земных явлений, наблюдавшихся в связи с тем или иным историческим событием). Поскольку эти явления рассматривались как предсказания и начинали толковаться применительно к тому или иному позднему государственному образованию, постольку в литературе возникли (в «высоком стиле») дублирующие обозначения для этих новых государств. Так, сначала Урарту⁴, потом Персия⁵ обозначаются, как «Гутиум», Ассирия—как «Субарту»⁶. Термины «Маган и Мелухха» переносятся на Египет и Нубию; однако это не дает ключа к местоположению настоящего Магана.

Если Маган и Мелухху надо искать где-либо в Аравии, то необходимо предположить значительное изменение климата, ибо в настоящее время Аравия, насколько мне известно, нигде не производит строительного и корабельного леса. Такое изменение, конечно, возможно. Но, если мы примем во внимание факты несомненных сношений между Шумером и культурой Мохенджо Даро в III тысячелетии до н. э.⁷ (последняя погибла после 2000 г. до н. э.), то надо признать, что и отождествление Магана с Индией или какой-либо страной дочерней культуры⁸ также не исключено. Индия несомненно соответствует по своим природным данным тому, что мы знаем о Магане и Мелуххе. Следует отметить, что представление о том, что Индия и Восточная Африка представляют один континент, было чрезвычайно распространено в древности⁹.

Поскольку сами шумерийцы выводили свой народ с островов Персидского залива

¹ Например, надпись Ур-Намму, Ur Expedition, Texts, 2, № 50 и др.

² Маган строил собственные корабли («маганские корабли» шумерских текстов); шумерские правители неоднократно направляли в Маган экспедиции за лесом, и один распространенный вид ценного дерева носил название «маганского» (giš mez-má-gán-na). Ср. Thureau-Dangin, Sumerisch-Akkadische Königsinschriften, Маган: 66, 2, 6; 7, 10; 76, 3, 14; 78, 4, 7; 104, 15, 8; 164c, 166 h, 2, 1. Мелухха—ib., 70, 6, 26, 39; 106, 16, 22; 134, 14, 13.

³ Прозвище Мелуххи—«черная гора» (Kramer, указ. соч., стр. 15), у Гудеа «горы-Мелуххи»—место добычи золотого песка (ср. предыдущее примечание).

⁴ Thureau-Dangin, 8-me campagne de Sargon, стр. 318.

⁵ «Хроника Набонида», столб. III, стр. 15; S. Smith, Babylonian Historical Texts.

⁶ R. Campbell Thompson, The Reports of the Magicians and Astrologers of Babylon.

⁷ Находка индийских вещей в ряде пунктов Двуречья, как например, в Эшнунне (Тель Асмаре) и в Лагаше.

⁸ Полоса субтропических лесов имеется на побережье Персидского залива в Кирмане (Иран). Далее к востоку, согласно Н. Frankfort'y («Archaeology and the Sumerian Problem»), сохранился антропологический тип, близкий к шумерскому.

⁹ У Клавдия Птолемея; у древних евреев Хавила—страна золота, расположенная, повидимому, в Южной Аравии (ср. Быт., 10, 7 и 29); у Птолемея Нуайла (араб. Nuwailah) считалась омываемой великой рекой Пишон—может быть, смутное представление об Инде или Ганге. (Быт., 2, 11—12). Гораздо позже и Козьма Индикоплов относил страну Eueilat к Индии. В географическом отрывке из сочинения Эпифания «О драгоценных камнях», изданном Е. О. Winstedt'ом в «Proceedings of the Society of Biblical Archaeology», XXXII (1910), Эфиопия попросту смешана уже с Индией.

(здесь, «у устья рек» или на заокееанских островах¹, мыслились и жилища блаженных героев) и считали своих богов равно покровительствующими и Шумеру и Магану с Мелуххой,—я не думаю, что при современном уровне наших знаний стоит оспаривать это мнение.

Традиция происхождения шумерской культуры с Персидского залива была очень прочной. Недаром первый город, построенный, по шумерской легенде, до потопа,—это Эреду, на самом берегу залива². Одна из излагаемых Крамером поэм, как уже упоминалось, специально посвящена перенесению культурных достижений от «Океана Эреду» в глубь Шумера, в Урук.

Другой город, играющий огромную роль в излагаемых Крамером поэмах,—это Ниппур, являющийся своего рода религиозным центром. Его бог, Энлиль, входит в состав верховной триады божеств Ан-Энлиль-Энки и в шумерских текстах носит эпитет «хозяина всех стран» (*lugal-kur-kur-ra*). Все боги отдельных общин Шумера поставлены в положение родства или зависимости от Энлиля. Так, бог Ура, Наннар—сын Энлиля (поэма «Энлиль и Нинлиль»), также бог Лагаша, Нингирсу—«витязь Энлиля» (*rassim* в лагашских текстах), также Нергал-Месламтаза, бог города Куты, и ряд других. Бог Ура, Наннар-Син, отправляется к Энлилю в Ниппур за утверждением свсей власти над Уром, также Энки, бог города Эреду (поэмы «Путешествие Наннара в Ниппур» и «Энки и Эреду»). Энлиль решает спор между земледельческим и скотоводческим героем (поэма «Эмеш и Энтен»). Общеизвестно, что все цари Шумера жертвовали в Ниппур огромные богатства³ и что, повидимому, только признание в Ниппуре давало право царю на звание «царя Страны» (*lugal-kalam-ma*). Даже еще Хаммурапи основывает свои права на царство над всем Двуречьем на том, что Энлиль, якобы, передал управление миром богу Вавилона, Мардуку⁴. Вообще Энлиль в шумерской мифологии мыслится как глава богов и правитель всей обитаемой вселенной. Между тем характер этого божества далеко не ясен. Как владыка (обитаемой) земли он, повидимому, вытеснил бога Энки (буквально «владыка земли», но фактически, в известную нам эпоху, божество вод). Этимология имени «Энлиль», повидимому, определяет его как бога ветров и воздуха; действительно, ему приписывается разделение неба и земли, подобно египетскому Шу, также богу воздуха; но, в отличие от Энлиля, египетский Шу не имел существенного значения в реально существовавших культах.

Так или иначе, характер Энлиля как божества не объясняет той огромной роли, которую играет он в шумерской мифологии, а его город Ниппур, «центр вселенной»,—в духовной и политической жизни Шумера. Важно, что Ниппур никогда в историческую эпоху не имел никакой политической власти над Шумером или хотя бы частью его⁵ и нет на подобную власть указания и в легендах. Однако Ниппур был общим для всего Шумера религиозным (и религиозно-политическим) центром, подобно Дельфам в Греции и, может быть, Гелиополю для известных периодов истории Египта. Чем объясняется подобная роль его?

До сих пор не обращалось достаточного внимания на то, что среди шумерского населения довольно долго держится племенная структура. Еще в 1916 г. В. К. Ши-

¹ См. вавилонскую карту мироздания, «Cuneiform Texts in the British Museum», XXII, 48 и 11 таблицу «Эпоса Гильгамеша», строка 195 (R. Campbell Thompson, *The Epic of Gilgamesh*, стр. 64).

² Царский список (Th. Jacobsen, ук. соч., стр. 69): шумерская поэма о потопе (A. Poebel, *op. cit.*, vol. V, 1 и vol. IV, 1 стр. 9, сл., столбец II текста).

³ *Passim* в документах из Дрехема времен III дин. Ура (многочисленные издания) и др.

⁴ Кодекс Хаммурапи, вступление. Вместо «Когда великий Ану, царь Ануннаков [и] Энлиль, владыка небес и земли», может быть, следует читать «когда великий бог, царь Ануннаков—Энлиль, владыка неба и земли». Царем Ануннаков, которые обычно мыслятся, как хтонические божества, чаще всего считался Энлиль.

⁵ Ниппурские энси (PA. TE. SI.) имели, повидимому, только религиозную власть.

лейко указал на это обстоятельство¹ и на термин «ung», обозначавший племена, на которые разделялось население отдельных городских общин Шумера. Добавим, что общинный совет, существовавший в каждой из таких общин и состоявший из старейшин ab-ba, ab-ba-ur, meš=ur, AB + ÁŠ=ur, иначе, может быть, ugula² и главы совета (kengal), носил название племенного совета (ungken).

При таком положении и имея в виду полную политическую раздробленность Шумера в целом, трудно объяснить себе, каким образом еще задолго до объединения страны существует представление об общешумерском единстве (термины: Kalam-«Страна», «царь Страны») и стремление к согласованию местных пантеонов с центральным, ниппурским. Нельзя предполагать существования в глубочайшей древности какого-либо централизованного государства с центром в Ниппуре, во-первых, потому, что стадиально в этот период немислимо классовое общество и государство (ведь его пришлось бы отнести чуть ли не к периоду эль-обейдской культуры!); во-вторых, традиция такого государственного объединения неизбежно сохранилась бы в какой-либо форме, принимая во внимание прочность традиции Ниппура, как религиозного центра.

Единственным объяснением может быть то, что шумерийцы составляли первоначально конфедерацию племен. Одним из важнейших признаков конфедерации племен является, как известно, общий центральный культ. Предположение, что таким культом именно был ниппурский культ Энлиля, объяснило бы все поднятые выше вопросы.

Таким образом, если родиной шумерийцев являются страны вокруг Персидского залива, близко связанные с Маганом, в частности остров Дильмун (Бахрейн?), а первым поселением шумерийцев в Двуречье является г. Эреду на самом берегу залива, то центром шумерской конфедерации племен является Ниппур. Конечно, это не более как гипотеза, однако она кажется для настоящего времени объясняющей существующие факты.

Другой исторический момент, который мне хотелось бы затронуть в связи с издаваемым S. N. Kramer'ом материалом,—это вопрос о роли земледелия в шумерской мифологии. В мифологии всякого земледельческого народа имеются мифы, посвященные изобретению и устройству земледелия. Анализ мифов раскрывает еще большее количество связанных с земледелием мотивов. Но в собрании шумерских поэм поражает необычное количество легенд, непосредственно и прямо говорящих об изобретении земледелия и ставящих вопрос о сравнительной ценности земледелия и скотоводства.

В поэме «Эмеш и Энтеа» эти два героя или божества создают: первый—земледелие второй—скотоводство. Возникает спор между ними о ценности их изобретений, разрешаемый Энлилем в пользу Энтеа, божества скотоводства.

В поэме «Лахар и Ашнан» ситуация совершенно аналогичная, но конец поэмы отсутствует, и мы не знаем исхода спора.

В поэме «Инанна избирает земледельца» к богине Инанне (= Иштар) сватаются земледельческий и скотоводческий герои, и каждый хвалит свой труд. Инанна склонна избрать земледельца, но, насколько можно судить, победителем оказывается скотовод. Любопытно, что в качестве скотовода здесь выступает Таммуз, а в качестве земледельца—Энкиду, известный нам из вавилонского эпоса «дикий» друг Гильгамеша. Здесь оба героя меняются ролями по сравнению с обычными представлениями о них³.

Ряд поэм посвящен изобретению земледелия. Наиболее интересны «Изобретение мотыги» богом Энлилем и поэма «Энки и Нинхурсаг», посвященная орошению богом Энки безводного Дильмуна и созданию земледелия во времена «золотого века». В той или иной форме этот вопрос затрагивается почти во всех поэмах. При этом в большинстве случаев мотив изобретения земледелия подан лишь в поверхностно мифологизирован-

¹ В. К. Шилейко, «Вотивные надписи шумерийских правителей», стр. XI сл.

² Причем, согласно В. К. Шилейко, «правитель» (PA. TE. SI) является первоначально лишь тем из старейшин, который ведает (культовым) строительством, ук. соч., стр. XIII.

³ Однако Таммуз назван «пастухом» в шумерском царском списке, а Энкиду—божеством плодородия—см. W. F. Albright, JAOS, 40, 5, 1920, стр. 307.

ной форме (в отличие, например, от египетских мифов, где хлеб вырастает из тела Осириса и т. п.). Не следует ли предположить, что мифы эти возникали в эпоху близкую к моменту поселения шумерийцев в плодородном Двуречье, когда переход к земледелию еще был далек от своего завершения? Большинство из поэм можно отнести к концу IV или началу III тысячелетия до н. э. (хотя дошедшие до нас копии значительно более поздние и относятся к началу II тысячелетия).

Язык и мифология обычно значительно медленнее развиваются по сравнению с другими явлениями духовной культуры. В самом деле, по языку, а вероятно, и по мифологии, шумерийцы (рядом с египтянами первые создатели цивилизации) стоят стадияльно гораздо ниже семитов. Это позволяет предполагать ускоренный темп развития шумерской цивилизации под влиянием сравнительно недавнего перехода к земледелию в исключительно плодородных низинах Двуречья, вследствие чего язык и мифология оказались отстающими.

Третий вопрос, который напрашивается при чтении книги Крамера,—вопрос о взаимоотношении шумерской и семитской аккадской культуры. Известно, что в западной науке имеется тенденция отрицать какие бы то ни было творческие способности у семитов¹ и, в частности, изображать вавилонскую культуру как целиком и полностью заимствованную у не-семитских шумерийцев.

После недавней блестящей работы Th. Jacobsen'a² можно считать поконченным с другим аналогичным предрассудком, согласно которому вся история раннего Двуречья толкуется в свете борьбы шумерской и семитской «нации», «этноса» или «расы». Быть может, столь обильные новые данные о шумерской культуре и идеологии позволяют, путем сравнения, более объективно подойти и к проблеме самостоятельности или несамостоятельности вавилонской культуры по сравнению с шумерской.

Мне кажется, что Крамер преувеличивает развитость и глубину шумерской культуры. Возьмем описание сотворения мира в шумерской поэме «Гильгамеш и дерево хулушпу»³:

*«После того, как небо было отодвинуто от земли,
После того, как земля была отделена от неба,
После того, как было установлено имя человека,
После того, как Ан забрал небо,
После того, как Энлиль забрал землю,
После того, как Эрешкигал была забрана в Кур, как добыча...»*

Возьмем такое же описание из гораздо более поздней вавилонской поэмы написанной не ранее XVII в. до н. э.⁴:

*«Когда сверху без названия небо,
Суша долу—без имени были—
Ансу лишь, первый их создатель,
Мумму, (да) Тиамат, родительница всех их,
Воды мешали воедино,
Не сплеталась заросль, тростник не качался,—
Когда из богов не сила ни единый,
Не назывались имена, не судились судьбы—
Создались боги посреди [Ансу?]?...»*

¹ Сошлюсь, например, на статью S. A. Cook'a в Cambridge Ancient History, vol. I. Это не относится, насколько я могу судить, к Крамеру.

² JAOS, 59, 4, 1939, стр. 485.

³ Стр. 37.

⁴ L. W. King, The Seven Tablets of Creation.

и далее о борьбе этих богов с первоначальными силами, «раздвижении» неба и земли и т. д.

Сравним хотя бы полинезийскую космогонию¹:

*«В начале пространства...—в выси небесной
Танаоа наполняет, проникает небо
И Мутухеи над ним простирается.
Ни голоса тогда, ни звука не было,
Ничего живого не двигалось.
Дня еще не было, еще не было света,
Одна темная, черная ночь.
Танаоа овладевает ночью
И дух Мутухеи проникает в даль.
Из Танаоа вышел Атеа,
Полный жизненных сил, могучий и сильный;
И Атеа овладевает днем.
А Танаоа,—он его прогоняет».*

Не ясно ли, что космогония шумерийцев и даже вавилонян в ее первоначальной форме и космогония полинезийцев—явления одного порядка, за которыми отнюдь не скрывается особо сложной философии, а лишь примитивное мифологическое миропонимание?

Бесспорно, конечно, что вавилонские божества и герои носят шумерские имена, что большинство мифов, являющихся содержанием вавилонской литературы,—шумерского происхождения, что элементы шумерской культуры через Вавилонию оказали глубочайшее влияние на окружающие культуры, в том числе косвенно и на позднейшие. Однако посмотрим, как используются эти шумерские элементы вавилонянами?

Сравним, например, шумерские эпические песни о Гильгамеше (числом пять), излагаемые Крамером, со знаменитым вавилонским эпосом о Гильгамеше.

В вавилонской поэме после ряда подвигов по истреблению «всего злого», совершенных друзьями-героями Гильгамешем и Энкиду, последний навлекает на себя гнев богов и умирает. Гильгамеш задает себе вопрос—действительно ли все должны умереть?—и отправляется на поиски вечной жизни. Этим поискам посвящена почти половина поэмы, и в этой половине лежит ее центр тяжести. Не найдя вечной жизни, Гильгамеш находит по крайней мере «траву молодости», но сам не пользуется ею, а заявляет:

«Отнесу ее в Урук, накормлю народ мой»—

однако по дороге теряет ее. Вернувшись ни с чем на родину, он решает вызвать дух Энкиду с тем, чтобы узнать о судьбе мертвых. Явившийся дух его друга сообщает ему неутешительные вести о страдании мертвых, и поэма заканчивается словами Энкиду о том, как приходится духу мертвого, по которому не справляется заупокойный культ:

*«Из горшков съедки, хлебные корки,
Что на улице брошены, ест он».*

Вся поэма проникнута единой идеей литературного, а не просто мифологического порядка: пусть герои побеждены—они остаются отважными защитниками людей², борцами за лучшее существование, при случае не страшась вступить в борьбу с богами³. Но люди бессильны перед судьбой. Эпизод с вызовом духа Энкиду занимает органическое место в поэме, обусловленное именно этой ее центральной идеей.

¹ S. Bastian, Die heilige Sage der Polynesier, 1881. Цитирую по E. Cassin, Sprache und Mythos, 1925, стр. 39.

² Так, Энкиду еще во II песне поэмы (старовав. версия, R. Campbell Thompson, ук. соч., стр. 22).

³ VI песня.

Из пяти эпических песен о Гильгамеше, пока обнаруженных Крамером, лишь одна ставит вопрос о бессмертии—именно поэма о смерти Гильгамеша. Характерно, что эта поэма как раз не использована в вавилонском эпосе, и по вполне понятной причине—она заканчивалась превращением Гильгамеша в божество (судью загробного мира), а потому противоречила идее вавилонской поэмы. Одна из поэм затрагивает мотив благодетельных для человечества подвигов, но этот мотив звучит в ней гораздо слабее, чем в вавилонской («Гильгамеш и Хувава»). Остальные три поэмы: о войне с городом Кишем, о борьбе с быком (прототип VI песни вавилонского эпоса) и «Гильгамеш и дерево хулуппу» носят совсем иной характер.

В последней из этих поэм рассказывается, что богиня Инанна (семитская Иштар) посадила для себя некое дерево, но в нем построили себе гнезда различные чудовища. Гильгамеш прогоняет чудовище, изготавливает из дерева ложе и кресло для Инанны и в благодарность получает от нее магические предметы (барабан и палочку?), которые затем проваливаются в преисподнюю. Энкиду, спустившись за ними, нарушил различные магические запреты и не может выйти обратно. Следует эпизод вызова духа Энкиду и рассказа о загробном мире.

Хотя соответствующий эпизод вавилонской поэмы представляет собой перевод с шумерского, точность которого сделала бы честь любому современному переводчику, однако роль этого эпизода там совершенно иная. Где в шумерской поэме мы видим лишь нагромождение древних мифологических мотивов, там в вавилонской эти мотивы подчинены впервые действительно философской идее¹. Можно сказать, что шумерская песня—явление пред-литературное или пра-литературное, вавилонская же поэма—уже серьезное литературное явление.

Подобные примеры можно было бы умножить. Несомненно, что вавилонская культура сложена из шумерских кирпичей, но не шумерийцы являлись ее архитекторами. И, конечно, оценивая значение деятельности Шумера и позднейшей Вавилонии для мировой культуры, мы должны отдать предпочтение архитектору перед кирпичным мастеров.

Любопытно, что древнейший список вавилонской поэмы о Гильгамеше дошел от того же времени, что и списки пяти шумерских поэм о том же герое. На шумерском языке отдельные эпические песни продолжали, повидимому, бытовать и тогда, когда на семитском языке уже был сложен гениальный объединенный эпос. Отметим, что он написан на исключительно чистом аккадском языке (несомненно, значительно более раннем, чем тот период, когда был сделан список), содержащем для литературного аккадского языка рекордно малое количество шумерских заимствований.

Я не хочу этим сказать, что семиты сами по себе стояли выше по развитию или по способностям, чем шумерийцы. Но несомненно, что только благодаря более высокой семитской вавилонской культуре шумерская культура достигла своего исторического значения.

До сих пор вообще не обращалось достаточного внимания на культурные различия между шумерийцами и позднейшими вавилонянами, и на те элементы, которые можно приписать появлению в Двуречье семитов. Надо думать, что работы, предпринятые Крамером, и здесь дадут богатый новый материал.

Несомненно, дальнейшее изучение материала, введенного в науку Крамером, позволит до известной степени проверить догадки и соображения, подобные высказанным в настоящей статье, и даст много новых данных для истории шумерской культуры. Уже из изложенного, мне кажется, видно, как много вопросов и проблем могут вызвать и, вероятно, решить издаваемые им тексты.

Крамер проделал громадную и плодотворную работу. Полное издание шумерских литературных текстов начнет, несомненно, новый этап в изучении культуры древнего Востока.

И. Дьяконов

¹ К аналогичному выводу приходит в другом месте и сам С. Н. Крамер, JAOS, 64, 1, 7 слл.

Легендарная история колонизации Сицилии и Великой Греции

1. J. BÉRARD, *La colonisation grecque de l'Italie méridionale et de la Sicile dans l'Antiquité: L'histoire et la légende*, Paris, 1941

2. J. PERRET, *Les origines de la légende troyenne de Rome (281—31 av. n. ère)*, Paris, 1942

Осмысление и интерпретация легенд, связанных с историей происхождения некоторых итальянских племен, с основанием итальянских городов и возникновением греческих колоний, представляет значительный интерес в качестве дополнения к тем скудным данным, какими располагает сохранившаяся до наших дней греческая и римская историческая литература и в качестве оживления и одушевления того материала, который во все большем количестве накапливает итальянская археология.

В свое время Виламовиц-Меллендорф в рецензии на объемистый труд К. Роберта—«Die griechische Heldensage», представляющий собой свод и анализ древнегреческих легенд и сказаний, писал, что работа над мифологическим материалом, имеющая в виду лишь сведение и контаминацию разноречивых сказаний, без попытки их мифологического и историко-филологического истолкования, не будет стоять на уровне современных научных требований¹. С точки зрения этих строгих и высоких требований, предъявленных современной наукой в лице Виламовица исследователю древних мифов, первая из рецензируемых нами книг оставляет желать немало.

Жан Берар, сын известного французского историка и филолога Виктора Берара, знаменитого своими смелыми, чтобы не сказать фантастическими, идеями в области гомеровского вопроса и связанных с ним исторических проблем, предпринял, вслед за некоторыми итальянскими историками, попытку связать воедино и подвергнуть комплексному анализу данные истории, археологии и мифологии касательно греческой колонизации берегов Сицилии и Южной Италии.

Книга Берара распадается на две почти равных части, из коих первая содержит обзор данных археологии, древней исторической традиции и исторических работ новейших ученых относительно возникновения греческих колоний на берегах Сицилии и Южной Италии. Особенно подробно автор касается халкидской и дорической колонизации (основание Сиракуз, Кум и Тарента). Довольно значительный и свежий материал характеризует пуническую колонизацию в Сицилии, древнейшие судьбы местных племен и их взаимоотношения с колонистами. Этот раздел завершается небольшой главой, удачно суммирующей данные археологии и традиции.

Вторая часть посвящена обзору легендарных данных. Наиболее подробно автор останавливается на Одиссее и других «ностах» (Менелай, Антенор). Специальные разделы посвящены троянской легенде и культу Диомеда, легенде об аргонавтах в западных водах. Весьма подробно и на исчерпывающем материале рассматриваются легенды об основании сицилийских и итальянских городов и легендарная история происхождения итальянских племен.

Итоговая глава, заключающая этот раздел, суммирует легендарные данные в свете «пелазгического вопроса». В особенности подробно автор останавливается на легендах о происхождении этрусков, япигов и мессапиив.

В небольшой заключительной главе определяется удельный вес легендарного материала по отношению к прочим историческим данным.

История возникновения греческих городов в Сицилии и Великой Греции связана с проблемой критского и балканского догреческого влияния на Западное Средиземноморье, с проблемой греческого эпоса—именно «Одиссеи», связана, наконец, с вопросами происхождения этрусков и других итальянских и сицилийских племен, каковы

¹ Wilamowitz-Möller, *Die griechische Heldensage*, SPAW, 1925.

элимы, моргеты, сикулы, япиги, мессапии, венеты и др. В связи с этим книга Берара вызывает чрезвычайный интерес, и читатель предъявляет к ней соответственные требования. Разочарование постигает его лишь на последнем этапе предпринятого Бераром исследования, а именно в области синтеза древней легендарной традиции и исторических знаний и в области истолкования мифологических данных, с задачей же их сведения и сопоставления автор справился безукоризненно.

Объединение разбросанных по труднодоступным археологическим публикациям исследований о возникновении сицилийских и итальянских колоний—само по себе задача чрезвычайно важная и благодарная. Археологические раскопки и разработка системы датировки импортированной в Италию греческой (позднегеометрической и так наз. протокоринфской) керамики внесли значительную ясность в вопросы хронологии древнейшей истории Италии и Сицилии¹. Прежде всего археологические исследования показали, что греческая колонизация берегов Сицилии и Италии шла впереди финикийской—факт знаменательный, в отношении которого как у древних, так и у новых историков Западного Средиземноморья имеется немало противоречивых данных.

Приоритет финикийской (пунической) колонизации перед греческой ранее не подвергался сомнению², и лишь новейшие археологические раскопки показали, что, в противоречии со свидетельствами Страбона и даже Фукидида, такие пункты на о. Сицилия, как Мотия, Соли и Панорм, считавшиеся древнейшими очагами финикийской культуры на острове, не дают материала ранее VII ст. до н. э. К тому же этот материал ни в какой степени не является характерно финикийским, специфически восточным, свидетельствующим о наличии сиро-финикийской культуры,—это та же протокоринфская керамика, те же украшения и металлические изделия, что и в ранних греческих некрополях восточной части Сицилии и юга Италии³.

Более того, археологический материал, добытый при раскопках древнего Карфагена, также в общем не выходит за пределы VII ст. до н. э.⁴ Этим определяется относительно поздний расцвет пунической культуры в Северной Африке, столетия на полтора отстоящий от традиционной даты основания Карфагена (814 г. до н. э.), которая пока не может быть подтверждена точно датирующимся археологическим материалом.

Археологические данные о финикийско-пунической торговле дают в общем ту же картину—точно датирующиеся предметы финикийского ввоза не восходят глубже VII ст. до н. э. Найденная в Этрурии фаянсовая ваза с именем египетского фараона Бокенранфа (20-е — 10-е годы VIII ст. до н. э.) является и по сей день наиболее древним египетским предметом в Италии, проникшим туда, очевидно, через финикийскую торговлю. Тем не менее некоторые исследователи (вроде А. Шультена) не перестают настаивать на глубочайшей древности финикийского проникновения в Испанию и говорить об основании ими Утики в Африке и Тартесса в Испании в эпоху, предшествующую возникновению Карфагена.

Археологические раскопки в Сицилии и Южной Италии подтвердили, в общем, традиционные даты основания древнейших греческих колоний, возникших, как показывает содержимое некрополей, на протяжении второй половины VIII ст. до н. э.

Лишь в отношении Кум, древнейшей из греческих колоний в Западном Средиземноморье, возникших, по сообщению Евсевия, в XI ст. до н. э., данные археологии расходятся с традиционными данными, основанными, впрочем, на очевидном недоразумении, ибо эта легендарная дата является не более как отражением сказаний, относящихся к возникновению одноименного греческого города на малоазийском побережье. Археологические свидетельства (керамика позднегеометрического и раннепротокоринф-

¹ См. B. Schweitzer, Untersuchungen zur Chronologie und Geschichte des Geometrischen Stils in Griechenland, II, «Athenische Mitteilungen», т. XXXXIII (1918), стр. 5 сл.

² A. Holm, Geschichte Siciliens im Altertum, т. I, стр. 192 сл.

³ J. Bérard, рец. работа, стр. 298 сл.

⁴ ВДИ, 1939, № 1, стр. 244 сл.

ского стиля¹⁾ позволяют отнести возникновение греческого поселения в Кумах к середине VIII ст. до н. э. Кумы, таким образом, не переставая быть одним из древнейших пунктов греческого проникновения в Италию, не выходят из общих хронологических рамок начала греческой, финикийской и этрусской государственности и торговли в западной части Средиземного моря. Столь же древними, как и в Кумах, являются остатки греческой культуры в Занкле (позднее Мессана) на берегу Мессинского пролива в Сицилии, хотя историческая традиция, сохранившая о Занкле немало легенд, называет для освоения ее греками значительно более позднюю дату (по преданию, Занкла была основана сикулами, на языке которых это слово обозначало кривой меч—аттрибут Крона, халкидяне же проникли сюда якобы лишь в 20-х годах VIII ст. до н. э.). Между тем совершенно естественно — и современная археология это подтверждает, — что прежде чем проникнуть в Западную Италию, халкидяне должны были обеспечить за собой Мессинский пролив²⁾.

К выводам Берара о почти полном совпадении археологических данных и исторической традиции следовало бы присовокупить и то немаловажное обстоятельство, что первоначальная греческая колонизация и торговля имели в виду, вероятно, одну лишь Среднюю Италию (Этрурию), привлекавшую к себе греков и, в первую очередь, именно халкидян и коринфян, славившихся как металлурги своими рудными богатствами — бронзой и железом.

Переходя к рассмотрению легендарной традиции, Берар останавливается прежде всего на комплексе мифов, послуживших основанием для «Одиссея» и для других эпосов. Основываясь на том, что имена Одиссея (Улисса), Диомеда, Калханта и других эпических героев в мифологическом и культовом отношении связаны глубочайшими корнями с местной итальянской почвой, он относит возникновение древнейших сказаний «Одиссея» ко времени, предшествующему началу греческой колонизации Западного Средиземноморья.

В этом его убеждает также и несогласованность гомеровской географии с реальной географией итальянско-сицилийского побережья. Оставаясь, в сущности, на позициях Берара-отца, он вновь поднимает, таким образом, наиболее спорный из всех вопросов, связанных с гомеровской проблемой.

За последнее время появились работы, доказывающие догреческое происхождение ряда мифических персонажей и проникновение их в Италию до эпохи греко-этрусского или, тем более, греко-римского культурного общения³⁾. Результаты этих исследований как бы подтверждают тезис Берара. Но одно дело — возникновение и распространение мифов и мифологических имен, другое же дело — происхождение определенных эпических циклов, для которых нельзя подыскать более подходящей исторической среды, чем некоторые великие события начальной греческой истории. Так, в частности, «Одиссея» насыщена пропитана свежестью географических впечатлений, полученных греками в эпоху колонизации. Несомненно также, что плавание в западных морях наложило особенно отчетливый отпечаток на «гомеровскую географию», на которую в более позднее время могли напластоваться также и черноморские впечатления. Нельзя забывать, — некоторые филологи никак не хотят этого понять, — что гомеровская география — это художественная, синтетическая география, которую не приходится отождествлять с географией реальной. Подобные попытки, несмотря на все ухищрения, заведомо обречены на неудачу. Можно говорить лишь об отдельных элементах, штрихах, позволяющих нащупать реальную географическую почву.

В этом отношении небезинтересны сикулы, упоминающиеся дважды в «Одиссее» (XX, 383; XXIV, 211). Гомер, как полагает Геллбиг, а за ним и Максимилиан Майер⁴⁾, имеет в этом случае в виду жителей Апеннинского полуострова, а не сикелиотов, ибо

¹ B. Schweitzer, *ук. соч.*, стр. 43.

² J. Bérard, *цит. соч.*, стр. 285 и 298.

³ E. Fiesel, *Die Erforschung der indogermanischen Sprachen: Etruskisch*, Teil 2, 1931, стр. 35.

⁴ «Molfetta und Matera», 1924, стр. 298 сл.

в тексте не содержится никаких указаний относительно острова. Факт весьма важный и любопытный, если только для древних читателей эпоса пребывание сикулов на острове не было делом само собой разумеющимся. Однако древнейшее название острова—Sicania не может быть с легкостью идентифицировано с позднейшим Sikelia, как это делают многие из современных историков, отказывающихся различать этнически сикулов и сиканов в Сицилии¹.

Для изучения последовательности напластования реальных данных особенно интересна география аргонавтики, сохранившая значительные детали западного варианта путешествия под видом возвращения аргонавтов по Истру и по Эридану.

Воспоминаниями об этом западном варианте маршрута Язона, об Эйе и о золотом руне в Италии, а не в Колхиде полна местная итало-греческая мифология, приводящая Язона к источникам этрусского металла, в котором так были заинтересованы халкидские, а позднее фокейские колонисты².

В книге Берара, во всех подробностях сопоставляющей рассмотренные нами мифологические данные о греческой колонизации и торговле в тирренских и ионическо-адриатических водах, отсутствует, к сожалению, их ясная историческая интерпретация.

Причина коренится отчасти в некоторой противоречивости материала.

В самом деле, должно ли то обстоятельство, что Одиссей-Улисс возможен как догреческий мифический персонаж на италийской почве, мешать истолкованию эпоса «Одиссея» и Ност) как отображения реального процесса колонизации?

Не являются ли образы Тринакрии, Схерии, Сициллы и Харибды, при всем их несопадении с реальной топографией Сицилии, Коркиры, Мессинского пролива, поразительным по свежести и яркости отображением западно-средиземноморской природы, фантастическая преломившейся в воображении впервые зашедшего в эти воды греческого морехода-колонизатора?

Не следует ли толковать западный вариант мифа об аргонавтах, с его столь отчетливой направленностью к тирренским берегам, как отображение халкидско-фокейской экспансии в области источников металла (бронзы и железа)?

На постановку этих вопросов в рецензируемой книге имеются лишь отдельные намеки. Берар не хочет со всей полнотой, соответствующей полноте подобранных им материалов, выяснить историческое значение того факта, что в представлении Гесиода гомеровская волшебница Кирка производит с Одиссеем на свет Агрия и Латина, «царствующих над всеми тирренами». Не является ли это первое упоминание о среднеиталийских народах также и первым политическим осмыслением греко-италийских взаимоотношений? О том, что это так, свидетельствует, кроме того, использование и развитие греками южноиталийских легенд о Калханте и Диомеде, вбирание местных мифических источников в общую легендарно-символическую струю, освещающую и осмысляющую греческую культурно-колонизаторскую деятельность.

Сказания о Миносе и о критских мореплавателях, колонизовавших Гераклею-Миною и Тарент (Метапонт), могут быть осмыслены исторически привлечением топонимических и археологических данных.

Легенды эти связаны с происхождением племени япигов-мессапинов, населявших в древние времена восточную Апулию и Саллентинский полуостров.

Современные исследования содержат в отношении этих племен много противоречивых точек зрения.

Чрезвычайно затрудняющим и запутывающим дело обстоятельством является то, что еще Геродот и Фукидид (а также Антиох у Страбона) идентифицируют и тех и других или указывают на их этническую общность, в то время как другие свидетель-

¹ Одна архаическая надпись из Кротона дает форму $\Sigma\iota\kappa\alpha\nu\acute{\iota}\varsigma$, которая уже никак не может быть идентифицирована с позднейшей $\Sigma\iota\kappa\epsilon\lambda\acute{\iota}\alpha$ —Sicilia.

² Одним из наиболее известных этапов плавания аргонавтов в Тирренском море был о. Эльба (Aethalia), где находился порт Арго (современный Porto Ferraio).

ства производят япигов из Иллирии, мессапиев же—либо с Балканского полуострова, либо с острова Крита.

В связи с этим некоторые современные историки резко различают оба народа, заставляя япигов проделывать путешествие из Иллирии в Италию сухим путем через Истрию или морем через Адриатику, а мессапиев—долгий морской путь с острова Крита или из Пелопоннеса¹.

Какое бы значение ни придавалось элементу миграции, несомненно, что образование племени япигов и мессапиев произошло при достаточно явном иллирийском и эгейском (вернее всего, именно критском) влиянии. Об этом свидетельствуют прежде всего археологические данные, в первую очередь такие, как вызвавшая в свое время большое удивление и долгие споры своеобразная «террамарра» близ Тарента², а также присутствие североиталийских и западнобалканских (иллирийских) элементов—преимущественно соответствующей керамики—в других южноиталийских центрах второй половины II тысячелетия до н. э. (прежде всего на поселении Матера и в гротах Мольфетты).

Для рассмотрения этой этнической проблемы должны быть привлечены также и памятники геометрического стиля, представленные прежде всего известным тарентинским кладом геометрической керамики.

Содержание тарентинского клада может быть разбито на две категории, из которых первая составляет керамику местного производства (так наз. итало-геометрического стиля), но повторяющего почти в точности образцы раннегеометрических форм, встречающихся на Балканском полуострове и на островах Эгейского моря. Ближе всего ее можно сравнить с дипилонским и северопелопоннесским геометрическим стилем. Вторая категория отличается от первой не столько формами сосудов, сколько характером росписи. Она более позднего и явно импортного происхождения, за что говорит и материал и искусство техники. Ближайшие ее параллели опять-таки в Пелопоннесе и на о. Крите.

Указанные археологические памятники имеют слишком много балканских (иллирийских и греческих) черт, чтобы их нахождение на юге Италии могло быть объяснено одним только культурным общением с пазванной страной. Очевидно имело место также и этническое проникновение, происходившее, вероятней всего, сравнительно медленно и несколькими этапами.

Гелланик и Фукидид относят переселение япигов в Италию ко времени до или непосредственно после Троянской войны, т. е. к XIII—XI ст. до н. э.³

Если мы согласимся с тем, что образование племени япигов в Италии произошло при участии этнических и культурных элементов иллирийского происхождения, то нам пришлось бы принять несколько более древнюю дату, ибо резкая аккумуляция иллирийских элементов в Апулии начинается не позже середины II тысячелетия до н. э. О том, что проникновение иллиров в Италию было не одновременно и не однородно, можно заключить из того, что за именем япигов скрываются племенные обозначения дауниев и пеукетов, культурные и этнические особенности которых мы пока что различить не в состоянии. Япигов со времен Гекател⁴ связывают с североиллирийскими яподами (также япуды или япиды), указывают на тождественные топонимические данные, равно как и на то, что родственные иллирийским яподам хаоны (в Феспротии упоминаются рядом с япигами в Южной Италии в качестве хонов (χωῆνες)).

Все эти племена, с известной долей условности, принятой уже в древности, мы можем назвать япигскими, связывая с ними те южноиталийские археологические памятники, которые обнаруживают признаки иллирийского происхождения или влияния.

¹ E. P a i s, Storia della Sicilia, I, стр. 335. M. M a y e r, Apulien vor und während der Hellenisierung, стр. 352 сл.; P. K r e t s c h m e r, Einleitung in d. Geschichte der griechisch. Sprache, стр. 273.

² В. М о д е с т о в, Введение в историю Рима, т. I, стр. 142 сл.

³ Тексты и разбор их см. у М. Mayer'a, «Apulien», стр. 326 сл.

⁴ St. Byz. s. v. Ἰαπυγίαι.

Япигской считает М. Майер и первую категорию вышепозванного тарентинскогоклада геометрической керамики¹.

Разделять япигов и мессапиев заставляет (помимо Страбона указав на то, что дорийцы застали на месте будущего Тарента варваров и критян—Strab., VII, стр. 217) прежде всего то обстоятельство, что так наз. мессапийские надписи, относящиеся, кстати сказать, к весьма позднему времени (II—I вв. до н.э.) и насчитывающиеся в количестве до полутора сот, строго ограничены Саллентинским полуостровом, по преданию заселенным мессапиями. Язык мессапийских надписей, поскольку он поддается истолкованию, обнаруживает черты сходства с иллирийскими, в частности, с современным албанским (который, впрочем, некоторые лингвисты относят к дериватам фракийско-фригийского языка), а также с северпогреческими диалектами².

Имя мессапиев, преимущественно топонимически, неоднократно засвидетельствовано в Греции. Фукидид упоминает племя мессапиев в Локриде (III, 101). В Беотии показывали гору Мессапий, в Спарте Мессапием называлось небольшое поселение, на острове Крите—река³.

Несомненно, что название греческой колонии Метапонта «мессапийского» происхождения. На основании вышеприведенных данных обычно заключали, вопреки Моммзену, считавшему мессапиев аборигенами, о их греческом происхождении или о том, что греки были смешаны с пришельцами, перенесшими это имя в Италию⁴.

Однако не следует забывать, что имя это могло быть дано греками жителям Саллентинского полуострова по чисто географическому признаку: мессапии—люди, живущие между двумя морями. Могло это быть, как и в случае с энотрами, греческое осмысление какого-либо варварского имени.

Соображения Вилановица не следует отвергать лишь потому, что, как мы убедились, в культуре Апулии периода, предшествующего греческой колонизации, присутствует весьма сильная эллинская струя, представленная прежде всего второй (импортной) категорией геометрической керамики тарентинскогоклада и импортными поздней геометрическими сосудами или их местными подражаниями из других южноиталийских некрополей.

Ввиду того, что греческая традиция (и легенда), начиная с Геродота⁵ упорно приводит мессапиев (или япигов) с острова Крита в качестве спутников Миноса, высадившихся в Италии вследствие кораблекрушения, мы должны допустить, что в формировании племени мессапиев действительно принимали участие некие носители культуры геометрической керамики, нашедшие дорогу в Италию скорей всего с острова Крита. Эти эллинские пришельцы, смешиваясь с местным населением, от которого до нас сохранились лишь наименования калабров и саллентинов, образовали то племя, язык которого звучит в мессапийских надписях и которое может быть, на тех же условиях, что и япиги, наименовано мессапиями.

Мы задержались так долго на истории происхождения мессапиев потому, что нам хотелось проследить некоторые из путей к разрешению этой проблемы, намеченные различными исследователями на основании новейших археологических, лингвистических и иных данных.

Ж. Бера, группируя эти данные по соответствующим рубрикам, не делает, однако, необходимых сопоставлений и заключений. Он выражает лишь удивление, что племенное наименование мессапии, город Метапонт и гора Мессапий в Беотии, а также город Метапа в Этолии звучат почти идентично.

¹ M. Mayer, Apulien, стр. 10 сл.

² P. Kretschmer, op. cit., стр. 272 сл. и 278 сл.

³ Kretschmer, op. cit., стр. 273; De Sanctis, Storia dei Romani, I, стр. 162; J. Bérard, рец. соч., стр. 343 сл.

⁴ Wilamowitz-Möllerndorf, Herakles, I, Einleit., стр. 10.

⁵ Herod., VII, 170; критские элементы содержатся в апулийской топонимике: Gaudium (критский Γαύδης). Leuterni (от Ἐλευθέρις) и др.

Он приводит весьма ценное нумизматическое свидетельство IV ст. до н. э. в пользу того, что более древняя форма названия города Метапонта была *Métapov*, не делая, однако, никаких сравнительно-топонимических выводов.

Между тем он же, в заключительных словах, посвященных троянской легенде на сицилийской и итальянской почве и взаимоотношению истории и легенды, много говорит о пелазгах-тирренах как об общем эллинико-италийском этническом субстрате, предшествовавшем историческому эллинизму и латинству, породившем многие сходные явления также и в области мифологии.

Явлениям этого порядка он склонен приписать некоторые черты традиций об элимах, моргетах, япигах, венетах и других итальянских племенах, легендарная история которых попала в той или иной степени в орбиту легенды о троянцах или о греческих героях, воевавших под Троей и пришедших затем в Сицилию или Италию. Нам необходимо коснуться хотя бы вкратце и этого весьма интересного комплекса легенд. Удобнее всего это будет сделать при обсуждении второй из рецензируемых книг, специально посвященной возникновению и истории легенды о троянском происхождении древнего Рима.

Книга Перре представляет полную противоположность книге Берава в методологическом отношении. Главной задачей этого объемистого исследования является доказательство положения, что легенда о переселении Энея в Италию и о возникновении из его потомства Рима зародилась в III в. до н. э. в эпоху столкновения Рима с царем Пирром.

Она показывает, как Пирр, провозгласивший себя потомком Ахилла, обратил врагов своих—римлян во врагов своего великого легендарного предка—троян и как римляне приняли эту версию и постепенно развивали ее по мере изменения отношений с эллиниским и азиатским миром, сначала как агрессивную по отношению к грекам, позднее как агитационно-покровительственную по отношению к малоазийским варварам; особенно ярко зацвела эта легенда при Юлии Цезаре, призванная создать роду Юлиев славу выходцев из древнего Илиопа.

На ряде убедительных примеров Перре показывает политическую подоплеку развития троянской легенды на итальянской почве, прокладывая тем самым путь исследования мифологического материала в том духе, как это имел в виду Виламовиц, связавший в свое время древнюю фазу цикла мифов об аргопавтах с образованием и деятельностью Калаврийской амфиктионии¹, одного из древнейших политических объединений в Греции.

Книга Перре весьма интересна, не только как опыт из истории древнеримской идеологии, по-новому трактующий,—в особенности в том, что касается хронологии,—легенду об основании Рима и всех тех итальянских племен, генеалогия которых также была связана с легендой о переселении троянцев, но и как опыт истолкования мифологического материала вообще.

Перре рассматривает тему об Энее и троянцах во всей ее географической и исторической широте. Тщательно разбирая источники троянской легенды в Греции (в Эпире, Акарнании, Аркадии), в Северной Африке (в Киренаике и Карфагене) в Сицилии (Сегеста, Эрикс, Элимы), в Сардинии (илийцы-иолайцы), на Апеннинском полуострове (япиги, венеты), он приходит к заключению о позднем (не ранее III в. до н. э.) времени возникновения этой легенды и об ее зависимости от традиции, сложившейся в Риме у Фабия Пиктора, Невия, Катона Старшего и у Варрона. Остро и правильно ухватив политическую сущность троянской легенды в Риме эпохи поздней республики, Перре, однако, совершает, на наш взгляд, ряд серьезных ошибок как в области истории этой легенды, так и в отношении ограничения ее значения одними политическими интересами республиканского Рима.

¹ Wilamowitz-Möllendorf, *Amphiktionien von Kalaureia*, «Kleine Schriften», т. I.

Вовсе отрицая древнюю традицию о троянцах в Италии (или вообще вне Малой Азии), идущую от Стесихора, Гелланика, Пиндара, Тимея и др., или элиминируя ее указанием на то, что в этих свидетельствах нет речи об Энее как о вожде пришедших в Италию троянцев, Перре насильственно сокращает время существования легенды, имевшей к тому же гораздо более широкое значение, нежели то, которое он ей приписывает.

Один из основных его тезисов, состоящий в том, что троянская легенда возникла как выражение противоречий между миром латинским и миром греческим, оказывается искусственным и не соответствующим действительности, поскольку, например, ни Варрон, ни тем более греческие авторы, не только не подчеркивают этих противоречий, но, наоборот, привлекают троянскую легенду в качестве доказательства исконного единства греческого и латинского племени¹.

Перре подчеркивает неоднократно, что сказание о троянской войне получило законченную форму и широкое распространение в эпоху греко-персидских войн как выражение противоречий между эллинским миром и миром азиатского варварства.

При всей ценности этого наблюдения, основанием для которого, помимо известного акцента на «фригийских» чертах Париса, Гектора и других троянцев, может служить варварский каталог, все же было бы совершенно немислимо видеть во всем комплексе троянских мифов только эту тенденцию. Греческий эпос проникнут скорее тенденцией прямо противоположной.

Мир троянский—вся его культура и материальная и духовная—представляет собой до такой степени сколок с греческого, что не может быть и речи о какой-либо внутренней враждебности к нему с греческой стороны.

Греческие мифы о странствованиях Геракла, об аргонавтах и о троянской войне, так же, как и породившая их колонизационная экспансия, были лишены какой бы то ни было национальной исключительности. Наоборот, мы видим, что генеалогические легенды о тех или иных варварских племенах (скифах, фракийцах, иллирах и др.), связывающие их происхождение с мифами о странствиях греческих героев, по идее своей выражают стремление греков видеть и в варварах нечто родственное, связанное с греками происхождением от одних и тех же предков. Именно так, нам кажется, следует толковать и легенды об элимах или моргетах как о переселившихся в Сицилию троянцах, о япигах, пришедших в Италию под водительством Диомеда, или о венетах—под водительством Антенора. Чрезвычайно характерно обстоятельство, что подобные легенды возникали лишь в отношении тех племен, среди которых греки оселись в качестве колонистов или с которыми, по меньшей мере, поддерживали тесные торговые отношения. Так же должна быть истолкована и передаваемая Геродотом легенда о происхождении этрусков.

Логическим следствием этой концепции является отрицание автором рецензируемой книги каких бы то ни было черт подлинного историзма в троянской легенде.

За утверждениями о формировании троянской легенды в Греции в эпоху возникновения греко-персидских противоречий следует ряд соображений (стр. 16 сл., а также стр. 419 сл.), настаивающих на отсутствии в греческой мифологической традиции до Гелланика сведений о выселении Энея из разрушенного Илиола. Легенды о движении героя в западном направлении и его культовые места в Айносе, на островах Самофраке, Делосе, Крите, как на этапах пути его следования по мнению Перре, весьма позднего происхождения—не старше II ст. до н. э. Его не убеждает даже и то, что наиболее ранние изображения Энея, свидетельствующие о глубокой древности легенды, ведущей его на запад, известны на греческих монетах VI ст. до н. э.

Перре глух к тому, что Эней как всегда дарданцев символизировал собой фракийский элемент в Троаде, являющийся бесспорно реальным историко-этнографическим

¹ Об этом подробнее см. у В. Niese, «Historische Zeitschrift», IX (1888), стр. 481: «Die Sagen von der Gründung Roms», где дано объективное изложение истории троянской легенды.

зерном в эпосе. Реальность и значение фракийского элемента в историческом Илионе подчеркивается результатами раскопок Трои, в особенности обликом VII В города, несомненно, находившегося в руках фракийцев-дарданцев, воспоминание о которых, помимо памятников материальной культуры, засвидетельствовано, может быть, в наименовании Скейских ворот эпической Трои, названных так по имени фракийского племени скеев (Strab., XIII, 510), и звучит до сих пор в наименовании Дарданельского пролива¹.

Отрицание древности за легендой, спутствующей проникновению на запад (в Грецию и в Италию) фрако-иллирийских культурно-этнических элементов, приводит автора к почти полному отрицанию развития легенды об Энее на греческой почве.

Необоснованным представляется нам и почти полное отрицание этрусской стадии развития троянской легенды. Перре признает существование этрусской версии сказания об Энее, но трактует ее как попытку итальянской оппозиции Риму «затемнить и заглушить троянскую легенду растворением ее в этрусских источниках» (стр. 468 сл.). Легенда об Энее и троянцах, поставленная в связь с различными итальянскими племенами, связывалась также с этрусками. Будучи искажена последующими напластованиями и выдвиганием на первый план латинской, точнее римской, версии этой легенды, она приобрела черты, которые не позволяют судить об этрусской ее версии в подробностях.

Во времена Вергилия господствовала традиция, сообщавшая о борьбе Энея и Аскания с этрусками и их царем Мезенцием. Однако более древняя традиция, идущая от Тимея из Тавромения, следы которой сохранились в передаче Ликофрона, сообщала о пребывании Энея в г. Цере и о связи его с царями Этрурии: Тархоном и Тирреном.

Вергилий объединил обе версии: Мезенций, по его рассказу, является врагом троянцев, тогда как этруски—его союзники.

Существенным для замысла Вергилия оказывается то, что этруски выступают под водительством Энея, а не как его равноправные товарищи. Этот факт субординации, естественной в этрусской традиции, в римской должен был отразить свершившееся подчинение Этрурии Риму. Вместе с тем Вергилий, включением этрусков в число сторонников Энея, в противоречии с древнеримской традицией, являвшейся стражением борьбы Рима с Этрурией, выражает тенденцию к примирению двух так долго враждовавших между собой народов. В этом, по видимому, и заключается смысл контаминации обеих традиций, представляющийся, однако, не совсем ясным одному из лучших исследователей Вергилия².

По мнению этого исследователя, объединение традиций было выгодным моментом с точки зрения усложнения интриги, моментом, требующим более тонкой характеристики образа Мезенция и мотивации разрыва его с народом; кроме того, рассказ «Энеиды» приобретал таким образом большую убедительность и правдоподобность в том смысле, что военные возможности Энея благодаря этому сильно увеличивались, а это облегчало ему, имевшему в своем распоряжении немногих троянцев и аркадян, борьбу с многочисленными итальянскими племенами.

Возможно, конечно, что и эти соображения имели для Вергилия немалое значение, но во всяком случае принятая им версия существенно отличается от Катоновой (дошедшей до нас через схолиаста Вергилия—Сервия), по которой Латин, давший пришельцам землю для поселения и возмущенный затем их претензиями, начинает с ними войну; в качестве его союзников в этой борьбе выступают рутулы под предводительством Турна. Латин погибает в первом же сражении, а Турн возобновляет войну при поддержке Мезенция и этрусков. В дальнейшем развитии этой версии Турн погибает в борьбе, а Эней исчезает. Третий тур борьбы заключает в себе единоборство Аскания с Мезенцием, который и погибает в его результате.

¹ L. Malten, *Aeneias*, «Archiv f. Religionswissenschaft», XXIX, стр. 33 сл.

² См. R. Heinze, *Virgils epische Technik*, стр. 175.

Как видим, по этой версии врагами троянцев являются по-только этруски в союзе с рутулами, но и латины—ситуация, не повторяющаяся более в позднейших версиях легенды, известных через Дионисия Галикарнасского (I, 57), Юстина (XLIII, 1) и Тита Ливия (I, 1 сл.), где во всех случаях латины уже являются союзникам и Энея и троянцев, при этом Эней закрепляет свой союз с ними браком с Лавинией. Врагами же их оказываются рутулы, союзники этрусков.

Из сказанного явствует, что, в противоречии с этрусской традицией, известной из Ликофрона, в Риме в то время, когда он противопоставил себя латинской лиге и этрусскому владычеству, возникла пересказанная Сервием и восходящая к Катону традиция. Позднейшая ее модификация происходила в направлении объединения троянцев с латинами во вражде и борьбе с этрусками и другими италийцами (представленными в легенде рутулами). Если судить по аналогии с легендами об элимах, венецах и япигах-мессапиях, трудно сомневаться в том, что Эней в этрусской версии легенды имел родопачальников этого народа в своей свите. Что эта легенда первоначально могла иметь в виду одних лишь этрусков, выясняется из того, что имя Турн (Turnus)—скорее всего, этрусского происхождения, ибо известно этрусское надгробие с надписью, *tite espate turns*, а также само собой напрашивается сопоставление Turnus — *τορρυνός*, сделанное уже Дионисием Галикарнасским и подчеркнутое некоторыми современными лингвистами, в том числе Кречмером¹.

Первоначальные греческие колонисты, следовательно, знаящие в Средней Италии тирренов, связывали их, как и некоторые другие италийские племена, с легендой об Энее. Связывали они их и с другими греческими героями, примером чему может служить упомянутая уже легенда, зафиксированная Гесиодом, по которой (Theog., 1073) Латин, являющийся царем тирренов (Гесиод не различал, таким образом, этрусков и латинян), связывается не с Энеем еще, а с Одиссеем. В этих легендах, впоследствии переиначенных и приспособленных римлянами к их политическим тенденциям, фигурировали также Диомед, Мелелай и другие герои эпохи Троянской войны.

Что же касается этапов пути Энея с троянцами или Диомеда с япигами, то они, как уже мы в этом имели случай убедиться на примере с этапами западного маршрута Язона и аргонавтов, могут представить собой действительные пути миграций и торговых сношений. Путь венецов через Балканский полуостров, вокруг северной Адриатики, путь Диомеда через Адриатику (остров Тремити) в Северную Апулию может быть не что иное, как действительное воспоминание о путях проникновения в Италию балканских этнических и культурных элементов.

С указанных точек зрения легенда о троянском происхождении Рима и других италийских городов и племен предстает перед нами в гораздо более широком аспекте и имеет несравненно более длинную и содержательную историю, чем это стремится показать в своей интересной книге Ж. Перре.

Л. Ельницкий

J. DAY, *An Economic History of Athens under Roman Domination*, New-York, 1942, X + 300 стр.

Рецензируемый труд профессора Колумбийского университета Дэй посвящен изучению эконо-мической истории Афин и Аттики на протяжении, примерно, 7—8 веков, начиная с III в. до н. э. и кончая основанием университета в Константинополе в 425 г. н. э.

¹ См. об этом у Georgiev'a, «Die Träger der Kretisch-Mykenischen Kultur, «Годишник на Софийския Университет», т. XXXIII, стр. 186 сл., а также рецензируемую книгу Perrot, стр. 498, прим. 2.

Книга состоит из семи глав: 1) Афины до римлян: III в. до н.э. (стр. 1—28); 2) II в., до приобретения Делоса: 200—166 гг. до н.э. (стр. 29—50); 3) от приобретения Делоса до разрушения Афин: 166—86 гг. до н.э. (стр. 51—120); 4) от Суллы до смерти Августа: 86 г. до н.э.—14 г. н.э. (стр. 121—177); 5) Афины под властью императоров: 14—200 гг. н.э. (стр. 179—251); 6) III в. н.э. (стр. 252—261) и 7) заключительный период (aftermath): IV и V вв. (стр. 262—270). К книге приложена избранная библиография и небольшой указатель.

Автор книги—ученик М. И. Ростовцева, которому, равно как и В. Л. Вестерман, посвящена рецензируемая работа. Влияние маститого буржуазного ученого чувствуется во всем исследовании. Исходя из известных установок своего учителя, Дэй не видит никакого качественного различия между античным и современным обществом. В большом труде, посвященном экономической истории крупнейшего города Греции, вряд ли найдутся в общей сложности две-три страницы о рабовладении, положении рабов в Афинах, их численности и участии в производственной жизни. Дэй обходит полным молчанием общеизвестные, хотя и сомнительные данные Афиней о количестве рабов в Афинах, несмотря на то, что этому же вопросу посвятила несколько статей Вестерман. Автор только мимоходом останавливается на восстаниях рабов Лаврийских рудников в конце II в. до н.э.

Отсюда вытекает основная ошибка всего исследования. Развитие экономики Афин во II в. до н.э. и дальнейшую их судьбу в императорскую эпоху Дэй объясняет не внутренними противоречиями рабовладельческого строя в Афинах или хотя бы законами развития всей античной формации в целом, а только внешними, приходящими моментами, как, например, развитием торговли, приобретением Делоса, строительной политикой Адриана и т.д. Громадное количество цитируемых фактов не связано у Дэй в одно целое единой научной концепцией.

Хронологические рамки, поставленные Дзем, исключительно широки. При современном состоянии историографии очень трудно исчерпывающим образом исследовать историю Афин на протяжении семи-восьми веков. Даже при беглом обзоре содержания рецензируемого труда у читателя создается впечатление, что книга состоит из двух совершенно различных частей.

Первая часть, охватывающая период от начала II в. до смерти Августа, является вполне законченным цельным исследованием, написана обстоятельно и четко. Вторая часть книги, трактующая историю Афин императорского периода, представляет собой черновой набросок и в лучшем случае только выдвигает отдельные вопросы без связного изложения событий.

Такая неравномерность вызвана не только наличием большого количества источников по первому периоду и пробелами в нашем знании заключительного периода истории античных Афин. Значительно более существенным фактором является общее состояние современной историографии Афин. Вот уже, примерно, полвека со времени выхода в свет классической работы покойного академика С. А. Жебелева—Очерки по истории Афин 229—31 гг. до н.э.,—кстати говоря, совершенно не использованной Дзем, история эллинистических Афин систематически разрабатывалась в специальных монографиях Фергюсона и обстоятельно освещалась в общих трудах по экономике эллинизма (работы Ростовцева, Гейхельгейма, Ларсена и др.).

В этом разделе задача Дэй свелась в основном к систематизации новых археологических и, прежде всего, эпиграфических данных, полученных за последние десятилетия, а в особенности во время американских раскопок афинской агоры в 30-е годы нашего века.

История Афин императорской эпохи не пользовалась большим вниманием исследователей и за последние десятилетия не появилось ни одного обобщающего труда в этой области. Задача, стоящая перед автором: написать экономическую историю Афин, оказалась в отношении императорского периода чересчур трудной. Это отразилось как на содержании, так и на форме второй части книги. Но все же, учитывая незначительное количество имеющихся в нашем распоряжении эпиграфических данных об истории Афин императорского периода, а также почти полное отсутствие литературных источ-

ников, касающихся этого времени, надо признать, что и в этом отношении рецензируемая книга, хотя бы частично, восполняет большой пробел в историографии.

Основные научные интересы автора концентрируются вокруг двух основных этапов в экономической истории Афин. В эллинистический период—это вторая половина II в., эпоха расцвета афинской торговли. В императорское время—это правление Адриана. Все остальные главы являются, собственно говоря, только введением или заключением к третьей и пятой главе—вышеуказанным основным разделам книги.

Следует отметить внимательное отношение автора не только к экономическим, но и к социальным проблемам. В частности Дэй останавливается со всей возможной по состоянию источников полнотой на положении широких слоев населения, касается вопросов заработной платы, дороговизны и т. д. Он неоднократно подчеркивает, что «никоим образом нельзя сказать, что трудящиеся в Афинах, как и повсюду в эллинистическом мире, участвовали в благоденствии того века» (стр. 10; аналогичные высказывания на стр. 46—47 и др.).

Перейдем к последовательному разбору отдельных, наиболее интересных, положений Дэй. В вводной главе об экономике Афин в III в., оценивая общие тенденции экономического развития Афин, автор пользуется в основном данными о колебаниях цен на товары, почерпнутыми исключительно из отчетов делосских гверопеев, и делает отсюда, по нашему мнению, все же недостаточно обоснованный вывод об экономическом кризисе в Афинах. «Во второй половине III в. цены на основной предмет афинского вывоза (оливки) пали, в то время как цены на наиболее необходимый предмет ввоза (хлеб) выросли... Афиняне страдали от пассивного торгового баланса» (стр. 7—8). Механическое перепесение делосских данных на Афины вообще вызывает большое сомнение. Как известно, цены на Делосе подвергались в течение III в. очень значительным колебаниям в связи с целым рядом обстоятельств, в том числе и в зависимости от общеполитической обстановки в Эгейском бассейне. Единственный вполне достоверный вывод весьма скуден и фактически сводится к тому, что в первой половине III в. цены на все товары значительно выросли, в то время как, начиная с 246 г., наблюдается постоянное падение цен. Особенно значительным колебаниям подвержены были именно цены на хлеб. Мы, к сожалению, не располагаем никакими данными о движении цен в Афинах. Нет у нас также цифровых данных о состоянии афинской торговли. Даже если предположить, что цены в Афинах в общем и целом были аналогичны делосским, то все же не имеется достаточно оснований говорить о пассивном торговом балансе Афин и о пагубных последствиях этого явления.

Лучше обосновано основное положение этой главы об «ускорении процесса концентрации земельной собственности» в Афинах (стр. 9). Дэй удачно развивает гипотезу Фергюсона о том, что во второй половине III в. политическая власть в Афинах перешла в руки землевладельцев Месогейской равнины, которым удалось добиться вывода македонского гарнизона из Афин в 229 г. На основании свежих эпиграфических данных заново освещена история сбора 150 талантов для оплаты македонян. Опубликованный в 1939 г. («Hesperia», VIII, 245) новый фрагмент известной надписи IG II-III² 791, дающий список 133 наиболее зажиточных жителей Афин и Аттики, тоже подтверждает точку зрения Фергюсона.

Очень большие сомнения вызывает методика анализа афинской торговли во II в., а также и в последующее время. Основным источником Дэй является здесь статистика надгробий иностранцев, проживавших в Афинах. Исходя из этих данных, Дэй пытается уточнить «не только направление торговли, но, в определенном объеме, даже и объекты» афинской торговли (стр. 17). Этот тезис мало обоснован. В свое время уже Ростовцев пытался в своей статье в САН VIII о «Родосе, Делосе и эллинистической торговле» дать сводку иностранцев-проксенов на Делосе и сделать отсюда далеко идущие выводы о, якобы, громадном размахе делосской торговли. Сам Дэй (стр. 18, прим. 98) обращает внимание на шаткость такой интерпретации данных о проксенах, но те же возражения, и с еще большим основанием, можно отнести к выводам самого автора. К примеру сказать, среди надгробий иностранцев в Афинах встречается очень мало имен родосцев и почти нет ни одного упоминания об александрийцах, в то время

как наличие значительной торговли Родоса с Афинами доказывается нахождением большого количества родосских амфор на афинской агоре. Торговые же связи Александрии с Афинами в этот период неоднократно подчеркиваются самим Дэем. Трудности датировки надгробий, незначительное количество иностранцев из отдельных городов и, наконец, необходимость учета фактора случайности, игравшего большую роль при данных такого рода, делают весьма проблематичными выводы автора, тем более, что им весьма часто противоречат другие данные. Так например, несмотря на ничтожное количество надгробий родосцев, мы насчитываем 5 родосцев среди 27 иностранцев-подписчиков в фонд архонта Гермогена в 183/82 г. до н. э. (IG II-III^a 2332; Дэй, стр. 43, прим. 97—98).

Единственный правильный метод заключается в комплексном анализе всех имеющихся данных, причем при наличии единичных, а тем более противоречивых сведений необходима сугубая осторожность.

Характерной иллюстрацией того, сколь мало иногда обоснованы выводы Дэя, является пример с «даром Масиниссы». Как известно, в делосских надписях имеется одно единственное упоминание о том, что Масинисса сделал большой дар хлебом храму Аполлона и что делосские власти продали этот хлеб на делосском рынке, выручив при этом около 10 000 драхм. Хлеб был продан, повидимому, самим делосцам. В это время хлебный фонд Делоса составлял около 60 000 драхм в год, причем из выкладок Ларсена следует, что стоимость годового потребления хлеба на Делосе составляла не менее 300—500 тысяч драхм. Таким образом, ясно, что, даже судя по делосским масштабам, дар Масиниссы не представлял собой ничего исключительного и не был рассчитан на экспорт нумидийского хлеба из Делоса в другие полисы. Дэй же делает отсюда вывод, что в тяжелые годы Афины привозили хлеб из Нумидии и что «ради этого в первой половине II в. хлеб грузился на корабли в Нумидии для перевозки его на Восток». Дополнительно же хлеб прибывал, вероятно, из Пергама и Сирии (стр. 45). К этой же надписи Дэй возвращается в следующей главе, находя у Масиниссы планы «обеспечения рынка сбыта зерна на будущие годы» (стр. 70).

Анализируя экономику Делоса в первой половине II в., Дэй считает дар Масиниссы неоспоримым доказательством наличия большого хлебного рынка на Делосе не только в 179 г., но и после захвата Делоса афинянами в 166 г. (там же).

Правда, «дар Масиниссы» стал за последние годы общим местом в исследованиях по экономике эллинизма (работы Ростовцева, Гейхельгейма и, частично, Ларсена). Дэй следует здесь за течением. Но все же нельзя делать выводы о транзитной торговле нумидийским хлебом на Делосе на основании одной только надписи, ничего не говорящей о транзите, да к тому же считать без малейшего к тому основания, что нумидийский хлеб продавался в Афинах; тем паче, что до 166 г. у нас нет почти никаких, даже косвенных, данных о торговле Делоса с Афинами.

В вопросе об экономических причинах римской экспансии на Восток вообще, а в Грецию в частности, Дэй присоединяется к точке зрения основного исследователя этой проблемы Гатцфельда и обращает внимание на то, что среди афинских надгробий вплоть до 166 г. почти нет имен итальянских и сицилийских греков, не говоря уже о коренных италийцах. «Масовое движение итальянских negotiatores на Восток началось не раньше половины века» (стр. 44).

Очень метко и едко Дэй оценивает начало римского господства в Афинах, заявляя что провозглашение свободы греков в 196 г. фактически означало конец их свободы. Римская политика в Греции сводилась всегда, как правильно отмечает автор, к поддержке имущих слоев населения и подавлению бедноты.

II в. до н. э. был для Афин, как отмечает Дэй, периодом процветания, «prosperity», длившимся от освобождения от македонской оккупации (229 г.) вплоть до разрушения Афин войсками Суллы в 87 г. Причины экономического подъема автор видит в оживлении торговли Пирея, возобновлении работы Лаврийских рудников и значительном притоке богатых иностранцев в Афины. Во второй половине века положительную роль в развитии афинской торговли сыграл и свободный порт Делос. Незначительное число жителей собственно Греции на Делосе и, наоборот, большое количество иностранцев

происходивших из центральной и особенно северной Греции, в Афинах дает автору возможность предположить, что лежащий на маршруте Делос был основным центром торговли Италии с Востоком, а Афины были промежуточной станцией от Делоса на север для торговли с центральной и северной Грецией (стр. 82).

Вызывает удивление точка зрения Дэй на экономические результаты римского вторжения в Грецию. Он пишет: «Греция в целом не пострадала от войн, вызванных интервенцией Рима на Востоке» (стр. 48). Притом Дэй имеет здесь в виду не только вторую, но и третью македонскую войну. Столь необоснованное и противоречащее общеизвестным свидетельствам источников (например, данным Ливия о продаже 150 000 эпиротов в рабство) утверждение Дэй базируется на ошибочном истолковании данных делосских текстов, свидетельствующих об изобилии свободных капиталов именно в период 172—168 гг. до н. э. Принимаемое Дэй как неоспоримый факт наличие единого рынка капиталов во всей Греции вовсе еще не доказано, и очень сомнительно, имели ли отдельные колебания цен на Делосе общеэллиническое, а не только локальное значение.

Значительную часть III главы автор посвящает истории Делоса до и, особенно, после захвата его афилианами. К сожалению, Дэй ограничивается обстоятельной характеристикой делосской торговли, не касаясь даже вопроса о сельском хозяйстве острова. Совершенно неудовлетворительно — впрочем вполне последовательно с точки зрения общих установок автора — освещена игравшая столь крупную роль работорговля острова Аллолона.

По вопросу о том, получили ли Афины значительную пользу от присоединения Делоса, Дэй, вопреки мнению Ростовцева, повидимому, правильно считает, что расширением делосской торговли воспользовались только наиболее богатые торговцы Афин, в то время как ни афиская государственная казна, ни масса населения никаких доходов от Делоса не получали (стр. 107—109).

Интересно изложение внутренней истории Афин в конце II в. Поддерживая гипотезу Фергюсона о том, что в последние годы II в. власть в Афинах перешла от демократически настроенных землевладельцев Месогей в руки представителей городских торговых кругов, Дэй считает, что основной причиной смены правительства были: 1) быстрый рост торговли, опережавший развитие других отраслей афинской экономики, и 2) поддержка нового правительства римлянами, всегда предпочитавшими опираться на наиболее реакционные группы населения зависимых стран (стр. 101—102 и 110—111). Дальнейший рост афинской торговли нашел, по мнению Дэй, между прочим, свое выражение в усиленной чеканке афинских монет нового стиля, распространившихся не только во всем Средиземноморье, но и вплоть до Аравии (стр. 86—87); в реконструкции Пирея (стр. 89), а также в особенно подробно анализируемом постановлении Дельфийской амфикионии об обязательном приеме афинских тетрадрахм по курсу 4 серебряных драхмы за одну тетрадрахму во всех полисах, принадлежащих к амфикионии. Штраф за нарушение данного постановления составлял 200 драхм для свободных граждан и бичевание для рабов (FDD III, 2, 139; Дэй, стр. 98).

С постановлением дельфийской амфикионии тесно связано решение о пересмотре системы мер, весов и монет, принятое в Афинах в 101 г. до н. э. (стр. 111). Дэй считает это одним из первых мероприятий нового афинского правительства, представлявшего интересы торговых слоев населения, и восполняет анализ Фергюсона интерпретацией новых фрагментов постановления, найденных в конце 30 гг. на агоре (статья Meritt'a в «Hesperia», VII, 127—131).

Обострение политической борьбы в Афинах в период, непосредственно предшествовавший первой Митридатовой войне, Дэй объясняет ростом недовольства широких масс населения политикой олигархического правительства. Обострение классовой борьбы привело в 91/0 г. к установлению «диктатуры» Медел (стр. 113), после чего народная партия выслала послов к Митридату с просьбой о помощи. Сам ход войны и разрушение Афин сулланцами описываются Дэй только мимоходом. «Ужасное несчастье 86 г. — это, как справедливо отмечает автор, важнейший поворотный пункт в истории Афин» (стр. 119).

IV глава, охватывающая период от Суллы до смерти Августа, значительно слабее первых трех. В предыдущих главах автор весьма внимательно относился как к литературным, так и к эпиграфическим источникам. В данной главе Дэй подвергает сомнению единогласные высказывания всех древних авторов о катастрофическом запустении Афин в период между Суллой и началом принцепата, причем он не в состоянии поддержать свою точку зрения даже свидетельством эпиграфических данных. Дэй пытается доказать, что римское владычество над Грецией не повлияло на падение экономики Афин и что, начиная с Августа, мы наблюдаем даже подъем благосостояния города. Он пишет: «Многие показатели свидетельствуют об удивительном возрождении благоденствия Афин во время Августа. Государство было бедно, несмотря на незначительные расходы. Не было уже необходимости содержать армию и флот. Общественные должности были бесплатны (*honorarii*) и были финансовой тягостью скорее для их носителей, чем для государства» (стр. 169). Таким образом, Дэй представляет лишение независимости и фактическое превращение Афин в бесправный провинциальный город чуть ли не как благодеяние со стороны Рима. Но даже и он не может не признать, что раз Рима означал конец не только политической самостоятельности бывшей столицы эллинского мира, но и превращение ее в один из захолустных городов Римской империи, живущий не настоящим, а прошлым. «Особенно, начиная со времени Августа, Афины стремились все более и более жить своим прошлым» (стр. 175). Какой едкой насмешкой над героическим прошлым Афин и над усилиями Дэй обелить римскую политику звучат его же заключительные слова: «Они (Афины во время Августа.—*Я. Л.*) были культурной столицей эллинизма и, следовательно, всего мира».

В данной главе привлекает внимание анализ просопографических данных, показывающий, «что политическая власть в течение более чем столетия находится в руках одних и тех же семейств. В частности, эти же данные свидетельствуют об устойчивости материального положения месогейских землевладельцев, сохранивших свои экономические позиции, несмотря на ряд политических переворотов» (стр. 171—174).

Значительно более содержательна V глава, основная во второй половине книги. Дэй останавливается особенно подробно на политике Адриана (стр. 173—196) и, в частности, превозносит строительную деятельность императора, якобы означавшую чуть ли не возврат к периоду процветания. обстоятельно анализируются Даем также сохранившиеся в надписях тексты законов Адриана о закупке оливкового масла и о продаже рыбы. Дэй доказывает, что «его (закон о закупке оливкового масла.—*Я. Л.*) основная цель состояла в обеспечении государства достаточным источником оливкового масла для различных общественных надобностей». В качестве примера Дей указывает на освещение улиц по умеренным ценам. Кроме того закон преследовал цель ограничить прибыли посредников (стр. 192). К аналогичным целям стремился и закон, нормирующий условия продажи рыбы (стр. 194).

Интересны собранные Даем данные о значительном вывозе пентеликонского мрамора и изделий афинских скульпторов из Афин в Рим и Италию.

Большая сводная таблица имен иностранцев на аттических надгробиях (стр. 217—220) вызывает значительно больше доверия, чем аналогичные данные II в. до н. э. Во-первых, трехзначные цифры в большей степени нивелируют влияние фактора случайности, во-вторых, невозможность точной датировки ряда надписей заставляет Дэй быть более осторожным в своих выводах. Из таблицы явствует, что подавляющее большинство иностранцев происходило из городов Малой Азии. Из общего количества 844 надгробий 597 имен—малоазиатского происхождения. Сомнение вызывают только два момента: 1) чересчур большое количество милетцев (342 имени), тем более, что среди них имеются даже такие, как *Pomponius Clarus* и *Claudius Capito*, и 2) очень незначительное число (всего лишь 7) имен из причерноморских районов (за исключением городов побережья Малой Азии). Наличие большого количества иностранцев в Афинах объясняется Даем тем, что это были торговцы, продававшие свои товары по всей Греции, но селившиеся в Афинах в связи с возможностью

пользования «столичным» комфортом и перспективами на продажу своих товаров студентам, занимающимся в Афинах. Дополнительными факторами, привлекавшими иностранцев в Афины, были возможности больших подрядов на украшение города во время Адриана и возможности сбыта продукции афинских скульпторов в Италии.

Еще более важен анализ земельных отношений в Аттике в период Адриана прежде всего на основании надписи IG II-III^a 2776 (стр. 221—251). Основные выводы Дэй таковы: в период империи продолжается процесс централизации земельной собственности. Однако в отличие от Италии в Аттике крупные земельные владения никогда не концентрировались в одном деме и обрабатывались преимущественно арендаторами. Характерной особенностью крупного афинского землевладения было тесное переплетение его с ростовщичеством, как это видно хотя бы на примере Ирода Аттика. В период империи следует считать весьма важным фактором большую неравномерность в распределении богатств (the gross maldistribution of wealth) (стр. 250).

Две последних кратких главы обзорного характера освещают некоторые моменты из истории Афин в III в., а также IV и V вв. Последовавшее вскоре затем перенесение столицы в Константинополь окончательно подорвало экономику Афин, а победа христианства покончила также и с культурным значением славнейшего города античности. Основание в 425 г. Константинопольского университета—центра христианской учености—было последним ударом, от которого Афины так уже и не смогли оправиться.

В приложении Дэй анализирует данные о населении Афин на отдельных этапах их истории и приходит к выводу, что при настоящем состоянии науки невозможно установить какие-либо абсолютные цифры. Единственный источник, заслуживающий, по его мнению, доверия—это списки эфбев, сохранившиеся более или менее полно на протяжении пяти столетий от 267/6 г. до н. э. вплоть до 266/7 г. н. э. Но и эти данные могут дать только общую картину относительных изменений народонаселения Афин, но не способны определить абсолютные размеры населения города.

В общем и целом книга Дэй, особенно в первой своей части, является ценным исследованием по экономической истории Афин, прежде всего афинской торговли и, частично, земледелия. Совершенно ошибочны взгляды автора на результаты римского вторжения и господства в Греции. Вопросы рабовладения и положения рабов в Афинах и Аттике автором вообще игнорируются.

Я. А. Ленцман

E. GREN, Kleinasion und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit (Uppsala Universitets Arsskrif, 1944; 9).

Широкий интерес к экономической истории древнего мира, проявляемый современными учеными различных стран, нашел свое отражение в новой работе шведского ученого Э. Грёна «Малая Азия и Восточные Балканы в хозяйственном развитии Римской империи», которая посвящена исследованию роли римской армии в экономике Римской империи, преимущественно во II—III вв. н. э.

Автор использовал большое количество разнообразных источников, а огромный библиографический указатель свидетельствует о хорошем знании литературы. Но Грэн не ограничился одним только собиранием материала, он предлагает новую и стройную схему, которая должна, по его мнению, объяснить историческое развитие Малой Азии и придунайских провинций в первые века нашей эры.

I глава посвящена обзору хозяйственного развития Малой Азии в эпоху Римской империи. Автор намечает ряд основных моментов, характеризующих это развитие: бурный экономический подъем внутренних провинций Малой Азии, упадок хозяйственной деятельности прибрежных городов и, наконец, передвижение торговых путей этой страны на северо-запад. В основе всего исследования лежит нумизматический мате-

риал, указывающий на прогрессирующее увеличение местной монетной чеканки в городах центральных провинций Малой Азии. Обратной стороной этого процесса было уменьшение экономической роли городов, расположенных по западному берегу малоазийского полуострова и на близлежащих островах. Исследуя положение Милета, Эфеса, о. Лесбоса, о. Самоса, автор приходит к заключению, что они вступают в полосу упадка, резко уменьшают свою чеканку (следовательно, торговлю) и ремесло к III в. (стр. 8), а Смирна—значительно раньше (сведения Элия Аристиды, жившего в Смирне в середине II в. н. э., признаются ложными). К сожалению, неясно, почему именно указанные пять городов были выбраны автором для обоснования своих заключений. Нам не кажется возможным согласиться с выводом автора о хозяйственном упадке Смирны уже во II веке н. э. Ряд данных говорит об экономическом расцвете города в это время: в городе было предпринято строительство водопровода (SIG, 3146 сл.), многочисленных храмов (например, храм Асклепия: Pausan, II, 26, 8) и др. (Т а с., Ann., IV, 31, 56 сл.; SIG, 3148, II, 8). Аристид (XIX, 11) говорит о расширении города: строится огромный театр на 20 000 зрителей и стадион¹. Аристид употребляет выражение *ἀύξασαί*, из которого следует, что в Смирне было несколько рыночных площадей (это не могло быть вымыслом, так как император Марк Аврелий, к которому обращена речь, бывал в Смирне и знал город), и говорит о многочисленных ремесленниках.

Следует вспомнить, что еще «*Expositio totius mundi*» рисует малоазийское побережье как цветущую область, говорит о Смирне и Эфесе как о крупнейших городах. Сам Грэн должен признать, что Эфес и Самос, даже судя по нумизматическому материалу, переживали расцвет (стр. 10—11).

Относительный расцвет Эфеса и Самоса во II и в начале III вв. н. э. автор объясняет тем, что через эти пункты проходила торговая дорога из Лаодикеи (через Траллы и Магнезию). С изменением направления потока товаров и эти города приходят в упадок. Автор, однако, не касается причин изменения торговых путей Малой Азии.

Далее автор указывает на основные центры торговли, которые в императорское время выдвигаются на северо-западе Малой Азии (стр. 13 сл.). Особенно большую роль играет Вифиния как передаточный торговый пункт между Малой Азией и Балканами и между Малой Азией и Южной Россией (стр. 19).

Перемещение торговых путей на север втягивает Фракию, Нижнюю Мезию и частично Дакию в общеимперскую торговлю, и роль этих провинций в восточной торговле все время возрастает.

Во II главе автор исследует направление дорог в Малой Азии и на Балканах. Он приходит к выводу, что римляне в Малой Азии не нашли развитой сети дорог. До их появления дороги носили узко местный характер. Это же говорится о Лидии и Фракии. Появление римлян означало создание хорошо развитой сети дорог на Балканах и Малой Азии. Этот процесс начался в I в. и достиг кульминационной точки в эпоху Северов. Исследовав монеты с изображением *signa* («*Signamünzen*»), автор подчеркивает, что их местонахождение в том или ином населенном пункте указывает на частое передвижение по этим местам военных соединений. Эти-то военно-стратегические пути и явились впоследствии торговыми путями. Таким образом, войны, которые велись римским государством на дунайской и восточной границах, способствовали упорядочению торговых сношений и определили основные торговые пути этих областей. Вокруг этих дорог выросла мощная цепь этапов—остановок и складов, которые были необходимы для армии.

Нам кажется, что такое истолкование роли военных дорог будет некоторым преувеличением значения передвижения армии к границам и внутри римских провинций. Основной источник по этому вопросу, используемый Грэном,—исследование К. Боша о малоазийских монетах римского императорского времени, в котором делается заключение о том, что монеты с изображением *signa* в подавляющем большинстве

¹ Lampakis, *Οἱ ἐπὶ τῇ Ἀστερῆς τῆς Ἀποκαλύψεως*, 1969, стр. 133.

случаев были найдены в городах, лежащих на больших дорогах¹. Из этого нельзя еще сделать вывода о том, что военные дороги направляли торговые пути.

Монеты с *signa* чеканились, как указывает тот же исследователь (стр. 427), во времена правления императора Марка Аврелия, Луция Вера, Септимия Севера, Каракаллы, Александра Севера, Гордиана и Валериана (т. е. не ранее конца II в.), тогда как торговля между малоазийскими городами относится к значительно более раннему времени².

Не вернее ли будет предположить, что римляне использовали для военных целей уже имевшиеся, исторически сложившиеся торговые пути.

Автор слишком доверяет показаниям монет с изображением *signa*, в то время как места их находок до некоторой степени случайны. Так, например, Никомедию автор не считает важным военно-стратегическим центром Малой Азии на том основании, что там найдено очень незначительное число монет с изображением *signa*. Между тем, при всех больших военных кампаниях против врага на Востоке Никомедия была важным этапом³. Здесь стояли римские легионы при Каракалле⁴; о пребывании Элагабала и его армии в Никомедии сообщают Дион Кассий (LXXIX, 7, 3) и Геродиан (V, 5, 3); в 258 г. через этот же пункт прошли готы (Zosim., I, 35; SHA Gallieni, 4, 8); в 272 г. Аврелиан, направляясь с войском в Пальмиру, шел через этот же город; в 284 г. император Кар, возвращаясь с Персидского похода, избрал путь через Никомедию (Zosim., I, 73, 2).

Далее Грэн переходит к рассмотрению вопроса об экономических связях придунайских провинций в Малой Азии. Он детально исследует, какие продукты ввозят и вывозят из тех или иных областей.

В Малую Азию, утверждает Грэн, ввозили хлеб, видимо, из Египта и Северного Причерноморья, хотя ясных свидетельств об этом нет (стр. 63). В доримские времена из Малой Азии вывозили вино и оливковое масло, и Грэн предполагает, что этот вывоз сохраняется и при империи (стр. 63—64). Далее Грэн указывает на вывоз фруктов и предметов косметики из Малой Азии (стр. 64—65).

Большую роль в хозяйстве страны играли скотоводство и рыбная ловля; однако вывоз продуктов скотоводства и рыболовства был незначителен (стр. 67). Невелик был и вывоз металлов, больше вывозили драгоценные камни, мрамор и соль (стр. 68).

Из Малой Азии вывозили и продукты ремесленного производства: корабли (стр. 66), керамику и поделки из камня (стр. 68), мебель (стр. 69). Грэн, впрочем, отмечает, что кузнецы работают преимущественно на местные нужды—кроме производства оружия в больших мастерских (Fabriken) в Сардах и Никомедии (стр. 70). Грэн отмечает, что продукты ткацкого ремесла являлись предметом вывоза (стр. 72), хотя в отдельных случаях мы слышим о ввозе тканей из Египта (стр. 71).

Подводя итоги рассмотрению малоазийского вывоза, Грэн утверждает, что здесь существовал развитый экспорт разнообразнейших предметов. В сочетании с ограниченным импортом это создавало активный торговый баланс (стр. 73).

Иная картина в придунайских провинциях. Грэн подчеркивает, что сюда ввозили как раз те продукты, которые экспортируют из Малой Азии. Сюда ввозили вино и оливковое масло (стр. 74), фрукты (стр. 75), соль для засолки рыбы (стр. 79), продукты ре-

¹ K. B o s c h, Die Kleinasiatischen Münzen d. röm. Kaiserzeit «Arch. Anzeiger», 1931, стр. 426.

² W. W a d d i n g t o n, Voyage en Asie Mineure au point de vue numismatique, Paris, 1853; E. B a b e l o n et T h. R e i n a c h, Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure, Paris, 1904; F. I m h o o f - B l u m e r, Kleinasiat. Münzen, Wien, 1901—1902; S i x, Münzkunde Pisidiens, «Zeitschrift für Numismatik», 1878.

³ R o s t o v t z e f f, «Ann. Brit. Sch.», XXII, 1916/18, стр. 13 сл.

⁴ «Arch. Anzeiger», 1931, стр. 426.

месла (стр. 80). Все это свидетельствует, что в этих провинциях был налицо пассивный баланс, которого не могли покрыть ни вывоз золота, ни транзитная торговля (стр. 86), ни торговля рабами (стр. 84).

Центральное место в рецензируемой книге занимает IV глава, посвященная роли римской армии в хозяйственном развитии Малой Азии и Балкан. Три предыдущие главы являются подготовкой к тем выводам, которые здесь делаются.

В IV главе Грэн прежде всего указывает, что Восточные Балканы еще и при республике были районом постоянных передвижений войск (стр. 91). В первых веках нашей эры можно наблюдать постоянный рост армии, с которым, утверждает Грэн, связан уже отмеченный им рост благосостояния городов (стр. 95).

Одновременно изменяется и экономический характер армии. Ядро легионов все более и более прочно оседает в лагере, который превращается в целый городок. Легионеры все более рекрутируются из числа жителей провинции, в которой стоит легион. При Септимии Севере легионеры получают право заключать законные браки—возникают солдатские семьи (стр. 98—99). Все это увеличивает, утверждает Грэн, капиталовложения легионеров, помещаемые в районе лагеря (стр. 100).

Жалованье дунайским легионам и *auxilia* в III в. равнялось 30 мил. динариев (плюс *praemia militiae*, которую получали легионеры при отставке),—значительная часть этих денег оседала в тех провинциях, где стояли легионы.

Легионы сопровождало большое число штатских лиц. Растет число городских жителей за счет людей, связанных с лагерем и строящих близ городов свои бараки. Число жителей провинций увеличивалось и за счет ветеранов, которые обосновывались здесь и вкладывали полученные за службу суммы в хозяйство провинций. Сюда перемещались мастерские, связанные с производством военного снаряжения и обмундирования.

Этот «ввоз капитала» в придунайские области особенно увеличивается при Северах, когда было создано ведомство *res privata*, которое черпало средства, необходимые для армии, из конфискаций (стр. 146). Такие массовые конфискации и означали перекачку «капиталов» в провинции, в результате чего в них еще более усиливается рост благосостояния» (стр. 147).

Когда в III в. эти области подверглись вторжению варваров, это привело к уничтожению огромных масс «капитала» (стр. 148). Этим-то, по мнению Грэна, и объясняется дороговизна рабочей силы, натурализация хозяйства и появление представления о земле как единственной верной форме капиталовложений (стр. 149).

В последней—небольшой—главе Грэн останавливается на дальнейшей судьбе этих областей в период Византийской империи. Здесь, по его мнению, роль римской армии как огромного центра потребления стал играть Константинополь (стр. 159). Идром Византии была Малая Азия, поэтому империя, оправившаяся после аваро-славянских вторжений на Балканы, уже не могла оправиться после сельджукских завоеваний (стр. 167).

Концепции Эрика Грэна нельзя отказать в ясности и последовательности. Он находит единый фактор, объясняющий особенности исторического развития в изучаемых им областях. Он утверждает, что римская армия играла не только разрушающую роль (как это указывают обычно). Он утверждает, что армии принадлежит большая творческая роль в экономическом развитии страны (стр. 89). Пребывание армии не разрушает, а оживляет хозяйственную жизнь провинции, повышает жизненный уровень населения, что создает возможность для усиленного импорта (стр. 90). Римская армия, говорит Грэн в другом месте, и прежде всего оккупация земель по Дунаю была искомым фактором, «объясняющим связь событий»: «Мы ясно видим,—утверждает Грэн,—что влияние армии на хозяйственную жизнь этих областей было решающим» стр. 135).

Усиленное потребление больших масс продуктов, связанное с пребыванием армии, по мнению Грэна, повышает жизненный уровень в провинции. Армия как бы играет в схеме Грэна примерно ту роль, которую играет город в известном законе Тюнена. Это особенно ясно простиупает там, где Грэн сравнивает хозяйственное значение армии со значением Константинополя. Большой город и равно армия являются в схеме Грэна

огромным потребляющим рынком, который поглощает большие массы товаров. Исходя из факта потребления, Грэн, естественно, оставляет в стороне процесс производства. Кризис рабовладельческой системы, развитие колоната, закрепощение коллегий—все это остается вне поля зрения Грэна. Поэтому его объяснения сплошь да рядом случайны, не исходят из существа явлений. Например кризис III в. и натурализация хозяйства объясняются, по мнению Грэна, не внутренним развитием античного общества, а, как мы видели, простым уничтожением больших капиталов, инвестированных в пограничных провинциях. Грэн, видимо, не знает, что количество денег, находящихся в обращении, зависит от скорости обращения и общей массы производимых товаров, т. е. в конце концов определяется производством (Маркс, Капитал, т. I, 1937, стр. 117).

Таким образом, первым методологическим недостатком работы Грэна является то, что он за исходный пункт исследования принимает потребление, которое, по его схеме, определяет и производство и благосостояние населения. Второй недостаток—это склонность к модернизации. «Капитал», «фабрики» и прочие категории современного общества не сходят со страниц книги Грэна. Следует отметить, что большой город в античности играл иную роль, чем в буржуазном обществе, и Сальвиоли уже показал неприменимость закона Тюнена для античного Рима. Он указал, что Рим был окружен не садами и огородами, как это требуется по закону Тюнена, но болотами и пустырями, служившими пристанищами для наемных убийц. Подобно этому и римская армия выступает в источниках далеко не с такими благородными функциями, как в вульгарных политико-экономических рассуждениях Грэна.

Грэн обходит полным молчанием те убытки, которые несла с собой римская армия благодаря насилиям солдат, узаконенным реквизициям и государственным налогам. Резкое увеличение налогов, порча монеты и конфискация имуществ, столь характерные для времени правления «солдатских» императоров, тесным образом связаны с увеличением сумм, выплачиваемых солдатам, и нормы их содержания.

На случайных материалах строятся рассуждения Грэна о торговом балансе. Например, доказывая наличие вывоза вина из Малой Азии в I—III вв. н.э., Грэн может сослаться только на эллинистические амфоры—остальное дополняют предположения (стр. 64). Отсутствие на Восточных Балканах своего производства оливкового масла он доказывает ссылкой на средневековое сельское хозяйство (стр. 74). Эта ссылка не может явиться серьезным доказательством. Надо отметить, что византийские акты из Фракии хорошо знают оливковые деревья, да и сербские средневековые памятники нередко упоминают «млин». Византийские писатели, например Никифор Григора, изображают южное побережье Фракии (район Афона) цветущим садом.

Совсем неудачной следует признать последнюю главу, где Грэн на немногих страницах старается нарисовать экономическое развитие Византии, не столько на основании источников, сколько с помощью остроумных логических построений.

Подводя итоги, мы должны сказать, что книга Грэна написана с большим знанием дела, но ее основная мысль—о большой творческой роли армии, о прогрессивности ее найдена не в источниках по экономической истории Римской империи, но в идеологическом арсенале предвоенной Германии.

А. Каждан,
Т. Златковская

ANDRÉ LOYEN, *Recherches historiques sur les panégyriques de Sidoine Apollinaire* «Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes», fasc. 285, Paris, 1942. «Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire», Collection d'études latines, Série scientifique, XX, Paris, 1943.

Работы Луайена посвящены Сидонию Аполлинарию (ок. 430—486 гг.), крупному галльскому землевладельцу и епископу, который был современником краха Римской

империи и вторжения варваров. Его произведения—один из лучших источников для изучения этого времени.

Первая работа представляет собой комментарий к трем панегирикам Сидония, снабженный небольшим введением и хорошей библиографией. В комментарии Луайен дает иногда оригинальные решения отдельных вопросов. Например, он выступает против общепринятого мнения, что Сидоний участвовал в том антииталийском движении, которое развернулось в Лионе после смерти Авита. Луайен показывает, что Сидоний отрицательно относился к этому *conjuratio Marcelliana*, как он называет его по имени претендента на императорский престол (стр. 60).

Очень интересную оценку дает Луайен панегирику Авита. «Это,— говорит Луайен,— обращение корректное, но твердое к враждебным силам в итальянском сенате и старом дворе, с указанием, что их время кончилось, что их изнеженная политика (*politique de mollesse*) потерпела поражение и что новый император опирается на могущественный народ, на вестготов» (стр. 98).

Любопытно, что Сидоний был вообще близок к Тулузскому двору и вестготов изображал благосклонно, даже как преемников римской культуры, отмечая, что вестготский король читает Вергилия и избирает советников из числа галльской знати (стр. 12). Совсем иначе Сидоний рисует бургундов: это пахнущие чесноком «семистопные» великаны, которые сгибают шестистопный стих. Интересно, что Луайен отвергает эту характеристику Сидония, она, по мнению Луайена, объясняется тем, что бургунды поселились во владениях Сидония, тогда как вестготы были далеко. Это, конечно, замечание не столько ученого, сколько француза, оскорбленного в своем национальном чувстве.

Во второй работе Луайен показывает, что искусственная и манерная литература связана с упадком всего общества. Эта попытка автора изучать литературный стиль вместе с общественным строем (стр. XVIII) весьма интересна.

А. Каздан

Новые работы по тохарской проблеме

1. OTTO MAENCHEN — HELFEN, *The Jüeh-chih Problem Re-examined*, JAOS, t. 65, апрель-июнь 1945.

2. F. W. THOMAS, *A Tokhari (?) Ms*, JAOS, t. 64, январь-март 1944.

Одна из интереснейших и загадочных проблем современного востоковедения, тохарская проблема, после замечательных открытий 1890—1914 гг., не перестает привлекать к себе внимание. Ей посвящены и указанные выше статьи в журнале Американского Востоковедного общества.

Статья Отто Мэнчен-Хэлфэна (Otto Maenchen-Helfen) является кратким обзором состояния юечжйской проблемы, главным образом в том виде, как она выступает в свете последних работ иранистов Бэйлэя (Bailey) и Хенинга (Henning) и китаиста Галуна (Haloun). Резюмируя их работы о племенах юечжи, этнических названиях кушан, тохри и арси, автор останавливается на проблемах: 1) юечжи и кушан, 2) сака-кушаны в орде юечжи, 3) кушаны и классические источники, 4) кушаны и куша, 5) города Куша, 6) юечжи—куша, 7) аорси и тагорэ («Aorsi» и «Tagorae»), 8) «Дигоры».

Касаясь первого вопроса, автор кратко реферiert статьи Henning'a (Argi and the «Tokharians», BSOS, 9, 1938) и Haloun'a (Zur Üe-tsi Frage, ZDMG, 91, 1937), отмечая, что до сего дня этот вопрос остается научной проблемой, в отношении которой справедливы слова Пелльо, что «можно идти вперед только через работы последовательного приближения, где каждый использует работы своих предшественников и свою очередь пытается привести свои собственные замечания в предварительную систему, хрупкость которой он не скрывает» (стр. 72).

В разделе «Сака-кушаны в орде юечжи», опираясь на толкование японского уче-

ного Kuwabara Jitzuzo разночтений Цянь-ханьшу и Хоу-ханьшу, автор приводит оба текста и пытается доказать, что пять ябгу страны Дася (Парфии) были «большие феодалы» (great feudatories), зависимые от юечжийского короля, подобно норманским дворянам, зависевшим от норманского короля, или монгольским князьям, зависевшим от монгольского кагана. В этой же главе автор утверждает, что саки и кушаны—это одно и то же племя. Автор пишет: «Кушаны говорили на языке сака [имеются в виду синацзянские саки.—А. Б.]. Язык их монетных легенд чистый Khotani Saka. Возражение Haloun'a, что кушаны могли лишь пользоваться языком сака, как законные наследники правителей Сакастана, может быть в общем отвергнуто. Ни один из сакских царей [Индии.—А. Б.] не чеканил монет с легендой на языке сака,—они пользовались греческим и индусским. Древняя кушанская чеканка происходила от чеканки грека Гермея, и позднейшие кушаны, правители огромной империи, не нуждались в легитимации. Они пользовались двумя языками: своим собственным и своих подданных» (стр. 73). Таким образом, Мэнчэн-Хэлфэн выступает против бактрийского происхождения кушан, так как бактриды говорили на согдийском языке. Наоборот, саки и кушаны носили один костюм и пользовались схожим вооружением, что говорит также об их сходстве.

В разделе третьем автор исключает из поля зрения погибших сакарауков (согласно Трогу) и пасианов, заявляя, что пасианы, несомненно (certainly), не кушаны, и оставляет для рассмотрения племена асиев и тохаров, причем он остается при убеждении, что асии были правящей группой во время завоевания Бактрии.

Четвертый раздел посвящен проблеме кушанов и «Куша». Автор приводит известные ему формы «Куша» в китайских транскрипциях в переводных буддийских сочинениях, в сирийской книге об Александре, в «Книге законов стран», ложно приписываемой сирийскому гностику Бардезану, у Аммиана Марцеллина и других, после чего он приходит к выводу, что основная форма—«куша», а форма «кушан» часто выступает то как прилагательное, то как винительный падеж, но всему этому автор не придает особого значения.

В разделе пятом о городах Куша автор пишет, что «кушаны дали свое имя многим городам» (стр. 75). Так, он отмечает город Кушания в Согде, Киш (Кеш)—современный Шахризбс. Ссылаясь на Худуд ал-Алам, он отмечает города: 1) Кушан в Ланчжоу, где живут китайские и тибетские торговцы, 2) Kuschā—известный город в Китайском Туркестане, 3) Kusan—город вдали от дороги. Его правитель приходит из Тибета. Он находится, вероятно, к западу от Наньшаня, между Хуанхэ и Сининхэ. Потанин упоминает к западу от Ланьчжоу местность Кушай или Гушай» (стр. 76). Первый и последний города автор склонен рассматривать как колонии Кучи.

Отмечая, что название Хочжо произошло от Гаочан, он считает, что последнее является китайским произношением местного названия. На основании всех сопоставлений автор приходит к выводу: «Так как Kutsi, Ku-shih и Kao-ch'ang (Kchān) были известны китайцам уже в период древнейших Хань, Kusha должны были поселиться в Северном Тариме задолго до того, как была основана империя Кушан» (стр. 77).

В заключение, разбирая вопрос о тохри, автор пишет: «В кушанских городах и поселках периода Хань во времена Тан говорили на языке Туьг. Два из этих городов, именно Ku-shih и Kao-ch'ang, находились в стране Туьг. Tschag древних—это были юе-чжи китайцев. Из этого следует, что Kusha «населяли» (чтобы пользоваться китайским термином) страну юе-чжи. Мы едва ли можем избежать вывода, что юе-чжи—это китайская транскрипция Kusha» (стр. 77).

После этого заключения автор в VI разделе рассматривает вопрос о юе-чжи и куша и приводит различные транскрипции племенного названия юе-чжи, утверждая, что куша = юе-чжи. В одинаковом положении с ними были асии. Первые господствовали на востоке и затем во всей империи, вторые—только на западе.

В разделе VII о племенах «Aorsi и Tagogae» автор заявляет, что после распада кушанской державы эти племена выступают в лице сарматских племен Siraci и Aorsi восточный вариант aorsi = arsi). Автор поддерживает шведского ученого Jarl Charpentier по вопросу о тождестве Arsi—Asii—Asiani. Он считает, что эти племена прошли

Каспий, перешли Дон и двигались в западном направлении. «Движение сарматских племен в западном направлении может быть прослежено шаг за шагом в богатом археологическом материале, обнаруженном русскими учеными.

В курганах Кубанской области культура сарматов, проходивших здесь во II ст. до н. э., представлена так хорошо, что даже если бы отсутствовали какие-либо литературные данные, происхождение этих пришельцев из Центральной Азии было бы очевидно» (стр. 78).

Среди этих племен были и тохары (иногда в форме *Satharchei*) и арси. Для доказательства этого положения цитируются античные авторы (Птолемей, Плиний, Стефан Византийский и др.); однако тесной связи, как раньше, между тохарами и аси-арси, уже не было.

В разделе VIII «Дигоры» автор останавливается на особой группе осетин, потомков алан, среди которых имеется племя дигоры, которых он считает прямыми потомками тохаров.

Заключение автора (IX) подводит итог его небезинтересному сжатому исследованию. В нем он пишет:

«Результаты нашего настоящего исследования, может быть, позволяют нам реконструировать историю юечжи, в виде попытки и предварительно, следующим образом: начиная с IV в. до р. х. и позднее китайцы знали варваров на северо-западе под названием куша-юечжи. Куша были господствующей группой. Племенное название было тогар (или вроде того). В невыясненное нами время куша-тогары попали под управление саков. Употребление двух названий «куша» и «арси» для обозначения правящей группы может, по нашему мнению, быть лучше всего объяснено, если допустить, что куша был тохарский термин для обозначения «благородных», тогда как сака называли себя арси.

Составная орда переселилась на запад. Одна группа, малые юечжи, остались в области Наньшань, другие поселились в оазисе бассейна Тарима; еще другие, после длительного пребывания в северном Тянь-Шане, завоевали Бактрию. Тогда в конце I в. до р. х. куша завоевали окончательное и решительное господство над всей ордой. В Индии, куда куша вторглись через короткое время, они продолжали называть себя этим именем, хотя имеются некоторые указания, что сакский термин *ārsi* также употребляется время от времени. Одна, может быть, большая, часть войска куша, должно быть состояла из «тохари». Другие группы арси и тохари переселились далеко на Запад. В какое-то время во II в. до р. х. они перешли Дон. В I в. до р. х. они были уже в степях на Северном Кавказе и на берегах Черного моря. Их потомки—это *as-digur* среди осетин.

В Китайском Туркестане численно уступающие саки были поглощены тохарами. Хотя в течение длительного периода они были известны соседним народам под своим старым собственным названием, тохары сами постепенно отказались от этого названия в пользу названия их господ. Они стали называть себя *ārsi*. Предлагая такую реконструкцию, мы вполне сознаем ее гадательный (*conjectural*) характер и мы готовы видоизменить ее или совершенно отказаться от нее, если станут известны новые материалы, несовместимые с нею. В настоящей стадии нашего познания эта конструкция, по нашему мнению, соответствует всем историческим и лингвистическим данным» (стр. 80—81).

Такова концепция Отто Мэнчэн-Хэлфэна. Являясь возрождением старой гипотезы Шарпантье, она содержит, несомненно, много логически приемлемого, что, однако, не означает нашего полного согласия со всеми положениями автора. В другом месте мы уже пытались указать, что кушан является тохарской формой усунь—племен Тянь-шаня. Уход значительной части последних с Тянь-шаня, в силу гуннского нажима на рубеже нашей эры, документируется письменными китайскими известиями и археологическим материалом. Усуни, будучи только господствующим племенем, не могли определить характер культуры западных переселенцев, но могли дать им свое имя. Культура сарматов Северного Кавказа, Дона, Кубани, Крыма и южнорусских степей, вопреки автору, несет мало элементов центральноазиатского происхождения, но очень

много от среднеазиатских культур (не восточнее меридиана Ташкента). Это уже отмечали советские исследователи: Григорьев, Мацулевич и др.

Так, катакомбная культура Ташкентского оазиса имеет много черт сходства с северокавказскими культурными комплексами именно для сарматского времени. Это объясняется общностью массагето-аланского комплекса племен, растянувшегося по обширнейшему пространству среднеазиатских пустынь и оазисов, осью которых является Сыр-Дарья. Поскольку, во всяком случае, потомки массагетов были включены в состав кушанской державы в период ее расцвета (по С. Толстову, массагеты—это юечжи, а последние были этническим субстратом Кушанского государства), постольку не исключена возможность переноса последними на запад этнических имен их бывших господ и включения в их состав значительных групп южных соседей тохаров. Последние и определили иранский элемент в сарматской культуре—явление широко известное, особенно со времен блестящих исследований М. Ростовцева.

Мы могли бы указать ряд мелких несогласий с автором, например, об отношении племенных названий усунь и кушан (что автор обошел молчанием, указав только на близость асии-кушан), об отношении юечжи и кушан (по моему, здесь нет возможности ставить знак равенства¹) и др., но в данном контексте это не имеет большого значения².

Приятно видеть, что автор опирается на исследования русских ученых, в частности на русскую археологию и ее выводы. Это приближение востоковеда-филолога к выводам археологической науки позволит и археологам снова заняться вопросом о восточных элементах в сарматской культуре—вопросом, который в последнее десятилетие был предан забвению, а оживление интереса к нему еще не получило отражения в печати. Будем надеяться, что статья американского журнала будет одним из многих поводов для советских ученых продолжить диспут по этому вопросу. Опускаем мы и критику его „сциентологических“ взглядов в стиле Тарн—Ростовцев.

Вторая статья, которая привлекла наше внимание, принадлежит перу известного «тохароведа» F. Thomas'a.

В ней автор продолжает свои исследования блестящих находок Аврелия Стейна. В данном случае разбирается текст рукописи, добытой А. Стейном в Лоу-Лани в его 3-й экспедиции. Письмо этой рукописи еще А. Стейн сопоставил с письмом на монетах «белых гуннов». Автор (F. Thomas), опираясь на итоги изучения легенд кушано-сасанидских монет, в частности на работы Э. Херцфельда, устанавливает транскрипции Афлатитского письма на основе греческого алфавита. Он считает, что отмеченный Сюань-Цзяном алфавит тухло из 25 букв и манера писать слева направо связаны с греческим алфавитом (стр. 2).

Транскрипция текста, предлагаемая Томасом, не дает еще возможности для перевода этому осторожному автору. Однако по некоторым словам и по характеру рукописи он считает, что это не документ, а часть литературного произведения, возможно буддийского. Язык отрывка явно тохарский, и к отдельным словам он находит параллели из языков племен сарыкола и шугнана. Томас допустил ошибку, приняв датировку Стейна. Комплекс развалин, где был найден разбираемый Томасом фрагмент, Стейн неправильно датирует IV в. Томас безоговорочно переносит эту дату на документ, делая из этого вывод, что документ древнее первого появления «белых гуннов» (420 г.), и так как он буддийского содержания, то он имеет важное значение для тохарской проблемы как факт раннего проникновения западнотохарского письма в Синьцзян.

¹ Мы продолжаем считать термин юечжи—этническим термином. кушан—политическим.

² Отмечу последнюю статью по этому вопросу: И. Умняков, Тохары и тохарский вопрос, труды Узб. гос. ун-та, новая серия, № 31, серия истор. фил., вып. I, Самарканд, 1946.

Томас справедливо указывает на необходимость сопоставить этот документ с эфталитским письмом рукописи, хранящейся в Берлинском этнографическом музее (из собрания Лекока в Турфане). То, что наличие этого письма в Лоу-Лани важно как факт распространения эфталитского письма, это несомненно; еще важнее те первые сигналы, которые характеризуют ираноязычность произведения, от которого сохранился этот фрагмент. Но мы сомневаемся в датировках, основанных на показаниях Стейна, так как последний часто ошибался в своих хронологиях, что мы уже показали в другом месте¹.

Опубликованный Томасом документ—важное звено в исследовании тохарского вопроса,—указывает на распространенность эфталитских сочинений и ничего не говорит о физическом их распространении, так как сочинение могло попасть с паломником и вне зависимости от расселения самих эфталитских племен. В этом отношении эфталитские рукописи в Турфане, согласующиеся со своеобразием культуры этого и смежных оазисов до V—VII вв., явления, более органически связанные, чем эфталитский текст на фоне китайской культуры Лоу-Лани. Но об этом мы уже говорили в другом месте².

В заключение отметим, что рецензируемые статьи представляют большой интерес для советских ученых, для которых тохарская проблема в ее нынешнем состоянии, когда она связалась с проблемой сарматов и эфталитов, стала существенным вопросом древней истории народов СССР. Несомненно, что когда историческая тематика в тохарской проблеме привлечет и у зарубежных коллег больше внимания, то труды советских востоковедов и археологов займут более прочные позиции, что, видимо, уже начинает осознаваться, судя, прежде всего, по статье Otto Maenchen-Helfen

А. Н. Бернштам

R. ANGUS DOWNIE, James George Frazer. The portrait of a scholar, London, Watts et Co, 1940, VIII + 137 стр.

Популярный очерк о выдающемся английском этнографе и историке религии написал один из ближайших его сотрудников в области этнографии Дауни. Работа состоит из 9 глав: I—биография (стр. 1—19), II—«Золотая ветвь» (стр. 20—39), III—исследования об античности (стр. 40—52), IV—фольклор в Ветхом Завете (стр. 53—71), V—антропологические работы (стр. 72—87), VI—литературные исследования (стр. 87—97), VII—ученый (стр. 98—109), VIII—писатель (стр. 110—117), IX—человек (стр. 118—130). Как явствует из подзаголовка, на первый план в очерке выдвинут не личный момент, а научное значение ученого. Биографическим данным посвящена меньше чем 1/4 часть материала (I—II гл.). Это, конечно, производит очень выгодное впечатление. Уже одни заглавия разделов показывают многогранную научную деятельность Фрэзера. Для античников, пожалуй, наибольший интерес представляет III глава. В ней дана краткая характеристика Фрэзеру-классику. Работа Фрэзера в этой области, как известно, шла по двум линиям: во-первых, издание и комментирование античных авторов, во-вторых, исследования в области фольклора античных народов. Монументальные издания Фрэзера из области классической филологии принесли ему заслуженную мировую известность среди специалистов. Сюда относятся, не считая малоизвестного издания Саллюстия (1884), шеститомное издание Павсания (1888), двухтомное Аполлодора (1921) и пятитомное Овидия (1929), из которых издание Павсания не имеет себе равных. Это был результат девятилетнего труда и путешествий по Греции в 1890—1895 гг. Автор старается воздержаться от общих суждений насчет значения, заслуг и мировоззрения Фрэзера. Он ограничи-

¹ Согдийская колонизация Семиречья, КС ИИМК, VI.

² В докладе на пленуме памяти Н. Я. Марра 20/I 1946 г. «Усунь-кушан и тохары».

вается обычно кратким изложением содержания его работ и их основных мыслей, добавляя к этому отзывы рецензентов или авторитетнейших ученых, писавших о Фрэзере.

Автор лишь вскользь касается мировоззрения и политических убеждений Фрэзера. Фрэзер не принимал непосредственного участия в политической жизни Англии, хотя примыкал к партии либералов (стр. 120). Но он не был аполитичен, и классовая природа английского либерала иной раз прорывалась в его научной деятельности совершенно открыто. Его этюд о Кондорсе¹ полон злобных выпадов против марксизма и Советской России. Его биограф вынужден признать, что «это является результатом скорее политического предубеждения, чем беспристрастного исследования» (стр. 107—108), хотя он добавляет к этому: «это только мелкие ошибки, которые показывают, что и величайшие ученые могут ошибаться».

В конце книги приложена краткая библиография трудов Фрэзера (стр. 131—138).

Б. Надэль

Обзор иностранных историко-археологических журналов

1. «*Revue Archéologique*», 1940—1945.
2. «*Sbornik Narodniho Musea v Praze*», I, 1939.
3. «*Apulum*», *Buletinul Museului Regional Alba Julia*, I, 1939—1942.
4. «*The Journal of Hellenic Studies*», vol. LXIV, 1944.
5. «*Bulletin of the American Schools of Oriental Research*», 1945, 1946.

Revue Archéologique

Tome XV, Avril—Juin, 1940.

G. Contenau, *Les fouilles en Asie Occidentale (1938—39)*, стр. 157—201. Обзор археологических работ и новых публикаций по восточной и северо-восточной археологии; речь идет преимущественно о раскопках Тепе-Сяллка, Нузи и Персеполя. В связи с публикациями по истории иранского искусства доахеменидской и ахеменидской эпохи автор касается некоторых новых работ, посвященных археологии и искусству Сев. Причерноморья I тысячелетия до н. э.

D. Tsontchev, *Monuments antiques de la Bulgarie du Sud*, стр. 202—209. Публикация нескольких вотивов с надписями и рельефными изображениями римского времени, происходящих из Южной Болгарии. Среди надписей—два посвящения Асклепию, среди рельефов—изображения Артемиды, Гекаты и Зевсова орла.

A. Thiérot et R. Lantier, *Le cimetière mérovingien du Maltrat à Vouciennne*, стр. 210—246. Публикация раскопок некрополя, расположенного на берегу речки Генель—незначительного притока Марны. Раскопки, производившиеся на протяжении многих лет, до 1935 г. включительно, вскрыли 284 могилы, из коих большая часть отнесена к меровингской эпохе (VI—VII вв. н. э.), некоторые же принадлежат времени более раннему, в том числе несколько трупосожжений I в. н. э. Раскопки дали большое количество металлических украшений меровингского и готского стиля: пряжки, фибулы, перстни, предметы конского убора и керамику.

Tome XVI, Juillet—Septembre, 1940.

Ch. Picard, *L'héroon de Phrontis au Sounion*, стр. 5—28. Определение сооружения на мысе Суний в Аттике, так называемого героона Фронтида,—водителя корабля, на котором Менелай покинул Троию. Среди находок в святилище публикуется архаическая пинака, с изображением военного корабля.

¹ «Condorcet on the progress of the human mind», London, 1934.

A. Blanchet, Quelques découvertes de céramiques romaines dans la vallée du Danube, стр. 29—45. Обзор находок и публикаций керамических изделий римской эпохи, найденных в дунайских странах. Наиболее подробно автор комментирует керамические медальоны, хранящиеся в музеях Будапешта (Аквинкум), представляющие любопытные образцы провинциального римского искусства III в. н. э., важные также и в эпиграфическом отношении, поскольку некоторые из них снабжены пожеланиями (vota), обращенными к императорам.

Paulette et Paul Bourgaud, La villa gallo-romaine de la Vergnée à Romegoux (Charente-Inférieure), стр. 46—61. Публикация раскопок, произведенных в 1939 г. и приведших к открытию галло-римской сельской виллы. Сооружения виллы и план принадлежащего к ней поместья исследованы полностью.

J. Dupuis, Une tombe à char gauloise de la Tène I, стр. 62—68. Публикация галльского погребения эпох Латен I (500—300 гг. до н. э.), открытого близ Пон-Фаверже (департамент Марны) в 1938 г. Могила содержала два скелета, остатки колесницы, предметы конской упряжи (удила) и вооружения (длинный галльский меч, наконечник копья), а также и другие предметы обихода и украшения.

Tome XVII, Octobre—Décembre, 1940.

P. de La Coste, Notes sur les sculptures de Delphes, стр. 101—114. Этюды, посвященные некоторым скульптурам из дельфийских находок: сфинксу из сокровищницы наксосцев и фрагментированной архаической кариатиде из сокровищницы книдян.

A. Viré, La Quercy à l'époque romaine (Lot et partie du Tarn-et-Garonne), стр. 115—159. Обзор памятников галло-римской эпохи, известных в провинции Керси, области кадурциев, или кадурков,—племени, зависимого от более сильных соседей—арвернов. Автор описывает остатки театра в главном городе области, называвшемся в древности Дивона, и древний акведук, отчасти вырубленный в скале. Он тянется на 31,5 км и может быть отнесен в основе своей к I в. н. э. Автор отмечает кроме того остатки целого ряда римских вилл и военных дорог, пересекавших в различных местах область.

Ch. Picard, Représentation d'une école de philosophie à Athènes, стр. 159—160. Некоторые поправки к толкованию изображения на известном аттическом рельефе, изданном Конде (Die Attischen Grabreliefs, XVI, 1911, стр. 9, табл. 8) и представляющем учителя и учеников. Автор предполагает, на основании видимой на рельефе пинаки с изображением, похожим на букву у (мистический ипсилон пифагорейцев), что сцена изображает собрание некоего пифагорейского философского кружка.

R. Hausermann, Nouvelles découvertes archéologiques à Ibiza (Baléares), стр. 160—164. Краткое сообщение о раскопках более 3000 могил пунической эпохи на о. Ибисе (Балеары). Некрополь, расположенный в местности, именуемой Puig des Molins дает в большинстве случаев массовый материал, относящийся к поздне-архаической эпохе и состоящий из керамики, изделий из стеклянной пасты и терракоты, обнаруживающих на себе египетское, сирийское и греческое влияния. Отдельные могилы, однако, могут быть отнесены к более древнему времени. Автор публикует, в частности, четыре примитивных терракотовых фигурки, найденные не в могилах, а в специальных углублениях для приношений, датируемые им VIII—VII вв. до н. э. Фигурки имеют выраженные сиро-хеттские черты.

Tome XVII, Janvier—Mars, 1941.

M. Pillet, Les autels de l'«El-Karassi» (Syrie centrale), стр. 5—17. Публикация трех алтарей (находящихся в Эль-Карасси, in situ) или, как думает автор, двух пьедесталов статуй и одного фрагментированного алтаря—фиматерия, с рельефными изображениями снопов колосьев на одном и дерева, предназначенного для посадки, на другом. Все три монумента, расположенные по углам треугольника, имеют на себе стереотипные греческие и палмирские надписи, с посвящением Διὶ Ὀφέτῳ καὶ

ἐπιπόρῳ от властей Тадмора (Пальмиры). Судя по дате, сохранившейся на одном из пьедесталов (21 марта), статуи и алтарь сооружены в день весеннего солнцестояния, в ознаменование весеннего сельскохозяйственного праздника.

W. Deonna, *Gloire et tares de l'art grec*, стр. 18—36. Статья посвящена общим эстетическим вопросам греческого искусства. Автор определяет принципы греческого реализма, религиозной, бытовой и т. п. утилитарности греческого искусства, его эстетической свободы по сравнению с искусством восточным—в чем усматривает главную причину совершенства греческого искусства.

A. Merlin, *Ala VII phrygum*, стр. 37—39. Автор протестует против попытки M. Durry (REL, 1938, стр. 477) отрицать правильность чтения надписи, найденной в 1938 г. в Lugdunum Convenarum (St. Bertrand-de-Comminges) и содержащей текст: [ala] VII Phrygum; Дюрри предлагает VII исправить на VLP (ia), в опровержение чего автор приводит ряд эпиграфических упоминаний 7-й фригийской алы.

A. Merlin, *Le mithraeum de Santa Prisca à Rome*, стр. 40—45. Описание, на основании данных, появившихся в ватиканской печати, нового митреума, открытого на Авентине в 1937 г., среди развалин большого здания, типа дворца, II в. н. э. Митреум дал ряд находок скульптуры с изображениями, обычными для культа Митры (Митра тавроктон, Каут и Катопат и т. д.). Кроме того, подобно митреуму в Дура-Эвропос, впервые в Италии, этот митреум сохранил следы живописи на стенах, с изображением культовых сцен с латинскими подписями. Митреум разрушен в IV в. н. э., когда над ним была выстроена христианская базилика Santa Prisca.

R. Lantier, *La tombe royale de Sutton Hoo*, стр. 46—57. Сообщение, на основании данных, появившихся в английской периодике, о раскопках кургана в Sutton Hoo (Суффолк), где было обнаружено англо-саксонское погребение VI—VII ст. в деревянном гребном судне длиною в 27 м (от которого сохранился лишь след в почве), содержащее целый ряд драгоценных приношений: золотые украшения, серебряные чаши, каменный скульптурный скипетр с бронзовым навершием и др. (см. ВДИ, 1946, № 2, стр. 143).

J. J. Hatt, *Sur quelques monuments funéraires gallo-romains des Pyrénées*, стр. 58—70. Публикация примитивных саркофагов, могильных памятников и стел римского времени, происходящих из французских Пиренеев. Некоторые из них снабжены латинскими надписями. Изображениями, наиболее распространенными, являются парные портреты в рельефе.

R. Lantier, *La grotte de Lascaux à Montignac (Dordogne)*, стр. 73—77.

Предварительная публикация рисунков, обнаруженных в 1940 г. в гроте Ласко близ Монтиньяка, в Дордони. На стенах грота прекрасно сохранились изображения длиннорогого быка, лошадей, лошадей типа «шотландских пони». Кроме того, обращает на себя внимание охотничья сцена, представляющая раненого копыем в живот бизона, с выпадающими внутренностями, бросающегося на лежащего перед ним человека. Близ человеческой фигуры—копыетатель и щест с навершием в виде птицы. Сцена, по мнению автора,—погребального характера.

Tome XVII, Avril—Juin, 1941.

G. Contenu, *Les fouilles en Asie Occidentale (1939—1940)*, стр. 149—168. Обзор археологических работ в Западной Азии касается преимущественно раскопок Дюнана в Сидоне, французской миссии в Шапоре (Иран)—столице сасанидов, расположенной недалеко от Шираза, в Рас-Шамре и в Мари. Автор касается также вскользь новейшей публикации фресок древней синагоги, открытой в Дура-Эвропос.

H. Van Effenterre, *Le sommier d'Ulysse*, стр. 169—175. В XXIII песне Одиссеи (стих 201), в рассказе Одиссея Пенелопе о том, как он соорудил брачное ложе, речь идет о ἰμάτιν βοός, что переводят обычно как «ремень», и комментаторы затрудняются определить его применение. Раскопки в Олonte привели к обнаружению двух субмикенских (XII ст. до н. э.) саркофагов, с погребальными ложами, снабженными

поперечными планками, соответствующими, по мнению автора, «ременному матрацу» описанного в Одиссее ложа.

G. D a u x, *Le serment de Platées*, стр. 176—183. Автор рассматривает текст присяги, принесенной афинянами перед битвой при Платее, сохраненной в речи Ликурга против Леократа у Диодора (XI, 29) и с некоторыми вариантами на стеле IV в. до н. э. в 1938 г., найденной и опубликованной Л. Робером.

Историки считают эту присягу апокрифической. Автор находит возможным признать ее подлинность с теми оговорками, что некоторые ее детали подверглись в более позднее время соответствующей литературной обработке.

J. B é q u i g n o n, *Observations sur l'affaire des Bacchanales*, стр. 184—198. В статье рассматриваются причины, вызвавшие известную резкую реакцию со стороны римских властей против Вакханалий, в начале II в. до н. э. Автор приходит к выводу, что наиболее существенной стороной Вакханалий (как и вообще мистерий) являлась их популярность на юге Италии, где позиции Рима были еще не особенно прочны.

G. D r i o u x, G. P a r m e n t i e r e t J. M u l s o n, *Substructions gallo-romaines de l'Échenot*, стр. 199—206. Публикация открытых раскопками, начатыми в 1929 г., остатков большого здания (сохранилось 6 помещений) в местности Эшено, близ Бурга (Кантон Лошжо). Определение назначения этого сооружения—дело будущих исследований.

P. Q u a r r é, *Une façade romaine découverte à Aurillac*, стр. 207—216. Публикация части фасада (позднее застроенной) древнего аббатства в Орийяке в Оверни, где сохранились три арки с четырьмя парами колонн и фигурных капителей. Постройка относится к XI в. н. э.

Tome XVIII Juillet-Septembre 1941.

N. P l a o u t i n e, *Le peintre des hydries dites de Caeré*, стр. 5—21. Детальный анализ так называемых черетанских гидрий—группы архаических расписных сосудов, датированных концом VI ст. до н. э., место производства которых усматривали в Цере. Автор приходит к выводу, что художник, расписавший эти вазы, равно как и вазы так называемого «понтйского стиля», был грек и что мастерскую его надо искать в Малой Азии, где-то в районе Клазомен.

M. L a u n e y, *L'athlète Théogène et le ἱερός γάμος d'Hérakles thasien*, стр. 22—49. Исследование, посвященное выяснению обряда «священной свадьбы» в культе фессосского Геракла, которого автор считает не идентичным греческому герою и сближает его с восточными и, в первую очередь, финикийскими божествами. Ближайшие параллели к обряду *ἱερός γάμος* автор находит в соответствующем ритуале аттических антестерий.

A. B r i s s o n, *Deux sépultures du début de l'âge du fer en Champagne*, стр. 50—68. Публикация двух погребений, открытых раскопками 1940 г. близ Эжюри ле Репо (Марна), около остатков древнего поселения с следами неолитических, гальштатских и латинских слоев. Погребения содержали, помимо скелетов плохой сохранности, бронзовые и железные браслеты в форме зубчатых колес, относимые автором, признающим предварительный характер его датировки, к эпохе Гальштат II B (VI в. до н. э.).

C h. P i c a r d, *Propos archéologiques sur les prétendus «coqs sassanides»*, стр. 69—120. Полемическая статья, направленная против М. Пфистера «Coqs sassanides» (*Revue des arts asiatiques*), XII (1938), где Пикар касается различных вопросов звериной орнаментики в иранском искусстве сассанидской, равно как более ранней и более поздней эпох. В частности, он усматривает, что птицы, изображенные на сцене охоты рельефа в Так-и-Бостане, равно как и птицы на ряде египетских тканей и в иранской и византийской орнаментике, в большинстве случаев—утки, в редких случаях—хищные птицы и лишь в редчайших—действительно петухи.

E. d e S a i n t - D e n i s, *La vitesse des navires anciens*, стр. 121—138. Исследование, посвященное установлению средней скорости морских судов в древности. Автор поддерживает мнение тех историков мореплавания, которые склонны допустить

в древности сравнительно большие скорости—до 10—12 км в час, при условии пользования парусами. Он протестует против мнения Лефебр де Нозтта, считавшего, что вследствие плохого управления древние суда были обречены на каботаж, весьма удлинявший их плавание. Рассматривая ряд фиксированных у древних авторов сроков путешествий, он демонстрирует известный прогресс древнего мореплавания, высшая точка которого приходится на I—II в. н. э.

Tome XVIII, Octobre-Décembre, 1941.

P. R o u s s e l, Sur quelques inscriptions attiques, стр. 209—232. Поправки и сообщения к тексту новоопубликованных греческих надписей, в том числе: к списку афипских архонтов VI в. до н. э. («Hesperia», VIII) и декрету о мире 338/7 г. между Афинами и Филиппом, как думает издатель («Hesperia», VII), или 374 г. до н. э. между Афинами и Спартой, как поправляет Руссель.

A. F r o l o w, Deux inscriptions sur des reliquaires byzantins, стр. 233—242. Публикация двух стихотворных посвящений членам византийского императорского дома, начертанных—одно на серебряной раке для мощей XI ст. н. э., принадлежащее, как думает автор, перу придворного поэта Николая Каликлеса, и второе—на триптихе ставротеки XIII ст., написанное Мануилом Филесом, автором большого числа подобных посвящений.

Tome XX, Octobre-Décembre, 1942—43.

C h. P i c a r d, Une peinture de vase lemnienne archaïque d'après l'Hymne de Démodocos: Odyss., VIII, 265 сл., стр. 97—124. Анализ рисунка на архаическом лемносском кратере, с изображением Ареса и Афродиты, подстерегаемых Гефестом, навеянного повествованием певца Демодока из VIII песни Одиссеи. Автор исследует также корни культа Гефеста на о. Лемносе и приходит к выводу о его восточном происхождении.

J. B a b e l o n, Le voile d'Europe, стр. 125—140. Исследование, посвященное монетным и скульптурным изображениям похищения Европы,—миф, приводимый автором в связи с одним из пассажей новооткрытых текстов Рас-Шамры, в которых бог Эл идентифицируется с критским (кафторским) быком. Автор прослеживает также процесс превращения на памятниках искусства вуали над головой Европы в серп луны, равно как и превращение самой Европы в лунарное божество, после того как греческая легенда поставила ее в связь с Зевсом.

R. L a n t i e r, Découvertes nouvelles à Antremont, стр. 141—151. Публикация 13 фрагментов скульптур, найденных в 1943 г. на возвышенности Антремона в департаменте Устье Роны. Эти обломки кельтской скульптуры (2 мужских торса, 4 мужских и женских головы) относятся к императорскому времени, но позволяют судить о древней традиции кельтской скульптуры и о связях ее с искусством Северной Италии и Этрурии.

A. M e r l i n, Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine, стр. 152—190. Обзор и републикация (с критическим комментарием) новооткрытых латинских надписей, содержащихся в периодических и других изданиях, появившихся в свет на протяжении 1942—43 гг.

Tome XXI, Janvier-Mars, 1944.

L. L e r a t, Dédicace archaïque de Delphes, стр. 5—14. Публикация фрагмента венчика бронзового лебета, имеющего на себе обрывок текста о посвящении лебета в Дельфы. Текст написан с употреблением весьма архаического алфавита, имеющего некоторые параллели в алфавите, найденном в Марсилиане д'Альбеня в Этрурии (придыхание). В общем же он близок древнейшему лаконскому алфавиту и может быть датирован рубежом VII—VI ст. до н. э.

J. R o g e r e t H. v a n E f f e n t e r r e, Krisa-Kirra, стр. 15—20. Авторы рассматривают вопрос о локализации древних населенных пунктов Крисы и Кирры в Фокиде, в связи с эпизодом истории первой священной войны, во время которой мифическими было разрушено древнее оселение, переменившее по разрушении не

только место, но и наименование. Таким образом, Криса, локализуемая на холме Агнос Георгиос, заступила место Кирры, локализуемой в Хейропигадо.

J. Formigé. L'autel aux cygnes d'Arles et la thymélé dans les théâtres gréco-romains, стр. 21—35. В греческих театрах в центре оркестра помещался алтарь или цоколь (θυμῆλη) для портативных статуй. Автор показывает, что в театре г. Арля имелся такой же постамент, украшенный рельефами, с изображением лебедей и гирлянд и что подобные же постаменты имелись в некоторых нишах pulpitum'a.

J. Bérard, Remarques sur les origines sacerdotales de l'épos homérique, стр. 35—44. Критика труда М. Отрана (M. Aulagnier, Homère et les origines sacerdotales de l'épopée grecque, I—II, 1938—39), основывающегося на том, что дактилический гекзаметр и так называемые гомеровы гимны—культового происхождения. Отсюда Отран, посредством распределения гомеровской традиции по храмам и культовым местам отдельных героев, пытается вывести ритуально-жреческое происхождение всего греческого эпоса. Автор протестует прежде всего против аргументации, основанной на гомеровских гимнах—памятниках, более поздних, нежели эпос, и возникших, возможно, под его непосредственным влиянием, а не наоборот.

Tome XXI, Avril—Juin, 1944.

R. Martin, Sur deux enceintes d'Arcadie, стр. 97—114. Автор изучает некоторые оборонительные сооружения и форты Аркадии (в частности, укрепления Горгиды, публикуемые в этой статье) как звенья в цепи укреплений Мегалополя. Отдельный обзор посвящен хронологии оборонительных сооружений аркадского Орхомена, которые с различными позднейшими перестройками относятся, по мнению автора, ко второму десятилетию IV в. до н. э.

J. Le Gall, Les bas-reliefs de la statue du «Tibre» au Louvre, стр. 115—137. В этой статье, являющейся лишь частью исследования, посвященного статуе Тибра из Луврского музея, произведена публикация и идентификация некоторых грубых и примитивных барельефов, высеченных на пьедестале статуи. Барельефы, как доказывает автор, являются иллюстрацией к рассказу Энеиды о первых днях пребывания Энея в Италии и изображают «Новую Трои», пенатов, божества озер, расположенных близ позднейшей Остии, и т. п.

Tome XXII, Juillet—Septembre, 1944.

Ch. Picard, Teisicratès de Sicyone et l'iconographie de Démétrios Poliorcètes, стр. 5—36. Публикация и идентификация бронзовой статуэтки неаполитанского музея, представляющей задрапированную в плащ мужскую фигуру, одной ногой опирающуюся на скалу, как копии портретной статуи Деметрия Полиоркета, работы Тейсикрата из Сикиона, ученика Эффикратиды (школа Лисиппа). Основанием для идентификации послужили монеты Полиоркета, с изображением названной статуи на реверсе. К числу портретов Деметрия Полиоркета автор причисляет также мраморный бюст из Геркуланума (вилла Пизонов) и мраморную голову портретной статуи из Кум в Стамбульском музее.

J. Le Gall, Les bas-reliefs de la statue du «Tibre» au Louvre, стр. 39—55. Дальнейшая публикация рельефов на пьедестале статуи «Тибра»: приводятся воспроизведения и истолкование рельефов, изображающих суда, подвозящие строительные материалы для «Новой Трои», сцены выгрузки мраморных блоков с корабля на берег и, наконец, рельефов, изображающих животных (лошадей и овец), пасущихся на берегах Тибра.

Tome XXII, Octobre—Décembre, 1944.

Fr. Vian, Les Géants de la Mer, стр. 97—117. Исследование, посвященное культу Посейдона Герайстия в Калаврии, на мысе Тенар, в Трезене и других местах. Автор показывает, что Герайстий—божество титанического характера, имеет древние «пеласгические», доэллинические корни. Культ его, по характеру своему, сходен с культом Зевса Пелория в Фессалии и с культами других титанических божеств, связанных с празднествами типа римских сатурналий.

A. Pigniol, *Le Marsias de Paestum et le roi Faunus*, стр. 118—126. По поводу находки на форуме Пестума в 1933 г. статуи Марсия, представляющей собой копию статуи Марсия, стоявшей на римском форуме, автор выдвигает следующую гипотезу: статуи Марсия (отожествленного с богом-царем Фавном) на форумах городов в Италии и провинциях обозначают известные привилегии, полученные колониями или муниципиями от Рима. В частности, статуи Марсия засвидетельствованы в некоторых городах, пользовавшихся *ius italicum*.

F. Robert, *L'orientation chez Homère*, стр. 127—134. Подробный реферат докторской диссертации Ж. Гийандра, посвященной вопросам ориентации у Гомера. В частности автор останавливается детально на гомеровских определениях «правого» и «левого» для южного и северного направления, свидетельствующих об обязательном обращении ориентирующегося лицом на восток.

P. Francastel, *Sculpture gallo-romaine et sculpture romaine*, стр. 134—149. Исследование, посвященное установлению преемственности между галло-римской и романской пластикой.

A. Merlin, *Revue des publications épigraphiques relatives à l'antiquité romaine*, стр. 150—183. Обзор новонайденных латинских надписей (а также и греческих, касающихся римских дел), появившихся в периодических и других изданиях на протяжении 1944 г.

Tome XXIII, Janvier—Juin, 1945.

R. Lantier, *Autour d'un centenaire (1844—1944)*, стр. 5—26. Исторический очерк существования «*Revue Archéologique*» на протяжении столетия, постепенное формирование его разделов, обзор важнейшего опубликованного материала, перечень и характеристика основных сотрудников.

J. Jannoy, *Le peuplement de la Phocide maritime aux hautes époques*, стр. 27—54. Исследование, посвященное доистории Дельф. Автор рассматривает результаты, добытые раскопками древнейших поселений Фокиды—Кирры и Крисы, первое из которых существовало с древнеэлладийского периода. Автор обращает особенное внимание на наличие северобалканских влияний и пытается проследить «волны миграций» древнейшего населения Греции с севера на юг.

F. Chamoux, *L'école de la grande amphore du Dipylon*, стр. 55—97. Пространное исследование, посвященное дипилонским вазам, с точки зрения авторства исполнявших их керамистов. В противоречие с исследованием Г. Ноттбом (JDAI, 1943), считающим возможным говорить об отдельных мастерах, стилистически различаемых на дипилонском материале, автор допускает лишь возможность существования определенной керамической школы, для которой характерны большие дипилонские амфоры.

В заключение автор указывает на известные черты близости изображений на дипилонских вазах к тексту «Илиады».

H. Lamagge, *La cachette de fondeur de Longueville (Seine et Marne)*, стр. 98—115. Публикацияклада бронзовых вещей, найденного в 1938 г. близ Лонгвиля. В глиняном сосуде, содержавшем 12,5 кг бронзовых вещей, имелись серпы типа серпов швейцарских свайных поселений, топоры à talon и à aileron, кинжалы, мечи à languette, втульчатый наконечник копья, браслеты, кольца, булавки и бронзовые слитки—обстоятельство, убеждающее автора в том, что клад был зарыт мастером-бронзолитейщиком. По составу предметов клад датируется эпохой поздней бронзы (конец II тысячелетия до н. э.).

R. Reu, *Les peintures de l'ancien palais abbatial de Moissac*, стр. 116—121. Публикация изображений, сохранившихся на своде капеллы аббатства в Муассак. Изображения эти: древо жизни, богоматерь с младенцем и апостолы, датируются концом XII ст.

«Sbornik Narodního Musea v Praze» (Acta Musei Nationalis Pragae, vol. I, Pars 2, 1939, A (Historia))

I. K v ě t, *Myslenka naturalistických nádob od praveku do renesance*, стр. 121—156. Исследование, посвященное истории развития фигурных сосудов (ритонов, чаш, бокалов и т. п.) от первобытного времени до эпохи Ренессанса. Автор прослеживает стремление к натурализму как тенденцию, диаметрально противоположную тенденции к геометризации форм и орнаментики сосудов.

B. S v o b o d a, *Čechy v době stěhování národů*, стр. 157—200. Публикация материала, происходящего из частично потревоженных и разрушенных могил некрополя Прага-Кобылицы, открытого в 1930—32 гг. Некрополь относится к эпохе переселения народов (V—VI вв. н. э.) и содержит типичный для этого времени материал: предметы вооружения, серебряные и железные арбалетные фибулы, глиняную и стеклянную посуду. Некрополь, по своему скромному и типичному для некоторых соседних чешских некрополей инвентарю, должен быть отнесен к местному населению. Он обнаруживает некоторое влияние соседних культур эпохи раннего средневековья в южной и юго-западной Германии.

J. N e u s t u p n ý, *Poklad Bronzů na Dreveníku ve Spiši*, стр. 201—219. Публикация клада бронзовых вещей в количестве около 200, найденных в 1932 г. близ Древеника в верхнем крае глубокого обрыва при раскопках неолитического поселения. Клад относится к эпохе поздней бронзы и содержит, наряду с орудиями (кельты и пальштабы), большое количество предметов обихода и украшений: спиральные палочотники со спиральными же дискообразными приделками, разомкнутые, треугольные в сечении браслеты, нашивные бляшки разных форм, булавки с простейшими навершиями и т. п. Вещи должны быть датированы последними столетиями II тысячелетия до н. э.

«Apulum», Buletinul 'Museului Regional Alba Julia, I (1939—1942)»

D. B e r c i u, *Ustensiles en cuivre et en bronze d'origine transylvaine: haches de type Baniadic*. Публикация бронзовых (и медных) топоров типа, переходного от плоскообушных к вислообушным, эпохи средней бронзы (1700—1500 гг. до н. э.), происходящих из Трансильвании, с центром производства в Баниябике. Автор прослеживает трансильванские топоры вплоть до Эпира и находит на Крите параллельные формы. Влияние этих форм отмечается им также и на юге СССР.

J. B e r c i u, *Le dépôt en bronze d'Ighiel (dép. d'Alba)*, стр. 21—38. Публикация клада, состоящего из двух бронзовых боевых топоров, с удлинненными втулками и шляпками на обушках (типа венгерских), и четырех спиральных браслетов. Клад найден в 1938 г. близ деревни Иггель, департамента Альба, и датируется автором, по аналогии с подобными же находками на территории Венгрии, 1500—1300 гг. до н. э. Топоры украшены богатым геометрическим орнаментом.

D. B e r c i u, *Haches en cuivre à double tranchant: leur typologie et leur origine*, стр. 39—71. Автор изучает типологию и распространение двулезвийных бронзовых топоров и топоров с тупым молоткообразным обушком, распространенных преимущественно в странах центральной Европы. Он оспаривает их эгейское (критское) происхождение, указывая их прототипы в румынском и венгерском энеолите (в изделиях из рога и вотивах из глины). Центром распространения подобных орудий является, по мнению автора, Трансильвания.

M. M o g a, *Une nouvelle découverte scythique en Transylvanie*, стр. 72—79. Публикация четырех скифских погребений, случайно открытых в 1938 г. в предместье городка Blaj. «Скифского» в этих погребениях—одни лишь наконечники стрел ранних типов. Кроме того, приведены изображения двух «погребальных урн», золотая гривна или браслет с конусообразными концами и костяная проемка. Единственный из

обнаруженных костяков—скорченный. Автор считает эти погребения этапом на «скифском пути» в долине р. Таркавы.

D. Berciu, Le dépôt en bronze d'Orăştie, стр. 80—97. Публикация клада, найденного в 1934 г. в городе Orăştie (департамент Гунедоара) и хранящегося в венском Естественно-историческом музее. Клад относится к позднегалльштатской эпохе.

C. Daicoviciu, Zur Frage der Iasygen im Banat, стр. 98—109. Автор polemизирует с А. Альфельди, утверждавшим в своих работах, что провинция Банат в эпоху заселения ее роксоланами и язигами не принадлежала к Римской империи и оставалась *extra provinciam*. По мнению автора, язиги жили в северной части венгерской низменности, близ квадов и германцев, Банат же оставался дакийским, в доказательство чего автор привлекает значительный археологический материал. Изучая римские остатки в Добрудже, он касается и так наз. «Траянова вала», который относит не к римской, а скорее к более ранней эпохе.

M. Mascara-I. Berciu, Deux trésors monétaires de Dacie supérieure, стр. 110—202. Публикация двух кладов серебряных римских монет республиканской эпохи, найденных в Трансильвании близ деревни Августин, в департаменте Тарнова-Маре, и близ деревни Тибру, в департаменте Альба. Первый из кладов содержит 294 монеты и датируется 217—37 г. до н. э.; автор связывает его с сарматским нашествием в первой половине I в. н. э. Позднейшей монетой второго клада, сохранившегося лишь частично, является денарий 11/10 г. до н. э.

Al. Bărcăcilă, L'or de la Transilvanie dans les dépouilles avariennes de Charlemagne, стр. 203—227. В связи с историей войн Карла Великого с аvaraми (794—801 г.), отдавших в руки франков несметные аварские сокровища, автор предпринимает детальное историко-географическое исследование аварских передвижений, совершавшихся путем народных переселений и военных походов на территории Дакии с VI по XI в. н. э.

Автор устанавливает на основании анализа данных Иордана и Равеннского анонима, что наименование *Dacia minor* прилагалось к территории современной провинции Банат, а центром ее была Друбета. Автор устанавливает также, пользуясь данными Равеннского анонима, первоначальную территорию, занятую на Дунае болгарами после крушения аварской державы.

Л. Е.

«The Journal of Hellenic Studies» Vol. LXIV, 1944¹

G. Murray, Reactions to the Peloponnesian War in Greek Thought and Practice, стр. 1—9. Автор сравнивает в начале статьи три великих тридцатилетних войны, которые пережила Европа в течение своей истории: Пелопоннесскую, Тридцатилетнюю (1618—1648 гг.) и период между 1914—1945 гг. Основным предметом исследования является реакция, вызванная Пелопоннесской войной в мышлении греков IV в. Автор подчеркивает, что отношение Платона и Аристотеля к войне, как вполне нормальное состояние человечества, вызвано и предопределено послевоенным психозом первой половины IV в. Реакция на военный угар привела сначала к торжеству идей равенства всех греков, а затем и варваров, нашедшему свое идейное выражение в философии не только стоиков, но и эпикурейцев. Сравнение международной обстановки в IV в. до н. э. с нашим временем приводит автора к выводу, что греческие государства были чересчур слабы для установления всеобщего мира, в то время как Объединенные нации после победы над гитлеризмом в состоянии гарантировать «мир во всем мире», «так как имеют в настоящее время возможности выполнить свое великое обещание, если только останутся объединенными».

¹ Журнал вышел в свет 8/V 1946 г. Обзор JHS за 1939—1943 гг. см. в ВДИ, 4(18) за 1946 г., стр. 134—138.

F. W. Wallbank, *The Causes of Greek Decline*, стр. 10—20. Автор анализирует причины упадка античного общества вообще, а греческого мира в частности, отмечая актуальное значение этой проблемы особенно «для нашего поколения, которое жило в период экономического, политического и идейного напряжения (*upheaval*) даже до того времени, как бомбы начали превращать наши города в развалины». Волбэнк полемизирует с известной точкой зрения Ростовцева на причины крушения античного мира и отмечает ряд противоречий в построениях Ростовцева. Основной причиной падения как эллинистического мира, так и Римской империи автор считает то обстоятельство, что «экономика эллинистического мира и, позднее, Римской империи базировалась на низком уровне техники и такой форме эксплуатации, которая не поощряла и не давала возможностей для прогресса техники» (стр. 19). «Экспансия Александра и его наследников, а также консолидация, проведенная Августом и Адрианом—все они тормозили процесс упадка и облегчали частичное восстановление. Но реальные причины ни разу не были вырваны с корнем, и некоторое время спустя процесс упадка возобновлялся. В конце концов, приток рабов иссяк, и Западная империя стабилизировалась на низком уровне, ее производство очутилось в руках крепостных (*serfs*) и усталых ремесленников, а ее правительство превратилось в окостеневшую бюрократию» (стр. 20).

H. J. Bell, *An Egyptian Village in the Age of Justinian*, стр. 21—36. Автор дает краткий очерк истории нахождения значительного количества папирусов в деревне Ком-Ашкав, расположенной недалеко от Люксора, на запад от Нила. Согласно папирологическим данным, Ком-Ашкав в династический период был столицей десятого нома Верхнего Египта, а в эллинистическую и римскую эпоху носил название Афродитополя. Папирусы характеризуют крестьянский быт начала VI в. н. э. На примере злоключений некоего Диоскора автор ярко описывает тяжелый фискальный гнет, которому подвергались египетские крестьяне во время Юстиниана.

F. Jacoby, *Patrios Nomos; State Burial in Athens and the Public Cemetery in the Kerameikos*, стр. 37—60. В большой статье устанавливается время введения в Афинах обычая общественных похорон граждан, погибших в бою за границами Аттики,—так называемого *Patrios Nomos*. Вопреки свидетельству Фукидида, автор доказывает, что этот обычай не был установлен Солоном, а возник во время войн V в. как показатель развития афинской демократии. Автор объясняет расхождение рассказа Фукидида и описания Павсания тем, что Фукидид сообщает о самой церемонии погребения, в то время как Павсаний дает описание кладбища в Керамике.

A. D. Ure, *Red-Figure Cups with Incised and Stamped Decoration*, II, стр. 67—77. Продолжение статьи того же автора в JHS, LVI. В настоящей, заключительной части исследования автор дает публикацию аттических краснофигурных чаш начала IV в. Статья иллюстрирована 10 рисунками в тексте и 7 таблицами. В числе иллюстраций даны фотокопии нескольких чаш, хранящихся в Гос. Эрмитаже в Ленинграде.

I. J. Dugabin, *Archaeology in Greece, 1939—1945*, стр. 78—98.

В разделе *Notes* помещено посмертное исследование одного из крупнейших английских эпиграфистов R. P. Austin'a под названием «*Athens and the Satraps Revolt*» в 362—360 гг. до н. э. В работе Остина, восполненной несколькими примечаниями М. N. Tod'a, анализируются в основном две надписи: IG II², 141, посвященная афинскому декрету в честь Стратона, царя Сидона, а также IG II², 119, трактующая о посещении Афин послами Тахоса египетского. Анализ шрифта и формулировок надписи дал Остину возможность уточнить датировку IG II², 141, примерно, 360 г. до н. э.

H. W. Parke в заметке «*A Note on the Topography of Syracuse*» уточняет местонахождение *Trogilus* и этимологическое значение этого слова. Заметка иллюстрирована планом Сиракуз и их окрестностей.

P. Treves рецензирует в заметке под названием «*The Problem of a History of Messenia*» вышедшую в 1941 г. докторскую диссертацию С. A. Roebuck'a «*A History of Messenia from 369 to 146 B. C.*».

Я. Л.

«*Bulletin of the American Schools of Oriental Research*».

N 99, October, 1945.

J. A. Wilson, Albert Ten Eyck Olmstead, 1880—1945, стр. 3—4. Некролог профессору А. Т. Э. Олмстеда, известного работами по истории Ассирии и Сирии.

W. F. Albright, George Bicker Berry, 1865—1945, стр. 5. Некролог профессору Школы восточных исследований в Иерусалиме семитолога Дж. Б. Берри.

L. H. Wood, The Kahun Papyrus and the Date of the Twelfth Dynasty, стр. 5—9. На основании анализа астрономического папируса из Кахуна автор подтверждает правильность предположения Борхардта, что этот папирус относится к царствованию Сенусерта III, и устанавливает, что первый год царствования Сенусерта II относится к I Тота—6 декабря 1879 г. до н. э. (Юлианского календаря), а первый год Аменемхета I к I Тота—3 января 1991 г. до н. э.

W. F. Albright, An Indirect Synchronism between Egypt and Mesopotamia, circa 1730 B. C., стр. 9—18. Перевод статьи дан в ВДИ № 1 за 1947 г.

Edith Porada, An Unknown Representation of a Ziggurat, стр. 18—20. Публикация конической печати из коллекции Метрополитен-музея, датируемой VIII—VII вв. до н. э., и анализ изображения зикурата, представленного на этой печати.

Nelson Glueck, A Settlement of Middle Bronze I in the Jordan valley, стр. 7—16. Публикация результатов раскопок поселения конца III тысячелетия до н. э. в Tell Umm Hamad el-Gharbi (долина Иордана). Приложено 5 таблиц фотографий найденных керамических фрагментов.

W. F. Albright, The Chronology of Divided monarchy of Israel, стр. 16—22. На основании сопоставления данных библии о годах царствования царей Иуды и Израиля и установленных ранее синхронизмов между данными библии и данными ассирийских документов автор дает новую полную хронологическую таблицу царствования царей Иуды и Израиля с 922 по 722/I г. (год падения Самарии) и царей Иуды до 587 г. Автор считает, что устанавливаемые им даты могут считаться абсолютно правильными в пределах до 5 лет.

N 102, April, 1946

F. V. Winnet, A Himyaritic Inscription from the Persian Gulf Region, стр. 4—6. Публикация с транскрипцией и переводом надгробной надписи из окрестностей Ain Jawan'a, найденной в 1945 г. Надпись представляет собой одну из семи известных до сих пор арабских надписей, написанных химьяритским шрифтом, и датируется V—VI вв. н. э.

B. Maisler, Canaan and the Canaanites, стр. 7—12. В результате наблюдения над значением термина Кнпн в аккадских (тексты из Нузи), финикийских, хурритских, египетских и древнееврейских текстах автор приходит к выводу, что термин «хананеи» обозначает корпорацию людей, возглавлявших торговлю пурпуром (например, в текстах из Нузи «klannahhu» значит «красный пурпур»). Что же касается слова «Ханаан», то автор считает его производным от «хананеи» и вошедшим в употребление не ранее XV в. до н. э.

Thorkild Jacobsen, New Sumerian Literary Texts, стр. 12—17. Обзор издания «Sumerian Literary Texts from Nippur in the Museum of the Ancient Orient at Istanbul» by S. N. Kramer, New Haven, 1944, VIII, 47 p., 94 pls.

Thorkild Jacobsen, Mathematical Cuneiform Texts, стр. 17—19. Обзор издания «Mathematical Cuneiform Texts», ed. by O. Neugebauer and A. Sachs, with a chapter by A. Goltze, New Haven, 1945, X + 177 p., 49 pls.

W. F. Albright, The river Jordan, стр. 19. Рецензия на книгу Nelson Glueck «The river Jordan», Philadelphia, The Westminster Press, 1946, XVI + 268, with 113 ill. in text.

Н. П.

Серебряный кубок из раскопок в Триалети

В тематике древнейших кавказских изделий из металла ведущее место занимают изображения животных. Изучение этих памятников с животными мотивами выявляет наличие особого стиля, который мы имеем полное право назвать «кавказским». Последнее обстоятельство, несомненно, имеет большое значение для общей истории изобразительного искусства.

Наиболее раннее проявление «кавказского» стиля мы находим в художественных изделиях знаменитого Майкопского кургана¹, датируемого рубежом III и II тысячелетия до н. э. Большинство ученым относит инвентарь Майкопского кургана, особенно две серебряные чаши с изображением животных, к кругу памятников древнейшего периода из южной Месопотамии, кавказское же происхождение их считают сомнительным. На первый взгляд указанное предположение кажется правдоподобным. Действительно, изображения животных на обеих Майкопских чашах отличаются своеобразным натурализмом движений и поз, в них отсутствуют мелкие детали, они характеризуются художественным обобщением. Все это черты типичны для искусства южной Месопотамии. В Майкопском же кургане найдены фигурки быков, украшавшие шести погребальный балдахин; легкий наклон головы, украшенной длинными рогами своеобразной формы, движение ног и подчеркнутость форм тела придают их фигурам своеобразную экспрессию. Черты этого же стиля мы находим на маленьких золотых пластинках, изображающих сыков и львов, украшавших в виде декоративных нашивок погребальный балдахин Майкопского кургана. Изображения животных на серебряных чашах из Майкопского кургана стилистически родственны памятникам раннего искусства из южной Месопотамии.

На горлышке одного из Майкопских серебряных сосудов изображен Кавказский хребт с двумя вершинами: Эльбрусом и Казбеком. В промежутке между началом и концом схематического изображения горного хребта даны два дерева, между которыми стоит изображенный в профиль медведь, тянущийся к ветви дерева. Деревья и медведь, по всей вероятности, указывают на то, что склоны гор покрыты лесами, в которых обитают медведи. От горного хребта берут начало две реки: спускаясь в виде извилистой ленты, они впадают в море. Море представлено на дне сосуда. В средней части сосуда изображены в один ряд идущие животные: онагр, лев и два быка, последние обращены друг к другу. Над изображением онагра в небе видна фигура плавающей птицы, другая птица расположена над львом. Вокруг изображения моря идет другой ряд животных: тур, тигр (барс), козерог и вепрь. Животные даны в профиль, схематично; манера передачи движения и общий стиль напоминают ранние памятники искусства южной Месопотамии. Мастер главное внимание уделяет правильной передаче общих масс фигуры; он часто опускает мелкие детали; его осо-

¹ Б. Фармаковский, Архаический период в России, «Материалы по археологии России», вып. 34, II, 1916.

бленно интересует передача движения. Глаза и шерсть животных он передает обобщенно и схематично. Те же приемы можно наблюдать в передаче горного хребта. При всей схематичности и обобщенности рисунка горного хребта все же ясно выделяются две основные вершины с характерными профилями Казбека и Эльбруса.

Художественные изделия Майкопского кургана отмечены наличием единого художественного стиля, который в основном представляет собой любопытное сочетание натуралистических тенденций с приемами обобщений и схематической трактовки художественной формы. Для общей истории изобразительного искусства Майкопская чаша с изображением горного хребта имеет исключительное значение как один из

Рис. 1.

Рис. 2.

древнейших памятников искусства, сохранивший изображение пейзажа, отражающего определенную местность.

Изображения животных на серебряном кубке (рис. 1 и 2) и серебряном в дерке (рис. 3—4) из Триалети, датируемых серединой II тысячелетия до н. э., по стилю тесно примыкают к художественным изделиям из Майкопского кургана и по существу представляют яркий образец дальнейшей эволюции этого стиля, следующий этап исторического развития одного и того же художественного явления. Как было отмечено, триалетские археологические раскопки проливают яркий свет на древнейшую культуру Грузии и дают возможность увязать обособленную до сих пор культуру Майкопского кургана с Закавказьем и проследить ее дальнейшее историческое развитие.

Триалетские раскопки, организованные Отделом охраны памятников культуры Грузии в 1936—1940 гг. под руководством проф. Б. А. Куфтина, имеют огромное значение для изучения древнейшей культуры всего Закавказья в целом. Монография Б. А. Куфтина¹, опубликованная Академией Наук Грузинской ССР, представляет собой первую научную попытку периодизации добытых археологических материалов с установления их относительной и абсолютной хронологии.

Исследования показали, что средняя и верхняя долина реки Храма была довольно густо заселена с древнейших времен и сохранила многочисленные памятники древней-

¹ Б. Куфтин, Археологические раскопки в Триалети, Тбилиси, 1941;

пей материальной культуры и искусства, которые открывают новый этап истории не только Грузии, но и всего Закавказья. Особо надо выделить инвентарь курганных погребений, из которых наиболее ценный материал обнаружен в курганах эпохи средней бронзы. Все 42 кургана, обследованных Б. А. Куфтиным, представляют собой одиночные погребения, богаты по составу погребального инвентаря, особенно изделиями из драгоценных металлов; для всех указанных погребений характерно: полное отсутствие железа, редкость оружия (найлены бронзовое копье с серебряной

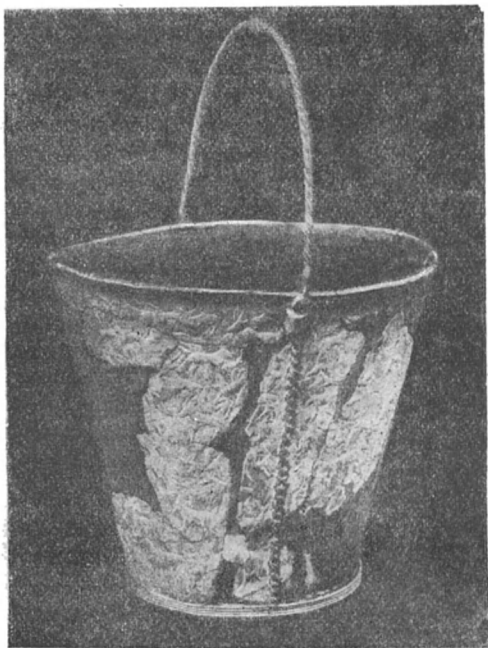

Рис. 3.

обоймочкой и серебряный кинжал—погребения XV и XVII), отсутствие лошади. В некоторых погребениях обнаружены деревянные четырехколесные колесницы архаического типа, предназначенные для воловьей упряжи. Вообще же надо отметить богатство расписной керамики и наличие большого количества художественных изделий из золота и серебра, украшенных зернью, древнейшего типа филигранью и иногда сложными композициями.

Учитывая все эти данные, мы имеем возможность датировать указанные памятники серединой II тысячелетия до н. э.

Необходимо при этом отметить, что те же черты стиля, на которые мы указывали при анализе изображений на серебряных чашах Майкопского кургана, ярко выступают в манере передачи животных на серебряном кубке и серебряном ведре из Триалети. Оба памятника обнаружены в местностях, достаточно удаленных друг от друга, но по стилю и по характеру всего археологического комплекса весьма близки, и, по всей вероятности, в хронологическом отношении расхождение между ними едва ли нужно считать значительным.

Самой значительной находкой среди инвентаря кургана Курух-таша является серебряный кубок (высотой 11 см, диаметром 9 см, весом 250 г), который был найден в августе 1938 г. археологом М. М. Иващенко. Чаша (рис. 1 и 2)—в хорошей сохранности, небольшие трещины на ножке и по середине чаши по нижней линии, отделяющей верхний фриз изображений от нижнего, получились от того, что во время обряда

погребения вместе с землей были брошены каменные глыбы, и чаша расплющилась. Но ее удалось реставрировать.

Чаша украшена двумя сложными композициями; нижний фриз с изображением животных заключен в рельефно линейное обрамление, идущее кругом по всей чаше; верхняя полоса нижнего фриза объединяет его с верхним; над верхним фризом дана полоса гравированного резцом линейного орнамента, разделенная двумя вертикальными полосками на одинаковые по размеру прямоугольники. Они заполнены нанесенным резцом косыми штрихами, направления которых в клетках противоположны

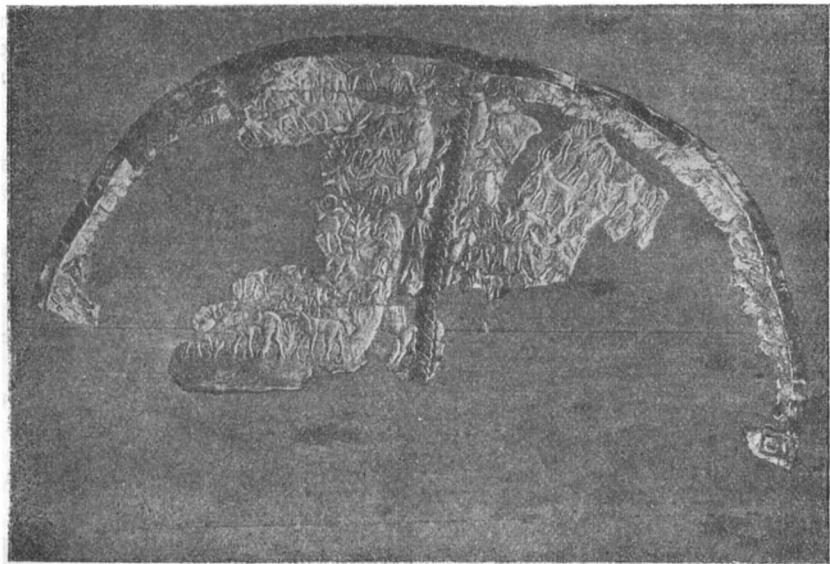

Рис. 4.

и чередуются: гравированный орнамент занимает поверхность чаши от обрамления нижнего фриза до ножки сосуда.

Мотив орнамента, дающего рисунок в виде ланцетовидных листьев, без рельефа, сам по себе очень древний и, несомненно, исходит из желобчатого декора шумерских чаш, относимых к династии Ура¹.

Орнамент на описываемой чаше дает лишь линейную схему декора, без рельефа и представляет более позднюю форму переработки древневосточной схемы орнамента, но вместе с тем сохраняет треугольное оформление верхней части каннелюр шумерских чаш.

Особенное значение имеют для истории искусства изображения верхнего фриза; в центре композиции на стоящем на возвышении постаменте (троне)-треножнике, скрепленном посередине, без спинки, восседает фигура, несомненно божество, держащая в правой поднятой руке чашу; левая рука, согнутая в локте, дана в ракурсе, кисть не видна; фигура изображена в $\frac{3}{4}$ к зрителю, голова—в профиль, вместо лица звериная морда. Костюм ассирийского покроя, но более короткий, приближается по форме к хеттскому костюму, от которого он отличается большим вырезом на груди; самое же главное отличие состоит в том, что отсутствует широкий «хеттский» пояс с металлической обивкой, столь распространенный в хеттском искусстве.

Ноги сидящей фигуры божества спереди прикрывает длинная отделка в виде бахромы, которая напоминает богатую отделку одеяний на ассирийских памятниках;

¹ G. Contenau, Manuel d'archéologie orientale, III, Paris, 1928, стр. 1551, рис. 959.

но в ассирийских изображениях ноги или совершенно закрыты длинным одеянием с богато расшитыми узорами, или открыты до колен; верхнее одеяние имеет спереди разрез, богатая отделка костюма видна лишь по бокам верхнего одеяния. Обувь—с загнутыми вверх концами, типичная для хеттсв. Отметим, что обувь так называемого «хеттского» происхождения, с загнутыми вверх концами встречается на ряде памятников З. Кавказа, например на бронзовых обивках поясов, изданных Вирховым, на бронзовом поясе, найденном Б. А. Куфтиным в 1936 г. в Триалети, и др.

Перед фигурой божества стоит большой широкий жертвенник в виде сосуда на высокой ножке; ножка состоит из двух стержней, расходящихся внизу в противоположные стороны, с концами в виде копыта. Третьего стержня мастер не изобразил, так как он скрыт от зрителя. Особо надо отметить, что мастер чаши был знаком с приемами передачи фигур в разных планах: по сторонам жертвенника на постаменте лежат два животных—одно на переднем плане, другое позади высокого жертвенника, который частично закрывает изображение животного.

Животное на переднем плане меньше по размеру, чем второе. На туловище животных вертикальными штрихами обозначена шерсть, на голове небольшой отросток—либо ухо, либо небольшой рог, точно установить трудно.

Около большого сосуда, влево от зрителя, стоит овальная чаша с высокой ножкой, несколько расширенной книзу; жертвенник и чаша имеют орнаментальную отделку.

К центральной, уже описанной, фигуре божества подходит процессия из двадцати двух фигур, несущих по соуду в правой руке; все фигуры образуют красивый фриз, распределенный в обрамлении по принципу равноголовья (исокефалия). Однородность поз придает всей композиции большую торжественность и монументальность, получается полное впечатление воспроизведения стиля скальных рельефов в мелкой пластике. Одеты все идущие одинаково; костюмы их в общем напоминают одеяние главного персонажа, сидящего на троне. Обувь на ногах—также «хеттского» типа.

Участников процессии отличает от главного персонажа наличие свешивающегося хвоста. Головы у всех фигур, как и у центральной, звериные и напоминают лисьи.

Естественно возникает вопрос: имеем ли мы в данном случае изображения божеств, добрых гениев с звериными головами, столь распространенные почти у всех народов древнего Востока, или мастер изобразил людей с звериными атрибутами. Внимательное изучение чаши дает возможность разрешить этот вопрос; у всех фигур, несомненно, на лицо надета маска с изображением звериной головы, отделенная пащею полосой. Морда зверя гладкая, шерсть обозначена штрихами; ухо на маске имеет форму человеческого; на голове обозначены штрихами волосы; они отделены контурно от морды зверя.

Маски, как известно, носили участвующие в торжественных процессиях еще в шумерскую эпоху. В раскопках древнейших погребений династии Ура найден золотой шлем, к которому спереди, несомненно, прикреплялась маска животного¹. Во время религиозных мистерий в честь Гильгамеша жрецы в эпоху Урской династии пользовались масками². Золотой шлем имеет прорези для ушей. Маски животных составляли необходимую принадлежность культа у жрецов древнего Египта в мистериях в честь Озириса³. В Лувре хранится деревянная маска Анубиса, у которого нижняя челюсть подвижная⁴. Маски применялись в религиозных мистериях и другими народами древнего Востока. На триалетской чаше маска изображает определенное животное, по нашему предположению—лису. У всех фигур, исключая главный персонаж, сзади свешивается длинный, довольно пушистый хвост; все это вместе

¹ G. Contenau op. cit., III. Paris, 1931, стр. 1525, рис. 934.

² Klingbeil, Kopf-Masken und Maskierungszauber in den antiken Hochkulturen, Berlin, 1935, XXVIII.

³ A. Moret, Mystères Égyptiens, Paris, 1929, стр. 270.

⁴ A. Moret, op. cit., табл. XXVII.

взятое, несомненно, указывает на то, что сюжетом описанной выше сложной композиции служит религиозный ритуал. Известно, что многие народы древности и некоторые отсталые народности и в наше время при религиозных церемониях надевали на лицо маски животного-тотема, украшали одежду характерными для него атрибутами и т. п.

За спиной сидящей фигуры—божества находится изображение священного дерева, распространенное в искусстве всех народов древнего Востока¹: у ассирийцев, вавилонян, хеттов и др. Сравнение этого дерева со всеми известными подобными изображениями устанавливает, что на чаше изображено не пальмовое дерево, а кедр, который по форме и стилю напоминает священное дерево на одном хеттском рельефе².

Священное дерево на чаше занимает высоту фриза; внизу у ствола изображены две реки, одна шире, другая уже, по всей вероятности, две знаменитые месопотамские реки—Тигр и Евфрат. То, что под сводом священного дерева изображены реки, не подлежит сомнению, так как корневая часть дерева обозначена, как и ствол, параллельными горизонтальными линиями, а вертикальными расходящимися линиями обозначены реки.

Во всех без исключения изображениях священного дерева, «дерева жизни», по сторонам от дерева стоят крылатые гении, иногда с головой орла, реже без атрибутов божества; даже на таком, сравнительно с чашей более позднем, памятнике, как на ножках меча из Мельгуновского клада³ возле священного дерева изображены божества. На чаше эти изображения отсутствуют.

По представлению древних народов Востока, древо жизни обладает сверхъестественными свойствами; оно является источником плодородия всего живущего, мудрости, знания, всех тайн и, наконец, источником бессмертия, потому что то, что дает жизнь всему, само должно быть бессмертным. Там, где оно растет, должен быть тот рай, о котором говорится в Библии и в мифе Вавилона. По представлению ассирийцев и вавилонян, рай был расположен при впадении Тигра и Евфрата в море. Росшее в нем дерево жизни покрывало своей тенью океан. Это дерево источало сок, божественный напиток, дававший бессмертие. Это дерево, известное в Иране под названием *хаома*, в Индии—*«сома»*, давало божественный напиток; каждый дом имел ступу со священным пестом для его приготовления, как и священный огонь; при изготовлении напитка справляли религиозное служение, при котором сосуд держали высоко, чтобы не осквернить его дыханием.

Для определения сюжета верхнего фриза интересные данные дает форма двух сосудов, стоящих перед центральной фигурой; большой сосуд является вместилищем для священного напитка, форма жертвенника в древневавилонском, ассирийском и хеттском искусстве совершенно другая.

Близкую параллель для малого священного сосуда мы находим в памятниках еще более раннего периода, на рельефе шумерской эпохи: патеси Гудеа (2350 до н. э.) поливает растение в чаше, которая напоминает описанный сосуд⁴. Следует особо отметить, что в грунтовых погребениях эпохи поздней бронзы в Топалете найдены глиняные сосуды аналогичной формы (Куфтин, *op. cit.*, табл. 1,3).

Таким образом, верхний фриз кубка изображает ритуал изготовления и раздачи священного напитка, напитка бессмертия. Данный сюжет, но в более сокращенной редакции, встречается на памятниках шумерийской эпохи в рельефах и на вавилонских печатях в разных вариантах и генетически связан с культом плодородия.

Изучение материалов, связанных с язычеством древней Грузии, впервые научно

¹ Perrot, *Les representations de l'arbre sacré sur les monuments de Mésopotamie et d'Elam*, Paris, 1922, pl. 17.

² O. Weber, *L'art hittite*, Paris, 1922, pl. 17.

³ Е. П р и д и к, Мельгуновский клад, СПб., 1911, табл. 3, «Материалы по археологии России», вып. 31., II, 1911.

⁴ M. J a s t r o w, *Bildermappe zur Religion Babylonien und Assyrien*, рис. 83.

обработанных И. А. Джавахишвили¹, дает возможность уточнить содержание сюжета, изображенного на описанном выше серебряном кубке из Триалети. Выясняется, что у всех грузинских племен в эпоху язычества было много общего в обычаях и религиозных мистериях, среди которых особое место занимали культы, связанные с плодородием. Особенно был распространен культ божества плодородия, олицетворявшего мужское начало производительных сил природы, которое, судя по сванским материалам, называлось «Тулепия мелиа» (первоначально оно называлось «Телепия», а не «Тулепия»).

Наиболее полные сведения о культе этого божества плодородия собраны большим знатоком сванского языка, быта и фольклора Арсеном Ониани. Академик И. А. Джавахишвили на основании изучения материалов, собранных Ониани, дал первую попытку этимологического анализа имени божества Мелиа-Тулепиа². До сих пор остается загадкой первая часть составного имени божества—мелиа (лиса).

Исследователь античной религии, культов и мифов С. Рейнак³ отметил, что божеству плодородия и растительности Дионису древние поклонялись в образе лисицы, подобно тому, как Марс у римлян почитался в образе волка. Отсюда название Диониса—Басареус, Бассарос. Известно, что во время вакханалий менады набрасывали на себя шкуру лисицы; отсюда название «бассаридес». По сведениям древних писателей фракийцы и лидийцы носили одяние, которое называлось «бассаридес» и имело определенное отношение к культу Диониса. Фрэзер давно отметил, что культ Диониса имеет тот же характер, как и культ божеств плодородия—Аттиса, Адониса, Тамуза и Озириса.

Култ божеств плодородия был распространен у хеттов и, как установлено новейшими исследователями в области мифологии, божество называлось Телепином и было известно прот хеттскому населению в эпоху глубокой древности. К счастью, сохранился древний, частично дефектный текст, который дает полное представление об этом мужском божестве плодородия древних хеттов⁴.

Совпадение имен божеств плодородия у древних хеттов и современных сванов имеет огромное значение для истории религии. Состояние дошедших до нас материалов относительно культа Телепина у хеттов не дает нам возможности выяснить, была ли лисица связана, как это имело место в культе Диониса, с божеством плодородия у хеттов. В сванском фольклоре сохранились следы связи лисицы с Телепином.

Необходимо отметить, что Шахермейер⁵ в одной статье относительно религии древних этрусков установил, что этрусский культ божества Телепас заимствован с Востока. Этрусское название Телепас совпадает со сванским—Тулепия (небезинтересно отметить, что одно селение в Верхней Имеретии называется Телепа).

Таким образом, разгадка сюжета, представленного на серебряном кубке из Триалети, не представляет затруднения. На кубке изображена торжественная мистерия, в которой принимают участие жрецы с атрибутами тотемного животного, связанного с культом божества плодородия, с кубками в руках для воды «жизни» и «бессмертия». Торжественность фигур, идущих в ряд, спокойные движения придают всей композиции строгую монументальность, напоминающую по стилю знаменитые рельефы Навиляка.

Нижний фриз составляют животные—олени (рогатые самцы и безрогие самки). Фриз выполнен с большим мастерством, довольно реалистически передающим движение.

¹ И. Джавахишвили, История грузинского народа, кн. 1, Тб., 1928, стр. 59 (на грузинском языке).

² И. Джавахишвили, История грузинского народа, кн. 1, Тб., 1928, стр. 59.

³ S. Reinach, Cultes, mythes et religions, Paris, t. I, стр. 108—109.

⁴ A. Götz, Kulturgeschichte des alten Orients, Kleinasien, München, 1933, стр. 134—136.

⁵ Schachermeyer, Telephas und Etrusken, «Wiener Studien», Berlin 1929, стр. 154—160, табл. 47.

ние животных. В искусстве Грузии и Северного Кавказа эпохи бронзы олень изображается очень часто. По стилю ближайшую аналогию к этим оленям находим на чаше из Майкопа. Трактовка животных на описываемой чаше несколько суше по линиям, чем на майкопской чаше, что объясняет я более поздней эпохой, отраженной в предметах, найденных в Триалети. Майкопская чаша дает более реалистическую и расширенную композицию: пейзаж, реки и довольно правильные очертания Главного хребта Кавказских гор.

Триалетский кубок показывает следующий этап развития искусства, когда уже введен прием фризовой композиции, ритм в постановке фигур, условность в передаче движения; только в трактовке животных нижнего фриза сохранились реалистические черты, характерные для искусства майкопской чаши. В 1938 г. во время раскопок в Триалети было найдено серебряное ведро, на котором представлена сложная композиция охоты (рис. 3—4). Композиция развернута свободно, не замыкается рамками фризовой схемы и покрывает всю поверхность ведра. Утрачены значительные куски, но схема в целом ясна. Животные по стилю очень близки к изображениям животных нижнего ряда серебряного кубка.

Сюжет, представленный на ведре, обычен на обивках поясов эпохи начала поздней бронзы, что дает возможность уточнить датировку. Но при этом следует отметить, что животные на обивках поясов изображены более схематично и суше, чем на ведре и кубках Триалети, на которых ярко выступают черты реализма, придавая им большую жизненность.

Триалетский кубок и ведро по тематике и стилистическому характеру являются ценнейшими найденными на территории Грузии памятниками древнего искусства, которые генетически связаны с древнейшим искусством Кавказа, известным по раскопкам; оба памятника генетически связаны с культурой Майкопского кургана, представляя собой следующий этап развития последней, и вместе с тем с древнейшими очагами культуры древнего Востока. Оба памятника, несомненно, принадлежат к эпохе, предшествовавшей образованию урартской государственности, не раньше расцвета микенской культуры.

Ш. Я. Амиранашвили

Алтай в скифское время

(Маймирская культура)

Раскопки последних лет ведшиеся, главным образом, Бийским музеем, открыли на Алтае памятники поздней бронзы, представляющие своеобразный местный вариант карасукской культуры Минусинской котловины¹. К сожалению, скудость их инвентаря не позволяет пока представить полный очерк культурного развития алтайских племен в ту эпоху. В частности, нам ничего не известно об изобразительном искусстве алтайских карасукцев. Однако есть основание считать, что и на Алтае, так же как и на Енисее, в Прибайкалье и Северном Китае, звериные изображения, столь излюбленные в последующее время, получили свое разви-

¹ О карасукской культуре см. С. А. Теплоухов, «Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края» [«Материалы по этнографии», т. IV (1929), вып. 2], его же, «Древние погребения в Минусинском крае [там же, т. III (1927), вып. 2]; С. В. Киселев, «Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1935 гг.» [«Советская Археология», т. 3 (1937), стр. 137—166]; его же, «Семантика орнамента Карасукских стел» («Изв. ГАИМК», вып. 100, стр. 280), его же, «Отчет об археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., Минусинск, 1929. О тагарской культуре см. эти же работы, а также С. В. Киселев, Тагарская культура (труды Секции археологии, вып. IV, М. 1929).

тие еще в карасукскую эпоху. На это указывает находка, сделанная С. М. Сергеевым в кургане № 2 Березовского могильника на р. Кагуни. Все курганы этого могильника по инвентарю и прежде всего по керамике должны быть отнесены по енисейской классификации и раннетагарскому времени (VII—V вв. до н.э.) Но они сохраняют и более архаические черты, прежде всего в погребальном обряде. Все костяки, уцелевшие от грабителей, лежали на боку, в скорченном положении, напоминая об обрядности бронзового века. Курган № 2 был особенно архаичен¹. При скорченном скелете женщины там оказался массивный бронзовый нож с полушарной шляпкой на рукоятке и с отогнутой назад концевой частью клинка. Все это придает ножу явно карасукский облик. Вместе с этим архаическим ножом костяная палочка, украшенная наверху резной головкой лошади. Вытянутая морда и расположение несколько вверх от вертикали палочки сближает эту головку опять же с карасукскими скульптурами, украшающими извержения коленчатых ножей Минусинска, Прибайкалья и Ордоса.

Так намечается и для звериного орнамента Алтая, столь богато представленного на памятниках скифо-тагарского времени, древняя, еще карасукская основа.

Послекарасукское развитие культуры алтайских племен во многом совпадает с тагарским на Енисее. Его первые шаги удалось проследить благодаря раскопкам, произведенным А. В. Адриановым в Майэмирской степи у истоков Нарыма, а также в верховьях Бухтармы, под Солонечным белком и у с. Черновая². В этих местностях, наряду с широко известными на Алтае более поздними курганами, насыпанными из чистого камня, оказались курганы, сложенные из крупных обломков скалы, пересыпанных землей. Под курганами открывались четырехугольные ямы длиной с З. на В. до 2,05 м, шириной до 1,5 м и глубиной до 2,57 м. Южная половина могилы обычно была вырыта до полной глубины, и на дне ее стоял сруб из деревянных лиственничных плах высотой до 0,85 м, покрытый узкими плашками. Северная половина могилы была более мелкой. Ее дно находилось на уровне верхнего края сруба. Судя по остаткам, уцелевшим от грабителей, нарушивших все погребения, раскопанные Адриановым, в северной части могилы лежали одна или две лошади головой на запад. В срубах же находились остатки человека. При покойниках и лошадях были собраны следующие вещи:

Бронзовый нож, дугообразно обушковый, украшенный сверху протомой хищника, выполненной с типичной для раннетагарских скульптур массивностью форм³.

Костяное трехгранное шило, также украшенное сверху фигуркой зверя, вырезанного в раннетагарской манере⁴.

Точильные бруски из яшмы и песчаника имели четырехгранную форму с отверстием для подвешивания⁵. Подобные бруски изредка встречаются в раннетагарских курганах и особенно распространены на Алтае и в Приуралье в курганах скифо-сарматского времени.

Два бронзовых зеркала дисковидны и отличаются высоким бортиком, идущим по краю со стороны дужки⁶. Описывая тагарские зеркала, мы уже отмечали, что эта особенность—бортик по краю—характерна для древнейших зеркал. В Скифии такие зеркала датируются VII—VI вв.⁷ Третье зеркало имеет ушко сбоку. Его края прорез-

¹ Хранится в Гос. Эрмитаже, Отдел первобытной культуры, инв. № 253, № 1 и 2.

² А. В. Адрианов, К археологии зап. Алтая (ИАК, вып. 62); С. И. Руденко, К палеоантропологии Ю. Алтая («Казак», Лгр., 1930); М. П. Грязнов, Древние культуры Алтая, стр. 6—7.

³ С. И. Руденко, К палеоантропологии Южн. Алтая, фиг. I, 1.

⁴ Там же, фиг. 1, 4.

⁵ Там же, фиг. I, 2, 3.

⁶ Там же, фиг. 2.

⁷ Б. О. Рабинович, О датировке некоторых скифских курганов Среднего Приднепровья («Сов. Археология», № 1, стр. 79—100).

ные, украшенные как бы ажурными завитками. Однако в этом ажуре легко увидеть стилизацию подкрадывающегося хищника или дракона—мотив, характерный для севернокитайского искусства позднечжоусской поры¹.

Бронзовые стрелы, трехперые, со слгка округленными гранями. Все они черешковые². Ближайшей их аналогией является черешковая бронзовая стрела, найденная мною в раннеагарском кургане № 1 у с. Кочергино в погребении I вместе с бронзовыми же втульчатыми наконечниками: трехперым-треугольным и трехперым-овальным. Скифские аналогии последних датируются VII—VI вв.; в V в. они начинают превращаться в пирамидальные³. Близки к Маймирским и черешковые бронзовые стрелы из савроматских погребений близ с. Покровки, около Чкалова, V в. до н. э. Однако покровские уже более вытянуты, хотя и не утратили еще округленности гравей⁴.

Костяные стрелы, найденные Адриановым, все черешковые, трехгранные. Они явно подражают бронзовым⁵.

Не менее замечательны принадлежности сбруи, найденные Адриановым при останках коней. Особый интерес здесь представляют бронзовые удила, двухсоставные, со стремянообразными концевыми ушками⁶. Они точно воспроизводят архаический тип скифских удила VII—VI вв.

Совершенно оригинальны найденные при удилах псалии в виде бронзовой развилки. Уздечные ремни, скрученные в круглый жгут, были унизаны бронзовыми боченковидными бусинами и обоями с отверстиями для прикрытия ременных скрещений⁷. Среди них одна обращает особое внимание (Черное, к. № 2). Несмотря на то, что она вырезана из рога, она представляет миниатюрное воспроизведение набалдашников из Мельгуновского кургана VII—VI вв. до н. э.⁸

Типичным украшением уздечки этих древнейших на Алтае погребений с конем являлись также кабаньи клыки. У корня они просверлены крестообразно, очевидно для закрепления на уздечных ремнях⁹.

Здесь же по бокам лошади находились бронзовые пряжки с неподвижным запором—крючком спереди. Этот тип затем надолго остается господствующим на Алтае в скифо-сарматское время¹⁰.

Кроме этих вещей из курганных раскопок Адрианова, в тот же комплекс должна быть включена и еще одна его находка.

В Маймирской степи, к юго-западу от кургана № 2, находилась овальная площадка, обставленная семью массивными каменными глыбами. Раскопки на самой площадке показали, что она не имеет каких-либо нарушений природной почвы. Зато при извлечении самой большой глыбы белого кварца был найден комок слежавшихся предметов. Среди них оказались:

Бронзовые удила, двухсоставные со стремянообразными ушками, совершенно аналогичные найденным в курганах¹¹. Их также датируют скифские аналогии VII—VI вв. до н. э.

¹ «3000 years of Chinese Jade», New-York, 1939, № 154, 176; A. Salmony, Sino-Siberian Art, Paris, 1933; pl. XLI, fig. 5.

² С. И. Руденко, ук. соч., фиг. 1, 5.

³ P. Rau, Die Gräber der früheren Eisenzeit, Taf. XIII, M. I, E, IV, 2, A.

⁴ «Мат. по Археол. России», № 37, табл. VI, рис. 19—22.

⁵ С. И. Руденко, ук. соч., фиг. 1, 8.

⁶ Там же, фиг. 4, 2.

⁷ Там же, фиг. 4, 6, 8.

⁸ Там же, фиг. 4, 7 (рисунок неточный), ср. МАР № 31, табл. 1.

⁹ Там же, фиг. 4, 3.

¹⁰ Там же, фиг. 1, 6.

¹¹ Там же, фиг. 4, 2.

Массивный бронзовый кружок с глубокими выемками вокруг среднего отверстия. По размеру (диаметр 2,7 см) и форме этот кружок напоминает находимые в раннетагарских курганах¹.

Оригинальна наременная бронзовая бляшка в виде «запятой», укреплявшаяся на ремне при помощи стерженька, напоминающего современную запонку.

Пять золотых выпуклых округлых пластин, вложенных одна в другую, были украшены одним и тем же изображением свернувшегося в кольцо хищника². Судя по небольшой высоте рельефа почти линейного рисунка, можно предполагать, что пластины были набиты на бронзовую основу. Это подтверждает и находка вместе с ними бронзовой головки длинноклювой птицы, обложенной такой же золотой пластинкой. Стиль всех изображений весьма близок к обнаруженным на раннетагарских вещах из Минусинских курганов. Вместе с ними они находят себе аналогии в наиболее архаичных скифских изображениях свернувшихся хищников, лапы которых еще лишены позднейшей ажурности³.

Толщина золотой пластины также служит показателем древности. Позднее в эпоху господства хунну, на Алтае будут пользоваться гораздо более тонкими, настоящими листками золота. То же наблюдается и в Минусинской котловине—бронзовые бляшки из древнетагарских курганов обложены массивными золотыми пластинками, а позднейшие тагарские украшения из глины, дерева или кожи покрыты тончайшими золотыми листками.

Подытоживая наблюдения над адриановскими находками, можно сказать, что послекарасукское время на Алтае характеризуется развитием форм, весьма близких к древнетагарским. Как и для последних, для них характерно наличие, наряду с местными типами вещей и изображений, многих особенностей, близких к скифским архаической поры. Особенною алтайских курганов VII—VI вв., очевидно, является погребение вместе с конем. Это сохраняется на тысячелетия. Характерно, что и здесь, как и в древнетагарских курганах Минусинской котловины, нет железа.

М. П. Грязнов предложил называть алтайские древности типа адриановских майэмирскими, видя в них отражение определенного этапа в истории культуры алтайских племен⁴. Нет никаких причин с этим не соглашаться.

Случайные находки, сделанные на Алтае, еще более убеждают в необыкновенной близости майэмирских древностей к тагарским. Бронзовые ножи, кельты, наконечники стрел, хранящиеся в Бийском, Барнаульском и Семипалатинском музеях, принадлежат к древнетагарским типам. О том же говорят и находки на алтайских стоянках майэмирского времени.

Раскопанные М. П. Грязновым две стоянки около с. Большереченского содержали наслоения, целиком принадлежавшие к майэмирским⁵. В них находились в большом числе чешуя и кости рыб, множество костей благородного оленя, соболя, выдры, лисицы, волка, зайца и косули, а также, но в меньшем количестве, кости лошади, коровы, овцы и собаки. Скотоводство, рыболовство и промысловая охота являлись, таким образом, необходимыми источниками существования майэмирского населения алтайских предгорий. О земледелии пока сведений нет. Однако обилие керамики как будто указывает на значительную оседлость, причиной которой могло быть земледелие.

Керамика большереченских стоянок по своей форме (главным образом, баночные сосуды), по орнаментации (в которую особенно часто входит ряд выпуклостей, выдавленных изнутри вдоль бортика) и по качеству теста (после обжига коричневого или темного цвета) ближайшим образом напоминает древнетагарскую Минусинской котловины⁶. На древность Большереченских стоянок указывают и находки бронзовых

¹ А. В. Адрианов, К археологии Зап. Алтая, ИАК, 62, стр. 58.

² Там же, рис. 29 и С. И. Руденко, ук. соч., фиг. 5.

М. Rostovtzeff, The Animal Style, 1929, pl. VI, 3; VIII, 2, 3.

⁴ «История народов СССР», изд. ИИМК АН СССР, на правах рукописи, стр. 400.

⁵ М. П. Грязнов, Древние культуры Алтая, стр. 6—7.

⁶ Там же, рис. 66, 67.

изделий. Массивные пластинчатые ножи—однодырчатый и двудырчатый даже примитивнее древнейших тагарских. То же можно сказать и о бронзовом четырехгранном шиле без головки. На архаизм указывают и находки двух бронзовых втульчатых плоских стрел—ромбической и ромбическо-шипастой, близких к скифским VII—VI вв., а также к древнейшим тагарским¹.

*

Следующий этап культурного развития алтайских племен следует считать второй стадией майэмирской культуры. В этом я расхожусь с М. П. Грязновым, считающим ее памятники одновременными пазырыкским². Однако сейчас мы увидим их сродство с древнейшими майэмирскими, а впоследствии убедимся в более позднем времени и глубоком отличии от них пазырыкских.

Позднемайэмирские памятники объединяет с древнейшими майэмирскими прежде всего полное сохранение курганный конструкции и обряда. Наиболее детально это удалось выяснить при раскопках в 1937 г. 4 курганов у с. Туяхта на р. Урсул³.

Все четыре кургана (№ 6, 8, 10 и 11) представляли собою округлые насыпи высотой до 0,7 м и диаметром до 12 м. Они были сложены из крупных обломков скалы, весом до 30—40 кг, обильно пересыпанных землей. Благодаря этому снаружи курганы были сплошь задернованы и резко отличались от соседних огромных, больших и мелких курганов пазырыкского типа, насыпанных из чистого, более мелкого камня и поэтому лишенных растительности. Зато всеми особенностями туяхтинские курганы сходны с майэмирскими. Под насыпью, в которой можно было проследить начало грабительского хода, открывалась четырехугольная яма длиной с З на В до 2,95 м, шириной до 2 м и глубиной до 3,5 м. Дно ямы не всегда было ровным. В кургане № 6 южная половина ямы была глубже северной на 12 см, а в кургане № 8—на 65 см.

В более глубоких южных частях ям этих курганов были открыты остатки срубов из лиственничных плах, покрытых лиственничной корой так, что покрытие находилось на одном уровне с дном более мелкой северной половины. В северной части в обоих случаях лежал костяк коня хвостом на запад.

Такая обстановка погребения вполне совпадает с обнаруженной Адриановым в Майэмире, под Солонечным белком и у д. Черновой.

В курганах № 10 и 11 дно ямы было ровным. Срубы стояли различно. В кургане № 11 сруб стоял поперек в южной части могилы, но так, что пространство между ним и стенкой ямы оставалось не только с северной, но и с западной стороны. С обеих сторон лежало по коню. Северный конь, как и в первых курганах, лежал хвостом на запад, а западный конь—хвостом на юг. В кургане № 10 сруб занимал всю ширину ямы, и узкое пространство оставалось лишь вдоль западной стенки. Туда и был втиснут конь, положенный хвостом на юг. Большую сложность придавала погребениям № 10 и 11 также обкладка срубов крупными камнями.

Однако отмеченные особенности мало чем отличают курганы № 10 и 11 от № 6 и 8. Инвентарь также оправдывает их объединение в одну группу.

К сожалению, все четыре кургана пострадали от грабителей, проникших через вертикальный узкий лаз в ерубы. Благодаря этому все погребения людей были нарушены. Лишь в одном случае удалось установить положение покойника. В кургане № 6 он лежал головой на восток скорченно на правом боку (рис. 1).

¹ Там же, рис. 53—56, 58—63.

² «История народов СССР», изд. ИИМК АН СССР, стр. 402.

³ Отчет не напечатан, краткие сведения см. ВДИ, 1938, № 2, стр. 237. Вещи хранятся в Гос. историческом музее, инв. № 79601.

В связи с этим следует учесть, что скорченное положение покойников не было свойственно последующим пазырыкским курганам Алтая и является поздним пережитком обычаев бронзового века.

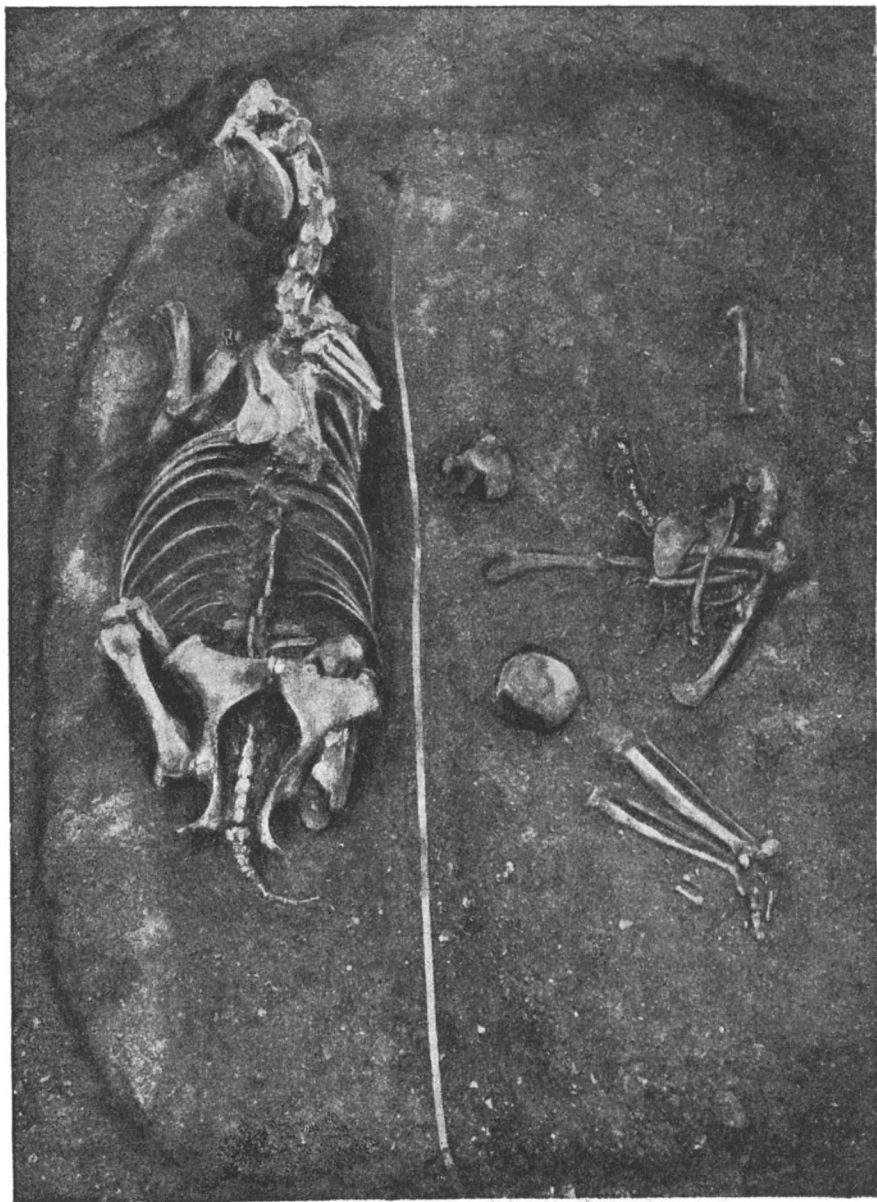

Рис. 4. Погребение в кургане № 6 у с. Туяхта (Алтай).

Вещи, найденные в срубах четырех туяхтинских курганов, немногочисленны, но очень интересны.

Прежде всего отмечу находки двух железных кинжалов. Оба они имели крыловидное перекрестье скифского акинака. Навершия же были различны.

У одного нужно предполагать сходство с крестовыми кинжалами Минусинска¹, у другого навершие было или в виде рогов, или обращенных друг к другу головок грифов (рис. 2). Сильная ржавчина не позволяет полностью восстанавливать эти кинжалы. Можно лишь заметить, что они совершенно песхожи с изящными, легкими тагарскими кинжалами. Они гораздо ближе к массивным акинакам персепольских рельефов³.

В кургане № 11 найден массивный параболический вток с остатками деревянной рукоятки. Он свидетельствует о наличии у майэмирцев наряду с кинжалом также и типичного тагарского оружия—клевца. По своей форме туяхтинский вток ближе к древнейшим тагарским, например, из моих раскопок в Сыде (курганы № 8).

В двух курганах нашлись бронзовые наконечники стрел. В кургане № 6 они обнаружены в обрывках кожного колчана, лежавшего к югу от колен мужчины. Все шесть наконечников—бронзовые, втульчатые, трехгранные. Грани совершенно плоские, сходящиеся к острию несколько округленно. В основании граней имеется глубокий дугообразный вырез (рис. 3, б). Среди известных мне сибирских стрел эти наконечники не встречаются. Редки они и в южнорусских степях. П. Рау указал лишь одну находку весьма сходной стрелы в архаическом комплексе из Магнитной станции⁴.

В кургане № 11 оказалось всего 2 стрелы. Они также втульчатые, трехгранные и имеют дугообразные вырезы в основании. Но их отличает более сложный профиль—расширение от острия к середине грани, затем сужение и новое расширение книзу. При этом жальца несколько торчат наружу (рис. 3, а). Это также весьма редкий тип стрелы. В Сибири известен лишь один наконечник, но и он отличается более вытянутыми размерами⁵. В Скифии точных аналогий туяхтинскому наконечнику нет. Близкие по профилю отличаются ребристостью граней. Считаю, однако, существенным, что скифские наконечники туяхтинского профиля появляются впервые в V в. (Кара-Меркит⁶). Позднее они встречаются вплоть до III в. (Чмырева могила⁷). Кроме того показательны их изменения на протяжении двух столетий. Позднейшие имеют втулку, выступающую ниже торчавших в стороны жалец⁸. Только среди наконечников V в. встречаются наиболее близкие к туяхтинским, без выступающей втулки, заканчивающиеся такими же дугообразными вырезами между жалец⁹.

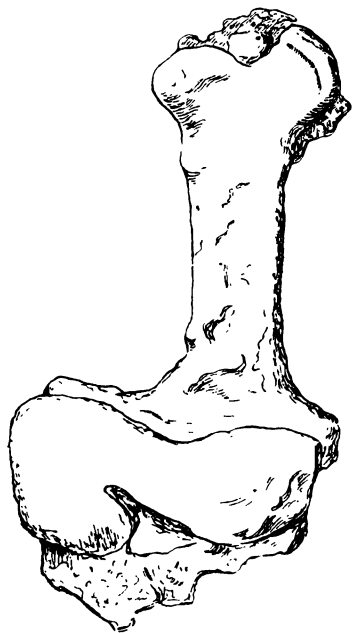

Рис. 2. Рукоятка акинака из кургана № 11 у с. Туяхта (Алтай). 1/3 н. в.

¹ Курган № 8; хранится в ГИМ, № 79601.

² Курган № 11; хранится там же.

³ Herzfeld, Iran and the ancient East, pl. XLI.

⁴ P. Rau, Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet, Pokrowsk 1929, Taf. XVIII, 1, L.

⁵ Хранится в Томском университете, № 5—20.

⁶ P. Rau, ук. соч., табл. VII, 1, A.

⁷ Там же, табл. IX, 2.

⁸ Чмырева могила, Малая Лепатиха, Шульговка (там же, табл. IX—XI).

⁹ Кара-Меркит (там же, VII, I). Аналогичные стрелы найдены в сокровищнице Персеполя, датированной монетами с конца VI по IV в. до н. э. C. F. Schmidt, The Treasury of Persepolis, Chicago, 1939, стр. 47, fig. 28.

Костяные наконечники стрел все трехгранные, черенковые, широко распространенных в Сибири форм.

Железный крюк, найденный возле рукоятки меча в кургане № 11, очевидно, служил для подвешивания ножен к поясу. Его форма очень близка к бронзовым крюкам, найденным в других позднемайэмйских курганах Алтая.

От поясов, на которых носился меч, уцелели лишь разрозненные части. Ремни были украшены коническими бронзовыми бляхами и четырехугольными обоймами (рис. 3, *e* и 5, *c*). Они еще встретятся нам в других позднемайэмйских курганах Алтая. Конические бляхи имеют сходство с тагарскими первой стадии¹.

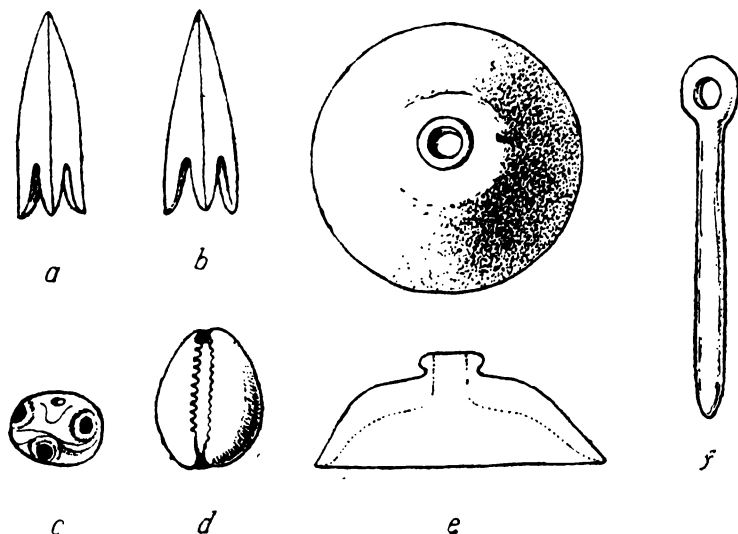

Рис. 3. Вещи из курганов у с. Туяхта (Алтай). 4/2 н. в.

На поясе же, вероятно, висели бронзовые и костяные костыльки каплевидной формы (рис. 3, *f*). Их бытование на Алтае очень длительно. Позднейшие, сильно укороченные встречены в Кудыргинском могильнике V—VI вв. н. э.² Значительное их число найдено в Ордосе³.

Сохранившаяся в кургане № 6 стеклянная реповидная бусина (рис. 3, *c*) имеет фон кремового цвета и синие глазки, окруженные белыми обводами, соединенными между собой усиками. По образцам, опубликованным Kisa, она может быть отнесена к бусам, датируемым «доримским периодом»⁴.

В том же кургане уцелели украшения в виде ряда просверленных в двух местах для нашивки 11 раковин *Suprea moneta* (рис. 3, *d*). Мы встречали пастовые подражания этим раковинам среди тагарских находок. В Минусинской котловине определенно устанавливается появление этих украшений только во второй тагарской стадии, в погребениях не древнее конца V в. до н. э. На это же время указывает их находка в курганах с. Покровка под Оренбургом⁵.

Конская сбруя, найденная в туяхтинских курганах, состоит из остатков седельных ремней и пряжек, а также из уздечных украшений, блях и удила с псалиями.

¹ Самохвал, курган № 5, погр. 1. Хранится в ГИМ.

² С. Руденко, А. Глухов, Могильник Кудыргэ на Алтае («Мат. по этнографии», т. III, вып. 2, Л., 1927, рис. 15, 5—9).

³ «Archaeologia Orientalis», B. Series, vol. I, Tokyo, 1935, pl. XVIII, 1, 3, 4; XIX, 6.

⁴ Kisa, Das Glas, Bd. II.

⁵ МАР, № 37, табл. VI, 15.

У д и л а все кольчатые. Четверо из них железные (рис. 4) и только одни бронзовые. Они совершенно сходны со скифскими железными, распространяющимися с VI в. до н. э.¹ Псалии железных удил все прямые, с утолщениями по концам и с двумя отверстиями посередине. Этим они отличаются от древнейших майэмирских бронзовых псалий, имевших три отверстия. Бронзовые удила снабжены изогнутыми псалиями, известными в скифское время с VI в. до н. э.²

К сожалению, большинство уздечек распалось, и восстановление их гадательно. Можно только сказать, что скрещения их ремней были украшены кабаньими клыками, имевшими в корневой части две, три или четыре сверлины. Кабаньи клыки найдены во всех четырех туяхтипских курганах и могут считаться характерными для майэмир-

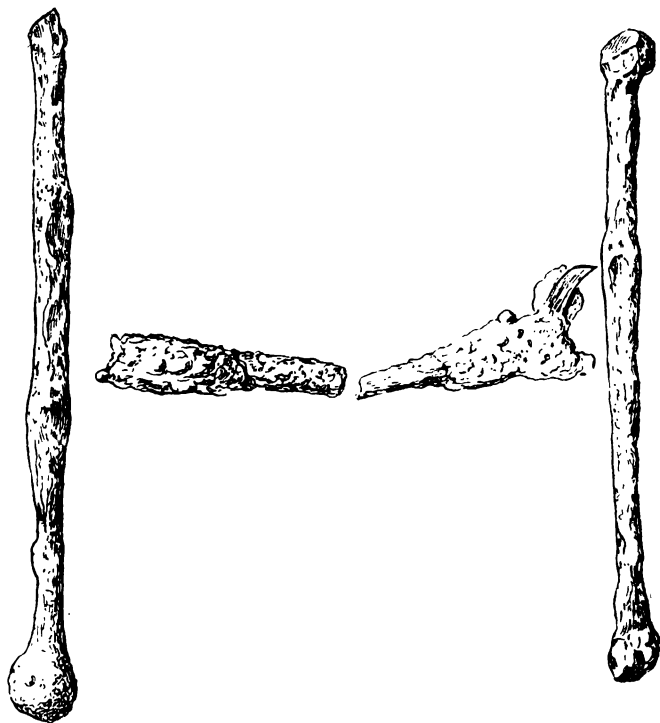

Рис. 4. Железные удила из кургана у с. Туяхта (Алтай). 4/3 н. в.

ских древностей (рис. 5, б). Узда с бронзовыми удилами и псалиями, украшенная бронзовыми же бляхами, счастливо сохранила их первоначальное расположение и может быть восстановлена в следующем виде (рис. 6). На носу оказалась бляшка-обойма, сквозь четыре отверстия которой были продеты ремни, шедшие вверх и в обе стороны вбок. Эти боковые ремни шли к паре бляшек, расположенных с обеих сторон несколько выше угла рта на середине щеки. По два ремня от этих бляшек шли к обоим отверстиям псалий и были там закреплены. Повидимому, для того, чтобы эти пары ремней не расходились, их скрепляли специальные бронзовые обоймочки с двумя отверстиями, найденные также по обеим сторонам морды. Ремни, шедшие от нащечных обоймочек вверх, достигали околушных бляшек, из которых поперечные ремни шли вокруг шеи и на лоб за уши. Все бляшки были одинаковы—округлы, с четырьмя отверстиями в нижней части. Эта форма была широко распространена в скифском уздечном наборе

¹ В. Grakov, *Monuments de la culture scythique entre Volga et les monts Oural* (ESA, III, fig. 12).

² М. Rostovtzeff, *Animal Style*, pl. VIII, 1.

От них отличалась лишь одна—левая околушная. Она представляла собой бронзовое подражание кабаньему клыку. Острие его было трактовано в виде клюва хищной птицы, а корневая часть была оформлена в виде оскаленной морды хищника (рис. 7).

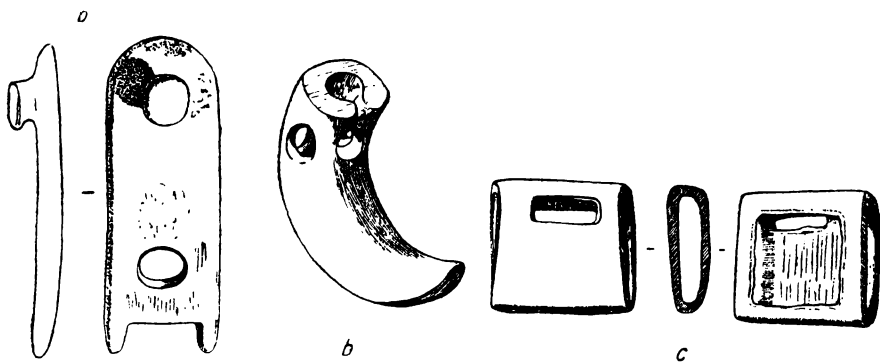

Рис. 5. Вещи из курганов у с. Туяхта (Алтай). 1/2 н. в.

Бронзовые бляхи в виде клыка кабана, украшенные так же, как туяхтинские, найдены в Минусинской котловине. Среди них есть почти точные аналогии и несколько вариантов¹, а также родственная форма, отличающаяся тем, что голова хищной птицы

как бы торчит из пасти длинномордого хищника². Аналогичный бронзовый клык найден в кургане конца V в. близ с. Блксменфельда, около Саратова³. Отсутствие подобных украшений в других областях Сибири и Востока еще раз подчеркивает близость майэмирского Алтая и тагарского Енисея. Эти бляхи, несомненно, представляют собой бронзовые подражания украшенным резным рисунком настоящим клыкам кабана. Мы уже отмечали, что неорнаментированные кабаньи клыки являлись характернейшим украшением майэмирских уздечек. Поскольку в тех же курганах найдено орнаментированное бронзовое подражание им, вполне вероятно наличие на Алтае в майэмирское время настоящих кабаньих клыков, украшенных резными изображениями морды хищника и клюва хищной птицы. Вид этих рисунков можно легко представить по аналогии со знаменитыми резными клыками, открытыми Б. Н. Граковым в савроматских курганах конца V в. около с. Блюменфельд, близ Саратова⁴.

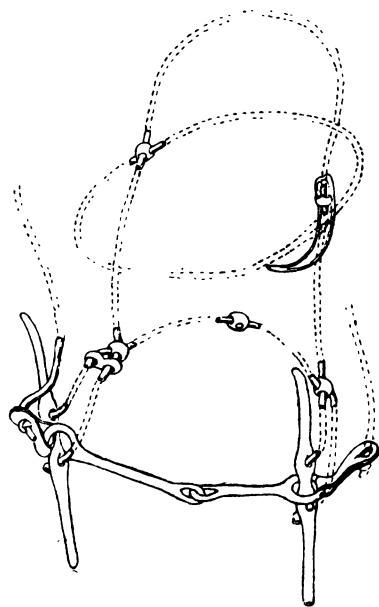

Рис. 6. Уздечка из кургана у с. Туяхта (Алтай). Схема.

В западное Приуралье ведет нас и другая более северная аналогия. В МАЭ хранится происходящая из Ананьина бронзовая привеска, также подражающая кабаньему клыку. Ее острие оформлено в виде клюва, но корневая часть изображает кабанью морду⁵.

¹ Хранятся в Минусинском музее, № 9297, 9296, 9294, 9303. См. А. Salmony, Sino-Siberian Art, pl. XVIII, I, 2.

² Хранится в Минусинском музее, № 9291.

³ В. Граков, ук. соч., рис. 10.

⁴ В. Граков, ук. соч., рис. 19—21.

⁵ A. Salmony, ук. соч., табл. XX, рис. 12.

Костяные пряжки, найденные в туяхтинских курганах, все—без вращающегося замка, но с носком или кнопкой на передней дужке. Они сходны с тагарскими и майэмирскими бронзовыми. На Алтае они сохраняются и в позднейшее пазырыкское время (рис. 5, а).

К сожалению, в туяхтинских курганах найдены обломки всего одного сосуда. Он имел баночную форму и был украшен горизонтальным рядом кружкового орнамента. Это связывает его с керамикой тагарского типа из Белореченских стоянок.

Ближайшую аналогию туяхтинским представляет курган, раскопанный в 1927 г. Руденко между сс. Вавилово и Заречное на р. Уде к востоку от Семипалатинска. Хранящееся в Семипалатинском музее описание раскопок позволяет достаточно ясно представить этот памятник. Как майэмирские и туяхтинские, Вавиловский курган

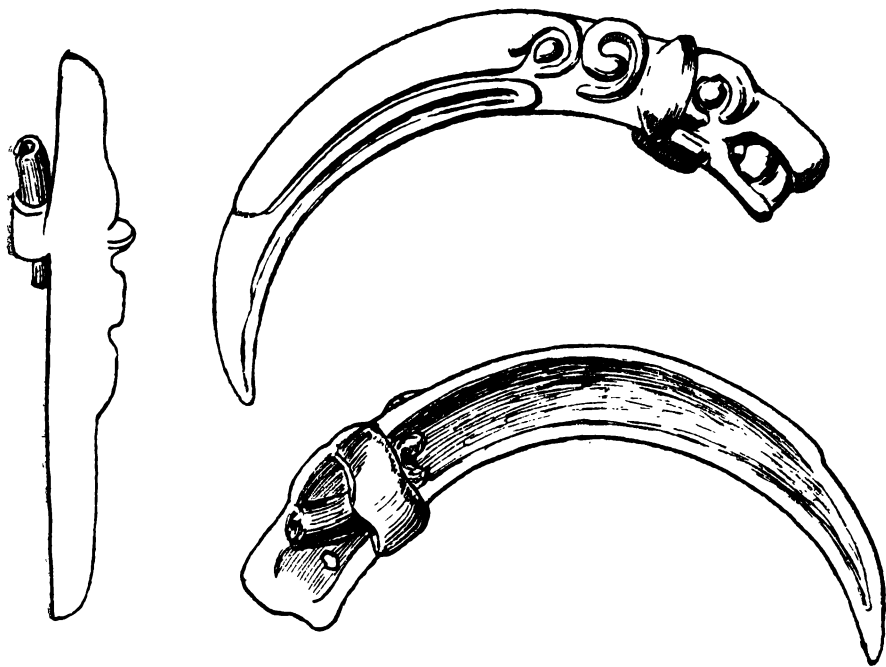

Рис. 7. Бляха от узды из кургана у с. Туяхта (Алтай), н. в.

был сложен из крупных обломков плитняка, пересыпанных землей. Под насыпью открылась квадратная яма (3×3 м), ориентированная стенками по странам света. Выстланное плитами дно ямы оказалось на глубине 1,75 м. Стенки ямы были укреплены горизонтально положенными бревнами, которые подпирали в углах вделанные в дно каменные столбы. Судя по их высоте в 1,36 м, очевидно, этого уровня достигали бревенчатые стены. Углы сруба были обожжены. Здесь за каменными столбами остались «пустоты, засыпанные золой». На дне ямы, в северо-западном углу, были найдены интереснейшие вещи:

Железный крестовый кинжал с крыльевидным перекрестьем. Кроме рукоятки, от кинжала сохранился острый конец клинка, заточенного на четыре грани. Кинжал очень близок к найденным в туяхтинских курганах. Он также массивен и более схож со скифскими и иранскими, чем с минусинскими (рис. 8, 15).

Муфта с отверстием для привешивания тоже близок к майэмирским (рис. 8, 16).

Пояс сохранился лишь частично. На куске ремня—две бронзовых бляшки в виде римской цифры X, рядом—сердцевидная концевая бляха и овальная массивная обойма с четырехугольным отверстием, близкая к найденной в туяхтинском кургане № 6 (рис. 8, 17). Известный архаизм находке придает обломок бронзового ножа и такое же тонкое шило (рис. 8, 18, 19). Железный крюк туяхтинских курганов заменен здесь

прекрасным бронзовым, имеющим ряд аналогий среди минусинских бронз (рис. 8, 20)¹. Рядом лежало сломанное бронзовое зеркало с ушком сбоку (рис. 9, 24). Форма его совершенно оригинальна. Оно несходно с ранними дужковыми зеркалами. Оно отличается и от позднейших медалевидных, тем, что не имеет прорезного ушка. Более всего к нему приближается зеркало из кургана № 1 близ Покровки (под Оренбургом) V—IV в. до н. э. (рис. 21)².

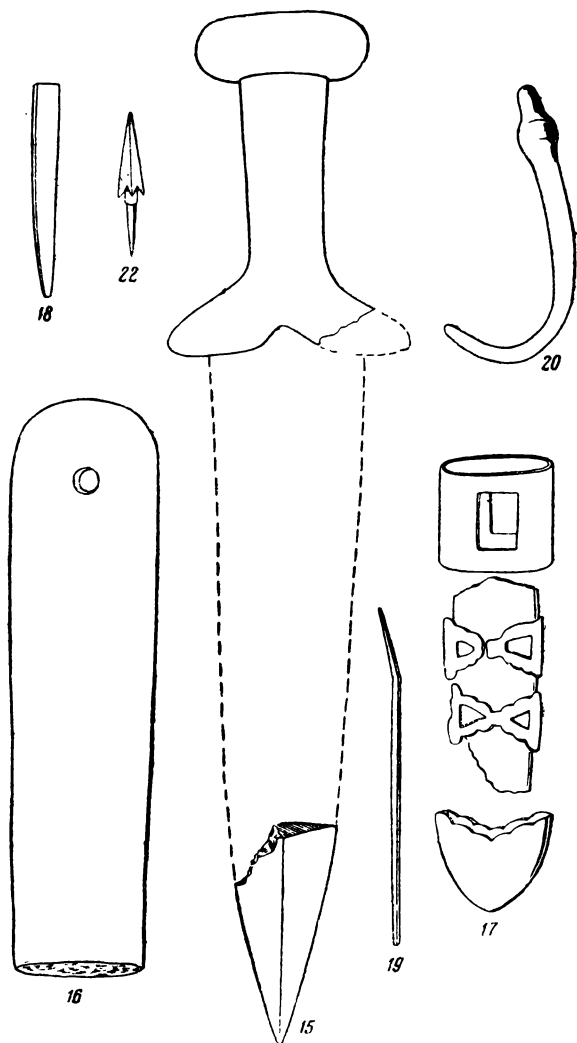

Рис. 8. Вещи из кургана у с. Вавилово близ Семипалатинска. 1/3 н. в.

Несколько поодаль, ближе к середине западной стенки, лежали пять бронзовых черешковых трехгранных наконечников стрел (рис. 8, 22). Сравнение их с майэмирскими и раннетагарскими обнаруживает значительное отличие. Оно заключается в большей вытянутости пера, в плоскости его граней с глубокими вырезами в основании и в наличии у черешка в верхней части цилиндрического утолщения, как бы имитирующего выступающую между шипиками втулку.

¹ Хранится в Минусинском музее, №№ 9295, 9292, 9302, 9303.

² МАР, № 37, табл. VI, 35.

Всеми этими особенностями накопечники из вавилонского кургана ближе не к древнейшим майэмирским, но к найденным под Оренбургом у с. Покровки в кургане № 2 V—IV вв. до н. э.¹

Также несколько особняком, ближе к середине северной стенки могилы, лежали золотая витая гривна (рис. 9, 23) и золотая пластинка в виде головы хищной птицы с загнутым клювом, покрытая прорезами «спирально-вихревого» орнамента (рис. 9, 24). Этот орнамент получил широкое распространение в позднейшее время в конце 1 тысячелетия до н. э. Однако время возникновения его очень древне. Тот его вариант, который постоянно украшает кнопки ручек тагарских зер-

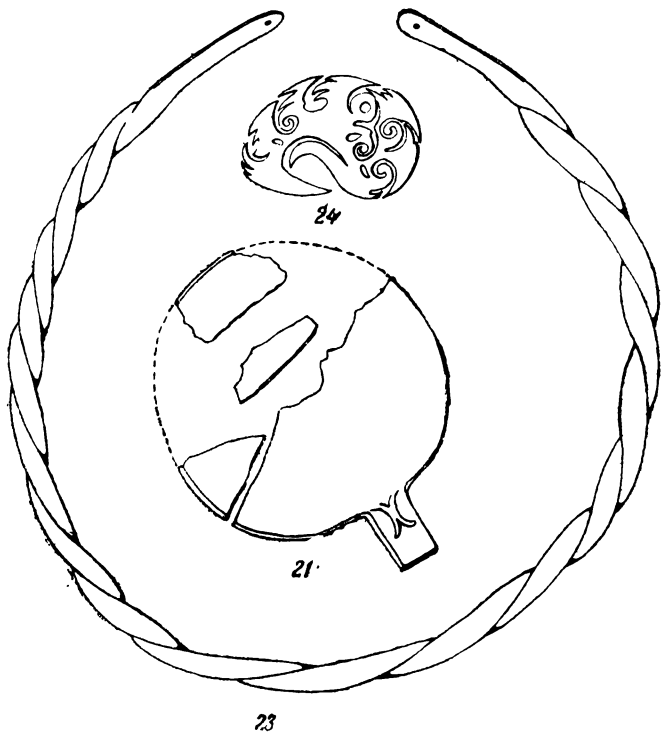

Рис. 9. Вещи из кургана у с. Вавилово близ Семипалатинска. 1/3 н. в.

кал², впервые можно увидеть на кнопках ручек священного китайского сосуда для возлияний, относящегося еще к 1200 г. до н. э.³ Среди специалистов китайское происхождение сибирского «вихревого» орнамента не встречает возражений. Вместе с тем в золотой пластинке с «вихревым» орнаментом из вавилонского кургана нельзя не видеть признака возникновения новых приемов украшения, которые получают широкое распространение на Алтае в последующее пазырыкское время.

Подытоживая рассмотрение туяхтинских и вавилонских находок, можно сказать следующее.

Все эти курганы конструктивно представляют одну группу с майэмирскими. Однако встреченные в них вещи говорят о более позднем времени. На это же указывают находки значительного количества железных изделий. Если майэмирский инвентарь может быть датирован по аналогии со скифскими древностями VII—V вв. до н. э., то туяхтинский и вавилонский относятся к V—IV вв. до н. э. Это майэмирская

¹ МАР, № 37, табл. VI, рис. 22.

² Хранится в Минусинском музее, № 4605, 4607, 4608, 4622, 4632.

³ Exhibition of Chinese Art, Mills College, 1934, pl. 5.

стадия, близкая савроматской культуре, которую мы знаем в Приуралье и Поволжье по находкам в Покровке и Блюменфельде. На Енисее ей соответствует начало II стадии тагарской культуры. Для этого времени в Южной Сибири можно отметить одну особенность. При богатстве звериных мотивов в орнаменте еще господствуют местные принципы стиля. Поэтому и с Западом заметны соответствия лишь в пределах собственно скифских (общестепных) архаических форм. Следующая, пазырыкская ступень покажет проникновение на Алтай новых, скифо-сакских, образов, проникнутых мотивами восточного эллинизма.

Сравнение майэмирского Алтая с тагарским Енисеем обнаруживает много сходства между ними, но также и много различий. На Алтае, например, явно быстрее вырабатываются новые формы орудий. Тагарские железные кинжалы еще долго будут воспроизводить свои бронзовые прототипы, придерживаясь даже их «грацильных» пропорций. Железные кинжалы Туяхты и Вавилова уже в начале железной индустрии на Алтае выделяются по совершенно новым принципам, приближаясь в этом отношении к скифскому Западу и ирано-сакским образцам. То же приближение к скифскому обнаруживается и в погребальном обряде. В майэмирских курганах, ранних и поздних, господствует погребение с конем, совершенно не известное тагарским курганам Минусинской котловины.

Палеоантропологическое изучение останков, обнаруженных в тагарских (на Енисее) и майэмирских (на Алтае) курганах, дало очень интересные результаты. И в той и в другой серии Г. Ф. Дебеч констатировал исчезновение карасукских черт, прослеживаемых лишь в немногих изолированных группах на Енисее (например среди находок в сыддинских курганах). На Енисее и на Алтае вновь встречен антропологический тип, близкий к старому, афанасьевско-андроновского времени. Однако на Алтае уже в V—IV вв. началось проникновение новых этнических групп. В кургане № 6 Туяхты основное погребение принадлежало мужчине с резко выраженными монголоидными чертами. Наиболее вероятно его южное происхождение.

К сожалению, мы совершенно не знаем древнейшей северо-западной Монголии, столь близкой Алтаю. Однако то, что известно благодаря исследованиям А. В. Адрианова и С. А. Теплоухова о Тувинской автономной области—территории, наиболее близкой к Минусинской котловине, показывает явное родство с Алтаем. Для VI—IV вв. там часты погребения с конем, значительно количество железных изделий, велики и вещевые аналогии. Черешковые стрелы, найденные в погребении у с. Успенского¹ и в курганах на левом берегу р. Бегре², равно как и найденные там же и в урочище Улук-Ковы³ мусаты и втки, особенно близки к алтайским. То же можно сказать о конском уборе. Наборы из кургана № 34, раскопанного в 1927 г. у с. Туран, так же как и туяхтинские, состоят из железных и бронзовых кольчатых удиц и многочисленных кабаньих клыков, украшавших уздечные ремни. Сходны и бронзовые конические бляшки, нанизанные на ремни и округлые обоймы, прикрывавшие скрепления⁴. Енешний вид виденных нами тувинских курганов также особенно близок к алтайским.

Такая близость тувинских древностей к алтайским, несмотря на соседство их с Минусинской котловиной, не случайна. Она указывает на наличие восточных связей Алтая и южнее Саян, с областями, откуда в первую очередь могли проникнуть представи-

¹ Раскопки С. А. Теплоухова. Хранится в Этнографическом музее в Ленинграде, № 4566.

² Раскопки А. В. Адрианова в 1915 г. Хранится в Томском университете.

³ Раскопки С. А. Теплоухова 1927 г. Хранится в Этнографическом музее в Ленинграде.

⁴ Раскопки С. А. Теплоухова в 1927 г. Хранится в Этнографическом музее в Ленинграде, № 4747.

тели того монголоидного типа, который был обнаружен в туяхтинском кургане № 6. В последующее время через Туву и Северную Монголию будут развиваться этнические и культурные связи Алтая с Центральной Азией и Дальним Востоком.

Это, конечно, не ослабляет крупнейшего значения для майэмурского Алтая тагарского центра на Енисее. Керамика, бронзовые орудия и украшения Алтая в майэмир-

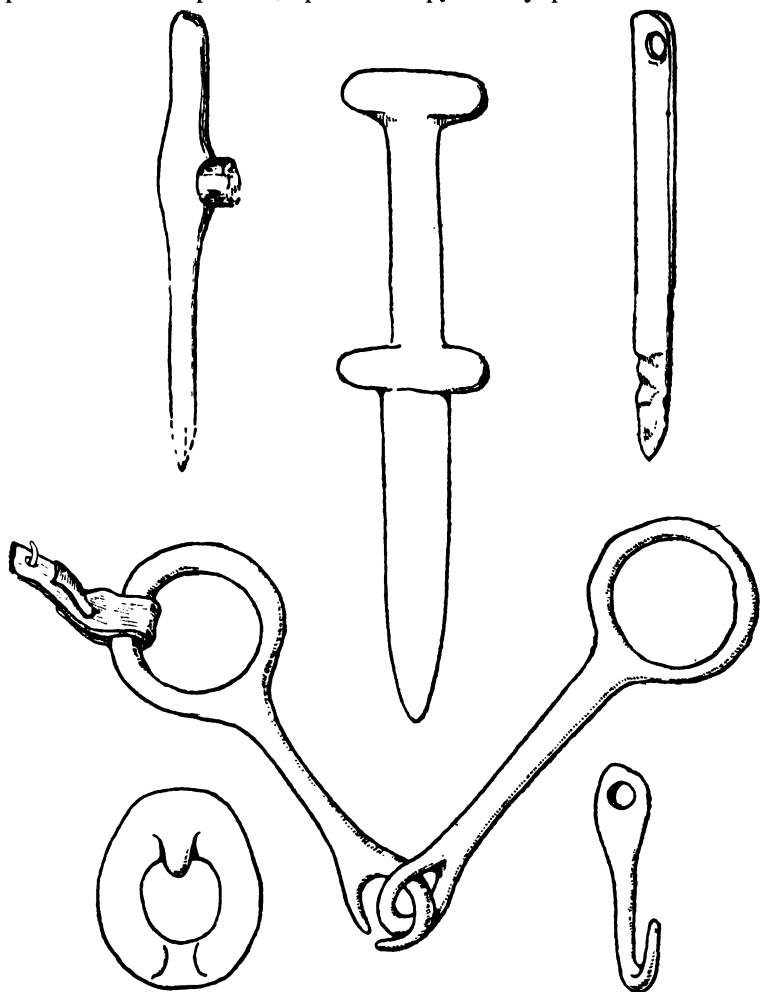

Рис. 10. Вещи из курганов на урочище Арагол (Алтай). 1/2 н. в.

ское время целиком зависят от тагарских образцов. И позднее, уже в пазырыкскую эпоху, можно проследить эту связь. В исследованных в 1927 г. курганах на урочище Арагол, наряду с уже знакомыми нам по Туяхте бронзовыми удилами и крюками от колчана, найдены бронзовые ножи, миниатюрные крестовые кишжалы и проушные клевцы, типичные для второй половины второй стадии тагарской культуры (рис. 10). Однако наряду с ними получают в это время распространение новые формы, указывающие на иные направления связей алтайского населения, начиная с конца IV в. до н. э.

Среди вопросов, возникающих при изучении древностей Южной Сибири в скифо-тагарское время, все большее значение приобретают соотношения с бронзами Суйюани. Поразительные совпадения в технике и формах вещей, а также в идеоло-

гии изображений, заставляют предполагать наличие постоянных связей. Однако почти полное отсутствие раскопочного материала препятствует пока выяснению хронологии, а следовательно, и направления сношений.

Забайкалье за 30-е годы было предварительно обследовано экспедицией Г. П. Сосновского¹. Собранные данные позволили классифицировать древности, современные тагарской эпохе. При этом выяснилась одна существенная деталь. Бронзы Селенгинского района, несмотря на общую близость к тагарским, отличаются теми же особенностями, которые характерны и для красноярских изделий раннетагарского времени. Очевидно последние не представляют собой узко-локального явления, но отражают особенности в культуре широких районов на границе азиатских степей. Изучение кинжалов и ножей, найденных Г. П. Сосновским в ранних, так наз. «плиточных» могилах Забайкалья, как будто открывает и основы этих особенностей.

Как и в Красноярском районе, на Селенге в раннетагарское время еще сохранялись некоторые карасукские черты, быстрее изжитые в Минусинской котловине и, видимо, в Ордосе. В самом деле, кинжалы из ранних «плиточных» могил еще сохраняют признаки выемчато-эфесовых, а тяжелые ножи еще очень близки к карасукским. Лишь позднее, с IV в. до н. э., в Забайкалье распространяются новые формы. Однако общий облик культуры с этого времени начинает изменяться уже в ином направлении. Забайкалье становится более близким Алтаю, чем Минусинской котловине. Это связано с крупнейшими изменениями в истории и культуре всей Срединной Азии в IV—III вв. до н. э.

Раннетагарское время явилось тем периодом в истории Сибири, когда вновь расширились культурные связи. Черты общности культурно-исторического развития мы прослеживаем еще в афанасьевское время. Андроновская эпоха отличалась еще большим сближением Востока и Запада евразийских степей. Сходства андроновских памятников со срубными, их необыкновенное территориальное расширение особенно замечательны. В карасукское время в это развитие были включены новые важнейшие компоненты севернокитайской цивилизации. Несмотря на ограниченное распространение собственно карасукских комплексов, карасукская бронзовая индустрия, столь тесно связанная с достижениями дальневосточных металлургов, способствовала расцвету бронзы на широчайших пространствах Сибири, Урала и Среднего Поволжья. При этом всюду были использованы местные традиции и среди них древняя звериная орнаментация. Ее великолепные образцы именно в это время с исключительным единством стиля одинаково блистали в степях Ордоса, на берегах Байкала и Енисея, в горах Алтая и Урала и у слияния Волги и Оки.

Тогда была подготовлена почва для нового этапа историко-культурного развития древнего населения СССР. Он отличался еще большей общностью. Скифы на западе, савроматы Поволжья и Южного Приуралья, массагето-сакский мир Средней Азии, динлины—майэмирские и тагарские племена Саяно-Алтая, население Прибайкалья, Монголии и Ордоса—пользовались одним оружием, одинаковой конской сбруей, сходными украшениям и увлекались одними образами и настроениями в искусстве. Их различали местные особенности—сила эллинского, малоазийского, иранского или китайского воздействия и степень общественного развития. Но это не могло ослабить исключительной близости их культуры. Великий пояс степей уже тогда соединил Восточную Европу и Северную Азию единством идей и судеб.

С. В. Киселев

¹ Г. П. Сосновский, Ранние кочевники Забайкалья, «Кр. сообщения ИИМК», вып. VIII, стр. 36 и 42; его же, Плиточные могилы Забайкалья (Труды Отдела истории первобытной культуры, Гос. Эрмитажа, вып. I, Л., 1944).

Неизданные надписи Таманского музея

№ 1. Плита из белого мрамора с хорошо сохранившейся надписью, вырезанной четким красивым шрифтом: До войны хранилась на колокольне Покровской церкви в Тамани. Местонахождение неизвестно.

Размер плиты

Высота: В средней части	37 см
По бокам	34 см
Ширина: В верхней части	25 см
В нижней части	27 см

Размер букв

Высота: 2,5 см
Ширина: 1—1,5 см

Расстояние между буквами колеблется от 1 до 0,5 см (рис. 1).

Рис. 1.

Надпись гласит:

τῇ μητρὶ τοῦ κυρίου

—матери господи. Эта мраморная доска использована вторично, так как кое-где выступают буквы более раннего времени; ясно видны буквы ψ и χ. Повидимому, эта мраморная доска служила подставкой, или опорой, для какого-то приношения, посвященного божьей матери. Нет данных определить, какое это было приношение.

В τῇ нет ιοτ'ы, ни subscriptum, ни adscriptum.

В слове μητρὶ мы наблюдаем вязь и кажущуюся при первом взгляде лигатуру. В действительности лигатуры нет, а есть только вязь. Буква μ имеет первую палочку свою собственную, вторая палочка—общая с буквой ρ; между двумя палочками—

соединение, являющееся вместе с тем и буквой τ . Для обозначения второй буквы η служат обе палочки, одна от буквы μ и вторая—общая для μ и ρ —и верхняя перекладина от буквы τ . Буква ρ , кроме уже упомянутой общей палочки для μ , ρ и η , имеет не закругленный, как обычно у ρ , полумесяц, а прямоугольник, нижняя линия которого составляет продолжение перекладины от буквы τ . Iota—обычная. Наверху, несмотря на то, что здесь вязь и буквы все налицо, имеется титло.

Слово $\chi\rho\iota\varsigma\omega$ вырезано в своем обычном сокращении χ и ω . Наверху, как обычно—титло.

Слово $\mu\eta\tau\eta\rho$ обычно бывает изображено вязью, так же как и в нашей надписи, но так как всегда стоит не дательный, а именительный падеж, то между палочкой от ρ и второй палочкой от μ проведена посередине перекладина, обозначающая еще стоящую перед ρ букву η . (см. рис. 1).

Такую вязь слов $\mu\eta\tau\eta\rho \theta\varsigma\omega$ мне удалось наблюдать и в Спас-Нередицкой церкви в Новгороде и в рельефном изображении божьей матери в Киеве XIII в. и во фреске церкви в Зараме на Кавказе XI в. (некоторые датируют XIV и XV вв.) и, конечно, можно найти и во многих других местах (см. Н. П. Кондаков, Иконография Богоматери)¹.

$\text{HPP } \Theta \text{V}$ —фреска церкви в Зараме на Кавказе XI в. (а может быть, даже XIV и XV вв.).

$\text{HPP } \Theta \text{V}$ —рельеф божьей матери в Киеве XIII в.

$\text{HP } \Theta \text{V}$ —Спас-Нередица в Новгороде.

$\text{MP } \Theta \text{V}$ —Церковь св. Климента в Охриде божьей матери «Душеспасительницы».

Я считаю, что рассматриваемую нами надпись можно датировать ранневизантийским временем (IV в. н. э.), граничащим со шрифтом почетных декретов позднеримского времени II—III вв. (ИАК, вып. 14). Четырехугольное ω —характерное для этого времени, наблюдается и в нашей надписи.

Рис. 2.

№ 2. Надпись, плохо сохранившаяся, повидимому, фрагмент почетной надписи (titulus honorarius) на верхней части византийской капители проконнесского мрамора (рис. 2). Капитель с надписью до войны хранилась в Тамани, за оградой Покровской церкви, на полу колокольни. Сохранность капители хорошая. Дата ее—VI в. нашей эры. Аналогичные ранневизантийские капители были найдены в Керчи, Херсоне, Тиритаке (ВДИ, 1939, № 2, Ю. Ю. Марти, Научно-исследовательская работа Керченского историко-археологического музея им. А. С. Пушкина в 1937—38 гг.).

Большая часть надписи не сохранилась, так как поверхность капители при ее выделке тщательно заглаживалась, и лишь некоторые буквы с наиболее глубоким

¹ На нашем Юге, например, в надписях Мангуна (ИАК, вып. 65, В. В. Латышев, «Надписи Мангуна», стр. 21, рис. 4) и в других надписях Крыма такая лигатура уже встречается, как буква μ , а не как сочетание нескольких букв (В. В. Латышев, Заметки к христ. надписям из Крыма, Одесса, 1898, № 64, стр. 8, 9, 18; В. В. Латышев, Вновь найденные в Крыму христианские надписи, Симферополь, 1915, стр. 5, табл. II, № 11).

вырезом поддаются чтению. Особенно трудно прочесть верхнюю сторону надписи—так сильно сглажены с поверхности буквы.

Размер площади, занимаемой надписью

Высота: 14—10 см. Ширина: 58 см.

Высота букв колеблется от 4—9 см. Ширина 2,5—3 см.

Расстояние между буквами—2,5—3 см.

Кроме того, гладь плиты с надписью исчерчена штрихами и розетками, сделанными каким-то острым резцом, может быть циркулем.

Издаваемую нами надпись можно отнести к разряду надписей, поставленных в честь частных лиц типа IPE II, №№ 44, 45, 46.

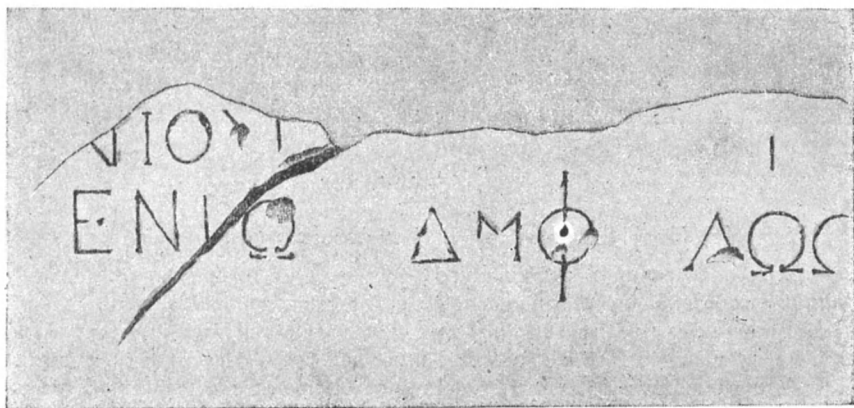

Рис. 2а.

От надписи мы имеем следующее:

Ἀπολλωνίου..... γ θτυ ἐν τῷ δρυφ λωω[ι]

Дата надписи 544 г. боспорской эры=247г. н. э. и соответствует царствованию царя Тиберия Юлия Рескупорида IV (по классификации В. В. Латышева и V по классификации А. Н. Зографа, а также Head'a).

№ 3. Фрагмент надгробной стелы известнякового камня с очень хорошо сохранившейся надписью. Верх плиты с частью надписи отбит. Плита лежала в саду Таманского музея. Верхняя сторона с надписью находилась в земле. Кем передана плита в музей—неизвестно. В инвентарь музея не занесена (рис. 3).

Размер плиты

Длина: 57 см—левая сторона,
39 см—правая сторона.

Ширина: 41 см

Толщина: 13 см

Размер букв

Высота: 2 см

Ширина: 0,5—3 см.

Расстояние между буквами: 1—2 см

От надписи сохранились полностью четыре строки и пятая—верхняя—неполностью

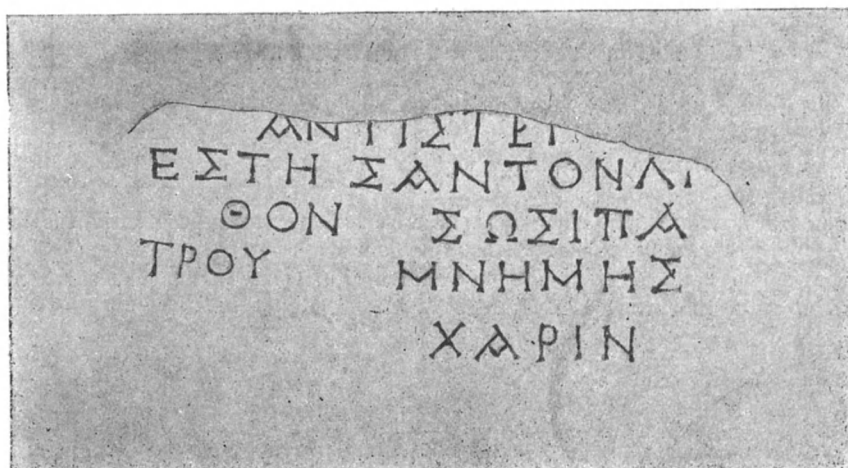

Рис. 4.

Ἀντισ(τ)έ[νης] | ἔστησαν τὸν λίθον Σωσιπάτρου μνήμης χάριν

[Такие-то...] Антистен поставили надгробие Сосипатра ради памяти.

Надпись вырезана глубоким красивым шрифтом начала II в. н. э.

Без сомнения, самым правильным методом датировки недатированной надписи является метод сравнения ее с надписью, имеющей точную датировку. Одни и те же формы букв в различных вариациях могут жить многие века, исчезать, опять появляться в новых сочетаниях, могут в поздний период подражать древним образцам.

К нашей надписи хорошей аналогией для датировки является надгробная надпись (ИАК, вып. 10):

Πρόπιος Ἰγνάτιος Ὀνυσίφορος | Σινοπεὺς ἐτῶν με χαῖρε | ἐν τῷ αὐτοῦ ἔτ(ε):

421 г. Босп. эры = 124 г. н. э.

Первые имена издаваемой нами надписи (сколько их было — неизвестно) не сохранились; на то, что они были, указывает глагол ἔστησαν, поставленный во множественном числе.

В нашей надписи имя Ἀντισθένης написано с τ вм. θ, вероятно по ошибке резчика.

Имя Σωσιπάτρος также встречается в южнорусских надписях (в IOSPE — семь раз).

Слово λίθος встречалось до сих пор на юге СССР в метрических надписях.

Оба имени нашей надписи чисто греческого происхождения, имели широкое распространение на Боспоре в длительный хронологический период, начиная с III в. до н. э. и кончая III в. н. э. (IOSPE. vol. I, №№ 225, 101; vol. II, №№ 41, 29, 441, 446, 447, 448, 14, 159, 201, vol. IV, №№ 234, 421, 432).

№ 4. Плита надгробная, известняковая, разбитая пополам, в верхней части со втулкой.

Размер плиты

Высота: левой стороны: — 74 см.

правой стороны — 72 см.

Ширина: 46 см (низ),

44 см (верх),

Толщина колеблется между 14 и 12 см.

Размер втулки

Высота: 13 см

Ширина: 24 см (верх),

33 см (низ),

Толщина: 10 см

Над надписью — рельеф, изображающий три фигуры: женскую в хитоне и покрывале, накинутом на голову, в обычной траурной позе, мужскую — в длинном хитоне, накинутом поверх одежды, и детскую — мальчика.

Рельефное изображение охвачено двумя колоннами, заканчивающимися капителями, на которых покоится фронто́н с тремя акротериями из пальметок, теперь, вследствие действия стихий, почти совершенно стертых. В середине — треугольник, и над ним по бокам — обычные розетки. Внизу под изображениями надпись, небрежно вырезанная и местами трудно читаемая из-за многих выбоин на камне. (Рис. 4).

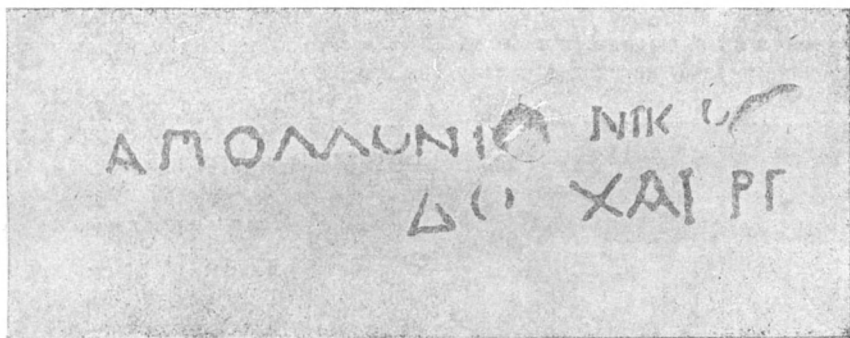

Рис. 3.

Ἀπολλώνι[ε] Апполоний, сын
 Νικο[μῆ] ἐο[υ]χᾶϊρε Никомеда, прощай!

По написанию букв и по стилистическим данным памятник можно отнести к I в. н. э.

Имя Νικομήδης встретилось в окрестностях Керчи во второй раз, причем в нашей на писи оно пишется через ι, а не через дифтонг ει, как это имя писалось на более древних надгробиях (SIG N. 2105; IG IV, 137, IOS PE vol. II No. 268 Watzinger u. Kioseritzky Griech. Grabreliefs aus Süd-Russland, N, 304).

№ 5. Стела известнякового камня, с рельефным изображением и надписью, тщательно вырезанной.

Размер плиты: 28×21 см.

Год поступления в Таманский музей — 1921 г. Найдена в городище.

Верхняя часть плиты с рельефом отбита; сохранилась только слева нижняя часть женской фигуры, одетой в длинный хитон, и половина ноги лошади с копытом.

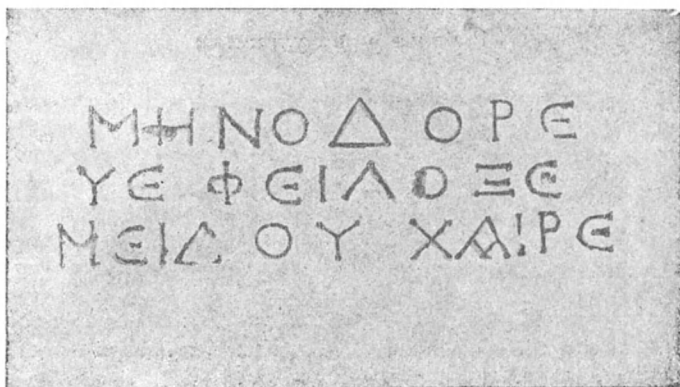

Рис. 5.

Μηνόδωρε

Надпись гласит:

ο <ι>ε Φειλοξενίδου χαῖρε

Менодор, сын Филоксенида, прощай!

На основании написания букв можно отнести этот памятник ко времени между концом I в. до н. э. и началом I в. н. э. Буква ρ — характерна для I в. до н. э., φ и ρ удержали более древнюю форму, ζ с разветвлениями на оконечностях встречается и в I в. до н. э. и в I в. н. э., но ε с разветвлениями на оконечностях это уже характерный переход к началу I в. н. э.

№ 6. Стела надгробная, крупнозернистого известнякового камня, с хорошо сохранившейся надписью.

Размер плит

Длина: 51 см

Ширина: 22 см

Толщина: 11 см

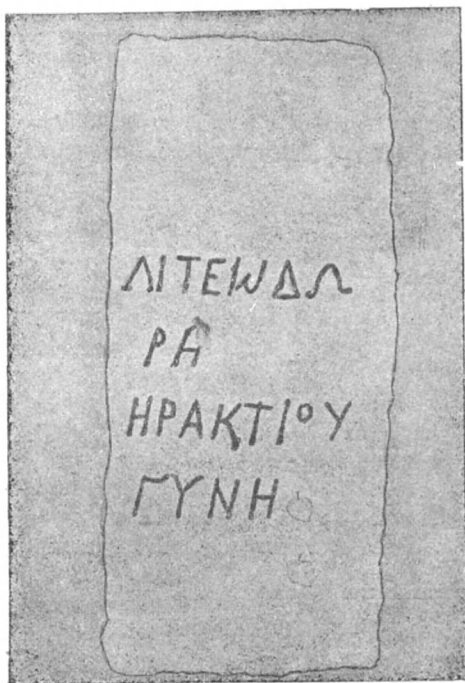

Рис. 6.

Надпись, вырезанная неровными буквами, сохранилась хорошо и читается так.

Λιτειοδώρη | Γερρακτίου | γυνή
Литейодора, жена Геррактия

Найдена мною в Тамани, в саду Таманского музея. Плита лежала среди простых камней, наполовину под землей. Верхняя часть с надписью была в земле, повидимому, много лет, так как вся плита, и особенно верхняя поверхность ее — с надписью, была сильно загрязнена и заросла мхом, главным образом вырезы букв.

После тщательной очистки плиты от земли и мха было обнаружено, что прорезы букв кое-где носят следы синей краски. В трех местах на плите видны следы красной краски. Орнамента вырезанного нет.

Внизу стелы с двух боковых концов просверлены глубокие дырки: может быть, камень был вторично использован.

Начертание букв твердое, но, может быть, несколько поспешное, со следами синей краски в прорезах букв. Тотчас же за словом $\phi\upsilon\upsilon$ виднеется рисунок в виде прорастающего сердца или листика с веточкой вверх, исполненный красной краской. Сантиметров на 10 ниже этот рисунок повторен еще раз.

Шрифт нашей надписи восходит к древним образцам.

На древность надписи указывает характер букв и раскраска стелы. Е, Ω, Α, Ρ, Ν, говорит за IV в. до н. э. Второе Ο в нашей надписи—маленького размера.

В надписи наблюдается наклон справа налево; это могло бы указывать на более древний период, хотя и в IV в. до н. э. мы встречаем надписи с наклоном букв справа налево. Шрифт нашей надписи похож на шрифт надписей Картаи, древнего города острова Кеоса, как в смысле наклона, так и палеографических данных. Возьмем для примера посвятившую надпись IV в. Аполлону, найденную в развалинах храма Аполлона в Картаи [Ἐφημερίς ἱστορικοῦ, Πίνακες Κερθαιίς, V, Tab. II].

Аналогичное начертание букв мы видим в надписи из Asclepieum Epidaurium, изданной в IG. IV, 1345, № 88. Френкель относит надпись к V в. до н. э.

Аналогичное начертание букв Ε, Ω, Α, Ο, Τ, Η, Ρ, Δ видим мы в метрической надписи, начертанной на круглом жертвеннике из белого известняка, найденном в маленькой церкви около селения Φίχιδις, недалеко от Микен (Inscr. Graecae, vol. IV, № 496, стр. 73).

Относительно датировки надписи есть разногласия: ее относят и к IV и V вв. до н. э.

В надписях Боспора можно найти много аналогий (IPE, vol. IV, №№ 36, 82, 273, 275, 287, 294; ИАК, вып. 14, № 46; ИАК, вып. 10 №№ 83, 87; IPE, vol. IV, №№ 363, 358, 335; Watzinger u. Kieseritzky, Griech. Grabreliefs aus Südrussland, № 46. Все они датируются V—IV вв. до н. э. IPE, I, №№ 8—10; ИАК, №№ 2, 14; IPE, II № 97; МАК, вып. 17, №№ 12, 23.

Имена: Литейодора и Герактий впервые встретились на юге СССР. В словаре Шапеллих имен также нет. Созвучное имя мужское,— Δημόδορος на юге СССР встречалось дважды (IPE, vol. II, №№ 353, 402).

Н. П. Розанова

Неизданное письмо Франсуа Шамполлиона (К 125-летию дешифровки египетских иероглифов)

История египтологии в России, особенно в XVIII и в XIX вв., как и вообще история изучения других стран Древнего Востока, ждет еще своего исследователя. Вот почему привлекают внимание документы, которые исходят от основоположника научной египтологии, ее «отца»—Ж. Ф. Шамполлиона и раскрывают его связи с Россией. Интерес к древнему Египту, его цивилизации и памятникам и, особенно, к полемике, вспыхнувшей вокруг дешифровки иероглифов, был гораздо глубже, а связи русских ученых с Западом много шире, чем это отмечалось до сих пор¹. Стоит только просмотреть газеты и журналы обеих столиц за 20-е—40-е гг. прошлого века, чтобы убедиться в этом². Еще немало документов, могущих подтвердить указанные положения, таят

¹ Наиболее подробный обзор, однако далеко не полный и основанный только на литературе, дан в статье Т. Н. Козьминой-Бороздиной «Развитие египтологии в России» («Новый Восток», 1923, № 3). Брошюра Б. А. Тураева «Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г.» (Ленинград, 1927) очень суммарна, а Е. Г. Кагаров в своей работе «Прошлое и настоящее египтологии» (Сергиев-Посад, 1915) останавливается только на конце XIX в.

² См., например, С. А. Венгеров, Источники словаря русских писателей, т. II, СПб., 1910, стр. 157, «И. А. Гулянов». Показателен в этом отношении отрывок из воспоминаний К. С. Сербиновича («Русская Старина», 1874, т. XI, стр. 60). Он рассказывает, что 16 февраля 1822 г. в гостиной у Н. М. Карамзина «граф Сергей Петрович Румянцев сообщал любопытные сведения о ...Гулянове..., который препирается с Шамполлионом о египетских иероглифах...»

наши архивы. До сих пор изданы только четыре письма Шамполлиона к петербургскому книгопродавцу Сен-Флорану и А. Н. Оленину и копия или черновик ответного письма последнего. Они находились среди бумаг А. Н. Оленина, переданных в 1873 г. Русскому археологическому обществу и попавших впоследствии в архив Института истории материальной культуры Академии Наук СССР¹.

Публикуемое ниже письмо Франсуа Шамполлиона к Сен-Флорану по времени предшествует изданному А. В. Мачинским письмам, из которых первое датировано 3 октября 1823 г. Есть основания полагать, что переписка Шамполлиона с Олениным продолжалась и после 15/27 мая 1824 г.—наиболее поздней даты, встречающейся в письмах, а именно в черновике или копии ответа Оленина. В письме от 14 августа 1824 г. из Турина к своему старшему брату—Шамполлиону-Фижаку Шамполлион замечает: «J'écrirais à M. d'Olenine...»². В числе ученых, с которыми Шамполлион находился в оживленной переписке: В. фон Гумбольдтом, Мюнцером, Д. Д. Смитом и т. д., встречается и имя А. Н. Оленина³.

Член Российской Академии Наук, директор Петербургской Публичной библиотеки, а затем с 1817 г. президент Академии Художеств Александр Николаевич Оленин (1763—1843), образованнейший человек своего времени, археолог-любитель, близкий друг и знакомый большинства выдающихся русских писателей и художников той поры, состоял в деятельной переписке со многими европейскими учеными, в том числе и с Вильгельмом фон Гумбольдтом, который еще осенью 1822 г. обратил его внимание на открытие Шамполлиона⁴. Интерес Оленина к египетским древностям и письму оказался активным и длительным. Оленин сам пробовал свои силы в египетской археологии. В его бумагах, переданных в 1873 г. в Русское археологическое общество, находилось «Lettre à M-r Köhler (du 14 Mai 1837) sur les formes et les différentes positions des cartouches Royaux dans lesquelles les anciens Égyptiens plaçaient les noms, prénoms et les titres de leurs souverains»⁵.

Едва ли можно сомневаться, что издаваемое сейчас письмо Шамполлиона, хранящееся в рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, принадлежит к серии писем, частично опубликованных А. В. Мачинским. На это указывают адрес время написания и содержание письма. К сожалению, не удалось установить, как и когда настоящее письмо попало в Государственную публичную библиотеку, где оно находится в собрании автографов.

Модный в те годы книжный магазин Сен-Флорана и Белизара был местом встречи ученых и любителей наук и искусств⁶. Выполняя, вероятно, заказ Оленина, проявлявшего усиленный интерес к работам Шамполлиона⁷, Сен-Флоран и обратился к последнему с запросом о времени выхода в свет «Précis du système hiéroglyphique...», ответом на который и является настоящее письмо.

¹ А. В. М а ч и н с к и й, Переписка Ж. Ф. Шамполлиона с А. Н. Олениным «Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 4, апрель.

² «Lettres de Champollion le jeune» recueillies et annotées par H. Hartleben, tome premier, Paris, 1909, «Bibliothèque Égyptologique», т. 30, стр. 41.

³ H. H a r t l e b e n, Champollion. Sein Leben und Werke, I B., Berlin, 1906, стр. 473.

⁴ «Lettres de Champollion le jeune», т. I, стр. 41.

⁵ «Опись бумаг и сочинений А. Н. Оленина, переданных в распоряжение Археологического общества» («Археологические труды А. Н. Оленина», т. I, СПб., 1881, стр. XIII, № 51). Сравн. также вводные замечания А. В. Мачинского к переписке Ж. Ф. Шамполлиона с А. Н. Олениным («Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 4, апрель, стр. 23—25).

⁶ Н. И. Г р е ч, Записки о моей жизни, М.—Л., 1930, стр. 142.

⁷ См. также письмо Шамполлиона к Сен-Флорану от 3 октября 1823 г. в упомянутой публикации А. В. Мачинского. Этот интерес А. Н. Оленина к открытию Шамполлиона превосходно подтверждается отрывком из неизданного письма к нему И. А. Гулынова, ожесточенного противника Шамполлиона. Париж, 9 сентября, 1823 г. «Милости-

Основной труд Шамполлиона, в котором он излагает свое открытие, вышедший под несколько тяжеловесным заголовком «*Précis de système hiéroglyphique des anciens Égyptiens, ou recherches sur les éléments premiers de cette écriture sacrée sur leur diverses combinaisons et sur les rapports de ce système avec les méthodes graphiques égyptiennes*». Par M. Champollion le jeune. Avec un volume de planches, À Paris chez Treuttel et Würtz Libr. À Strasbourg et à Londres même maison de Commerce. 1824. Imprimerie Royale, поступил в продажу не в ноябре 1823 г., как полагал его автор, а лишь в апреле 1824 г. Задержка произошла потому, что король Людовик XVIII, которому Шамполлион по ряду соображений, связанных с его дальнейшей работой, хотел посвятить свой труд, дал согласие на посвящение на личной аудиенции, состоявшейся только 29 марта 1824 г.¹

Упомянутая в письме коллекция Дроветти, о покупке которой ходатайствовал Шамполлион, была собрана итальянцем Бернардо Дроветти (1775—1852 г.), путешественником и археологом, принимавшим участие в экспедиции Наполеона в Египет. Последний затем назначил его там генеральным консулом. На этой должности Дроветти оставался до 1829 г. Используя свои связи и влияние, Дроветти энергично собирал памятники египетской древности, скупая памятники старины от населения и производя хищнические раскопки в некрополях Фив и Мемфиса. Делал он это, главным образом, в целях наживы, ибо интерес к подобным памятникам был тогда очень велик и спрос на них огромный. Дроветти составил две коллекции, из которых первая была куплена в январе 1824 г. королем Сардинии за 415 000 франков и легла в основу превосходного египетского собрания Туринского музея, а вторая, меньшая, приобретена для Лувра в октябре 1827 г. за 150 000 франков.

В письме идет речь о приобретении первого собрания, которое почти два года пролежало упакованное в ящиках в Ливорно, пока шли переговоры с дворами о его покупке. Шамполлион хлопотал о приобретении коллекции для Лувра. Это было первое крупное собрание египетских древностей, склавшееся в Европу. Не добившись успеха, он, как видно из письма, пытался обратить на нее внимание Александра I, стремясь как можно скорее приступить к работам над имевшимися в ней текстами. До него дошли через В. фон Гумбольдта сведения, что Александр I замышляет основать в Петербурге большой египтологический музей². Как только коллекция была куплена для Турина, Шамполлион отправился туда, в июне 1824 г.

(Другой рукой)

A m-r de St. Florent—libraire de la cour à St. Petersburg)

Paris, le 19 Septembre 1823

Monsieur

J'ai l'honneur de vous prier d'agréer tous mes remerciements pour la bonté que vous avez eue de me communiquer la lettre de M-r D'Alenine³: je suis extrêmement flatté que mes travaux aient excité son attention, et je ne le serais pas moins qu'ils pussent obtenir

ный Государь Александр Николаевич, старательность, приложенная Вашим Высокопревосходительством для приобретения письма Младшего Шамполлиона о звучных иероглифах, побуждает меня думать, что дальнейшие сведения по существу сей книжки должны быть предметом Ваших ожиданий. Желая изъяснить Вашему Высокопревосходительству готовность мою ускорить совершение оных, я снабжаю сим письмом г-на Гумелауера, назначенного Вторым Секретарем Австрийского Посольства при дворе нашем, и который будучи в хорошем знакомстве с г-ном Шамполлионом, может удовлетворить запросам Вашим по поводу занятий сего сочинителя и войти даже в подробность предметов, им объемлемых» (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Рукописный отдел, Собрание бумаг А. Н. Оленина).

¹ «Lettres de Champollion le jeune», т. I, стр. V—VI.

² Там же, стр. 41, примечание 3.

³ Шамполлион ошибочно пишет «Alenine» вместо «Olenine»

son suffrage; je regrette de ne pouvoir vous dire aujourd'hui, que mon précis sur le système hiéroglyphique est terminé: il ne le sera que pour le commencement de novembre. C'est un volume in 8° d'environ 500 pages et 80 planches. Je dois aux bontés du Roi son exécution à l'Imprimerie Royale. C'est là encore un nouveau témoignage de la protection particulière que S. M. veut bien accorder aux études égyptiennes. Ce Royal exemple sera sans doute imité par les autres Souverains de l'Europe. L'Empereur Alexandre, qui a tant fait pour les lettres et les arts, n'y sera pas insensible, aujourd'hui surtout, que la magnifique collection d'antiquités Egyptiennes, formée par M-r Drovetti et qui à elle seule formerait un superbe musée, doit être entre tous les souverains de l'Europe l'occasion d'un noble concours pour son acquisition. Elle est en grande partie déposée à Livourne et les amis des arts et des lettres desirant ardemment, qu'elle soit enfin exposée dans une des capitales de l'Europe. Il serait tout à fait digne du souverain d'un grand Empire de rendre ce service aux études historiques: je ne doute point que M-r D'Alenine ne partage mon sentiment à cet égard. Veuillez me permettre de vous prier de lui faire agréer mes hommages empressés et mes sincères remerciements pour l'opinion bienveillante, qu'il exprime sur mes travaux. Mon frère prend la liberté de lui adresser une petite brochure, qui pourra peut-être l'intéresser

J'ai l'honneur de vous prier, Monsieur, d'agréer l'hommage de la considération distinguée et du parfait dévouement avec lesquels je suis

Votre très humble et très obéissant serviteur

J. F. Champollion le jeune

Rue Mazarine No. 28

(Другой рукой в начале письма написано—

Г. де Сент-Флоран—книгопродавцу двора в Санкт-Петербурге)

Париж, 19 сентября 1823 г.

Сударь, я имею честь просить Вас принять мои благодарности за любезность, которую Вы мне оказали, сообщив мне письмо г. Оленина. Я чрезвычайно польщен, что мои работы возбудили его внимание, и буду польщен не в меньшей степени, если они получат его одобрение. Я крайне сожалею, что не могу сообщить вам сегодня об окончании обзора иероглифической системы. Он будет закончен не ранее начала ноября. Это том в 8°, около 500 страниц текста и 80 таблиц. Я обязан любезности короля его печатанием в Королевской типографии. Это еще новое доказательство особого покровительства, которое его величество изволит жаловать занятиям египтологией. Этот королевский пример, без сомнения, будет воспринят другими монархами Европы. Император Александр, который так много сделал для искусств и наук, не останется к ним нечувствительным, особенно теперь когда великодушная коллекция египетских древностей, собранная г. Дроветти, могущая одна образовать целый музей, должна послужить поводом благородного соревнования между монархами Европы за ее приобретение. Большая часть ее прибыла в Ливорно, и друзья наук и искусств пламенно желают, чтобы она, наконец, была выставлена в одной из столиц Европы. Будет в высшей степени достойно со стороны повелителя великой империи оказать эту услугу историческим занятиям. Я несколько не сомневаюсь, что г. Оленин разделяет мои чувства в этом отношении. Соболаговолите разрешить мне просить Вас передать ему совершенное почтение и искренние благодарности за благосклонное мнение, которое он выражает относительно моих работ. Мой брат берет на себя смелость написать ему маленькую брошюру, которая, может быть, сможет его заинтересовать.

Имею честь просить Вас, сударь, принять уверения в почтительном уважении и совершенной преданности, в которых я пребываю.

Ваш смиренный и покорный слуга

Ж. Ф. Шамполлион-младший

Улица Мазарини № 28

И. С. Кацнельсон

Новые материалы о Г. Шлимане

(Рукописный архив Института истории материальной культуры Академии Наук, фонд 1, № 2 (1883 г.)

Биография Г. Шлимана в сущности еще не написана. Она целиком покрывается автобиографией, романом, который он написал сам о себе. Это повесть о целеустремленности человеческой воли, а не жизнеописание настоящего, живого человека. Между тем такая личность, как Шлиман, заслуживает биографии, основанной на точных, проверенных данных. Однако данные эти еще не собраны и едва ли когда-нибудь будут собраны с исчерпывающей полнотой, если принять во внимание разнообразие деятельности и Шлимана и географическую протяженность поля его деятельности.

В частности, очень много неясного представляет период пребывания Шлимана в России. Шлиман, как известно, наполовину принадлежит нашей стране. Россия дала ему средства для осуществления его грандиозных археологических изысканий. Без русских миллионов Троя и Микены были бы, может быть, до сих пор не раскопаны, и, кто знает, может быть, человечество не подозревало бы о самом существовании крито-микенской культуры.

Шлиману и самому не хотелось порывать связи со страной, которая если и не стала для него второй родиной, то во всяком случае была золотым дном. Был момент, когда он собирался перенести свою раскопную деятельность на русскую территорию. К сожалению, связи с Россией к этому времени были у него безнадежно испорчены по каким-то неизвестным нам причинам «политического и гражданского характера».

Это было в конце 1882—начале 1883 г. Троя, Орхомен и Микены были уже раскопаны. Имя Шлимана-археолога уже прогремело в Европе. Через члена Русского археологического общества Н. В. Помяловского Шлиман сделал предложение Археологической комиссии вести на свой счет раскопки в южном Закавказье на самых выгодных условиях; все расходы он брал на себя, все найденное обязывался передать в Эрмитаж.

Археологическая комиссия в лице ее председателя И. А. Васильчикова отнеслась к предложению Шлимана очень сочувственно, но на пути встало непреодолимое препятствие. В прошлом Шлимана было что-то такое, что делало его въезд в Россию невозможным. Для въезда требовалось не только «высочайшее разрешение», но и «всемиловитейшее помилование». Эта необходимость «помилования» заставляет предполагать, что Шлиман, еще во время своего пребывания в России, совершил какое-то правонарушение и был осужден. Может быть, отъезд его из России и ликвидация торговых дел имели совсем не тот характер, какой приписывает им автобиография. Высылка за пределы России часто применялась по отношению к иностранцам в тех случаях, когда русские подданные просто несли ответственность по суду.

Шлиман в это время числился американским гражданином. Положение его в торговом и финансовом мире Петербурга было очень видным. Состояние определялось несколькими миллионами. Правонарушение должно было казаться весьма тяжким, если к лицу такого общественного положения была применена подобная мера, но царское правительство, видимо, считало Шлимана опасным правонарушителем, если не нашел возможным много лет спустя допустить его, уже прославленного археолога, на русскую территорию.

Шлиман, как известно, был не только страстным и счастливым археологом, но и дельцом очень широкого размаха. Возможно, что именно этот широкий размах и оказал ему в данном случае плохую услугу.

К сожалению, из сохранившейся переписки не видно, чем был мотивирован отказ впустить Шлимана в Россию, известно, однако, что раскопки в Закавказье не состоялись, о чем приходится только пожалеть.

МАТЕРИАЛЫ

1

ПИСЬМО ЧЛЕНА РУССКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЕЩЕСТВА И. В. ПОМЯЛСКОГО
К ПРЕДСЕДАТЕЛЮ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ И. А. ВАСИЛЬЧИКОВУ

Милостивый Государь Илья Андреевич!

к сожалению, я и сам знаю весьма мало о Шлимане-junior¹; зовут его Сергей Андреевич и служит он в Киеве, по судебному ведомству. Находится ли он в настоящее время в Петербурге, не знаю, не знаю и о том, подал ли Шлиман-senior всеподданнейшее прошение о возвращении его в Россию.

Если время терпит, то я спрошу московского свего благоприятеля проф. Цветаева, с рекомендацией которого явился ко мне Шлиман, и об ответе не премину известить Вас...

Усердный Ваш почитатель

И. Помяловский

9 января 1883 г.

Примечания

1. Шлиман, Сергей Андреевич, сын Г. Шлимана от его первой, русской жены, Екатерины Лыжиной; род. в 1859 г., умер несколько лет назад в глубокой старости. Имя Шлимана Генрих, по-французски Henri, переводилось в России «Андрей», и дети его именовались Андреевичами.

Отношение С. А. Шлимана к его знаменитому отцу, из-за которого ему пришлось пережить много неприятностей, было весьма отрицательным; см. его письмо в редакцию «Исторического Вестника» по поводу восторженной статьи Ф. Булгакова «Шлиман и его археологическая деятельность» («Исторический Вестник», 1891, № 2). Насколько мне известно, отношение это не изменилось до конца.

2

КОПИЯ РАПОРТА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ МИНИСТРУ
ДОРА, 18 ЯНВАРЯ 1883 г.

...Известный искатель древностей Генрих Шлиман обратился ко мне с просьбой дозволить ему производить археологические раскопки в Закавказье по горному нашему Черноморскому побережью. Все расходы по раскопкам Г. Шлиман принимает на свой счет, а все им найденное, в полном составе, передает в собственность Императорского Эрмитажа. Сколько мне известно, причины политического и гражданского свойства не позволяют г. Шлиману вернуться в Россию без Высочайшего на то разрешения и Всемилостивейшего помилования, тем не менее считаю долгом довести до сведения Вашего Сиятельства о сделанном Шлиманом предложении.

Генрих Шлиман имеет в настоящее время громкую, европейскую известность. Раскопки его в Гиссарлике, на местности древней Трояды (так!), произведенные в 1871—1873, 1878—79 и 1882 годах, в Микенах в 1874—1876 годах, в Итаке в 1878 году и в Орхомене в 1881 году, привели к блистательным результатам и бросили яркий и притом совершенно новый свет на давнее прошлое Греции. Описания найденных предметов (Antiquités Troÿennes—1874, avec atlas¹, Mycènes—1877², Ilios—1881³, Orchomènes—1881⁴) составлены самим Шлиманом и несколько грешат в строго-научном отношении. Нет сомнения, что для Императорского Эрмитажа согласие на предложение профессора Шлимана могло бы быть весьма выгодным. Археологическая Комис-

сия при относительно ограниченных средствах имеет уже слишком обширное поле деятельности внутри России и по северному черноморскому поморию, чтобы затрачивать капиталы на сравнительно гораздо менее обещающий южный Закавказский край. Профессора Шлимана туда влекут тесная связь старинной Греции и древней Колхиды, а для археологической Комиссии хватит на многие годы труда в местностях, исторически более определенных. Мне кажется, что никак не следовало бы, буде встретится возможность к разрешению г. Шлиману возвратиться в Россию, отклонить прибыльное его предложение. Произведенные им раскопки могут обогатить Императорский Эрмитаж весьма ценными вкладами и притом разъяснить много темных исторических вопросов. Если же, напротив, раскопки профессора Шлимана ни к чему не приведут, то это послужит весьма полезным указанием для Археологической Комиссии в будущем. И в том и другом случае дело это принесет пользу казне, не вводя казну в издержки.

Подписал: в должности Гофмейстера

Васильчикова

Примечания

1. «Trojanische Alterthümer. Bericht über die Ausgrabungen in Troja», Leipzig, 1874, французское издание, которым, видимо, пользовался И. А. Васильчиков: «Antiquités troyennes», Paris, 1874.
2. «Mycènes», London, 1878, франц. изд. «La Grèce primitive, Mycènes», Paris, 1879.
3. «Ilios», London, 1880, немецкое изд. «Ilios. Stadt und Land der Trojener», Mit einer Selbstbiographie des Verfassers, einer Vorrede von R. Virchow und Beiträgen von P. Ascherson, H. Brugsch-Bey, E. Burnouf, Frank Calvert, A. J. Duffield, J. P. Mahaffy, Max Müller, A. Postolaccas, A. H. Sayce und A. Virchow, Leipzig, 1881.
4. «Orchomenos», Leipzig, 1881.

О. Бич

Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана

Осенью 1946 г. Аму-Дарьинская экспедиция, возглавляемая Коржовиным, провела рекогносцировку обширных пространств пустующих земель в западной части Узбекистана, которые будут орошены после вывода огромного канала из р. Аму-Дарья в районе Келиста и реорганизации ирригационной системы в бассейне р. Зеравшана.

Совместно с геологами, гидро-геологами, почвоведом и химиками приняли участие в работах экспедиции археологи—научные сотрудники АН Уз. ССР А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум.

Группой были осуществлены следующие рекогносцировочные работы:

1. Обследован маршрутный участок от г. Самарканда до г. Карши по трассе Зеравшанского канала.
2. Обследован Каршинский оазис.
3. Проведено обследование Кенимехской степи в северной части Бухарской области.

Перед рекогносцировкой каждого участка, учитывая возможную специфику его, ставились определенные узкие задачи с целью выяснения лишь общего своеобразия исторического и культурного развития общества на данной территории. В определении целей работы мы руководствовались задачами комплексных исследований Аму-Дарьинской экспедиции 1946 г.

Рекогносцировка велась быстрыми темпами, определявшимися передвижением на автомашинах при весьма ограниченных сроках пребывания в отдельных пунктах.

При обследовании трассы Зеравшанского канала на участке между г. Самаркандом и г. Карши предстояло установить: 1) действительно ли овраг Иски-ангар являлся

в древнее время арыком; 2) древность существования искусственного орошения в Каршинской степи.

Количество археологических памятников, которые удалось обследовать по маршруту, составило лишь незначительную часть тех, которые находятся на местности.

Осмотр оврага Иски-ангар не оставил у нас никаких сомнений в том, что он является ложем древнего арыка, находившегося в непосредственной связи с ныне действующей системой арыка Даргома. Возможно, первоначально он функционировал по линии Одылды-сая, протянутого так же в широтном направлении и так же «по горизонтали», как и Иски-ангар, но несколько южнее его. Не доходя совхоза Улус, Иски-ангар пересекает водораздельную гряду холмов. Место пересечения холмов носит наименование Кескен-жар. Здесь через холм прорыт огромный каньон в 900 м длины и 23 м глубины, представляющий собой, несомненно, крупный памятник древнего инженерно-иригационного искусства. Ниже Кескен-жара арык Иски-ангар входит сухой в долину Кум-Дарья и через вододелительную систему в 3 км северо-восточнее Шур-базара распределяется мелкой сетью по Каршинской степи.

Археологические памятники по Иски-ангару концентрируются в присамаркандской зоне, ниже же, по течению древнего арыка, они становятся значительно реже и вновь становятся обильнее в Каршинской степи.

В присамаркандской зоне памятники представлены руинами крепостных сооружений в виде отдельно стоящих замков, превратившихся в бугры (тепе, таль); их характеризуют культурные остатки типов Тали-барзу I и II, в частности, кубки на высоких ножках, на основании чего эти замки можно отнести ко времени начала нашего летоисчисления.

Для Каршинской степи характерны Базар-бука и Кара-тепе—остатки крупных замков, древность и время возникновения которых пока не установлены. К X в. вокруг них выросли крупные поселения городского типа, существование которых обрывается в начале XIII в.

На основании археологических данных устанавливается, что система арыка Иски-ангар, питавшая поливное земледелие в Каршинской степи, возникла до начала нашей эры, причем земледелие в Каршинской степи достигло наибольшего развития в X—XII вв. Конец иригации в Каршинской степи, по видимому, следует связывать с опустошительным нашествием монголов Чингис-хана в 1219—1220 гг., в результате которых погиб город Самарканд на Афрасиабе.

Памятники материальной культуры Каршинского оазиса на нижнем течении р. Кашка-Дарья почти совершенно не освещены в археологической литературе. Здесь предстояло выяснить: 1) типы памятников, 2) культурные стадии, 3) крайние пределы распространения иригационного земледелия в оазисе в древности, 4) имели ли место крупные изменения в режиме р. Кашка-Дарья, которые могли бы повлечь за собой высокий подъем материальной культуры в древности.

В Каршинском оазисе более детально удалось обследовать район станции Карши, проведен кольцевой маршрут от г. Карши через Бешкент, Куна-фазли, Касьби, Касан до Карши и обследованы памятники по дороге от г. Карши до Зарканака (на Касьби); всего было осмотрено 27 памятников, что составляет весьма небольшую часть из числа тех, которые хорошо заметны на местности в виде холмов искусственного происхождения.

В оазисе выявляются три основных типа памятников: 1) остатки замков в виде двухъярусных холмиков (кешк с двором); 2) остатки замков с высоким холмом в центре и двумя-тремя рядами валов вокруг (кешк со сложной системой укреплений); 3) остатки укрепленных городов.

Почти все они возникают в доарабское время, причем многие из них в X в. превратились в сельские поселения, достигавшие в отдельных случаях значения городков. Критическим моментом в жизни оазиса следует считать, как и для Каршинской степи, монгольское завоевание, после которого иригация и земледелие должны были находиться в течение длительного периода в крайне упадочном состоянии. В 1220 г. Чингис-хан провел лето в долине Кашка-Дарья. Она была облюбована монголами,

впоследствии здесь был лагерь начальника монгольских военных сил, а в начале XIV ст. она становится местопребыванием монгольского хана Кебека, построившего дворец «Карши», от которого получил наименование современный город.

Каршинский оазис необыкновенно богат археологическими памятниками; бугры, оставшиеся на месте древних сооружений, очень густо (в 0,25—1,0 км) рассеяны по всей аллювиальной равнине, более же всего их в ближайшей округе к г. Карши.

Рис. 1. Фрагмент глазурованного блюда с тепе № 12 между гг. Карши и Кассаном (X в. н. эры)

Некоторые из обследованных памятников имеют важное историческое значение. Так, в остатках обширного замка Кафыр-тепе в г. Карши были найдены предметы материальной культуры греко-бактрийского периода (III—II в. до н. э.), в том числе полушарические чаши, лепленные из глины без гончарного круга (рис. 1—2)

Рис. 2. Глубокая миска из г. Кассана (VIII—IX вв. н. эры).

Руины Зоха-и-морон около ст. Карши, восходя к кушанскому времени (первые века нашей эры), замечательны сложностью укреплений и, несомненно, представляют собой ценный архитектурный памятник. На пути из г. Карши в г. Кассан находятся развалины большого города Ир-курмана, тоже кушанского времени, укрепленного двумя линиями стен; внутри сохранились остатки четырех монументальных сооружений, вероятно, дворцов и храмов. В Ир-курмане были найдены обломки глиняных кубков изящной работы, подобных кубкам с развалин древнего Самарканда (городище Афрасиаб), и терракотовая фигурка, изображающая музыканта (рис. 3). На крайнем пустынном западе Каршинского оазиса обследованы развалины замка эпохи тюрк-

ского каганата (VI—VII вв. н. э.)—Куны-фазли, который к X в. перерастает в значительный по величине городской центр. В слоях древнего укрепления в г. Кассане добыт комплекс предметов арабской эпохи (VIII—IX вв.), ценный для понимания того как складывалась материальная культура средневековья. Среди этих предметов особенно интересны глубокие мисочки, часть полихромного глазурованного блюда и стеклянная ложка.

Наметились основы первой периодизации истории материальной культуры для Каршинского оазиса, охватывающей время с III в. до н. э. до XIII в. н. э., дальнейшая углубленная разработка которой будет весьма важной для правильной и планомерной работы как на трассе канала, так и в областях будущего орошения.

Рис. 3. Терракотовая фигурка музыканта из Ир-курмана (первые века н. эры).

Выше отмечалось, что Каршинский оазис отличается необыкновенным изобилием археологических памятников. Этот факт мог бы быть истолкован как указание на какой-то большой подъем культуры в древности. Однако такая интерпретация, приложимая к раскрытию истории культуры во многих других районах Средней Азии, была бы ошибочной для понимания исторических процессов в Каршинском оазисе. Развитие ирригационного земледелия, а вместе с тем и культурной жизни в оазисе было сурово лимитировано незначительностью р. Кашка-Дарья в своих низовьях как водного источника. Она не могла явиться базой для образования крупного культурного центра ни в эпоху рабовладельческого, ни в эпоху феодального общества с их постоянными политическими переворотами и грабительскими войнами. Почвы Каршинского оазиса плодородны, пространства удобной для хлебопашества земли обширны, по этого было недостаточно. Если недостаток воды в настоящее время заставляет определять Каршинские земли как условно-поливные, то с такой же меркой нужно подходить к ним и при рассмотрении процесса возникновения и развития культуры в течение всего исторического периода.

Возникавшие города и селения уничтожались, со временем появлялись новые, которые претерпевали такую же участь.

Исходя из всего, что пришлось наблюдать, следует считать, что в общем режиме р. Кашка-Дарья в течение исторического периода никаких существенных изменений не произошло, дебет воды в ней остается таким же небольшим, каким он был и в древности.

В Кенимехской степи, обнимающей всю северную часть Бухарской области, рекогносцировкой выяснены в общих частях следующие вопросы: 1) наличие археологических памятников и время их существования; 2) общие особенности процесса освоения человеком степных пространств в древности; 3) функционировало ли в исторический период сухое русло Дарья-са в качестве ложа постоянного водного протока.

Кенимехская степь, не только безводная, но во многих частях песчаная, имеет ярко выраженный пустынный облик. Человек столкнулся здесь с такими грозными силами природы, которые ему не удалось преодолеть, и он, например, никогда не делал попыток освоить ее под ирригационное земледелие. Более того, под песками, накапливавшимися из степи на северной и северо-западной окраинах Бухарского оазиса, были погребены значительные площади культивировавшихся в древности земель, так что под ними постепенно оказались даже многие известные в письменных исторических источниках города и селения, в том числе города Вардана и Варахша, выступавшие еще в VI—VII вв. н. э. как конкуренты Бухары на политическое господство в стране.

На берегах Дарья-са, русло которой проходит вдоль подножий гор Кульджук-тау и Кынгыр-тау, никаких следов постоянной, оседлой жизни не обнаружено. Ров

и малые, одиночные и группами стоящие бугры, обозначенные на карте 100.000 масштаба на южном берегу Дарья-сая к югу от колодца Ташкудук (юго-восточный склон гор Кульджук-тау,) не созданы человеческими руками, а имеют чисто естественное происхождение (специально они описаны гидро-геологом Б. М. Георгиевским).

Кенимехская степь служила первоначально, в IV—II тысячелетиях до нашего летоисчисления, местом охоты для первобытного человека. Охота, повидимому, обычно

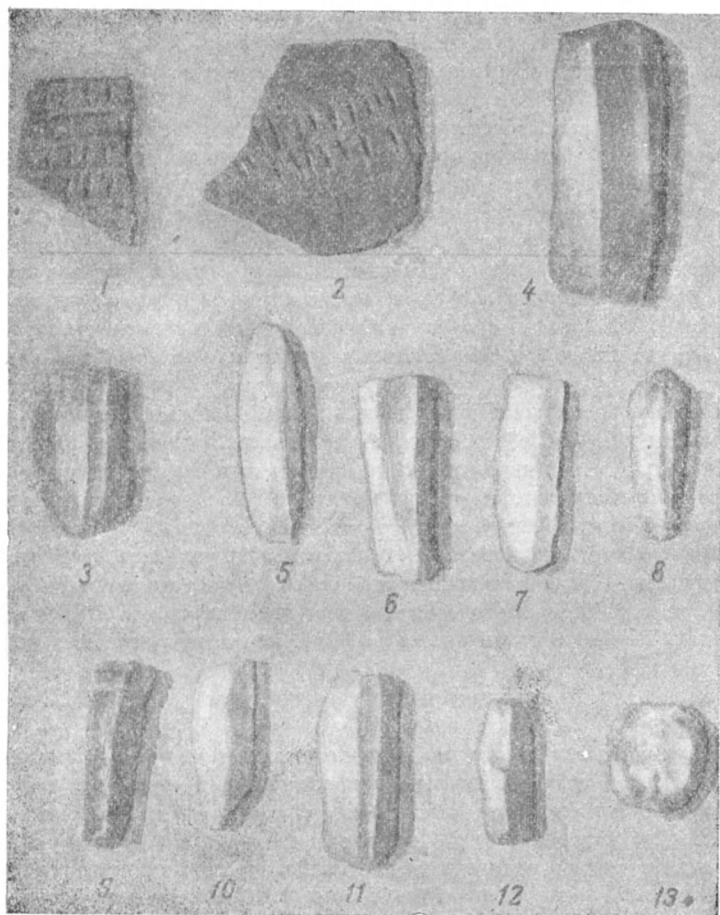

Рис. 4. Предметы с энеолитической стоянки у колодца Люхча в Кенимехской степи к северу от г. Бухары (1—2 фрагменты сосудов, 3—4 нуклеусы, 5—11 кремневые пластины, 12—13 скребки).

велаась в зимнее время, когда вода накапливалась в лужах из атмосферных осадков, и носила, таким образом, сезонный характер. Некоторые районы степи, возможно изобиловавшие дичью, более охотно посещались звероловами. К числу таких мест принадлежала, например, впадина у горько-соленого колодца Люхча по дороге из Вобкента в совхоз Дженгильды, на берегах которой удалось собрать значительное количество микролитовидных кремневых орудий и обломков архаической глиняной посуды с примитивными узорами (рис. 4). Человек времени неолита и энеолита проникал в самые глухие уголки Кенимехской степи, но обнаруживаемые следы его посещения показывают, что они бывали всегда крайне кратковременными.

Позднее, с развитием животноводства, Кенимехская степь используется под кочевое скотоводство, базировавшееся на колодцах и хаках (ямах с водой из атмосферных осадков); археологически кочевое скотоводство документируется лишь рассеянными по территории и у колодцев обломками глиняной посуды различных исторических эпох.

В итоге археологической рекогносцировки западной части Узбекистана в связи с Аму-Дарьинской проблемой устанавливается следующее:

1. Иски-ангар (по которому должен пройти Зеравшанский канал) являлся руслом канала, орошавшего Каршинскую степь, примерно, с первых веков до н. э.—по XIII в. н. э., причем ирригационное земледелие в Каршинской степи прекратилось, повидимому, со времени монгольского завоевания.

2. В Каршинском оазисе с глубокой древности (предположительно с начала I тысячелетия до н. э.) стало развиваться ирригационное земледелие, но, ввиду малого дебета воды в р. Кашка-Дарье, оно никогда не достигало высокого уровня; хозяйство обитателей оазиса в древнее время и в средние века складывалось как земледельческое с некоторым уклоном к кочевому скотоводству.

3. Кенимехская степь ввиду пустынности никогда не использовалась под ирригационное земледелие. Первоначальными обитателями ее были охотники за дичью, а позднее кочевники. Дарья-сай в исторический период являлся сухим ложем естественного и непостоянного водотока и совершенно не мог быть использован для целей ирригации.

4. Данные рекогносцировки подтверждают высказанное в свое время академиком В. Б. Бартольдом положение о том, что за исторический период в климате Средней Азии не произошло таких изменений, которые могли бы существенно отразиться на режиме рек; никаких данных, которые могли бы подкрепить известную гипотезу о постепенном усыхании рек Средней Азии, не получено.

Дальнейшая разработка историко-археологических вопросов, имеющих значение для постановки Аму-Дарьинской проблемы, потребует проведения ряда углубленных исследований в верхней части древнего арыка Иски-ангар, в Каршинской степи и в Каршинском оазисе. В связи с этим в 1947 г. намечается осуществить следующие работы:

1. Вскрытие руин одного замка на Иски-ангаре между арыком Даргомом и Кескен-жаром.
2. Предварительные раскопки на Кара-тепе и Хазар-бука в Каршинской степи.
3. Раскопки 20 могильных курганных насыпей на краю степи к югу от Бустана.
4. Раскопки одного монументального сооружения в Ир-кургане между г. Карши и г. Кассаном.
5. Раскопки древнего водodelителя в нижней части Иски-ангара.
6. Углубленные раскопки на руинах замков Кафыр-тепе и Зохаки-Морон в г. Карши.

А. Тереножкин

Археологические открытия в Италии за последние годы¹

Италия продолжает оставаться сокровищницей археологических памятников. При всякого рода земляных работах, прокладке дорог, водопроводов, расширении улиц, реконструкции домов и т. д. наталкиваются на все новые и новые памятники

¹ Предыдущий обзор см. ВДИ, 1939, № 1, стр. 223.

архитектуры, искусства и бытовые вещи, обогащающие музеи и способствующие развитию исторической науки. Не имея возможности описать все многочисленные находки последних лет, мы остановимся лишь на основных открытиях, сделанных как в результате специально предпринятых археологических раскопках, так и при случайных земляных работах.

Северная Италия

А о с т а. Во время земляных работ, связанных с восстановлением римского театра, были открыты: остатки раннеримской башни древнейшей городской стены, часть позднеимской городской стены и позднеимское кладбище. Некоторые из могил связаны с маленькой постройкой с апсидой, являющейся, вероятно, древнехристианской однонефной кладбищенской церковью IV в., но другие могилы являются более ранними. Можно проследить три типа могил: 1) покрытые черепицами, поставленными наклонно друг к другу; 2) выложенные бутом, перемешанным с обломками кирпича, и покрытые нерегулярными каменными плитами; 3) покрытые грубо отесанными каменными плитами.

Инвентарь могил очень незначителен и беден. Было найдено кольцо и подвеска из золота, бронзовые кольца, бронзовые монеты, из которых одна—времени Константина I и Теодориха I, и немного глазированной керамики (АА, 1941, 320).

Б е р г а м о. При прокладке водопровода на глубине 1,90 м найдена мостовая римского времени, лежащая на глинистой подушке. Прямоугольные камни мостовой были сделаны из местного камня и лежали параллельно оси улицы. Пешеходная тропа была отделена от проезжей части улицы большими блоками.

К а с т е л ь г а б б и а н о. Здесь были найдены три погребения. Костяки, ориентированные головой на запад, лежали прямо на земле. Среди могильного инвентаря найден золотой медальон Марка Аврелия, имевший на одной стороне изображение императора, на другой—трофея, со стоящими пленными германцами. Медальон относится к 172/73 г. и служил амулетом или подвесным украшением. Оружие, найденное в других могилах, характерное для лангобардов, а также другой инвентарь заставляют датировать погребения VI—VII вв. (АА, 1941, 332 сл., АЖА, 1943, 238 сл.).

М и л а н. Земляные работы, производимые в связи с восстановлением древней городской церкви св. Лоренцо Маджоре, позволили сделать ряд открытий, связанных с планом и историей этой постройки. Было установлено, что церковь возведена в IV в. на свободном от ранних построек месте. В качестве строительного материала для нее был использован камень крупных построек II—III вв. до н. э., в частности, амфитеатра. Одновременно с церковью были воздвигнуты колоннада и две капеллы, представляющие единый ансамбль (АА, 1941, 334 сл.).

М е р г о ц ц о (провинция Новара). Здесь открыто кладбище римского времени. В различных слоях было найдено 23 могилы, из них 15 трупоположений и 8 трупосожжений. Погребальный инвентарь беден и немногочислен: стеклянные лакримарии, глиняные вазочки, железные кольца и медные монеты императорского времени. Железные гвозди, находящиеся в могилах римской эпохи, свидетельствуют о существовании обычной хоронить покойников в деревянных гробах (АА, 1941, 340 сл.).

С у з а (пров. Турин). Проводилось исследование в районе Castello della Marchesa Adelaide, который возвышается над римским лагерем и обломками античных построек. В результате этих работ между двумя башнями крепостной стены были открыты ворота и выстланный мраморными плитами двор, связанный посредством лестниц и дверей с окружающими помещениями. Был обнаружен также прямоугольный зал с двумя опорами перекрытия посередине и купальня. Из отдельных находок надо отметить фрагменты надписей, бронзовые предметы, монеты, топор из серпентина, вырезанную из местного камня человеческую голову и фрагмент капители коринфского ордера (АА, 1941, 341 сл.).

Т у р и н. В собрании Манчини был открыт неизвестный до сих пор золотой медальон императора Западной Римской империи Ливия Севера III (461—465 г.

У этого медальона не было ни ушка для подвешивания, ни иголки для прикалывания, как обычно у медальонов такого типа, служивших украшениями (рис. 1).

Рис. 1. Турин. Золотой медальон Ливия Севера.

А д р и я. Еще в 1936 г. начались раскопки свайных построек в публичном саду. На глубине 4 м от поверхности современной улицы были найдены досчатые

Рис. 2. Аквилея. Деталь ограды 1-й погребальной площади.

основания хижин, причем доски употреблялись здесь не для основания построек, а для укрепления почвы, как бывает обычно в болотистых местностях.

Раскопки показали, что поселение было построено на незаселенном ранее месте после того, как были выкорчеваны пни, следы корней которых еще сохранились. Во время раскопок было найдено много черепков и костей животных, а немного выше слоя с остатками хижин—остатки угля и обломки греческих чернофигурных ваз.

В другом районе раскапывалось доримское погребение. Была открыта могила с необычайно богатым инвентарем, в числе которого, кроме различных бронзовых предметов, была подставка для лампы с ножками в виде звериных лап, много сосудов,

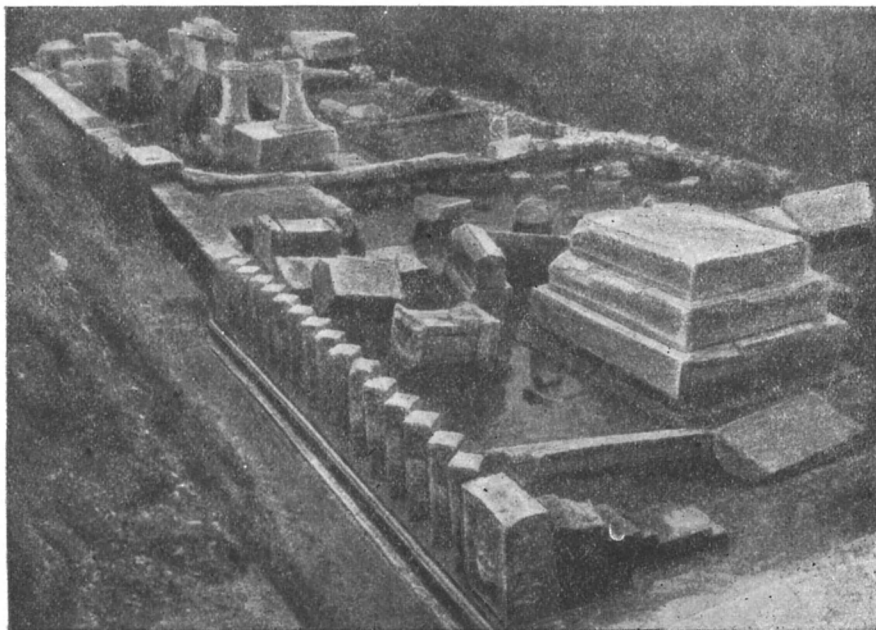

Рис. 3. Аквилея. Погребальные площади императорского времени.

а особенно их ручек. Были найдены также золотые кольца из загнутой спиралью проволоки и девять лепестков из листового золота, которые были, вероятно, пришиты к полоске кожи или материи.

При раскопках некрополя античного поселения было открыто 247 могил с труположением и 133 с трупосожжением.

Весь некрополь был расположен от 1,5 до 4 м глубже современного уровня почвы, причем могилы с труположением были, как правило, на глубине от 2,20 до 2,70 м, а с трупосожжением—на глубине от 1,50 до 2 м.

Могилы с трупосожжением содержали погребальные урны различных типов и форм, так же как и различный инвентарь. В качестве погребальных урн употреблялись амфоры и пифосы, но встречались и прекрасные стеклянные оссуарии. Вообще в могилах очень много стеклянных изделий. Среди керамики, найденной в погребениях, много ваз из terra sigillata раннеимператорского времени, в том числе имеется прекрасная чаша из знаменитой мастерской С. Асо Diophanes и чернолаковый омфал с рельефными изображениями вознесения Геракла на Олимп, в сопровождении других богов, на колеснице.

Остальной могильный инвентарь: украшения, утварь, шейные цепочки, фибулы, кольца и др., отличается скромностью и сделан преимущественно из бронзы. Найденные в могилах монеты относятся к периоду от последнего столетия Римской республики до первого века империи.

Судя по надписям на надгробных памятниках умершие были членами семейств Aemilia, Grania, Mystia, Teidia. Другой тип могил, содержащих захоронения с трупом

положениями, внешне отличается крайней скромностью. Покойники, возможно, клались в деревянные гробы, от которых, впрочем, не дошло никаких остатков. Костяки были ориентированы с северо-запада на юго-восток. Могильный инвентарь располагался с правой стороны. Это была преимущественно керамика: сосуды разных форм и размеров местного производства с растительным и геометрическим орнаментом. Найдена лишь одна аттическая чернофигурная амфора VI в. до н. э. (АА, 1941, 348 сл.).

Рис. 4. Гоито. Золотая цепь и фибула.

А к в и л е я. При дорожных работах на Via Appia были открыты пять рядом лежащих погребальных участков одинаковой длины—около 8,87 м, или в 30 римских футов, и различной ширины. Задняя пограничная стена у всех пяти была общей, из необработанного камня и, очевидно, была воздвигнута позднее. Фасадные и боковые стены были различных типов и воздвигались в различное время, как и сами могилы. Почти в каждой из них на цоколе из камней или кирпича возвышался памятник в виде довольно большой колонны, увенчанной пирамидальной капителью и украшением в виде шишки, или монументальный алтарь (рис. 2 и 3) (JRS XXXVI (1946), 17).

Г о и т о (пров. Мантуя). При открытии нового места разработок глины обнаружен небольшой римский могильник императорского времени. Могилы ориентированы с севера на юг и находились одна от другой на расстоянии около 2 м. Как обычно для этого времени, могилы были покрыты каменными плитами. Инвентарь в большинстве могил ничтожен. Чаще всего встречались серебряные или бронзовые арбалетные фибулы типа, обычного для севера империи II—III вв. н. э. В одной из наиболее богатых могил была найдена золотая шейная цепочка и круглая золотая фибула с филигранью на щитке. В центр фибулы была вставлена каменная из ляпис-лазури с рельефом, изображающим голову женского божества в коринфском шлеме (рис. 4) (АА, 1944, 375).

С в. Л о р е н ц о в П у с т е р и я (пров. Бозен). Продолжались раскопки римского поселения, расположенного на правом и левом берегах р. Риенцо. В основном раскапывался строительный комплекс на левом берегу реки, где было открыто 9 боль-

ших помещений, часть которых имела маленькие сводчатые гипocaustы и апсиды, другие имели открытые дворы, мощенные щебнем. Одно из помещений являлось, вероятно, термами. Все помещения носят следы пожара. Время разрушения построек можно установить по маленькому кладу золотых монет, найденному в самом большом помещении (20×4 м) в щели между полом и стеной. Клад содержит монеты византийских императоров второй половины V и VI вв. Вероятно, помещение было разрушено во время войны с готами или вскоре после завоевания области лангобардами (АА, 1941, 376 сл.).

Средняя Италия

Casole d' Elsa (пров. Сиена). На южном склоне Poggio di S. Niccolò была открыта небольшая этрусская гробница. Вход в нее шел через дромос и был загорожен двумя каменными плитами. По ее стенам на высоте 75 см тянулся выступ в виде скамьи шириной 65 см. Среди погребального инвентаря—значительное число ваз различного размера и форм, железный топор, бронзовое зеркало с изображением внутри лаврового венка четырех фигур: трех нагих юношей в фригийских колпаках и женщины. Поблизости, в местности «Le Piana», была открыта еще одна этрусская гробница. Она была наполовину разрушена. Из сохранившихся в гробнице 3 погребальных урн, две имели форму прямоугольных ящичков с двускатной крышкой и сохранили следы линейно-геометрического орнамента, а также красной и черной красок. Третья урна—обычного типа на низких прямоугольных ножках, с гладкими стенками без орнамента. На крышке урны была вылеплена фигура полулежащего одетого человека с чашей в правой руке, а на утолщенный отогнутый край были прикреплены грубо сделанные фигурки (7,5—8 см высотой) чередующихся 3 всадников и 3 женщин в длинной одежде (АА, 1941, 410 сл.).

Маработто, на месте древнего этрусского города в 1941 г. были открыты остатки городской стены и ворот, что позволило установить границы древнего города. Раскопки на древнем акрополе обнаружили группу храмов и уточнили его план (АА, 1943, 237 сл.).

Умбриа. Среди относящихся к Умбрии римских муниципиев Плиний (NH, III, 14) называет также Urbinum Hortense, место которого долгое время не было точно установлено. Одни искали его около современного Urbino, в верховьях реки Метавра между гг. Фоссомбронне и Кальи, другие—юго-восточнее г. Перуджия на западном берегу равнины р. Топино, причем последние опирались на данные средневековых архивов и надписей, называвших, впрочем, этот город Urvinum. Производимые здесь археологические раскопки обнаружили античное городское поселение, остатки которого занимали более 7 га. Был очищен фундамент большой постройки, имевшей множество помещений и являвшейся, вероятно, частным домом. Сохранились куски очень пестрой мозаики, сделанной из грубых камней и изображающей в общих чертах ландшафт Нила (цветы лотоса, тростник и крокодилы) и борьбу пигмеев с журавлями. Здание это было построено не ранее III в. н. э. Раскопки на самом высоком месте городского холма обнаружили фундаменты этруско-италийского храма, относящегося к III—II вв. до н. э.

В Пантьере ди Кастельбеллино (пров. Анкона) была найдена бронзовая статуэтка Геркулеса этруско-италийской работы, значительной величины (высотой 49,2 см). По типу и стилю эта статуэтка относится к первой половине V в. до н. э. (рис. 5—6) (АА, 1941, 431 сл.).

Асколи Пичено. На месте, занятом современным Palazzo Giustizia, был сделан ряд открытий. Обнаружен фундамент большой постройки со многими помещениями. Очевидно это был дом с тремя перистильями, сзади которых находились большие залы. В одном из помещений сохранилась часть мозаичного пола из белых и черных камней, в другом была найдена хорошо сохранившаяся мраморная голова, принадлежавшая, вероятно, статуе императора Траяна.

Работы внутри и около церкви св. Григория обнаружили остатки четырехколонного простильного храма коринфского ордера конца республики или начала империи, который был впоследствии перестроен и превращен в христианскую церковь (АА, 1941, 447 сл.; JRS, 1946, 16)

В Т е р а м о И н т е р а м н и я была найдена мраморная статуя без головы и рук. Считают, что это—изображение музы Клио, относящееся, судя по стилю,

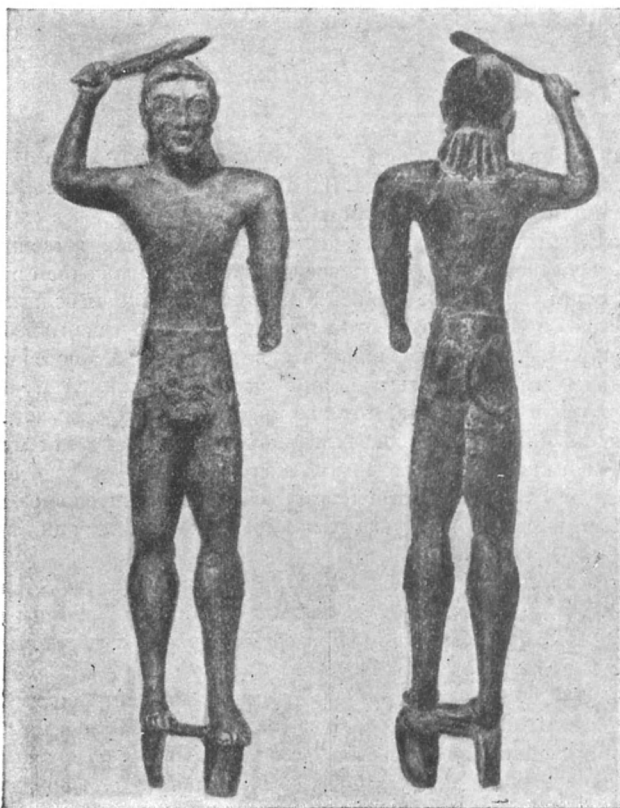

Рис. 5—6. Анкона. Бронзовая статуэтка Геркулеса.

к концу I—началу II в. и являющееся подражанием статуям школы Праксителя середины IV в. до н. э.

Кроме того производились раскопки амфитеатра, построенного в начале II в. н. э., в стене которого были замурованы плиты с изображением оружия гладиаторов (шлемов, щитов, мечей и т. д.) (АА, 1941, 456 сл.).

Рим и Лаций

На холме св. Терезы нашли фундамент и куски надгробного мраморного памятника консула Клавдия Максима Пауллина с надписью (АА, 1941, 460).

В О с т и и продолжались систематические раскопки и восстановление памятников. В ближайшем к морю районе обнаружили ряд новых зданий. Особенно интересен дом, в нижнем этаже которого сохранились вестибюль и 6 комнат. На стенах комнат, из которых каждая имела 2 окна, сохранились фрески и мозаика с геометрическим узором. Основная часть росписей этого дома сделана в так наз. втором помпеянском стиле. Хорошо сохранились также украшенные фресковыми росписями

своды этого дома, который получил название «Дома муз». Другой дом, помпейского типа, имел внутренний перистиль с двумя ложами для еды, края которых были украшены цветной мозаикой. Одна из крупных построек эпохи Антонинов, возможно, принадлежала коллегии Августалов. Она имела комнату с абсидой, где был *laqueum*, перед которым стоял мраморный алтарь. Эти дома по красоте и богатству отделки не уступают лучшим домам Помпеи, и открытие их позволяет проследить историю римской декоративной живописи в эпоху, следующую за помпейской. Кроме этого, была обследована вся площадь вокруг Порты Марина. Там было найдено святилище Доброй Богини, документированное надписью М. Мецилия. Оно было построено по

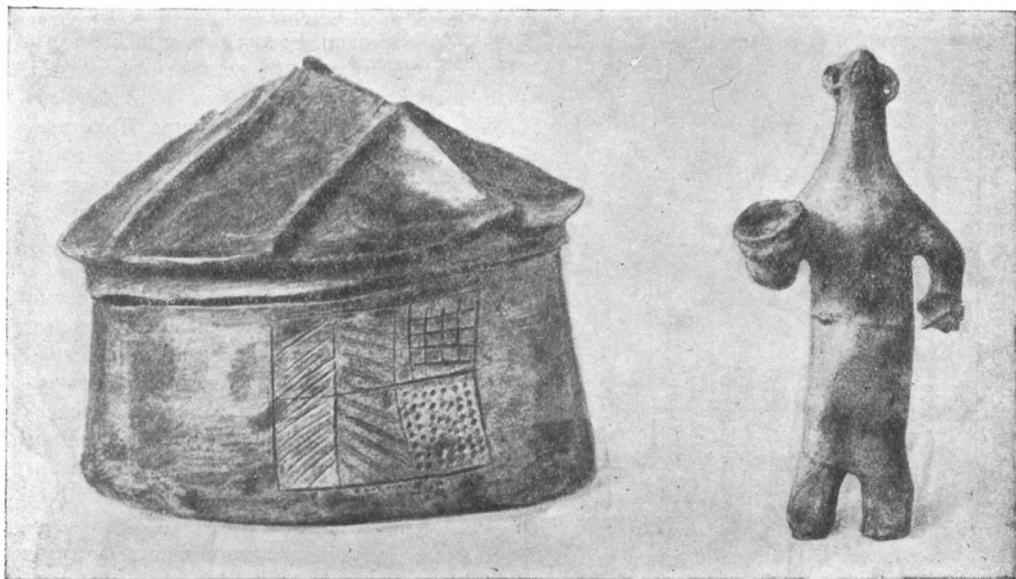

Рис. 7. Рокка ди Папа. Инвентарь могилы.

типу тетрастильных храмов. Площадь, на которой стоял храм, была окружена колоннадой. Все святилище было обнесено высокой стеной, открытой лишь с востока. Сооружение это относится ко времени Августа, но затем, в III в., святилище было перестроено и наполовину уменьшено. В святилище Аттиса на *Campus Magna Mater* был обнаружен круглый алтарь из греческого мрамора с надписью *ΑΙΔΕΚΑ ΘΕΩΝ*, относящейся к эпохе Августа. Рельеф на этом алтаре воспроизводит сидящую фигуру Зевса с восточного фронтона Парфенона и стоящих вокруг него 12 олимпийских богов (AA, 1940, 435; 466 сл.; AJA, 1942, 428 сл.; JRS, 1946, 13).

Около Рокка ди Папа была открыта могила с трупосожжением. Погребение было произведено в сосуде из плохо обожженной глины, украшенном по краям орнаментом веревочного типа. В урне, кроме пепла, находились: бронзовая фибула, кольцо и глиняная человеческая фигурка с большими ушами и в длинной тунике (рис. 7) (AA, 1944, 479).

В районе храма Изиды и Сераписа открыты ограда и боковые помещения *Ladus Magnus*. Удалось отчетливо проследить три строительных периода, относящихся ко второй половине I в., первой половине II в. и началу IV в. Кроме того были найдены остатки построек позднереспубликанского времени и начала империи. Были открыты также подземные галлерей и помещения под ареной Колоссеума (AA, 1940, 452 сл.; 1941, 485 сл.; JRS, 1946, 8);

Работы велись и в районе «Золотого дома» Нерона. Там была открыта восточная галлерей, идущая параллельно западной, и вход в помещение со стенами, расписан-

ными в духе четвертого помпейского стиля, с мозаичным полом из белых и черных камешков (АА, 1941, 468; JRS, 1946, 6).

В районе Эсквилинского холма при подземных работах нашли две выстроенных из кирпича гробницы, украшенные плитами из травертина и стенными росписями, относящиеся к середине II в. н. э.

Templum Pacis. При постройке подземной железной дороги под улицей Кавур была найдена группа помещений, представлявших собой экседру или вестибюль, открытый с обеих сторон и образующий проход между двумя сооружениями типа

Рис. 8. Рим. Мозаичная картина в загородной вилле.

перистилей, из которых один с фонтанами, безусловно, был садом. Направо и налево от поперечной стены, разделяющей вход, были найдены четыре мраморные статуи: обнаженная мужская фигура без головы, реплика отдыхающего сатира Праксителя и две копии статуи Потоса работы Скопаса. Все четыре статуи сделаны из пентелийского мрамора и датируются временем Адриана (АА, 1941, 487 сл.).

Капитолий. В течение последних лет велись тщательные работы по расчистке капитолийского храма. Они позволили уточнить топографию места и дали ряд интересных находок. Были найдены черепки аттических краснофигурных ваз архаического стиля и этрусских Vuscherо. Среди последних—один черепок с процарапанной надписью: *nia-raziilaraniia*. Предполагают, что это,

скорее всего, надпись на этруском языке. Она интересна для истории римского поселения VI—V вв. до н. э. как свидетельство этрусского влияния в Риме (АА, 1941, 497 сл.).

Во время работ на Via Ardeatina был сделан ряд интересных открытий. Найдена гробница, датируемая концом II в. н. э., с фресками, изображающими Диониса и Ариадну, Амура и Психею, и с многоцветной керамикой на полу.

Перед воротами св. Себастиана найдены остатки большой загородной виллы, расположенной на двух террасах. На верхней террасе находились жилые помещения, а на сильно разрушенной нижней—сад с окружавшими его маленькими помещениями и портиками. Ниже верхней террасы находилось несколько цистерн, соединенных друг с другом каналами. Вилла была построена в последнем столетии до н. э., но продолжала быть обитаемой и в императорское время. В оформлении ее помещений явно заметны два стиля.

Из многочисленной мозаики наиболее ценной является мозаичная картина с изображением кошки, поймавшей птицу, и утки (рис. 8). Эта картина как бы повторяет известную мозаику того же содержания из Casa del Fauno в Помпеях (АА, 1940, 179 сл.; АЖА, 1942, 429 сл.).

Священная площадь. Работы, проводившиеся последние годы между улицей дель Море и Пиацца делья Консоллячоне, позволили сделать ряд выводов о топографии этой части древнего Рима. Сохранились два храма, стоящих на священной земле у подножья Капитолия, на границе площади, которая отделяет этот холм от Авентинского и где находился *forum boarium*. Здесь предполагали существование стены, отделяющей этот форум от *forum olitorium* и соединяющей Капитолий с Тибром

Оба храма стояли фасадом к югу, к *forum boarium*, от которого к ним вела лестница. Под целлами храмов были открыты остатки двух подиев и целый ряд обломков кровельных терракот и керамики, большей частью ионийско-этрусской VI в. до н. э. Это заставляет предположить наличие здесь древних святилищ, а именно храма *Mater Matuta*, основание которого традиция связывает с именем Сервия Туллия, и храма Фортуны, относящегося к тому же времени. Оба храма погибли в результате пожара

Рис. 9. Рим. Храм Аполлона.

во время галльского нашествия и в 213 г. до н. э. были вновь отстроены (АА, 1938, 685 сл.; 1940, 660 сл.; 1941, 501 сл.; JRS, 1946, 2).

В районе стадиона Домициана во время земляных работ была обнаружена статуя атлета прекрасной работы, повторение так называемого Апоксиомена. Она являлась, вероятно, одной из декоративных статуй, украшавших стадион (АА, 1941, 507 сл.).

Храм Аполлона Сосиана. Продолжались работы по расчистке храма Аполлона Сосиана, расположенного параллельно главной оси театра Марцелла и на расстоянии 6 м от последнего. Большая часть архитектурных остатков этого храма погибла в результате выборки камня для построек позднейшей эпохи, но часть юго-западного угла пронаоса, упавшая во время землетрясения, разрушившего храм, обращенная к театру Марцелла, сохранилась и была восстановлена (рис. 9). Почти полностью сохранился подиум храма, имевший ширину 21,32 м, длину 40 м и высоту 5,5 м. Пол храма был вымощен мраморными плитами, частично еще сохранившимися

в целле. Храм был простильный, шестиколонный, псевдопериптеральный, с глубоким пронаосом и восемью полуколоннами на внешней стене целлы. Богатые и оригинальные украшения целлы и пронаоса по стилю относятся к августовскому времени. Во внутренней части подиума под целлой были найдены остатки более древнего храма, возможно, относящегося ко II в. до н. э. Из них наиболее выдающимися являются остатки мозаичного пола из белых и черных tesserae с древнелатинской надписью... AI]DILES CVRVLES MOLTATICOD [... Она особенно интересна для истории мозаичной техники и в связи с вопросом о появлении в средней Италии тессеровых мозаичных полов. Перед храмом Аполлона и на одной с ним оси было найдено круглое основание сооружения, имевшего в диаметре 5,20 м и, возможно, принадлежавшее большому алтарю.

Рис. 10. Рим. Лицевая и оборотная стороны одной из костяных шашек.

Недалеко от храма и параллельно его фасаду находилось еще одно здание так наз. «неизвестный храм» императорского времени, основание которого, сделанное из блоков травертина, было обнаружено раскопками (АА, 1938, 683; 1940, 458 сл.; 1941, 508 сл.; АЖА, 1942, 429; 1943, 238; JRS, 1946, 7).

На А в е н т и н с к о м холме было открыто святилище Митры с хорошо сохранившимися росписями, сооруженное, вероятно, в конце II—начале III в. (АА, 1940, 478 сл.).

При земляных работах на V i a A p p i a были найдены три христианских саркофага второй половины IV в. В одном из них был скелет девочки, 6 круглых шашек (рис. 10), четыре игральные кости и кукла, сохранившая следы позолоты и модную для того времени прическу (АА, 1941, 529 сл.).

Южная Италия

К а с с и н о (пров. Фрозиноне). Здесь производились раскопки римского театра, построенного, вероятно, в последнее тридцатилетие I в. до н. э., но подвергнувшегося перестройке в период империи. За время раскопок было найдено несколько фрагментов статуй, в том числе обнаженная мужская фигура из пентелийского мрамора, датируемая временем конца республики или начала империи. Образцом для мастера были греческие статуи второй половины IV в. до н. э., но голова статуи представляет собой портретное изображение. Возможно, что это был портрет Умидия Дурмия Квадрата (JRS, 1946, 47).

Г е р к у л а н у м. Осенью 1938 г. по случаю 200-летнего юбилея начала раскопок в Геркулануме там были проведены большие работы по расчистке очень интересного здания, так наз. Casa del Bicentenario (АА, 1938, 708). Был полностью очищен

атриум с находящимся в центре его большим мраморным имплювием, украшенным мозаикой (рис. 11), примыкающий к нему открытый зал (tablinum) с росписями

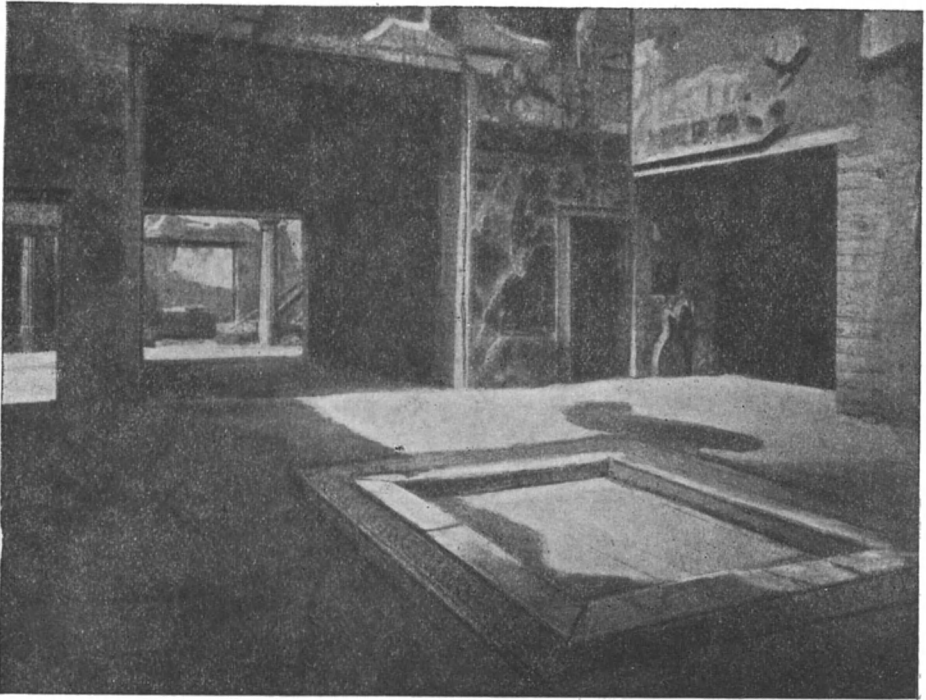

Рис. 11. Геркуланум. Атриум в Casa del Bicentenario.

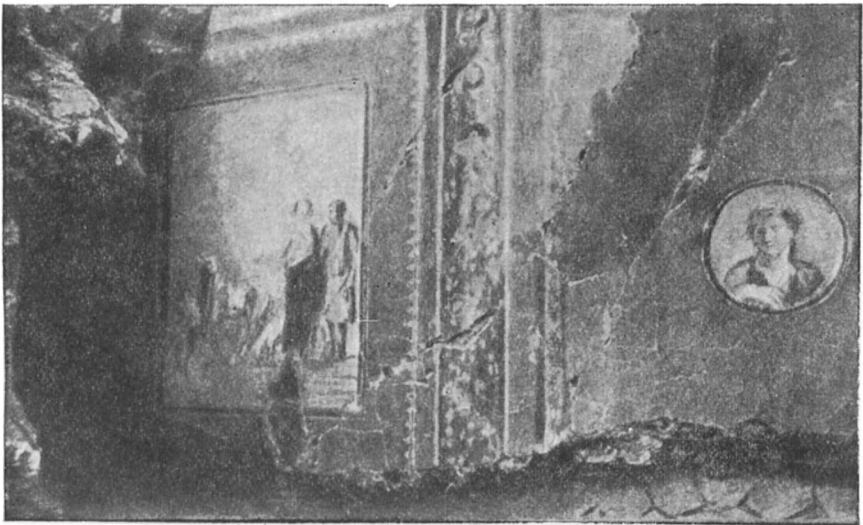

Рис. 12. Геркуланум. Стенная роспись в Casa del Bicentenario.

(рис. 12), ряд боковых помещений, обширный садовый перистиль, из которого по лестнице можно было попасть в помещения второго этажа. На стене одной из трех маленьких жилых комнат были найдены две вдавленные в штукатурку деревянные перекре-

пивающиеся планки, укрепленные бронзовыми шпильками; предполагают, что это был крест, являющийся свидетельством наличия христиан в Геркулануме. Среди отдельных находок интересна посеребренная бронзовая герма Геркулеса прекрасной работы эллинистического времени.

Раскопочные работы и расчистка памятников в Геркулануме, погибшем, как и Помпеи, в результате извержения Везувия в 79 г. н. э., позволили провести ряд наблюдений и сравнить состояние памятников в Геркулануме и в Помпеях. Если пепел и лава, покрывающие Помпеи, могут быть сравнительно легко снесены, то слой туфа, поднимающийся на 15 м над античным слоем Геркуланума, лишь с трудом поддается кирке.

Эта особенность порождает различные теории о причинах гибели Геркуланума. В противоположность Помпеям в Геркулануме непосредственно пепел и лава почв не покрывают, здесь также до сих пор не обнаружено ни одного скелета—ни человеческого, ни животных. Если в Помпеях встречались пустоты, не засыпанные пеплом, а также пустоты, образованные разложившимся материалом (как, например, деревянные шкафы, ставни, двери и т. д.), которые при раскопках заливались гипсом, то в Геркулануме сохранилось само дерево. В Геркулануме, в противоположность Помпеям, находки лишь с трудом очищаются от засыпавшей их массы, а разбитые части вещей не лежат рядом, но разбросаны, иногда даже в радиусе до 50 м. Все это заставляет предположить, что сообщение Плиния Младшего в его письмах к Тациту о том, что Геркуланум погиб при тех же условиях, что и Помпеи, ошибочно (АА, 1940, 500 сл.; 1941, 575 сл.; АЖА, 1942, 436).

Помпеи. Проводилась расчистка и реставрация домов, лежащих на улице делл' Аббонданца. Была расчищена палестра амфитеатра, при этом был сделан ряд интересных находок, в числе которых были два серебряных позолоченных кубка, высотой 10,8 см с рельефными изображениями сцен культа египетской богини. По стилю и технике исполнения кубки датируются началом I в. н. э. Они являются свидетельством распространения культа Изиды на Апеннинском полуострове в эллинистическо-римское время.

Во время расчистки маленького внутреннего хозяйственного дворика в центре его была найдена небольшая прямоугольная насыпь, состоявшая из плотно утрамбованной земли и залитая известью с кусочками глины. В продольную сторону был вставлен кусок черепицы с надписью «Fulgur». Под этой насыпью была яма, засыпанная кусками различных глиняных предметов и строительных материалов. Это было место, куда ударила молния, и по предписанному жрецами ритуалу здесь закопали предметы, пострадавшие при ударе молнии. Подобные же явления известны и в Риме.

При расчистке нижнего этажа одного из домов на южном краю террасы была найдена мраморная голова статуи, являющейся, вероятно, портретом племянника и зятя Августа М. Клавдия Марцелла, умершего в 23 г. до н. э. (АА, 1941, 595 сл.; АЖА, 1941, 468 сл.).

В районе форума и соседних с ним зданий проводились раскопочные работы, позволившие, проследить историю застройки этой площади со II в. до н. э. по I в. н. э. (JRS, 1946, 14).

Лукания и Бруттий. С 1937 г. продолжаются раскопки в устье реки Силарис в 9,5 км к северу от г. Пестума¹. Они являются, пожалуй, наиболее интересными из всех производимых в последние годы в Италии археологических раскопок. Был открыт маленький архаический тетрастильный храм, построенный в середине VI в. до н. э. и большой октостильный дорический храм Геры аргосской, относящийся к концу VI—началу V в. до н. э. Среди пристроек храма, где предполагали найти места, предназначенные для путников, была открыта прямоугольная сильно вытянутая постройка (7,20 м × 23,93 м), относящаяся к VII—началу VI в. до н. э. Для двух других построек того же типа, но более позднего времени (IV в. до н. э.) в качестве строительного материала были использованы метопы двух открытых храмов и других,

¹ ВДИ, 1939, № 1, стр. 233 сл.

еще неизвестных, монументов (рис. 13). Удалось почти полностью реконструировать фриз с 34 сохранившимися метопами с рельефами, принадлежащими маленькому архаическому храму. Они являются наиболее богатой из известных до сих пор серий архаических памятников. Изображения группируются вокруг тем: 1) борьба Геракла с кентаврами, 2) подвиги Геракла, 3) осада Трои греками, 4) легенды об Оресте, аргонавтах, Лето и др. Тот факт, что большая часть метоп связана с мифами о Геракле, заставляет усматривать в архаическом храме святилище Геракла. К большому храму относятся пять метоп, изображающих хор девушек (АА, 1938, 713, сл.; 1941, 633, сл.; АЖА, 1942, 430 сл.)

В Локрах, на склоне холма, открыт грот полуестественного—полуискусственного происхождения. Там, среди сталактитов и сталагмитов находился грубо

Рис. 13. Метопы святилища Геры около Пестума.

сделанный алтарь и специальный резервуар, куда по глиняным трубам сбегала вода. На дне грота в большом количестве найдены votивные глиняные приношения, чаще всего представлявшие собой дощечки с тремя женскими головками в их верхней части. Подобного типа гроты обычно служили святилищами нимф, Пана и других лесных божеств (АА, 1941, 650 сл.).

Тарент. Во время канализационных работ были найдены две могилы. В одной из них, вместе с костяком, лежащим головой на запад, находились черепки вазы стиля гнания, чернолакового скифоса и обломки железного стригиля. Из мусора, находящегося над могилой, был извлечен кусок метопы с рельефным изображением двух сражающихся фигур, из которых, впрочем, сохранилась лишь одна фигура—обнаженного бойца, держащего на левой руке щит, а правой замахнувшегося на своего противника, от которого осталась лишь рука со щитом. По стилю эти скульптуры относятся к кругу Скопаса и датируются последним десятилетием IV в. до н. э. В некоторых местах на рельефе еще сохранились следы желтой, синей и красной красок. На фрагментах других найденных здесь же рельефов были изображены лошадь, Сцилла и лев, которые, возможно, относились к другому памятнику.

Во второй могиле были найдены: стеклянные бусины, бронзовое зеркало, черепки сосуда стиля гнания и терракотовые протомы, покрытые тонкой белой краской и позолоченные. Среди них были фигурки льва, лошади, лани, крылатых грифонов, танцующих девушек, розетки, голова барана и группа коленопреклоненного аримаспа во фригийской одежде, с двумя нападающими на него грифонами. Подобные аппликации уже встречались в Таренте, а также в греческих могилах на юге России (АА, 1941, 676 сл.).

И. Кругликова

О работе античной группы ЛОИИ АН СССР

Античная группа Ленинградского отделения Института истории АН СССР со времени эвакуации Института занималась обширным кругом вопросов, имеющих отношение к различным проблемам истории античности.

Доклады председателя группы проф. С. И. Ковалева касались преимущественно его большой новой работы «Курс истории древнего Рима».

Этот труд С. И. Ковалева, как показали сделанные им по ходу работы сообщения, построен на коренной переработке материала в свете новейших данных, применительно к возросшему уровню советского студенчества.

На заседаниях группы автором были прочитаны следующие главы курса: «География Италии», «Возникновение Рима», «Царский период», «Падение царской власти и образование республики», «Борьба патрициев и плебеев», «Культура и хозяйство древней Италии», «Государственный строй Римской республики», «I Пунийская война», «II Пунийская война». Каждый из докладов С. И. Ковалева подвергался на заседаниях группы всестороннему обсуждению, что, по признанию самого автора, помогло ему более успешно разрешить сложную и большую задачу создания нового курса по истории древнего Рима для высшей школы. Некоторые из прослушанных глав курса, как, например, глава о культуре и хозяйстве древней Италии, глава о государственном строе Римской республики, главы о Пунийских войнах, по сути дела, представляют собой совершенно оригинальные исследования автора, построенные на критическом осмыслении и творческой переработке источников и новейшей литературы.

В то же время труд С. И. Ковалева приобретает большое научное значение как работа, построенная на основе марксистско-ленинской методологии и охватывающая весь материал римской истории.

Интересные работы М. Е. Сергеенко посвящены в основном вопросам исследования аграрного строя Италии римского времени. Это небольшие по размерам, но чрезвычайно содержательные этюды, объединенные одним общим исследовательским замыслом. Некоторые из них носят историкоисследовательский характер, причем в ряде случаев М. Е. Сергеенко дает совершенно новую оценку и понимание источников. Таковы, например, исследования о Катоне и Сазерне.

Впервые в обширной литературе, посвященной Катону, М. Е. Сергеенко доказывает существование строго продуманного композиционного плана, по которому построены главы *De agricultura*. Ее анализ отрывков Сазерны позволил прийти к выводу, также впервые встречающемуся в литературе этого вопроса, об использовании Сазерны как первоисточника, связанного с земельными отношениями в Цизальпинской Галлии второй половины II в. до н. э.¹

М. Е. Сергеенко доказала, что и во II в. до н. э. страна эта сохраняет уклад, undersøванный от галлов; позднее, уже римское население Галлии использует предшествующий опыт галлов применительно к своим агрономическим принципам ведения хозяйства.

Доклад М. Е. Сергеенко «К вопросу о колонате» построен на привлечении стихов Марциала; путем тщательного их анализа М. Е. Сергеенко удается вскрыть любопытные штрихи, характеризующие современный ему колонат.

Ряд других докладов: «Овцеводство в древней Италии», «Птицеводство в древней Италии», «*Villa rustica*», «Бани», «Гибель Помпеи», «Амфитеатр и гладиаторские игры в Помпеях» — представляют собой конкретные исследования отдельных сторон сельской и городской жизни Италии. Умелое использование археологического материала в сочетании с литературными источниками позволяет автору прийти к установлению новых и важных для понимания сельской жизни Италии фактов.

Группа отметила исключительно высокие литературные достоинства работ М. Е. Сергеенко.

¹ Эта работа была опубликована в ВДИ за 1946, № 3.

Проф. С. Я. Лурье, работая над исследованием материала истории Греции, относящимся преимущественно к VI—IV вв. до н. э., выступил на заседаниях группы с рядом докладов, посвященных этой тематике. Наиболее значительным из них следует признать интересную работу под заголовком «Вопрос об идеализации скифов в греко-римской литературе в свете этнографических параллелей». Автор поставил перед собой задачу проследить те тенденции в античной литературной традиции, которые отразились на интерпретации античными авторами скифского общества.

На основании ряда конкретных наблюдений проф. Лурье удалось доказать, что в изображении быта скифов и их северных соседей следует видеть отражение религиозных идей VII—VI вв. и философии IV в.—пифагореизма и платонизма.

Однако, наряду с этим, С. Я. Лурье подчеркнул, что отсюда неправильно было бы делать скептический вывод о ненадежности свидетельств греческих писателей, сообщаящих нам данные о быте и нравах скифов и их соседей. Оценка античными авторами этих фактических данных с точки зрения идей пифагореизма и платонизма отнюдь не случайна.

Северное Причерноморье заинтересовало греческих ученых именно потому, что здесь они нашли, как им казалось, практическое осуществление своих идеалов. Ибо именно в Северном Причерноморье сохранились еще пережитки первобытного общественного уклада, совпадавшего с представлением о древнейшем периоде в жизни самих греков. Поэты и ученые Греции видели в укладе Северного Причерноморья воплощение их идеала «справедливой» жизни прежде всего потому, что племена, живущие на стадии первобытного родового общества, действительно свободны от многих язв, характеризующих общественную жизнь их современников. Этот доклад профессора С. Я. Лурье, наряду с работой сотрудника сектора Д. П. Каллистова, опубликованной в «Исторических записках», т. XVI, стр. 182 под названием «Античная литературная традиция о Северном Причерноморье», поднял важный вопрос об оценке литературных источников, относящихся к Северному Причерноморью в плоскости выяснения влиявших на них тенденций и сопоставления их с реальной действительностью.

В другом своем докладе—«Фольклор как исторический источник», прочитанном на траурном заседании, посвященном памяти академика С. А. Жебелева—покойного председателя античной группы ЛОИИ, С. Я. Лурье поставил весьма близкий к изложенному выше вопрос о влиянии фольклора на античную литературно-историческую традицию. Используя обширный материал, проф. Лурье доказывает, что фольклор в произведениях античных авторов играет не меньшую роль, чем различного рода философско-религиозные концепции. Это обстоятельство ставит перед исследователем сложную задачу очищения исторических источников от фольклорного налета, причем задача эта вполне разрешима, поскольку вопросы античного фольклора в настоящее время могут считаться достаточно разработанными. Два других доклада проф. С. Я. Лурье касаются несколько иной проблематики. Доклад об афинских монетах VI в. до н. э., помимо нумизматического значения, имеет большую ценность как опыт использования нумизматических источников для изучения истории VI в., в частности—изучения пережитков родового строя в эпоху Пизистрата. Это исследование тесно связано с большой монографией проф. Лурье об афинской тирании VI в., построенной на критическом анализе всей совокупности имеющихся данных. Второй доклад С. Я. Лурье—рецензия о книгах Parke «The Delphic Oracula» и Lanzani «L'oracolo Delfico» представляет собой обзор новейшей литературы по вопросу о Дельфийском оракуле. Указав на большое значение работы Parke, собравшего большой фактический материал, проф. Лурье подчеркнул, однако, и ряд недостатков этой работы, как, например, игнорирование важного вопроса об экономической роли Дельфийского оракула, отсутствие в исследовании Parke политической истории Дельфийского оракула и т. д. Книгу Lanzani «L'oracolo Delfico» докладчик характеризует как работу, модернизирующую и фальсифицирующую историю Дельфийского оракула в целях обоснования расовых идей современного фашизма. Участники заседания в своих выступлениях

отметили исключительную полезность такого рода сообщений-рецензий, особенно в отношении мало доступной литературы.

Тематика докладов Д. П. Каллистова по истории Северного Причерноморья связана с изучением взаимоотношений между греческими колониями и варварским миром. Доклад Д. П. Каллистова «Туземная культура Северного Причерноморья VI—V вв. до н. э.» представляет собой попытку показать, что, вне зависимости от сильной струи греческого культурного влияния, варварский мир продолжает оставаться самобытным. Этот факт, представляющийся ему несомненным, докладчик объясняет особенностью социальной структуры варварского общества.

Та же проблема затронута Д. П. Каллистовым в его большом докладе «Проблема античного греко-варварского [государства и боспорские Архе-анактиды].»

Докладчик подвергает критическому пересмотру ряд установившихся в науке представлений о взаимоотношениях греческих колонистов с туземной средой. Докладчик связывает образование Боспорского объединения с обстановкой, характеризующей в начале V в. историческую жизнь греческой метрополии и породившей в то же время ряд осложнений на далекой периферии греческого мира.

Активное участие варваров в жизни Боспорского государства наблюдается несколько позже, но и при Спартокидах Боспор сохраняет свою природу государства-конгломерата.

Следующий доклад Д. П. Каллистова—«Скифская держава» представляет собой критический разбор выдвинутого в зарубежной науке положения о существовании большого скифского государства типа позднейшей Золотой Орды в VII—VI в. до н. э. Путем анализа текста Геродота и других источников, включая археологические, Д. П. Каллистов опровергает существование большой скифской державы в VII—VI вв. Первые признаки туземной государственности, по его мнению, возникают не ранее времени Скилура и Палака.

Те же проблемы взаимоотношений мира варваров с миром античной рабовладельческой цивилизации и социального строя варварского общества определяют собой научные интересы А. И. Болтуновой, разрабатывающей их на материале Кавказа античной эпохи.

Доклад А. И. Болтуновой «Описание Иберии в географии Страбона» (XI, 3, 1—6) представляет собой одну из глав задуманной большой монографии об истории Закавказья в античную эпоху. А. И. Болтунова подвергает критическому пересмотру прочно утвердившееся в науке представление, что источником Страбона в его описании древней истории был Феофан Митиленский. Докладчица доказывает, что это положение справедливо только для 1-й части описания Иберии Страбоном, что касается 2-й части, то вопрос об ее первоисточниках значительно сложнее, чем это было принято думать раньше. В описании политического и социального строя Иберии концепция Страбона носит на себе явный отпечаток утопических социальных схем, получивших столь широкое распространение в литературе эллинистической эпохи. Однако, наряду с этим влиянием на Страбона отвлеченных построений, в его описании можно уловить ряд вполне реальных черт иберийского общества и государства эллинистической эпохи. Терминология для обозначения общественных классов Иберии в основном является обычной терминологией официальных документов эпохи эллинизма, т. е. в этой части своего описания Страбон зависит не от Феофана Митиленского. А. И. Болтунова приводит веские основания в подтверждение своего предположения, что в этой части своего описания Иберии Страбон использовал, наряду с другими источниками, Посидония. Все это дает возможность прийти к выводу, что картина иберийского общества, описанная Страбоном, относится ко II в. до н. э.

Другой доклад А. И. Болтуновой—рецензия на книгу академика Манандяна «Тигран II и Рим» представляет собой обширный историографический очерк, построенный на критическом сопоставлении выводов Манандяна с имеющимся материалом, причем А. И. Болтуновой было отмечено игнорирование Манандяном ряда новых данных и новейших работ, посвященных этому вопросу. А. И. Болтунова решительно

возражает против концепции Манандяна о наличии феодального строя в Армении в рассматриваемую эпоху.

В докладе «О раскопках Мдхета за годы Отечественной войны» А. И. Болтунова дала подробный обзор археологических раскопок этого времени и периодизацию памятников Мдхета и его района.

Античная группа ЛОИИ предприняла, кроме того, большую работу по изданию и переизданию научного наследства покойного академика С. А. Жебелева. Группой уже подготовлен к печати I том «Трудов С. А. Жебелева», в который вошли все его работы, посвященные Северному Причерноморью. Вводная статья к сборнику трудов С. А. Жебелева по поручению античной группы была написана Д. П. Каллистовым.

С осени 1946 г. работа античной группы ЛОИИ продолжается в основном по тем же, уже намечившимся, исследовательским линиям.

Н. В. Шафранская

Вопросы византиноведения на сессии Отделения истории и философии АН СССР

(Октябрь 1946 года)

Византийская группа Института истории АН СССР, организованная в конце 1943 г., провела в 1944 и 1945 гг. две сессии Отделения истории и философии АН СССР, посвященные вопросам византиноведения. 30—31 октября 1946 г. состоялись заседания третьей сессии, которую открыл академик Б. Д. Греков, отметивший большое значение византиноведения в развитии советской исторической науки.

Со вступительным словом выступил руководитель византийской группы Института истории АН СССР, академик Е. А. Косминский, который подвел итоги успехам, достигнутым советскими византинистами. Основным достижением византийской группы является восстановление «Византийского Временника», который должен стать центральным органом возрождаемого советского византиноведения и завоевать то место, которое он прежде занимал в мировой исторической науке. I (XXVI) том «Византийского Временника» выйдет в свет в 1947 г., II (XXVII) сдан в производство, идет работа по подготовке к печати III (XXVIII) тома. В архиве Академии Наук СССР удалось обнаружить рукописи неизданных до сих пор частей II и III тома «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского. III том этой большой работы выдающегося русского византиниста подготовлен к печати и включен в издательский план Академии Наук СССР на 1947 г.

Советские византинисты работают над монографическими исследованиями. Вышла в свет книга чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков». В настоящее время Н. В. Пигулевская работает над монографией о торговых связях Византии с Востоком. М. В. Левченко работает над монографией, посвященной Синезию Птолемаидскому, Е. Э. Липшиц—о византийской культуре X в., Б. Т. Горянов—о поздневизантийском феодализме, А. К. Бергер—о политической теории Юстиниана, Ф. М. Россейкин—о византийской дипломатии и церковной миссии IX в. За время с последней сессии Отделения на заседаниях московской и ленинградской групп по истории Византии сделано 26 научных докладов по различным вопросам византиноведения.

В заключение Е. А. Косминский указал на дальнейшие задачи в развитии советского византиноведения. Необходимо расширить достигнутые успехи в подготовке новых кадров советских византинистов и заняться малоисследованными вопросами византиноведения. К числу таких вопросов относятся периодизация истории Византии, изучение особенностей византийского феодализма, исследование развития византийских городов, анализ причин падения Византийской империи.

Чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевская выступила на сессии с докладом «Общественные отношения в Византии перед арабским завоеванием». Целью доклада было подвести некоторые общетеоретические итоги многолетних исследований, основанных на изучении греческих, сирийских и арабских источников, результаты которых были опубликованы в книгах «Месопотамия на рубеже V и VI вв.» (Л., 1940), «Сирийские источники по истории народов СССР» (Л., 1941), «Византия и Иран на рубеже VI и VII веков» (М.—Л., 1946). Общественные отношения в Византии перед арабским завоеванием Н. В. Пигулевская характеризовала, как отношения переходного времени, смены рабовладельческих отношений феодальными. Силами, разлагавшими рабовладельческие отношения, были—революция рабов и варварские завоевания. Своеобразие земельных отношений в Византии докладчик видит в том, что византийское крестьянство в значительной степени оставалось свободным, жило общинами, что усиливало сопротивляемость Византии внешним натискам. Это же являлось причиной того, что восстания рабов в Византии не получили такого размаха, как в Италии и Сицилии, и имели иной характер. Н. В. Пигулевская указала на частые волнения и восстания в византийских городах V—VI вв., на роль димов в этих восстаниях, отметила участие рабов в движении димов. Н. В. Пигулевская считает, что движение димов могло возникнуть лишь в городе рабовладельческого типа. В своем докладе она отметила широкое развитие «еретических» учений, как особенность форм классовой борьбы в ранневизантийском обществе. Значительным фактором феодализации Византийской империи докладчик, как и другие советские исследователи, считает вторжения варваров, особенно славян, общинные поселения которых и необходимость для византийского правительства приспосабливаться к их общественному строю оказали такое глубокое влияние на византийское право. По мнению докладчика, рабовладельческое общество Византии получило сокрушающие удары в классовой борьбе начала VII в. и было окончательно уничтожено арабским завоеванием, после чего начал формироваться новый общественный строй Византийской империи на новой производственной основе феодальных отношений.

В прениях по докладу Н. В. Пигулевской были высказаны сомнения в том, не преувеличивает ли докладчик роль рабов в движениях димов. М. В. Левченко обратил внимание на то, что относить становление феодализма в Византии к VII в. нет оснований. А. К. Бергеру представляются неверными утверждения докладчика, что рабовладельческая эксплуатация сменилась крепостничеством в VI в., так как славянская колонизация повлекла за собой создание сильного слоя свободного общинного крестьянства. Обсуждение доклада Н. В. Пигулевской, внесшей много нового в изучение общественного строя ранней Византии, показало вместе с тем, что в установлении периодизации византийской истории, характера социальных движений ранней Византии имеются еще нерешенные вопросы, над которыми должны работать советские византилисты.

А. К. Бергер выступил на сессии с докладом «Государственная теория новелл Юстиниана». Доклад представляет большой интерес, так как новеллы Юстиниана недостаточно изучались с формальной юридической точки зрения и совсем не изучались как политический источник. Между тем новеллы Юстиниана оказали глубокое влияние на развитие византийского права, на формирование теоретических основ византийской государственности. В новеллах Юстиниана исторические экскурсы преобладают над законодательным текстом, в них исследователь находит отражение социально-политических проблем, трактовка которых соприкасается с воззрениями, высказывавшимися представителями современной Юстиниану литературы—Иоанном Лидийцем, Прокопием, Агафием и др. По политической терминологии новелл государство составляется из трех слагаемых—*βασιλεία*, *πολιτεία* и *ἐκκλησία*. Основным моментом в государственной теории новелл является гармоническое сочетание всех трех слагаемых, главным образом взаимотношение *βασιλεία* и *πολιτεία*, причем последняя мыслится как государственный правопорядок, а иногда как совокупность гражданства. Основой функционирования закона является *ἰσότης*—гражданское равенство перед законом. По представлению новелл, государство существует согласно

природе вещей, являющейся проявлением воли и сущности бога. Эта идея бога в повеллах тесно связана с государственно-правовыми представлениями. Отчетливо представлена в повеллах схема разделения властей, имеющая целью обеспечить эффективность административно-политической системы.

В прениях по докладу А. К. Бергера Е. А. Косминский отметил, что у докладчика не хватает анализа социально-экономического фундамента, на котором построена государственная теория повелл Юстиниана. Вряд ли можно установить в повеллах теорию всеобщего равенства граждан перед законом, скорее это утверждение равного ничтожества всех слоев общества перед всеобъемлющей властью византийского автократора. Е. А. Косминский подчеркнул, что анализ повелл чрезвычайно важен для решения вопроса о характере государственной власти в Византии. М. В. Левченко указал, что в затронутой докладчиком теме нужно дополнительно решить вопрос об отношении императорской власти к законам, выяснить, был ли император связан законами или считал себя выше всяких законов. Необходимо рассмотреть также вопрос об отношениях между императором и сенатом, императором и крупным землевладением. Изучая государственную теорию повелл Юстиниана, нужно расширить круг источников, а также решить вопрос об источниках изучаемого законодательства Юстиниана.

Сессия заслушала доклад Е. Э. Липшиц «К вопросу о дате первого похода Руси на Византию (в связи с данными византийской литературы IX века)». Этот доклад является ответом на статью Germaine de Costa Louillet, помещенной в XV томе журнала «Byzantion» (1940/41) и озаглавленной «Имеют ли место нападения русских на Византийскую империю ранее 800 г.?» Статье было предпослано предисловие редактора «Byzantion» Ferni Grégoire, в котором он решительно солидаризуется с выводами Ж. да Коста Луйе и пытается доказать, что Киевское государство сложилось только после пришествия норманнов и под их владычеством около 860 г. Они опровергают датировку древнейшего свидетельства о походе Руси на Амастриду и относят его к X в., а самый поход отождествляют с походом Игоря 941 г. По мнению докладчика, новые материалы, опубликованные и исследованные после смерти В. Г. Васильевского, опровергают вывод о более позднем происхождении жития Георгия Амастридского, чем полагал В. Г. Васильевский. Эти новые материалы расширят данные, на основании которых В. Г. Васильевский относил это житие к числу произведений византийского писателя IX в. Игнатия. Мнение В. Г. Васильевского о примирительном отношении Игнатия к иконоборцам подтверждается теперь тем, что датировка стихов иконоборческого содержания, которые можно теперь считать принадлежащими перу Игнатия, позволяет установить связь Игнатия с ученым и византийским патриархом первой половины IX в. Иоанном Грамматиком. Попытку отнести жития Георгия Амастридского к числу переработок Симеона Метафраста, сделанную Ж. да Коста Луйе, докладчик считает ошибочной, так как в житии имеется похвала Георгию с обращением, относящимся, как это выясняется, к иконоборцу Иоанну Грамматику. Широкий анализ литературных источников позволил докладчику прийти к выводу о несостоятельности тезиса Ж. да Коста Луйе ввиду неиспользования новых источников и предвзятой «норманской» теории происхождения Руси.

Выступивший в прениях Ф. М. Россейкин указал, что Грегуару свойственны недостаточно обоснованные научные увлечения, как это имело место, например, в его отношении к так называемой еврейско-хазарской переписке X в., которую он, вопреки очевидности, считал подложной.

Академик Б. Д. Греков обратил внимание на то, что Е. Э. Липшиц рассмотрел статью Ж. да Коста Луйе только с византийской точки зрения. В статье этого автора имеются вопросы, которые должны были бы привлечь внимание ученых, занимающихся изучением древнейшего периода истории СССР. У советских ученых может вызвать лишь удивление такое примитивное понимание древнейшей истории нашей родины, как это дано в критикуемой докладчиком статье. Советские ученые, советские археологи, говорит академик Б. Д. Греков, должны дать достойный ответ Ж. да Коста Луйе и Грегуару.

На этом же заседании был заслушан доклад проф. М. В. Левченко о выдающемся французском византистике Шарле Диле, умершем в 1944 г. Постановка этого доклада вызвана была желанием византийской группы отметить память Шарля Дили обзором его научных трудов, характеристикой того значения, которое они имели для развития мирового научного византиноведения. Научное наследие Шарля Дили огромно. Он оставил более 300 печатных работ по самым различным вопросам истории Византии, ее культуры, искусства, археологии, причем среди этих работ имеются капитальные монографии, представляющие большой вклад в научное византиноведение. Ряд произведений Дили был переведен на русский язык, а в 1925 г. Академия Наук СССР единогласно избрала его своим членом-корреспондентом. Общепризнанными качествами трудов Дили являются критическое изучение широкого круга источников, строгий и точный метод исследования и блестящее изложение. Покойный Диль хорошо знал русский язык и высоко ценил труды русских византистов, неоднократно используя их выводы в своих работах.

Член-корреспондент АН СССР В. И. Лазарев поделился с участниками сессии своими личными воспоминаниями о Диле и охарактеризовал его роль как историка византийского искусства.

Участники сессии заслушали доклад Б. Т. Горянова «Византийский гуманист XIV в. Феодор Метохит», посвященный анализу литературного творчества, общественно-политических и философских идей одного из наиболее выдающихся деятелей византийской культуры в эпоху Палеологов. Докладчик отметил, что в Византии античное наследие никогда не умирало. Именно в Византии интерес к изучению античности возрождается раньше чем где бы то ни было и ко времени Палеологов создает непосредственную предисторию западноевропейского гуманизма и Возрождения. Но византийский гуманизм проявляется не только в интересе к античности. В Византии можно наблюдать рост прогрессивных идей, борьбу в общественно-политической и философской мысли, а в византийском искусстве появление новых форм, ярких изображений человеческих движений, точности наблюдения, приближающейся к подлинному реализму, сближающему произведения византийских мастеров этого времени с произведениями западных мастеров раннего Возрождения. Вместе с тем нельзя пройти мимо большого своеобразия в социально-экономическом развитии поздней Византии. Мы не наблюдаем здесь разложения феодализма, как это было в Италии.

Характеризуя Феодора Метохита, докладчик отмечает, что основной чертой его литературного творчества является горячая любовь к античной культуре, что он весь жил в воспоминаниях классической древности. В области философии Метохит был эклектиком с уклоном в сторону платонизма. Он высоко ценил свободу исследования и считал, что взгляды самых крупных авторитетов, как Аристотель и Платон, могут быть подвергнуты пересмотру. Прогрессивные идеи Метохита не распространяются на его политические взгляды. Рассматривая подробно три формы государственного устройства—демократию, аристократию и монархию, он отдает предпочтение последней, отрицая, подобно западным гуманистам, способность народа принимать участие в политической жизни. Феодор Метохит имеет большое значение для истории византийского искусства и как меценат, и как собиратель произведений искусства, и как вдохновитель мозаик и фресок в монастыре Хора (Кахриз-джами). Подводя итоги, докладчик определил Феодора Метохита как одного из ранних византийских гуманистов, ранних предшественников западноевропейского гуманизма.

Основные вопросы, затронутые в прениях по докладу Б. Т. Горянова, состояли в требовании точнее определить общее понятие гуманизма и установить, соответствуют ли этому понятию явления, происходившие в поздневизантийской культуре. Подводя итоги прениям, акад. Е. А. Косминский отметил, что вопрос о Метохите как представителе гуманизма упирается в ряд сложных вопросов. Не только византийский гуманизм, но и гуманизм вообще, не являющийся еще вполне определенными понятиями. Для того чтобы разрешить вопрос о византийском гуманизме, нужно разрешить малоисследованный вопрос о византийском городе, о византийской городской культуре.

Последним на сессии был заслушан доклад молодого исследователя З. В. Удальцовой «Борьба партий в Византии XV в. и деятельность Виссариона Пикейского», представивший основные выводы законченной в 1945 г. одноименной работы докладчика. З. В. Удальцова показала в своем докладе, что одной из причин, способствовавших ослаблению Византии, а затем и ее падению, является борьба религиозных и политических партий, подорвавшая единство византийского народа в момент опасности и облегчившая турецкое завоевание.

Выступавшие в прениях по докладу З. В. Удальцовой высказали пожелания, чтобы докладчик расширил свою работу о партиях в Византии XV в. путем анализа причин туркофильского течения, показал бы связь Виссариона не только с итальянскими, но и с французскими гуманистами, шире осветил бы социальные корни партий, действовавших в Византии перед ее падением.

Перед закрытием заседаний сессии проф. Н. В. Пыгулевская от имени византийской группы Института истории АН СССР зачитала обращение к руководителю группы академику Е. А. Косминскому в связи с шестидесятилетием со дня его рождения. В этом обращении советские византилисты отметили большую роль, которую сыграл Е. А. Косминский как руководитель и организатор научно-исследовательской работы в области советского византиноведения, сплотивший советских византистов, объединивший их вокруг единого центра, и пожелали ему много лет плодотворной научной и педагогической работы.

Б. Т. Горянов

Вопросы древней истории на сессии Отделения истории и философии АН СССР

(Ноябрь 1946 года)

На состоявшейся в конце ноября 1946 г. сессии Отделения истории и философии было заслушано два доклада по древней истории: 1) доклад академика В. В. Струве — «Общественный строй Южного Междуречья конца III тысячелетия» и 2) доклад чл.-корр. АН СССР К. В. Тревер о новой греческой надписи царя Тиридата, найденной в 1945 г. в Армении.

Анализируя документы хозяйственной отчетности, дошедшей до нас от III династии Ура, В. В. Струве показал всю несостоятельность теории П. Кошакера о «социалистическом» строе Шумера эпохи III династии Ура — теории, сложившейся, очевидно, под воздействием католических ассириологов (В. Шейль, А. Леймелль, П. Шнейдер), отрицающих наличие классовой борьбы в шумерском обществе. Несмотря на то, что громадная часть фактического материала разбросана по различным музеям, в том числе и советским, и еще не издана, все же то, что уже издано русскими и зарубежными учеными, дает «ясное понятие основных моментов большого и сложного царского и храмового хозяйства той отдаленной эпохи всемирной истории». Особенное значение имеют материалы архива городов Уммы и Лагаша, посвященные тем лицам, которые трудились в царском и храмовом хозяйстве.

Содержание доклада В. В. Струве сводится к следующим положениям, сформулированных им в тезисах:

1. Общим обозначением для упоминаемых в материалах архива мужских работников служит идеограмма, соответствующая понятию «сила». Фонетический эквивалент ее выражается словом «гуруш». Обозначением для женского работника служит идеограмма, осмысливаемая «женщина чужеземной страны». Ее фонетический эквивалент гласит «гим».

2. Исследователь, поставивший себе задачу определить положение этих мужских и женских работников, не должен исходить из толкования указанных идеограмм или терминов, ибо наши знания письма и языка шумерского народа в комплексном отношении еще слишком незначительны. Лишь на основании исторического анализа изучаемых документов мы в состоянии установить социальную значимость «гуруш» и «гим».

3. Среди многочисленных документов, посвященных единичным трудовым операциям, пестрит формула «гуруш или гим на 1 день», посланных на ту или другую работу. На основании данных документов нельзя было вскрыть значение формулы «гуруш или гим на 1 день», и тем самым нельзя было определить отношение «гуруш» и «гим» к средствам производства. Они могли быть и общинниками, и крепостными, и рабами, и паймитами.

4. Определение положения «гуруш» и «гим» стало возможным на основании больших годовых сводок, составлявшихся надзирателями рабочих партий на основании документов об единичных трудовых операциях их работников. Из них мы узнаем, что эти «гуруш» и «гим» работали круглый год и лишь «гим» отрывались от работы в те дни, когда женщина с точки зрения древнего человека была «нечистой».

5. Годовые сводки надзирателей дают возможность вскрыть значение формулы «N гуруш или гим на 1 день» как своеобразное выражение понятия «человеко-дня». Надзиратели даже оперируют с дробями человеко-дня. Все это свидетельствует о высоком уровне бухгалтерского искусства писцов эпохи династии Ура и определенно противоречит представлению о примитивном характере классового общества Шумера.

6. «Гуруш» и «гим», работавшие круглый год, не могли быть наемными работниками, так как последние упоминаются в сводках и выделяются среди прочих работников, как «лу хунга» — «люди наемные». Они получали не только прокорм, но и заработную плату, а «гуруш» и «гим» — один лишь прокорм.

7. Эксплуатация «гуруш» и «гим» была чрезвычайно жестокой. Бесперывный труд, непосильная работа (женщины бурлачили), работа в тяжелых условиях (резка тростника в болотах). В нескольких случаях можно установить большую смертность среди «гуруш» и «гим».

8. Положение «гуруш» и «гим» следует отождествить с положением рабов и рабынь. Они не могли быть ни общинниками, ни крепостными, так как они были полностью оторваны от средств производства. Общинниками они не могли быть и потому, что они подвергались слишком жестокой эксплуатации.

9. Наемный труд имел в царском и храмовом хозяйстве III династии Ура второстепенное значение. Лишь во время жатвы он применялся в больших размерах. До нас дошел замечательный документ, устанавливающий общее количество жнецов, требовавшихся для царских хозяйств главнейших городов Шумера. Подобный документ свидетельствует об однородности структуры царского хозяйства Шумера III династии Ура и вместе с тем об однородности его общественного строя.

Таким образом В. В. Струве приходит к выводу: «Мое определение положения «гуруш» и «гим» на основании архивов Лагаша и Уммы эпохи III династии Ура имеет значение и для других городов Шумера. Непосредственные производители и там трудились не в условиях «социалистического» общества, как полагает П. Кошакер, а в условиях общества рабовладельческого».

В рецензиях по докладу высказались академики А. И. Тюменев и С. Г. Струмилин, которые предложили некоторые уточнения к сформулированным в докладе положениям.

К. В. Тревер в своем докладе указала, что найденная в 1945 г. в Гарни (Армения) надпись является одним из редких эпиграфических памятников, в которых упоминается имя царя Армении Тиридата.

Она считает, что камень кладки, на котором вырезана надпись, вопреки распространенному мнению, не имеет отношения к гарнийскому храму, а должен принадле-

жать к кладке гарнийской крепостной стены. Сама же надпись не является царской, несмотря на то, что содержит в себе имя царя и дату. Текст надписи К. В. Тревер считает ценнейшим документом для истории городского строительства в Армении в римский период.

С точки зрения К. В. Тревер, текст надписи поддается дешифровке и восстановлению почти полностью, но имеющиеся уже публикации 1946 г. акад. Я. А. Манандяна и проф. Лисичана не являются убедительными и требуют ряда весьма существенных поправок.

Для восстановления текста надписи К. В. Тревер привлекла большой исторический материал.

В прениях по докладу К. В. Тревер выступили академики И. И. Толстой, В. В. Струве и И. А. Орбели, проф. А. Б. Рапович и проф. В. Д. Блаватский. В прениях были отмечены достоинства предложенного чтения надписи по сравнению с предыдущими публикациями и предложены некоторые дальнейшие уточнения ее.

О. Юлкина

Научная работа кафедры истории Греции и Рима Ленинградского государственного ордена Ленина университета в 1946 г.

Тематика научных работ сотрудников кафедры связана с проблемами ранней истории Рима и Италии (проф. С. И. Ковалев и доц. Н. Н. Залесский), историей эпохи гражданских войн в римской республике (проф. С. И. Ковалев), историей Родоса (доц. К. М. Колобова), историей Северного Причерноморья в античную эпоху (доц. Д. П. Каллистов) и историей Александра Македонского (проф. С. И. Ковалев).

В 1945—1946 гг. проф. С. И. Ковалев написал курс по истории Рима от древнейших времен до падения республики. Объем этой работы 30 печатных листов. Сейчас С. И. Ковалев работает над 2-й частью этого курса («История Римской империи»). Работа над учебником, отвечающим возросшим требованиям к преподаванию древней истории в университете, дала возможность автору наметить решение нескольких основных проблем истории Рима. С одной стороны, С. И. Ковалев, продолжая заниматься вопросами, связанными с возникновением римской общины, смог обосновать несколько положений, которые он сформулировал в докладе на научной сессии университета в январе 1947 г. Признавая сложным этнический состав древнейшей общины, состоявшей из протолатинского, протосабинского и протоэтрусского элементов, он считает, что руководящая роль принадлежала двум первым. Ограничивая значение третьего элемента, который докладчик называет протоэтрусским, он также считает, что имеющийся материал не дает возможности прочно обосновать тезис, господствующий в современной буржуазной науке, о завоевании Рима этрусками, пришедшими из-за Тибра, и появлении этрусской «династии» Тарквиниев. Можно лишь допустить наличие кратковременного захвата Рима в конце VI или начале V в. Другой областью интересов исследователя является эпоха гражданских войн конца республики; в указанном докладе проф. Ковалев стремится дать характеристику этого комплекса исторических явлений. Достаточно тесные экономические и политические связи древнего Средиземноморья придали кризису последнего века республики обще-средиземноморский характер. Гражданские войны этого периода были сложным революционным движением, но, поскольку в них отсутствуют или недостаточно ясны некоторые существенные признаки революции, этот последний термин к ним не применим. Восстания рабов, провинциалов, италийцев не могли перерасти в подлинную революцию благодаря их стихийности и изолированности, а также из-за того, что они происходили в период высшего расцвета римского рабовладения. Это не лишает гражданские войны их прогрессивного значения, значения первого тяжелого удара по рабовладельческой системе. Кроме работы над историей Рима, проф. Ковалев вернулся к своим старым

штудиям по истории Александра Македонского. В этой области в 1946 г. им написаны статьи: «Александр и Клит», «Заговор пажей» и «Александр, Филота и Парменион», «Из истории македонской оппозиции в армии Александра».

Продолжая работу над докторской диссертацией «История Родоса в античную эпоху», доц. К. М. Колобова закончила раздел, посвященный истории архаической эпохи, который следует рассматривать, как наиболее сложный и ответственный участок всего исследования. Автору пришлось ставить, частично впервые в литературе, сложнейшие проблемы: проблему фикийского влияния и вообще восточных влияний, проблему образования полиса, роли родовых организаций в полисе и, наконец, проблему раннегреческой колонизации. Трудность исторического исследования в данной области коренится в характере источников. Автору было необходимо пользоваться археологическим (в первую очередь керамическим) материалом, данными архаических некрополей, получившими лишь формальное описание у буржуазных археологов, а также не только литературно-мифологическими, но и эпиграфическими материалами. Последние, в основной своей массе,—поздние (IV—II вв. до н. э.), и исследователю приходится восстанавливать картину старых отношений по сохранившимся пережиткам. К настоящему моменту К. М. Колобова написала главы: 1) Родосское трехградье и проблема населения, 2) Родос до фикийцев, 3) Фикийцы на Родосе, 4) Родовые институты родосских полисов: а) ранняя история, б) натры, ктины, филы, в) мастера и демурги; 5) Колонизация VII—VI вв.: а) ранняя Греция и Восток, б) проблема раннегреческой колонизации, г) Накратис, д) Кирена. Общий объем—9 печ. листов.

В 1947 г. К. М. Колобова работает над классическим периодом истории Родоса (VI—IV вв. до н. э.).

Доц. Д. П. Каллистов работает над темой «Варвары и греки в Северном Причерноморье» в двух направлениях. С одной стороны, опираясь на свои прежние работы по истории римской политики на Черном море, Д. П. Каллистов получил возможность поставить проблему разнотия взаимоотношений между миром варваров и миром античной цивилизации и под этим углом зрения осветить вопросы: 1) о событиях, связанных с именем боспорского царя Митридата II, ставленника императора Клавдия, выступившего затем против римлян; 2) вопрос о гражданской войне на Боспоре этого времени, связанной с выступлением туземцев и вмешательством римлян под папальством Юлия Аквилы; 3) вопрос об отношении к этим событиям Херсонеса, нашедшем отражение в данных о посольстве херсонеситов в Рим и в эпитафии Плавция Сильвана. Изложение автор доводит до времени боспорского царя Котиса I. Размер работы—2 печ. листа. Исследований по этой теме не появлялось со времени общего очерка Латышева. С другой стороны, Д. П. Каллистов обратился к изучению вопросов начального периода греческой колонизации Северного Причерноморья, также в плоскости исследования взаимоотношений туземцев и греков. Работа—размером в 2 печ. листа.

Оба эти направления связаны и имеют общую цель: объяснить—в одних случаях наличие процессов эллинизации, в других—варваризации общим соотношением сил между миром варваров и миром античной рабовладельческой цивилизации.

Опираясь на свои предшествующие исследования в области этрускологии, доц. Н. Н. Залесский, работая над докторской диссертацией «История Рима в царскую эпоху», написал исследование о значении этрусского элемента в эту древнейшую эпоху римской истории—8 печ. листов.

Такое исследование крайне необходимо, так как ознакомление с обширной литературой, касающейся этого важного вопроса, убеждает в отсутствии специального исследования, отвечающего требованиям современной исторической науки. Автор указывает на наличие сильной группы источников, которая приписывает этрускам всеобъемлющее влияние, подтверждая либо этрусское происхождение, либо возникновение под этрусским влиянием важнейших установлений римской общины: обряд основания города, трибы, центурии всадников, царская власть, патрициат, клиентела, плебс, ряд культов, дивинация, землемерное дело... Также религиозные установления, заимствованные у греков, хранят следы этрусского посредничества: сивиллин

книги, игры и др. Нет оснований игнорировать большинство этих данных источников. Поразительные этрусско-латинские аналогии дает изучение архаических алфавитов, собственных имен, топонимии. Археологические данные свидетельствуют о сильном культурном влиянии этрусков. Для древнейшей поры автор допускает наличие в Лациуме этрусского элемента (рутулы?), принявшего некоторое участие в создании римской общины (луцеры). Бесспорны—колонизация из-за Тибра с конца VII в. и период культурного и политического преобладания этрусских выходцев из различных социальных слоев; наличие планомерного завоевания и подчинения Лациума двенадцатиградью отвергается. Рим, как полис, возник только в эпоху этрусского преобладания; в значительной части Италия сяпойкизм и градостроительство были ускорены этрусками. Исконные установления подверглись переоформлению, в частности трибы, на которых «лежит печать искусственного образования» (Энгельс). Самые названия триб, как видно, и название города—этрусские слова. Политическое преобладание выходцев из Этрурии было непрочным, хотя неправы исследователи, преувеличивающие анти-этрусский характер социального движения, приведшего к падению царской власти, так как культурное влияние этрусков значительно и в республиканскую эпоху.

Н. Залесский

Кафедра классической филологии Ленинградского государственного ордена Ленина университета в 1-м полугодии 1946/47 уч. года

Работа кафедры шла по трем линиям: педагогической, научно-исследовательской и общественно-культурной. Педагогическая работа, кроме преподавания на классическом отделении, где обучается в данный момент 60 человек, в том числе 30 вновь принятых, охватывает также преподавание античных языков и литератур почти на всех отделениях филологического факультета и на других факультетах, в первую очередь на историческом, философском и юридическом.

Значительные сдвиги во всей работе кафедры произошли в связи с постановлением ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». На специальном заседании кафедры 27/IX—1946 г. с докладом о ближайших задачах кафедры выступила заведующая проф. О. М. Фрейденберг. Был принят ряд срочных мер к повышению идейно-воспитательной работы кафедры. Начал работать студенческий научный кружок, регулярно выходит стенная газета «Слово классика» (последний выпуск посвящен избраннику в академики проф. И. И. Толстого), организованы специальные лекции для студентов-первокурсников, из которых пужно отметить лекцию акад. Толстого. «Античность и современность» п доц. А. И. Исаповой «Искусство Боспора». Деятельность кафедры вышла и за университетские стены. По инициативе кафедры создано общегородское методическое объединение преподавателей древних языков с курсами по повышению квалификации, а также организован кружок для работы с учащимися старших классов средних школ. Члены кафедры включились в работу лектория университета.

Значительнейшим событием в научной жизни кафедры в этом полугодии была сессия, посвященная 2000-летию со дня смерти Тита Лукреция Кара, которая состоялась 21 п 22 октября в присутствии около 100 человек. Были заслушаны следующие доклады: «Лукреций как поэт» академика И. И. Толстого; «Вступление к поэме Лукреция» проф. И. М. Тропского, «Образ Эпикура у Лукреция» доц. Я. М. Боровского ж «Лукреций п Джордано Бруно» проф. С. Я. Лурье.

В ближайшие годы кафедра будет разрабатывать коллективную тему—«Проблемы античной драмы», в которой принимают участие: акад. И. И. Толстой, проф. О. М. Фрейденберг, проф. С. Я. Лурье, проф. И. М. Троцкий, проф. Б. В. Казанский, канд. Н. С. Вулих и канд. Б. Л. Галеркина. Над индивидуальными темами в 1947 г. будут работать: проф. Лурье (греческий глагол), проф. Фрейденберг (проблема происхождения греческой лирики), проф. Троцкий (рукописи римских авторов Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина), доц. Я. М. Боровский (Лукреций), канд. С. В. Полякова (греческий роман), Б. И. Надэль (греческие частно-правовые документы юга России, которые частично соприкасаются с темой подготовляемой им кандидатской диссертации).

При кафедре имеется 5 аспирантов. Аспирант О. А. Гутан подготовила к защите кандидатскую диссертацию на тему «К происхождению греческого фольклорного театра». Аспирант Н. А. Чистякова работает над диссертацией на тему «Аргонавтика Аполлония Родосского».

В ведении кафедры находится межфакультетское объединение преподавателей древних языков (около 20 человек), которые, помимо участия в научно-методической работе (ежемесячные конференции с докладами) под руководством Е. К. Товстика приступают к коллективному переводу польско-латинской хропики Яна Длугоша и к подготовке хрестоматии отрывков древних авторов для студентов-античников (историки, археологи), медиэвистов, византинистов и романистов.

Б. И. Надэль

SALLUSTII В ПИСЬМАХ ЦИЦЕРОНА

Почти что каждая биография Саллюстия начинается с жалоб на скудность материала, который имеется налицо. Эти жалобы, конечно, справедливы, но все же следует отметить, что весьма важные материалы до сих пор были оставлены в стороне и притом только потому, что они противоречат обычным представлениям о Саллюстии—смертельном враге Цицерона и безоговорочном приверженце Цезаря. А пока эти материалы не использованы исследователями Саллюстия, до тех пор все противоречащее этим представлениям работы, даже такие тщательные исследования, как работа Зееля¹, подвергаются упрекам в субъективной интерпретации².

В письмах Цицерона *nomen gentile Sallustius* встречается всего двенадцать раз—в хронологическом порядке: Att., I, 11, 1; Att., I, 3,3; Fam., XIV, 4; Q. fr., III, 9, 4; Q. fr., III, 4; Q. fr. III, 5; Fam., II, 17; Att., XI, 11,2; Att., XI, 17,1; Fam., XIV, 11; Att., XI, 20, 2; Att., XIII, 50. Употреблены только в двух случаях *praenomen*, Цицерон значительно затруднил различение отдельных Саллюстиев.

На пути в ссылку, незадолго до посадки на корабль (в Брундизии 29 апреля 58 г.) Цицерон пишет своей семье: «*Clodium Philbetaerum, quod valetudine oculorum impediatur, hominem fidelem remisi. Sallustius officio vincit omnis. Pescennius est perbenevolus nobis. Sicca dixerat se mecum fore sed Brundisio discessit*» (Fam., XIV, 4,6). Социальное положение этого Саллюстия видно уже из того, что его имя упомянуто наряду с такими именами как Клодий Филетер, который повидимому, является вольноотпущенником. Судя по тому, что он «исполнением своих обязанностей превосходит всех», он—верный клиент Цицерона. Это, несомненно, тот же «*nostre Sallustius*», который, согласно «*de divinatione*», сопровождал Цицерона всю дорогу до Брундизия, и которого Марк Туллий призывает свидетелем для подтверждения своего дивного сна (*de div.*, I, 59).

Тот же Саллюстий находится в июне 47 г. у Цицерона, когда тот, охваченный страхом, ожидает возвращающегося на родину Цезаря. «*Ego cum Sallustio Ciceronem [своего сына] ad Caesarem mittere cogitabam*»,—пишет он из Брундизия Аттику (Att., XI, 17,1). Юному Марку поручается склонить к примирению Цезаря, находившегося в то время в Антиохии. Человек, которого так просто можно было дать своему сыну в попутчики, мог быть только клиентом. В письме, написанном спустя несколько дней жене Теренции, упомянуто *praenomen* этого Саллюстия. «*Nobis erat in animo Ciceronem ad Caesarem mittere et cum eo Cn. Sallustium*» (Fam., XIV, 11): от плана послать обоих к Цезарю Цицерон тем временем уже отказался. Это тот же самый Саллюстий, который помог своему господину в его расстроенных финансовых делах в начале 47 г., как это часто делали вольноотпущенники и клиенты. В марте 47 г.

¹ O. Seel, *Sallust von den Briefen ad Caesarem zur Coniuratio Catilinae*, Stuttgart, 1930.

² Рецензия на работу Seel'я в BLW, Febr., 1931 (Hutke).

Цицерон поручил Аттику в Риме выплатить П. Саллюстия деньги, которые дал взаймы Гн. Саллюстий (Att., XI, 11, 2). Ясно, что во всех четырех письмах речь идет об одной и той же личности, клиенте Гн. Саллюстия. Этот Гн. Саллюстий был, по всей вероятности, тот самый, у которого Цицерон намеревался остановиться, когда ехал навстречу возвращающемуся из Испании Цезарю (август 45 г., Att., XIII, 50). Однако этот Гн. Саллюстий ни в коем случае не мог быть Саллюстием, упомянутым в письме к Аттику (XI, 20, 2), о котором 15 августа 47 г. говорится, что Цезарь в Антиохии простил¹ его и что тот опять в милости у Цезаря. Во-первых, как было уже сказано, Гн. Саллюстий должен был быть послан в Антиохию только в середине июня; 14 июня он еще не тронулся в путь; позднее это намерение было вообще оставлено. Во-вторых, было бы странно, если бы Цезарь, который в Антиохии прощал представителей римской знати, тут же помиловал и клиента, возможно даже вольноотпущенника Цицерона. Вряд ли у него могли быть какие-либо конфликты с Цезарем. В-третьих, *his rebus concessis*, — как можно было в течение трех недель окончить путешествие в Антиохию и уже дать знать об этом в Брундизий?

С Гн. Саллюстием безусловно отождествленно лицо, которому адресовано письмо Fam. II, 17. Этот Саллюстий является сенатором, проквестором Сирии. При этом тон письма холодно-вежливый и сердитый.

Клиент Гн. Саллюстия, конечно, не был также автором сочинения «Empedoclea» (Q. fr. III, 9.4), о котором Цицерон пишет брату (февраль 54 г.). Не он упоминается и в письмах Квинту (III, 4; III, 5; оба от октября 54 г.), где говорится о каком-то Саллюстии, который умело критикует сочинение Цицерона о государстве и как равный дает ему нахально-резкие советы относительно поведения на политическом поприще².

Таким образом, кроме клиента Цицерона Гн. Саллюстия существуют 1) автор «Empedoclea», 2) литературный и политический *familiaris* из Q. fr., III, 4 и 5, 3) проквестор Сирии и 4) тот Саллюстий, которому Цезарь в 47 г. прощает какие-то грехи.

В инвективе псевдо-Цицерона, приписанной Дидием, Гаю Саллюстия Криспу делается упрек: «At hercules lapsus tirocinio aetatis postea se correxit? Non ita est, sed abiit in sodalicium sacrilegi Nigidiani» (Ps. C i c., in Sall., 5, 14). По всей вероятности, ретор Дидий использовал Vita Sallustii Аскония и потому заслуживает доверия³. Во всяком случае весьма вероятно, что Саллюстий с самых молодых лет примкнул к Нигидию Фигулу. В последние десятилетия республики, по особенно после создания первого триумvirата, в среде римского поблителя замечается своеобразный идеологический кризис. Тиготение к мантике, магии, астрологии, прикрытое научной оболочкой, обработанное в трактатах по всем правилам философской *deliberatio*, стало всеобщим. Магия и мантика имели еще особое значение. Ведь искусство гадания — *augurium* — было еще не так давно монополией олигархической партии, как бы символом ее исключительного господства. Аппий Клавдий — цензор 50 г. — писал капитальный труд об искусстве авгуров (Fam., III, 9.3). Цицерон составил трактат «de divinatione»; но яснее всего это направление проявлялось у Нигидия Фигула, которого называли самым крупным ученым Рима, что уже само по себе весьма характерно (Gell., NA, IV, 9.1). Нигидий Фигул в политике был непоколебимым катонизмом; подерживая принцип нравственной республики, он весьма некстати обвинил Г. Антония Гибриду как раз в тот момент, когда тот подвергся нападению со стороны Помпея. (Att., II, 2). Облеченная в форму приватного возмущения жгучая ненависть к *regediti nobiles*, побудила Нигидия поддерживать меры, принятые Цицероном 5 декаб-

¹ Att., XI, 20.2; «etiam Sallustio ignovit».

² Саллюстия из Q. fr., III, 4 можно без всяких затруднений идентифицировать с Саллюстием из Q. fr., III, 5, во-первых, по сходству характера, во-вторых, потому, что эти письма расположены рядом.

³ См. Funaioli, Sallustius, RE, 1:14 и A. Kurfess, De invectivis quae tamquam Sallustii et Ciceronis traditae sunt, «Mnemos.», XL, 1912, стр. 367.

ря 63 г.¹. Опираясь на доктрину неопифагорейства, Нигидий собрал вокруг себя кружок видных *pobiles*²; главными занятиями этого кружка были астрология³, мантика (A p u l e i u s, pro se de magia, 42), а также грамматика и этимология (Gell., NA, XIII, 10, 4). Этот кружок посещался видными людьми самых различных партий. Так, например, Ватиний не стыдился учиться у Нигидия (Schol. Bob. in Cic. Vat., l.c.). Но то, что Саллюстий Крисп действительно был нигидианцем, т. е., что заметка псевдо-Цицерона соответствует действительности—это лучше всего доказывают те пеленые сведения, которые добавляет Дидий. Уже название *sacrilegium* является анахронизмом; еще более: «bis iudicio ad subsellia attractus extrema fortuna stetit et ita discessit ut non hic innocens esse sed iudices peierasse existimarentur⁴. Кружок Нигидия был совершенно легальным, он сам был другом Цицерона; Дидий делал заключения, исходя из условий своего времени—условий развитого полицейского государства, неправильно предполагая, что в I в. до н. э. преследовались такие религиозные общины, как кружок Нигидия, и отождествляя аристократическое в высокой мере неопифагорейство с запрещенными народными культами своего времени. Это показывает, однако, что заметку об участии Саллюстия в кружке Нигидия он не выдумал сам, но взял ее у кого-то другого, так как иначе Дидий назвал бы какой-нибудь современный ему культ, который был ему лучше известен. Отсюда следует, что участие историка Саллюстия в кружке Нигидия несомненно. Псевдо-Цицерон называет это увлечение Саллюстия первым увлечением истинно мужественного возраста, который римляне считали, начиная тридцати лет. Это приводит к середине 50 гг.—время как раз, когда было написано письмо Q. fr., III, 9, так как Саллюстий родился в 86 г.⁵. Нельзя также возразить против того, что сочинение с названием «Empedoclea» указывает именно на круг нигидианцев: ведь Эмпедокл известен как пророк, сверхчеловек и, в первую очередь, глашатай пифагорейского учения о переселении душ⁶. Нельзя предположить, что в кружке Нигидия было двое писателей с именем Саллюстий. Авторство историка Саллюстия подтверждается и суждением Цицерона о сочинении «Empedoclea»: «virum te putabo, si Sallusti Empedoclea legeris, hominem non putabo» (Q. fr., III, 9, 4). Именно недостаток в изяществе, в *humanitas*, в котором потом так часто упрекали сочинения Саллюстия⁷, скупая словами мужественности слога отталкивали и Цицерона в «Empedoclea». Это сочинение было, очевидно, первым Г. Саллюстия Криспа, плодом его занятий у нигидианцев: оно отличается уже типичной, строго морализирующей тенденцией, твердым, скупым словами—стилем, который писатель ссрапшил всю жизнь, но который впоследствии приобрел другое политическое значение.

Теперь следует перейти к Саллюстию, упомянутому в письмах к Квинту от октября 54 г.: «aiunt nonnulli—ut Sallustius—me oportuisse accusare (Gabinium)... alterutrum, inquit idem Sallustius, defendisses idque Pompeio contententi dedisses; etenim vehementer orabat. Lepidum amicam Sallustium, qui mihi aut inimicitias putet periculosas subeundas fuisse aut infamiam sempiternam» (Q. fr., III, 4). Если это место сравнить с суждением, которое упомянутый в письме Q. fr., III, 5, Саллюстий дает о «de republica» Цицерона, то нет сомнения в тождественности обоих Саллюстиев: «ii libri

¹ Fam., IV, 13, 2; «per me quondam te socio defensa re publica; Plut., Cic., 20, 2, где Нигидий выступает как главный сторонник энергичных мероприятий 5 декабря 63 г.

² Schol. Bob. in Cic. Vat., § 14: fuit autem illis temporibus Nigidius quidam in doctrina et conditione studiorum praestantissimus ad quem plurimi convenerant.

³ Suet., Aug., 94, 5; Dio, XLIII, 1, 3.

⁴ P. s. Cic., in Sall., 5, 14—замечто сходство предложения с Comm. pet., 10.

⁵ Suet., rel., 300 (изд. Roth'a): «Sallustius Crispus, scriptor historicus Sabinis Amiterni nascitur a. 668...»

⁶ См. H. Diels, SB, 1889, I, стр. 396—415 (о стихотворениях Эмпедокла), Diog., VIII, 66

⁷ Suet., Aug., 86, 2—3; Sen., Epp., 114; Quint., I. Or., IV, 2; X, 4; Gell., NA, I, 15; IV, 15; Gran. Licin., p. 23 P.

cum in Tusculano mihi legerentur, audiente Sallustio, admonitus sum ab illo multo maiore auctoritate illis de rebus dici posse, si ipse loquerer de re publica, praesertim cum essem non Heracleides Ponticus, sed consularis et is, qui maximis versatus in re publica rebus essem».

И здесь у Саллюстия то же самое отвращение к политической половинчатости, требование открытого объяснения своей позиции. Такие выступления должны были неприятно подействовать на Цицерона; но если первое суждение—как Цицерону следовало бы поступить в деле Габиния, свидетельствует только о несдержанной молодости Саллюстия, то второе показывает горячий интерес в практической политике, интерес, который в то же время теоретически обоснован. Уже одно то, что Цицерон повторяет суждение младшего *familiaris* без комментариев, показывает, что оно заставило его призадуматься.

Саллюстий Крисп пишет в начале 49 г.: «sed mihi studium fuit adolescentulorum publicam capessere: atque in illa cognoscenda multam magnamque curam habui, non ita, ut magistratum modo caperem... sed etiam uti rem publicam domi militiaeque, quantumque armis viris opulentia posset, cognitum haberem». (Sall., Or. ad Caes. de re publ., I, 2). Эти studia Криспа не являются студиями реторического *bel esprit* Рима того времени; он принялся за дело всерьез, не потому, что *noblesse oblige* и не в качестве *consolatio*, как это было с Цицероном: «postquam mihi aetas ingeniumque adolevit, haud ferme armis atque equis corpus exercui, sed animum in litteris excitavi» (ib.). В свете этого весьма правдоподобна остановка Саллюстия у Цицерона в Тускуле и их споры о государстве. Идеология господствующей верхушки становится в известной степени модной среди остального общества, тем более так получалось в Риме, где преобладающее число молодых людей из муниципиев находились в зависимости от городских *nobiles*. Можно предположить, что Саллюстий попал и к Нигидию, увлеченный модой. Следующим этапом его развития был возрастающий интерес к политике. Как Саллюстий Крисп в отличие от других стремился к должностям не ради власти и честолюбия, но для получения политических познаний, так и Саллюстий в письме Q. fr., III, 5 нетерпеливо стремится в «de re publica» Цицерона услышать консулара и опытного политического деятеля, а не перемены из Аристотеля... К этому, по всей вероятности, он и стремился, общался с Цицероном. Одобряя пока основные политические идеи Цицерона, отрицательно высказываясь о его политической осторожности, Саллюстий отражал настроение своего поколения—людей, родившихся в 80-х гг. и своей социальной группы—состоятельной молодежи из муниципиев. Подобно Катутлу, Кальву, Корнифицию, Поллпону, Целию и другим, он тогда еще был республиканцем, как Катутл, и он слегка презирал Цицерона, как это ясно показывает его вышеприведенное суждение. Хотя Саллюстий и не запечатлел своего отношения к Цицерону в такой язвительной форме, как его ровесник, одаренный поэтическим талантом, все же он предъявляет Цицерону обвинение в некоторой беспринципности¹. Как видно из обоих писем к Квинту, этого Саллюстия из его современников выделяет одно свойство, которое характерно и для автора «*Empedoclea*» и для историка Криспа и которое позволяет идентифицировать всех трех Саллюстиев,—то, что он больше «*vir*», нежели «*homo*».

¹ В противоположность Kroll'у («Catullus», стр. 88), Bachrens'у («Cat. carm.», 1, стр. 37) и Hörnecker'у («Qua necessitudine coniunctus fuerit cum Cicerone Catullus», 1876) я усматриваю в знаменитом стихотворении Катутлла carm. 49: «Disertissime Romuli nepotum»... сатирический выпад против Цицерона (того же мнения Schmidt, RhM, LXIII, 273), а не выражение благодарности (Kroll., op. cit., стр. 89). Лучшим доказательством является то, что Катутлл в carm. 21 и в carm. 24—стихотворениях, посвященных бродяге Аврелию и развратнику Ювеницию, обращается к ним тем же иронически-хвалебным тоном и с теми же словами, что и к Цицерону в carm. 49:

carm. 21: Aureli, pater esuritionum

non harum modo, sed quot aut fuerunt

aut sunt aut aliis erunt in annis...

Предположение, что адресат письма Fam., II, 17—проквестор Саллюстий—тождествен с историком Саллюстием Криспом, было уже высказано Моммзеном: «... kann der Empfänger desselben füglich der spätere Historiker sein. Die Adresse nach der Handschrift (s. d. Sallust. proquaest. im Index; salutem dicit canini Sallustio proq... im Text) spricht dafür, da zumal in der Mediceischen Handschrift nichts gewöhnlicher ist, als unverständige Auflösung selbst der bekanntesten Siglen, und nichts sleht der Annahme im Wege, dass der Volkstribun des Jahres 702 (52) zwei Jahre später als legatus pro quaestore in Syrien fungierte»¹.

Тиррел верно замечает, что Canini, не говоря уже о неправильной грамматической форме, ни в коем случае нельзя толковать как nomen gentile хотя бы потому, что тогда у этого Саллюстия оказалось бы два nomen gentile². Издания, придерживающиеся этого взгляда относительно Canini, не присоединяются к мнению Моммзена, авторитет которого оказался недостаточным для защиты его предположения. Орелли, а впоследствии Мендельсон, Байтер и Тиррелл³ ставят заглавие «Сп. Sallustio s. d.», отождествляя таким образом этого Саллюстия с клиентом Цицерона. Выше уже было показано, что это невозможно. Следует также учесть, что если вообще принято считать Canini подложным, то «Сп.» как emendatio так же не обосновано, как «Р» или «А». Таким образом, заглавие не дает ни положительного, ни отрицательного ответа на вопрос⁴ и приходится обратиться к содержанию письма.

С тех пор, как Саллюстий Крисп в Тускуле прослушал «de re publica» Цицерона, прошло четыре года. К этому времени Саллюстий все еще не стал цезарианцем. Об этом ясно свидетельствует его «Oratio prior ad Caesarem»⁵. К этому времени, однако, он навлек на себя смертельную ненависть оптиматов, например Л. Домиция, М. Марцелла и М. Бибула, так как, будучи народным трибуном, он совместно с Мунацием Планком и Кв. Помпеем Руфом принимал участие в политической агитации после убийства Клодия⁶. Саллюстий и его товарищи обрушились и на Цицерона, обвиняя его в идейном покровительстве убийству Клодия⁷. Но Асконий говорит,—и ему следует

сargm. 24: к развратнику Ювенцию:

Non harum modos ed quot aut fuerunt
aut posthac aliis erunt in annis...

и точно так же по отношению к Цицерону
quot sunt, quotque fuere, Marce Tulli,
et quot post aliis erunt in annis.

При этом следует заметить, что сargm. 49 написано после сargm. 21 и сargm. 24. Язвительная ирония ясно видна и в другом месте:

gratias tibi maximas Catullus
agit, pessimus omnium poeta,
tanto pessimus omnium poeta
quanto tu optimus omnium patronus.

Этот способ «иронического сравнения» весьма характерен для древних народов (ср. соответствующие обороты речи у евреев и у греков., Klausener, Beiträge zur Phraseologie der Alten, Brl., 1926). Поэтому следует полагать, что сargm. 49 свидетельствует о критическом отношении республикански настроенных молодых людей, вроде Катутла, к Цицерону.

¹ Mommsen, Römische Forschungen, II, 434, прим. 42.

² Tyrrell, The Correspondence of Cicero, III, 251.

³ См. C.F.W. Mülleri editio epistularum Ciceronis, adnotatio critica к соответствующему письму.

⁴ Funaioli, op. cit., стр. 1919,—как кажется, единственный, который рассматривает проквестуру Криспа как доказанную (опираясь на Моммзена).

⁵ O. Seel, op. cit., 20, доказывает, что Саллюстий Крисп со своей «Oratio prior» в 49 г. только представляется Цезарю.

⁶ Asconius, praefatio in Milonianam, стр. 35, изд. Kiessl. u. Schöll.

⁷ Cic., pro Mil., 49; Asc., ad. loc.; Asc., praef. in Mil., стр. 38.

верить, ибо именно в этом комментарии он располагает наилучшими источниками¹, — что Саллюстий и Руф вскоре снова помирились с Цицероном и только Плавк продолжал выступать против него². Действительно, в своей речи «pro Milone» Цицерон обрушивается только на одного народного трибуна, а не на трех³. Все же ясно, что прежние отношения между Цицероном и Саллюстием не восстановились. Таким образом, для Саллюстия Криспа создались очень враждебные отношения с людьми, подобными Бибулу, а примирение с Цицероном было все же неполным, ибо имя Саллюстия связывалось теперь для Цицерона с именем его смертельного врага Клодия. Крисп же не сохранил особой злобы против Цицерона.

Письмо, посланное 18 июля 51 г. некоему Саллюстию, проквестору М. Бибулу, поразительно подходит к положению, сложившемуся для Саллюстия Криспа после его трибуната 52 г. Несмотря на то, что он является проквестором Бибула и, таким образом, по неотъемлемым обычаям римской администрации должен был бы иметь с своим прокогсулом такие отношения, как сын с отцом, Бибул обращается с ним пренебрежительно. Об этом знает не только его собственная провинция, но и соседи⁴. Этот Саллюстий даже просит Цицерона, чтобы тот рекомендовал его Бибулу (ib.); к тому же он с трудом дожидается возвращения в Рим (Fam., II, 17,1). Из тона ответного письма Цицерона можно понять, что его возмутил тон Саллюстия. Саллюстий слишком фамильярен, смеет себя ставить на одну ступень с Бибулом (Fam., II, 17, 2) и говорит с Цицероном, как с равным. Бросается в глаза разница, которую Цицерон подчеркивает между собой и Саллюстием. И он хотел бы вернуться в Рим как можно скорее, но он подчиняет свое желание интересам государства (Fam., II, 17, 1). Он, Цицерон, не в состоянии одолжить Саллюстию денег, потому что все его деньги, как положено, находятся у квестора⁵; Цицерон вежливо отклоняет предложение Саллюстия вместе возвратиться в Рим, пытаясь убедить его, что его, Саллюстия, successor не может так скоро прибыть⁶. Таким образом, ясно, что письмо точно соответствует отношениям, которые Саллюстий Крисп в 50 г. должен был иметь с М. Бибулом и Цицероном.

Однако до сих пор аргументация не выходила из области вероятного. Тожественность историка Саллюстия с Саллюстием в письме Fam., II, 17 можно доказать гораздо бесспорнее. Псевдо-Цицерон (Дидий) говорит в своей «Invectiva in Sallustium», что историк Саллюстий был два раза квестором (Ps. Cic., in Sall., 7,5); второй раз приходится на начало гражданской войны, когда Цезарь через квестуру провел его обратно в сенат, отсюда следует, что первый раз он был квестором до 50 г. Поэтому необходимо уточнить год первой квестуры Саллюстия Криспа.

Крисп был народным трибуном в 52 г. (As c., in Mil. praef.). Он, следовательно, не мог быть квестором ни в 53, ни в 51 г., ибо, согласно римской конституции, действующий магистрат не имел права выступать кандидатом на какую-либо должность. Крисп не мог быть квестором и в 50 г., ибо квестура обычно предшествует

¹ Источники Аскония в praefatio и комментариях: Fenestellae annales; Tiro; acta diurna S.P.Q.R.

² Asc., стр. 36: «postea Pompeius ac Sallustius... redisse in gratiam cum Milone ac Cicerone».

³ Cic., pro Mil., 12. Здесь не имеет значения, что эта речь подверглась позднее переработке. Важнее всего то, что Цицерон, публикуя свою речь, щадил доброе имя Саллюстия и потому напал лишь на одного Плавка.

⁴ Fam., II, 17,6: «quod eo officio quaestorio te aduuctum reticere de praetore tuo non moleste ferebam, quamquam quem ad modum tractare, audiebam».

⁵ Fam., II, 17,4 «de praeda mea praeter quaestores urbanos, i.e. populi Romani teruncium nec attigit nec tacturus est quisquam».

⁶ Fam., II, 17,4: «successor tuus non potest ita maturare... ut hieme in Asia possis convenire...»

вовала народному трибунату¹. 53 год, таким образом, первый *terminus ante quem* для первой квестуры Саллюстия Криспа.

Цицерон в одном месте говорит, что он занимал каждую должность *suo anno* (*de off.*, II, 17), т. е. в возрасте, который *lex Villia annalis* определила как минимальный. Так как Цицерон был квестором на тридцать первом году своей жизни, то из этого следует, что *lex Villia* запрещала людям моложе тридцати лет выступать кандидатами на должность квестора. Родившийся в 86 г. Саллюстий Крисп не мог, таким образом, быть квестором раньше 55 г., т. е. он не мог выступать кандидатом на эту должность раньше середины 56 г. В таком случае, 56 год представляет собой *terminus post quem* для первой квестуры Криспа.

Теперь следует уточнить, относится ли квестура Саллюстия Криспа к 55 или 54 г. Из предыдущего видно, что Крисп как в 55, так и в 54 гг. находился в Риме (*Q. fr.* III, 4; 5,9); он, следовательно, мог быть только *quaestor urbanus*. Однако хорошо известны *quaestores urbani* 55 г., т. е. квесторы консулов Помпея и Красса. Квестором Красса был Кассий, будущий убийца Цезаря (*Plut., Crass.*, 22 и т.д.), квестором Помпея — Гипсей (*Plautus Hypsaenus*)². Таким образом, можно сделать только одно заключение: Саллюстий Крисп был городским квестором 54 г. После своей квестуры в городе он в следующем году ни в одну провинцию проквестором не уехал³.

Теперь следует перейти к Саллюстию, проквестору Бибула. Этот Саллюстий титулуется «*proquaestor*». Согласно *lex Cornelia* ежегодно избирались двадцать квесторов. Из них лишь два — *urbani* — оставались в городе, прочие же по истечении *tempus designationis* сразу уезжали в провинцию. Поэтому их должность в провинции не была промагистратурой *per prorogationem imperii*, и они не назывались в провинции *proquaestores*, но *quaestores*, в отличие от других должностных лиц, которые имели свой *annus magistratus* в городе и лишь после его действовали в провинциях. Положение *quaestores urbani*, напротив, в этом отношении было аналогичным положению претора и консула. В течение года они назывались квесторами в городе (так же как *praetor* или *consul*), а после этого года, если желали, уезжали в провинцию как проквесторы (так же как пропреторы или проконсулы). Поэтому, если действующий в провинции магистрат называется проквестором, то это доказывает, что он до своей провинциальной проквестуры был *quaestor urbanus*. Таким был Саллюстий в письме *Fam.*, II, 17, точно так же, как и Саллюстий Крисп.

Lex Pompeia de provinciis ordinandis (*Dio*, XL, 52) радикально изменила установленный законами Суллы порядок управления провинциями. Согласно *lex Pompeia* впредь магистраты должны были становиться промагистратами лишь на пятый год после окончания магистратуры, например, консулы, преторы и городские квесторы 52 г. должны были отправиться в свои провинции лишь в 47 г. Для того чтобы на 51 г. обеспечить смену наместников и проквесторов, закон принуждал всех магистратов предыдущих лет, которые из-за какой-либо причины отказались от промагистратуры, теперь наверстать пропущенное. Таким образом, Цицерон, консул 63 г., должен был стать наместником Киликии. Многие ~~просто~~ ^{политики} должны были вдруг изменить свои планы, отказаться временно от участия в кипучей жизни города и отправиться в свои провинции. Для большинства эта отлучка была неприятна; этим объясняется плохое настроение Цицерона и его горячее желание скорее вернуться в Рим. Саллюстий в письме *Fam.*, II, 17 также попал в Сирию против своей воли; и он, подобно Цицерону, считает дни и часы своей проквестуры (*Fam.*, II, 17, 2).

¹ Так думал Цицерон. По его мнению, *tribunatus plebis* мог замещать *aedilitas* (см. *Dio*, XXXVI, 26). Это, конечно, не *lex*, а *usus opinioque communis*.

² *Asc.*, стр. 36, изд. Kiessl. u. Schöll.

³ Косвенным подтверждением этого является то обстоятельство, что консулы 54 г. также не поехали в 53 г. в свои провинции. Аппий Клавдий лишь в 52 г. отправился в Киликию, да и то не добровольно, а принужденный к тому законом Помпея (см. ниже). Л. Домиций вообще отказался от провинции.

Этот Саллюстий был проквестором в 51 г. Если бы он был *quaestor urbanus* 52 г., то он должен был бы быть квестором или самого Помпея, или Сципиона Метелла (*consules* 52 г.). Однако беспомощное положение этого Саллюстия в Сирии показывает, что он не мог быть квестором таких лиц, как Помпей или Сципион (*A s c.*, *praef. in Mil.*).

Все вместе взятое заставляет думать, что Саллюстий, проквестор Сирии 51 г., был городским квестором раньше 52 г., после квестуры остался в городе и в 51 г. должен был навестить промагистратуру.

Отсюда может быть сделано только одно заключение. Если Саллюстий Крисп был *quaestor urbanus* в 54 г. и после этого не поехал проквестором в провинцию, то, очевидно, что, согласно *lex Pompeia*, он должен был выехать в 51 г. Не было причин, из-за которых стали бы делать исключение для него, тем более, что после событий 52 г. политически он был совершенно изолирован (*A s c.* *praef. in Mil.*)

Именно таким проквестором *vi legis Pompeiae* является Саллюстий в *Fam.*, II, 17. Если к этому еще добавить вышеупомянутое сходство Саллюстия Криспа и Саллюстия в *Fam.*, II, 18 в отношении их к Вибулу и Цицерону, то, повидимому, нет ни малейшего основания оспаривать тождественность обоих Саллюстиев.

Кроме того, надо принять во внимание еще следующее: как и Саллюстий Крисп, Саллюстий в *Fam.*, II, 17 не был заинтересован в провинциальной промагистратуре¹. Влечение к римской городской жизни и желание бежать из провинциальной глуши—эти черты Саллюстия-проквестора как раз подходят к Криспу, каким тот рисуется в *Q. fr.*, III, 5. Недостаток уважения к Цицерону, бесперемонность в обращении со старшим и более влиятельным политиком—все это было характерно для отношения Криспа к Марку Туллию в 54 г.; это же характерно и для Саллюстия в *Fam.*, II, 17—конечно, *mutatis mutandis*—после конфликта и примирения 52 г.

Фунайоли, который присоединяется к предположению Моммзена, портит, однако, все дело тем, что делает следующий вывод: если Саллюстий Крисп в 51 г. был проквестором Сирии, то его в 50 г. могли исключить из сената лишь *in absente*². Но это невозможно, ибо известно, что Саллюстия исключили из сената во время его пребывания в Риме (*Schol. in Hor. serm.*, I, 2).

Необходимо более подробно осветить этот вопрос.

Цензорами 50 г. были Аппий Клавдий и Л. Кальпурний Пизон. Аппий Клавдий был оправдан по обвинению в *crimen laesae maiestatis populi Romani* только в начале апреля (*Fam.*, III, II, 1). После этого ему еще предстоял второй процесс—на этот раз *de repetundis*, который в конце апреля еще не начался (*Fam.*, III, II, 1). 3 или 4 августа Цицерон еще ничего не знает об избрании Аппия (*Fam.*, III, 12). В середине августа он его поздравляет с успехом (*Fam.*, III, 13, 2). Это показывает, что цензоры 50 г. были избраны в конце июля и приступили к исполнению своих обязанностей к концу августа. Что касается порядка их деятельности, то из Ливия (*Periochae XVIII*) и Диона (*XXXVII*, 9, 2) можно сделать вывод, что составление списка сенаторов следовало за цензом и обычно даже затягивалось до начала следующего года. Приступив к исполнению своих обязанностей в августе, цензоры начали чистку сената только в конце года. А тогда Саллюстий уже давно вернулся из Сирии; ведь он, как и Цицерон, уже ожидал преемника и вероятно, так же как и Цицерон—не дождался своего преемника и уехал до его прибытия. Итак, нет никакого основания не отождествлять проквестора Саллюстия с Криспом; наоборот, все, что мы о нем знаем, говорит о противном. Саллюстий Крисп и Саллюстий-проквестор представляют собой несомненно одно и то же лицо³.

¹ *Sall., Or. ad Caes. prior*, II; *Fam.*, II, 17, 2.

² *Funaioli, op. cit.*, стр. 1919.

³ Приблизительным *terminus post quem* для чистки сената может служить следующее. Целий Руф получает от Аппия Клавдия *nota censoria* в начале октября. Так как *nota censoria* предшествует составлению *album*, а, то последнее могло состояться самое раннее в конце октября.

Но—durissimum restat—остается тот Саллюстий, которому Цезарь в августе 47 г. что-то прощает («etiam Sallustio ignovit»). Затруднение заключается в том, что из первой речи Саллюстия к Цезарю явствует, что историк в конце 50 или в самом начале 49 г. открыто примкнул к Цезарю. Действительно, после такого безоговорочного перехода на сторону Цезаря в 49 г., трудно было предполагать какие-либо нелады в 47 г., которые могли бы принудить Криспа просить прощения у диктатора. И все же—нигде тождественность между Саллюстием Криспом и Саллюстием, упомянутым в данном письме Цицерона, нельзя доказать с такой точностью, как именно в этом случае (Att., XI, 20, 2).

15 августа 47 г. Цицерон пишет Аттику о Цезаре: *etiam Sallustio ignovit*. M. Gallius Q. f. mancipia Sallustio reddidit, is venit ut legiones in Siciliam traduceret. Прощлое письмо Аттику написано 22 июля. В письме от 15 августа Цицерон, очевидно, информирует Аттика о событиях предыдущих трех недель.

Прежде всего необходимо установить, относится ли пропomen «is» к М. Галлию или к Саллюстию. Известные автору комментаторы считают, что «is» относится к Галлию. Однако в таком случае здесь имеется единственный случай, где в латинской литературе так грубо нарушается основной закон *usus propositum*. Ведь по порядку имя Галлия стоит раньше имени Саллюстия. Если Цицерон подразумевал Галлия, то он должен был говорить о нем «ill»; «is» всегда относится к ближе стоящему, позже названному лицу. Если такие знатоки латинского языка, как Мендельсон или Тиррелл, все-таки приписывают Цицерону такое отступление от *elementa grammaticae*, то причиной этого может быть только одно: если не это отступление, то местоимение «is» должно относиться к Саллюстию. В таком случае тому же Саллюстию, которому Цезарь прощает грехи прошлого, поручается перевод войск в Сицилию, т. е. функции офицера на службе у Цезаря. Но тогда возможна тождественность этого Саллюстия с историком, который также был офицером Цезаря. Однако традиционное непоколебимое представление о Саллюстии Криспе, как о цезарианце, о его цезаризме *non plus ultra* не допускает мысли о том, что Саллюстий, которому Цезарь «ignovit», мог быть именно Криспом. Поэтому «is» и относится к Галлию всеми комментаторами.

Однако, во-первых, неизвестен какой-либо офицер Цезаря по имени М. Галлий; во-вторых, самый смысл предложения не допускает другого толкования «is», как местоимения, которое указывает на Саллюстия: М. Галлий находился все время в Италии и, пользуясь отсутствием и опалой Саллюстия, захватил его *mancipia*. Саллюстий же недавно был в Антиохии, добился прощения и теперь вернулся в Италию, где М. Галлию пришлось отдать ему его *mancipia*. Ясно, что тот, кто «*venit*», был Саллюстий.

Письмо написано из Брундизия. Немыслимо, чтобы туда—в Брундизий—кто-то прибыл, чтобы оттуда перевести легионы в Сицилию. *Is venit*, очевидно, обозначает приход в более широком смысле слова, чем, например, из Рима в Брундизий, т. е. прибытие извне в Италию. Это может относиться только к Саллюстию этого письма, который до того был вне Италии.

Таким образом, «is» подразумевает некоего Саллюстия, который из-за какого-то поступка впал в немилость Цезаря (совсем необязательно за помпейство) и, добившись прощения, получил военное назначение. В этом нет ничего удивительного: ведь даже таким отъявленным республиканцам, как Кассий, Цезарь сразу после прощения поручал более важные военные задания, чем перевод легионов в Сицилию.

Еще одно доказательство доставляет интересный *lapsus* в следующем письме, которое было отправлено Аттику через десять дней, 26 августа 47 г. Как в письме от 15 августа, так и в письме от 26 августа, обоих друзей чрезвычайно занимает вопрос, когда и по какому пути Цезарь вернется из Азии.

В письме от 15 августа сказано:

- a) *is* (Саллюстий) *venit ut legiones in Siciliam traduceret*.
- b) *Eo protinus iturum Caesarem Patris* (из города *Patrae*)...

В письме от 26 августа сказано:

- a) *legio XII ad quam primam Sulla venit, lapidibus egisse hominem dicitur*.
- b) *illum* (Caesarem) *arbitrabantur protinus Patris in Siciliam*...

В обоих письмах корреспондентов занимают одни и те же вопросы: а) перевод легионов в Сицилию и б) дальнейший маршрут Цезаря. Однако то лицо, которое, согласно письму от 15 августа, должно было перевести легионы в Сицилию, в письме от 26 августа уже не Галлий и не Саллюстий, а вдруг появившийся откуда-то Сулла. Из-за сходства между именами SALLUSTIUS и SULLA можно здесь предполагать явный lapsus в рукописи. В таком случае решение вопроса о том, кто был занят переводом легионов Цезаря в Сицилию, в пользу Саллюстия получило бы еще одно подтверждение, ибо извращение имени «Sallustius» в «Sulla» легче предположить, чем подобное извращение имени «Gallius».

К счастью, в пользу этого взгляда существует еще одно более веское доказательство.

Аппиан рассказывает, что в 47 г. (как раз в то время, когда имели место упомянутые в письмах события) историк Гай Саллюстий Крисп был послан за легионами, которые его чуть не убили¹. Еще яснее это событие описано у Кассия Диона: «В Кампании стояла большая часть [легионов], которые должны были быть переправлены... Эти вот чуть не убили Саллюстия»².

Сомневаться в правдивости этого сообщения у Аппиана и Диона не приходится, ибо Аппиан и независимо от него Дион в этих частях своей истории следуют Азинию Поллиону³. Сообщение Диона о переводе легионов в Африку не является препятствием; ведь Дион здесь подразумевает африканский поход, в котором Сицилия была первой остановкой.

Если сравнить письма Att., XI, 20, 2 и XX, 21 с Аппианом и Дионом, то можно считать доказанным, что тот, кого подразумевал Цицерон под словом «is», был Саллюстий, а именно Г. Саллюстий Крисп, а «Сулла» в Att., XI, 21 является ошибкой переписчика, которая до сих пор не была исправлена, поскольку традиционный взгляд на Саллюстия-цезарианца не позволял считать, что слова «Sallustio ignovit» относятся к нему.

Нужно еще добавить, что все это отлично согласуется с ролью, которую Сицилия играла в африканском походе, и с функциями, которые в этом походе выполнял Саллюстий Крисп. Сицилия с находящимися там легионами была оперативной базой всего похода («В. Afr.», XXV, XXXVIII), тогда как Саллюстий Крисп являлся организатором транспорта и снабжения («В. Afr.», VIII).

Остается невыясненной причина, из-за которой Цезарь мог гневаться на Саллюстия. Руководящим моментом в поисках этой причины может быть то, что проступок, который Цезарь прощал Саллюстию, был, очевидно, военного характера, поскольку Цезарь после 47 г. никогда больше не доверял Саллюстию руководить настоящей военной операцией. Цезарь, как кажется, был невысокого мнения о военном таланте Саллюстия, зато ценил его административно-политические способности⁴. Все это заставляет думать, что проступок Саллюстия был военным, тем более потому, что древние на поражение смотрели как на преступление, и Цезарь был того же мнения⁵. Таким образом, надо выяснить роль Саллюстия в первые годы гражданской войны.

Сразу после начала военных действий—очевидно, одновременно с первым провозглашением Цезаря диктатором—Цезарь провел Саллюстия через квестуру обратно

¹ App., BC, II, 92, 387: «.... καὶ περὶ τῶνδε Σαλλούστιον Κρίσπον πεμψέντα πρὸς αὐτοὺς ὀλίγου καὶ διέρχοντο εἰ μὴ διέρχῃ...»

² Dio, XLII, 52, 1—2: ἐν Καμπανίᾳ δὲ οἱ πλείους αὐτῶν ὡς καὶ προπλευσόμενοι ἦσαν. οὗτοι οὖν τὸν τε Σαλλούστιον παρ' ὀλίγου ἀπέκτειναν...

³ См. W i j n e, De fide et auctoritate Appiani, Gron., 1865, стр. 65; Eysenhardt, JCPH, 1862, стр. 755, а также G. T h o u r e t, De Cicerone, Asinio Pollione, Gaio Oppio Caesaris rerum scriptoribus, «Leipziger Studien», 1878, стр. 324, 360.

⁴ «В. Afr.», VIII, где говорится, что в ходе военных операций Саллюстию было поручено заботиться о снабжении, чем он и был занят в течение всего похода; по окончании кампании он был назначен наместником Africa nova.

⁵ S u e t., Div. Jul., 68.

в сенат¹. Перед тем, как Цезарь вернулся из похода в Испанию и против Массилии, Саллюстий командовал легионом (С а е с., в. с., III, 1) в Иллирике. Вместе с Басилом, другим цезарианским командиром легиона, он двинулся в Салоны (Salonae) и там, бездействуя, наблюдал, как брат будущего триумвира Антоний на острове Курикта подвергался осаде со стороны республиканских полководцев Октавия и Либона. Поведение Басила и Саллюстия было тем позорнее, что одна когорта цезарианцев покончила самоубийством, чтобы не попасть в руки врага, и тем чувствительнее для Цезаря, что пятнадцать когорт попали в плен к Помпею. Кроме того, Орозий прямо говорит, что Саллюстий был разбит².

Больше об этом эпизоде ничего неизвестно. Не исключена даже возможность, что Саллюстий после битвы при Салонах сам был взят в плен или что он, находясь в затруднительном положении, перешел к помпейцам. Нельзя быть вполне уверенным в том, что при Салонах его судьба была тесно связана с Басилом, старым офицером Цезаря, которого эта неудача не лишила расположения Цезаря³. Ведь Орозий приводит все военные действия в Иллирии в крайне сокращенном виде, в одном предложении, связывая разные по месту и времени события⁴. Во всяком случае имя Саллюстия из истории гражданской войны исчезает после Салон. Интересно то, что в то же самое время, как письмо Цицерона к Аттику (Att., XI, 20) упоминает о нем как о получившем прощение от Цезаря, его имя появляется опять в истории гражданской войны у Цезаря, Аппиана и Диона.

Поэтому не будет ошибки, если в событиях при Салонах усмотреть причину опалы Саллюстия. То, что Цезарь, например, на поражение Куриона смотрел, как на преступление, пуждающееся в прощении, засвидетельствовано достаточно ясно; то, что своим новым приверженцам он не особенно доверял, — также⁵. Во всяком случае у него было достаточное основание для недовольства. Курион стоял ему армии в Африке, Гортенсий — флота в Адриатическом море, Антоний и Саллюстий — армии в Иллирии. В причинах для опалы, очевидно, недостатка не было⁶.

¹ Факт подтверждается Псевдо-Цицероном (6,17). Так как Саллюстий в середине 49 г. уже занимал командную должность, звание квестора оп. по всей вероятности, получил до этого. Иначе Dio, XLII, 52, 2, который, однако, в вопросах римских государственных древностей не может соревноваться с римским источником.

² Так как соответствующее место в *Bellum civile* (до III, 9) утеряно, то сведения об этих событиях комбинируются из Or., Hist. adv. pag., VI, 15, 8—9; и L u c., Phars., IV, 404—525. Лукан рассказывает о событиях с того момента, когда Антоний был уже в окружении, а Басил стоял у берега и не мог ему помочь (Саллюстия Лукан не упоминает). Or. VI, 15, 8 говорит о совместной деятельности Басила и Саллюстия. Так как Басил и Саллюстий, очевидно, до своего поражения наблюдали за героизмом осажденных, то порядок событий — вышеуказанный. Орозий ясно говорит, что Антоний сдался помпейцам, об остальных же полководцах Цезаря он сообщает, что они были разбиты вместе с Антонием. Это еще яснее подчеркивает схолиаст Лукана (Adn. sup. Luc. ad IV, 495, изд. Ioh. Endt., Lps., 1909).

³ Att., XI, 5, 3; Басил вместе с Цезарем в Галлии: b. c., VI, 29, 30; VII, 90.

⁴ Or., VI, 15, 8, 9: «Basilus et Sallustius cum singulis legionibus quibus praeerant, similiter et Antonius, Hortensius quoque ab infimo mari cum classe concurrens, omnesque pariter adversus Octavium et Libonem proelii et victi sunt». Поистине изложение per saturam!

⁵ См. замечательное место у Диона (XLI, 46, 1), где Цезарь, находясь в Эпире, так рассуждает о своих полководцах, оставшихся в Италии (включая даже М. Антония): οὐκ ἔστιν οὐδὲν σφῶς μετὰ τοὺς τε καὶ ἐπὶ τοὺς τοῖς τε ἀρχαῖς, οἳ καὶ ἐν ταῖς στάσεσι φίλοι γίνονται.

⁶ Лукан так характеризует этот комплекс событий — Иллирия, Адриатическое море и т. д., в которых участвовали нецезарианцы вроде Куриона, Саллюстия и др.: «Fortuna in partes aliquid et Caesaris ausa est».

Данным исследованием делается попытка доказать, что а) автор «Empedocleas»; б) младший товарищ Цицерона, который давал ему столь высоко принципиальные советы в области политики и, слушая «de republica», порицал его «бегство в прошлое»; с) Саллюстий—проквестор М. Бибула и d) Саллюстий, который в 47 г. помирился с Цезарем—представляет собой одно и то же лицо и тождественны с историком Саллюстием Криспом¹.

Если такое обогащение биографического материала о Саллюстии Криспе внесет свой вклад в борьбу с легендой вокруг Саллюстия, то эта статья достигла своей цели.

П. Б. Гурвич

ХЕРСОНЕС И РИМ

Включение Херсонеса Таврического, постоянно находившегося под угрозой со стороны скифов, в состав царства Митридата VI в первое время не вызвало, повидимому, протеста со стороны херсонесцев. Они видели в Митридате избавителя от страшной скифской опасности. Положение дела резко изменилось во время войн Митридата с Римом. Эти войны потребовали максимального напряжения сил, и понтийский царь должен был усилить нажим на свои северные владения. Херсонес начинает испытывать все большее недовольство Митридатом, так как тяготы войны и повывшийся в его стенах понтийский гарнизон² начали все более и более стеснять его граждан; к тому же изменилась и политика Митридата по отношению к варварам, от которых он должен был защищать Херсонес. Митридат начинает видеть в варварах не врагов, а союзников, на которых можно опереться в борьбе с Римом. Аппиан неоднократно упоминает о заключаемых им союзах с варварскими племенами. Так, в 57-й главе его «Митридатовых войн» рассказывается о посольствах царя к фракийцам, савроматам и скифам, а в 69-й содержится перечень ряда варварских племен, граничащих с территорией Боспора, которые названы уже его союзниками. Из 101-й главы мы узнаем, что Митридат обручает своих дочерей с наиболее сильными из варварских правителей. Эта политика понтийского царя была, повидимому, не по душе господствующему классу Херсонеса. В нем нарастает оппозиция Митридату, и подарком его сын—изменник Махар—бежит, узнав о приближении разбитого римлянами отца, из Пантикапея в Херсонес (App., 102). Ясно, что Херсонес в данный момент играл роль как бы центра оппозиции. Не случайно Аппиан в 108-й главе, посвященной восстанию Фарнака и Фанагория, причисляет и Херсонес к числу укрепленных пунктов, недавно захваченных (ἀρσίληκτοι) Митридатом. Под этим «недавним захватом» разумеются, надо полагать, события 70-х гг. I в. до н. э. Херсонес восстал против Митридата и был им захвачен. На стороне Махара был Херсонес, несомненно симпатизировавший римлянам. Следует помнить, далее, что инициатива перехода к римлянам принадлежала греческим городам побережья, тогда как варварские племена оставались до конца верными Митридату. В переговорах Махара с Лукуллом, как и Фарнака с Помпеем, не страх перед вторжением римлян

¹ Но этот Саллюстий ли в коем случае не тождествен с еще нерассмотренным Саллюстием в письмах Att., I, 11, 1 и I, 3,3. Этот Саллюстий уже по той причине не может быть Саллюстием Криспом, что во второй половине 67 г. он является уже самостоятельной величиной в римской общественной жизни. Такое положение не мог занимать девятнадцатилетний юноша, каким тогда был историк Саллюстий Крисп (Цицерон о Саллюстии в Att., I, 11 и I, 3 говорит как о ровеснике). С другой стороны, то, что этот Саллюстий имеет самостоятельные политические связи, а Атик и Цицерон обращаются с ним как с равным, показывает, что этот Саллюстий отличен от того, о котором говорится как о клиенте Цицерона. Поэтому в Саллюстии из Att., I, 11 и I, 3 следует усматривать третьего Саллюстия.

² App., Mithr., 108. См. Ростовцев в «Сборнике в честь Уваровой», стр. 8.

играл главную роль, а то, что Рим был ближе интересам господствующего класса причерноморских городов, чем Митридат, опиравшийся на варварские племена. Херсонесские граждане могли усмотреть в действиях понтийского царя измену эллинизму, носителем которого стал для них Рим.

После смерти Митридата в 63 г. до н. э. на боспорский престол вступил его сын Фарнак, который владел и Херсонесом, как захваченным после подавления восстания городом. Детали этого периода истории Херсонеса неизвестны. Возможно, что до 25 г. он оставался под властью Боспора.

В 25 г. до н. э. в Херсонесе вводится новая эра, быть может, в связи с освобождением его от боспорского владычества¹. Весь этот период в истории Херсонеса является наиболее темным. Возможно, что Херсонес уже после победы Цезаря над Фарнаком при Зеле (47 г. до н. э.) получил свободу, т. е. вышел из состава понтийско-боспорского царства². Но позднее эта свобода была ограничена, и установлен был, не без содействия Рима, тесный союз Боспора и Херсонеса, т. е. зависимость более слабого Херсонеса от более сильного Боспора³.

Рим как бы не нашел еще своей линии поведения по отношению к Херсонесу, то подчиняя его Боспору, то делая его независимым от последнего.

Ко времени после гибели Фарнака относится надпись херсонесцев (IOSPE, I², 691), говорящая о посылке в Рим к сенату и Цезарю в 46 г.—в третье его консульство—посольства с ходатайством о даровании Херсонесу свободы, вернее—о восстановлении ее. Основанием этой просьбы было, надо думать, поведение Херсонеса во время выступлений Митридата и Фарнака. Просители, вероятно, ссылались на прецедент—получение автономии Фанагорией в награду за восстание ее против Митридата при Помпее в 64 г. Это ходатайство Херсонеса крайне характерно. Оно является отражением, как говорит В. Н. Дьяков⁴, «основного программного требования городских элементов Северного Причерноморья, которое заключалось в желании вернуться к домитридатовскому положению: самостоятельности и дружественным, но не вассальным отношениям к Риму». Мы можем думать, что эта просьба херсонесцев была удовлетворена.

Когда после тридцатилетнего правления Асандра Агриппа, вмешавшись в боспорские дела (14 г. до н. э.), поставил правителем Боспора римского прислужника Полемона, Херсонес был автопомец; однако защищать себя от постоянной угрозы со стороны скифов или тавроскифов он не мог. Он должен был просить союза у Полемона. Известен фрагмент декрета об увенчании неизвестного деятеля, награжденного венком и постановкой статуи (на базе которой и сохранилась надпись) за удачное руководство посольством к царю Полемену по поводу заключенного с ним союза: «Ἐπὶ τὰς ἐπιταχίας ὑπεθέμεν τὰς πρὸς βασιλέα Πολεμόνῃ δι' ἀγέρ[σειν εὐτυχῆ?]⁵.

Таким образом Херсонес становится союзником римского ставленника Полемона. После свержения Полемона Аспургом херсонесцы, повидимому, поддерживали

¹ См. Бертье-Делагард, ЗОО, т. XVI; Ростовцев, Херсонес (Энцикл. слов. Брокг.-Ефр.); Селиванов, О Херсонесе (речь), Одесса, 1898. Дата новой эры в Херсонесе вычислена Бертье-Делагардом.

² См. декрет в честь Г. Юлия Сатира, IOSPE, I², 69¹. Плиний (N. H., IV, 85), следуя хорошему источнику, доброжелательному Херсонесу, говорит, что этот город пользовался свободой. Источником мог быть Варрон. В таком случае Плиний констатирует положение в эпоху Цезаря.

³ Ростовцев, Эллинизм и иранство на юге России, Петр., 1918, стр. 153; IOSPE, I², 354, 419, 709.

⁴ В. Н. Дьяков, Пути римского проникновения в Северное Причерноморье, ВДИ, 1940, № 2—4, стр. 74.

⁵ IOSPE, I², 419. По мнению Ф. Ф. Соколова, чествуемое лицо было послано в качестве начальника вспомогательного отряда в помощь Полемену и было награждено за счастливое командование отрядом.

свои союзно-вассальные отношения с Боспором. В Херсонесе была найдена мраморная база с посвящением от имени царя Аспурга: Βασιλὺς Ἀσπο[ύργος βασιλ]εύω[...] (IOSPE, I², 573). Аспург царствовал с 8 по 38 г. н. э. и ориентировался на выдвинувшие его городские слои Боспора. Херсонесцы под давлением варварской опасности должны были поддерживать связи с Боспором. Именно в этом смысле следует понимать выражение Страбона (VII, 4, 3), что Херсонес и по его время (καὶ νῦν) находится под властью боспорских царей.

Под влиянием римской политики, которая покровительствовала в городах местной аристократии, в I в. до н. э. в Херсонесе происходит некоторая аристократизация политического строя. В связи с этим в городе происходила, повидимому, довольно острая классовая борьба между аристократами, которые стремились удержать ἡ πόλις πολιτεία, и демосом, который пригласил какого-то тирана и имел связь с местным ивар-варями. Об этом событии говорит одна надпись, к сожалению, дошедшая в крайне фрагментарном состоянии (IOSPE, I², 355). Издатель ее, академик В. В. Латышев, датирует ее I в. н. э. Содержание ее сводится к следующему: сначала говорится о деятельности чествуемого гражданина, имя которого не сохранилось, вне родного города. Возвратившись в Херсонес, он, повидимому, застал сограждан страдающими от тирана и желающими его низвергнуть и был избран ими в предводители для действий против тирана. Он «немедленно наполнил сердца сограждан отвагой» и, несмотря на грозившие опасности, вместе с вооружившимся народом «без пролития крови сделал город счастливым». Далее говорится, между прочим, о классовой борьбе, смятении, убийстве и гневе простого народа. Потом чествуемый гражданин, очевидно, после победы, был избран согражданами в попечители общественных доходов и в этой должности обратил все свое внимание на безопасность родного города и, между прочим, заболелся о ремонте городских стен. Так как предстояла война с кем-то из соседей¹, он произвел ревизию продовольственных средств города и, заметив, что граждане терпели большой недостаток в хлебе, через своих клиентов оказал им нужную помощь, чем весьма поднял упавший дух сограждан, «не падя ни затраты денежных средств, ни тела, ни души». Далее в связи с его деятельностью упоминаются римский император, сенат и народ римский и исконная свобода херсонесцев. Можно предполагать, что чествуемое лицо на собственный счет ездило в Рим хлопотать о предоставлении Херсонесу прав «свободного города». Между тем, говорится далее в надписи, приверженцы изгнанного тирана снова призвали его, и он двинулся против города с многочисленным войском, однако чествуемый гражданин, действуя против него «с благодарным вниманием к народу», заставил его удалиться ни с чем. Далее упоминаются чьи-то сыновья и дочь, находившиеся во власти противной стороны и «естественная к ним привязанность», побудившая отца к каким-то действиям. Повидимому, речь идет о случайном захвате детей тирана и о вызванной этим уступчивости с его стороны². Документ оканчивается постановлением совета и народа об увенчании чествуемого гражданина и о постановке ему статуи и т. д.³. Эта надпись дает очень много для истории Херсонеса. Она показывает, во-первых, что Херсонес имел в это время «свободу», так как декрет издан обычным путем от имени совета и народа. Во-вторых, она свидетельствует об острой классовой борьбе, которая кипела в его стенах. Наконец, она говорит о внешней опасности: враг в лице варваров—союзников тирана—шел на город, и Херсонес был близок к гибели.

Положению Херсонеса в это время было очень тяжелым, и помощи ждать было часто неоткуда. Как уже было указано, Херсонес искал военного союза с Полемоном, а позднее был вассалом Аспурга. Все это заставило его в конце концов опереться на военную мощь Рима, который к этому времени захватил всю Малую Азию и диктовал свою волю Боспору.

¹ Быть может, с тавро-скифскими племенами.

² Ср. подобный эпизод из истории Афин в 510 г. при изгнании тирана Гиппия. (Нерг., V, 65).

³ В основе пересказа находится изложение В. В. Латышева (МАР, № 9, стр. 16—17):

Римское влияние на Херсонес шло в первую очередь через Малую Азию. Но был и другой путь, по которому Рим протягивает свои железные щупальцы к Херсонесу. Рим в I в. до н. э. завладел северной частью Фракии, обратив ее в провинцию Мезию. И вот в одной надписи, найденной в Херсонесе, говорится о чествовании неизвестного лица за трехкратное исполнение высшей должности, за исполнение еще ряда должностей и, наконец (в 10 веке), за исполнение роли посла к правителю Мезии¹. С этой надписью ее издатель академик В. В. Латышев правильно связывает известную надпись в честь легата провинции Мезии между 57 и 69 гг. Тиберия Плавтия Сильвана Элиана, бывшего консулом в 45 г. н. э. Он был близок к императорской семье, в 35 г. состоял личным адъютантом императора Тиберия, позднее был легатом V легиона и городским претором. На его сестре был женат император Клавдий. В течение двенадцати лет он успешно управлял Мезией после Флавия Сабина, навлек на себя подозрение Нерона и попал в опалу, однако при Веспасиане был реабилитирован и получил триумфальные украшения. Эти необычайные отличия объясняются тем, что именно с его мезийского наместничества началась успешная романизация этой отдаленной провинции, причем он опирался на греческие прибрежные города западного побережья Понта, пришедшие в большой упадок вследствие погрома со стороны гетов (так же, как и Ольвия).

В его эпитафии (CIL, XIV, 3608) между прочим говорится: *Scytharum quoque regem a Cherropensi quae est ultra Borustenen opsidione summoto*² («Также принудил царя скифов снять осаду с Херсонеса, что за Борисфеном») Если сопоставить обе надписи, то можно прийти к следующему выводу: херсонесцы, теснимые скифами, отправляют чествуемого гражданина к правителю Мезии. Последний откликается на призыв и освобождает Херсонес от осаждавших его скифов. Таким образом, круг охвата владений Херсонеса римским влиянием замкнулся. До этого римское влияние шло с востока, через Боспор и Понт, теперь оно идет и с запада, через Мезию, из которой римскому влиянию, помимо западного побережья Понта Эвксинского, были подчинены также Тира и Ольвия, а за ними и Херсонес, куда Плавтий Сильван прибыл по призыву граждан.

Существует фрагмент почетного декрета Херсонеса в честь неизвестного лица, пришедшего (переправившегося) в город извне и спасшего его (IOSPE, I², 369). В. Н. Дьяков (ВДИ, 1941, № 1, стр. 91) предполагает, что это часть декрета в честь Сильвана, спасителя Херсонеса от скифов³. Таким образом, Херсонес в I в. н. э. находился в очень стесненном положении. Это стоит в связи с общей политической обстановкой, сложившейся в Крыму. На Боспоре в 40-х гг. происходило большое национальное движение против Рима. Главой этого движения был боспорский царь Митридат III (41—45 гг.), сын Аспурга и потомок Ахеменидов, самое воцарение которого произошло против воли Рима, как передает Кассий Дион (LV, 8). Римская дипломатия пустила в ход свои обычные средства: она стала покровительствовать претензиям на боспорский престол брата Митридата, Котиса, и в 45 г. Рим провозгласил его царем Боспора. Но Котис, принявший имя Тиберия Юлия и называвший римского императора

¹ IOSPE I², № 420; ЖМНП, 1884, июнь, стр. 43 (Латышев).

² Надо читать или «rege», или «summovit».

³ Толкование надписи и ее датировка зависят от понимания слова *Σχοροδία*. Возможно, что речь идет о царе Савромате (Савромат I правил с 94 по 123 г., Савромат II — с 174 по 210). В тексте говорится о военных событиях: кто-то заботился о доставке месячных запасов продовольствия, напал со множеством войска, сжег всю страну, кто-то явился на двенадцатый день, собирався переправиться в город... охраняя... проводя вал. Во время Савромата II известны военные события в Таврике (IOSPE, II, 423) — см. Лепер, ИАК, вып. 45, стр. 51—52. Ростовцев («Сборн. в честь Уваровой», стр. 15) полагает, что здесь речь идет о каком-то варварском царе, который «налетел со множеством войска... скифов, сарматов и союзников... испепелил огнем всю страну».

своим «спасителем и благодетелем» (IOSPE, II, 32), мог воцариться на Боспоре только с помощью римских солдат.

Длительное междоусобие на Боспоре в связи с воцарением Котиса (Т а с., App., XII, 15) отразилось на положении в степях, занятых скифами. Эти последние пришли в движение, будучи втянуты в политическую борьбу, и начали снова угрожать Херсонесу, который, как было указано, твердо держал сторону Рима и за это получил автономию. Боспор помочь не мог. Оставалось искать помощи у правителя Мезии.

Военно-морская экспедиция Плавтия Сильвана была, вероятно, продолжением его похода в Тиру 57 г., и была частью широко задуманного Пероном похода на Восток через украинские степи. Для этого похода, который так и остался невыполненным из-за смерти императора¹, было крайне важно восстановить боеспособность греческих городов Тиры, Ольвии, Херсонеса. До боя со скифами дело, повидимому, не дошло, и они в результате дипломатических переговоров бросили осаду Херсонеса, опустошив предварительно Гераклеяский полуостров. Плавтий Сильван, нужно полагать, помог Херсонесу восстановить линию обороны (римский ярус обороны) и оставил в городе гарнизон и часть равеннского флота. С этого времени Херсонес и его область входила в провинцию Мезию. Римские наместники Мезии становятся полными господами Херсонеса, и им ставят в городе почетные статуи с надписями. Первая из сохранившихся надписей относится к эпохе Веспасиана: «Секста Ветуллея Цериалиса, легата и пропретора Веспасиана Цезаря Августа (статую поставил) народ» (IOSPE, I², 421).

В Херсонесе с этого времени появляется римский гарнизон, во главе которого, в качестве военного коменданта и командира стоял военный трибун². Судя по найденным в Херсонесе надгробиям, гарнизон состоял из солдат I италийского легиона (IOSPE, I², 404, 417, 547, 548), который с 69 г. стоял в Мезии, и из вспомогательных отрядов, например, I Киликийской когорты (IOSPE I², 553—555), и т. д. Наряду с сухопутными войсками Херсонес сделался местом постоянной стоянки части римского флота под командой триерархов, подчиненных коменданту гарнизона (IOSPE, I², 417). Но римляне не ограничились охраной одного Херсонеса. Судя по тексту приводившейся выше надписи (IOSPE, I², 369), Сильван поставил гарнизоны и во второстепенных пунктах херсонесской области и начал укреплять их. Раскопки на Гераклеяском полуострове обнаружили переделку римлянами старых укреплений и строительство новых в укрепленном комплексе против бывшего хутора Бермана и в Александриаде. Многие башни на полуострове являются римскими сооружениями, воздвигнутыми в помощь основным укреплениям.

Но римляне не ограничились военной оккупацией Гераклеяского полуострова и прочих владений Херсонеса; они довели до конца то, что не удалось Митридату VI, а именно, оккупировали всю горную Таврику, о чем свидетельствует Иосиф Флавий, говоря о подчинении римлянами племени тавров (Bell. iud., II, 16,4). В связи с этим римляне, по мнению В. И. Дьякова (ВДИ, 1941, №1, стр. 95), организовали ряд десантных операций вблизи современной Ялты и в других местах, использовали в качестве опорных пунктов старые таврские укрепления в Хараксе (Ай-Тодор), на Аю-Даге, на горе Кошке и т. д., выбив оттуда тавров. Херсонес в это время становится центром римской оккупации всей Таврики³. Опыт использования этой базы Митридатом VI не прошел даром. Римляне воочию убедились, какое экономическое значение могли иметь Таврика и степи, расположенные к северу от нее, в случае военных действий. Ближайшей задачей военной экспедиции Сильвана при Пероне был разгром грозного сарматского племени аланов, стихийное продвижение которых в степях за

¹ Этот поход был задуман еще Цезарем. См. Ростовцев, Эллинизм в правстве на юге России, 1918, стр. 140—141; он же, Цезарь и Херсонес, ИАК, вып. 63, стр. 1 сл.

² IOSPE, I², 417. Надпись датируется второй половиной II в. н. э.

³ Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, март, стр. 140—158; он же, Новые латинские надписи с юга России, ИАК, вып. 33, стр. 1 сл., то же ИАК, вып. 23, 27.

Танаисом толкало осевшие прежде от Танаиса до Данауия сарматские племена на римские дунайские провинции.

Экспедиция Сильвапа имела успех¹. Ему удалось удержать даков и сарматов на левом берегу Дуная, переселив некоторые племена на правый берег. Удачная оккупация горной Таврики позволила Сильвапу сделать нажим и на Боспор. Котис I потерял право чеканить монету. На Боспоре вновь, как в начале правления Котиса, появились римские войска. Но особенное внимание римляни привлек к себе Херсонес, поскольку здесь замкнулось кольцо охвата Римом Таврики с востока, из Малой Азии, и с запада, из Мезии. Были приложены особые заботы к тому, чтобы обеспечить Херсонес от нападений враждебных скифов и тавров и удержать его как важный форпост античной культуры. Это было необходимо для правильных и постоянных сношений Таврики с Понтом, а в Херсонесе была единственная гавань в Таврике, которая могла дать безопасный и прочный приют римской эскадре, защищавшей торговое мореплавание на Понте Эвксинском от пиратства. Риму поэтому надо было обезвредить Крым от тавров и прочно оккупировать горную часть и западное его побережье². Херсонес в это время пользовался правами свободного города.

При Нероне была сделана попытка, в виде экспедиции Сильвапа, превратить Боспор в провинцию, а Херсонес в провинциальный центр, формально автономный. Но это продолжалось недолго. Правда, при Веспасиане и Тите полностью поддерживается в Крыму политика Нерона, в том числе и военная оккупация Херсонеса, нужная для планов обоих Флавиев на востоке. Оба они планомерно развивают систему прочного укрепления подходов к Армении и Парфии с севера путем создания, наряду с сирийской армией, сильной армии в Каппадокии. С началом правления третьего Флавия — Домициана положение меняется. Экспедиция Сильвапа далеко не ликвидировала всех военных вопросов на Дунае. Поход Нерона не состоялся. А между тем положение на Дунае все более осложнилось, и императору пришлось всю энергию и все военные силы сосредоточить здесь. Борьба была мало успешной, и Рим потерпел ряд поражений и неудач. Пришлось убрать из Таврики все римские гарнизоны и усилить власть боспорского царя. Это сразу сказывается в том, что на золотых монетах Рескупорида I (с 80 г. н. э.) вместо царской монограммы появляется его полное имя, что и удерживается затем до самого конца Боспорского царства. Возможно, что с этого времени Боспор начинает получать от Рима ежегодную субсидию, дающую ему возможность чеканить полновесное золото и нанимать армию и союзников. В сфере деятельности Боспора попадает с этого времени и Херсонес, лишенный римских гарнизонов и римской защиты. Херсонес ощущает все это крайне болезненно, как резкое нарушение когда-то дважды дарованной ему «свободы». То же положение вещей удерживается и при преемниках Домициана — Нерве и Траяне. Победы последнего над даками на некоторое время обеспечили дунайскую границу, а походы в Парфию должны были создать такое же положение на востоке. Для прочности восточных завоеваний теперь особенно нужно было обеспечить восточным римским армиям подвоз продовольствия из Таврики. Поэтому Траян внимательно следит за Боспором через своих проконсулов и легатов в Вифинии и Понте и не жалеет средств для поддержания военной мощи Боспора, где в то время

¹ Есть несколько точек зрения на римскую оккупацию Таврики. Ростовцев считал, что римляне строили военные пункты, по строгой си теме на перекрестках дорог (ИАК, вып. 40, стр. 9). Дьяков считает, что оккупация имела целью держать в повиновении всю горную Таврику («Сборник трудов Алушкинского музея», 1930, стр. 31 сл.). Репников считает целью оккупации борьбу с морскими пиратами (СА, VII, стр. 121 сл.). Нужно полагать, что римляне имели в виду и то и другое: господство на суше и на море.

² М. А. Навликина, Северо-западное побережье Крыма в эпоху античной колонизации, «Проблемы ИДО», 1934, № 9—10, стр. 164 сл.; В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг., ВДИ, 1938, № 2, стр. 321; Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, март, стр. 140, где дан план Харакса.

царствовали сначала Рескупорид I, а за ним Савромат I¹. В связи с энергичной политикой римского императора оба царя ведут не менее энергичную борьбу со скифами, которая увековечена в надписях и на монетах. Боспор становится, таким образом, вместо Херсонеса форпостом римского мира и римской военной мощи. Идея завоевания степей была, правда, оставлена, но зато была организована систематическая информация и давался постоянный отпор скифам в ответ на их попытки захватить хлебородные местности Таврики, которые в изобилии давали и хлеб, и сырье, и рабов.

Внезапная смерть Траяна оборвала широкую завоевательную политику Рима; его преемник Адриан пошел, как известно, по иному пути. Адриан стремился прежде всего дать новым провинциям возможность мирно развиваться под защитой сильных и дисциплинированных армий и хорошо организованных оборонительных линий. В Таврике Адриан не пошел по намеченному Траяном пути. Котис II, сын Савромата I, сначала продолжал энергичную политику своего отца и успешно защищал границы Боспора. Адриан даже подтвердил, несмотря на протесты Херсонеса, права Боспора на этот город, но в 132 г., после смерти Котиса II и по вступлении на престол Ремиталка, политика Рима резко изменилась. Херсонесские надписи говорят об этом своим lapidарным языком. Граждане Херсонеса, повидимому, были весьма угнетены лишением свободы и подчинением Боспору. Декрет² в честь Аристона, сына Аттина, перечисляя его заслуги, говорит, что он был послом к царю Ремиталку, по поводу военного союза и, успешно закончив переговоры, был вторично послан к нему, причем провел свою миссию с немалым успехом; позднее он был послом в Риме по поводу дарования свободы и там умер. Из этой надписи не видно, чтобы херсонесцы добились свободы. Через некоторое время они снова возбуждают это же ходатайство, но не сами, а через свою метрополию Гераклею. От эпохи Антонина Пия сохранился их декрет в честь «отцов гераклеотов». Вот что в нем говорится: «Поскольку досточтимейшие отцы наши гераклеоты с родственным сочувствием озаботились о нашем спасении, применив все рвение и всю неподдельную любовь, и послали к богу нашему и владыке императору Титу Элию Адриану Антонину посольство с целью молить его за нас, ни в чем не пренебрегши нами, и божественные ответы и милостиво дарованные благодеяния, переслав через знатнейших мужей Гераклида Менесфеева и Прокла Мемнопова, удостоили сделать известными, чтобы явна была их безукоризненность,—мы сочли должным со всем рвением вознаградить их приличными наградами; посему да постановит совет и народ похвалить за это прародительский наш... город и первый в Понте» (IOSPE, I², 362). Боспор, очевидно, не в состоянии был организовать действенную защиту Херсонеса и его области от скифских вторжений и Антонину пришлось восстановить старый порядок, когда-то установленный Нероном. Херсонес, судя по вышеприведенной надписи, номинально получил «свободу», т. е. перешел в непосредственное ведение Рима, с прямою зависимостью от легатов Нижней Мезии. В нем снова появились римский гарнизон из легионариев и вспомогательных отрядов и римская эскадра из кораблей равнинского флота. Возродилась римская военная граница, охватившая почти всю Херсонесскую область, кроме разве Маячного полуострова, где совершенно нет остатков римской эпохи. Была восстановлена сеть приморских крепостей и укрепленных пунктов внутри области, защищавших подходы к Херсонесу. Таким образом римляне взяли в свои руки непосредственную защиту западного побережья, горной Таврики, предоставив Боспору защищаться своей наемной армией. Этот порядок, созданный при Антонине, удержался довольно долго. То же было и при Северах с их жестким военным режимом. Из надписей известно, что и при Диоклетиане (284—305 гг.) в Херсонесе еще стоял римский гарнизон³.

III век, как известно, был одним из самых тяжелых периодов в истории Рима.

¹ Об этом свидетельствует сохранившаяся переписка между императором Траяном и Плинием Младшим, который был в это время легатом в Вифинии, посланным туда с чрезвычайными полномочиями в связи с подготавливавшимся походом на восток.

² IOSPE, I², 423; ЖМНП, 1884, июнь (Латышев).

³ Шангин, ВДИ, 1938, № 3, стр. 79—80, № 9.

Это было время распада одряхлевшего государственного организма, время всемирных революций и варварских вторжений. Неизвестно, как пережил Херсонес тяжелую эпоху Великого переселения народов. Судя по находкам готских могил с деформированными черепами¹, Херсонес в это время был сильно варваризирован, однако вряд ли можно думать, что он потерял свою независимость. Если верить сказаниям, записанным Константином Порфирородным в его сочинении «Об управлении государством»², Херсонес в эпоху Диоклетиана был автономным городом, который управлялся стефанефорами-протевонами, имел сильное войско, помогавшее римскому императору в его борьбе с савроматами, причем это войско без труда взяло Боспор. При этом любопытно отметить, что херсонесцы-победители просили у императора подтверждения им «широкой свободы и льготы от податей», т. е. ателии, что и было сделано Диоклетианом.

При Константине, по словам того же Константина Порфирородного, с помощью херсонесцев был подавлен мятеж среди скифов, для чего им пришлось совершить поход на Дунай. В благодарность за это херсонесцы получили подтверждение своей свободы и ателии, золотую императорскую статую с золотым венцом «для украшения города», золотые императорские перстни для облегчения переписки с императором, а также ежегодную субсидию в виде 1000 пайков хлеба для баллистариев (городской милиции), веревки, коноплю, железо и масло для баллистр. Таким образом, и в эпоху Константина, т. е. в первой половине IV в., Херсонес представляется сильным автономным городом, военной опорой Римской империи на Евстасе. Трения, бывшие у Херсонеса с Боспором, также нашли отражение у Константина Порфирородного в виде рассказа о войне боспорцев и херсонесцев. На стороне боспорцев было население с Мэотийского озера (Азовского моря). Херсонесцы, узнав о выступлении врагов, вышли им навстречу и возле Кафы (теперь Феодосия) разбили их наголову. Был заключен мир, по которому граница Боспора проходила через Кафу. Через несколько лет неунимавшиеся боспорцы снова выступили войной против Херсонеса. Снова жители последнего разбили их у Кафы после единоборства их представителей, причем протевон Фарнак хитростью одолел Савромата. Теперь границей стал город Киберник, быть может Киммерик, находившийся почти при выходе из Боспора Киммерийского в Понт Эвксинский.

Богатство и независимость Херсонеса описываются также в новелле о Гикии, дочери протевона Ламаха, к которой сватался боспорский царевич, сын Асандра. Херсонесцы ответили согласием, но под условием, чтобы царевич при под каком виде не пытался возвращаться на Боспор. На таких условиях состоялся брак, причем боспорцы захотели хитростью, при помощи заговора, захватить Херсонес. Но заговор был вовремя раскрыт, и Гикия не остановилась перед умерщвлением своего мужа и всех боспорцев, которых он успел тайно «накопить» в подвалах богатого дома Гикии. Красочно описывается богатство этого дома. «Ламах в то время,—говорится в новелле,—славился большим богатством в золоте, серебре, рабах и рабынях, разном скоте и многих имениях; дом его простирался на четыре квартала в длину и ширину и до пиза так называемых Суз; здесь в стене у него были собственные ворота и четыре больших портала для входа и выхода, а также были и другие прекрасные боковые входы, так что, когда скот его входил в город, то каждое стадо коней и кобылиц, быков и коров, овец и ослов входило в свои ворота и шло в свои стойла»³. Что касается даты этой новеллы, то некоторые ее детали говорят, как будто, за раннехристианское ее происхождение, как, например, требование Гикии похоронить ее в пределах города, что для античного времени было немыслимо; потому датировать этот рассказ эпохой боспорского царя Асандра, т. е. I в. до н. э., трудно.

¹ Вопрос о принадлежности деформированных черепов готам еще не решен. Во всяком случае они находятся в могилах с позднеимперским инвентарем. См. ВДИ, 1939, № 2, стр. 135.

² «Изв. ГАИМК», вып. 91(1934), стр. 34 сл. («Об управлении государством», 53).

³ «Изв. ГАИМК», вып. 91(1934), стр. 39.

Итак, в III и IV вв. Херсонес не только не опустился, подобно Ольвии, но был сильным военным пунктом, с успехом отражавшим варваров и помогавшим императору в трудные минуты. Его культура в это время стояла еще довольно высоко. Так, например, херсонесцы не перестали еще увлекаться Гомером, как показывает одна эпитафия, изданная Шангиным (ВДИ, 1938, № 3, стр. 77, № 8), в которой еще слышится гомеровская фразеология. Во II—III вв. н. э. в Херсонесе существуют общественные игры. Уцелел обломок списка победителей с сохранившимся гимном в честь Гермеса и обозначением, что надпись поставил гимнасиарх Дамотал, сын Феофила¹. Кроме того, имеются фрагменты еще трех списков победителей в херсонесских агонах². Все это указывает на то, что Херсонес в позднеримскую эпоху был крепким «языческим» городом. К этому же времени относится ряд строительных надписей, показывающих, что город переживал относительное благополучие. Так, к началу III в. н. э. относится надпись, написанная уже на *κοινή* и гласищая, что Аврелий Гермекрат, сын Мирона, а по природе сын Тимофея, пожертвовал (оставшиеся) из расходных сумм агораномии 3000 денариев на храм Афродиты³. К тому же приблизительно времени относится надпись о постройке оборонительной стены: «[Имя рек] построил стену на собственные средства Зевсу Спасителю за себя и за благосостояние города, через эпимелета Намуха (?), старейшину города» (IOSPE, I², 438).

Прямое свидетельство о существовании в Херсонесе гарнизона в конце IV в. дает надпись на латинском языке в честь императоров-соправителей Валентиниана, Валента и Грациана от солдат отряда баллистариев (ИАК, вып. 23, стр. 6). От конца IV в. (383—395 гг.) дошла очень важная надпись, показывающая, что Херсонес в это время находился в составе империи и признавал императоров своими непосредственными владыками. Далее из нее ясно, что в городе стоял военный отряд империи, трибун которого заботился о безопасности города, в частности о постройке оборонительных стен. Вот эта надпись: «За владык наших, вечных Августов, непобедимых Флавиев Феодосия и Аркадия, и много потрудившегося при деле Флавия Вита, трибуна и строителя, построена стена при Евферии превосходительном»⁴. В бурную эпоху Феодосия Херсонес, по видимому, испытывал большой натиск со стороны степей, почему и понадобилось обновить и укрепить основную линию обороны, особенно юго-восточный ее участок, где и найдена была эта надпись (ИАК, вып. I, стр. 40). Это было время усиления центральной власти. Характерно, что в надписи не упомянут никто из местных эпонимов (например, протевон), но говорится зато об «Евферии превосходительном». Это так называемый *μεγαλοπρεπείστος κόμης* (comes) или *comes comme ciorum* (RE, III, 643), на обязанности которого было слезить за сношениями херсонесцев с другими народами, предупреждая измену; он же ведал всеми таможенными делами. В римской империи было мало городов, которым было дано право сноситься с чужими народами. Император Валент дал такое право только двум городам на Дунае. Херсонесу было дано это право, вероятно, Константином, причем за выполнением следил комит.

От конца IV в. сохранилась сильно фрагментированная надпись эпохи Гонория и Аркадия, которая регламентировала торговые сношения Херсонеса с восточными областями империи, причем данный декрет был издан в подтверждение соответствующего декрета императора Феодосия⁵. Это показывает, что Херсонес в конце IV в. был богатым городом, который имел обширные торговые сношения со многими городами, о чем свидетельствуют раскопки городища и могил. Таким Херсонес остается и в ранне-византийскую эпоху. От этого времени дошла «строительная» надпись с упоми-

¹ В. В. Латышев, *Почты*, 312; ИАК, вып. 10, стр. 20, № 14.

² IOSPE, I⁹, 228; ИАК, вып. 10, № 14; вып. 14, № 24. Все—позднеримской эпохи II—III вв.

³ IOSPE, I², 203. Найдена в Уваровской библиотеке. См. «Пропилеи», IV, 536.

⁴ ИАК, вып. I, стр. 59; IOSPE, I², 450=IOSPE, IV, 464. Ср. ВДИ, 1938, № 3, стр. 82, № 11, примечания.

⁵ ИАК, вып. 15, стр. 16; Шангин, ВДИ, 1938, № 3, стр. 82, № 11.

чанием императора Зенона, которой А. Л. Бертье-Делагард посвятил специальное исследование¹. Эта надпись, помимо того, что по ней определяется херсонесская эра (см. работу А. Бертье-Делагарда), важна как свидетельство постройки стен и башни в Херсонесе. Датируется надпись довольно точно 488 г. Необходимость обновить стены диктовалась, повидимому, большим землетрясением, которое было в Крыму в 480 г. и продолжалось 40 дней. Из надписи видно, что Херсонес прочно подчинен византийским императорам, что в городе имеется отряд баллистариев, у которых есть своя казна. Повидимому, эти военные содержались на взносы, собиравшиеся с херсонесцев. Работы по постройке велись под наблюдением «светлейшего комита Диогена». Император Зенон разрешает истратить часть денег казны баллистариев на возобновление стен и башни.

Жизнеописания херсонесских епископов, дошедшие в списках X в.², показывают, что Херсонес был стойким языческим городом даже в то время, когда христианство уже торжествовало свою победу.

Имеющийся материал, хотя и случайный и скудный, свидетельствует, что в период распада Римской империи Херсонес сохранил экономические и военные ресурсы, которые могли сделать этот город опорой власти Восточной Римской империи на крайнем северо-востоке.

Проф. К. Э. Гриневич

РЫБНЫЙ РЫНОК В ХЕРСОНЕСЕ

(Новооткрытая надпись музея Харьковского государственного университета)

Как известно, одним из наиболее важных предметов экспорта древних колоний Северного Причерноморья после хлеба и рабов служила рыба³. О наличии рыбного промысла, размерах обрабатывающего производства, способах улова и орудиях хозяйства рассказывают древние авторы. Об этом же свидетельствуют многочисленные и разнообразные памятники материальной культуры.

Начиная с VII в. до н. э. все побережье Черного моря, особенно северо-западная его часть, покрылось множеством факторий и эмпориев, получивших впоследствии известность главным образом добычей рыбы. Обычно в устьях рек возникали эмпориев, служившие опорными пунктами для рыбных торговых магистралей и складами, где заготавливалась в разных видах рыба для экспорта.

Первой такой небольшой станцией на берегу Понта во Фракии, в удобной, хорошо защищенной бухте, куда заходили суда, возвращаясь из северных колоний в метрополию, была фактория Delkos, одноименная с находившимся рядом озером⁴. В этом же

¹ А. Л. Бертье-Делагард, Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса, ЗОО, XVI; В. В. Латышев, Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России, 1896, стр. 7.

² В. В. Латышев, ИАК, вып. 23, 49; он же, ЗАНИФО, VIII, № 3 (1906).

³ Polyb. IV, 38. Исчерпывающая литература, где рассмотрены высказывания древних авторов о понтийской рыбе, приведена у Koehler, »Τὰ ῥυθὰ ou recherches sur l'histoire et les antiquités des Pêcheries de la Russie Méridionale», «Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Peter. b.», VI Série, t. I, 1832, стр. 347 сл.; Otto K e l l e r, Die antike Tierwelt, 1913, t. II, 332 сл.

⁴ Название приморского города Delkos сохранилось по нынешний день. См. O b e r h u m m e r, Delkos, КЕ, IV, стр. 2447; С. А. Семенов—Зусер. Торговый путь к Ольвии, «Ученые записки Харьковск. гос. ун-та», 1940, т. 19.

Delkos'e грузилась рыба особой ценной породы, так называемая *δέλκινος*. Следующим, более крупным поселением (*ἄποικία*) и в то же время значительным рыбным пунктом служила Аполлония¹ (в нынешней Болгарии) на островке «Святой Кириак», как это устанавливают последние археологические исследования. Аполлония, в свою очередь, выделяла для себя колонию Анхиаля², занявшую положение узлового центра для сушки и заготовки рыбы. Идущие в северном направлении эмпории Месембрия³, Одесс⁴, (на месте пышной гавани болгарского города Варны), Каллатис⁵ (современная Мангалия в Добрудже), Истрия⁶ со своими выселками славились ловлей стерляди и речной пресноводной рыбы, подвергавшейся обработке для экспорта. Тира⁷ (ныне город Аккерман) как мощная рыбная фактория, далее колония Ольвия⁸ и близлежащее рыбацкое поселение Березань⁹, являвшиеся подобием форпоста для экономики и торговли западной Скифии, своей рыбной промышленностью приобрели немаловажное значение в античном мире.

Не меньшее значение в древности имели рыбные промыслы и на южном побережье Черного моря, как например, Синопа¹⁰ и ее колония Трапезунт—милетские рыбные станции, возникшие весьма рано еще до установления колонизаторами правильных торговых рейсов. Однако юго-восточная торговая магистраль в VI в. до н. э. теряла свое хозяйственное значение и должна была уступить первое место другому морскому пути, северо-западному, более выгодному и доступному для торговой экспансии и неограниченных возможностей обогащения. Античные колонизаторы и эмпоры держались прибрежных районов моря и рек, ведущих в глубь страны, по которым транспортировались туземный хлеб, скот, рыбы, шкуры и меха и особенно рыба—соленая и копченая, преобладавшая среди предметов экспорта.

Согласно древним источникам, понтийская рыба по своему количеству, а еще более по качеству, с самого начала заняла одно из первых мест среди конкурировавших с ней рыбных продуктов Средиземноморского бассейна. Так например, поэт Ге-

¹ Her. IV, 90; Skyl. 67; Strabo VII, 6,1; Hirschfeld, Apollonia. RE, II, 113—114. Bilabel, Die jonische Kolonisation, 1920; V. Parvan, La pénétration hellénique, «Bullet. de la section historique», t. X, Acad. Roum., 1923, стр. 23: отчет о раскопках Degrand'a, см. в CRAI, 1905, стр. 300.

² Strabo VII, 6, 1; Bilabel, ук. соч., стр. 15; Hirschfeld, Anchiale. RE, I, стр. 2103.

³ Her. IV, 93; Strabo VII, 6, 1; Г. К а ц а р о в, Находки в Месембрии, ИАД, 1911, II, стр. 264 сл.

⁴ Strabo VII, 6, 1.

⁵ S a u c i c-S â v e a n u, Callatis, Fouilles et recherches de l'année 1924. Сборн. Dacia, Recherches et découvertes archéologiques en Roumanie, 1925, II, 104 сл.; Bilabel, ук. соч., 17 сл.

⁶ Her. II, 33; Strabo VII, 6, 1; Plin. NH IV, 44; о связи Истрии с Ольвией см. Her., IV, 78; Bilabel, ук. соч., Histria (Istros), стр. 44; С е м е н о в-З у с е р, Торговый путь... стр. 18.

⁷ Bilabel, ук. соч., стр. 23 сл.; M i n n s, Scythians and Greeks, 1913, стр. 445 сл.; V. Parvan, La pénétration... Б р а у н, Розыскания в области гото-славянских отношений, 1899, стр. 209.

⁸ В. Л а т ы ш е в, Исследования об истории и государственном строе города Ольвии, 1887; Б. В. Ф а р м а к о в с к и й, Ольвия, «Экскурсионный вестник», 1915; Э. Д и л ь, Ольвия, «Гермес», 1914; Л. М. С л а в и н, Ольвия, Издав. АН УРСР, 1938; Bilabel, ук. соч., стр. 23 сл.

⁹ «ОАК 1904—1910 гг.»; Э. Ш т е р н, Отчет о раскопках на о-ве Березань летом 1913 г., Одесса, 1914; О. А. А р т а м о н о в а, Древнейшее поселение на о-ве Березани, вып. V, КС ИИМК, 1940, стр. 49 сл.

¹⁰ Bilabel, ук. соч., стр. 8, 30, 137, 139; D. R o b i n s o n, Inscriptions from Sinope, AJA, IX, NN 8, 9, 12.

снод называет Боспор богатым вяленой и сушеной рыбой *ὁ τριχόπλωος βοσπορός*¹. В связи с обилием рыбы в Боспоре, пишет известный ритор IV в. Либианий², эти места посещались купцами и любителями этого вида продовольственных товаров. Рыба носила название, *τριχὴ πικτικα*³, *τρίχ-η πικτικα*⁴. Поэт Антифан⁵ расхваливает маринованного осетра под названием *τριχός ἀντιφανεύς*. Историки, поэты, гости-ропымы оставили много указаний о важности и значении черпоморской рыбы в мировой торговле. Целые монографии были посвящены рыбному делу, так например, *Ἀλιευτικά* Оппиана⁶, поэта III в., или, скажем, сочинение знаменитого Архестрата (IV в. до н. э.)⁷ *Ἰνδοπάρσις*, в котором много внимания уделено понтийской рыбе. По свидетельствам Аристотеля, Страбона, Плиния, Афиней, черноморская рыба, в частности тунцы (*θύνες*), питала значительную часть населения берегов Понта и служила ценным предметом экспорта. Бесчисленные корабли, груженные понтийской соленой рыбой, ожидали своей очереди для входа в гавани Афин и прочие города античного мира⁸. Демосфен в речи против Лакрита⁹ свидетельствует о вывозе соленой рыбы из Паптикапсы в Феодосию, а из Феодосии в Афины и т. д. О рыбе, как о весьма любимой пище у скифов, сообщает поэт Антифан¹⁰.

Известно, что большую роль играла рыба как продукт питания римской армии. Доставлялась она преимущественно из припонтийских колоний, что можно усмотреть хотя бы из сообщения Тацита о поставках провианта для армии в связи с экспортом Боспора¹¹. Значительно ранее *τρίχος πικτικα* являлась самой доступной и дешевой пищей в собственной Греции¹².

Веским доказательством широкого употребления рыбы населением Причерноморья могут служить монеты в форме рыбок (дельфинки) в Ольвии¹³.

Изображение пелагиды как добычи морских птиц часто встречается на реверсе различного достоинства монет в Ольвии, Синопе и в других местах¹⁴. Существовали специальные рыбные блюда¹⁵, рисунки на всевозможных предметах, надписи на мо-

¹ Hesiod y Athen., III, 84; ср. Koehler; ук. соч., стр. 358; Ф. Мищенко, Торговые отношения Афинской республики с царями Боспора, «Университетские известия», Киев, 1878, № 7, стр. 480.

² Libanius, Epistolae, LXXXIV, стр. 45.

³ Strabo III, 2, 6; Plin. XII, XXXII, 146.

⁴ Athen., III, 89.

⁵ Antiphan y Athen., VII, 21.

⁶ Oppianus 'Ἀλιευτικά, I, 595—613; IV, 504—515; Латышев, Scythica et Caucasia, I, стр. 581—582.

⁷ Archestr. y Athen., VII, 284; Латышев, SC, I, 625; см. G. Schmidt, Exegetica, ЖМНП, 1896, т. VII.

⁸ O. Keller, Die antike Tierwelt, t. II, 1913, стр. 384.

⁹ Demosth., c. Lacr., § 34; Латышев, SC, I, 368.

¹⁰ Athen., III, 88.

¹¹ Tacit., Annal., XIII, 39.

¹² Плавт, Пленники, 850—851; O. Keller, ук. соч., стр. 336; по своей дешевизне тарихос служила такой же пищей для греческих воинов во время походов. Аристофан, Ахарияно, 1100; Agrian y Suidas, s. v. τριχόζιν. Отец знаменитого философа Биона, уроженца Ольвии, являлся продавцом тарихос (Диоген Лаертский, 14, 7, 46; Латышев SC, I, 633; Suidas, s. v. 'Ἀλκων).

¹³ В. В. Голубцов, Монеты Ольвии..., гл. I «Ольвийские рыбки», ИАК, 1914, вып. 51, стр. 67 сл.

¹⁴ O. Keller loc. cit.; ср. М. Тихий, Анчоус Херсонеса Таврического, «Вестник Рыбопромышленности», XXXII (1917), № 1—3, стр. 6.

¹⁵ М. И. Ростовцев, Античная декоративная живопись на юге России, 1913, стр. 69, 510; B. Phagmakovsk y, Archäolog. Funde im Jahre 1912; Arch. Anz., 1913, № 2, стр. 179, рис. 8; ib., 1911, стр. 205, рис. 17; Стефани, ОАК, 1876, прилож. 164 и сл.; среди находок последнего времени в Херсонесе

ветах, клейма и эмблемы рыб на весовых знаках¹, как, например, в Ольвии ОУ, что некоторыми читается как ΘΥΝΝΟΙ или ΟΥΡΑΙΑ². Как известно, рыба одно время была предметом культа, и ей придавалось магическое значение³. Таким образом, все вместе говорит об исключительной важности этого объекта торговли⁴. Об огромных заготовках рыбы для экспорта свидетельствуют открытия рыбозасолочных ванн на территории древних поселений Мирмекия, Тиритаки⁵, Паптикалея, Херсонеса⁶ и, несомненно, также в Ольвии. К этому можно добавить находки огромного количества пифосов, амфор, специально предназначенных для соленья рыб. Десятки тысяч центнеров такой рыбы, как тунцы, пелагиды, хамсы,—обычный годовой улов причерноморских станций. Для добычи такого количества рыбы должны были существовать особые ловецкие кадры, мастерские по изготовлению неводов, тара для экспорта, суда для транспорта и т. д. Весьма возможно, что ἀλιευταί—морские корпорации, состоявшие из собственников кораблей и возникшие в метрополии причерноморских колоний в Милете⁷, являлись теми крупными организациями, которые руководили всей массовой рыбной промышленностью. Нет сомнения, что наряду с рыбным промыслом такую же роль играли солинные промыслы, доставлявшие соль, необходимую в рыбном деле⁸.

Как мы уже указывали, крупный рыбный центр в Причерноморье, после Маэтиды и Боспора на Востоке, Ольвии на западе, представлял собою Херсонес в Тавриде. В экономике Херсонеса рыбная торговля всегда играла выдающуюся роль и особенно процветала в период римского влияния, когда римские купцы старательно выкачивали отсюда богатства страны.

имеется обломок большого рыбного блюда с изображением крупной рыбы; на двух обломках других блюд представлены ерши и султанки; Г. Д. Белов, Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—36 гг., ГИЗ, Крым, 1938, стр. 237.

¹ Б. Н. Граков, Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов, М., 1929.

² Кусок хвоста от соленой рыбы (τῆ οὐρά—хвост).

³ М. И. Ростовцев, Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре, ИАК, 1913, вып. 49, стр. 45 и сл. Сколь важное значение имела рыба в древности, можно судить уже по тому, что рыбу приносили в жертву и сжигали в честь героев. Так, по мнению Ростовцева («Антич. декор. живопись на юге России», 1913, стр. 64), находки фрагментов рыбных блюд в погребении Васюринской горы на Тамани убеждают нас в наличии подобного рода обряда жертвоприношения и сжигания рыб в честь героев на территории античного Причерноморья.

⁴ Plut., Quaest. Graecae, 32; Zimmern, The Greek Commonwealth, 1915, стр. 144; E. Ziebarth, Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland, 1929, стр. 44 сл.; С. А. Семенов-Зусер, Торговый путь, ... стр. 83; ср. Rostovzew, Iranians and Greeks, 65.

⁵ В. Ф. Гайдукевич, Боспорские города Тиритака и Мирмекия на Керченском полуострове, ВДИ, 1937, № 1, стр. 216 сл.; он же, О местоположении древней Тиритаки, «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 4, стр. 85 сл.

⁶ К. Э. Гриневич, «Херсонесский сборник», 1927, т. II, стр. 185; Г. В. Белов, ук. соч., стр. 78—79; 263 сл.; он же, Раскопки в северной части Херсонеса в 1931—1933 гг., «Материалы и исследования по археологии СССР», 1941, № 4, устанавливают ряд больших цистерн; все они служили для засолки рыбы, преимущественно хамсы. На дне одной из таких цистерн был найден слой остатков хамсы толщиной в 0,25—1,00 м.; Белов, ук. соч., стр. 206, прим. 1; там же, стр. 222.

⁷ Plut. Quaest. Graecae, 32; Zimmern, The Greek Commonwealth, 1915, стр. 144; E. Ziebarth, Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland, 1929, стр. 44 сл.

⁸ Maurice Besnier, Sal, Daremberg-Saglio, t. IV, 1909, стр. 1009.

Главным поставщиком рыбы являлась тихая Балаклавская бухта (Λιμὴν Συμβόλων). Здесь нужно отметить, что херсонесцы наряду с ловлей рыбы занимались добыванием соли из окрестных озер. Засоленный промысел приобрел значительные размеры в более поздние времена в результате огромного спроса на утонченные блюда из рыбы, и Херсонес превратился в место экспорта соленой и сушеной рыбы, особенно рафинированных рыбных соусов, преимущественно для вывоза за границу.

Рис. 1. Резка тунца. Чернофигурная энохоя из Гульги в Берлинском музее (из Otto Keller, *Die antike Tierwelt*, 1913, В. II, стр. 151, фиг. 121)

Важнейшим видом экспортной рыбы служили тунцовые—*Θυννίδες* (*Thynnus vulgaris*), хотя родиной их являлось Средиземное море¹. Вслед за тунцовыми по значению шли осетровые (*Acipenseridae*), которыми славились речные пункты. Геродот рассказывает², что в Борисфено (Днестре) «ловятся для соления большие рыбы без позвоночника, называемые осетрами». О таких же осетрах в Дунае говорит Афиной³, цитируя стихи Сопатра Пафийского: «он получил осетра, которого кормит великий Истр» (Дунай). Близ Паитикаея ловили осетров и по сообщению Страбона⁴, причем величиной они были с дельфина. К осетровым также принадлежали стерлядь, севрюга, белуга, по Элиану—*ὀστρογύγες*, объекты улова и торговли в колониях⁵.

Однако наибольшее значение на рыбном рынке имели тупцы, пелагида, анчоусы (хамса).

Как доказано ихтиологами, в частности М. Тихим⁶, древние по яспо представляли себе семейства рыб и часто смешивали тунца, пелагиду и скумбрию, считая их теми же тунцами, но получившими различные названия в зависимости от возраста и размеров, что совершенно неверно. Миграцию рыбы и случайное появление тех или других видов следует объяснять изменением течения вод, орографией дна и климатическими колебаниями.

¹ Keller, ук. соч., стр. 382.

² Her. IV, 53; ср. Mela, II, 6; Athen. VII, 21.

³ Athen. III, 88, 119a; Латышев, S. C., стр. 624.

⁴ Strabo VII, 3, 18.

⁵ Б у р а ч к о в, Общий каталог монет..., 1884; Keller, ук. соч.

⁶ М. Тихий, ук. соч., стр. 6.

Как предмет экспорта большое значение имели керченская сельдь (*σιπέρδης*), кефаль (*κεφάρδης*) и особенно султанки (краснобородки-*κόλλας*).

Много внимания древние авторы уделяли консервированию и солению рыбы. Это и понятно: крупные уловы рыбы и перевозки ее на дальние расстояния требовали умения сохранять этот легко портящийся продукт в соленом или сушеном виде.

Солыших рыб обычно очищали от внутренностей и резали на длинные куски, которые затем подвергались продолжительной сушке¹, своего рода вялению. Это деше-

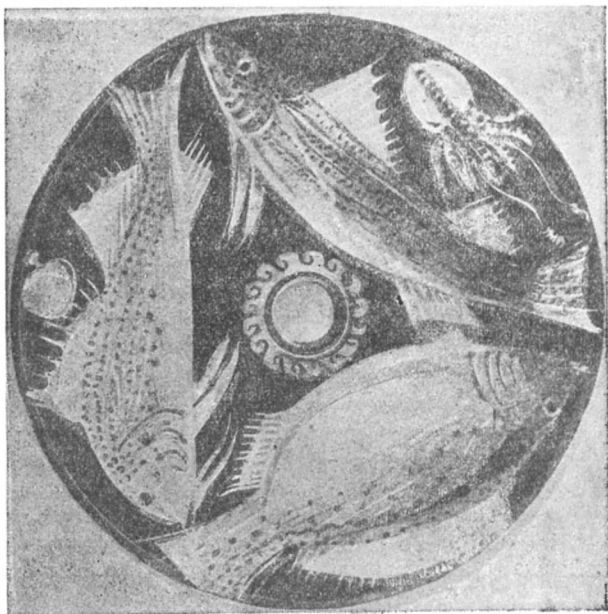

Рис. 2. Рыбное блюдо из Керчи (Из Otto Keller, *Die antike Tierwelt*, 1913, В. II, стр. 350, фиг. 120)

вый способ приготовления. Другим, более дорогим, способом было соление; для этого применялись особого рода чаны или цистерны, наполняемые рассолом, где и хранили рыбу.

Помимо цистерн, значительное количество рыбы солили в особых глиняных сосудах—пифосах и специальных амфорах, носивших различные названия: *κεράμις τερηχρά*², *τερήχος κεράμις*³ у греков, *vas salsamentarium*⁴ у римлян.

Лучшую рыбу перекладывали пахучими листьями и заливали различными рассолами, тузлуком⁵. Мелкая рыба—скумбрия, анчоусы и др.—шла в засолку целиком. Крупную рыбу—тунцов, осетров и т. п.—всегда солили, отделяя жирные части от тощих. К примеру, куски спинной мякоти солились отдельно от жирных частей *тешки*⁶.

¹ Koehler, ук. соч.

² Geoponica, XIII, 8, 12.

³ Demosth. C. Lacr., § 34.

⁴ Columella, II, 10, 6

⁵ Koehler, ук. соч., стр. 373; М. Т у р п а е в, Очерки по истории посола рыбы в древний период, «Рыбное хозяйство СССР», 1935, № 4, стр. 45.

⁶ М. Т у р п а е в, ук. соч., стр. 44.

Одной из выгодных отраслей рыбного производства в причерноморских колониях, в частности в Херсонесе, являлось производство рыбных соусов, известных под различными названиями, а чаще всего—*liquamen*¹; экспорт их занимал видное место во всей внешней торговле Черного моря. Соус сохранялся и транспортировался в амфорах, которые отличались значительно меньшими размерами, нежели сосуды, служившие тарой для вывоза *tarichos*². Эти амфоры заливались тузлуком.

Афинские комики изощрили свое остроумие, высмеивая любителей рыбы и припонтийских соусов³. Писатели-гастрономы, как Архестрат, Оппиан, Ксенократ и многие другие, составили целые каталоги съедобных рыб. Специальным словом *τὸ ὄψον* (*obsonium*)⁴ обычно обозначалась растительная или животная пища, приготовленная на огне, а так как рыба вместе с хлебом служила основной пищей у афинян, то словом *τὸ ὄψον*, имевшим значение и лакомого блюда, часто называли и самую рыбу или подливу, или вообще приправу к ней. Так, Плутарх (*Qu. conv.* IV, 4, 2) говорит, что «хотя приправ и (было) много, но рыба заслужила право называться *ὄψον* исключительно или, по крайней мере, по преимуществу». Название *obsonium*—рыбная пища—существовало и у римлян. В прямом смысле слово *obsonium* означало приправу к соленой рыбе. Термин *τὸ ὄρεον* («лакомое блюдо» или приправа к соленой рыбе) дает основание предполагать, что это название могло относиться к рыбным соусам. Из таких соусов наиболее известны *γάρος* (*garum*), *muria*, которые в несколько измененном виде продолжают существовать и поныне, особенно в Турнии.

Многочисленные находки предметов рыболовства: бронзовые крючки (*ἄγκιστρον*) для ужения, грузила всяких форм и веса, глиняные кольца, остатки сетей и пр., служат наглядным дополнением наших сведений из истории рыбного промысла в причерноморских колониях, в частности в Херсонесе. А наличие цистерн, пифосов и других сосудов и предметов обихода помогает установить объем и характер этого производства. Местом оптовой и розничной продажи служила особая площадь с ларьками (*forum piscatorium*) или рыбные ряды. Такие площади обычно находились в отдаленных от центра кварталах или у самых городских ворот, как, например, в Афинах. Иногда в Афинах рыбный рынок кратко называли *ἰχθυῖς*,⁵ а чаще всего *ἰχθυόπωλίστον* (*ἰχθυόπωλις*)⁶.

О таком *ἰχθυόπωλις* в Ольвии говорится в известном Протогеновском декрете⁷. Продавцы рыб назывались *ἰχθυόπωλιν*⁸, торговцы соленой рыбы—*τρίχτωπῶλιν*⁹, заготовители *τρίγλη*—*τρίχῶτι*¹⁰, а лица, импортировавшие рыбу, главным образом с берегов Черного моря, имели особое название—*τρίγληροι*¹¹. Смотрителями рынков

¹ *Liquamen* получил свою известность главным образом в византийский период, см Koehler, ук. соч., стр. 399; Тихий, ук. соч., стр. 20

² Такие амфоры представлены на стенной живописи в Помпеях (см. Museo Borbonico, т. VI); подобного рода находки амфор отмечены в раскопках Ольвии, Херсонеса, Керчи.

³ *Comicorum atticorum fragmenta*, ed T. Kock, II; G. L a f a y e, *Piscatio* (y Daremberg-Saglio).

⁴ G. Lafaye, ук. соч., стр. 89.

⁵ Hery Thédénat, *Macellum y Daremberg et Saglio*, 1904, т. III, стр. 1457 сл. Одновременное употребление названий *forum* и *macellum* вытекает из текстов Тита Ливия XXVI, 37 и XXVII, 1, где одно и то же понятие обозначено словами *forum* и *macellum*; см. II. Thédénat, *La Forum Ro naine*, 1904, стр. 4, прим.

⁶ А р и с т о ф а н, Осы, 78.

⁷ IOSPE, I^a, №, 32.

⁸ Poll. VII, 26; Athen. IV, 224; в Пергаме называли их *ὀψριοπῶλιν*. Lafaye, ук. соч., 1905, IV, стр. 493, прим. 20.

⁹ Athen. III, p. 118 e.

¹⁰ Her. II, 89.

¹¹ Athen. III, p. 120 b.

являлись агораномы, эдилы и так пазываемые *ἀγοράται*—надзиратели, регулировавшие цены преимущественно на рынках ¹.

Свидетельством существования такого рыбного рырка в Херсонесе отныне может служить открытый в Историко-археологическом музее Харьковского государственного университета мраморная плита с древнегреческой надписью.

Памятник обнаружен нами еще в 1941 г. при приеме и разборе музейных экспонатов и передан для обязательного исследования научному работнику Д. Л. Гринману². Но вспыхнувшая Великая Отечественная война помешала своевременно опубликовать этот замечательный эпиграфический документ. Вскоре после занятия Харькова немецкими захватчиками Историко-археологический музей университета со всеми ценными научными экспонатами и богатейшей в Союзе пумизматической библиотекой был захвачен, а затем сожжен гитлеровскими вандалами. После освобождения города от оккупантов научные работники Харьковского исторического музея извлекли из пепла и руин уцелевшие остатки экспонатов древней материальной культуры. В процессе самоотверженной работы бригаде сотрудников удалось извлечь и настоящую плиту. Она оказалась разбитой на две части и испорченной огнем, но тем не менее в удовлетворительном состоянии.

Размеры сохранившейся плиты (обеих половин) в верхней части 0,26 м, в нижней—0,21 м; высота—0,125 м. У правого края, примерно на уровне 4-й строки надписи, а также в верхней части, на расстоянии 0,17 м от правого края, находятся укрепления плиты. На обороте плиты имелась надпись, наведенная черной краской,—«Херсонес», ныне, под влиянием огня, исчезнувшая. Эта надпись единственно устанавливала место происхождения плиты, которая не имела паспорта, и неизвестно, при каких обстоятельствах очутилась в музее. Части слов и буквы на лицевой стороне плиты воезде полностью или достаточно сохранились и потребовали для своего восстановления ряда конъектур и дополнений.

Надпись, состоящая из шести строк, относится к разряду так наз. *tituli aedificiorum* (надписи строителей). Первая строка начинается с обычной трафаретной формулы *ἀγαθῇ τύχῃ*, характерной для посвяtitельных надписей.

Как известно, все подобного рода формулы располагались большей частью наверху посредине, так что первоначально плита должна была иметь размеры 0,395 × × 0,190 м.

Плита, вероятно, помещалась в нише стены сооружения, относящегося, как мы увидим далее, к рыбному рынку. Она была прикреплена четырьмя лапками в гнездах, из которых сохранились лишь два гнезда.

Как увидим дальше, надпись, повидимому, относится к первой половине II в. н. э. Это дает право реконструировать вторую строку: *Θεοῦ γένηται* *Διογένους* (должностное лицо). Теаген, сын Диогена, упоминается в IOSPE, I², 359 (129/130 г.), 361 (возможно, и 386).

В третьей строке *...ἐπὶ τῆς* почти с полной уверенностью восстанавливается *ἀγορᾶς ἀγοράταις*, т. е. «исполнив должность агораномы, смотрителя рынка».

Самое ценное в этой надписи—четвертая строка, прекрасно сохранившаяся в своей главной, определяющей части. Дополнив утраченное слово *ἰδίῳ* как продолжение *ἐκ τῶν* из третьей строки, мы читаем: «из собственных [средств построил]—*ἑφ' ἑαυτοῦ*».

Определение последнего слова вызвало значительные трудности, прежде всего тем, что во второй части слова вместо омеги стоит омикрон. Слова *ἑφ' ἑαυτοῦ* с омикро-

¹ Athen. VI, p. 228 b.

² Рукопись последнего хранится в кабинете древней истории и археологии Харьковского государственного университета. Автор ее, молодой талантливый ученый, погиб от рук фашистских палачей в 1941 г. на Тракторном заводе в г. Харькове. Мы в значительной степени следуем его чтению.

ном во второй части в греческом языке не существовало. Что же касается ὀψόπωλις, то это слово встречается один только раз у Плутарха (Timol., 14).

Таким образом, в нашей надписи будем читать ὀψοπ(ω)λις, место, где продают приправу, т. е. рыбу, а вместе с ней лакомые рыбные соусы. В связи с этим нам представляется правильным перевести ὀψόπωλις—«рыбный рынок», а еще лучше—«торговый ряд по продаже соусов». Как нами указано выше, в Ольвийском декрете в честь Протогена¹ говорится о рыбном рынке ἰχθυοπωλίον; это название должно было применяться во всех припонтийских городах, в частности и в Херсонесе. И, если в данном случае применяется вместо ἰχθυοπωλίον другое слово—ὀψόπωλις, то мы вправе полагать, что здесь мы имеем дело скорее с понятием рынка по продаже в подлинном смысле ὀψον (obsonium), игравшего значительную роль в городской торговле.

Пятая и шестая строки содержат указание эпонима—жреца², при котором совершилась постройка рынка.

Таким образом, надпись со всеми дополнениями представляется в следующем виде:

Рис. 3.

Ἀγ]ιδῆι τύχη
Θεαγέ]νης Διογένους
ἀγορ]αρχίας ἐκ τῶν
ιδί]ων τ]ῆν ὀψοπ(ω)λιν
ἱερ]ατεύοντος Διο
.....Φι]λαδέλφου

«С добрым счастьем
Теаген, сын Диогена,
Исполнивший должность агораномы из
собственных ... <средств построил>рынок
для продажи рыбы
при жреце Дио
сыне Филадельфа».

Начертания букв на плите (например, «ми» близкой к минускульной форме, появляющейся со второй половины I в. н. э.; буквы «пси»—углообразная форма, вошедшая в обращение с 115 г. н. э.; украшения шрифта, так наз. arices, которые выходят из употребления к концу II в. н. э.) дают право датировать надпись первой половиной II в. н. э.³.

¹ IOSPE, I², № 32.

² Глагол ἱερατεύω часто встречается в херсонесских надписях (IOSPE, I², № 412, 418, 424, 430).

³ Wilh. B ar f e l d, Griechische Epigraphik, 3, 1914, 271 (IG, III¹, 1085), 273 (IG, III¹, 621), 270.

Ценность открытой плиты велика. Для греческого языка она, вторично после Плутарха, свидетельствует о наличии слова ὀψόπωλις, а в лапидарных надписях это слово появляется впервые. Еще большее значение приобретает надпись как документ, помогающий уяснить историю и экономику юга СССР в древности, в частности Херсонеса. Она устанавливает существование не только рыбного рынка в Херсонесе, но, что особенно важно, самостоятельного рыночного места—ὀψόπωλις где, вероятно, главным образом продавали рыбу, а в более узком смысле—рыбные соусы, т. е. *garum* и *turpia*.

Во время расцвета Римской империи (II в. н. э.), в период экспансии римского торгового капитала на восток и военной оккупации северного Причерноморья¹, понтийские колонии, в частности Херсонес, широко эксплуатировались римскими купцами. Объектом исключительного внимания Рима на Черном море в этот период становится Херсонес, который превращается в крупный промышленный округ с разнообразными видами производства, в первую очередь продовольствия. «В это время,—пишет директор Херсонесского музея археолог Белов²,—ведется интенсивное городское строительство: возводятся крупные общественные здания, украшавшие город; восстанавливаются оборонительные стены, строится большое количество цементированных цистерн, предназначенных для засолки рыбы, расширяется торговля. В это время обогащается, главным образом, знатная аристократия, крупные торговцы, владельцы промышленных предприятий (напр. связанных с ловлей и засолкой рыбы), землевладельцы и др.»

Территория юга СССР в древности являлась житницей, важным источником снабжения продовольствием столиц и городов античного мира, как это прочно устанавливается многими и разнообразными памятниками. Понтийским хлебом кормилась значительная часть населения Греции. С северных берегов Черного моря вывозились в различные области Греции и Рима рабы, скот, соль и конкурировавшая со всеми видами экспорта рыба. Наряду с ними выступает новый вид экспортируемого продукта—«консервированные» соусы, нашедшие вскоре столь широкий сбыт, что потребовалось учреждение специального рынка, торгового ряда, каким является ὀψόπωλις, построенный Теагеном, сыном Диогена, в Херсонесе.

Проф. С. Семенов-Зусер

¹ М. И. Ростовцев, Военная оккупация Ольвии Римлянами, ИАК, 1915, вып. 58, стр. 1 сл.; он же, К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи, «Сборник в честь Уваровой», 1916; он же, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900 № 3; К. Гриневич, Херсонес Таврический, 1928, стр. 8 сл.; В. Н. Дьяков, Таврика в эпоху римской оккупации, Ученые записки Моск. гос. педаг. ин-та им. В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. I, 1942 (здесь дана обширная историография).

² Г. Д. Белов, Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—36 гг., 1938, стр. 270.

ПРИЛОЖЕНИЕ
SUPPLÉMENT

BASILIVS LATYSCHEV
SCYTHICA ET CAUCASICA

В. В. ЛАТЫШЕВ
ИЗВЕСТИЯ
ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ
О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

В. В. Латышев

ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНИХ ПИСАТЕЛЕЙ О СКИФИИ И КАВКАЗЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГРЕЧЕСКИЕ ПИСАТЕЛИ

(Продолжение¹)

ГЕРОДОТ «ИСТОРИИ» (ΙΣΤΟΡΙΑΙ)

[Родился около 484, умер около 425 г. до н. э. Сведения о скифах, содержащиеся преимущественно в IV книге „Историй“ Геродота, являются главным источником для истории племен, населявших южнорусские степи в VI—V ст. до н. э. Рассказ Геродота, в некоторых частях, основанный на автопсии (границы которой, однако, неуловимы), насыщен сведениями полу- или вовсе легендарного свойства, и исторический эквивалент их далеко не всегда удастся распознать с вероятностью. На рассуждениях Геродота о скифах не могли также в некоторой степени не сказаться существовавшие в Греции уже в V в. представления о варварах, как о людях более справедливого образа жизни, нежели греки, испорченные богатством и цивилизацией. За вычетом всего этого, рассказ Геродота содержит много географических и этнографических точных сведений, подтверждаемых во многих случаях новейшими археологическими исследованиями. Общая картина политических и социальных отношений в Скифии, а также данная Геродотом бытовая характеристика основных скифских племен, равно как и их локализация полностью подтверждены материалами раскопок скифских курганов и городищ по Днестру, Днепру, Дону и их притокам. Это заставляет относиться к сообщениям „отца истории“ с максимальным доверием и вниманием—вдумчиво исследовать и проверять даже те его сведения, которые, показавшись сначала легендарными и недостоверными, могут при ближайшем тщательном рассмотрении обнаружить неожиданно точный и простой смысл, скрытый за их легендарной формой. См. J a c o b y, RE, s. v. Herodotos; С. А. Жебелев, Скифский рассказ Геродота (готовится к печати в посмертном сборнике статей). Текст—по изданию Hude (Оксфордская серия)].

¹ Начало см. ВДИ № 4 (19) за 1947 г.

1. ПРЕДАНИЕ О ПОХОДЕ АРГОНАВТОВ, КАК ОДНОЙ ИЗ ПРИЧИН ВРАЖДЫ МЕЖДУ ЭЛЛИНАМИ И ПЕРСАМИ (I, 2)

... После же этого эллины [по словам персов] оказались виновными во второй несправедливости ибо, приплыв на длинном корабле в Эю Колхидскую¹ и к реке Фасис², они, исполнив прочие дела, ради которых прибыли, похитили оттуда царскую дочь Медею³. Царь же колхов, послав в Элладу глашатая, потребовал и удовлетворения за похищение и дочь свою обратно, но эллины на это ответили, что и те не дали им удовлетворения за похищение аргивянки Ио,⁴ поэтому и они-де не дадут им требуемого удовлетворения.

2. ВТОРЖЕНИЕ КИММЕРИЙЦЕВ В МАЛУЮ АЗИЮ (I, 15—16)

15. Я упомяну об Ардии, сыне Гига, царствовавшем после Гига. Он покорил Приену и совершил набег на Милет. Когда он властвовал в Сардах, киммерийцы, изгнанные с родины скифами-кочевниками, пришли в Азию и захватили Сарды, кроме акрополя.

16. Ардию, царствовавшему сорок девять лет, наследовал сын его Садият и царствовал двенадцать лет, а за Садиятом последовал Алиатт. Он... выгнал киммерийцев из Азии.

3. ВТОРЖЕНИЕ СКИФОВ В АЗИЮ (I, 103—106)

103... Когда он [т. е. Киаксар], одержав в сражении победу над ассирийцами, осаждал Нин⁵, пришло на него большое скифское войско, которое вел скифский царь Мадий, сын Прототиея⁶; скифы вторглись в Азию вслед за изгнанными ими из Европы киммерийцами⁷, преследуя же бегущих, дошли таким образом до Мидийской земли.

¹ [Эя—мифическая столица Колхиды, иногда отождествляемая с позднейшим Археополем, локализуемым в современном Ахалсенаки, где сохранилась крепость времени Юстиниана].

² [Река Фасис—современный Рион].

³ [О причине похода аргонавтов ср. VII, 193: «На берегу этого залива в Магнесии есть местность, где, как говорят, Геракл был оставлен Язоном и товарищами, будучи послан с корабля Арго за водой, когда они плыли за золотым руном в Эю Колхидскую». Кроме того, в VII, 197 есть относящееся к этому мифу упоминание о возвращении Фрикова сына Китисора (*Kotissoros*) в г. Ад в земле ахейцев-фтиотов. Ср. ниже VII, 62—о прибытии Медеи к мидянам:]

⁴ [Ио—дочь Инаха, возлюбленная Зевса. По обычной версии мифа, Ио, преследуемая Герой, скрылась в Египте (о похищении ее колхами из других источников ничего не известно)].

⁵ [Эта осада Ниневии имела место между 630 и 620 гг. до н. э.].

⁶ [Прототией—возможно Бартатуа ассирийских источников, которому Асархаддон отдал в жены свою дочь. Имя Мадий засвидетельствовано у Страбона].

⁷ [Киммерийцы—собирательное наименование для племен, населявших южно-русские степи в VIII—VII ст. до н. э., в состав которых, несомненно, входили и позднейшие скифские племена. В первой половине VII ст. они вторглись через Кавказ в Иран и нанесли серьезный урон Ассирии, где их и скифов уже в VII ст. знали под именем *Gimmirî* и *Iskuza*. Они пришли также и в Малую Азию, где взяли около 657 г. до н. э. Сарды и разграбили Лидийское царство. Они проникли также в Сирию (см. Her. IV, 11 сл.); Ср. H. Winkler, *Altorientalische Forschungen*, I, 484)].

104. От озера Меотиды до реки Фасиса и владений колхов тридцать дней пути для хорошего, легко одетого пешехода¹, а из Колхиды недалеко уже пройти в Мидию; между этими странами живет только один народ—саспиры²; миновав его, будешь в Индии. Скифы, однако, вторглись не этим путем: они уклонились в сторону и пошли по верхней, гораздо более длинной дороге, имея по правую руку Кавказскую гору³. Здесь мидяне сразились со скифами, но потерпели поражение в битве и потеряли свое господство, а скифы завладели всей Азией.

105. Отсюда скифы пошли на Египет. Когда они появились в Палестинской Сирии⁴, египетский царь Псамметих⁵, выйдя к ним навстречу, дарами и просьбами отклонил их от дальнейшего движения. Когда же они на обратном пути дошли до сирийского города Аскалона, то большинство скифов прошло дальше без вреда для города, но немногие отстали и ограбили святилище Небесной Афродиты⁶... На тех из скифов, которые ограбили Аскалонский храм, и на все потомство их божество ниспослало [ἐνέσχοψε] женскую болезнь⁷, так что скифы говорят, что они болеют вследствие этого поступка и что посещающие скифскую землю иностранцы видят, в каком положении находятся у них больные, которых скифы называют энареями⁸.

106. Скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет⁹ и все опустошили своим буйством и излишествами. Ибо, кроме того, что они взимали с каждого народа наложенную ими на каждого дань, они, кроме дани, совершали набеги и грабили, что было у каждого народа. Большинство их Киаксар и мидяне, пригласив на пир и напоив пьяными, перебили; таким образом мидяне спасли свое царство и овладели теми землями, которыми владели и прежде¹⁰...

4. ОПИСАНИЕ РЕКИ АРАКСА¹¹ И КАСПИЙСКОГО МОРЯ

(I, 201—204)

^{*} 201. Когда и этот народ [т. е. вавилоняне] подпал под власть Кира¹², он возымел желание подчинить себе массагетов¹³. Народ же этот, как гово-

¹ [Расстояние это около 600 км. Кладя по 20 км пути в день, Геродот, несомненно, имел в виду значительные обходы].

² [Племя саспиров, упоминаемое также в IV, 37, локализуется в горной местности к юго-востоку от Колхиды].

³ [Т. е. скифы пошли в обход Кавказского хребта с восточной стороны через так называемые «Дербентские ворота»].

⁴ [О следах скифов в Сирии см. Б. А. Тураев, Скифия в иероглифической надписи в «Сборнике статей в честь С. Ф. Платонова», стр. 356.]

⁵ Это был Псамметих I, 670—616 гг. до н. э.

⁶ [С небесной Афродитой] ὁραμένη Ἀφροδίτῃ отождествляется здесь Геродотом богиня Деркето, изображавшаяся полуженщиной-полурыбой. Сходные изображения известны и в скифском искусстве. См. E. Minns, *Scythians and Greeks*, стр. 116, рис. 54.]

⁷ [L o n g., de sup., 28, 4: «и следующее неподражаемое выражение Геродота: «тем же из скифов, которые ограбили святилище, богиня послала [ἐνέσχαλεν] женскую болезнь». «Женская болезнь», о которой упоминает Гиппократ (de aere etc) и Аристотель (Eth. Nic., VII, 7, § 6) как о наследственной в аристократических скифских родах, не может быть определена ближе].

⁸ [Об энареях см. еще IV, 68.]

⁹ [Указанный двадцативосьмилетний срок соответствует, вероятно, каким-либо датам мидийской хронологии. Ср. Stein, *Herodotus erklärt* в прим. к этому месту.]

¹⁰ О владычестве скифов в Азии ср. еще I, 73.

¹¹ [Под рекою Араксом Геродот разумеет Яксарт, нынешнюю Сыр-Дарью.]

¹² Кир I, 558—529 гг. до н. э.

¹³ [Массагеты—кочевники казахских степей. Выражение «напротив исседонов» (о которых см. в прим. к Нес., fr. 168,) означает, может быть, их положение в меридиональном отношении.]

рят, и велик и силен, а живет он на востоке, за рекою Араксом, напротив исседонов. Есть же и такие, которые называют этот народ скифским.

| 202. Аракс по одним рассказам больше Истра¹, по другим — меньше. На нем, говорят, есть много островов, по величине подходящих к Лесбосу, а на них *живут* люди, которые летом питаются всякими кореньями, выкапываемыми из земли, а зрелые древесные плоды отыскивают и откладывают про запас и этими *плодами* питаются в зимнюю пору. *Говорят*, что ими найдены еще другие деревья, приносящие такие плоды, которые они, собравшись толпами в одно место, зажегши костер и усевшись вокруг него, бросают в огонь и, нюхая бросаемые в огонь и горящие плоды, пьянеют от их запаха так же, как эллины от вина, и *притом* пьянеют все сильнее и сильнее по мере того, как набрасывают больше плодов, пока не пустятся в пляску и не начнут петь². Таков, по рассказам, их образ жизни. Река же Аракс течет из земли матиенов³, откуда и Гинд, который Кир разделил на триста шестьдесят каналов⁴, и изливается сорока устьями, которые все, за исключением одного, теряются в болотах и топях; в них, как говорят, живут люди, питающиеся сырой рыбой и одевающиеся в тюленьи шкуры. Один же из рукавов Аракса течет по открытой местности в Каспийское море⁵.

203. Каспийское море—отдельное, не сливающееся с другим морем⁶. То море, по которому плавают эллины и море за Геракловыми столбами, называемое Атлантическим, а также и Эритрейское составляют *собственно* одно море, Каспийское же—другое, отдельное, имеющее в длину пятнадцать дней плавания на веслах, а в ширину, в наиболее широком месте, восемь дней. Вдоль западного берега этого моря тянется Кавказ, обширнейшая из гор по протяжению и самая высокая. На Кавказе живет много разных народов, которые почти все питаются дикими лесными плодами. Говорят, что в тамошних лесах есть и деревья, покрытые листьями такого рода, что их растирают, смешивают с водой и этим составом рисуют себе на одеждах узоры; эти узоры не смываются и стареются вместе с материей [собственно шерстью], как бы вотканые с самого начала. Половые отношения у этих народов, говорят, совершаются открыто, как у стадных животных.

204. Итак, к западу это море, называемое Каспийским, ограничивает Кавказ, а с востока к нему примыкает равнина, занимающая необозримое пространство. Немалую часть этой огромной равнины занимают массагеты, против которых Кир возымел желание идти походом...

*5. ПОХОД КИРА ПРОТИВ МАССАГЕТОВ

(I, 205—214)

205. Царицею массагетов *в это время* была вдова умершего царя; называлась она Томирис. Кир⁷ через послов пытался было свататься для

¹ [Истр—Дунай.]

² [Возможно, что это описание примитивного способа одурманивания посредством курения гашиша, изготовляемого из растения *Cannabis sativa*.]

³ [Земля матиенов—пространство между Арменией и Сузианой (Турецкий и Персидский Курдистан)].

⁴ Ср. об этом V, 52.

⁵ [Если Геродот в данном случае не путает с кавказским Араксом, то, вероятно, имеется в виду Узбой—одно из древних русл Аму-Дарьи (Окса),—впадавший в Каспийское море.].

⁶ [Поразительна осведомленность Геродота о Каспийском море. Последующие писатели вплоть до Птолемея пишут о нем как о заливе Северного моря. См. Berger, *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen*, стр. 47. 1903.]

⁷ [Имеется в виду Кир Старший, основатель древнеперсидского царства и первый царь династии Ахеменидов, царствовавший в 558—529 гг. до н. э.]

виду, *как бы* желая иметь ее своей женой. Но Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а к царству массагетов, и отвергла предложение. Когда хитрость не удалась, Кир двинулся с войском к реке Араксу¹ и открыто начал войну против массагетов; для переправы войска он положил через реку мосты, а на, судах, переправляющих через реку воинов, поставил башни.

206. Когда Кир занят был этой работой, Томирис послала к нему вестника с следующими словами: «Перестань, царь мидян, хлопотать над тем, *чем ты занят теперь*; ведь ты не можешь знать, благополучно ли кончатся твои начинания. Остановись, царствуй над своим и разреши нам царствовать над тем, над чем мы царствуем. Но *видимо* ты не желаешь последовать этим советам и ни за что не хочешь оставаться в покое; если, напротив, у тебя есть сильная охота помериться силой с массагетами, изволь, но не трудись над соединением речных берегов; на три дня пути мы отойдем от реки, тогда переходи в нашу землю. Если же считаешь допустить нас в твою землю, то сделай то же самое». Выслушав это, Кир созвал персидских вельмож, собрал их вместе и изложил перед ними дело, спрашивая, как поступить *ему*. Мнения всех их сошлись на том, чтобы Томирис и войско ее пропустить в *их* землю.

207. Однако присутствовавший здесь лидийский царь Крез осуждал это мнение и предложил план противоположный указанному, сказав: *так как* Зевс отдал меня во власть тебе, царь, то с самого начала я обещал отвращать, по возможности, всякую беду от твоего дома; испытанные мною несчастья стали для меня печальным уроком. Если ты мнишь себя бессмертным и воображаешь, что таково же твое войско, в таком случае мне вовсе нет нужды высказывать свое мнение; но если сознаешь, что ты человек и что твои подданные также люди, то прежде всего знай, что человеческие дела представляют круговорот и что круговращение не допускает того, чтобы одни и те же люди были счастливы постоянно. Итак, о настоящем деле я имею мнение, противоположное совету этих лиц. Если мы решим допустить неприятеля в нашу землю, то от этого произойдет для тебя следующая опасность: в случае поражения ты погубишь все твое царство, ибо ясно, что раз массагеты победят, они не убегут назад, но устремятся в твои владения. В случае победы, ты не одолеешь их настолько, чтобы, перешедши в землю массагетов, победоносно следовать всюду за обращенными в бегство врагами,—в этом случае я предполагаю то же, что и в первом, именно: если ты одержишь победу над врагом, то двинешься вперед во владения Томирис. Но, и помимо сказанного, будет нестерпимым позором, если Кир, сын Камбиза, побежденный женщиной, уступит ей страну. Поэтому я полагаю, что нам следует перейти реку и подвинуться вперед настолько, насколько отступит *враг*, и только после того попытаться одолеть его. Сколько я знаю, массагеты не вкусили благ персидской жизни и им неизвестны большие удовольствия. Поэтому советую зарезать для этого народа множество скота и приготовить угощение в нашем лагере, поставивши там, кроме того, в изобилии чаши чистого вина и всякого рода яства; сделав все это, *советую* оставить в лагере негоднейшую часть войска, а с остальным возвратиться к реке. Если только в своем предположении я не ошибаюсь, неприятель при виде стольких благ кинется на них, а нам останется прославить себя громкими подвигами».

208. Советы были противоположны. Кир отверг прежний совет и предпочел мнение Креза; *затем* предложил Томирис отступить, так как он

¹ [Под Араксом Геродот понимает, очевидно, в данном случае, нынешнюю Амударью, в древности называвшуюся обычно Окс].

сам вступит в ее владения. Царица отступила согласно первоначальному обещанию. Креза Кир передал на руки сыну своему Камбизу, к которому переходила и царская власть, причем настойчиво наказывал ему чтить Креза, делать все в угоду ему, если бы поход на массагетов кончился несчастливо. Сделавши такое распоряжение и отославши их обоих к персам, Кир вместе с войском стал переправляться через реку.

209. Когда войско перешло Аракс, Кир ночью в земле массагетов видел такой сон: снилось, что он видит старшего из сыновей Гистаспа с крыльями на плечах; одним крылом он осеняет Азию, другим Европу. У Гистаспа, сына Арсама, из дома Ахеменидов, старшим сыном был Дарий; в то время ему было около двадцати лет, и он оставлен был в Персии, *потому что* по возрасту был еще не годен к войне. Проснувшись, Кир стал размышлять о сновидении; так как оно показалось ему многозначительным, царь позвал Гистаспа и наедине сказал ему: «Сын твой, Гистасп, виновен в заговоре против меня и моей власти. Я докажу, что знаю это достоверно. Боги заботятся обо мне и предвещают мне обо всем предстоящем. Сегодня ночью во сне я видел твоего старшего сына с крыльями на плечах; одним крылом он осенял Азию, другим Европу. Это сновидение не может не свидетельствовать, что он злоумышляет против меня. Поэтому возможно скорее возвращайся в Персию и постарайся представить сына твоего на суд к тому времени, когда я покорю эту страну и возвращусь домой».

210. Кир говорил так в том предположении, что Дарий злоумышляет на него, *между тем* божество давало ему заранее знать, что он сам умрет вдсь в земле массагетов, и что царство его перейдет к Дарию. Гистасп отвечал царю так: «Не родиться бы лучше, царь; тому персу, который злоумышляет на тебя, а если такой есть, то пускай он погибнет тотчас. Злоумышляет на того, кто из рабов сделал персов свободными и вместо подчинения дал им владычество над всеми народами! Если сновидение знаменует, что сын мой замышляет против тебя, готова восстание, я отдам его тебе: делай с ним, что хочешь».

211. Так отвечал Гистасп и, перешедши Аракс, направился в Персию, дабы в угоду Киру заключить сына своего Дария под стражу. Тем временем Кир отошел от реки Аракса вперед на день пути и привел в исполнение совет Креза. После этого Кир вместе с боевою частью войска отступил назад к Араксу, тогда как на месте остались негодные к битве персы. За сим третья часть войска массагетов напала на покинутых воинов Кира, перебила их не без сопротивления и, заметивши приготовленное угощение, расположилась пировать, как бы после победы над врагом; наелись досыта, напились и легли спать. В это время персы напали на них, многих умертвили, но гораздо больше взяли в плен, между прочими и сына царицы Томирис, предводителя массагетов, по имени Спаргапис.

212. Узнавши об участии своего войска и сына, *царица* послала к Киру вестника с следующими словами: «Ненасытно *жадный* до крови Кир, не гордись случившимся, тем, что с помощью виноградного плода, которым вы напиваетесь сами и от которого неистовствуете так, что по мере наполнения вином все больше сквернословите,—не гордись, что столь коварно, такими средствами овладел ты моим сыном, а не в сражении и не военною доблестью. Теперь послушай меня, потому что советую тебе *благое*: возврати мне моего сына и удайся из нашей страны, свободный от наказания за то, что так нагло ты поступил с третьей частью моего войска. Если же не сделаешь этого, клянусь солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду крови, хоть ты и ненасытен».

213. На речь *посла* Кир не обратил, однако, никакого внимания. Сын царицы Томирис Спаргапис, протрезвившись и постигши всю меру

своего несчастья, просил Кира освободить его от оков и, получивши свободу и возможность располагать руками, тотчас умертвил себя. Так умер *Спаргапис*.

214. Когда Кир не послушал Томирис, *она* собрала все военные силы и напала на него. Мне кажется, сражение это было наиболее жестоким из всех, в каких когда-либо участвовали варвары. Происходило оно, как я слышал, так: вначале оба войска обстреливали друг друга из луков на значительном расстоянии, потом, когда стрелы были истощены, перешли врукопашную и бились копьями и мечами. Войска долго стояли друг против друга, и ни одна *сторона* не обращалась в бегство; наконец, массагеты победили. Большая часть персидского войска пала на месте сражения, сам Кир был убит. Пролетал он всего двадцать девять лет. Томирис наполнила мешок человеческой кровью и велела разыскать среди павших персов труп Кира. Нашедши, она погрузила голову его в мешок и, издеваясь над нею, сказала: «Хотя, я вижу, и победила тебя в сражении, но ты причинил мне тяжкое горе, коварством отнявши у меня сына, и я насыщу тебя кровью, как угрожала». Относительно смерти Кира существует много рассказов, я привел наиболее правдоподобный.

6. ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОБЫЧАИ МАССАГЕТОВ

(I, 215—216)

215. Массагеты же носят одежду, подобную скифской, и имеют такой же образ жизни; сражаются они верхом на конях и пешими (ибо знают оба *способа войны*), посредством луков и копий, имея обыкновение носить и секиры. Для всех *надобностей* они употребляют золото и медь: что же *требуется* для копий, стрел и секир, они все готовят из меди, а головные уборы, пояса и ремни украшают золотом. Подобным же образом у лошадей они покрывают грудь медными панцирями, а уздечки, удила и привески украшают золотом. Железа и серебра они вовсе не употребляют¹, так как этих *металлов* нет в их стране, а золото и медь *имеются* в изобилии.

216. Обычаи у них следующие: каждый берет за себя *одну* жену, но все пользуются ими сообща: то, что по словам эллинов, делают скифы, *в действительности* делают не скифы, а массагеты. С какой женщиной пожелает иметь сношения массагет-мужчина, он вешает колчан перед ее повозкой, и сообщается с ней безбоязненно. Предела же жизни у них никакого другого нет, а когда *кто-нибудь* очень состарится, все родственники, собравшись, убивают его и вместе с ним разный скот, варят мясо и съедают. Такой *конец жизни* считается у них счастливейшим; умершего же от болезни они не съедают, а зарывают в землю, считая несчастьем то, что ему не пришлось быть убитым². Они ничего не сеют, а питаются мясом домашних животных и рыбой; последняя в изобилии добывается

[Железо в степях Средней Азии и Алтая, т. е. на той территории, на которой можно локализовать геродотовых массагетов, становится известно и входит в употребление на протяжении первых трех столетий I тысячелетия до н. э. Следовательно, рассказ Геродота базируется на сообщениях, относящихся ко времени, более древнему, нежели его время. Что касается описания вооружения массагетов и конского убора, то оно подтверждается археологическими данными, подчеркнутыми из материала карасукской и тагарской культуры. См. В. Радлов, Сибирские древности, МАР, вып. VII, XIV; Minns. op. cit., стр. 248 сл.]

² [Описанные обычаи свойственны многим народам, находящимся на стадии варварства, в качестве пережитков значительно более древних отношений—пунуальной семьи и ритуального людоедства. Другой вопрос,—могли ли они быть свойственны массагетам в описываемую эпоху.]

ямя из реки Аракса, пьют также молоко. Из богов же чтут только солнце-Гелия, которому приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы таков: быстрейшему из богов они посвящают быстрейшее животное.

7. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОЛХОВ

(II, 103—105)

103. Так прошел [Сезострис]¹ материк, пока не покорил скифов и фракийцев, перешедши из Азии в Европу. Их страна, как мне кажется, — самый дальний пункт, куда доходило египетское войско: ибо действительно в той стране оказываются поставленные столпы², а дальше их уже нет. Отсюда же он повернул назад и прибыл к реке Фасису; я не могу с точностью сказать, сам ли царь Сезострис, отделив некоторую часть своего войска, оставил там для заселения страны или же некоторые из его воинов, недовольные его странствованиями, остались на реке Фасисе.

104. Ведь колхи, очевидно, — египтяне: я высказываю *это мнение*, сам пришедши к нему прежде, чем слышал от других, а так как это заинтересовало меня, то я расспрашивал тех и других, и колхи лучше помнили египтян, нежели египтяне колхов. Египтяне говорили, что, по их мнению, колхи *присходят* от сезострисова войска. Сам я предположил это потому, что *колхи* темнокожи и курчавы. Впрочем это ничего не доказывает, так как есть и другие *народы* с подобными приметами. Гораздо важнее то *обстоятельство*, что колхи, египтяне и эфиопы одни из всех людей искони совершают обрезание. Финикияне же и сирийцы, что в Палестине, и сами признают, что научились этому от египтян, а сирийцы, живущие у Термодонта и реки Парфения, и соседние с ними макроны говорят, что недавно научились этому у колхов³.

105. Теперь я приведу еще другое доказательство родства колхов с египтянами: они и египтяне одни только обрабатывают лен и притом одинаковым способом, и вообще весь образ жизни их и язык представляют взаимное сходство⁴. Колхидское полотно у эллинов носит название сардонического, а привозимое из Египта называется египетским⁵.

¹ Сезострис, или Рамесс II, — египетский царь XIX династии, жил в XIII в. до н. э.

² Об этих столпах см. II, 102, 106 [Под столпами *αἱ στήλαι*] следует, вероятно, понимать, какие-либо наскальные изображения, действительно засвидетельствованные во Фракии (см. Ростовцев. Предварение о монархической власти на Боспоре, ИАК, т. 9, стр. 1 сл.). В том, что эти изображения могли быть приписаны Рамесу, славя о походах которого в древности должна была быть широка, нет ничего удивительного.]

³ [Отожествление колхов с египтянами является плодом «научного» недоразумения, мотивы которого излагает сам Геродот. Что касается обычая обрезания, то он засвидетельствован у многих народов на различных стадиях культуры. О макронах см. в прим. к Нес., fr. 191.]

⁴ [Сходство между языками египтян и колхов вряд ли являлось более близким, чем между языками лидийцев и этрусков (установленное Геродотом, но отрицаемое наукой). Суждение о нем Геродот основано, во всяком случае, не на знании этих языков. Ср. H e r b i g, Die kleinasiatischen Sprachen, у Ebert'a в *RL der Vorgeschichte*.

⁵ [Славу колхидского льна в древности подтверждает также Страбон. Об осведомленности египтян в отношении Кавказа ср., впрочем, И. И. Мещанинов, «Египет и Кавказ» в ИООИАЭ, № 4, стр. 34.]

8. ЗАКАВКАЗСКИЕ САТРАПИИ ПЕРСИДСКОГО ГОСУДАРСТВА (III, 94 и 97)

94... Матиенам, саспирам и алародиям было назначено платить 200 талантов; это был восемнадцатый округ¹. Мосхам, тибаренам, макронам, моссиникам и марам было предписано платить 300 талантов; это девятнадцатый округ².

97... Колхи обложили себя добровольными приношениями, а также и соседи их до Кавказского хребта (ибо до этого хребта простирается владычество персов, а страны к северу от Кавказа и не думают о персах); итак, они еще и до нашего времени каждые 5 лет доставляли дары, которыми себя обложили: сто мальчиков и сто девочек.

9. ПРЕДАНИЕ ОБ АРИМАСПАХ (III, 116)

116. На севере Европы, несомненно, находится золото в огромном количестве, но как оно добывается, я не могу и этого сказать с достоверностью. Говорят, что одноглазые люди—аримаспы похищают его из-под грифов³, но я не верю и в то, как люди рождаются одноглазыми, будучи в прочих отношениях сходны с остальными людьми.

10. КНИГА IV. ОПИСАНИЕ СКИФИИ И ПОХОДА ДАРИЯ НА СКИФОВ

Перевод Е. А. Бессмертного

ПРИЧИНЫ ПОХОДА ДАРИЯ

(Гл. 1—4)

1. После взятия Вавилона произошел поход самого Дария на скифов⁴. Так как Азия изобиловала населением, и в царскую казну собирались большие богатства, то Дарий возымел желание наказать скифов за то, что они первые учинили обиду своим вторжением в Мидию и поражением в битве сопротивлявшихся мидийцев. Действительно, скифы, как сказано мною и раньше⁵, властвовали над верхней Азией двадцать восемь лет. В погоне за киммерийцами они вторглись в Азию и сокрушили владычество мидийцев; последние же властвовали над Азией до появления скифов. Когда скифы, проведя на чужбине двадцать восемь лет, после столь продолжительного отсутствия возвращались на родину, им пришлось выдержать войну не меньше мидийской: они встретили выступившее против них немалое войско, потому что скифские женщины, вследствие продолжительного отсутствия своих мужей, вступили в связь с рабами.

2. Всех своих рабов скифы ослепляют из-за (кобыльего) молока, употребляемого для питья⁶. Молоко выдаивают они следующим образом:

¹ Разделение Персидского государства на сатрапии или округа произведено, как известно, Дарием I, сыном Гистаспа (521—485 г. до н. э.)

² Перечисленные племена локализуются на Западном Кавказе и в турецкой Армении. См. о них прим. к VII, 78.]

³ Об аримаспах и о северноевропейском золоте см. в прим. к кн. IV, 13.]

⁴ [Скифский поход Дария должен был иметь место около 512 г. до н. э.]

⁵ I, 103—106, см. выше.

⁶ [Соображение об ослеплении скифами рабов, по мнению Штейна (Herodotus erklärt, в прим. к этому месту), опирающегося на схолию к «Всадникам» Аристофана, стр. 963, основывается на лингвистическом недоразумении.]

взяв костяные трубки, очень похожие на флейты, они вставляют их в половые органы кобылиц и дуют ртом, а другие во время вдувания доят. Делают они это, по их словам, вот почему: от вдувания жилы кобылиц наполняются воздухом и вымя опускается¹. Выдоенное молоко скифы сливают в глубокие деревянные сосуды и, расставив вокруг сосудов слепцов, велят им взбалтывать молоко; поднимающиеся при этом на поверхность сливки снимаются и считаются более ценными, а остающееся внизу считается худшим сортом. Из-за этого скифы ослепляют всех, кого только захватят в плен²; они ведь не земледельцы, а кочевники.

3. От этих-то рабов и жен скифских произошла молодежь, которая, узнав о своем происхождении, решила воспротивиться скифам при их возвращении из Мидии. Прежде всего они отрезали свою землю, выкопав широкий ров на всем протяжении от Таврических гор до озера Меотиды³, где оно наиболее широко. Затем при всякой попытке скифов вторгнуться они выходили против них и вступали в битву. Когда произошло несколько сражений и скифы никак не могли одолеть врага, один из них сказал следующее: «Да что мы делаем, скифы! Сражаясь с нашими рабами, мы и сами становимся малочисленнее, вследствие потерь убитыми, и, убивая их, уменьшаем число своих рабов на будущее время. Поэтому я теперь предлагаю оставить копья и луки, а каждому взять конскую нагайку и итти на них: пока они нас видели с оружием в руках, они считали себя равными нам и одного с нами происхождения; но, когда они увидят у нас в руках нагайки вместо оружия, они тотчас поймут, что они наши рабы, и в сознании этого не устоят *против нас*»⁴.

4. Услышав это, скифы привели совет в исполнение; рабы, пораженные случившимся, забыли о сражении и обратились в бегство. Так скифы овладели Азией и затем, будучи вытеснены мидийцами, таким способом возвратились на родину. Вот за что Дарий желал отомстить им и стал собирать против них войско.

ЛЕГЕНДЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКИФОВ

(Гл. 5—13)

5. Скифы говорят, что их народ моложе всех других и произошел следующим образом: в их земле, бывшей *безлюдной* пустыней, родился первый человек, по имени Таргитай⁵; родителями этого Таргитая они называют, по моему мнению, неверно, Зевса и дочь реки Борисфена. Такого происхождения был по их словам Таргитай, а у него родились три сына: Ли-

¹ [Параллелью к рассказу о способе доения скифских кобылиц может служить сообщение акад. Палласа (в «Nachr. üb.asiat. Völker», т. I, стр. 119), описывающего подобную же операцию, производимую калмыками над сопротивляющимися доению кобылами.

Рассказ о приготовлении молока, с теми дополнениями, какие дает Гиппократ (О болезнях, II, 358), должен быть понят как описание способа изготовления кумыса].
² После этих слов, без сомнения, пропало несколько строк, в которых объяснялось, почему именно скифы ослепляли рабов, употреблявших для взбалтывания молока. Ср., впрочем, примечания Штейна в комментированном издании.

³ [Под широким рвом от Таврических гор до Меотиды следует понимать, вероятно, так наз. «Киммерийский вал» на Керченском полуострове, представлявший собой защиту Боспора от степных кочевников].

⁴ [Рассказ о детях, рожденных скифскими женщинами от рабов, имеет параллель в рассказе о спартанских парфениях — детях спартанских женщин и илотов, родившихся во время первой мессенской войны].

⁵ [Имя Таргитай перекликается с именем меотянки Тиргатао у Полиена (VIII, 55), что подтверждает его скифскую принадлежность. Ср. В. Миллер, Осетинские этюды, VII, стр. 126.]

поксай, Арпоксай и младший, Колаксай. При них упали-де с неба на скифскую землю золотые предметы: плуг, ярмо, секира и чаша. Старший из братьев, первым увидев эти предметы, подошел ближе, желая их взять, но при его приближении золото воспламенилось. По его удалении подошел второй, но с золотом повторилось то же самое. Таким образом золото, воспламеняясь, не допустило их к себе, но с приближением третьего брата, самого младшего, горение прекратилось, и он отнес к себе золото. Старшие братья, поняв значение этого чуда, передали младшему все царство¹.

6. И вот от Липоксая-де произошли те скифы, которые носят название рода авхатов; от среднего брата Арпоксая—те, которые называются катиярами и траспиями; а от младшего, царя,—те, что называются паралатами; общее же название всех их—сколоты, по имени одного царя; скифами называли их эллины².

7. Так рассказывают скифы о своем происхождении; лет им с начала их существования, или от первого царя Таргитая до похода на них Дария, по их словам, круглым счетом не более тысячи, а именно столько. Вышеупомянутое священное золото цари их очень ревностно охраняют и ежегодно чтут богатыми жертвами. Кто с этим священным золотом во время праздника заснет под открытым небом, тот, по словам скифов, уже не проживет года; поэтому ему дается столько земли, сколько он сам объедет на коне в один день. Так как страна была обширна, то Колаксай разделил ее на три царства для своих сыновей и одно из них сделал гораздо больше других; в нем-то и сохраняется золото³.

В местностях, лежащих к северу выше верхних обитателей этой страны, по словам скифов, нельзя ни смотреть вперед, ни пройти, вследствие рассыпанных перьев; перьями-де наполнена земля и воздух, и они-то мешают зрению⁴.

8. Так рассказывают скифы о себе самих и о стране, лежащей выше их, а живущие на Понте эллины повествуют так: Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в страну, которую теперь занимают скифы и которая тогда еще не была населена⁵.

Герион, по словам эллинов, живет вне Понта на острове, который эллины называют Эритий и который лежит близ (Гадеса) за Геракловыми столбами на Океане. Относительно Океана они на словах говорят, что он, начинаясь с востока, обтекает всю землю, но на деле доказать этого не могут. Оттуда прибыл-де Геракл в страну, называемую ныне Скифией; и так как его застигла вьюга и мороз, то он закутался в львиную шкуру и заснул, а в это время его лошади каким-то чудом на пастбище исчезли [из-под ярма].

9. Проснувшись, Геракл стал искать их и, исходив всю землю, пришел,

¹ [Рассказ о 3 братьях повторяет народный сказочный мотив о «младшем брате»].

² [Эти племенные наименования встречаются также у Плиния в NH (В кн. IV, 68 он говорит об аухетах в южнорусских степях; в гл. 22 кн. VI он помещает их на Кавказе, в гл. 50 той же книги упоминает об авхатах и котиерах как о кочевнических племенах к северу от Ясцарта).]

³ [Представление о тысячелетнем царстве проникло к скифам или возникло у греков по отношению к скифам не без влияния восточных учений о «веке» народа, получивших распространение также у этрусков и римлян. Обычай дарить земли столько, сколько человек может объехать за день, перекликается, несомненно, с родственными обычаями у современных кочевых народов, нашедшими свое отражение в известной повести Толстого «Много ли человеку земли нужно»].

⁴ Объяснение этого явления см. ниже, в гл. 31.

⁵ [Миф о Геракле и быках Гериона получил широкое распространение в странах греческого Запада, где он, также из генеалогических соображений, рассказывался применительно к различным варварским племенам. В этом сквозит тенденция греков приблизить к себе чужие народы, породнив их с собой через предка-Геракла. Ср. U. Wilamowitz-Möllerndorf, Herakles, I, Einl., стр. VIII, сл.

наконец, в так называемое Полесье; тут он нашел в пещере смешанной породы существо, полудеву и полуехидну, у которой верхняя часть тела от ягодиц была женская, а нижняя—змеиная. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил, не видела ли она где-нибудь заблудившихся кобылиц; на это она ответила, что кобылицы у нее, но что она не отдаст их ему прежде, чем он не сообщится с нею; и Геракл сообщил-де за эту плату, но она все откладывала возвращение лошадей, желая как можно дольше жить в связи с Гераклом, тогда как последний желал получить их и удалиться. Наконец, она возвратила лошадей со словами: «я сберегла тебе этих лошадей, забредших сюда, и ты оплатил мне за это: я имею от тебя трех сыновей. Расскажи, что мне делать с ними, когда они вырастут; поселить ли здесь (я одна владею этой страной), или отослать к тебе?» Так спросила она, а Геракл, говорят, сказал ей в ответ: «Когда ты увидишь сыновей возмужавшими, поступи лучше всего так: посмотри, который из них натянет вот так этот лук и опоясается по-моему этим поясом, и тому предоставь для жительства эту землю, а который не в состоянии будет выполнить предлагаемой мною задачи, того вышлй из страны. Поступая таким образом, ты и сама останешься довольна и исполнишь мое желание».

10. При этом Геракл натянул один из луков (до тех пор он носил два), показал способ опоясывания и передал ей лук и пояс с золотой чашей на конце пряжки, а затем удалился. Она же, когда родившиеся у нее сыновья возмужали, дала им имена, одному—Агафирс, следующему—Гелон, младшему—Скиф, а потом, помня завет Геракла, исполнила его поручение. Двое из ее сыновей, Агафирс и Гелон, оказавшись неспособными исполнить предложенный подвиг, были изгнаны родительницей и удалились из страны¹, а самый младший, Скиф, исполнив *задачу*, остался в стране. От этого-то гераклова сына Скифа и произошли-де все время правящие скифские цари, а от чаши Геракла—существующий до сих пор у скифов обычай носить чаши на поясах. Так рассказывают живущие у Понта эллины.

11. Есть, впрочем, и иной рассказ, которому я сам наиболее доверяю. По этому рассказу, кочевые скифы, жившие в Азии, будучи тесными войною со стороны массагетов, перешли реку Аракс и удалились в киммерийскую землю (действительно, страна, занимаемая теперь скифами, первоначально принадлежала, говорят, киммерийцам). При наступлении скифов, киммерийцы, имея в виду многочисленность приближавшегося войска, стали совещаться между собою, и мнения их, высказанные с одинаковою настойчивостью, разделились, но предложение царей было благоразумнее: именно, по мнению народа, следовало удалиться и не подвергать себя опасности в борьбе с многочисленным войском, а цари предлагали бороться за родину с наступающими. Однако ни народ не захотел послушаться царей, ни цари—народа; первый задумал удалиться без боя, предоставив *родную* землю врагам, а цари предпочли лечь мертвыми в родной земле и не бежать вместе с народом, представив себе те блага, которыми они пользовались *до тех пор*, и те бедствия, которых следовало ожидать при бегстве из отечества. Решив таким образом, цари разделились на две части, равные по численности, и стали драться между собою. Всех *царей*, перебитых друг другом, киммерийский народ похоронил у реки Тираса—могила их *до сих пор* еще видна,—а после погребения удалился из страны, так что вторгнувшиеся скифы заняли страну, уже лишенную населения².

¹ [Агафирс и Гелон являются, по этому мифу, родоначальниками одноименных народов, живших к северу и северо-востоку от скифов.]

² [Рационалистическая версия, построенная, вероятно, самим Геродотом на почве сказаний, связанных с курганными некрополями на берегах р. Днестра].

12. И теперь еще есть в Скифии Киммерийские стены, есть Киммерийские переправы, есть и область, называемая Киммерией, есть и так называемый Киммерийский Боспор. Киммерийцы, очевидно, бежав от скифов в Азию, поселились на полуострове, где ныне стоит эллинский город Синопа. Видно также, что скифы гнались за ними и вторглись в мидийскую землю, сбившись с дороги: ибо киммерийцы постоянно бежали вдоль моря, а скифы гнались за ними, имея Кавказ по правую руку, пока не вторглись в мидийскую землю, свернувши внутрь материка¹. Таков иной рассказ, одинаково распространенный среди эллинов и варваров.

13. Аристей, сын Каистробия из Проконнеса², в своей поэме рассказывает, что по ниспосланному от Феба вдохновению он прибыл к исседонам³, а выше исседонов живут одноглазые люди—аримаспы, выше их стерегущие золотое грифы, а еще выше—гипербореи, простирающиеся до моря; и все эти народы, за исключением гипербореев, начиная с аримаспов, постоянно нападали на своих соседей, так что аримаспами вытеснены из своей земли исседоны, исседонами—скифы, а киммерийцы, жившие у южного моря, покинули свою страну под натиском скифов. Таким образом, и Аристей не согласен со скифами относительно этой страны.

(Главы 14 и 15 содержат эпизод об Аристее.)

НАСЕЛЕНИЕ СКИФИИ

(Гл. 16—27)

16. Никто не знает в точности, что находится выше земли, о которой у нас начата речь; я не могу найти никого, кто бы сказал, что знает эти страны, как очевидец; даже Аристей, о котором я немного ранее упомянул, даже он в своей поэме говорит, что не проникал далее *земли* исседонов, а *о странах, лежащих* выше, говорил по слухам, утверждая, что так говорили исседоны. А что нам доподлинно удалось узнать по слухам об этих странах, вплоть до самых отдаленных, это все будет здесь рассказано.

17. Начиная от Торжища борисфенитов (это самый срединный из приморских пунктов всей Скифии)⁴, первыми живут каллипиды, являющиеся эллинами-скифами⁵, а выше их другое племя, которое именуется алазонами. Эти последние, как и каллипиды, в прочих отношениях живут одинаково со скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо⁶. Выше алазонов живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на про-

¹ [О киммерийцах—см. в прим. к кн. I, 103.]

² [Упомянутый Геродотом Аристей считается автором недошедшей до нас поэмы «Аримаспея» (отрывок из нее у Гезихия, см. ниже) в которой содержались мифологические и историко-этнографические сведения о народах Северного Причерноморья. Ср. E. Minns, op. cit., стр. 112 сл.]

³ Исседоны (см. о них в прим. к фр. 168 Генатея)—племя, живущее выше массагетов, т. е. в азиатских степях к северу от Каспия и Алтая.

⁴ [«Торжище борисфенитов»—так Геродот называет г. Ольвию, милетскую колонию при устье р. Буга. «Срединной» она является по отношению к устью Дуная и Керченскому проливу.]

⁵ [Каллипиды, именуемые эллино-скифами, вероятно, и есть те миксэллины, о которых упоминает ольвийский декрет в честь Протогена (I0SPE, I², 16)].

⁶ [Употребление в пищу хлеба и других злаков является характерным признаком оседлых племен. Страбон (XII, 3, 21) выражает недоверие к свидетельствам Геродота о каллипидах и алазонах].

дажу. Выше их живут невры¹, а страна, лежащая к северу от невров, насколько мы знаем, не заселена людьми.

18. Эти племена живут по реке Гипанису к западу от Борисфена, а если переправиться через Борисфен со стороны моря, то, во-первых, будет Полесье, а от него вверх живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие на реке Гипанисе², называют борисфенитами, а самих себя эти эллины зовут ольвиополитами. Эти скифы-земледельцы³ к востоку занимают пространство на три дня пути вплоть до реки, посвящей название Пантикапа⁴, а к северу—пространство одиннадцати дней плавания вверх по Борисфену. Над ними уже на обширное пространство *раскинулась* = пустыня; за пустынею живут андрофаги, особое племя, вовсе не скифское. Выше их *лежит* уже настоящая пустыня, и там не живет, насколько нам известно, ни один народ.

19. К востоку от этих скифов-земледельцев, за рекою Пантикапом, обитают уже скифы-кочевники, ничего не сеющие и не пашущие; вся эта страна лишена деревьев, за исключением Полесья. Эти кочевники к востоку занимают область на 14 дней пути, простирающуюся до реки Герра⁵.

20. По ту сторону Герра находятся так называемые царские владения и живут самые лучшие и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами. Занимаемая ими местность простирается к югу до Таврики, а к востоку—до рва, который выкопали потомки слепых, и до торжища при Меотийском озере, называемого Кремнами⁶; частью же их владения простираются до реки Танаиса. Местности, лежащие к северу от царских скифов, занимают меланхлены (черноризцы)⁷, особое, не скифское племя. Выше меланхленов, насколько нам известно, лежат озера и безлюдная пустыня.

21. За рекою Танаисом уже не скифская земля; первый из *тамошних* участков земли принадлежит савроматам⁸, которые, начиная от угла Меотийского озера, занимают пространство на 15 дней пути к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев. Выше савроматов

¹ [Невры локализируются, по свидетельствам других античных авторов (в частности, Плиния и Мелы), в верховьях Днестра и на Припяти. Они считаются наиболее вероятными предками славян. О переселении невров Геродот рассказывает в кн. IV, 105. См. П. Шафарик, *Словянские Старожитности*, I, стр. 224].

² [Гипанис—Буг, Борисфен—Днепр].

³ Скифы-земледельцы (*γεωργοί*), как недавно остроумно удалось показать П. И. Ушакову, названы так по созвучию их племенного наименования (ВДИ, 1946, № 2, стр. 42)].

⁴ [Пантикап—вероятней всего, р. Конка.]

⁵ [Река Герр смешивается у Геродота с р. Гипакирис, которая должна быть отождествлена с современной речкой Молочная Вода, впадающей близ Мелитополя в небольшое озеро, или, по другим предположениям, это приток Днепра—Конские Воды. В древности она протекала, видимо, до Черного моря. Такую локализацию Герра предполагает также гл. 47 и место у Помп. Мелы (II, 4). Ср. Minns, *op. cit.*, стр. 17.]

⁶ [Кремны—по мнению некоторых исследователей, греческая колония. Одноименные поселения, однако, известны во Фракии и в Малой Азии (Писидии). Царские скифы, таким образом, непосредственно граничили с Боспором.]

⁷ [Меланхлены, согласно Геродоту, должны быть локализованы где-либо в современной Харьковской области, между Днепром и Доном. Некоторые другие античные авторы племя это считали скифским. Территория, на которой оно локализуется, также относится к Скифии по археологическим данным. См. Л. Нидерле, *Словянские Старожитности*, I, стр. 275].

⁸ [Савроматов другие античные авторы считают племенем, родственным скифам говорившим на диалекте скифского языка (St. Byz., s. v.; Ovid., *ex Ponto*, III, 2, 40); по Дiodору (II, 45), они—иранского происхождения; они занимали территорию между Доном и Волгой. Во II в. до н. э. они перешли Дон и распространились на запад, подчинив себе скифов и распространив на них свое племенное наименование].

на втором доставшемся на их долю участке живут будины¹, занимающие местность, сплошь покрытую разнородным лесом.

22. Выше будинов к северу сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а за пустынею, более в направлении к востоку, живут фиссагеты², племя многолюдное и особое; живут они охотою. Рядом с ними в той же местности живет народ, называемый иирками³; они также промышляют охотою, следующим образом: *охотник*, взобравшись на дерево, которыми густо покрыта эта страна, подстерегает зверя; у каждого наготове лошадь, приученная ложиться на брюхо, чтобы казаться ниже, и собака; когда охотник с дерева завидит зверя, он стреляет из лука, затем садится на коня и пускается в погоню, причем не отстает и собака. Выше иирков по направлению к востоку живут другие скифы, отделившиеся от царских и прибывшие в эту землю.

23. Вся описанная мною страна до области этих скифов представляет собою равнину с глубокой, плодородной почвой, а, начиная отсюда, земля становится камениста и неровна. Когда пройдешь значительное пространство этой перовной страны, у подножья высоких гор обитают люди, которые, как говорят, все плешивы от рождения, как мужчины, так и женщины, курносы и с большими подбородками; они говорят на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами. Дерево, плодами которого они питаются, называется понтиком и по величине более всего подходит к смоковнице; оно приносит плод, похожий на боб, с косточкой внутри; когда он созреет, его выжимают сквозь ткань, причем из него вытекает густой черный сок; название вытекающего сока—асхи; его лижут или пьют, смешав с молоком, а из оставшейся гущи делают лепешки и едят их, Скота у них немного, потому что пастбища там небогатые. Каждый из жителей селится под деревом, и всякий раз на зиму он покрывает его плотным белым войлоком, а летом *оставляет* без войлока. Их не обижает никто из людей, так как они считаются священными; у них даже нет никакого оружия. Они разбирают споры, возникающие между их соседями, а когда какой-нибудь изгнанник прибежит *под их защиту*, то его уже никто не трогает. Называется этот народ аргишпеями⁴.

24. О стране до этих плешивых и о племенах, обитающих по сю сторону их, имеются достоверные сведения: к ним ходят некоторые скифы, от которых не трудно добыть сведения, равно как и от эллинов из торжища Борисфена и из других припонтийских торжищ. Те из скифов, которые приходят к ним, ведут свои дела при помощи семи переводчиков на семи языках.

25. Итак, страна до этих *плешивых* известна, но никто не может сказать ничего достоверного о том, что находится выше плешивых, так как те страны отделены высокими неприступными горами, через которые никто не переходит. По рассказам плешивых, для меня представляющимися

¹ [Будины—название племени, жившего к северу от р. Камы и до р. Вятки, на территории позднейших вотяков, зырян и др. I. S m i r n o f f, Les populations Finnoises, Paris, 1898, I, стр. 10 сл.]

² [Фиссагеты локализируются в верховьях рек Печоры и Тагила в земле позднейших вогулов и считаются их предками. Помещают их, впрочем, и южнее—по р. Белой].

³ [Иирки обычно отождествляются с уграми (у Плиния, VI, 19 Тугсае), локализируются на северном Урале и считаются предками мадьяр.]

⁴ [Аргишпей локализируются к югу от Урала (между Уралом и Алтаем). Плешивость, вероятно, следует понимать как слабое развитие растительности на голове и лице, действительно наблюдающееся у некоторых монгольских племен.

Дерево, о котором идет речь, по Томашеку (RE, s. v.)—скифское panthika—«подорожник». Джунгары (в Сев. Китае) и ныне смешивают с молоком сок растения *Prunus padus*. См. W. T o m a s c h e k, Die alten Thraker, 11, стр. 54 сл.).]

невероятными, на горах живут люди с козлиными ногами, а за ними другие [люди], которые спят по шести месяцев; я совсем этому не верю. Область к востоку от плешивых, населенная исседонами¹, хорошо известна; а о местности, лежащей к северу как от исседонов, так и от плешивых, ничего неизвестно, кроме того, что они сами о ней рассказывают.

26. Рассказывают, что у исседонов следующие обычаи: если у кого умрет отец, то все родственники пригоняют к нему скот, затем, убив животных и разрезав на куски их мясо, разрезают на части и труп отца, их хозяина, потом смешивают все мясо и устраивают пиршество. Голову покойника обнажают от волос, вычищают изнутри, покрывают позолотой и затем употребляют в качестве священного сосуда при совершении ежегодных больших жертвоприношений². Это делает сын в честь отца, подобно тому как эллины *справляют* праздник поминовения. Впрочем и этот народ считается справедливым, и женщины у них равноправны с мужчинами.

27. Итак, исседоны также еще известны, а выше их (к северу), по рассказам исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов исседонов передают этот рассказ скифы, а от скифов знаем и мы, прочие, и называем их по-скифски аримаспами³: «арима» скифы называют единицу, а «спу» — глаз.

КЛИМАТ СКИФИИ

(Гл. 28, 29, 31, 32)

28. Вся описанная страна отличается столь суровым климатом, что в продолжение восьми месяцев там стоят нестерпимые холода; в это время не сделаешь грязи, пролив воды *на землю*, разве если разведешь огонь; море и весь Боспор киммерийский⁴ замерзают, так что скифы, живущие по сю сторону рва идут в поход (*στρατεύονται*), по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов⁵. Таким образом, в продолжение восьми месяцев бывает непрерывная зима, но и в остальные четыре месяца там стоят холода. Зима там по своему характеру отличается от зимы во всех других странах, так как в течение ее в дождливую пору там почти не бывает дождей, а летом они идут беспрерывно; когда в других странах бывает гром, здесь его не бывает, а летом бывает очень часто; если зимою случится гроза, то она возбуждает изумление, как чудо. Точно так же в Скифии считается чудом, если случится землетрясение, *будет ли оно* летом или зимою. Лошади легко переносят такую зиму, но мулы и ослы совсем не выносят ее; в других странах, *напротив*, лошади, стоя на морозе, заболевают костоедой, а мулы и ослы выносят его.

29. Мне кажется, что так называемая комолая порода быков по той же причине не имеет там рогов. В пользу моего мнения свидетельствует следующий стих Гомера в «Одиссее»: «и Ливию, где у баранов быстро растут рога»⁶. Совершенно верно сказано, что в теплых странах быстро

¹ [Об исседонах см. в прим. к фр. 158 Гекатея.]

² [Употребление черепной крышки в качестве ритуального сосуда отмечается также у скифов (Her. IV, 65) и у германского племени бойев (Liv. XXIII, 24).]

³ [Об аримаспах ср. выше III, 116.]

⁴ [Керченский пролив.]

⁵ [Синды — одно из скифских племен, населявших пространство между юго-восточным берегом Азовского и северокавказским берегом Черного моря.]

⁶ См. IV, 85.

вырастают рога, а в очень холодных местностях у скота или вовсе не растут рога, или едва вырастают¹.

(В гл. 30 объясняется, почему в Элиде не рождаются мулы).

31. Что касается перьев, которыми, по словам скифов, наполнен воздух и из-за которых нельзя ни смотреть вперед по материку, ни пройти², то о них я держусь такого мнения: в местностях, лежащих выше этой страны, постоянно идет снег, впрочем летом, как и следует ожидать, меньше, чем зимою. Итак, всякий, кто вблизи видел, как идет обильный снег, уже понимает, о чем я говорю, ибо хлопья снега похожи на перья. Вследствие такой суровой зимы северные области этого материка необитаемы. Итак, я полагаю, что скифы и их соседи называют хлопья снега перьями, благодаря их сходству. Таковы мои сведения об отдаленнейших местностях.

32. О гипербореях³ ничего не сообщают ни скифы, ни другие обитатели той страны, за исключением разве исседонов. Впрочем, как мне кажется, и эти последние ничего о них не говорят: ибо в *противном случае* рассказывали бы о них и скифы, как рассказывают об одноглазых. О гипербореях говорится у Гесиода, а также у Гомера в «Эпигонах», если действительно Гомер составил эту поэму.

(Главы 33—36 содержат рассказы о гипербореях, слышанные Геродотом на острове Делосе).

ОТРЫВКИ ИЗ ОПИСАНИЯ ТРЕХ ЧАСТЕЙ СВЕТА

(Гл. 37, 38, 40, 45)

37. Персы живут вплоть до южного моря, называемого Красным; выше их к северу живут мидяне, выше мидян—саспирь⁴, выше саспиров—колхи⁵, вплоть до северного моря, в которое изливается река Фасис. Эти четыре народа живут на *пространстве* от моря до моря.

38. Отсюда к западу тянутся от нее (т. е. от Азии) два полуострова (*дословно*: берега), которые я опишу. Один из них, с северной стороны начинаясь от Фасиса, тянется к морю вдоль Понта и Геллеспонта до троанского Сигея...

40. ...Выше персов, мидян, саспиров и колхов к востоку с одной стороны простирается Красное море, а к северу—Каспийское море и река Аракс, текущая к востоку...

45. Омывается ли Европа водою с востока и севера—это никому достоверно неизвестно. Относительно же длины известно, что она равняется обоим *другим частям света*⁶. Я не могу также разрешить, почему земле, в сущности единой, приданы три названия по именам женщин, и границами ее признаны египетская река Нил и колхидская Фасис (иные назы-

¹ Рассуждение Геродота, основанное на некоторых реальных наблюдениях, опровергается хотя бы тем, что наиболее длинные и ветвистые рога имеет, как известно, северный олень.]

² Ср. выше IV, 7.

³ [Представления о гипербореях (народе, живущем на крайнем севере) и их локализации менялись у древних греков по мере расширения знаний о северных странах. Их помещали то на Дунае (Пиндар), то на Рипейских горах (Урал). Позднее их локализовали на острове «северней кельтов», т. е. в Англии. См. Westberg, Zur Topogr. d. Herodots, «Klio», 1904, стр. 182 сл.]

⁴ [Саспирь—племя, жившее в верховьях реки Аракса, вдоль которой шел путь из Армении в Колхиду.]

⁵ [Колхи—предки современных абхазцев—жили в рионской низменности].

⁶ [т. е. Азии и Африке.]

вают *границею* меотийскую реку Танаис¹ и Киммерийские переправы). *Не могу* узнать имена, разграничивших так, и откуда они взяли названия...

ОПИСАНИЕ РЕК СКИФИИ

(Гл. 46—58)

46. По берегам Понта Эвксинского, куда выступал походом Дарий, обитают племена, за исключением скифского, несравненно более грубые, чем во всех других странах. Мы не можем указать ни одного племени по сю сторону Понта, которое бы выдавалось по уму, и не знаем ни одного замечательного человека, за исключением разве скифского народа и Анахарсиса². Впрочем и у скифского народа одно *только*, но самое важное, из человеческих дел придумано наиболее мудро из всех известных нам *народов*, а остальное у них не заслуживает внимания. Эта самая важная особенность скифов состоит в том, что никакой *враг*, напавший на них, не может ни спастись от них бегством, ни захватить их, если они не захотят быть открытыми: ведь *народу*, у которого нет ни городов, ни укреплений, который свои жилища переносит с собою, где каждый—конный стрелок, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством, и жилища устраиваются на повозках,—такому народу как не быть непобедимым и неприступным?

47. Этой особенности жизни скифов благоприятствует *сама* земля и содействуют реки: земля их, представляя собою равнину, изобилует травой и хорошо орошена; на ней протекают реки, по числу лишь немногим уступающие каналам в Египте. Я назову только те из них, которые замечательны и доступны для судов с моря: пятиустьный Истр, за ним Тирас, Гипанис, Борисфен, Пантикап, Гипакирь, Герр и Танаис. Текут они следующим образом:

48. Истр, величайшая из всех известных нам рек, всегда бывает одинаковой величины и летом и зимою; это первая из рек Скифии с западной стороны, а величайшею она становится вот почему: в нее впадают и другие реки, которые способствуют ее многоводию, *из их числа* по скифской земле текут пять: та, которая у скифов называется Пората, а у эллинов Пирет, затем Тиарант, Арар, Напарис и Ордеес³. Первая из названных рек велика и, протекая на востоке, сливает свои воды с Истром; названный вторым Тиарант течет далее к западу и меньше *первой*, а Арар, Напарис и Ордеес впадают в Истр в промежутке между этими *двумя*.

(Гл. 49 содержит перечень нескифских притоков Истра и указание его истоков).

50. Благодаря притоку воды перечисленных рек, а также и многих других, Истр становится величайшею рекою, хотя, если сравнивать сам по себе Истр с Нилом, то последний оказывается полноводнее: в самом деле, в Нил не впадает ни одна река, ни один источник, которые бы способствовали его многоводию. *А что* Истр имеет одинаковое количество воды летом и зимою, *это*, мне кажется, *происходит* по следующей причине: зимою вода в нем имеет нормальную высоту или поднимается лишь немного выше нормы, вследствие того, что земля эта зимою очень мало оро-

¹ [Танаис—Дон. Киммерийские переправы, по Штейну—наиболее узкое место Керченского пролива.]

² [Об Анахарсисе см. ниже гл. 76 сл.]

³ [По сходству названий и по положению, Пирету соответствует современный Ирут, Тиаранту—Серет, Ордеесу—Ардыч.]

шается дождями и все покрыто снегом; а летом снег, в изобилии выпавший зимою, тает и отовсюду стекает в Истр; вот этот-то стекающий в него снег и, кроме того, частые и сильные дожди, идущие там летом, пополняют количество воды; и насколько больше воды солнце притягивает к себе летом, чем зимою, настолько стекающие в Истр воды делаются летом многочисленнее, чем зимою; так как эти два явления возмещают друг друга, то устанавливается равновесие, и поэтому количество воды в Истре оказывается всегда одинаковым.

51. Итак, одна река у скифов—Истр, а за ним *следует* Тирас, который течет с севера и берет начало из большого озера, служащего границей земли скифов и невров. У устья его живут эллины, которые называются тиритами.

52. Третья река—Гипанис берет начало в земле скифов и вытекает из большого озера, вокруг которого водятся дикие белые лошади; это озеро справедливо зовется матерью Гипаниса. Вытекая из этого озера, река Гипанис на протяжении пяти дней плавания еще мелка и пресна, а затем до моря на четыре дня плавания вода в ней очень горька; ибо в нее впадает горький источник, настолько горький, что, несмотря на свою незначительную величину, он изменяет вкус воды в Гипанисе, с которым немногие реки могут сравниться по величине. Источник этот находится на границе земли скифов-пахарей и алазонов; название источника и местности, откуда он вытекает, по-скифски Эксампей, а на эллинском языке—Святые Пути¹. Тирас и Гипанис сближают свои течения около земли алазонов, а отсюда обе текут в разные стороны, и промежуток между ними расширяется.

53. Четвертая река Борисфен—величайшая после Истра из этих рек и, по нашему мнению, самая полезная не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила,—с этим последним нельзя сравнить ни одной реки; но из остальных рек Борисфен самая прибыльная: он доставляет стадам прекраснейшие и очень питательные пастбища, превосходнейшую рыбу в огромном количестве, вода его очень приятна на вкус и отличается чистотою среди мутных рек Скифии; вдоль него тянется превосходная пахотная земля или растет очень высокая трава там, где почва не засеивается; в устье его сама собою в изобилии оседает соль; в нем ловятся для соления большие рыбы без позвоночника, называемые осетрами, а кроме того, имеется многое другое, достойное удивления. В своем течении с севера Борисфен известен до земли Герра², до которой сорок дней плавания; выше этой местности земли, чрез какие он протекает, никому неизвестны; достоверно известно, что он течет через пустыню до области скифов-земледельцев, а эти последние живут вдоль него на десять дней плавания. Истоков только этой реки да еще Нила я не могу назвать, да, как мне кажется, и никто из эллинов. Когда Борисфен в своем течении приближается к морю, с ним соединяется Гипанис, впадающий в один с ним лиман. Находящийся между этими реками выступ земли называется мысом Гиполоя; на нем стоит святилище Деметры; на противоположном от святилища берегу при Гипанисе живут борисфениты.

54. Вот наши сведения об этих реках. За ними пятая река, по имени Пантикап³, и она также течет с севера и из озера; пространство между

¹ [Гипанис—Южный Буг. Эксампей—речка и местность, судя по гл. 81, находится между Бугом и Днепром в их нижнем течении. Горечь воды в реке объясняется, по мнению большинства комментаторов, проникновением морской воды в устье Днепра.]

² [Эту местность, так же как и одноименную реку, отождествляемую с р. Ворсклой, надо искать в современной Полтавской области. Для согласования параграфов 20, 53 и 54 Томашек (в RE, s. v.) предлагает исправить 40 (дней плавания) на 14.]

³ [О реке Пантикап см. прим. к кн. IV, 19.]

нею и Борисфеном занимают скифы-земледельцы; она протекает через Полесье и, миновав его, сливается с Борисфеном.

55. Шестая река—Гипакирис¹, которая берет начало из озера и, протекая среди земли скифов-кочевников, впадает в море около города Каркинитиды, оставляя вправо Полесье и так называемый Ахиллов бег².

56. Седьмая река, Герр³, отделяется от Борисфена в том месте, до которого известен Борисфен; отделяется она с этого места, а название имеет одинаковое с местностью—Герр; на пути к морю она служит границей между землями кочевников и царских скифов, а впадает в Гипакирис.

57. Восьмая река—Танаис, который течет сверху, получая начало из большого озера, и впадает в большее еще озеро, называемое Меотидию, которое отделяет скифов царских от савроматов. В этот Танаис впадает другая река, именуемая Иргис⁴.

58. Таковы значительные реки, которые протекают в Скифии. Трава, растущая в Скифии, способствует развитию желчи у скота больше всех трав, нам известных; вскрыв *трупы* животных, можно удостовериться, что это так.

ОБЫЧАИ СКИФОВ

(Гл. 59—75)

59. Таким образом все важнейшее для жизни имеется у скифов в изобилии; обычаи же у них таковы. Они чтут только следующих богов: выше всех Гестию, затем Зевса и Гею, признавая последнюю супругою Зевса, далее Аполлона, Афродиту-Уранию, Ареса и Геракла. Эти божества чтут все скифы, а так называемые скифы царские приносят жертвы еще и Посейдону. Гестия по-скифски называется Табити, Зевс—Папай, по моему мнению совершенно правильно, Гея—Апи, Аполлон—Гойтосир, Афродина-Урания называется Аргимпаса, Посейдон—Фагимасад⁵. Скифы не имеют обыкновения ставить кумиры, алтари и храмы ни одному божеству кроме Ареса; сооружения же в честь последнего у них в обычае.

60. Способ жертвоприношения всем божествам у всех скифов один и тот же и состоит в следующем: жертвенное животное становятся со связанными передними ногами, а приносящий жертву, стоя позади животного, тянет за конец веревки и опрокидывает его на землю; в то время как животное падает, он взывает к тому божеству, которому приносит жертву, затем накидывает *петлю* на шею животного, поворачивает палку, вдетую в петлю, и удавливает *животное*, не зажегши огня и не совершив посвящений и возлияния; удавив животное и содрав шкуру, жертвоприноситец приступает к варению мяса⁶.

61. Так как скифская земля очень бедна лесом, то скифами придуман следующий способ варения мяса: содрав с животного кожу, очищают от мяса, затем кладут его в котлы туземного изделия⁷, если такие у них

¹ [О реке Гипакирис см. прим. к кн. IV, 20.]

² [Каркинитиды или Керкинитиды—древнегреческий город на месте современной Евпатории. Ахиллов Бег—коса Тендеровская, близ устья Днепра.]

³ [О реке Герр см. прим. к кн. IV, 20 и 53.]

⁴ [Иргис—Донец.]

⁵ [Иранское (а может быть, и малоазиатское) происхождение имен некоторых скифских божеств подтверждается греческими votivными надписями, найденными в Италии, где упоминается Аполлон-Гетосирис, идентифицируемый с Митрой, и Афродита—Аргимпаса. Зевс—Папай известен также в Вифинии (Малая Азия). Ср. M. R o s t o w t z e v, *Iranians and Greeks in South Russia*, стр. 120.]

⁶ [Параллели подобным жертвоприношениям могут быть найдены в недавнем прошлом у некоторых отсталых народностей Центральной Азии.]

⁷ [Бронзовые скифские котлы широко известны в археологии. Ср. напр. Minns, *op. cit.*, стр. 162 рис. 50 (Чертомлыцкий курган).]

случайно есть; *эти котлы* более всего походят на лесбосские кратеры, только гораздо больше их; вложив мясо в эти котлы, зажигают кости животных и *на них* варят *мясо*; если котла не окажется, то вкладывают все мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости; они горят отлично, а очищенное от костей мясо легко умещается в желудке. Таким образом, бык сам себя варит, а равно и все другие жертвенные животные. Когда мясо сварится, то жертвоприносите^{ль}, посвятив *божеству* самые лучшие куски мяса и внутренностей, бросает их вперед. В жертву приносится всякий скот, а особенно лошади.

62. Таким именно образом и таких животных скифы приносят другим богам, а *жертвоприношения* Аресу *совершают* они следующим образом: в каждой области по околоткам построены у них следующие святилища Ареса: связки хвороста накладываются одна на другую на пространстве трех стадий в длину и ширину, а в высоту несколько меньше; наверху устраивается четырехугольная площадка; три стороны *кургана* делаются отвесными, а с одной есть доступ. Ежегодно привозят полтора-два воза хвороста, потому что от непогоды *это сооружение* постоянно оседает. На каждом таком кургане водружен старинный железный меч¹, и он-то служит кумиром Ареса. Этому мечу они ежегодно приносят в жертву рогатый скот и лошадей и еще больше жертв приносят, чем другим богам, а именно: из числа пленных врагов приносят ему каждого сотого мужчину, но не тем же способом, как скот, а по-другому: совершив возлияние над головами *жертв* вином, они режут их над сосудом, затем несут кровь на вершину кучи хвороста и обливают ею меч; на верх они относят кровь, а внизу у святилища совершают следующее: отрубив у всех убитых людей правые плечи с руками, бросают их в воздух, затем, совершив другие жертвоприношения, удаляются; каждая рука остается там, где упадет, а туловище *лежит* отдельно.

63. Таковы у скифов жертвоприношения. Свиньями же они совсем не пользуются и даже вовсе не желают разводить их в своей стране.

64. Военные обычаи у них таковы: скиф пьет кровь первого убитого им врага, а головы всех убитых им в сражении относит к царю, потому что принесший голову получает долю захваченной добычи, а не принесший не *получает*. С головы он сдирает кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делает надрез, потом берет голову в *руки* и вытряхивает ее из *кожи*, затем, очистив *кожу* от мяса при помощи бычьего ребра, он мнет ее руками и, выдубив ее, держит у себя в виде утиральника, привязывает к узде коня, на котором сам ездит, и гордится этим, так как тот, который имеет наибольшее количество таких кожаных утиральников, считается самым доблестным мужем. Многие скифы из содранной кожи делают себе для одевания плащи, сшивая их, как козьи шкурки. Многие также, содрав кожу вместе с ногтями с правых рук убитых неприятелей, делают покрывалки для колчанов. Человеческая кожа, действительно, и толста и блестяща; блестящею белизною она превосходит почти все *другие* кожи. *Наконец*, многие сдирают кожу со всего трупа, напяливают на палки и возят с собою на лошадях.

65. Таковы у скифов обычаи относительно кожи, а с головами врагов, впрочем не всех, а только злейших, они обращаются следующим образом: отпилив всю часть черепа до бровей, скиф очищает его и затем, если он беден, то только снаружи обтягивает его сырою воловьею кожей и пользуется им в таком виде, а если богат, то обтягивает череп кожей, покрыв-

¹ [Поклонение мечу отмечается в более позднее время у алан—племени, родственного сарматам, а через них и скифам. См. Minns, op. cit., стр. 71.]

ваает внутри позолотою и в таком виде употребляет вместо чаши¹. Так поступают они и с родственниками, если рассорятся с ними и если перед лицом царя один одержит верх над другим. Когда явятся гости, которым скиф желает оказать внимание, то он приносит такие черепа и рассказывает, что это были его родственники, но вступили с ними в борьбу и он одержал верх над ними. Это рассказывается как геройский подвиг.

66. Ежегодно по разу каждый начальник в своей области приготавлиет кратер (лохань) вина, из которой пьют только те скифы, которые умертвили врагов; те, которым не удалось этого сделать, не вкушают этого вина и, как обесчещенные, садятся отдельно; это для них величайший позор. Напротив, те из них, которым удалось убить очень много врагов, получают по два ковша и пьют из *обоих* разом.

67. У скифов есть много гадателей, которые гадают при помощи множества ивовых прутьев следующим образом: принесши большие связки прутьев и положив их на землю, они раскладывают их порознь и затем, перекалывая прутья по одному, гадают; произнося предсказания, они вместе с тем снова собирают прутья и раскладывают их поодиночке. Таков у них исконный способ гадания². По словам энареев³, женоподобных мужчин, искусство гадания даровано им Афродитой; они гадают при помощи липовой коры: гадатель разрезывает ее на три полоски, затем, переплетая их между пальцами и расплетая, произносит предсказание.

68. В случае болезни царь скифский приглашает к себе трех самых главных гадателей, которые и производят гадание вышесказанным способом; по большей части они говорят при этом, что такой-то и такой-то из жителей, которого они называют по имени, ложно поклялся божествами царского очага; а клясья божествами царского очага у скифов в обычае преимущественно тогда, когда они желают дать величайшую клятву. Человека, на которого укажут как на клятвопреступника, тотчас хватают и приводят; когда он явится, гадатели уличают его в том, что он, по свидетельству гадания, оказывается клятвопреступником перед божествами царского очага и что вследствие этого болеет царь; обвиняемый отрицает это и с божбою уверяет, что он не преступил клятвы. Ввиду упорства обвиняемого цари приглашают других гадателей в двойном числе; если и эти на основании своих гаданий обвиняют его в клятвопреступлении, то ему немедленно отрубают голову, а первые гадатели по жребию делят между собою его имущество. Если же вторые гадатели оправдают его, то вызываются новые и новые гадатели, и если большинство их оправдывает подсудимого, то первые гадатели сами присуждаются к смерти.

69. Казнят их следующим образом: наполнив телегу хворостом и запряжи в нее быков, гадателей сковывают по ногам, а руки связывают на спине, рты затыкают и в таком виде кладут их в середину хвороста, затем поджигают его, пугают быков и гонят их. Много быков гибнет в пламени вместе с гадателями, а многие, хотя и с ожогами, успевают убежать, когда сгорит дышло. Описанным способом сжигают гадателей и за другие провинности, называя их лжепророками. Царь не оставляет в покое и детей тех гадателей, которых он казнит: всех сыновей их он также убивает, но дочерей не трогает.

70. Клятвенные договоры с кем бы то ни было скифы совершают так: в большой глиняный ковш наливают вина и примешивают к нему кровь

¹ [См. прим. к IV, 26.]

² [Подобный же обычай гадания на прутьях отмечается в более позднее время у алан. Изображение такого гадания имеется на одной древней золотой пластинке, найденной на Аму-Дарье. (S. Reinach, Ant. de la Russie Merid., стр. 187.)]

³ [Об энареях, которые здесь представлены схожими со жрецами Кибелы,—галлами, ср. к кн. I, 105.]

договаривающихся, сделав укол шилом или небольшой надрез ножом на теле, затем погружают в чашу меч, стрелы, секиру и дротик. По совершении этого *обряда* они долго молятся, а затем пьют *смесь*, как сами договаривающиеся, так и достойнейшие из присутствующих¹.

71. Царские гробницы находятся в Геррах, до которых судоходен Борисфен. Когда у них умрет царь, здесь выкапывают большую четырехугольную яму, изготовив ее, намазывают труп покойного воском, разрезают живот, вычищают, его, наполняют рубленным купером, ладаном, семенами сельдерея, анисом, затем снова зашивают, берут труп и на повозке везут к другому племени. Те, к которым привезут покойника, делают то же, что и царские скифы: отрезают себе *часть* уха, обстригают кругом волосы, надрезают руки, расцарапывают лоб и нос и протыкают стрелы сквозь левую руку. Оттуда везут на повозке труп царя к другому подвластному им племени, причем те, к которым приезжали раньше, следуют за ними. Объехав таким образом с трупом всех, они приезжают к геррам, которые из всех подвластных народов живут на самой отдаленной окраине и в земле которых находится кладбище. Здесь кладут труп в могилу на подстилке, по обеим сторонам его втыкают копья, на них кладут доски и покрывают их камышом, а в остальном пространстве могилы хоронят одну из наложниц царя, предварительно задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, лошадей, по отборной штуке всякого другого *скота* и золотые фиалы (серебро и медь вовсе не употребляется); после всего этого они все вместе насыпают большой курган, всячески стараясь сделать его как можно больше².

72. По прошествии года снова совершают следующее: из оставшихся слуг выбирают самых способных (они природные скифы, ибо царю служат те, которым он сам прикажет, а покупных рабов у них вовсе нет) и из этих слуг пятьдесят человек, а также пятьдесят отборнейших коней, удушают, затем, вынув внутренности и очистив живот, наполняют мякиною и зашивают; потом укрепляют на двух столбах—половину колеса ободом вниз, а другую половину на двух других столбах; сколотив таким образом много подобных стоек, протыкают сквозь лошадей, во всю длину их до самой шеи, толстые кольца и поднимают лошадей на эти колеса так, что передними полукружиями поддерживаются плечи лошадей, задними—животы у бедер, а обе пары ног свешиваются вниз, недоставая до земли; затем накидывают на лошадей уздечки с удилами, протягивают их вперед и привязывают к колышкам. Наконец, каждого из пятидесяти удушенных юношей сажают на лошадь следующим образом: в труп каждого протыкают вдоль позвоночного столба прямой кол до самой шеи; выдающийся вниз конец этого кола втыкают в дыру, *просверленную* в другом коле, *протынутом* сквозь труп лошади. Расставив вокруг могилы таких всадников, скифы расходятся.

73. Так хоронят скифы своих царей; в случае же смерти одного из прочих скифов ближайшие родственники обвозят покойника на повозке по всем его друзьям; каждый из них устраивает угощение провожатым, причем и покойнику предлагает из всех тех *яств*, что и другим. Частных лиц возят таким образом сорок дней, а затем хоронят. После похорон скифы очищают себя следующим образом: сначала умащают и обмывают голову, а потом для очищения тела устраивают следующее: поставив три шеста, наклоненные один к другому, натягивают на них шерстяной

¹ [К описанному обряду относится, вероятно, изображение на знаменитой золотой пластинке из Куль-Обы.]

² [Скифскому некрополю в Геррах соответствует полтавская группа курганов. Описанный обряд похорон в общем находит свое подтверждение в археологических данных.]

войлок и, стянув его как можно плотнее, бросают раскаленные докрасна камни в сосуд, поставленный между этими обтянутыми войлоком шестью.

74. В их земле растет конопля, весьма похожая на лен, кроме высоты и толщины: в этом отношении конопля значительно превосходит *лен*; она растет и в диком состоянии и засеивается. Фракийцы делают из нее одежды, весьма похожие на льняные, так что даже человек, не особенно хорошо ее знающий, не в состоянии различить, *сделано ли платье из льна или из конопли*, а кто не видел, тот примет платье из конопли за льняное.

75. Скифы берут семена этой конопли, входят под войлоки и бросают семена на раскаленные камни. От брошенных семян поднимается такой дым и пар, что никакая греческая паровая баня не превзойдет этой *скифской*. Скифы восхищаются *такой* баней и воют от удовольствия¹; это заменяет им омовение, так как они вовсе не обмывают себе тела водою. Женщины их трут о шероховатый камень кипарисовое, кедровое и ливанное дерево, подливая к ним воды, и получаемой при этом густой массой вымазывают себе все тело и лицо; это придает телу приятный запах, а когда на другой день снимут мазь, то тело оказывается чистым и глянцевитым.

АНАХАРСИС И СКИЛ

(Гл. 76—80)

76. И скифы (*подобно другим варварам*) избегают заимствований чужеземных обычаев, притом не только от других народов, но и в особенности от эллинов. Это доказали Анахарсис и затем Скил. Именно Анахарсис, обозрев много стран и приобретя в путешествии много мудрости, на обратном пути в родную Скифию, проезжая чрез Геллеспонт, пристал в Кизике; застав кизикийцев совершающими с большой торжественностью праздник в честь Матери богов, он дал обет Матери, если возвратится на родину здоровым и невредимым, совершить ей жертвоприношение таким же образом, какой он видел у кизикийцев, и установить всенародное *празднество*. По возвращении в Скифию он отправился в так называемое Полесье (оно лежит у Ахиллова бега и все покрыто разнородными деревьями) и совершил в честь богини полное празднество с тимпаном в руках и увешанный изображениями *богини*. Кто-то из скифов, подметив действия Анахарсиса, донес *об этом* царю Савлию; последний, прибыв туда лично и увидев, что Анахарсис совершает это *празднество*, убил его стрелой из лука. И теперь, если спросить об Анахарсисе, скифы говорят, что не знают его, и это потому, что он путешествовал в Элладу и принял чужеземные обычаи. Я слышал от Тимна, опекуна Ариапейта, что Анахарсис был дядя по отцу скифского царя Иданфирса, сын Гнура, внук Лика и правнук Спаргапейта. Если Анахарсис действительно происходил из этого дома, то он погиб, значит, от руки родного брата: ибо Иданфирс был сын Савлия, а Савлий был убийцею Анахарсиса.

77. Впрочем, я слышал еще другой рассказ, сообщаемый пелопонесцами, именно, что Анахарсис был отправлен в Элладу скифским царем и учился там, а по возвращении на родину сказал пославшему *его царю*, что все эллины, за исключением лакедемонян, не имеют времени заниматься вопросами какой-либо мудрости, но что только к лакедемонянам можно вести разумные беседы. Но этот рассказ вымышлен самими эллинами, а Анахарсис погиб так, как рассказано выше.

78. Так погиб Анахарсис за сочувствие пноземным обычаям и за сношения с эллинами. Много лет спустя подобная же участь постигла

¹ Manli в статье „Scythica“, Hermes, 1935 г., объясняет это иначе: это пение шаманов, воспевающих прохождение душ умерших до подземного царства.

Скила, сына Ариапейта. У скифского царя Ариапейта, кроме других детей, был сын Скил; он родился от жены истрианки¹, а не туземки; мать научила его эллинскому языку и грамоте. Несколько времени спустя Ариапейт пал жертвою коварства Спаргапейта, царя агафирсов, а Скил получил царскую власть и одну из жен отца, по имени Опию; она была скифянка, и от нее у Ариапейта был сын Орик. Царствуя над скифами, Скил вовсе не любил скифского образа жизни, так как, вследствие полученного им воспитания, питал гораздо более склонности к эллинским обычаям, а потому поступал следующим образом: когда ему случалось приходиться с большою свитою скифов в город борисфенитов (а борисфениты эти сами себя называют милетянами), он оставлял свиту в предместье², а сам входил в город, приказывал запереть ворота, затем снимал с себя скифское платье и надевал эллинское; в этом платье он ходил по площади, не сопровождаемый ни телохранителями, ни кем-либо другим (а ворота охраняла стража, чтобы кто-либо из скифов не увидел его в такой одежде), во всем жил по-эллинически и приносил жертвы богам по эллинскому обычаю. Пробыв в городе месяц или более, он снова надевал скифское платье и удалялся. Такие посещения повторялись часто; он даже выстроил себе дом в Борисфене и поселил в нем жену—туземку.

79. Так как ему суждено было несчастливо кончить жизнь, то это произошло по следующему случаю: он возымел сильное желание быть посвященным в таинства Диониса-Вакха; когда он уже готовился к посвящению, явилось величайшее чудесное знамение: в городе борисфенитов, как я упомянул немного выше, у него был обширный и богатый дом, вокруг которого стояли беломраморные сфинксы и грифы; в этот-то дом... божество ударило *огненною* стрелою, и весь дом сторел. Тем не менее Скил совершил обряд посвящения. Скифы осуждают эллинов за их вакхические празднества, говоря, что не подобает выдумывать такого бога, который приводит людей в исступление. Когда Скил был посвящен в таинства Вакха, один из борисфенитов с насмешкою сказал скифам: «Вы, скифы, смеетесь над нами, что мы устраиваем вакхические празднества и что в нас вселяется бог, а вот теперь этот бог вселился и в вашего царя: он совершает вакханалии и находится в исступлении под наитием божества; если вы мне не верите, то следуйте *за мною* и я покажу вам». Начальники скифские последовали за борисфенитом, который тайком возвел их на башню и посадил там. Когда показался Скил с процессиею и скифы увидели его в вакхическом исступлении, они пришли в сильное негодование и, сойдя с башни, рассказали всему войску виденное ими.

80. Когда после этого Скил возвратился во-свои, скифы взбунтовались против него, поставив царем его брата Октамасада, сына дочери Тирея³. Скил, узнав о восстании против него и о причине, вследствие которой оно произошло, спасается бегством во Фракию. Октамасад, узнав об этом, пошел войною на Фракию. Когда он приблизился к Истру, против него выступили фракийцы. Перед самым началом битвы Ситалк послал к Октамасаду *глашатая* со следующим предложением: «К чему нам испытывать друг друга? Ты сын моей сестры, и в руках у тебя мой брат: выдай мне его, а я передам тебе твоего Скила; а подвергать опасности войска не следует ни мне, ни тебе». С таким предложением послал глашатая

¹ [Т. е. гражданки г. Истра или Истрополя.]

² О значении этого слова и вообще об истории Скила см. В. Латышева «Исследования об истории и государственном строе г. Ольвии», СПб., 1887, стр. 41 сл.

³ Тирей был царем фракийского племени одрисов (Фукид., II, 29). Его сын Ситалк, упоминаемый ниже, распространил пределы своих владений до самого Истра и в начале Пелопоннесской войны был некоторое время союзником афинян; умер в 424 г. до н. э. (Фукид., II, 97; IV, 101).

Ситалк, так как у Октамасада действительно скрывался брат Ситалка бежавший *от него*. Октамасад принял это предложение и, выдав Ситалку, своего дядю по матери, получил брата Скила. Ситалк, взяв брата, удалился, а Октамасад тут же велел отрубить голову Скилу. Так оберегают скифы свои обычаи и так сурово карают тех, кто заимствует чужие законы.

ЧИСЛЕННОСТЬ СКИФОВ И ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ИХ СТРАНЫ

(Гл. 81—82)

81. Численность скифов мне не удалось узнать в точности; я слышал различные мнения об их числе: одно—что они очень многочисленны, другое—что собственно скифов мало. Однако мне лично показали следующее: между реками Борисфеном и Гипанисом есть местность, называемая Эксампей; о ней я упоминал уже немного выше¹, говоря, что в ней есть источник горькой воды и что вытекающая из него вода делает воду Гипаниса негодною для питья; в этой-то местности стоит медный сосуд, по величине вшестеро превосходящий кратер, находящийся у входа в Понт, и посвященный *богам* Павсанием, сыном Клеомброта²; тем, кто его не видал, я объясню так: медный сосуд в Скифии свободно вмещает в себе 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда—шесть пальцев. По словам туземцев, он сделан из наконечников стрел: однажды царь их, по имени Ариант, желая узнать численность скифов, приказал, чтобы каждый скиф принес по одному наконечнику стрелы, а кто не принесет, *тому* грозил смертью. Таким образом было снесено огромное количество наконечников, и царь решил соорудить из них памятник себе: он приказал отлить из них этот медный сосуд и поставил его в Эксампее. Вот что слышал я о численности скифов³.

82. Достопримечательностей страна эта не имеет, за исключением разве очень больших и многочисленных рек. Упомяну, впрочем, об одной достопримечательности кроме рек и обширности равнины: у реки Тираса показывают отпечаток ступни Геракла в скале; он похож на след человека, но в длину имеет 2 локтя. Таков этот след⁴, а я *теперь* приступаю к продолжению начатого рассказа.

ПОХОД ДАРИЯ ОТ СУЗ ДО ИСТРА. ОПИСАНИЕ ПОНТА

(Гл. 83, 85—98)

83. Когда Дарий готовился к *походу* на скифов и рассылал вестников с приказанием одним доставить сухопутное войско, другим—флот, третьим—построить мост через Фракийский Боспор, брат его Артабан, сын Гистаспа, настоятельно советовал ему вовсе не выступать против скифов,

¹ IV, 52.

² [Павсаний—известный предводитель спартанцев в битве при Платеях. О посвященной им чаше см. у Афиней, XII, 536—^a.]

³ [В английском комментарии к Геродоту (Norvard and Wells) содержится указание на подобную же примитивную статистику населения у жителей Малайского архипелага (Wallace, Malay Archipelago, I, 1869 стр. 182—4).]

⁴ [Подобные «следы» богов известны и в других местах. На Цейлоне показывают гигантский след Будды.]

указывая на их неприступность¹; но, не убедив его своими благоразумными советами, Артабан оставил его в покое, и Дарий, закончив все приготовления, выступил с войском из Суз.

85. Выступив из Суз, Дарий прибыл к Боспору в области города Халкедона², где был наведен мост; там он сел на корабль и отплыл к так называемым Кианеям³, которые, по словам эллинов, прежде были блуждающими скалами; сев на мысе, он стал обозревать Понт, которым *действительно* можно было залюбоваться. Ибо из всех морей Понт Эвксинский самое замечательное: в длину он имеет 11 100 стадий, а в ширину, в самом широком месте,—3 300 стадий; устье этого моря имеет в ширину 4 стадия, а длина устья или пролива, который *именно* и называется Боспором и чрез который был наведен мост, простирается до 120 стадий. Боспор тянется до Пропонтиды, а Пропонтида, имея в ширину 500 стадий, а в длину 1400, впадает в Геллеспонт, который в ширину [в узком месте] имеет 7 стадий, а в длину 400. Геллеспонт изливается в широкое пространство моря, которое называется Эгейским.

86. Измерено это следующим образом: корабль в длинный день обыкновенно проходит не более 70 000 оргий, а в ночь 60 000; между тем от устья Понта до Фасиса (это наибольшая длина Понта) 9 дней и 8 ночей плавания; это составляет 1 110 000 оргий, а из этого числа оргий выходит 11 100 стадий. До Фемискиры на реке Термодонте от Синдики (здесь наибольшая ширина Понта) 3 дня и 2 ночи плавания, а это составляет 330 000 оргий или 3 300 стадий⁴. Таким-то образом измерены мною этот Понт, Боспор и Геллеспонт и имеют вышеописанный вид. Понт образует также озеро, изливающееся в него и лишь немногим меньшее его самого; оно называется Меотидою и матерью Понта.

87. Обозревши Понт, Дарий отплыл назад к мосту, строителем которого был самосец Мандрокл. Обозрев и Боспор, он приказал поставить на *берегу* его два столпа из белого мрамора и вырезать на одном из них ассирийскими, а на другом эллинскими письменами перечисление всех народов, которые он вел с собою, а вел он все подвластные ему народы. В его войске, со включением всадников, но без флота, насчитывалось 700 000, а кораблей было собрано 600...

(Далее—рассказ о позднейшей судьбе столпов и о награждении строителя моста).

89. Дарий, одарив Мандрокла, начал переправу в Европу, приказав ионийцам плыть в Понт до реки Истра, а по прибытии к Истру ждать его там, наводя между тем мост. Флот вели именно ионийцы, эолийцы и геллеспонтийцы. Итак, флот, прошедши через Кианеи, направился прямо к Истру; поднявшись вверх по реке на два дня плавания от моря, моряки стали строить мост на «шее» реки, где Истр разделяется на гирла. А Дарий,

¹ Об этом совете есть следующее упоминание в кн. VII, 10, в речи, вверяемой Геродотом в уста Артабана перед походом Ксеркса в Элладу: «Я и отцу твоему, а моему брату, Дарию говорил не итти походом на скифов, нигде на земле не имеющих городов; но он, надеясь покорить скифов-кочевников, не послушался меня и, двинувшись в поход, потерял много храбрых и вернулся ни с чем. Ты же, о царь, собираешься итти на народ, стоящий гораздо выше скифов» и т. д.

² [Халкедон, колония Мегары на малоазийском берегу Мраморного моря при входе в Боспор.]

³ [Кианеи—скалы при входе из Боспора в Черное море, которые у Гомера («Одиссея», XII, 61) названы «блуждающими».]

⁴ [Стадий Геродота равен 185 м. Оргий—сотая часть стадия. Термодонт—река в Малой Азии, ныне Терме-Чай. Фемискира—древнегреческий город при устье этой реки. Синдика—грекосиндский эмпорий и порт в районе современной Анапы.]

переправившись через Боспор по мосту, двинулся через Фракию и, пришедши к истокам реки Теара¹, стоял там лагерем три дня.

(Гл. 90 и 91 содержат описание р. Теара.)

92. Двинувшись оттуда, Дарий прибыл к другой реке, по имени Артеск, текущей через землю одрисов...²

93. Прежде, чем дойти до Истра, он, во-первых, покорил гетов³, верующих в бессмертие души. Фракийцы, владеющие Салмидессом и живущие выше городов Аполлонии и Месембрии⁴, именуемые кирмианами и нипсеями, без боя подчинились Дарию, а геты, самые храбрые и справедливые из фракийцев, необдуманно оказали сопротивление, но тотчас же были покорены.

(Гл. 94—96 содержат эпизод о Залмоксисе).

97. Когда Дарий прибыл с сухопутным войском к Истру, то здесь, после переправы всех войск, приказал ионийцам разрушить мост и следовать за ним по суше, равно как и морскому войску. Но, когда ионийцы уже готовились разрушить мост и таким образом исполнить приказание, митиленский военачальник Кой, сын Эрксандра, предварительно спросив Дария, угодно ли ему будет выслушать мнение человека, желающего его высказать, сказал ему следующее: «Царь, так как ты предпринимаяешь поход в такую страну, где не увидишь ни вспаханного поля, ни населенного города, то оставь этот мост стоять на месте, приставив к нему стражам тех, которые его построили. Если мы найдем скифов и наше предприятие окончится согласно с нашими желаниями, то у нас будет и обратный путь; если же мы не будем в состоянии их найти, то, по крайней мере, обратный путь у нас обеспечен: я не того боюсь, что мы потерпим поражение от скифов в открытом бою, а скорее того, что потерпим какие-либо невзгоды в блужданиях, не будучи в состоянии их найти. Быть может, кто-нибудь скажет, что я говорю это ради себя, чтобы остаться здесь; нет, государь, я высказываю то мнение, которое нахожу наиболее для тебя полезным, а сам последую за тобою и не желал бы остаться». Дарию очень понравился этот совет, и он ответил Кою следующее: «Любезный лисбиец, когда я благополучно вернусь домой, ты непременно явись ко мне, чтобы я отблагодарил тебя благодеяниями за твой полезный совет».

98. Сказав это и завязав на ремне 60 узлов, Дарий созвал ионийских тиранов и сказал им: «Ионийцы, высказанное раньше решение относительно моста отменяется, теперь возьмите этот ремень и поступите так: как только увидите, что я выступил против скифов, то, начиная с этого времени, развязывайте каждый день по одному узлу; если я не явлюсь назад в течение этого времени и пройдут все дни, обозначенные узлами, то плывите к себе на родину, пока же, по измененному таким образом решению, оберегайте мост, прилагая все старания к защите его и сохранению в целости; этим вы окажете мне большую услугу». Сказав это, Дарий двинулся вперед.

¹ [Теар—слияние рек Букердере и Симердере, по мнению Томашека (Die alten Thraker, II², стр 97),—речка Бунаг Гитсар, между Киркелиссой и Визой, вода которой пользуется славой целебной.]

² [Артеск—отождествляется с современной р. Теке. Одрисы—фракийское племя, по данным Фукидида, жившее во внутренней Фракии к северу от горного хребта Гемос (Балканы).]

³ [О гетах см. в прим. к II, 96 Фукидида.]

⁴ [Салмидесс, Аполлония и Месембрия—греческие города на фракийском побережье Черного моря.]

ОБЩЕЕ ОПИСАНИЕ СКИФИИ

(Гл. 99—101)

99. Фракия вдается в море более скифской земли; с залива, образуемого этою землею, начинается Скифия, и в нее вливается Истр, обращенный устьем к востоку. *Начиная* от Истра, я стану описывать приморскую часть самой скифской земли для ее измерения. От Истра уже начинается собственная (старая) Скифия, обращенная к полудню и ветру Ноту до города, называемого Каркинитидою¹; отсюда страну, прилежащую к этому же морю, гористую и выступающую в Понт, заселяет племя тавров до так называемого Скалистого полуострова; этот последний выступает в море, омывающее его с востока. Скифия с двух сторон ограничена морем, именно с юга и с востока, подобно Аттике. Тавры занимают часть Скифии, подобно тому, как если бы в Аттике не афиняне, а другой народ заселял Сунийский выступ, сильно выдающийся (мысом) в море, от Торики до дема Анафлиста; я сравниваю это, насколько можно сравнивать малое с великим. Такова Таврика; а кому не случалось оглядеть этой части Аттики, я разъясню иным способом: *следует представить себе*, что в Япигии не япиги, а другой народ отрезал бы себе землю, начиная от Брентезии до Тарента, и владел бы мысом. Представляя эти два *примера*, я мог бы указать много и других *стран*, на которые похожа Таврика.

100. За Таврикою, выше тавров и на побережье восточного моря живут уже скифы на западном берегу Боспора Киммерийского и Меотийского озера до реки Тапалса, которая впадает в *отдаленнейший* угол этого озера. А начиная от Истра, к северу по направлению внутрь материка, Скифия граничит сперва с агафирсами, затем с неврами, далее с андрофагами (людоедами) и, наконец, с меланхленами (черноризцами)².

101. Так как Скифия представляет четырехугольник, две стороны которого примыкают к морю, то линия, идущая внутрь материка, везде одинаковой длины с идущею вдоль моря: от Истра до Борисфена 10 дней пути и столько же от Борисфена до Меотийского озера; также и по направлению от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути; а дневной путь рассчитан у меня по 200 стадий. Таким образом, поперечные стороны Скифии имеют по 4000 стадий; такой же длины и продолжные стороны, идущие внутрь материка. Таков объем этой страны³.

ОБЫЧАИ НАРОДОВ, СОСЕДНИХ СО СКИФАМИ

(Гл. 102—109)

102. Скифы, рассудив, что они одни не в состоянии отразить полчища Дария в открытом бою, рассылали вестников к соседним народам. Цари последних уже *и без того* собрались на совещание ввиду вторжения огромного войска; в собрании участвовали цари тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов.

¹ [О Каркинитиде—см. прим. к фр. 153 Гекатея. Тавры—племя, населявшее горную часть Крыма. Скалистый полуостров—Керченский полуостров.]

² [Агафирсы—фракийское племя, жившее по Дунаю у Карпатских гор, позднее известное под именем даков. См. W. T o m a s c h e k, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden, SBAW, 1888, стр. 715, сл. Невры—см. прим. к кн. IV, 17. Андрофаги—племя, жившее на правом берегу Средней Волги, обычно локализируются на территории современной Мордвы. Меланхлены—см. прим. к кн. IV, 20.]

³ [Эти не совсем понятные рассуждения изображают искусственность геродотовых географических представлений, покоящихся в значительной степени на теоретических измышлениях.]

103. Тавры имеют следующие обычаи: они приносят в жертву Деве¹ потерпевших кораблекрушение и всех эллинов, кого захватят в открытом море, следующим образом: освятив жертву, ударяют ее дубиною по голове; одни говорят, что тело они сталкивают с крутизны (так как храм построен на скале), а голову насаживают на кол; другие же, сообщая то же самое относительно головы, утверждают, что туловище не сталкивается с крутизны, а зарывается в землю. Богиню, которой приносят такие жертвы, сами тавры называют Ифигенией, дочерью Агамемнона². С попавшими в их руки врагами они поступают так: каждый отрубает голову врага и уносит ее к себе домой, а затем, воткнув ее на длинный пест, ставит высоко над домом, чаще всего над дымовой трубой; они называют эти *головы* стражами всего дома, поднимающимися в воздухе; живут они грабежами и войною.

104. Агафирсы весьма изнежены и очень любят носить золотые украшения; женщины они пользуются сообща, чтоб быть друг другу братьями и, в качестве родственников, не питать друг к другу ни зависти, ни вражды. Остальные обычаи их сходны с фракийскими.

105. У невров обычаи скифские; за одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей; земля их произвела множество змей, а еще больше явилось их сверху из пустынных земель, пока одолеваемые ими невры не поселились вместе с будинами, покинув свою родину. Можно думать, что эти люди колдуны: по крайней мере, по словам скифов и живущих в Скифии эллинов, каждый невр ежегодно по разу на несколько дней становится волком и затем опять принимает прежний вид³. Мне не верится, чтобы эти рассказы были справедливы, но тем не менее так говорят и даже под клятвою.

106. Из всех людей андрофаги имеют наиболее дикие нравы: они не признают правды и не имеют никаких законов. Они ведут кочевую жизнь, носят одежду, похожую на скифскую, но имеют особый язык; они одни из этих *племен* едят людей.

107. Меланхлены все носят черные одежды, от которых и произошло их название, а образ жизни у них скифский.

108. Будины—большое и многочисленное племя, все голубоглазы и рыжеволосы. В их земле есть деревянный город, по имени Гелон; городская стена с каждой стороны имеет в длину 30 стадий; она высока и вся построена из дерева; дома их и храмы тоже деревянные. Там есть святилища эллинских богов, по-эллински снабженные кумирами, жертвенниками и деревянными храмами, и в честь Диониса они через каждые два года совершают празднества с оргиями. Дело в том, что гелоны—по происхождению эллины, выселившиеся из торговых городов и поселившиеся в земле будинов; говорят они то по-скифски, то по-эллински⁴.

¹ [О таврах—см. прим. к параграфу 99 кн. IV. Дева—т. е. богиня-дева, которую обычно отождествляют с греческой Артемидой.]

² [Миф об Ифигении, принесенной царем Агамемноном в жертву богам в Авлиде, спасенной Артемидой и перенесенной ею в Тавриду, в качестве жрицы (или, как у Геродота, в качестве ипостаси самой Артемиды), получил отражение в драмах Эврипида: «Ифигения в Авлиде» и «Ифигения в Тавриде». О культе Ифигении в Северном Причерноморье см. И. И. Толстой, «Остров Белый и Таврика на Эвксинском Понте», П., 1918.]

³ [О неврах см. прим. к параграфу 17 кн. IV. Некоторые комментаторы видят в рассказе о превращении невров в волков отображение религиозных обрядов, родственных римским луперкалиям. С другой стороны, легенды об оборотнях широко распространены у различных народов, в том числе и в Европе.]

⁴ [О будинах—см. прим. к параграфу 21. Гелоны—племя, близкое будинам, возможно, что и не только географически, несмотря на все указываемые Геродотом несходства. У Псевдо-Скилака в древнейшей части Перипла (§ 80) гелоны вместе с меланхленами указываются на Кавказе. Позднее гелоны, подобно неврам, переселились к северу, на территорию будинов, где их и указывают, вместе с последними, также

109. Будины говорят не на одном языке с гелонами, и образ жизни их не одинаков: будины, исконные обитатели страны, ведут кочевой образ жизни и одни из местных племен питаются сосновыми шишками, а гелоны, *напротив*, занимаются земледелием, питаются хлебом, имеют сады и несколько не похожи на будинов ни сложением, ни цветом кожи. У эллинов, правда, и будины называются гелонами, но это неправильно. Вся их страна покрыта разнообразными лесами; в самом большом лесу есть большое и многоводное озеро, окруженное трясинною и тростником. В нем ловятся выдры, бобры и другие звери с четырехугольными мордами, их меха употребляются на опушку кафтанов, а шулята с пользою употребляются для лечения маточных болезней.

ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ САВРОМАТОВ

(Гл. 110—117)

110. О савроматах рассказывают следующее: когда эллины вступили в борьбу с амазонками (амазонок скифы называют *Οἰρπαιτι*; это название в переводе на эллинский язык значит «мужеубийцы», так как *οἶρ* значит «муж», а *παιτῖ* «убивать»), то, как гласит предание, эллины, победив их в сражении при Термодоне, отплыли обратно, везя с собою на трех судах амазонок, которых им удалось захватить в плен. Последние в открытом море напали на мужчин и изрубили их; но они не знали судов и не умели обращаться ни с рулем, ни с парусами, ни с веслами и поэтому после избиения мужчин, стали носиться по волнам по воле ветра и прибыли к Кремнам на Меотийском озере: эти Кремны лежат в земле свободных скифов. Сойдя здесь с судов, амазонки отправились в обитаемую *местность*; встретив первый табун лошадей, они захватили его, сели на лошадей и стали грабить владения скифов.

111. Скифы не могли объяснить себе случившегося, так как не знали ни их языка, ни одежды, ни народностей и недоумевали, откуда они взялись; они приняли амазонок за мужчин одинакового возраста и вступили с ними в битву. В битве скифы овладели трупами *амазонок* и таким образом узнали, что они—женщины. Тогда скифы на совете порешили никоим образом не убивать более амазонок, а послать к ним самых младших из своей среды, приблизительно в таком числе, сколько было амазонок; юношам приказано было стать лагерем по соседству с ними и делать все, что они будут делать, а в случае преследования с их стороны не вступать с ними в сражение, но убегать; когда же они прекратят *преследование*,—возвратиться и расположиться лагерем по соседству. Так решили на совете скифы, желая иметь детей от этих женщин.

112. Посланные юноши стали исполнять приказание; амазонки, заметив, что они пришли без всякого злого умысла, оставляли их в покое; с каждым днем оба лагеря все более и более сближались. Юноши, подобно амазонкам, ничего не имели с собою, кроме оружия и лошадей, и потому вели одинаковый с ними образ жизни, занимаясь охотою и грабежом.

113. Около полудня амазонки делали следующее: они расходились по одной или по две, отходя далеко друг от дружки для естественной надобности. Заметив *это*, скифы стали делать то же самое; один из них приблизился к одной из уединившихся амазонок; последняя не оттолкнула его и отдалась ему без сопротивления. Она не могла с ним говорить,

и римские авторы. Описание города Гелона живо напоминает древние городища дяковско-ананьинского типа. Религиозные обряды, близкие дионисийским, также не чужды древнеславянским и некоторым другим племенам средней и северной Европы. См. Tomaschek, SBAW, 1888, стр. 715 сл.]

так как они не понимали *языка* друг друга, и *потому* указала ему рукою на следующий день прийти на то же место и привести с собою еще другого, знаками показывая, чтобы их было двое и что она также приведет другую. Юноша, удалившись от нее, рассказал об этом товарищам. На другой день он сам явился на то же место и привел с собою другого; он застал амазонку вместе с другою уже поджидающими. Остальные юноши, узнав об этом, также приманили к себе прочих амазонок.

114. После этого они соединили свои лагери и зажили вместе, причем каждый юноша имел женою ту, с которою впервые вступил в связь. Мужчины не могли научиться языку женщин, но женщины переняли язык мужчин. Когда они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: «У нас есть родители, есть и имущество, не будем же дольше вести такую жизнь, но вернемся в наше общество и будем жить в нем; женами нашими будете вы и никакие другие женщины». Но амазонки возразили на это следующее: «Мы, пожалуй, не уживемся с вашими женщинами, так как у нас не одинаковые с ними обычаи: мы стреляем из луков, бросаем дротики, ездим верхом, а женским работам не обучены, тогда как ваши женщины ничего не делают из того, что мы перечислили, а занимаются женскими работами; они постоянно сидят на повозках, не ходят на охоту и вообще никуда не показываются; стало быть, нам с ними не поладить. Но если вы хотите иметь нас своими женами и показаться честными людьми, то пойдите к вашим родителям, возьмите свою долю имущества, затем вернитесь к нам и будем жить сами по себе»¹.

115. Юноши послушались их совета и поступили согласно с ним. Когда же они, получив следовавшую им долю имущества, явились обратно к амазонкам, жены сказали им следующее: «Нам делается боязно и страшно при мысли о том, как нам жить в этих местах, с одной стороны, потому, что мы отняли у вас отцов, а с другой потому, что сильно разорили вашу страну; но так как вы желаете иметь нас своими женами, то вместе с нами сделайте следующее: снимемся с этой земли, переправимся за реку Танаис и там поселимся».

116. Юноши и на это согласились; переправившись через Танаис, они шли к востоку три дня спустя от Танаиса и три же от озера Меотиды к северу². Пришедши таким образом в местность, которую занимали и теперь, они поселились там. Отсюда савроматские женщины истари ведут свой образ жизни: они ездят верхом на охоту с мужьями и без них, выходят на войну и носят одинаковую с мужчинами одежду.

117. Савроматы говорят на скифском языке, но издревле искаженном, так как амазонки не вполне его усвоили. Относительно браков соблюдается у них следующее правило: ни одна девушка не выходит замуж, пока не убьет врага; некоторые из них и умирают в старости безбрачными, потому что не могли выполнить этого требования³.

¹ [Распространение мифа об амазонках на савроматов произошло, несомненно, в связи с теми чертами их общественного строя, которые позволили Эфору назвать савроматов «управляемыми женщинами» (ὑποθηκιστῶν, FHG I, 258), а современных исследователей заставляют говорить о пережитках матриархата, наблюдающихся, по Геродоту, и у других азиатских племен (исседоны—IV, 26). Подобные же обычаи засвидетельствованы для ряда малоазийских племен: карийцев, лидийцев, ликийцев, что и породило, конечно, самый миф об амазонках—племени воинственных женщин, локализуемом на р. Термодонте в Каппадокии. Этимология скифского имени амазонок, приводимая здесь Геродотом (гл. 110), равно как и этимология имени «аримаспы», истолкованию не поддается.]

² [По Геродоту, следовательно, Азовское море тянется к востоку от устья р. Дона на три дня пути, т. е. на 600 стадий.]

³ [По Гиппократу (de aëribus etc., 24), савроматская девушка должна убить до замужества трех врагов, а замужние женщины сражаются лишь в случае крайней необходимости.]

ДАРИЙ В СКИФИИ

(Гл. 118—120, 122—143)

118. Скифские вестники, придя к собравшимся царям перечисленных выше народов¹, сообщили им, что царь персидский, все подчинив своей власти на другом (т. е. азиатском) материке, построил мост на шее Боспора и перешел на этот материк, а перейдя и покорив фракийцев, наводит мост через реку Истр, желая все подчинить себе и по сю сторону реки. «Итак, никоим образом не оставайтесь безучастными и не дайте нам погибнуть, но единодушно встретим наступающего *врага*. Не сделаете вы этого,— и мы, теснимые *врагами*, или покинем страну, или, оставшись в ней, покоримся им: ведь что же нам делать, если вы не захотите нам помочь? а вам от этого ничуть не будет легче: ведь царь персидский столько же идет на нас, сколько и на вас, и, покорив нас, не захочет и вас оставить в покое. Мы дадим вам важное свидетельство *в пользу* наших слов: если бы персидский царь предпринял поход против нас одних, желая отомстить за прежнее порабощение *персов*, то ему следовало бы оставить всех других в покое и направиться прямо на нашу землю; *этим* он показал бы всем, что идет против скифов, а не против других. Между тем, с тех пор как он вступил на наш материк, он покоряет всех попадающихся *ему* на пути и вот уже подчинил себе как остальных жителей Фракии, так и наших соседей гетов».

119. Вследствие такого заявления скифов сошедшиеся от народов цари стали совещаться *между собою*, и мнения их разделились: цари гелонский, будинский и савроматский единодушно обещали помочь скифам, а цари агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров дали скифам следующий ответ: «Если бы не вы первые обидели персов и не начали войны с ними, то ваша нынешняя просьба показалась бы нам основательною и мы, выслушав ее, стали бы действовать с вами заодно; но вы без нас вторглись в страну персов и властвовали над ними столько времени, сколько дало вам божество; и вот они, по внушению того же божества, платят вам тем же². Что же касается нас, то мы ни тогда ничем не обидели этот народ, ни теперь не станем первые обижать его; если враг ворвется и в нашу землю и первый обидит нас, тогда и мы не стерпим этого; но, пока этого не увидим, мы останемся в нашей земле; нам кажется, что персы пришли не против нас, а против виновников *нанесенной* им обиды».

120. Скифы, выслушав принесенный им ответ, решили на совете все не давать сражения в открытом поле ввиду того, что соседи не вступили с ними в союз, но, разделившись на два отряда, отступать со своими стадами, засыпая попадающиеся на пути колодцы и источники и истребляя на земле травы. К одной из этих частей, во главе которой стал царь Скопасис, должны были присоединиться савроматы: они в случае, если бы персидский царь обратился в их сторону, должны были убегать прямо к реке Танаису вдоль озера Меотиды, а в случае отступления персидского царя—перейти в наступление и преследовать его. Это была одна часть населения скифского царства, поставленная на вышеозначенном пути, а две *другие части* царских скифов—большая под начальством Иданфиса и третья, подчиненная Таксакису,—сойдясь вместе и соединившись с гелонами и будинами, должны были отступать, опережая персов также на день пути, не поддаваясь им и вообще действовать согласно принятому плану. Сначала они должны были идти прямо по направлению к тем землям, которые отказывали им в союзе, с целью вовлечь и их в войну: если

¹ См. гл. 102.

² О вторжении скифов в Азию см. кн. I 103—106.

они не пожелали бы добровольно воевать с персами, то втянуть их в войну поневоле. Затем они должны были вернуться в свою *страну* и напасть на *врагов*, если так решено будет на совете.

121. Приняв такой план, скифы выступили навстречу войску Дария, выслав вперед самых лучших всадников; а повозки, в которых жили у них дети и жены, и все стада, за исключением оставленного при себе такого количества, какое было необходимо для пропитания,—все остальное они отослали вместе с повозками, с приказанием двигаться постоянно на север.

122. Итак, все это было выслано вперед; передовой же отряд скифов, встретив персов на расстоянии около трех дней пути от Истра, располагался лагерем на день пути впереди, истребляя всю растительность. Персы, заметив появление скифской конницы, шли по ее следам, причем она постоянно отступала. Затем персы, так как они напали на один из трех отрядов скифов, преследовали их по направлению к востоку и Танаису. Когда скифы перешли реку Танаис, персы тоже перешли ее вслед за ними и продолжали преследование, пока не достигли владений будинов, пройдя землю савроматов.

123. В продолжение своего пути через Скифию и Савроматию персы ничего не находили для разорения, так как страна была *заранее* опустошена; когда же они вторглись в землю будинов, то встретили здесь на своем пути деревянное укрепление, покинутое будинами и совершенно ими очищенное, и сожгли его. После этого они продолжали свое наступательное движение по следам *скифов*, пока не вступили в пустыню, пройдя страну будинов. Эта пустыня, совершенно необитаемая, лежит выше земли будинов и тянется на семь дней пути. Над пустыней живут фиссагеты¹, а из земли их четыре большие реки текут через землю меотов и впадают в озеро, называемое Меотидою; имена их следующие: Лик, Оар, Танаис и Сиргис².

124. Дарий, пришедши в пустыню, приостановил свое *наступательное* движение и расположился с войском у реки Оара. После этого он стал строить восемь больших стен на одинаковом расстоянии одну от другой, приблизительно стадий на 60; остатки их уцелели и до моего времени. Пока Дарий занимался этим, преследуемые скифы, обойдя кругом *по землям, лежащим* выше, вернулись в Скифию. Так как они совершенно исчезли из виду и больше не показывались персам, то Дарий оставил свои стены возведенными до половины, повернул назад и пошел к западу, думая, что это—все скифы и что они бегут к западу.

125. Идя с войском чрезвычайно быстро, Дарий прибыл в Скифию и здесь встретил обе *другие* части скифов; встретившись, он погнался за ними, а они все шли на один день пути впереди; и так как Дарий шел за ними неотступно, то скифы, согласно принятому решению, убегали в земли народов, отказавших им в союзе, именно прежде всего в землю меланхленов. Скифы и персы, вторгнувшись сюда, привели народ в расстройство, а затем скифы завели *персов* во владения андрофагов; приведя этих в расстройство, скифы отступили в Невриду, а потом, расстроив и этих, бежали к агафирсам. Агафирсы, видя, что и их соседи в смятении бегут от скифов, послали к ним, прежде чем они вторгнулись в их пределы, глашатая с требованием не вступать в их пределы, предупреждая, что в случае попытки ворваться им придется прежде всего выдержать битву с ними. Объявив это, агафирсы выслали войско на свои границы, имея

¹ [О фиссагетах см. выше в гл. 22 в прим. к этому месту]

² [Оар—Волга. Сиргис, вероятно, соответствует Иргису, упомянутому в параграфе 57 и отождествляемому с Донцом. Это чтение и предлагает Schaefer.]

в виду отразить наступающих. Меланхлены, андрофаги и невры при вторжении персов вместе со скифами не обратились к силе оружия, забыли свои угрозы и в смятении бежали все дальше к северу, в пустыню. А скифы не вступили уже в землю агафирсов, под страхом их угрозы, и из Невриды повели за собою персов в свою землю.

126. Так как это *скитание* тянулось долго и ему не предвиделось конца, то Дарий послал к скифскому царю Иданфирсу всадника со следующим предложением: «Чудак, зачем ты все убегаешь, хотя можешь прибегнуть к одному из следующих двух средств: если ты считаешь себя в силах противостоять моему могуществу, то остановись, прекрати свое блуждание и сразись со мной; если же признаешь себя слабее, то также остановись в своем бегстве и приди для переговоров к своему владыке с землею и водою».

127. На это царь скифов, Иданфирс, ответил следующее: «Узнай, перс, каков я: и прежде никогда не убегал я из страха ни от кого из людей, и теперь не бегу от тебя: ныне я не сделал ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делают в мирное время; а почему я не тороплюсь сражаться с тобою, я и это тебе объясню: у нас нет ни городов, ни засеянной земли, из-за которых мы поспешили бы драться с вами из боязни, чтобы они не были взяты или опустошены. Если бы нужно было во что бы то ни стало ускорить бой, то у нас есть могилы предков: вот попробуйте разыскать их и разорить,—тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за гробниц, или не станем; раньше мы не сразимся, если нам не заблагорассудится. Это относительно сражения; владыками же своими я признаю только Зевса, моего предка, и Гестию, царицу скифов. А тебе вместо даров земли и воды я пошлю такие дары, какие приличествует тебе получить; наконец, за то, что ты назвал себя моим владыкою, ты мне заплатишься». (Таково было слово скифов.)

128. Глашатай отправился с таким ответом к Дарию, а скифские цари, услышав слово «рабство», пришли в негодование и послали часть, соединенную с савроматами и находившуюся под начальством Скопасиса, для переговоров с теми ионийцами, которые сторожили мост на Истре, а оставшиеся на месте решили не водить более персов, а нападать на них всякий раз, как они будут заняты добыванием провианта. Итак, подстерегая, когда воины Дария выходили за провиантом, они поступали согласно решению. Скифская конница всегда обращала в бегство персидскую; всадники персидские, спасаясь бегством, настигали пехоту, которая и подкрепляла их; а скифы, прогнав конницу, поворачивали назад из боязни пехоты; подобные нападения скифы совершали и по ночам.

129. Обстоятельство, помогавшее персам и препятствовавшее скифам, нападавшим на войско Дария, может показаться чрезвычайно странным: это был крик ослов и вид мулов. Дело в том, что в скифской земле не могут жить ни ослы, ни мулы, как сказано мною выше¹; и вообще во всей Скифии вследствие холодов вовсе нет ни ослов, ни мулов. И вот ослы своим громким криком приводили в смятение скифскую конницу: часто во время нападения на персов скифские лошади, чуть слышат ослиный рев, в испуге оборачивались и выказывали беспокойство, наострив уши, так как раньше не слыхивали таких звуков и не видывали подобных животных. Впрочем это обстоятельство мало помогало персам на войне.

130. Скифы при всяком замеченном ими замешательстве у персов употребляли следующую хитрость для того, чтобы они как можно дольше оставались в Скифии и при этом мучились, терпя во всем крайнюю нужду: они оставляли часть своих стад вместе с пастухами, а сами переходили

¹ См. кн. IV, 28.

в другое место; тогда персы, сделав набег, захватывали стада и при *каждом* захвате гордились своим подвигом.

131. Это случалось часто, пока, наконец, Дарий не оказался в затруднительном положении. Заметив это, скифские цари послали глашатая поднести Дарию дары: птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца о значении этих даров, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвратиться, и предложил самим персам, если они догадливы, объяснить себе значение этих даров. Персы, услышав это, стали совещаться.

132. Дарий высказал мнение, что скифы отдаются в его власть сами с землею и водой, заключая *так* потому, что мышь живет в земле и питается тем же плодом *земным*, каким и человек, лягушка *живет* в воде, птица более всего походит на лошадь, а под видом стрел они передают-де ему свою военную силу. Такое мнение было высказано Дарием; противоречило этому мнению объяснение Гобрия, одного из семи лиц, участвовавших в низвержении мага; он толковал смысл даров так: «Если вы, персы, не улетите в небеса, превратившись в птиц, или не скроетесь в землю подобно мышам, или не прыгнете в озера, превратившись в лягушек, то не возвратитесь назад, будучи поражены этими стрелами»¹.

133. Так персы разгадывали смысл даров. *Между тем* одна часть скифов, *именно* та, которая сначала была поставлена на страже у озера Меотиды, а затем *отправлена* к Истру для переговоров с ионийцами, по прибытии к месту заявила им следующее: «Ионийцы, мы принесли вам свободу, если только вы захотите нас выслушать. Мы слышали, что Дарий приказал вам сторожить мост только 60 дней и, если он в течение этого срока не явится, возвратиться на родину. Теперь вы не провинитесь ни перед ним, ни перед нами, если поступите следующим образом: подождите назначенное *число* дней, а затем отправляйтесь *на родину*». Ионийцы согласились сделать это, и скифы немедленно поспешили обратно.

134. *Между тем* после поднесения даров Дарию оставшиеся в *своей* земле скифы, пешие и конные, выстроились против персов для боя; когда они *уже* стояли в боевом порядке, *вдруг* между ними проскочил заяц; скифы, чуть заметили его, бросились за ним в догонку. Когда у них поднялась суматоха и крики, Дарий спросил *о причине* тревоги среди неприятелей. Узнав, что они гоняются за зайцем, он сказал лицам, которым обыкновенно сообщал свои мысли: «Эти люди относятся к нам с большим пренебрежением, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно объяснил смысл скифских даров. Положение дела и мне самому представляется уже таким и потому следует хорошенько обсудить, как нам обеспечить себе возвращение». На это Гобрий ответил: «Царь, недоступность этих людей была мне приблизительно известна по слухам, а на месте я еще более убедился в ней, видя, как они издеваются над нами. Поэтому теперь я полагаю, что лишь только наступит ночь, нам следует зажечь огни, как мы обыкновенно это делаем, обмануть тех из наших людей, которые наиболее слабы для перенесения лишений, привязать всех ослов и отступить, пока еще и скифы не поспешили к Истру с целью разрушить мост или ионийцы не приняли какого-нибудь решения, которое могло бы нас погубить».

135. Таков был совет Гобрия. Затем наступила ночь, и Дарий стал приводить его в исполнение; людей слабых и таких, гибель которых была наименее чувствительна, а также всех ослов на привязи он оставил на месте в лагере; ослов он оставил для того, чтобы они ревели, а люди были оставлены по причине их слабости, но, разумеется, под следующим предлогом:

¹ [Этот же анекдот приводится современником Геродота Ферекидом (фр. 113, см. ниже) с некоторыми вариантами и дополнениями.]

сам он с отборными силами будто бы вознамерился напасть на скифов, а слабосильные в это время должны были охранять лагерь. Отдав такие приказания оставшимся, Дарий велел зажечь огни и немедленно поспешил к Истру. Ослы, отделенные от войска, начали реветь гораздо громче обыкновенного; скифы же, слыша рев ослов, были вполне уверены, что персы стоят на месте.

136. С наступлением дня покинутые персы, поняв, что они преданы Дарием, простирали к скифам руки и обращались с приличными *их положению речами*. Скифы, услышав это, поспешно собрались вместе, именно две части их самих и третья вместе с савроматами, будинами и гелонами и пустились в погоню за персами прямо к Истру. Так как персидское войско состояло главным образом из пехоты и не знало дорог, которые, *впрочем*, и не были наезжены, а скифское войско было конное и знало кратчайшие пути, то *скифы и персы* миновали друг друга, и скифы достигли моста гораздо раньше персов. Узнав, что персы еще не пришли, они обратились к ионийцам, находившимся на судах, со следующими словами: «Ионийцы, уже прошло назначенное вам число дней, и вы поступаете неблагоразумно, оставаясь здесь; если прежде вы оставались из страха, то теперь уничтожьте переправу и в добрый час уходите поскорее свободными, благодаря богов и скифов; вашего же прежнего повелителя мы поставим в такое положение, что он больше ни на кого не двинется войною».

137. По этому поводу ионийцы устроили совещание. Афинянин Мильтиад, бывший вождем и тираном херсонесцев, живущих на Геллеспонте¹, советовал послушаться скифов и освободить Ионию; его мнению противоположно было мнение милетянина Гистиея², который говорил, что в настоящее время, благодаря Дарию, каждый из них владеет городом, а в случае падения могущества Дария как он сам не будет в состоянии сохранить власть над милетянами, так и никто другой ни над кем, так как каждый город предпочтет народное правление господству тирана. Когда Гистией высказал такое мнение, все тотчас присоединились к нему, хотя раньше согласились было с мнением Мильтиада³.

(Гл. 138—перечень подавших голоса на этом совете).

139. Приняв мнение Гистиея, тираны решили дополнить его следующими действиями и речами: разрушить часть моста со стороны скифов и притом *только* на расстоянии выстрела из лука, для того чтобы казалось, что они кое-что сделали, между тем как *на самом деле* они ничего не делали, а также для того, чтобы скифы не попытались прибегнуть к силе [и не пожелали перейти по мосту через Истр]; *решено было также* сказать им при уничтожении обращенной к Скифии части моста, что они сделают все, что приятно скифам. Вот чем они дополнили совет Гистиея; после *этого* Гистией от имени всех сказал в ответ *скифам*: «Вы, скифы, пришли с благим советом и попали *как раз* во-время; вы дадите нам хорошие указания и за это с нашей стороны найдете готовность *хорошо* служить вам:

¹ [Херсонес на Геллеспонте—Херсонес Фракийский (ныне Галлиполийский полуостров). О Мильтиаде младшем (одном из вождей ионийского восстания и победителе при Марафоне)—см. у Геродота в кн. VI, 39 сл.]

² [О Гистиее—тиране Милета и вожде ионийского восстания—см. у Геродота в кн. VI, 1 сл.]

³ Ср. об этом речь Артабана (VII, 10): «Я предполагаю это вовсе не собственным умом, припоминаю, какое бедствие едва не постигло нас, когда отец твой, соединив мостом Боспор фракийский и наведя мост на реке Истре, переправился против скифов. Тогда скифы всячески упрашивали ионийцев, которым было поручено охранять мосты на Истре, уничтожить переправу. И если бы тогда Гистией, тиран милетский, последовал мнению прочих тиранов и не воспротивился, то персидское могущество погибло бы. Странно даже слышать, что вся судьба царя была в руках одного человека!» Ср. также VI, 52.

как видите, мы уничтожаем переправу и приложим все старания к тому, чтобы быть свободными. Пока мы заняты снятием моста, вам пора искать персов и, нашедши, отплатить им и за нас и за себя, как они того заслуживают».

140. Скифы, вторично поверив, что ионийцы говорят правду, повернули назад для разыскания персов, но никак не могли напасть на их дорогу. В этом были виноваты сами скифы, так как они уничтожили пастбища для лошадей в этой местности и засыпали источники; не сделай они этого, легко можно было бы отыскать персов, если бы захотели; а теперь они потерпели неудачу вследствие именно той меры, которая представлялась им самою полезною. Дело в том, что скифы искали врагов, идя по той *части* своей страны, в которой был и корм для лошадей и вода, в полной уверенности, что и те отступают по таким местам; между тем персы придерживались на обратном пути проложенных ими раньше следов и *только* таким образом нашли место переправы, да и то с трудом. Добравшись до *моста* ночью и найдя его снятым, они пришли в сильное беспокойство, не покинули ли их ионийцы.

141. В свите Дария был один египтянин, обладавший чрезвычайно громким голосом; этому человеку Дарий приказал стать на берегу Истра и кликнуть Гистиея милетянина; так он и сделал. Гистией, услышав первый же зов его, доставил все суда для переправы войска и *снова* навел мост.

142. Так спаслись персы. Скифы в своих поисках и во второй раз не нашли персов и, с одной стороны, смотря на ионийцев, как на *людей* свободных, считают их самыми жалкими трусами, с другой же, смотря на них как на рабов, называют их весьма преданными господам и несклонными к побегу. Таковы отзвывы скифов об ионийцах.

143. Дарий на пути через Фракию прибыл в Сест на Херсонесе и отсюда сам переправился на кораблях в Азию, а в Европе оставил полководцем перса Мегабаза с восемью мириадами своего войска.

11. ВТОРЖЕНИЕ СКИФОВ В ХЕРСОНЕС ФРАКИЙСКИЙ

VI, 40. Этот Мильтиад, сын Кимона, недавно прибыл на Херсонес, и, по прибытии, его постигла другая беда, тяжелее прежних несчастий: за два года до этого он бегством спасся от скифов. Дело в том, что раздраженные царем Дарием скифы-кочевники собрались в поход и дошли до этого Херсонеса. Мильтиад, не дождавшись их нашествия, бежал из Херсонеса и *жил вне его*, пока не удалились скифы и долонки не возвратили его назад.

12. ИЗ РАССКАЗОВ О ПРИЧИНАХ УМОПОМЕШАТЕЛЬСТВА КЛЕОМЕНА I, ЦАРЯ СПАРТАНСКОГО

VI, 84. Сами спартиаты говорят, что Клеомен¹ впал в умопомешательство вовсе не по воле божества, но что вследствие общения со скифами он стал пить цельное (т. е. не смешанное с водою) вино и от этого сошел с ума. Именно скифы-кочевники, после того как Дарий вторгся в их страну, возымели-де желание отомстить ему и, отправив *послов* в Спарту, предлагали союз и уговаривались, что самим скифам нужно пытаться вторгнуться в Мидию вдоль реки Фасиса, а спартиатам предлагали двинуться из Ефеса в глубь *Малой Азии* и затем сойтись с ними в одно место. Говорят, что, когда скифы пришли с этой целью в *Спарту*, Клеомен слишком часто бывал в их обществе и, дружа с ними более чем следовало, научился

¹ Клеомен—спартанский царь, живший в конце VI—начале V в. до н. э.

от них пить цельное вино; от этого, как полагают спартиаты, он и сошел с ума. С тех пор, как они сами говорят, когда захотят выпить менее разбавленного вина, то употребляют слово «подскифъ» (налей по-скифски).

13. СРАВНЕНИЕ ВЕЛИЧИНЫ КСЕРКСОВЫХ ПОЛЧИЩ С ПРЕЖНИМИ

VII, 20. Это войско (Ксеркса) оказалось гораздо более многочисленным, чем все известные нам войска, так что в сравнении с ним оказывается ничтожным и войско Дария, *ходившее* на скифов, и скифское, когда скифы, преследуя киммерийцев и вторгнувшись в Мидийскую землю, покорили и заняли почти всю верхнюю Азию, за что *именно* впоследствии Дарий и хотел их наказать.

14. ИЗ ОПИСАНИЯ НАРОДОВ, УЧАСТВОВАВШИХ В ПОХОДЕ КСЕРКСА

(VII, 62, 78—79)

62. Мидяне имели предводителем ахеменида Тиграна; они в старину у всех назывались ариями, когда же колхидянка Медея прибыла из Афин к этим ариям, и они переменили свое имя; так говорят о себе сами мидяне.

78. Мосхи¹ имели на головах деревянные шапки, а *оружием им служили* небольшие щиты и копья; наконечники *на копьях* были большие. Тибарены, макроны и моссиники шли в поход, вооруженные подобно мосхам. Предводительствовали ими следующие начальники: мосхами и тибаренами Ариомард, сын Дария и Пармии, дочери Смердиса, сына Кира, а макронами и моссиниками Артаикт, сын Херасмия, который управлял Сестом, что на Геллеспонте.

79. Мары² имели на головах туземные плетеные шлемы и *вооружены были* небольшими кожаными щитами и дротиками. Колхи³ на головах носили деревянные шлемы и имели небольшие сыромятные щиты и короткие копья, а кроме того ножи. Над марами и колхами начальствовал Фарандат, сын Теаспия. Алародии и саспиры шли вооруженные, подобно колхам; над ними начальствовал Масистий, сын Сиромитра.

¹ [Мосхи—западнокавказское племя, в VI—IV вв. до н. э. жившее на территории южной Колхиды. Ассирийские источники именуют их «мухи» и свидетельствуют о них как об одном из ранних государственных образований, возникших на развалинах Хеттской державы. На ту территорию, где их застают, уже в упадке, греческие источники, их отбросил Тиглат-Паласар I в 1110 г. до н. э.]

Тибарены—племя на южном берегу Черного моря в турецкой Армении, соседящее с мосхами. Главным их поселением считалась Котиора.

Макроны—значительное, считавшееся весьма воинственным, племя на юго-восточном берегу Черного моря, граничившее с колхами и в более позднее время (при Страбоне) называвшееся саннами.

Моссиники—западнокавказское племя, жившее в горных лесах, граничившее с тибаренами и халибами, у которых при Ксенофоне (Анаб. V, 5, 1) последние находились в подчинении. Жили они на высоких холмах в башнеобразных жилищах, откуда и производят их племенное наименование. Ср. H a r d t h a u s e n, Transcaucasia, 1854, стр. 424 сл.].

² [Мары—незначительное племя на западном Кавказе, соседящее с тибаренами и моссиниками, вместе с которыми они и входили при Дарии I в состав XIX сатрапии (Геродот, III, 94).]

³ [О колхах—см. в прим. к кн. IV, 37. Алародии—одно из западнокавказских племен, населявших горные местности турецкой Армении. О саспирах см. в прим. к кн. IV, 37.]

НЕИЗВЕСТНАЯ ЭПИГРАММА

(ΕΠΙΓΡΑΜΜΑ ΑΙΗΛΟΝ).

Anth. Palat., IX, № 703. Anth. gr. ed. Jacobs, II, 224=Anth. Pal. ed. Dübner II, 143

Истоки реки Теара¹ доставляют более здоровую и лучшую воду, чем все другие реки; и к ним прибыл, ведя войско против скифов, муж лучший и храбрейший из всех людей, Дарий, сын Гистаспа, царь персов и всего материка.

ХЕРИЛ САМОССКИЙ

Эпический поэт, младший современник и почитатель Геродота. Написал поэму «Персеида» или «Персика» (по Геродиану), главным содержанием которой была победа афинян над Ксерксом.—Собрание свидетельств о нем и отрывков—*Chœroglisi Samii quæ supersunt*, coll. Naeke, Leipzig, 1817.

Фр. 3. (см. Strab. VII, 309) «и пастухи овец саки, родом скифы, населяли они богатую пшеницей Азию; конечно, были они выходцами из земли номадов, справедливых людей».

АХЕИ

Трагик, родом из Эретрии, родился в 74 олимп. (484/1 г. до н. э.), умер, вероятно, раньше 406 г., написал, по одному свидетельству, 44 драмы, по другим, 30 или 24, из которых нам известны по заглавиям 19. Собрание отрывков: *Ulrichs, Achaei Eretr., quæ supersunt collecta et illustrata*, Bonn, 1834; Nauck, TGF, I, стр. 746—759.

«Э ф о н» (Αἴθων), фр. 9. См. Athen. X, 29 (p. 427c.)

Не слишком ли много подмешано Ахелоя?

Б. Этого даже полизать нельзя роду.

А. Итак прекрасно вести... Скифу выпить.

Строку 3 Мейнеке исправляет: *καλῶς μὲν οὖν ἐχέεις* (sic) *Σκόβη πιεῖν*; *καλῶς μὲν οὖν ἄρα ἂν ἦν Σκόβη πιεῖν* (т. е. прекрасно ведь много, как скифу, пить) исправляет Р. Метнер. Иначе поступает F. G. Schmidt, *Krit. Studien*, 3, стр. 5 сл., который *σκόβη* обращает в *σκόρη* (чаши) (Наук).

КСАНФ

Уроженец лидийский, один из младших логографов, написал в царствование персидского царя Артаксеркса I (465—425 гг. до н. э.) «О Лидии» в 4 книгах.—Собрание отрывков—Мюллер, FHG, т. I, стр. 36—44. Ср. A. Schaefer, *Quellenkunde*, стр. 12; В. Шеффер, *Очерки греческой историографии*, вып. I, Киев, 1884, стр. 4 сл.

„О Лидии“, Фр. 3. См. Strab. I, 3, 4.

ЭВРИПИД

Третий из знаменитейших трагиков, родился в 480, умер в 406 г. до н. э. Тенст: *Euripidis tragoediae ex recensione A. Nauckii, Lipsiae, ap. Teubnerum*, для отрывков—Nauck, TGF². Новое издание Веклейна (*Wecklein*), 1900.

«АЛКЕСТИДА»

(ΑΛΚΗΣΤΙΣ)

В стих. 980 упоминается о «железе в стране халибов».

¹ [О реке Теар см. в прим. к кн. IV, 89 Геродота.]

«АНДРОМАХА»

(AN DROMACH)

Ст. 1260—1262

Ты увидишь любезнейшего тебе и мне сына Ахилла, обитающим в островном доме на Белом берегу¹ внутри Эвксинского моря...

«НЕИСТОВЫЙ ГЕРАКЛ»

(HRAKLHΣ MAINOMENOS)

Ст. 408—410

Хор: [Геракл] по волнам Эвксинского озера пришел и к конной рати амазонок, *живущей* вокруг изобильной реками Меотиды...²

«ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ»

(IPHIGENEIA H EN TAYPOIS)

Ἰφίγενεια

Орест, по предсказанию оракула, прибыв с Пиладом в землю тавров в Скифии³ в иступленном состоянии, решил похитить почитаемый у них истукан Артемиды. Удалившись от корабля и будучи замечен, он вместе с другом был схвачен туземцами и уведен по существовавшему у них обычаю, чтобы быть принесенными в жертву в святилище Артемиды: они закалывали в жертву богине прибывших чужестранцев.

Сцена драмы представляется в области тавров в Скифии; хор состоит из эллинских женщин, прислужниц Ифигении; пролог произносят Ифигения.

Ст. 28—41

И ф и г е н и я: ... Но Артемиды похитила меня у ахейцев, дав вместо меня лань, и, перенесши по светлому эфиру, поселила меня в этой земле тавров, где царствует над варварами варвар Фоант, который, передвигая быстрые ноги подобно крыльям, получил такое имя за быстроту ног. Он поставил меня жрицею в этом храме, где такими обычаями услаждается богиня Артемиды на празднике, одно имя которого прекрасно, а об остальном умалчиваю, боясь богини. По обычаю, и прежде существовавшему в этой стране, я приношу в жертву всякого эллина, который прибывает в эту землю⁴. Я освящаю жертву, а таинственным убиением ее, внутри этих чертогов богини, занимаются другие.

¹ [Островной дом на Белом берегу—о. Белый, ныне Змеиный, при устье р. Дуная.]

² [Об амазонках на берегах Меотиды см. в прим. к кн. IV, 110 Геродота и к древн. схолии к Илиаде, III, 189.]

³ [О таврах см. в кн. IV, 99 Геродота.]

⁴ Об этом обычае есть много упоминаний и в дальнейших стихах трагедии.

Ст. 85—115

О р е с т: О Феб,... ты повелел мне итти в пределы земли Таврической, где имеет алтари родственная тебе Артемида, и взять статую богини, которая, говорят, упала с неба здесь в этот храм; взяв ее или хитростью, или каким-либо случаем и исполнив опасный подвиг, дать земле афинской; дальше этого ничего не сказано; исполнив это, я получу облегчение моих страданий. Повинуясь твоим словам, я прибыл сюда в неизвестную, негостеприимную землю. Тебя, Пилад, сообщника этого моего подвига, спрашиваю я: что нам делать? видишь, что венцы стен высоки. Подняться ли нам по ступеням лестницы? но как мы в таком случае можем остаться незамеченными? Или, разбив ломами медные запоры, так переступим порог? Если мы будем схвачены, отворяя двери и пытаясь проникнуть в храм, то умрем; но, прежде чем умереть, убежим на корабле, на котором прибыли сюда.

П и л а д: Бегство невыносимо, и мы к нему не привыкли; прорицания же бога послушаться не следует. Удалившись от храма, спрячемся в пещере, которую черное море омывает волнами, вдали от корабля, чтобы кто-нибудь, увидев нашу ладью, не донес царям и мы не были бы потом схвачены силою. Когда же выйдет око темной ночи, нужно будет решиться всякими способами добыть из храма точеную статую...

Ст. 123—131

Х о р: Благоговейте, о обитатели двойных сходящихся скал Эвксинского Понта. О дочь Латоны, горная Диктинна¹, к твоему жилищу, к золотым карнизам храма с прекрасными колоннами я, рабыня почтенной жрицы, с благоговением направляю девственные стопы...

[Ст. 218—219.]

И ф и г е н и я: Ныне же я чужестранкой живу в бесплодных жилищах негостеприимного Понта...

{ Ст. 389—390

И ф и г е н и я: И так я... полагаю, что жители здешней страны, сами будучи человекоубийцами (людоедами), приписывают богине гнусный обычай...

Ст. 421—423 и 435—438

Х о р: Как эти чужестранцы прошли сквозь сбегаящиеся скалы, как миновали неусыпные Финеевы берега²...

¹ [Диктинна—эпитет Артемиды-охотницы.]

² [Финей—слепой провидец, преследуемый гарпиями и избавленный от них бореадами—детьми Борея, участниками похода аргонавтов,—локализуется на малоазийском побережье непосредственно у Босфора, иногда, впрочем (по более древней версии), на фракийском берегу. Локализация его у Босфора мотивируется у Аполлония Родосского тем, что он предсказал аргонавтам опасность, грозящую им от Симплегад (сталкивающихся скал).]

...в изобилующую птицами землю, на белый берег, прекрасный Бег Ахилла на негостеприимном Понте?¹...

Ст. 625—626

О р е с т: Какая же могила примет меня, когда я умру?

И ф и г е н и я: Священный огонь внутри храма² и широкая расселина скалы.

Ст. 1446—1457

А ф и н а: Узнав мои веления, Орест,—ибо ты слышишь голос богини, хотя и не видишь ее присутствия,—иди, взяв статую *богини* и свою сестру. Когда ты прибудешь в богозданные Афины,—есть священное место у крайних пределов Аттиды, соседнее Каристийскому хребту; мой народ называет его Алами³. Воздвигнув здесь храм, водрузи статую, соименную Таврической земле и трудам, которые ты перенес, блуждая по Элладе под жалом Эриний. Впредь смертные будут прославлять ее под именем Артемиды, богини Таврополю...

«МЕДЕЯ»

(ΜΗΔΕΙΑ)

Ст. 1—2

К о р м и л и ц а: О, если бы ладья Арго не пролетела *сквозь* мрачные Симплегады в землю колхов!

«РЕС»⁴

(ΡΗΣΟΣ)

Ст. 426—236

Р е с:... Но живущий в соседней (с Фракией) земле скифский народ завязал со мною войну, когда я собирался двинуться в путь к Илиону; я прибыл к берегам Эвксинского Понта, двинув фракийское войско. Там проливалась копьем на землю скифская кровь и смешанная с нею фракийская. Это обстоятельство помешало мне прибыть на Троянскую равнину и явиться тебе [т. е. Гектору] союзником. Когда же я разбил *скифов*, взяв в заложники их детей и назначив приносить в *мой* дом ежегодную дань,—я явился сюда, переправившись на кораблях *через* понтийское устье.

«ЕЛЕНА»

(ΕΛΕΝΗ)

Ст. 241

На голове ножом обрезаны волосы начисто, как у скифов.

СХОЛИИ К ЭВРИПИДУ

Текст: по изд. Эд. Шварца (Ed. Schwartz), Берлин, 1887—1891.

¹ [Ахиллов Бег—песчаная коса при устье р. Днепра, ныне коса Тендеровская.]

² Ср. стих 1155.

³ [Алы—местность в Аттике близ Афин, где находился храм Артемиды Таврополос.]

⁴ [Рес—фракийский герой, выступивший на помощь троянцам, убитый Одиссеем и Диомедом.]

К «АЛКЕСТИДЕ»

(ΑΛΚΗΣΤΙΣ)

Ст. 112 упоминает город Эю в Колхиде.

Ст. 980. Халибы—народ в Понте, где находятся железные рудники¹.

К «АНДРОМАХЕ»

(ΑΝΔΡΟΜΑΧΗ)

Ст. 651. *Фасис*—река в Колхиде.Ст. 1262. *На белом берегу внутри*] разумеется Белый остров, на котором пребывал Ахилл, посреди Эвксинского Понта; отсюда и *Ахилловы Беги*, о конх сказано в «Ифигении в Тавриде»².

К МЕДЕЕ

(ΜΗΔΕΙΑ)

Ст. 2. *В Эю колхов*] так называется город в Скифии³.Ст. 9. *И не убить*] Коринф был ее (т. е. Медеи) наследственным от отца городом по следующему сказанию: Алоей и Ээт, отец Меден, были сыновьями Гелиоса и Антиопы, Гелиос разделил между ними страну, причем Алоей получил область в Аркадии, а Ээт—Коринф. Последний, недовольный своей областью, передал город некоему Буну, сыну Гермеса, поручив сберечь его для его потомков, а сам, прибыв в скифскую Колхиду, поселился там и сделался царем. Об этом свидетельствует и исторический поэт Эвмел, говоря: «Но когда Ээт и Алоей родились от Гелиоса и Антиопы, тогда славный сын Гипериона разделил землю на две части своим сыновьям» и т. д. Бун был сын Гермеса и нимфы. Это написал я из неподписанной *именем автора* заметки к Пиндару⁴.Ст. 167. *Медя* разумеет Апсирта, преследовавшего ее по приказанию Ээта: она убедила его прибыть на какой-то остров, внушив Язону убить его какой-нибудь хитростью.

НЕИЗВЕСТНОГО ТРАГИКА

[Archiv für Papyrusforschung, 1931, стр. 30]

«ИФИГЕНИЯ В АВЛИДЕ»

(ΙΦΙΓΕΝΕΙΑ Η ΕΝ ΑΥΛΙΔΙ)

...Ни скифская прическа? железом очищена голова⁵.

ФУКИДИД

Знаменитый историк Пелопоннесской войны, родился около 470, умер около 400 г. до н. э. [Текст; Thucydides by H. Stuart Jones, Oxford, 1908].

¹ [О халибах см. в прим. к фр. 195 Гекатея.]² [Остров Белый—близ устья Дуная; Ахиллов Бег—см. прим. к ст. 422 «Ифигении в Тавриде».]³ [Об Эе—мифической столице Колхиды, см. в прим. в кн. I, 2 Геродота.]⁴ См. выше, в схолии к XIII Олимп. Пиндара, 75 (51).⁵ Восстановил Körte, ср. Эврип. «Елена», 241.

«О ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЕ»

(ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΠΕΛΟΠΟΝΝΗΣΙΑΚΟΥ ΠΟΛΕΜΟΥ)

II, 95. Около того же времени, в начале этой зимы¹, одрис² Ситалк, сын Тирея, царь фракийский³, пошел войною на македонского царя Пердикку, сына Александра, и на халкидян, живущих около Фракии.

96. Итак, отправляясь из страны одрисов, он поднимает [в поход] во-первых, подвластных ему фракийцев, живущих по сю сторону гор Гема и Родопы⁴ до моря [по направлению к Эвксинскому Понту и Гелеспонту], а затем живущих за Гемом гетов⁵ и остальные племена, расселившиеся по сю сторону реки Истра, ближе к Понту Эвксинскому. Геты и прочие туземцы—соседи скифов и сходны с ними по вооружению: все они конные стрелки...

97. Царство одрисов простиралось со стороны моря от города Абдер до Эвксинского Понта и реки Истра... [Благодаря огромным доходам] царство это достигло большого могущества. По количеству денежных доходов и вообще благосостоянию оно оказалось величайшим из всех европейских царств, лежащих между Ионическим заливом и Понтом Эвксинским; но по военной силе и количеству войска все-таки далеко уступало скифскому. С этим последним не только не могут сравниться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один-на-один противостать скифам, если все они будут единодушны; но они не выдерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел.

98. Правивший страной одрисов Ситалк стал готовить против них поход... Говорят, что пеших у него набралось до 150 000, конницу же по большей части составляли одрисы, а затем геты.

ГЕРОДОР ГЕРАКЛЕЙСКИЙ

Мифолог Геродор, уроженец Гераклеи Понтийской, был, вероятно, современником философа Сократа. Ему принадлежат недошедшие до нас сочинения: «Речь о Геракле» и «Аргонавтика» (или «Аргонавты»). Собрание отрывков: Müller, FHG, II, стр. 27—41.

«РЕЧЬ О ГЕРАКЛЕ»

(Ο ΚΑΘ'ΗΡΑΚΛΕΑ ΛΟΓΟΣ)

Фр. 5; Геракл употреблял скифский лук, будучи обучен каким-то скифом Тевтаром⁶, как рассказывают Геродор и Каллимах (фр. 365 Рекл.)

Фр. 23 см. схолии ad Apoll. Rhod., II, 1248.

Фр. 27 см. Apollod., II, 6, 3, 5.

¹ В ноябре 429 г. до н. э.

² Одрисы—фракийское племя, жившее по течению р. Гебра.

³ Ср. об этом у Геродота, кн. IV, 80.

⁴ [Горы Гема и Родопы—нынешний Балканский и Родопский горные хребты на Балканском полуострове.]

⁵ [Геты—фракийское племя, жившее по нижнему течению р. Дуная, а позднее (со второй половины IV в. до н. э.) также и к востоку от него, до Днестра.]

⁶ Это выдумка понтийского писателя. У Аполлодора II, 4, 4, 1 мы находим в. Тевтара имя Эврита из Эхалеи. Между прочим см. Natalis, прим., стр. 679: «Геркулес научился стрельбе из лука от скифского пастуха Тевтара, как говорит Исаакий (Зеза?)» Müller.

«АРГОНАВТИКА»

(ΑΡΓΟΝΑΥΤΙΚΑ)

Фр. 46; см. схолии ad Apoll. Rhod., I, 1024.

Фр. 53; там же, IV, 87.

Фр. 54; там же, IV, 86.

Фр. 55; там же, IV, 259.

ДАМАСТ СИГЕЙСКИЙ

По данным Свида, был современник Геродота и ученик Гелланика. Собрание отрывков: FHG, II, стр. 64—67

«О народах» (Περὶ ἔθνων) фр. I см. Steph. Byz., s. v. Ὑκάρβορον. Ср. Гелланик, фр. 96.

АНТИМАХ КОЛОФОНСКИЙ

Эпический и элегический поэт, жил во 2-й половине V в. до н. э. Из его произведений известны: эпическая поэма «Фиваида», которой подражал римский поэт Стаций, и большое элегическое произведение «Лида». Собрание отрывков из «Фиваиды»—Kinkel, EGF, т. I, стр. 279—308; отрывки из «Лиды»—Bergk, PLG⁴, т. II, стр. 289—294.

«Лида». Фр. 12 см. схолии ad Apoll. Rhod., IV, 259.

ГИППОКРАТ

Родился в 460, умер около 377 г. до н. э.—Текст: Hippocratis et aliorum medicorum veterum reliquiae, mandatu Academiae regiae disc. quae Amstelodami est ed. Fr. Zach. Ermerins¹ vol. I, Tr. ad Rh., 1859.

Знаменитый греческий врач и естествоиспытатель, считающийся основателем научной медицины. Главное из дошедших от него естественноисторических сочинений—«О воздухе, водах и местностях» содержит целый ряд весьма важных этнографических и антропологических сведений, являющихся отчасти дополнением, отчасти комментарием к тому, что мы узнаем из Геродота и Ксенофонта о скифских и кавказских народах. Сообщения Гиппократа тем более ценны, что, представляя параллель рассказу Геродота, они заимствованы из других источников, давая таким образом прекрасную возможность для проверки геродотовых данных (ср. М. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 18 сл.).

«О ВОЗДУХЕ, ВОДАХ И МЕСТНОСТЯХ»

(ΠΕΡΙ ΑΕΡΩΝ, ΥΔΑΤΩΝ, ΤΟΠΩΝ)

20. Относительно *народов, живущих* направо от летнего восхода солнца до озера Меотиды, составляющего границу Европы и Азии, можно сказать следующее. Эти народы в определенном отношении более отличаются друг от друга, чем те, о которых рассказано выше, по причине непостоянства климата и природных условий страны.

21. Я умолчу о тех народах, у которых отличия мало заметны, расскажу *только* о тех, которые *представляют* важные особенности, *происходящие* от природы или от обычаев. Прежде всего *скажу* о длинно-головых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально важнейшею причиною удлиненной *формы* головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, *происшедшему*

¹ Приняв за основание текст издания Эрмеринса, я кое-где отступал от него в интерпункции и в формах ионического диалекта, причем пользовался изданием Литтрэ («Oeuvres complètes d'Hippocrate, traduction nouvelle avec le texte grec en regard etc., par E. Littré, tome II, Paris, 1840»). [Новейшее издание J. Jøberg и H. Kühlewein, Hippocrates, opera omnia, Lpz., 1894—1902.]

от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем¹: лишь только родится ребенок, пока еще *кости его* мягки, неотвердевшую его головку выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и *других* подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так что обычай уже не насиловал ее. В самом деле, семенная жидкость идет из всех частей тела, от здоровых *частей*—здоровая, а от больных—ненормальная. Следовательно, если от *плешивых родителей* родятся *плешивые дети*, от голубоглазых—голубоглазые, от косоглазых—в большинстве случаев косоглазые, и то же самое можно сказать о других внешних особенностях, то что же мешает и от длинноголового родиться длинноголовому? Впрочем теперь они уже не рождаются такими, как прежде, потому что обычай этот уже не имеет силы, вследствие сношений *длинноголовых* людей с *другими*. Таково мое мнение относительно этого явления.

22. Что касается до местностей по Фасису², то страна эта болотистая, жаркая, сырая и лесистая. Там во всякое время года бывает много сильных дождей. Люди проводят *свою* жизнь в болотах, их деревянные или тростниковые хижины построены на воде; они мало ходят пешком, *только* в городе или на рынке, а *обыкновенно* разъезжают на однодеревках вверх и вниз по каналам, которых там множество. Воду пьют они теплую, стоячую, гниющую от солнечного жара и пополняемую дождями. Самый Фасис *тише* всех других рек и течет едва заметно. Произрастающие там плоды все плохо удаются, отличаются дряблостью и вследствие изобилия воды не спеют как следует; поэтому они и не созревают. *Поднимающийся* от вод густой туман окутывает *всю* страну. Е вследствие этих-то причин *фасиане* резко отличаются *своею* наружностью от остальных людей. Они высоки ростом и чрезвычайно тучны; в их теле не заметно ни сочленений, ни жил; цвет кожи у них желтый, как у страдающих желтухою; голос *несравненно* грубее, чем у *других* людей, так как они дышат воздухом не прозрачным, а сгущенным и сырым; они от природы мало способны к перенесению телесных трудов. Климат у них не подвержен резким изменениям от тепла к холоду; южные ветры преобладают, за исключением одного местного ветра, который иногда бывает очень силен, неприятен и зноен; этот ветер называют «Кенхрон». Северный ветер бывает там не часто, а когда и подует, то лишь слабо и тихо. Таковы различия в природе и внешнем виде народов Азии и Европы.

24. В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Меотиды и отличающийся от других народов. Название его — савроматы. Их женщины ездят верхом, стреляют из луков и мечут дротики, *сидя* на конях, и сражаются с врагами, пока они в девушках; а замуж они не выходят, пока не убьют трех неприятелей, и поселяются на жительство с мужьями не прежде, чем совершат обычные жертвоприношения. Та, которая выйдет замуж, перестает ездить верхом, пока не явится необходимость поголовно выступать в поход. У них нет правой груди, ибо еще в раннем их детстве матери *из*, раскалив приготовленный именно с этой целью медный инструмент, прикладывают его к правой груди и выжигают, так что она теряет

¹ [Описанный обычай придания голове искусственно-удлиненной формы подтверждается археологическими данными сарматских (на Средней Волге) и так называемых готских некрополей в Крыму.]

² Местность по Фасису (Риону)—Колхида. Фасиане, упоминаемые ниже, — в данном случае колхи. О них см. в прим. к кн. IV, 37 Геродота.

способность расти, и вся сила и изобилие *соков* переходят в правое плечо и руку¹.

25. Относительно внешнего вида прочих скифов, именно сходства их между собою и несходства с другими народами, можно сказать то же, что и об египтянах, исключая то, что у вторых это обуславливается знойностью *климата*, а у первых—холодом. Так называемая «Скифская пустыня» представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду с степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие—шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя *отделениями*; они непроницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и *табуны* лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не *хватит*, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят «иппаку» [это сыр из кобыльего молока]. Таков образ жизни и обычаи скифов.

26. Мы уже говорили о климате *Скифии* и о внешности ее обитателей,— что скифское племя значительно отличается от прочих людей и похоже только само на себя, подобно египтянам; оно также весьма мало плодовито, в этой стране и животные водятся лишь очень немногие и небольшие. Это потому, что она лежит под самым севером и у подножия Рипейских гор², откуда дует северный ветер. Солнце приближается к ней только тогда, когда дойдет до летнего обхода, да и тогда греет землю короткое время и не сильно; ветры, дующие из теплых стран, проникают в эту страну лишь редко и с незначительной силой, а с севера, напротив, постоянно дуют ветры холодные вследствие изобилия там снегов, льдов и вод: горы никогда не освобождаются от них и от этого необитаемы. Днем густой туман окутывает равнины, и в них живут люди; поэтому там вечная зима, а лето продолжается лишь несколько дней, также не очень теплых: дело в том, что равнины там возвышенны, обнажены, не увенчаны горами, а, напротив, поднимаются по направлению к северу. Там и животные не бывают велики, так что могут прятаться в землю. На их рост вредно влияет постоянная зима и обнаженность страны, не представляющей поэтому никакой защиты от холода. Перемены погоды там не велики и не сильны: она стоит почти одинаково и мало изменяется. Поэтому-то и обитатели страны так похожи видом друг на друга: они всегда употребляют одну и ту же пищу, носят одну и ту же одежду летом и зимою, дышат сырым и густым воздухом, пьют снеговую и ледяную воду и не знают усталости: невозможно ведь закалять в труде ни тело, ни душу там, где климатические перемены не бывают значительны. Вследствие этих причин скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым и немускулистым телом; живот у них в нижней части отличается чрезвычайным изобилием влаги: ведь и невозможно, чтобы он был сух в стране, отличающейся такими природными свойствами и состоянием атмосферы. Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле обитатели похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин. Вследствие одинаковости температур

¹ [О савроматах см. в прим. к кн. IV, 110 Геродота. Легенда о выжигании правой груди для удобства стрельбы из лука рассказывается обычно про амазонок, откуда выводится и самое их название (беврудные).]

² Рипейские горы—обычно Уральский хребет.

в разные времена года, при сгущении семенной жидкости не происходит никакой порчи и изменений, за исключением какого-нибудь насильственного случая или болезни.

27. Я представлю важное доказательство изобилия влаги в их телах: у большинства скифов, именно у всех кочевников, можно встретить прижигание плеч, рук, запястий, груди, бедер и лядвий; они делают это исключительно вследствие природного изобилия влаги в теле и его мягкости, так как иначе от сырости тела и слабости не могут ни натягивать луков, ни давать плечом толчок при метании дротика; а при прижигании излишек влаги высыхает в членах, и вследствие этого тело делается крепче, изобильнее питательными соками и членистее. Делаются же они сырыми и слабыми, во-первых, от того, что в детстве не пеленаются, подобно египтянам; скифы не имеют этого обычая из-за верховой езды, чтобы хорошо сидеть на лошадях; во-вторых, от сидячей жизни: дети мужского пола, пока не могут еще держаться на лошади, большую часть времени сидят в кибитках и мало ходят пешком вследствие постоянных перекочевков; женский же пол отличается удивительно сырою и слабою комплекцией.

28. Все скифское племя—рыжее, вследствие холодного климата, так как солнце не действует с достаточною силою, и белый цвет как бы выжигается от холода и переходит в рыжий. При таком физическом сложении народ не может отличаться плодovitостью: у мужчины не может быть значительного полового стремления вследствие сырости комплекции, мягкости и холодности живота, так как при таких условиях мужчина едва ли может отличаться сладострастием; сверх того, постоянные толчки при верховой езде производят в них половое бессилие. Таковы причины, действующие на мужчин, а у женщин—тучность и сырость тела, так как матка делается неспособною воспринимать семенную жидкость. Месячные очищения происходят у них не так, как следует, а лишь в небольшом количестве и через большие промежутки времени; устье матки закрывается жиром и не может воспринимать семени; при этом сами они не выносят трудов, отличаются тучностью, живот у них холоден и мягок. Вследствие таких-то причин скифское племя не плодovито. Важное доказательство справедливости этих замечаний представляют рабыни; достаточно лишь одного сообщения с мужчиною, чтобы сделаться беременными; это—прямое следствие их трудовой жизни и сухости тела.

29. Сверх того между скифами встречается множество евнухов; они занимаются женскими работами и говорят по-женски; называются такие мужчины «энареями»¹. Причину такого явления туземцы приписывают божеству и поэтому чтут таких людей и поклоняются им, каждый боясь за себя. Мне кажется, что эта болезнь настолько же божественна, как и все остальные, что ни одна из них несколько не божественнее и не человечнее другой, но все одинаковы и все божественны; каждое из таких явлений имеет свою естественную причину, и ни одно не происходит без таковых причин. Какими причинами, по моему мнению, обусловливается названная болезнь скифов, я сейчас изложу. Верховая езда, при которой ноги постоянно висят по бокам лошади, производит у них опухоли; затем при сильном развитии этой болезни является растяжение бедер и хромота. Лечатся они от этого следующим образом: при первых признаках болезни разрезают с обеих сторон жилы позади ушей; когда прекратится кровотечение, больные от слабости впадают в дремоту и засыпают; затем пробуждаются одни здоровыми, другие—нет. Итак, мне кажется, что именно этот способ лечения вредно влияет на семенную жидкость: около ушей есть жилы, вследствие разрезывания которых лица,

¹ Об энареях ср. прим. к кн. I, 105 и IV, 68 Геродота.

испытывавшие эту операцию, делаются неспособными к оплодотворению: я думаю, что именно эти жилы они и разрезают. Если после этой операции, приходя к женщинам, они оказываются бессильными, то в первый раз не обращают на это внимания и не беспокоятся; но если при повторении попытки два, три и более раз она оказывается не более успешною, то они решают, что в чем-нибудь провинились пред божеством, которому приписывают причину болезни, затем надевают женское платье, открыто признавая этим свое бессилие, усваивают женские привычки и вместе женщинами занимаются их работами.

30. Этой болезни подвержены скифские богачи,—не люди самого низкого происхождения, а напротив, самые благородные и пользующиеся наибольшим могуществом; причина ее заключается в верховой езде; бедные люди менее страдают ею, так как не ездят верхом. Между тем, так как (по мнению скифов) эта болезнь более происходит от божества, чем другие, то следовало бы ожидать, чтобы она поражала не только самых благородных и богатых скифов, а всех одинаково или даже преимущественно бедняков,—если правда то, что богам приятно чествование и благоговение людей и они вознаграждают их за это. Ведь естественно, что люди богатые приносят богам много жертв и даров от своего избытка и чествуют их, тогда как бедняки жертвуют менее, отчасти по неимению средств, а отчасти из-за неудовольствия на то, что боги не дают им богатства: стало быть наказания за такие прегрешения скорее должны были бы постигать неимущих, чем богатых. Но, как я уже сказал и раньше, эта болезнь столько же происходит от божества, сколько и другие: каждая имеет свою естественную причину. И эта болезнь происходит у скифов от той причины, которую я объяснил. То же самое бывает и у остальных людей: где очень много и часто ездят верхом, там очень многие страдают опухолями, ломотою в бедрах и подагрою и очень равнодушны к половым удовольствиям. Эти болезни есть и у скифов, и они более всех страдают половым бессилием [*досл. похожи на евнухов*] по вышеуказанным причинам и еще потому, что они постоянно носят штаны и большую часть времени проводят на лошадях, так что даже рукою не дотрагиваются до половых частей, а под влиянием холода и усталости не испытывают сладострастных желаний и нисколько не возбуждаются до потери половой способности. Таково положение скифского племени.

«О БОЛЕЗНЯХ»

(ΠΕΡΙ ΝΟΥΣΩΝ)

Кн. 4 § 20... Это¹ похоже на то, что скифы делают из кобыльего молока: влив молоко в деревянные сосуды, они встряхивают их; взбалтываемое *молоко* пенится и разделяется, причем жир, который они называют бутиром, по своей легкости отделяется и *поднимается* вверх, а тяжелая и плотная часть оседает вниз; ее отделяют и сушат; когда она сгустится и высохнет, ее называют гиппакою; молочная сыворотка остается в середине².

«О ПЕРЕЛОМАХ И О ЧЛЕНАХ»

(ΠΕΡΙ ΑΓΜΩΝ ΚΑΙ ΠΕΡΙ ΑΡΘΡΩΝ)

101. Некоторые рассказывают, что амазонки³ калечат детей мужского пола тотчас по рождении: одни переламывают голени, другие—бедра,

¹ Речь идет о влиянии жара на больное человеческое тело.

² Ср. у Теоппа, фр. 51.

Относительно мифа об амазонках см. в прим. кн. IV 110 Геродота.

для того чтобы они были хромыми и чтобы мужской пол не восставал против женского. Они пользуются мужчинами как ремесленниками для работ кожевенных, медных или других, требующих сидячего образа жизни. Я не знаю, правда ли это; но знаю, что это возможно, если исскалечить члены у детей тотчас после рождения.

КТЕСИЙ КНИДСКИЙ

Ктесий, уроженец г. Книда, жил во 2-й половине V в. до н. э. В 415 г. попал в плен к персам и провел в Персии 17 лет, причем состоял врачом при царе Артаксерксе II Мнемоне и, между прочим, излечил рану, нанесенную ему Киром в битве при Кунаксах. Из его сочинений особенно известны были «История Персии» в 23 кн., «История Индии» в 1 книге и «Перипл», или «Объезд», в 3 книгах, но ни одно из них до нас не дошло. Орывки собрал Мюллер в прибавлении к дидотовскому изданию Геродота. Издание отрывков из «Истории Персии» у J. Gilmore, Ctesias, the fragments of the Persika, 1888.

«ИСТОРИЯ ПЕРСИИ»

(ПЕРСИКА)

Фр. 2 см. Diod., II, 2.

Фр. 26 см. Demetr. Phaler., De elocut., § 218 сл.; ср. фр. 27 у Tzet., Hist., XII, 894.

Фр. 29 см. Photii Cod., 72, стр. 106;

§ 16.¹ Дарий приказал каппадокийскому сатрапу Ариарамну перейти в Европу против скифов и взять в плен мужчин и женщин. Ариарамн, переправившись на 30 пятидесятивесельных судах, взял скифов в плен, причем захватил и брата скифского царя Марсагета, найдя его заключенным в оковы по приказанию брата за какой-то проступок. (17) Скифский царь Скифарб в гневе написал Дарию дерзкое письмо¹, ему был дан такой же ответ. Собрав 800 000² войска и построив мосты на Боспоре и Истре, Дарий переправился в Скифию, пройдя на 15 дней пути. Они послали друг другу луки; скифский лук оказался крепче. Поэтому Дарий обратился в бегство, перешел через мосты и поспешно разрушил их прежде, чем переправилось все войско. Оставленные в Европе 80 000 были перебиты Скифарбом³...

«О горах»⁴ кн. II, фр. 93—см. схолии к Apoll. Rhod., II, 1017.

Фр. 94—там же, кн. II, 401.

АРИСТОФАН

Родился около 450, умер около 385 г. до н. э.

[Лучшее издание с комментариями—английское Бледса (Blaydes). Текст: FW. Hall, Will, Geldart; Bibl. Oxon., 1910—1915].

В произведениях этого знаменитейшего комика древности встречаются лишь редкие и случайные упоминания о Скифии. Так, в комедии «Ахарняне», ст. 704, упоминается скифская пустыня; в комедии «Птицы»,

¹ «Немного иначе Геродот, кн. IV, 126 сл.» (Мюллер).

² «Столько же Диодор, кн. II, 5, 5, повидимому, по Ктесию. Семьсот тысяч—Геродот, кн. IV, 8, которому следуют Юстин, II, 5 и Орозий, II, 8» (Мюллер).

³ [Геродот именует скифского царя, вступившего в переписку с Дарием, Иданфирсом (IV, 126). Скифарб—вероятней всего, испорченное «скифарх» (σκιάρης), т. е. начальник или предводитель скифов, из которого Ктесий, по недоразумению, образует имя собственное. Геродот ничего не знает об обмене луками.]

⁴ [Такое произведение Ктесия неизвестно. Но В. В. Латышев принял его в данном месте вместо «Объезда» (περίοδοι) согласно предложению Мерса, которое кажется правдоподобным и Мюллеру].

ст. 941 — «среди скифских глухих степей»¹. В «Лисистрате», ст. 184, упоминается рабыня с именем «скифянка» и в стихах 451 и 455 — «скифы», т. е. скифские стрелки, служившие в Афинах полицейскими стражами. Один из таких скифов является действующим лицом в комедии «Женщины на празднике фесмофорий» (ст. 1001—1225), причем говорит крайне испорченным греческим языком.

СХОЛИИ К КОМЕДИЯМ АРИСТОФАНА

Текст: изд. Дюбнер (Dübner) в Париже 1855 г.

К «АХАРНЯНАМ»

(ΑΧΑΡΝΕΙΣ)

Ст. 704. Скифской пустыне]: ибо пустыни скифов дики... Поэт говорит это потому, что скифы, не имея домов и переезжая на повозках, делаются виновниками собственной гибели. Выражение «скифские пустыни» вошло в половицу²...

Есть в Скифии и город Фасис, соименный реке.

К «ВСАДНИКАМ»

(ΙΠΠΕΙΣ)

Ст. 963. Сделаться μολύβιν]: Фаэн *говорит*, что μολύβιν *употреблено вместо τυφλόν* [слепым]. Геродот рассказывает, что эти молги живут выше Скифии³...

К «ОБЛАКАМ»

(ΝΕΦΕΛΑΙ)

Ст. 109... Другие *говорят*, что Фасис—река в Скифии, где водятся прекрасные кони.

К «ПТИЦАМ»

(ΟΡΝΙΘΕΣ)

Ст. 941. Ибо среди кочевников-скифов]: и это заимствовано у Пиндара⁴, у него сказано так: «ибо среди кочевников-скифов блуждает Стратон, который не имеет дома, перевозимого на повозке...»

Ст. 942. Блуждает Стратон (*поэт* сказал «блуждает»), потому что скифы зимою, вследствие ее невыносимости, складывают свое имущество на повозки и уезжают в другую страну. Не имеющий там повозки считается у них бесчестным.

¹ Этот стих представляет собой пародию на стих Пиндара, приведенный выше «Ароspasmata», 105.

² Ср. схолию к «Птицам», 1487 (р. 242, Dion): πέπικται δὲ ἀπὸ τοῦ Σχυφῶν ἔρημις.

³ У Геродота нет такого названия; схолиаст, без сомнения, имел в виду название Ἰαπυρίοις и смешал Геродота с каким-либо другим писателем, у которого оно встречается.

⁴ Ср. выше («Ароsp.», 105).

К «ЛИСИСТРАТЕ»

(ΛΥΣΙΣΤΡΑΤΗ)

Ст. 184. Скифянка] *поэт* называет так рабыню. Скифами называли и стрелков, бывших государственными рабами по старинному обычаю¹

ЛИСИИ

Аттический оратор, родился около 445, умер около 380 г. до н. э. [Текст: с критич. аппаратом. Тальгейма (Thalheim), Лейпц., 1901.]

16. РЕЧЬ В СОВЕТЕ В ЗАЩИТУ МАНТИФЕЯ
ПРИ ДОКИМАСИИ²

(ΕΝ ΒΟΥΛΗΙ ΜΑΝΤΙΘΕΩΙ ΔΟΚΙΜΑΣΟΜΕΝΩΙ ΑΠΟΛΟΓΙΑ)

§ 4 ... Отец отправил нас³ на жительство к Сатиру, *правителю* Понтийскому⁴, до поражения при Геллеспонте⁵, а возвратились мы не в то время, когда разрушались стены и происходил государственный переворот⁶, а за пять дней до вторжения в Пирей *изгнанников* из Филы...

ОТРЫВКИ

РЕЧЬ ЗА БАКХИЯ И ПИФАГОРА

(ΥΠΕΡ ΒΑΚΧΙΟΥ ΚΑΙ ΠΥΘΑΓΟΡΟΥ)

Словарь Гарпократиона, 3. Скифики: *употребляет* Лисий в речи за Бакхия и Пифагора, если она подлинна. Скифики—род обуви. *Употребляет* также Алкей в стих. 8-м: «и подвязавши скифики»⁷.

СОФАЙНЕТ СТИМФАЛИЙСКИЙ

Софайнет упоминается как автор «Истории похода Кира» в четырех местах у Стефана Византийского. Он идентичен, если не ошибаюсь, Софайнету Стимфалийскому, другу Кира младшего (X e n o p h., Анаб., I, 1, 11), который отвел к брату Артаксеркса тысячу тяжеловооруженных воинов (ib., I, 2, 9); несколько раз упоминает о нем Ксенофонт как о старшем по возрасту среди предводителей возвращавшихся на родину греков (II, 5, 37; IV, 4, 19; V, 3, 1; V, 8, 1) (Мюллер, FHG, II, стр. 74, там же см. и отрывки).

«А н а б а с и с» (Ἀνάβασις). Фр. 4 см. Steph. Byz., s. v. Τάροι.⁸ Ср. Xenoph., Анаб. IV. 6 и 7; V, 5 (см. ниже)

ИСОКРАТ

Аттический оратор, родился в 436, умер в 338 г. до н. э.

Текст: [Mathieu et Brémon, 2-е изд. Budé («Des belles lettres»), 1927.]

¹ Т. е. оттого, что скифы, купленные в рабство государством, истари служили полицейскими стрелками. Ср. к ст. 451 (р. 253): Ὁ Σκεδαί: ὁ ὑπὸ κράτει.

² Сказана около 393 г. до н. э.

³ Речь идет об одном Мантифее.

⁴ По всей вероятности, Сатир I, правивший от 407/6 до 388/7 г. до н. э.

⁵ Разумеется битва при Эгоспотамах в 405 г. до н. э.

⁶ Правление 30 тиранов в Афинах по окончании Пелопоннесской войны.

⁷ Ср. выше, Алкей, фр. 103.

[Аттический «логограф» (т. е. составитель предназначенных для чтения речей) и публицист, Исократ, в своем «Панегирике», отразившем политические настроения афинских торговых кругов в эпоху, непосредственно предшествующую созданию 2-го морского союза, противопоставляет фракийцев, скифов и персов, в качестве восточных варваров, эллинскому миру, который он призывает к объединению и наступлению на варварские народы.

Его «Трапезитская речь» весьма интересна в том отношении, что раскрывает одну из сторон политических и экономических взаимоотношений между Аттикой и Боспором, а именно содержание и формы торговли, кредита, финансового и торгового права—то, о чем умалчивают основные источники древней истории Причерноморья.]

«ПАНЕГИРИК»

(ΠΑΝΗΓΥΡΙΚΟΣ)

§ 67... Самые способные к власти и обладающие наибольшим могуществом народы—скифы, фракийцы и персы; все они оказываются злоумышлявшими против нас, и государство наше со всеми ими боролось... (68)... Еще во времена слабости Эллады пришли в нашу страну фракийцы с Эвмолпом, сыном Посейдона, а скифы—с амазонками, дочерьми Ареса, не в одно и то же время, а в которое те и другие господствовали над Европой... (69). Однако они не имели удачи, но, сразившись с одними нашими предками, погибли, подобно тому, как если бы воевали со всем человечеством... (70). Об амазонках существует предание, что из пришедших ни одна не ушла назад, а остальные дома вследствие *понесенного* здесь поражения лишились владычества².

17. «ТРАПЕЗИТСКАЯ РЕЧЬ»³

(ΤΡΑΠΕΖΙΤΙΚΟΣ)

3. Я расскажу вам *мое* дело, как могу, с *самого* начала. Отец мой, судьи, Попей, который, как знают все плавающие в Понт, так дружен с Сатиром⁴, что начальствует над большой областью и имеет попечение о всех его владениях (4). Познакомившись *по рассказам* и с этим городом и с остальной Элладой, я возымел желание отправиться путешествовать; итак отец мой, нагрузив два судна хлебом и дав денег, отпустил *меня* для торговли и вместе для обозрения *чужих стран*; при этом финикийнин Пифодор рекомендовал мне Пасиона, и я воспользовался его меняльным столом (5). Впоследствии, когда Сатиру был сделан ложный донос, что и отец мой злоумышляет на его власть и я вхожу в сношения с изгнанниками, он схватывает моего отца и поручает находящимся здесь *лицам* из Понта отобрать у меня деньги и приказать самому возвратиться; если же я этого ничего не сделаю, то вытребовать от вас...

11. После этого, судьи, мне приносят весть, что отец мой освобожден, и Сатир так рассказывает в своем поступке, что дал ему величайшие залоги верности, сделал его власть еще большею, чем он имел прежде, и взял мою сестру в жены своему сыну.

¹ Обнародован, по всей вероятности, в 370 г. до н. э.

² О нашествии амазонок Исократ упоминает еще в VI, 42 и VII, 75; в XII, §193 упоминается и о причине похода: «Скифы с произошедшими от Ареса амазонками [вторгнувшимися в нашу землю] предприняли поход из-за Ипполиты, преступившей установленные ими обычаи: полюбив Фесея, она последовала за ним и вступила с ним в брак».

³ Составлена в 394 г. до н. э.

⁴ Сатир I. правивший 407/6—388/7 г. до н. э.

20. Изложив это письменно и приведя на акрополь Пирона Ферского¹, часто совершавшего плавание в Понт, мы² отдаем ему на сохранение договор, поручив ему сжечь запись, если мы примиримся между собою, а в противном случае отдать Сатиру...

35. Некоторых уже Пасион попытался убедить, что у меня здесь вовсе даже не было денег, говоря, что я занял у Стратокла 300 статов. Итак, следует выслушать и об этом, чтобы вы знали, на основании каких данных он лишает меня денег³. В то время как Стратокл собирался отплыть в Понт, я, судьи, желая вывезти оттуда как можно больше денег, попросил Стратокла свои деньги оставить мне, а в Понте получить от моего отца, считая очень выгодным, если во время плавания деньги не будут в опасности, тем более, что в то время лакедемоняне господствовали на море.

51. Наконец, судьи, *Пасион*, согласившись прибыть морем к Сатиру и исполнить, все, что он решит⁴ и в этом обманул *меня* и сам не хотел отправиться, несмотря на мои частые просьбы, а послал *своего раба* Китта, который, прибыв туда, называл себя свободным и уроженцем Милета и *говорил*, что его послал Пасион для объяснений насчет денег. (52). Сатир, выслушав обоих нас, не пожелал произвести суд о заключенных здесь условиях, тем более, что этот [т. е. Пасион] не присутствовал и не поступил бы согласно его приговору, но так глубоко был убежден в нечестности *его* поступка со мною, что, созвав судохозяев, просил их помочь мне и не оставить без внимания причиненную мне несправедливость, кроме того, написал письмо к здешним государственным властям и передал *его* для доставки Ксенотиму, сыну Каркинову...

57. Стоит также вспомнить и о Сатире и *моем* отце, которые постоянно ставят вас выше *всех* эллинов и уже часто, при недостатке хлеба, отсылали пустыми суда прочих купцов, а вам предоставляли вывоз⁵, и в ваших частных коммерческих делах, которые им приходится разбирать, вы получаете не только должное, но *даже* и больше; (58) так что несправедливо было бы вам пренебрегать их письмами. Поэтому я прошу вас и за себя и за них постановить правое решение и не считать лживые речи Пасиона более *моих* заслуживающими доверия.

КСЕНОФОНТ

«ПОХОД КИРА»

(ΚΥΡΟΥ ΑΝΑΒΑΣΙΣ)

Родился около 434, умер около 355 г. до н. э. [Текст Xenophontis Anabasis von Rohdanz, Carnuth, Weidm., 7 Aufl., 1903.]

Для древней истории Закавказья «Анабасис» Ксенофонта является тем же, что и IV книга «Истории» Геродота для Скифии. «Анабасис» принадлежит к тому же роду литературы, что и «Записки» Ю. Цезаря: мемуары политического деятеля и полководца сочетаются здесь с записями путешественника и этнографа. «Анабасис» является первым

¹ [Названный в речи Пирон из г. Фера выступает в качестве нотариуса, у которого депонируется соглашение, заключенное между истцом и ростовщиком Пасионом].

² Т. е. истец и Пасион.

³ [Пользуясь пошатнувшимся было положением истца, в связи с преследованиями боспорским царем Сатиром его отца, Пасион отказывается возвратить истцу принятые им для сбережения деньги.]

⁴ Подсудность Пасиона Сатиру заставляет думать, что Пасион вел финансовые дела с Боспором и имел там какое-то имущество.]

⁵ [О ввозе боспорского хлеба в Атику и о значении этой торговли для обеих стран подробнее см. в речах Демосфена против Лептина, Формиона и Лагрита.]

опытом литературы этого рода. Особенно ценно, что содержание книги в значительной степени основано на личных наблюдениях автора, которые легко отделить от сведений, полученных из вторых рук. Ср. E. Hoffmeister, *Durch Armenien, eine Wanderung u. d. Zug Xenophons zum Schwarzen Meer, 1911.*]

Перевод И. Н. Цветкова

КН. IV. ПОХОД ЭЛЛИНОВ ЧЕРЕЗ АРМЕНИЮ¹

ГЛ. 4, §§ 1—4

(1) Перешедши [через реку Кентрит]², эллины выстроились и около полудня³ двинулись через Армению по исключительно гладкой равнине и отлогим холмам; *шли они* не менее 5 парасангов⁴, так как вследствие войны с кардухами⁵ близ реки не было деревень. (2) Та деревня, в которую они пришли, была велика, и в ней был дворец сатрапа; на большей части домов были башни; продовольствие было в изобилии. (3) Отсюда они в 2 перехода прошли 10 парасангов, пока не переправились через истоки р. Тигра. Отсюда в 3 перехода прошли 15 парасангов до реки Телебой⁶, она была красива, но не велика; по реке лежало много деревень. (4) Эта страна называлась Западной Арменией; правителем ее был друг царя Тирибаз⁷...

§§ 7—13

(7) Оттуда эллины в 3 перехода прошли по равнине 15 парасангов. Тирибаз со своими войсками следовал за ними на расстоянии около 10 стадиев⁸. И вот они дошли до дворца и окружающих его многих деревень со множеством запасов. (8) Когда они расположились лагерем, ночью выпал большой снег, и утром решено было расположить отряды с начальниками *на стоянку* по деревням: тем более, что они не видали ни одного неприятеля и масса *выпавшего* снега, повидимому, доставляла безопасность *от нападения*. (9) Здесь у них было *всякое* продовольствие, какое считается лучшим: убойный скот⁹, хлеб, старые душистые вина, изюм и всякие овощи. *Между тем* некоторые из тех, которые удалялись из лагеря, стали заявлять, что видели ночью много огней. (10) Поэтому военачальники сочли не безопасным оставлять вновь войско на квартирах и решили снова собрать его. Поэтому *люди* собрались, тем более, что *погода*, повидимому, стала проясняться; (11) но тут во время ночевки выпала такая масса снега, что он покрыл и оружие и лежавших людей, и обозных животных снег *как будто* сковал по ногам; не малого труда стоило подняться, так как выпавший снег, пока не растаивал, согревал лежащих. (12) Но когда Ксенофонт решился, вставши без верхнего платья, рубить

¹ Заимствованы главным образом такие отрывки, которые содержат описание страны, ее климата, нравов и образа жизни обитателей и т. п.; подробности же, касающиеся исключительно похода и военных действий эллинов, опущены.—В. Л.

² 20 ноября 401 г. до н. э.

³ [Парасанг = 5940 м.]

⁴ [Кентрит—приток Тигра в верхнем течении, в византийское время назывался Зирма, ныне Вотан-Су.]

⁵ [Кардухи—племя, жившее в верховьях р. Тигра от р. Кентрит до армянского предгорья. Упоминается и у более поздних авторов (Диодор, Страбон, Плиний).]

⁶ [Телебой (в Армении)—нынешняя Кара-Су, приток Евфрата].

⁷ [Тирибаз—сатрап персидского царя Артаксеркса в Армении; впоследствии (с 392 г. до н. э.), командующий персидскими силами в Малой Азии].

⁸ [Стадий у Ксенофонта—185 м.]

⁹ *ἱερῆα* здесь не «жертвенные животные» в собственном смысле, а вообще животные, употребляемые в пищу; они названы *ἱερῆα* потому, что при убиении животного для употребления в пищу часть его жертвовалась богам.

дрова, вскоре встал кто-то другой и, отняв у него *топор*, стал рубить. Затем и другие, вставши, стали разводить костры и намазываться, так как здесь много было (13) мази, которую употребляли вместо масла; (она составлялась) из свиного жира, кунжутных семян, горького миндаля и теребинта. Встречалось и благовонное масло из этих же *самых материалов*.

Гл. 5, §§ 1—15

(1) На следующий день решено было идти как можно скорее, пока опять не собралось *неприятельское* войско и не заняло теснин. Собравшись, тотчас пошли по глубокому снегу с многими проводниками; в тот же день перескакали через *ту* гору, где Тирибаз¹ хотел совершить нападение, и расположились лагерем. (2) Отсюда прошли в 3 перехода по пустынной стране 15 парасангов до р. Евфрата и перешли его, по пояс в воде. Говорили, что и истоки его находятся недалеко. (3) Отсюда прошли по равнине, *покрытой* глубоким снегом, в 3 перехода 10 парасангов. Третий *переход* был очень тяжел, *так как* в лицо дул северный ветер, от которого все замерзало и люди цепенели. (4) Тогда один из гадателей посоветовал принести жертву ветру; жертву принесли, и всем ясно показалось, что ветер стих. Глубина снега доходила до оргия², так что погибло много обозных животных и рабов и около 30 солдат. (5) Всю ночь они жгли костры, так как на месте стоянки дров было много; но тем *солдатам*, которые пришли позже, дров не досталось; пришедшие раньше и разложившие костры не допускали к огню опоздавших, если им не давали пшеницы или чего-нибудь другого из съестного, что у кого было. (6) Таким образом делились друг с другом тем, что каждый имел. Там, где горели костры, от таяния снега делались большие ямы до самой земли; тут вот можно было измерить глубину снега. (7) Оттуда весь следующий день шли по снегу, и многие изнемогли от голода. Ксенофонт, который шел в арьергарде и встречал падавших людей, *сначала* не понимал, в чем дело; (8) но когда кто-то из опытных *людей* сказал ему, что они, очевидно, изнемогают от голода и встанут на ноги, если чего-нибудь поедят, то он пошел по обозу и, если где видел что-нибудь съестное, раздавал или посылал для раздачи голодающим тех, которые могли *еще* быстро обойти их. (9)... Поевши чего-нибудь, *упавшие* вставали и продолжали путь. На этом пути Хейрисоф³ около сумерек дошел до деревни и перед укреплением встретил у родника женщин и девушек из *этой* деревни, вышедших за водой. (10) Последние спросили *эллинов*, кто они *такие*. Переводчик сказал по-персидски, что они идут от царя к сатрапу. Женщины ответили, что *сатрап* не здесь, а на расстоянии около парасанга. Так как было уже поздно, то эллины вместе с водоносками вошли внутрь укрепления к старшине. (11) Таким образом, Хейрисоф с теми солдатами, которые были в силах, расположились здесь по квартирам, а прочие солдаты, не имевшие сил окончить путь, провели ночь без пищи и без огня; здесь также погибло несколько человек. (12) Между тем некоторые из неприятелей, собравшись, шли по следам *эллинов*, захватывали обессиленных животных и дрались из-за них между собою. Из солдат отставали те, которые от снега повредили глаза или от холода отморозили пальцы на ногах. (13) Глазам помогало против снега, если кто во время пути держал перед глазами что-нибудь черное, а для *защиты* ног надлежало быть в движении, никогда

¹ [О Тирибазе см. в прим. к гл. IV, 4.]

² [Оргий — 0,01 стадия (более полутора метра)].

³ [Хейрисоф (о нем см. также у Диодора, кн. XIV, 49 и 27) — спартиат, посланный на помощь Киру против Артаксеркса, командовал греками во время их отступления через Малую Азию].

не оставаться в покое, а на ночь разуваться: (14) кто спал в обуви, у того ремни врезывались в ноги и обувь примерзала; дело в том, что после того, как изнашивалась старая обувь, у них были карбатыны¹, сделанные из свежесодранной воловьей кожи. (15) Вследствие этих-то обстоятельств некоторые из солдат отставали; завидев одну черную прогалину, образовавшуюся от исчезновения снега, они заключили, что снег там растаял. И действительно, в этом месте он растаял вследствие находившегося вблизи в лесном овраге источника, от которого подымался пар. Повернувшись туда, они сели и отказались идти дальше.

§§ 19—36

(19) Ксенофонт и его отряд, сказавши больным, что на следующий день кто-нибудь придет за ними, продолжали путь и, не пройдя и четырех стадиев, встретили на дороге солдат, которые, закутавшись, спали на снегу, не выставив даже часовых; их разбудили, и они объявили, что авангард не двигается вперед. (20) Ксенофонт, проходя мимо, послал вперед самых сильных пелтастов² с приказанием разузнать причину задержки. Посланные донесли, что все войско отдыхает таким же образом. (21) Тогда и отряд Ксенофонта расположился тут же без огня и без ужина, поставив часовых, каких можно было. Под утро Ксенофонт послал к больным самых молодых людей с приказанием поднять их и заставить идти вперед. (22) В это время Хейрисоф посылает людей из деревни узнать, в каком положении находится арьергард. Солдаты Ксенофонта с радостью увидели их, передали им больных для доставления в лагерь, а сами продолжали путь и, не пройдя 20 стадиев, очутились у той деревни, в которой стоял Хейрисоф. (23) Когда части соединились, было признано безопасным разместить отряды по деревням. Хейрисоф остался на месте, а прочие военачальники, по жребию разделивши между собою деревни, которые были видны оттуда, отправились каждый со своим отрядом. (24) Здесь лохаг³ Поликрат афинянин попросил отпуска и, взяв с собою легковооруженных, сделал набег на ту деревню, которая досталась Ксенофону, и захватил в ней всех поселян, старшину, 17 жеребят, которых кормили в дань царю, и дочь старшины, бывшую девятый день замужем; муж ее ушел на охоту за зайцами и поэтому не был взят в деревню. (25) Дома здесь были подземные с входом наподобие колодца, но внизу широкие; для животных были прорыты входы, а люди спускались по лестнице. В домах содержались с детенышами—козы, овцы, коровы, домашние птицы. Весь скот в домах кормился сеном. (26) Там была и пшеница, ячмень, овощи и ячменное вино в сосудах; ячменные зерна плавали в них в уровень с краями; туда же были вложены тростинки большого и меньшего размера без коленцев; (27) желающему напиться нужно было брать тростинку в рот и сосать. Этот напиток был очень крепок, если не смешать его с водою; привыкшим к нему он казался чрезвычайно приятным. (28) Ксенофонт пригласил начальника этой деревни к своему столу и советовал не унывать, уверяя, что у него не отнимут детей и при отбытии наполнят его дом запасами, если он до перехода их в пределы другого народа заявит себя какими-нибудь услугами войску. (29) Тот дал обещание и в доказательство своего расположения указал место, где было зарыто вино. Таким образом эту ночь все солдаты провели на квартирах среди

¹ [Карбатыны — род сапог, которые носили обычно крестьяне и пастухи; изготовлялись из одного куска сыромятной кожи.]

² [Пелтаст — щитник, легковооруженный воин.]

³ [Лохаг — командующий лохом — (войсковая единица, содержащая от 100 до 200 чел.).]

изобилия во всем; старшину они держали под караулом и детей его не упускали из виду. (30) На следующий день Ксенофонт, взяв с собою старшину, отправился к Хейрисофу; где ему случалось проходить через деревню, он заходил к квартировавшим в деревнях *солдатам* и повсюду заставлял их пирующими и веселыми; нигде не отпускали их без завтрака; (31) везде сразу подавали на стол баранину, козлятину, поросятину, телятину, курятину со множеством пшеничного и ячменного хлеба. (32) Когда кто-либо из расположения к другому хотел пить за его здоровье, то тащил его к сосуду, из которого приходилось, нагнувшись, тянуть подобно быку. Старшине также предлагали брать, что угодно, *однако* он ничего не брал, но где видел кого-нибудь из родственников, всегда брал с собою. (33) Пришедши к Хейрисофу, они застали и его солдат пирующими на квартирах, в венках из сухой травы; прислуживали им арменские мальчики в варварских нарядах; эллины указывали им знаками, как глухонемым, что нужно было делать. (34) Хейрисоф и Ксенофонт, поздоровавшись, вместе спросили старшину через переводчика, говорившего по-персидски, что это за страна? Тот отвечал, что Армения. Затем они спросили: для кого кормят лошадей? тот сказал, что в дань царю; соседнюю страну он назвал областью халибов¹ и объяснил, каким путем идти туда. (35) Тогда Ксенофонт отвел его к его семейству и подарил ему захваченного им раньше коня с тем, чтобы тот *хорошенько* откормил его и принес в жертву: Ксенофонт слышал, что этот конь был посвящен Гелию, и боялся, чтобы он не пал, так как изнурен был походом².

Себе же взял он одного из молодых жеребцов и роздал по жеребцу каждому военачальнику [и лохагу]. (36) Лошади местной породы были меньше персидских, но гораздо резвее. При этом старшина научил их во время пути по снегу обвязывать ноги лошадей и вьючных животных мешочками, так как без них животные вязли в снегу по самый живот.

Гл. 6, §§ 1—6

(1) На восьмой день *Ксенофонт* передал проводника Хейрисофу, а старшине оставил его семейство, за исключением сына, только что достигшего возмужалости; этого последнего он передал под охрану амфиполиту Эписфену для того, чтобы отец получил его при уходе, если хорошо исполнит обязанность проводника. В дом старшины нанесли как можно больше *всяких запасов* и, собравшись, двинулись *далее*. (2) Старшина, шедший не связанным, указывал им дорогу по снегу. Уже на третьем переходе Хейрисоф рассердился на него за то, что он не привел их в деревни; тот отвечал, что в этой местности *деревень* вовсе нет. Хейрисоф побил его, но не связал. (3) После этого старшина ночью бежал, оставив *своего* сына. Это *обстоятельство*, т. е. дурное обхождение с проводником и небрежность были единственным поводом к размолвке между Ксенофонтом и Хейрисофом во *все* время пути ... (4) После этого прошли 7 переходов по 5 парасангов в день, вдоль реки Фасиса, шириною в плефр³. (5) Затем прошли в 2 перехода 10 парасангов. При перевале *через горы* в равнину встретили их халибы, таохи и фасианы⁴. (6) Хейрисоф, увидев неприятеля на пере-

¹ [О халибах см. в прим. к фр. 195 Гекатея.]

² [Посвящение Гелию коней, а также принесение их ему в жертву засвидетельствовано у греков на о. Родосе (а также у персов и у массагетов). См. Roscher, Mythol. Lexikon, s. v. «Helios».]

³ [Фасис — Рион. Плефр — шестая часть стадия.]

⁴ [О халибах см. в прим. к фр. 195 Гекатея. Таохи — горное племя, жившее на реке Главке (одна из двух рек, образующих реку Айсор (Акампис). Фасианы — жители Фасиса, т. е. колхи, о которых см. в прим. к фр. 185 Гекатея.]

вале, остановился на расстоянии до 30 стадиев, чтобы не подойти к неприятелю фланговым строем, и послал остальным приказ подвести свои отряды так, чтобы войско образовало фалангу¹.

§§ 22—27

(22). После ужина, с наступлением ночи, отряженные *солдаты* ушли и заняли гору, остальные же легли отдыхать на месте. Неприятели, заметивши, что гора занята, не спали всю ночь и жгли много костров. (23) С наступлением дня Хейрисоф принес жертву и повел войско по дороге, а те, которые заняли гору, двинулись (на неприятелей) по крутизнам. (24) Главные силы неприятелей стояли на перевале через гору, а *одна* часть их двинулась навстречу шедшим по крутизнам. Прежде чем сошлись главные силы, бывшие на крутизнах *отряды* вступили в схватку, в которой эллины одержали верх и преследовали побежденных. (25) В это время и в долине эллинские пелтасты бросились бегом на стоявших против них *неприятелей*, а Хейрисоф с гоплитами следовал за ними скорым шагом. (26) Неприятели, *стоявшие* на дороге, увидев поражение *своего отряда*, бывшего на вершине, *также* бросились бежать; при этом были убиты немногие из них, но было захвачено очень много плетеных щитов; эллины рубили их мечами и *таким образом* делали негодными к употреблению. (27) Взобравшись на вершину, *эллины* совершили жертвоприношение и поставили трофей², а затем спустились на равнину и вступили в деревни, изобиловавшие всяким добром.

ПОХОД ЧЕРЕЗ ЗЕМЛЮ ТАОХОВ, ХАЛИБОВ И СКИФИНОВ

Гл. 7, §§ 1—4

(1) Отсюда *эллины* направились в *землю таохов*³ и *прошли* в 5 переходов⁴ 30 парасангов; *здесь* стал ощущаться у них недостаток провианта, потому что таохы жили в укрепленных местах, где и хранили собранные запасы всякого провианта. (2) Когда *эллины* подошли к *одному* месту, которое *не представляло собою* города и не имело строений, но в котором собрались *то.да* мужчины и женщины со множеством скота, Хейрисоф тотчас по прибытии сделал на него нападение. Когда уставал первый отряд, подходил другой, затем третий: многим *сразу* невозможно было окружить его, так как кругом была река. (3) Когда пришел Ксенофонт с арьергардом, пелтастами и гоплитами, Хейрисоф сказал: «Вы пришли как раз кстати: это место *нам* нужно взять, потому что, если мы не возьмем его, у войска нет продовольствия». (4) Тут они стали совещаться; на вопрос Ксенофонта, что им мешает войти туда, Хейрисоф отвечал: «Этот проход, который ты видишь,—единственный; а когда кто попытается пройти по нему, *неприятели* скатывают камни с этой выдающейся скалы, и если кого заденут, с тем случается вот что». При этом он указал на солдат с разбитыми ногами и бедрами.

§§ 12—22

(12) Таким образом *эллины* взяли это место. Они ворвались туда разом, так что не было брошено сверху ни одного камня. (13) Тут представилось

¹ [Фаланга—боевой строй тяжеловооруженных воинов, тесно сомкнутой линией в несколько шеренг.]

² [Трофей—памятник, ставившийся в знак победы на поле битвы. Сооружался большей частью из захваченного у неприятеля оружия.]

³ [О таохах см. в прим. к гл. VI, 4.]

⁴ 30 декабря 401 г.—3 января 400 г. до н. э.

страшное зрелище: женщины стали бросать своих детей с *утесов* и затем бросались сами; то же *делали* и мужчины. Тут лохаг Эней Стимфалийский, увидев, как один человек в красивом платье побежал с намерением броситься вниз, схватил его, чтобы удержать; (14) но тот увлек его *за собою*, и оба они полетели со скалы и убились. *Таким образом*, людей здесь было взято очень мало, но зато много волов, ослов и овец. (15) Оттуда прошли через *землю халибов*¹ в 7 переходов 50 парасангов. Из всех *народов*, через *земли* которых *эллыны* проходили, халибы были самые мужественные и вступали врукопашную с *эллинами*. Халибы носили льняные панцыри, *доходившие* до живота, а вместо оперения к *панцырям* были густо *прикреплены* крученые шнуры; (16) они носили также поножи и племы, а у пояса нож в роде лаконского меча; им они резали *всякого*, кто попадался в их руки, отрезывали головы и с ними шли дальше; когда неприятель мог их увидеть, они пели и плясали. У них были также копыя локтей в 15 *длины* с одним острием. Они оставались в своих городках, (17), а когда *эллыны* проходили мимо, то они их преследовали, постоянно готовые к бою. Жили они в укрепленных *местах*, куда свезли и продовольствие, так что *эллыны* здесь ничего не могли достать и питались *тем* скотом, который взяли у тахов. (18) Потом *эллыны* пришли к реке Арпасу² в 4 *плефра* ширины; а оттуда по земле скифинов прошли в 4 перехода 20 парасангов по равнине и *прибыли* в деревни, в которых пробыли 3 дня и запаслись провиантом.

(19) Отсюда прошли они в 4 перехода 20 парасангов до большого, богатого и населенного города, называвшегося Гимниадой³. Из этого *города* начальник [страны] выслал к *эллинам* проводника, чтобы повести их через страну своих врагов. (20) Проводник, придя, объявил, что в 5 дней проведет их в такое место, откуда они увидят море; в противном же случае предоставил им умертвить его. Приведя их в враждебную *своему народу* страну, он стал подстрекать *эллынов* жечь и опустошать ее; отсюда и стало очевидно, что он пошел именно ради этой *цели*, а не из расположения к *эллинам*. (21) На пятый день⁴ они приходят к горе, называвшейся Фех⁵. Когда передовые взобрались на гору, поднялся громкий крик. (22) Услышав *его*, Ксенофонт и воины арьергарда подумали, что спереди нападают новые неприятели, так как *зади* шли *жители* выжженной страны, причем солдаты арьергарда некоторых из них убили или захватили живыми из засады, захватив до двадцати плетеных щитов, покрытых сырыми и косматыми шкурами.

§§ 25—27

(25) Когда все поднялись на вершину, солдаты с слезами на глазах обнимали друг друга, стратегов и лохагов. И вдруг по чьему-то распоряжению солдаты натаскали камней и сложили большой курган; (26) на нем положили множество сырых воловых шкур, палки и взятые плетеные щиты; причем проводник сам рубил их и советовал *делать то же*. (27) После этого *эллыны* отпустили проводника *домой*, подарив ему из общественных средств коня, серебряную чашу, персидское платье и 10 дариков,

¹ [О халибах см. в примечании к фр. 195 Гекатея.]

² [Арпас—нынешняя Чорук-Су, отождествляемая обычно с Акинасом или Акимпсисом.—см. ВДИ, 1939, № 2, стр. 309 (карта).]

³ Гимниада—большое поселение скифинов (о них см. в прим. к гл. VIII, 1), в земле халибов. О нем упоминает также Диодор в кн. XIV, 21.]

⁴ 27 января 400 г.

⁵ [Горе Фех (у Диодора, XIV, 29, 3—Хенион) соответствует высота в 2000 м близ Зигапы, к юго-западу от Трапезунда.]

но он больше всего просил перстней и набрал *их* много у солдат. Указав им деревню, где они могли бы расположиться, и дорогу, по которой им нужно пройти в *землю макронов*¹, он с наступлением вечера ушел домой.

ПОХОД ЧЕРЕЗ ЗЕМЛЮ МАКРОНОВ ДО ТРАПЕЗУНТА

Гл. 8, §§ 1—3

(1) Отсюда эллины прошли в 3 перехода 10 парасангов через землю макронов. В первый же день они дошли до реки, которая отделяла землю макронов от скифинов². (2) Вправо от них поднималась почти неприступная местность, а налево текла другая река, в которую впадала пограничная и через которую *им* приходилось переправиться. Берега ее густо заросли нетолстыми, но частыми деревьями. Подойдя к *реке*, эллины стали рубить их, торопясь как можно скорее выбраться из *этой* местности. (3) Между тем макроны с плетеными щитами и копьями и в волосяных хитонах выстроились против переправы, ободряли друг друга и бросали камни в реку; *до эллинов* камни не долетали и не причиняли им никакого вреда.

§§ 6—9

(6) На вопрос эллинского переводчика, почему макроны желают быть врагами эллинов], они отвечали: «Потому что и вы идете на нашу страну». Тогда стратеги велели передать макронам, что «Мы идем не с целью нанесения вреда, а возвращаемся в Элладу по окончании войны с царем и хотим добраться до моря». (7) Те спросили, могут ли эллины дать в этом клятву. *Эллины* отвечали, что они согласны обменяться *клятвами*. Тогда макроны дали эллинам варварское копьё, а эллины им—эллинское: в этом, по словам *макронов*, состояла клятва; обе стороны *при этом* призвали богов в свидетели. (8) По заключении договора макроны тотчас стали помогать *эллинам* рубить деревья и прокладывать дорогу для переправы, причем совершенно смешивались с эллинами; продавали продовольствие, какое могли, и провожали в продолжение трех дней, пока не довели эллинов до пределов колхов. (9) Там была большая гора, и на ней выстроились колхи. Эллины сначала выстроились было против *неприятеля* фалангой, чтобы таким образом взойти на гору; но потом стратеги решили собраться и посоветоваться, каким образом лучше всего дать сражение.

§§ 16—24

(16) [После того как войско выстроилось по новому плану], стратеги приказали совершить молитву; помолвившись и пропев пэан, эллины выступили; *при этом* Хейрисоф и Ксенофонт со своими пелтастами шли вне линии неприятелей. (17) Неприятели, увидев их, стали в свою очередь обегать их, одни на правый фланг, другие на левый, и *таким образом* разделились, так что в середине их фаланги образовался значительный промежуток. (18) Пелтасты аркадского отряда, которыми начальствовал акарнанец Эсхин, приняли *их движение* за бегство и с криком бросились вперед. *Таким образом*, они первые взойшли на гору; за ними следовала и аркадская тяжелая пехота под начальством орхоменца Клеанора. (19) Неприятели, раз бросившись бежать, уже не останавливались

¹ [О макронах см. в прим. к фр. 191 Гекатея.]

² [Скифины—горное племя, жившее к югу от Трапезунда. О них (под именем скифенов) упоминает также Диодор (XIV, 29).]

и спасались бегством врассыпную. Поднявшись на горы, эллины расположились во многих деревнях, изобиловавших провиантом. (20) Вообще здесь не было ничего особенно замечательного, но было много ульев; все солдаты, которые поеи сотов, лишались сознания, страдали рвотой и поносом, и никто не мог держаться прямо на ногах; те, которые съели немного, похожи были на сильно опьяневших, а съевшие много казались сумасшедшими, некоторые даже умирающими. (21) Многие лежали в таком виде, как будто после поражения, и все очень упали духом. Но на следующий день ни один не умер, и около того же часа [в который накануне ели мед], больные стали приходить в себя, а на третий и на четвертый день вставали, как будто после отравы зельем. (22) Отсюда эллины прошли в 2 перехода 7 парасангов и пришли к морю в эллинский город Трапезунт¹, колонию жителей Синопы, при Понте Эвксинском, в стране колхов. Здесь они пробыли около 30 дней в деревнях колхов и (23) отсюда совершали опустошительные набеги на Колхиду. Жители Трапезунта продавали войску продовольствие, принимая эллинов дружески и в виде гостинцев дали им быков, ячменной муки и вина. (24) Они также ходатайствовали за соседних колхов, преимущественно живших на равнине; от этих последних также в подарок были приведены быки.

КН. V 1. НАБЕГ НА ЗЕМЛЮ ДРИЛОВ

Гл. 2, §§ 1—6

(1) Когда уже нельзя было доставать провиант так *близо*, чтобы в тот же день возвращаться в лагерь, Ксенофонт взял у жителей Трапезунта проводников и повел половину войска в землю дрилов², а другую половину оставил для охраны лагеря, ввиду того, что колхи, выгнанные из своих жилищ, собрались в большом числе и засели на вершинах гор. (2) Трапезунтские проводники не вели эллинов туда, откуда легко было бы достать провиант, потому что были в дружбе с жителями *таких местностей*, но охотно повели в страну обижавших их дрилов,—в горные и непроходимые местности и *против* самого воинственного из припонтийских племен. (3) Когда эллины появились в горной стране, дрилы стали поджигать и покидать все деревни, которые, по их мнению, могли быть взяты *врагами*; поэтому здесь ничего нельзя было достать, кроме разве свиньи, быка или какого-нибудь другого животного, спасшегося от огня. Одно укрепление было у них главным пунктом; в него-то и собрались *теперь* все они. Оно было окружено очень глубоким оврагом, и доступ к нему был труден. (4) Пелтасты, опередившие гошлитов на 5 или 6 стадиев, перешли *этот* овраг и, увидев множество овец и другого имущества, сделали приступ к укреплению. За ними следовало много копьеносцев, отправившихся за провиантом; так что перешедших *овраг* оказалось до 1000 человек. (5) Но так как с боя они не могли взять укрепления, потому что кругом его был проведен широкий ров, в насыпи которого были *пона-тыканы* колья и выстроено множество деревянных башен, то они стали думать об отступлении; но *неприятели* напали на них с *тыла*. (6) Не

¹ [Трапезунт на том же месте, что и ныншний Трапезунд. У Ксенофонта, как и у некоторых позднейших авторов, Колхида простирается к югу до Трапезунта, тогда как обычно территория ее ограничивается Рюонской низменностью от предгорий Мало-го Кавказа до Сухуми.—ср. ВДИ, 1938, № 2, стр. 307 сл.]

² [Дрилы—дикое и воинственное племя, жившее к северо-востоку от Трапезунта. Арриан («Перипл Эвкс. Понта», 11) отождествляет их с саннами (т. е. с макронами)—см. в прим. к фр. 191 Гекатея.]

имея возможности спастись бегством, так как спускаться с укрепления в овраг можно было только по одиночке,—они послали *вестника* к Ксенофону, который вел гоплитов.

§§ 20—27

(20) Ксенофонт с лохагами стали обсуждать, можно ли взять вершину, так как в этом состояла *их* твердая надежда на спасение, а иначе отступление представлялось весьма трудным. После обсуждения они решили, что укрепления никак невозможно взять. (21) Тогда они стали готовиться к отступлению и начали разбирать частокол, каждый свою часть; *солдат*, неспособных и занятых багажом, а также и большую часть гоплитов, лохаги отослали, оставив *только* тех, на которых каждый *особенно* полагался. (22) Когда они начали отступать, из крепости выбежало множество *неприятелей* с плетеными щитами и копьями, в поножах и пафлагонских шлемах; другие взбирались на *крыши* домов, расположенных по обе стороны улицы, ведущей на вершину, (23) так что не безопасно было даже преследовать до ворот, ведущих на вершину, потому что *враги* сверху бросали большие бревна. Таким образом, опасно было и оставаться, и отступать; наступавшая ночь еще более усиливала страх. (24) Но среди сражения в затруднительном для *эллинов* положении некий бог указал им средство к спасению: внезапно на правой стороне загорелся дом, неизвестно кем подожженный; когда он рухнул, враги бросились бежать из домов на правой стороне. (25) Когда Ксенофонт, благодаря случаю, узнал об этом, он приказал зажечь дома и на левой стороне; дома были деревянные и поэтому быстро загорались. Тогда *враги* убежали и из этих домов. (26) *Теперь* страшили *эллинов* только те, которые были у входа и имели очевидное намерение напасть на *них* при выходе и при спуске в овраг. Тогда Ксенофонт приказывает тем *солдатам*, которые были вне выстрелов, сносить бревна на середину между своими и неприятелями; когда *этих бревен* набралось достаточное количество, они зажгли *их*, а также стали зажигать и дома, *находившиеся* около самого вала, с целью привлечь на них внимание неприятеля. (27) Таким образом им удалось, *хотя* с трудом, отступить от укрепления благодаря разведенному посредине между ними и неприятелями огню. Весь город сгорел: дома, башни, палисады и все остальное, за исключением укрепления.

Гл. 3, §§ 1—2

(1) Так как Хейрисоф не возвращался, не было достаточного количества кораблей и больше нельзя было доставать продовольствия, то решено было выступить... (2) Отправившись в путь, они на третий день пришли в эллинский приморский город Керасунт¹, основанный в Колхиде выходцами из Синопы.

2. ПОХОД ЧЕРЕЗ ЗЕМЛЮ МОССИНИКОВ

Кн. 5, гл. 4, §§ 1—3 и 8

(1) Из Керасунта морем ехали те же, что и раньше, а прочие шли сухим путем. (2) Придя к пределам моссиников², они послали к ним трапезунтца Тимисифея, бывшего прокшеном моссиников, с вопросом, будут ли они во время прохода через их землю друзьями или врагами. Те, надеясь на

¹ [Керасунт—между Синопой и Трапезунтом, современный Керасон или Геразун.]

² [О моссиниках см. в прим. к фр. 193 Гекатея.]

свои укрепления, отвечали, что не пропустят их. (3) Тогда Тимисифей заявил *эллинам*, что жители следующей области находятся во вражде с этими *моссиниками*: поэтому решено было пригласить тех, не пожелают ли они заключить союз. Посланный к ним Тимисифей привел с собою их начальников...

(8) Предводитель моссиников отвечал, что они согласны и принимают союз.

§§ 11—17

(11) Обменявшись клятвами с *эллинами*, моссиники ушли и на другой день явились с 300 лодок-однодеревок, из коих в каждой сидело по три человека; по два из них выходили и становились в строй, а один оставался в лодке. (12) Эти последние с лодками отплыли назад, а оставшиеся построились в ряды следующим образом: они стали по сотням, не больше, одни против других подобно хорам; у всех были плетеные щиты, обтянутые воловьими шкурами с белою шерстью и имевшие форму листа плюща, а в правой руке—дротики *длиною* около 6 локтей, спереди снабженные острием и в начале древка деревянным шаром. (13) Одеты они были в небольшие хитоны, не доходившие до колен, такой толщины, как мешечный холст, на головах имели кожаные шлемы, вроде пафлагонских, с пучком волос посредине, видом очень напоминавшие тиару; *кроме того*, у них были и железные секиры. (14) После того [как они выстроились], один из них запел, а все остальные пошли в такт с пением и, прошедши сквозь ряды эллинского войска и лагерь, сразу двинулись против неприятелей на то укрепление, которое им казалось наиболее доступным. (15) Оно лежало перед городом, который назывался у них «Столицей»¹ и занимал самый возвышенный пункт *страны* моссиников. Из-за него-то и воевали они *между собою*, ибо те, в чьих руках он находился, считали себя владыками всех моссиников; *между тем* союзники *эллинов* говорили, что враги их не по праву владеют им, а силою захватили общее достояние и *теперь* величаются *перед ними*. (16) К моссиникам присоединились и некоторые из эллинов, не по приказанию начальства, а с целью грабежа. При их приближении неприятели сначала стояли спокойно, но когда *нападающие* подступили близко к укреплению, они сделали вылазку, обратили их в бегство, убили *при этом* много варваров и некоторых из присоединившихся к ним эллинов и преследовали *бегущих до тех пор*, пока не увидели, что эллины идут им на помощь. (17) Тогда они повернули и пошли назад, отрезали головы у убитых и показывали их *эллинам* и своим врагам, причем плясали и пели на какой-то *особый* лад.

§§ 22—34

(22) Так провели этот день *эллины*; на следующий же день, совершив жертвоприношение и получив благоприятные знамения, позавтракали, *затем*, построившись прямыми колоннами и поставив варваров таким же строем на левом крыле, двинулись *вперед*, имея стрелков между лохами, на некотором расстоянии впереди фронта гоплитов, (23) потому что у неприятелей были легковооруженные, которые, выбегая вперед, бросали в *эллинов* камнями; их-то должны были отражать стрелки и пелтасты. Остальные шли шагом сначала *к тому* укреплению, от которого накануне были отражены варвары и сопровождавшие их *эллины*, ибо здесь стояли неприятели. (24) Нападение пелтастов варвары выдержали и сражались с ними, но при приближении гоплитов бежали. Тогда пел-

¹ [Об этой «столице» (Μητροπόλις) упоминает также Стефан Византийский. з. v.].

тасты немедленно бросились за ними в погоню вверх к городу, а гошлиты в порядке следовали за ними. (25) Когда *эллыны* поднялись до самых строений Столицы, неприятели, собравшись вместе, встретили их метальными копьями; кроме того, у них были другие копья, столь длинные и толстые, что одному человеку трудно было их нести; этими копьями они пытались отражать *эллынов* врукопашную. (26) Но так как *эллыны* не уступали, а, *напротив*, дружно шли *вперед*, то варвары бросились бежать и отсюда, и все покинули укрепление. Царь их, живший в *моссине* (деревянной башне), построенном на возвышении (он должен здесь *оставаться постоянно*, здесь его содержат на общественный счет и охраняют), не согласился выйти, равно как и *тот, который был* в прежде взятом укреплении; оба они сгорели на месте в *своих* башнях. (27) *Эллыны*, грабя укрепления, находили в домах большие запасы провеянных хлебов, собранные в предыдущем году, по словам *моссиников*, а также и новый хлеб, лежавший еще необмолоченным; больше всего было полбы. (28) Находили также в амфорах куски соленого мяса дельфинов и дельфиновый жир в сосудах; *моссиники* употребляли его так же, как *эллыны* масло; (29) в верхних этажах было множество плоских орехов без всякого рубца *на скорлупе*. *Моссиники* по большей части питались ими в вареном виде или в виде печеного хлеба. Находили также вино, которое без примеси воды имело острый и терпкий вкус, но с водою было душисто и приятно. (30) *Эллыны* позавтракали здесь и пошли дальше, передав укрепление союзным с ними *моссиникам*. Когда им случалось проходить другие укрепления *моссиников*, державших сторону их врагов, то из наиболее доступных часть жителей бежала, а другие добровольно сдавались. (31) Большая часть *этих* городов были такого рода: они отстояли друг от друга стадиев на 80, некоторые дальше или ближе. Когда *жители* перекликались друг с другом, то крики слышны были из одного города в другом: так высока и изрыта оврагами эта страна. (32) Когда *эллыны* на пути дошли до *области своих* союзников, им показывали тучных детей богатых *лиц*; они кормились вареными каштанами, были очень нежны и белы и без малого таких же размеров в толщину, как в ширину; спины у них были разрисованы, а вся передняя часть тела татуирована цветами. (33) С гетерами, которых *эллыны* вели с *собою*, они хотели вступать в сношения открыто, ибо таков был у них обычай. (34) Все мужчины и женщины *очень* белы. Участники похода говорили, что этот *народ* из всех пройденных ими—наиболее варварский и наиболее отличается *своими* обычаями от *эллинских*: они публично делали то, что люди делают обыкновенно наедине, а наедине вели себя так, как если бы находились в обществе других: говорили сами с собою, смеялись сами по себе и вставали плясать где бы ни случилось, как будто показывая *свое искусство* другим.

3. ПОХОД ЧЕРЕЗ ЗЕМЛЮ ТИБАРЕНОВ

Гл. 5, §§ 1—3

(1) Страну *моссиников*, как враждебных им, так и дружественных, *эллыны* прошли в 8 переходов и *затем* пришли к халибам. Это был народ малочисленный и подвластный *моссиникам*; большая часть их жила разработкой железной руды. Оттуда прибыли к тибаренам¹. (2) Страна тибаренов была гораздо ровнее, и в ней по берегу моря лежали не сильно укрепленные местечки. Стратеги хотели было напасть на *эти* укрепления, чтобы дать войску случай поживиться, и *потому сначала* не при-

¹ [О тибаренах, племени, соседящем с мосхами, см. в прим. к кн. VII, 78 Геродота.]

няли присланных тибаренами даров, а приказали *послам* подождать их совещания и *затем* приступили к жертвоприношению. (3) После многих жертв все гадатели, наконец, объявили, что боги решительно не одобряют войны. Тогда приняли подарки, и в 2 дня мирно пройдя эту страну, пришли¹ в эллинский город Котиору², колонию жителей Синопы в земле тибаренов.

§§ 16—18

[Из речи Ксенофонта к синопским послам].

(16) «Если там, куда мы приходим, нам не дадут за деньги продовольствия, то будет ли это варварская страна или эллинская, мы по необходимости, а не ради насилия, забираем провиант. (17) Поэтому с кардухами, таохами и халдеями³, несмотря на то, что они не подвластны царю и очень страшны, мы вступили в борьбу вследствие необходимости добыть провиант, так как они нам не открывали рынка. (18) Между тем макронов, хотя и варваров, мы считали друзьями и силу у них ничего не брали, так как они *добровольно* продавали нам провиант, какой могли».

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАКАВКАЗСКИХ СТРАН ВО ВРЕМЯ ПОХОДА

Кн. VII, гл. 7, § 25

(25) [Во время похода начальствовал] над фасианами и гесперитами Тирибаз; кардухи, халибы, халдеи, макроны, колхи, моссиники, койты и тибарены не были подчинены царю.

ВОСПИТАНИЕ КИРА

(ΚΥΡΟΥ ΠΑΙΔΕΙΑ)

[Лучшее издание английское с коммент. The Cyropaedia, by H. A. Holden, Cambridge, 1887].

Кн. I, 1, 4

И [Кир] настолько превосходил других царей, получивших власть по наследству или приобретших ее сами, что, в то время как скиф, хотя скифов очень много, не мог бы подчинить себе никакого другого племени, но довольствовался, если бы правил только своим племенем, Кир <напротив>... властвовал над многими

Кн. V, 3, 24

... [Во время войны Кира Старшего с ассирийцами] в походе приняли участие и кадусии, и саки, и гирканцы. Войска собралось оттуда от кадусиев до 20 000 пелтастов и до 4000 всадников... потому что и кадусии и саки⁴ были врагами ассирийцев.

В «Киропедии» есть также неисторические рассказы о встрече Кира с армянским царем Тиграном: III, 1; V, 2, 27; 3, 42; VIII, 3, 25; 4, 1, 24; с халдами и армянами: III, 2, 3, 1—2; VII, 2, 5; с саками и кадусиями: V, 3, 42; 2, 25; 3, 22; VIII, 3, 18; V, 3, 38.

¹ 3 апреля 400 г. до н. э.

² [Котиора—позднее Китора, синопская колония в земле тибаренов, на месте нынешнего селения Орду.]

³ [Халдеи—вероятней всего, идентичны халибам-халдам (о которых см. в прим. к фр. 195 Гекатея) и во всяком случае не имеют ничего общего с вавилонскими халдеями. О кардухах см. в прим. к кн. IV, гл. 4, 1. О таохах см. в прим. к кн. IV, гл. 6, 4].

⁴ [Кадусии (или кедусии)—воинственное племя, жившее в горах Гиляны на юго-восточном берегу Каспийского моря; гирканцы—племена, жившие по южному побережью Каспийского моря; саки—кочевые племена Памира и среднеазиатских степей, родственные или близкие по культуре скифам.]

«ВОСПОМИНАНИЯ О СОКРАТЕ»

(ΑΠΟΜΝΗΜΟΝΕΥΜΑΤΑ ΣΩΚΡΑΤΟΥΣ)

[Крит. издание Гильберт (Gilbert), 1888, Лейпциг.]

II, 1, 10

...В Европе скифы господствуют, а меоты¹ им подвластны... [слова Сократа].

Я полагаю, однако, что во всяком организме мужество усиливается путем изучения и упражнения: очевидно, например, что скифы и фракийцы не осмелятся вступить в бой с лакедемонянами со щитами и копьями в руках, но также ясно, что и лакедемоняне не захотят сражаться ни с фракийцами посредством пелт и дротиков, ни со скифами посредством луков.

«ОБ ОХОТЕ»

(ΚΥΝΗΓΗΤΙΚΟΣ)

[Изд. Пирлеони (Pierleoni), Берлин, 1902]

II, 4

Опускные сети должны делаться из тонкого фасианского или карфагенского льна, а также и дорожные и полевые...

ЭНЕИ

Современник Ксенофонта. Казабон предполагал, что он тождествен с упоминаемым у Ксенофонта («Ист. Грец.», VII, 3, 1) Энеем Стимфалийским. Текст: изд. Hude [Есть новейший американский перевод военного кружка в Иллинойсе, 1923 г.]

«ТАКТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ТОМ, КАК СЛЕДУЕТ ЗАЩИЩАТЬСЯ ОСАЖДЕННЫМ»

(ΤΑΚΤΙΚΟΝ ΥΠΟΜΝΗΜΑ ΠΕΡΙ ΤΟΥ ΠΩΣ ΧΡΗ ΠΟΛΙΟΡΚΟΥΜΕΝΟΥΣ ΑΝΤΕΧΕΙΝ)

Боспорский тиран Левкон² лишал жалованья стражей, делавших долги благодаря игре в кости или другим излишествам.

ПЛАТОН

Знаменитый философ, родился в 427, умер в 348 г. до н. э.—[Текст: Оксфорд. изд., Joh. Burnet, 1901—1913.]

Упоминания о народах Северного Причерноморья и о фактах из их истории имеют в сочинениях Платона случайный характер. Некоторые из этих случайных замечаний, несмотря на их, по большей части, чисто морализирующий тон, имеют значение в качестве этнографических и историко-бытовых фактов.]

¹ [Меоты—племя в азиатской части Боспорского царства на восточном берегу Азовского моря.]

² Левкон I, 387—347 гг. до н. э.

«ФЕДОН»

(ΦΑΙΔΩΝ)

Гл. 58 (р. 109 b) ... Сверх того сказал [Сократ, я думаю]... что мы живем *лишь* на небольшой части земли от Фасиса до Геракловых столбов, расположившись вокруг моря, как муравьи или лягушки вокруг болота.

«ХАРМИД»

(ΧΑΡΜΙΔΗΣ)

В гл. 6 (р. 158 b) упоминаются «заклинания Залмоксиса и Абариса гиперборея»¹.

«ЛАХЕТ»

(ΛΑΧΗΣ)

Гл. 17 (р. 191 a et b). Сократ... Мужествен тот, о ком и ты говоришь, т. е. кто сражается с врагом, оставаясь на своем месте в строю.

Лахет. Да, я утверждаю это.

Сократ. И я тоже. А что же тот, кто сражается с врагами, обращаясь в бегство, а не оставаясь?

Лахет. Как, обращаясь в бегство?

Сократ. Как скифы, говорят, столько же сражаются посредством бегства, как и посредством преследования...

Лахет. Ты говоришь о способе сражения скифских всадников: так сражается их конница, а тяжелая пехота эллинов—так, как я говорю².

«ЭВТИДЕМ»

(ΕΥΘΥΔΗΜΟΣ)

Гл. 13 (р. 285 c). (Сократ говорит)... Я, будучи уже стар, готов отважиться и отдаю себя этому Дионисодору, как колхидянке Медее³; пусть он погубит меня, а если хочет, то и сварит,—пусть что хочет, то и делает,—лишь бы потом дал мне возможность явиться настоящим человеком.

Гл. 25 (р. 299 a). «А золото не признаешь ли ты благом?» спросил Ктесипп. «Да ведь уже признал же» <говорит Эвтидем>. «Так не должно ли его иметь всегда и везде и как можно больше при себе? И всего блаженнее был бы тот, кто бы имел три таланта золота в брюхе, талант в черепе и по статеру в каждом глазу. Да ведь и говорят, Эвтидем», сказал Ктесипп, что у скифов самые счастливые и лучшие люди те, которые имеют много золота на своих⁴ черепах... и, что еще удивительнее—они даже пьют из своих вызолоченных черепов и смотрят им на дно, имея свою голову в руках.

«ГОРГИЙ»

(ΓΟΡΓΙΑΣ)

Гл. 39 (р. 483 e). По какому праву Ксеркс предпринял поход на Элладу или отец его на скифов?...

¹ [Абарис—единственное названное в древней литературе «гипербореическое» имя. Залмоксис—мифический фракийский пророк и бог.]

² [О «скифской тактике» см. подробней у Геродота, кн. IV, 120 сл.]

³ Намек на то, что Медее была волшебница и, по преданию, сварила Эсона, чтобы возвратить ему молодость.

⁴ Т. е. на принадлежащих им черепах убитых врагов: по словам Геродота (IV, 65, см. выше), скифы обдελывали эти черепа в золото и употребляли вместо чаш.

«МЕНЕКСЕН»

(ΜΕΝΕΞΕΝΟΣ)

Гл. 9 (р. 239 е)... Третий (царь Азии) Дарий на суше раздвинул пределы своего царства до Скифии...

«ГОСУДАРСТВО»

(ΠΟΛΙΤΕΙΑ)

В'кн. X, гл. 3 (р. 600 а) упоминается скиф Анахарсис, как сделавший много полезных изобретений.

Кн. IV гл. II (р. 435 е). Итак, сказал я, разве нам необходимо признать, что у каждого из нас те же самые взгляды и обычаи, как и в государстве. Ведь они не пришли сюда извне. Было бы смешно, если бы кто подумал, что, например, мужество явилось в государствах не от отдельных лиц, которым и приписывается это качество, как, например, живущим во Фракии, Скифии и вообще в северных странах.

«ЗАКОНЫ»

(ΝΟΜΟΙ)

Кн. I, гл. 9 (р. 637 d). (Афинянин говорит лакедемонянину Мегиллу). ... Я говорю не о том, следует ли вообще пить вино, или нет, а о самом пьянстве: следует ли пить так, как пьют скифы и персы, затем карфагеняне, кельты, иберы и фракийцы—все народы воинственные, или так, как вы? Вы, как ты говоришь, совершенно воздерживаетесь от вина, а скифы и фракийцы, женщины и мужчины, пьют вовсе не разбавленное вино и, обливая им одежды, признают это прекрасным и благородным занятием...

Кн. 7 гл. 11, (р. 804 е). (Говорит афинянин)... Слушая древние сказания, я убедился, а относительно нынешнего времени, собственно говоря, даже знаю, что *между народами*, окружающими Понт, есть бесчисленное множество женщин, которых называют савроматидами и которые не только ездят верхом, но и владеют луками и прочим оружием и упражняются в употреблении их наравне с мужчинами¹...

Кн. 7, гл. 5 (р. 795 а.). Это доказывает² обычай скифов, которые не натягивают лук *только* левой *рукой*, а правой только накладывают стрелу, но одинаково применяют обе *руки* для *обоих действий*.

«ЭРИКСИЙ»

(ΕΡΥΣΙΑΣ)

Гл. 18 (р. 400 d)... Если бы мы захотели разобрать, почему у скифов дома не считаются богатством, а у нас *считаются*..., то нашли бы, быть может, преимущественно следующую причину...

Гл. 19. Не потому ли, сказал я, что одно для нас полезно, а другое бесполезно? Да. Ведь и у скифов дома не считаются богатством именно

¹ [О савроматских женщинах см. подробнее у Геродота, кн. IV, 110 сл. и в примечаниях к этой главе.]

² Речь идет о необходимости приучать детей одинаково владеть правой и левой рукой.

потому, что у них нет никакой нужды в доме. Скиф вряд ли предпочтет иметь прекраснейший дом, чем кожаный тулуп, ибо последний ему полезен, а первый бесполезен...

СХОЛИИ К ПЛАТОНУ

Текст: как приложение к изд. Гермманна (С. F. Hermann) *Platonis dialogi*, т. VI, стр. 445 сл.

К «ГОСУДАРСТВУ»

(ΠΟΛΙΤΕΙΑ)

К р. 600 а (р. 351 Негм.). Анахарсис был сыном скифского царя Гнура и матери гречанки, почему и владел обоими языками. Он гостил в Афинах у Солона; возвратившись в Скифию, чтобы научить *своих соплеменников* эллинским обычаям, был застрелен из лука своим братом и, умирая, сказал: «Благодаря речи, я спасся из Эллады, а вследствие зависти убит на родине»¹.

Пифагор... между прочим слушал... гиперборея Абариса и мага Зарата.

АНТИФАН

Один из виднейших представителей средней комедии в Афинах, жил в первой половине IV в. до н. э. и написал 260 (по другим данным даже 365) пьес, которые до нас не сохранились, но отрывки имеются более чем из 200.—Собрание отрывков: Коск, CGF, т. II, стр. 12—135.

«З л о н е н а в и с т н и к», фр. 159, (Athen., VI, р. 226 d). [Антифан в «Злоненавистнике» говорит:] «Затем, разве не весьма мудры скифы? Они новорожденным детям дают пить кобылье и коровье молоко».

В. «И не приставляют к ним, клянусь Зевсом, зловредных кормилиц и дядек»...

«С к и ф ы и т а в р ы», фр. 201, (Poll., VII, 59): [Виды одежд:]... Антифан в «Скифах» сказал: «все одеты в шаровары и хитоны»; ср. у него же X, 168: Антифан в «Скифах и таврах», шаровары и т. д.). Ср. замечания Кока (ук. соч., стр. 96), о названии этой комедии и о слове *σφαῖρα* (т. е. шаровары), стр. 97.

ЭФОР

Историк Эфор, уроженец малоазийского города Кумы, жил в IV в. до н. э. приблизительно между 405 и 330 гг.—Собрание отрывков: Müller, FHG, т. I, стр. 234—277.

[Ученик Исократ Эфор—составитель первой «Всемирной истории» (о скифах речь шла в кн. IV, озаглавленной Εὐρώπη); наиболее существенные отрывки, относящиеся к Скифии,—у Космы Индикоплова (фр. 38) и у Страбона (фр. 76). Эфор вводит Скифию прочно в географические и исторические рамки древней ойкумены, помещая скифские народы на севере Европы против эфиопов (т. е. африканских народов), между индийскими и кельтическими племенами. Трактовка скифской и кавказской истории у Эфора, сколько можно судить, не отличалась большой оригинальностью, и на ней сильно сказывалась широко распространенная и выраженная уже у Геродота морализующая тенденция, идеализирующая скифский общественный строй, в смысле противопоставления его варварской справедливости и простоты эллинской цивилизованной испорченности. См. М. Р о с т о в ц е в, Скифия и Боспор, стр. 25 сл.]

¹ Ср. Геродот, кн. IV, 76 сл.

ОТРЫВКИ ИЗ «ИСТОРИЙ»

(ΙΣΤΟΡΙΑΙ)

Из 4-й книги истории Эфора (fr. 38): Область, *обращенную* к Апелиоту и близкую к *солнечному* восходу, заселяют инды; *обращенною* к Ноту и полудню владеют эфиопы; *область* со стороны Зефира и солнечного заката занимают кельты, а *обращенную* к Борей¹ и северу заселяют скифы. Части эти неравны между собою: область скифов и эфиопов больше, а *область* индов и кельтов меньше... Заселенная скифами область занимает промежуточную часть солнечного круга; она лежит против народа эфиопов, который, повидимому, тянется от зимнего восхода до кратчайшего заката.

Нот

Зимний	И	Эфиопы	К	Зимний
восход	и		е	закат
Апелиот	д	(земля)	л	Зефир
	ы		ь	
			т	
			ы	
Летний		Скифы		Летний
восход				закат

Борей

Ср. Strab., I, стр. 59; Herod., VII, 70; Paus., I, 33; Scymn., 168—175.

Фр. 76 см. Strab, VII, 3, 9.

Фр. 77, там же, VII, 3, 15; ср. Dion. Perieg. v. 299.

Фр. 78 см. Scymn., vv. 841—885.

Книга V «Азия и Ливия».

Фр. 81 см. схол. к Apoll. Rhod., II, 1030; ср. Scymn., v. 900 сл.; Anon. Perieg., § 35.

Фр. 82 см. Steph. Byz. под словом Τιβάρηϊα; ср. Anon. Perieg., § 33.

Фр. 84 см. схол. к Apoll. Rhod., II, 360.

Фр. 87 см. Strab., XII, 3, 21.

Фр. 92 см. Athen., XII, 26 (p. 523 e).

Книга IX. Фр. 103 см. Steph. Byz. под словом 'Αμαζόνες

*АНДОКИД

[Сын Леагра, знатного афинского рода, родился около 400 г. до н. э. Слабый оратор, он стал известен благодаря привлечению его к процессу о гермокопиях (415 г.). Известны его 4 речи.—Текст изд. Блассом (Blass), Лейпциг, 1890].

¹ Борей—северный ветер, Нот—южный, Зефир—западный и Апелиот—восточный. Направления востока и запада указаны у Эфора в пределах тех колебаний, которые определяются точками восхода и захода солнца в наиболее длинный и наиболее краткий дни года.]

«О МИРЕ С ЛАКЕДЕМОНЯНАМИ»

(ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΠΡΟΣ ΛΑΚΕΔΑΙΜΟΝΙΟΥΣ ΕΙΡΗΝΗΣ)

И в первый раз тогда (после победы над персами) мы организовали отряд всадников в 300 человек и купили 300 скифов-лучников.

ДЕЙНОН

«Дейнон, отец известного писателя Клитарха (Plin, NH, X, 70)... О нем известно ничего, кроме того, что он является автором большого сочинения «О Персии», состоящего из трех, повидимому, частей или συντάξεις (разделов)»... (Мюллер, FHG, II, стр. 88). Собрание отрывков там же, стр. 89—95. Ср. A. Schaefer, Quellenkunde³, стр. 63.

«О Персии», раздел третий, кн. I, фр. 8 см. схол. к Nicand., Ther., 613.

ЭСХИН

Знаменитый аттический оратор, противник Демосфена, родился в 389, умер в 314 г. до н. э. [Текст: Eschine, par Martin et Guy de Budé («Les belles lettres»), 1927.

Будучи сторонником македонской партии и политическим соперником Демосфена, Эсхин в своих выступлениях против него проливает некоторый свет на личную заинтересованность афинской политической верхушки в боспорских делах и на личные связи аттической и боспорской торговой промышленной знати.]

II. «О НЕПРАВИЛЬНО ПРОВЕДЕННОМ ПОСОЛЬСТВЕ»

(ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΠΑΡΑΠΡΕΣΒΕΙΑΣ)

В речи Эсхин, обращаясь к Демосфэну (78) называет его «происходящим от матери из кочевых скифов».

III. «РЕЧЬ ПРОТИВ КТЕСИФОНТА»¹

(ΚΑΤΑ ΚΤΗΣΙΦΟΝΤΟΣ)

§ 128: дважды упоминается поход Филиппа в Скифию.

§ 171. Был некто Гилон из *дема* Керамеев. Он предал врагам² Нимфей, *местечко* в Понте, которое находилось тогда во владении нашего государства, и после доноса бежал из города [будучи приговорен к смерти], не подчинившись приговору; он прибыл в Боспор, получил там в дар от тиранов так называемые Кепы (Сады) и женился на женщине, правда, богатой, клянусь Зевсом, и принесшей в *приданое* много золота, но родом скифянке; от нее родились у него две дочери, которых он прислал сюда с большими деньгами, и одну выдал за лицо, *которого я не назову*, чтобы не навлечь на себя ненависти многих, а на другой женился вопреки государственным законам Демосфен *пэаниец*; от нее-то и произошел вам этот *проныра* и *сикофант* Демосфен.

¹ Сказана в 330 г. до н. э. [Ктесифонт—афинский политический деятель, предложивший в 337 г. до н. э. народному собранию наградить Демосфена золотым венком.]

² [Врагам—т. е. боспорским царям. О Нимфее и о Кепях—см. прим. к Zos. Asc., Vita Dem. С опровержением версии Эскина о предательстве Гилона выступил в свое время С. А. Жебелев, в статье «Боспорские этюды» (в ИГАИМК, вып. 104, стр. 7 сл.), где он вовсе отрицает заинтересованность Афин в делах Нимфеи и считает, что вся эта история—выдумка Эскина. В пользу взгляда С. А. Жебелева говорит то, что, как это явствует из речи Демосфена против Афоба (2, 1 сл.), Гилон умер в Афинах, не подвергаясь преследованию государственных властей. С другой стороны, если афинская надпись с перечислением плательщиков флороса в Понте восстанавливается правильно (см. у Б. Н. Гракова—ВДИ, 1939, № 3. Приложение № 1), то Нимфей стоит в этом списке на первом месте.]

СХОЛИИ К ЭСХИНУ

II. «О НЕПРАВИЛЬНО ПРОВЕДЕННОМ ПОСОЛЬСТВЕ»

(ΠΕΡΙ ΤΗΣ ΠΑΡΑΠΡΕΣΒΕΙΑΣ)

§ 78. (К словам оратора «И во», о Демосфен, будучи родом по матери из скифов-кочевников» в схолиях дается объяснения).

Кочевников скифов] скифское племя, так называемые жители кибиток.— Оратор как бы хочет сказать: «и притом не от благородных каких-либо скифов, но от кочевников, ведущих странствующую жизнь»¹.

§ 173. (К словам оратора: «Мы купили триста скифов»).

Скифов, т. е. стрелков; ибо скифы и критяне—стрелки.

III. «РЕЧЬ ПРОТИВ КТЕСИФОНТА»

(ΚΑΤΑ ΚΤΗΣΙΦΟΝΤΟΣ)

Нимфей] храм Нимф,—местность города при Понте. Ею владели афиняне, но афинянин Гилон передал тиранам Боспора.

Беглец] он удалился в изгнание и получил от тиранов местечко, которое называлось Кепами (Садами).

ГЕРМИЙ МЕТИМНЕЙСКИЙ

Историк Гермий Метимнейский жил в IV в. до н. э. Собрание отрывков: FHG, т. II, стр. 80—81.

«Периэгеса». Фр. 3 (Steph. Byz. под словом χαλκίς).

«Не знаю, действительно ли это наш Гермий. Возможно, что это Гекатей» Мкллер).

ДИОНИСИЙ ХАЛКИДСКИЙ

Историк, живший, вероятно, около середины IV в. до н. э.; автор сочинения «Об основании городов» в 5 книгах. Биографические данные и собрание отрывков—Müller, FHG, т. IV, стр. 393—396.

«Об основании городов» (Κτίσις). Из неизвестной книги, фрагм. 10 см. схолии к Apoll. Rhod., I, 1024.

АРИСТОТЕЛЬ

Знаменитейший философ древности, учитель Александра Македонского, родился в г. Стагире в 384, умер в г. Халкиде в 322 г. до н. э. [Текст по новому Тейбнеровскому изданию Апелъта, Биля (Biehl), Бласса, Криста, Шрантля, Розе, Суземиля, 1908—1923.

Аристотель специально касался вопросов истории и этнографии Скифии и Кавказа в недошедшем до нас сочинении Νόμιμα βάρβαρα—(«Чужестранные обычаи»). Отрывочные сведения о народах Причерноморья, разбросанные в других его (главным образом естественноисторических) сочинениях имеют более или менее случайный характер и важны лишь постольку, поскольку они в конечном счете восходят к тем же Νόμιμα βάρβαρα, роду литературы, до нас не дошедшему, но в Греции, начиная с Геланика, чрезвычайно популярному и разнообразному. См. Ростовцев, Скифия и Боспор, стр. 26 сл.]

¹ Речь идет о Клеобуле, матери Демосфена, производимой Эсхином из скифского рода.

«МЕТЕОРОЛОГИЯ»

(МЕТЕОРОЛОГИКА)

Кн. I, гл. 10, § 6. Роса бывает при южных *ветрах*, а не при северных, повсюду, кроме Понтийских стран; здесь наоборот: при северных *ветрах* бывает, а при южных не бывает. Причина этого явления—та же, по которой роса бывает в жаркое время, а зимою не бывает: южный ветер производит жар, а северный—холод: он холоден, так что своим холодным дуновением уничтожает теплоту. (7) А в Понте южный ветер не производит такого жара, при котором бы поднимались испарения, тогда как северный, отовсюду окружая *страну* холодом, собирает теплоту, так что скорее происходит сильное испарение.

Кн. I, гл. 13, § 15. В Азии, как мы видим, множество огромнейших рек течет с горы, называемой Парнассом¹, а она признается величайшею из всех гор с юго-восточной стороны: когда перейдешь ее, уже видно внешнее море, пределы которого неизвестны жителям здешних стран. (16) С этой горы текут, между прочим, Бактр, Хоасп и Аракс², от последнего отделяется в виде рукава Танаис в Меотийское озеро³. С нее же течет и Инд, самая многоводная из всех рек. (17) А с Кавказа, кроме многих других рек, выдающихся количеством и величиной, течет Фасис. Кавказ и по величине и по высоте самый большой из горных хребтов с северо-восточной стороны. (18) Доказательством его высоты служит то, что он виден с так называемых пучин и при входе в Меотийское озеро; кроме того, его вершины ночью освещаются солнцем до третьей ее части как перед зарей, так и с вечера; доказательством же его громадности служит то, что хотя в нем много долин, в которых живет много народов, и есть, говорят, большие озера, но все-таки все эти долины, говорят, ясно видны до самой отдаленной вершины.

§ 20. ...Под самым севером, выше крайних пределов Скифии, находятся так называемые Рипы⁴, о величине которых передаются очень баснословные рассказы. Оттуда, говорят, текут очень многие и притом самые огромные из других рек после Истра.

§ 29. Находящееся под Кавказом озеро⁵, которое туземцы называют морем, очевидно, находит себе выход в глубине: принимая в себя много больших рек и не имея открытого стока, оно изливается под землю у страны кораксов⁶, около так называемых пучин Понта; это неизмеримая глубина моря: по крайней мере никто еще никогда не мог достать дна, спуская лот.

¹ [Парнассом Аристотель называет здесь вершины Тянь-Шаня и Памира—хребты, с которых действительно берут начало многие реки Азии.]

² [Бактр—река в Бактриане, один из притоков Окса (Аму-Дарья). Хоасп—река в Сузиане; ранее впадала в Персидский залив, ныне—в Шат-эль-Араб. Аракс сохраняет свое название и ныне (если только Аристотель не именует так, вслед за Геродотом, Аму-Дарью, обычно называвшуюся в древности Оксом).]

³ [Судя по тому, что Аристотель выводит Танаис (Дон) из Аракса, истоки Дона и соотношение Азовского и Каспийского морей представляются ему в совершенно искаженном виде.]

⁴ [Рипы, или Рипейские Альпы, обычно—Урал, хотя из текста Геродота можно заключить, что это наименование, в результате совмещения, вызванного туманными представлениями о географии Азии, распространялось иногда и на Алтайские горы.]

⁵ [«Озеро под Кавказом»—Каспийское море. До Аристотеля господствовало представление, по которому Каспийское море имело выход в океан с северной стороны. На чем основаны предположения Аристотеля о подземном слиянии Каспийского и Черного морей, сказать трудно. Черное море, как известно, отличается в действительности большой глубиной.]

⁶ [Земля кораксов—в данном случае кавказское побережье в центральной его части; о кораксах см. в примечании к фр. 185 Гекатея.]

Кн. I, гл. 14, § 29. Даже побережье Меотийского озера вследствие речных наносов настолько увеличилось, что ныне входят туда для работы суда гораздо меньшей величины, нежели 60 лет тому назад; из этого легко сообщить, что и оно, подобно многим озерам, первоначально обязано своим происхождением рекам и что в конце концов ему суждено всему высохнуть¹.

§ 31. Так как время никогда не прекращается, и мир вечен, то очевидно, что ни Танаис, ни Нил не текли вечно, но что некогда те места, откуда они текут, были сухи: ибо их деятельность имеет предел, а время не имеет его.

Кн. II, гл. I, § 10. Есть довольно много морей, ни в одном месте не соединяющихся между собою; *празда*, Красное море, повидимому, имеет небольшое сообщение с тем, что за *Геракловыми* столбами, но Гирканское и Каспийское² отделены от него, и берега их кругом заселены...

§ 12. Все море по сю сторону Геракловых столбов имеет течение соответственно степени вогнутости земли и числу рек: Меотида течет в Понт, а последний—в Эгейское море. Во всех других морях это явление менее очевидно; (13) в вышеназванных же оно происходит вследствие множества рек (в Эвксин и Меотиду изливается столько рек, что они в несколько раз превосходят площадь последнего) и незначительности глубины: там море, повидимому, чем дальше, тем глубже, так что Понт глубже Меотиды, а Эгейское море—глубже Понта...³

Кн. II, гл. 4, § 47. У Линка есть один источник кислой воды, а в Скифии—горький; вытекающая из него *вода* делает горькою целую реку, в которую впадает⁴.

Кн. II, гл. 5, § 14. Длина населенной земли сильно разнится от ширины: ибо пространство от Геракловых столбов до Индии к пространству от Эфиопии до Меотиды и самых отдаленных местностей Скифии по величине относится более чем 5 : 3, если принять в расчет и морские пути и сухие, насколько можно достигнуть точности в такого рода измерениях.

«О ВСЕЛЕННОЙ»⁵

(ΠΕΡΙ ΚΟΣΜΟΥ)

Гл. III. С противоположной стороны от вышеупомянутых [морей и заливов] тянется Понт, состоящий из множества отдельных частей; самая отдаленная часть его называется Меотидою, а с внешней стороны он суживается к Геллеспонту так называемую Пропонтидою. У восхода солнца снова вливающийся океан образует Индийский и Персидский заливы, захватив рядом Красное море. С другой стороны, проходя узким и удлиненным рукавом, он снова расширяется, образуя Гирканское и Каспийское *моря*. *Пространство* выше его имеет глубокое место над Меотийским озером, затем понемногу выше скифов и Кельтской *земли* суживает населенную *землю* к Галатскому заливу и... Геракловым столбам, вне которых обтекает землю океан..

¹ [Дельта р. Дона действительно сильно изменилась на протяжении двух тысячелетий в результате наносов.]

² [Повидимому, здесь Аристотель называет Гирканским южную часть Каспийского моря, Каспийским же—северную часть того же моря (ср. также «О мире», гл. III). Геракловы столпы—Гибралтарский пролив.]

³ [Представления о морских течениях у Аристотеля совершенно превратны, равно как и о морских глубинах: Черное море не течет в Эгейское, а последнее не глубже Черного.]

⁴ [Линк—горная вершина в Эпире. Относительно горькой воды в устье Днепра ср. у Геродота, кн. IV, 81 и в примечании к этому месту.]

⁵ [«Книга вместе с вводным письмом, обращенным к Александру, ошибочно приписана Аристотелю» (Christ, Gesch. d. Griech. Litt., т. 2, стр. 408).]

Европа... пределы которой кругом—Геракловы столбы, отдаленнейшие части Понта и Гирканское море, от которого весьма узкий перешеек проходит до Понта. Некоторые называют от перешейка реку Танаис. Азию *называется часть света* от вышесказанного перешейка между Понтом и Гирканским морем до другого перешейка¹... Некоторые же полагают пределом Азии пространство от Танаиса до устьев Нила.

«ИСТОРИИ О ЖИВОТНЫХ»

(ΠΕΡΙ ΤΑ ΖΩΑ ΙΣΤΟΡΙΑΙ)

(Две последние книги считаются подложными).

Кн. III, гл. 21, 7. Больше или меньшее количество молока у млекопитающих животных изменяется в зависимости от величины тела и различия пищи, как, например, на Фасисе есть маленькие коровки, из коих каждая дает много молока...

Кн. V, гл. 19, 14. На реке Гипанисе у Боспора Киммерийского² около времени летнего солнцестояния приносится рекою род мешочков величиною побольше виноградных ягод; когда они лопнут, из них выходит крылатое четвероногое животное, оно живет и летает до вечера; при склонении солнца к западу оно сохнет и вместе с закатом умирает, проживши *всего* один день, почему и называется поденкою.

Кн. V, гл. 22, 8. В Понте есть порода пчел, отличающихся чрезвычайной белизной и производящих мед дважды в месяц. А в Фемискире у реки Термодонта³ в земле и в ульях делаются соты с очень небольшим количеством воска и с густым медом; сот этот гладок и ровен, пчелы производят его не постоянно, а только зимою, так как в это время года цветет плющ, который в изобилии растет в этой местности и с которого они берут мед. В Амис⁴ также привозится изнутри материка очень белый и густой мед, который пчелы делают без сотов на деревьях; такой же мед встречается и в других местах в Понте.

Кн. VI, гл. 22, 2. ... Скифы ездят верхом на жеребых кобылах, когда замечают особенно быстрое движение плода, и говорят, что этим облегчаются их роды.

Кн. VIII, гл. 12... Все животные от природы чувствительны к переменах тепла и холода... Одни из них находят себе защиту в обычных местах жительства, другие переселяются, именно после осеннего равноденствия из Понта и холодных стран, спасаясь от наступающей зимы, а после весеннего—из теплых в холодные страны, боясь жары; при этом одни переселяются из близких местностей, а другие, так сказать, с края света, как, например, журавли: они из скифских равнин переселяются в болота, лежащие выше Египта, откуда течет Нил...

Кн. VIII, гл. 13. Большинство «колиев» (род скумбрии) не входят в Понт, но проводят лето и выводят детенышей в Пропонтиде, а зимуют в Эгейском море; но тунцы, пелагиды и тумакι <тоже род тунцов> весною входят в Понт и там проводят лето, равно как и большая часть идущих по течению и стадных рыб; а стадами живет большинство рыб;

¹ [Галатский залив—Бискайский залив. «До другого перешейка»—Аристотель имеет в виду Суэцкий перешеек.]

² [Река Гипанис у Боспора Киммерийского—Кубань, впадавшая в древности в Черное море (у нынешней Пересыпи), а теперь впадающая в Азовское море у г. Темрюка.]

³ [Фемискир—город в Малой Азии, при устье р. Термодонта (Терме-чай), впадающей в Черное море.]

⁴ [Амис—греческий город на берегу Черного моря между Синопой и Трапезундом.]

все стадные рыбы имеют вожakov. В Понт они переселяются из-за пищи (корм там и изобильнее и лучше вследствие пресноты воды) и потому, что там меньше больших морских животных; в Понте нет ничего кроме дельфинов и тюленей, да и дельфины там малы, а по выходе из него немедленно *попадают* большие. Итак *рыбы* переселяются *туда* из-за пищи, а также и для вывода детенышей: там есть удобные для этого места, а годная для питья и более пресная вода способствует развитию мальков. Когда же процесс размножения окончится и мальки подрастут, они выходят из Понта немедленно после Плеяд¹.

Кн. VIII, гл. 19. Большинство пород рыб бывает здоровее... в дождливые годы: тогда они не только находят себе больше пищи, но и вообще дождливое время им полезно... Доказательством этого служит и переселение большинства рыб на лето в Понт: вода в нем преснее вследствие множества *впадающих в него* рек, и эти реки сносят в море изобильный *корм для рыб*.

Кн. VIII, гл. 25. Осел из всех таких же, как он, животных наиболее чувствителен к холоду; поэтому по берегам Понта и в Скифии ослы не водятся.

Кн. VIII, гл. 28. ... В Понте не водятся ни моллюски, ни черепокожие, разве только в некоторых местах в небольшом количестве...

В Ливии бараны рогатой породы прямо рождаются с рогами... а у Понта в Скифии, наоборот, рога у них совсем не растут².

В Скифии и Кельтике ослы совершенно не водятся, так как эти страны очень холодны.

Кн. IX, гл. 33. В Скифии—порода птиц величиной не меньше дрохвы; она выводит по паре птенцов, но *на яйцах* не сидит, а завертывает *их* в заячью или лисью шкуру и *так* оставляет, сама же, когда не ищет добычи, *сидит* на вершине дерева и сторожит *яйца*; если кто к ним приблизится, она нападает и бьет крыльями подобно орлу.

Кн. IX, гл. 36. У Меотийского озера волки, говорят, приручены рыбаками; но когда последние не дадут им части *добычи*, волки портят их сети, растянутые для просушки на земле.

Кн. IX, гл. 47. Говорят, что у скифского царя была *однажды* благородная кобылица, от которой все жеребята были очень хороши; желая, чтобы она родила от самого лучшего из них, *царь* подвел его к матке для случки; жеребец не хотел, но когда *кобылицу* закрыли, то, не заметив, вскочил *на нее*. Когда же после случки открыли голову кобылицы, то жеребец, увидев *ее*, убежал и бросился с утесов.

«О ЧАСТЯХ ЖИВОТНЫХ»

(ΠΕΡΙ ΖΩΩΝ ΜΟΡΙΩΝ)

(в 4 книгах)

Кн. IV, гл. 5, § 45 ... Все насекомые нуждаются в малом количестве пищи... в особенности семейство кузнечиков; для их тела достаточную пищу *составляет* вбираемая при дыхании влага, равно как и для поденок (водящихся около Понта), только последние живут лишь в продолжение одного дня, а первые—несколько дней, хотя немного.

¹ [Аристотель имеет в виду, видимо, не столько самый Понт (Черное море), сколько Азовское море, в древности, как и теперь, славившееся обилием рыбы.]

² [Относительно безрогого и короткогогого скота на севере ср. у Геродота, кн. IV, 29 и в прим. к этому месту.]

«О РОЖДЕНИИ ЖИВОТНЫХ»

(ΠΕΡΙ ΖΩΩΝ ΓΕΝΕΣΕΩΣ)

(в 5 книгах)

Кн. II, гл. 8 ... Осел—животное чувствительное к холоду; поэтому он не водится в холодных странах вследствие зябкости своей природы, как, например, в Скифии и соседних странах...

Кн. V, гл. 3. Прямоволосы те люди, в которых много влажности: ибо влага течет у них в волосах, а не сочится по каплям. Поэтому понтийские скифы и фракийцы прямоволосы, так как и сами они отличаются изобилием влаги и окружающий их воздух влажен...

На овец холодный климат имеет противоположное влияние, чем на людей: скифы мягковолосы, а савроматские овцы отличаются жесткою шерстью.

«О ЧУДЕСНЫХ СЛУХАХ»¹

(ΠΕΡΙ ΘΑΥΜΑΣΙ-Ν ΑΚΟΥΣΜΑΤΩΝ)

18. В Понтийском Трапезунте собирается с буксового дерева мед с тяжелым запахом; говорят, что здоровых людей он лишает рассудка, а одержимых падучею болезнью совсем *убивает*².

30. Рассказывают, что у скифов, называемых гелонами³, водится очень редкое животное, которое называется тарандом⁴. Говорят, что оно меняет цвет шерсти, смотря по месту, где находится; поэтому трудно ловить его, так как цвет его шерсти уподобляется цвету деревьев, местностей и вообще всего, что его окружает; весьма удивительно, что оно меняет цвет шерсти, так как прочие *животные меняют цвет* кожи, как, например, хамелеон и полип; величиною оно с быка, а складом головы похоже на оленя⁵.

48. Рассказывают о совершенно особом происхождении железа халибского и амисского⁶: оно образуется, по рассказам, из песка, несомого реками; песок этот, по одним рассказам, просто промывают и плавят на огне, а по другим—образовавшийся от промывки осадок несколько раз *еще* промывают и *потом* плавят, прибавляя так называемый огнеупорный камень, коего много в той стране; этот *род* железа гораздо лучше прочих, и если бы оно плавилось не в одной печи, то, кажется, ничем не отличалось бы от серебра. Только одно это *железо*, по рассказам, не подвергается ржавчине; но добывается оно в незначительном количестве.

62. Рассказывают, что моссиникская⁷ медь отличается ярким блеском и чрезвычайною белизною; к ней примешивается не олово, но особый сорт тамошней земли, которая плавится вместе с медью; говорят, что изобре-

¹ «Книга «О чудесных слухах»—древнейшее произведение литературы, имеющее своим предметом чудесные истории; но она все же не имеет отношения к Аристотелю, так как содержит многое, совершившееся лишь после его смерти, как, например, истории Агафокла (гл. 110) и Клеомена (гл. 78)» (Christ, Gesch. d. Griech. Litter., т. 2. стр. 409).

² Об опьяняющем меде у макронов ср. у Ксенофонта, «Анабасис», IV, 8, 20; ср. Stob., Flor., 100, 13; Aelian, V, 42; St. Byz., s. v. Τραπεζούς.

³ [О гелонах, племени не скифском, см. в прим. к кн. IV, 108 Геродота.]

⁴ [Таранд—вид оленя, может быть, благородный олень.]

⁵ Ср. Теофраст, фр. 172 (см. ниже); Antig., Hist. mir., с. 25; Aelian, II, 16; St. Byz., s. v. Ὀλυνξί.

⁶ [О халибах, славившихся в древности в качестве металлургов, см. в прим. к фр. 195 Гекатея. Амис—см. в прим. к кн. V, 22 «Истории животных».]

⁷ [О моссиниках см. у Ксенофонта «Анабасис», V, 4, 1 и в прим. к фр. 191 Гекатея.]

татель такого сплава никому не открыл *своего секрета*; поэтому старинные медные изделия этой страны отличаются *превосходными качествами*, а позднейшие уже не *имеют их*.

63. Говорят, что в Понте встречаются некоторые птицы, гнездящиеся зимою, они не дают помета, не чувствуют боли, когда у них выщипывают перья и втыкают их на вертел, а только *тогда*, когда их жарят на огне. Рассказывают также, что многие рыбы не чувствуют, когда их разрезают и разбирают, и чувствительны только к согреванию огнем.

105. Рассказывают, что Истр, вытекая из так называемых Геркинских лесов¹, разделяется на *рукава* и одним течет в Понт, а другим впадает в Адриатическое море². Доказательство *этого* мы видим не только в наше время, но еще более в старину, как, *например*, то, что его верховья не судоходны. Так, об Язоне рассказывают, что въехал он *в Понт* у Кианей, а выехал из Понта по Истру; приводят не мало и других свидетельств *этого*, а также показывают в *той* местности жертвенники, посвященные Язоном, а на одном из островов Адриатики—храм Артемиды, построенный Медеей³.

141. Рассказывают, что скифский яд, которым пропитывают стрелы, добывается из ехидны. Скифы, кажется, подстерегают уже родившихся живых *детенышей*, ловят *их* и оставляют гнить несколько дней; когда им покажется все достаточно сгнившим, они наливают человеческую кровь в горшочек, закрывают его и зарывают в навоз, а когда и это сгниет, то водянистый отстой, образующийся над кровью, смешивают с гноем ехидны и таким образом делают смертоносный *яд*⁴.

158. Рассказывают, что в реке Фасис растет лоза, называемая белолистником, которую ревнивые мужья срывают и разбрасывают вокруг брачного покоя и таким образом сохраняют свой брак неоскверненным⁵.

168. Реки Рейн и Истр текут по северным странам, первый мимо германцев, второй мимо пеонов⁶, летом они судоходны, а зимой замерзают от холода, и по ним ездят верхом, как по равнине⁷.

«ПРОБЛЕМЫ»

([ПРОВАНМАТА])

XIX, 28. Почему некоторые песни называются «номами» (νόμοι), т. е. законами? Не потому ли, что до изобретения письменности пели законы, чтобы не забыть их, как и *теперь* еще в обычае у агафирсов?⁸ Поэтому и называли первые строфы позднейших песен тем же именем, что и прежние.

¹ [Геркинские леса—у греческих и у латинских авторов суммарное обозначение гористо-лесной области к северу от верхнего течения р. Дуная.]

² [Рукав Истра (Дуная), впадающий в Адриатическое море, без сомнения, р. По (Паду), которая, однако, не является рукавом р. Дуная. Возможно, впрочем, что здесь Аристотель имеет в виду речку Пиаве, впадающую в Венецианский залив, верховья которой близки к верховьям р. Дравы, притока Дуная. По этим рекам в древности, несомненно, существовало перевалочное судоходство, что и получило отражение в легенде об аргонавтах, прибывших в Адриатику по Дунаю.]

Кианей—Восфор (Константинопольский пролив).]

³ Ср. Страбон, I, 3, 15; Arist., Hist. anim., 8, 15; Eust. ad Dion., v. 298.

⁴ Ср. Aelian, IX, 15; Plin., NH, XI, 53, 279.

⁵ Ср. Plut., de fluv., 6, 7.

⁶ [Пеоны—горное племя в Северной Македонии.]

⁷ Ср. Herodian, Hist. 6, 7.

⁸ [Об агафирсах см. в прим. к кн. IV, 10 Геродота.]

XXIII, 6. Почему морская вода в Понте белее, чем в Эгейском море? Не вследствие ли преломления зрения, происходящего от моря в воздухе? Ибо воздух, окружающий Понт, густ и бел, вследствие чего и поверхность моря кажется таковою же, а над Эгейским морем он голубой, вследствие того, что чист на далекое пространство, так что и отражающее его море кажется таким же. Или потому, что все озера белее моря, а Понт изобилует озерами (лиманами) вследствие того, что в него текут многие реки? А озера белесоватее моря и рек; по крайней мере живописцы рисуют реки бледными, а море голубым...

XXV, 6. Почему в Понте *бывают* величайшие холода и жары? Не вследствие ли густоты воздуха? Ибо зимою он не может нагреваться, а летом, когда нагреется, жжет вследствие своей плотности. По той же причине и болотистые местности зимою отличаются холодом, а летом — жарам. Или вследствие движения солнца? Ибо зимою оно бывает далеко *от них*, а летом — близко.

«НЕИЗДАННЫЕ ПРОБЛЕМЫ»

(ΠΡΟΒΛΗΜΑΤΑ ΑΝΕΚΔΟΤΑ)

II, 72. Почему эфиопы курчавы, а скифы и вообще северные народы прямоволосы? Не потому ли, что высушиваемый солнцем волос скручивается подобно другим *предметам*, а эфиопы живут ближе к солнцу и в чрезвычайном зное, *между тем как* скифы *живут* в холодной стране, где солнце не испаряет находящейся в волосах влаги, так что они и не скручиваются?...

II, 168... Ослы чувствительны к морозу и зябки. Доказательством этого *служит то*, что ослы не водятся в Скифии.

III, 7. Почему мальчики, будучи горячи, не любят вина, а скифы и взрослые мужчины, будучи горячи, любят его? Или потому, что последние горячи и сухи (ибо таково состояние мужчины), мальчики же влажны и горячи, а любовь в них есть желание чего-то влажного? Влажность препятствует мальчикам чувствовать жажду, ибо желание чего-либо есть потребность.

III, 45. Почему Гирканское озеро, имеющее пресную воду¹, моет и очищает платья? Моет преснотою, а очищает горечью...

«НИКОМАХОВА ЭТИКА»

(ΗΘΙΚΑ ΝΙΚΟΜΑΧΕΙΝ)

(в 10 книгах)

Кн. VII, гл. 6... Я называю зверскими [привычками *такие*], какими, говорят, наслаждаются некоторые одичалые *племена* вокруг Понта: одни из них едят сырое мясо, другие — человеческое, третьи одоужают друг другу детей для пиршеств...

Кн. VII, гл. 7, § 6 ... Скифские цари от природы изнежены и отличаются *от других людей*, как женщины от мужчин.

¹ [Вода Гирканского, т. е. Каспийского, моря отнюдь не является пресной. Аристотель, может быть, имел в виду воду устья Волги или воду Азовского моря, действительно более пресную, чем вода Черного и Каспийского морей.]

«ПОЛИТИКА»

(ΠΟΛΙΤΙΚΑ)

(в 8 книгах)

Кн. VII, гл. 2, § 6. У скифов не позволялось пить круговую чашу во время одного праздника тому, кто *еще* не убил ни одного врага; а у воинственного народа иберов¹ вокруг могилы втыкают столько колышков, сколько умерший истребил врагов.

Кн. VIII, гл. 4, § 4. Есть много народов, склонных к убийству и людоедству, как, например, из числа припонтийских, ахейцы и эниохи², а равно и другие племена из живущих на материке, одни подобно этим, а другие *еще* больше их; они ведут разбойничий образ жизни, но храбростью не отличаются.

«ЭКОНОМИКА»

(ΟΙΚΟΝΟΜΙΚΑ)

(в 2 книгах)

Кн. II, гл. 2, § 8. Гераклеоты, посылая *однажды* сорок кораблей против боспорских тиранов³ и имея недостаток в денежных средствах, закупили у богачей весь хлеб, масло, вино и прочие товары...

«ОТРЫВКИ»

(ΑΠΟΣΠΑΣΜΑΤΑ)

Текст: по изд. В. Розе (Val. Rose), Прусской Акад. Наук, 1870.

«О СПРАВЕДЛИВОСТИ»

(ΠΕΡΙ ΔΙΚΑΙΟΣΥΝΗΣ)

Р. 1487, фр. 72 (Athen., Epit., I, p. 6^d). Другие называют Филоксена⁴ любителем рыбы, а Аристотель—вообще гастрономом; он где-то пишет так: «Народные ораторы проводят целый день на представлениях фокусников и в болтовне с приезжающими из Фасиса или Борисфена, не зная ничего, кроме обеда Филоксена, да и то не целого».

¹ [Иберы—одно из наиболее значительных племен Закавказья в древности, предки современных грузин. О них подробнее у Страбона, кн. XI, 7 (см. ниже).]

² [Об ахейцах (ахеях) см. в прим. к периплу Псевдо-Скилака, парагр. 75.

Об эниохах Псевдо-Скилак, парагр. 76.]

³ [Гераклеоты—жители Гераклеи Понтийской, греческого города на малоазийском побережье Черного моря к западу от Синопы.

Боспорские тираны—цари Боспорского царства.]

⁴ [Филоксен—афинский философ, ученик Анаксагора, известен как кутила и развратник.]

«О ПИФАГОРЕЙЦАХ»

(ΠΕΡΙ ΤΩΝ ΠΥΘΑΓΟΡΕΙΩΝ)

Фр. 186 см. I a m b l., De vita Pythag., гл. 28.

ИЗ СОЧИНЕНИЯ АРИСТОТЕЛЯ «ПЕПЛОС»

(ΠΕΠΛΟΣ)

«ЭПИТАФИИ ГЕРОЕВ»

Текст: PLG, ed Bergk, т. II¹, 345

5. Над Ахиллом, чтимым на острове Белом¹.
Сына богини Фетиды, Пелееву отрасль, Ахилла,
Остров сей Понта святой в лоне своем бережет.
43. Над Ээтом, погребенным в Колхиде.
Златом богатых Колхиды сынов владыку Ээта²
Всепокоряющий здесь божеский рок схоронил.

ОТРЫВКИ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ СОЧИНЕНИЙ О ЖИВОТНЫХ²

Ael., Hist. an., V, 27. Аристотель говорит, что в стране невров быки имеют рога на плечах.

Ibid., 43. Аристотель говорит, что у реки Гипаниса водится животное, называемое однодневкой; оно рождается на рассвете и умирает, когда солнце начинает склоняться к закату.

I. id., XVI, 33. Аристотель говорит, что у быков в стране невров рога и уши вырастают из одного и того же места и связаны между собою... Приведем еще и следующее известие сына Никомахова: он говорит, что у будинов, живущих кругом Кариска³ не рождаются белые овцы, но что все они черные.

СХОЛИИ К АРИСТОТЕЛЮ

Текст: по IV тому изд. Берлинской Акад. Наук, 1836.

К «ПОЗДНЕЙШЕЙ АНАЛИТИКЕ»

(ΤΑ ΥΣΤΕΡΑ ΑΝΑΛΥΤΙΚΑ)

К кн. 2-й... (Фемистий) говорит, что подобною причиною и скиф Анахарсис⁴ объяснил отсутствие флейтисток у скифов: на вопрос, нет ли в Скифии флейтисток, он отвечал: «вовсе нет, ибо нет и виноградных лоз». Он тоже привел отдаленную причину отсутствия флейтисток в Скифии: ближайшею причиною отсутствия флейтисток было отсутствие пьянства, а причиною последнего—отсутствие лоз. Это приводится в старинных достопамятных изречениях.

(Там же, из Фемистия, фр. 66)... такую же причину привел и Анахарсис, то что у скифов нет флейтисток: у них ведь нет винограда.

¹ [Остров Белый—о. Змеинный, на Черном море близ устья р. Дуная.]

² [Ээт—мифический царь Колхиды, отец Медеи.]

³ [Пункт из других источников неизвестен].

⁴ [Об Анахарсисе см. в кн. IV, 76 сл. Геродота.]

К СОЧИНЕНИЮ «О НЕБЕ»

(ΠΕΡΙ ΟΥΡΑΝΟΥ)

К кн. 2-й... Древнейшие математики разделили небо на пять поясов: первый *они* называли арктическим, потому что там находится звезда ἄρκτος [т. е. Медведица]... Второй пояс *они* назвали летним тропическим, третий—равноденственным, четвертый—зимним тропическим и пятый—антарктическим, ибо и там опять находится Медведица. По трем средним поясам проходит солнце, и говорят, что они необитаемы вследствие того, что по ним проходит солнце. Равным образом опять необитаемы, говорят, и два другие пояса, арктический и антарктический... ибо они близки к полюсам. Они тоже необитаемы, говорят, по причине чрезвычайных холодов и того, что солнце повсюду далеко отстоит от них. Мы, говорят, заселяем среднее пространство между арктическим поясом, близким к северному полюсу, и летним тропическим, причем скифы-русь¹ (Σκύθας τοὺς Ῥώς) и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу, а эфиопы, арабы и другие—к летнему тропическому, почему они, говорят, не терпят и холода; эллины же живут между гиперборейскими народами и близкими к востоку, почему и являются самыми разумными среди прочих, более сильными и мужественными в битвах, так как живут в более благоприятном климате...

¹ [Наименование «русь» или «рос» употребляется византийскими писателями, наряду с наименованием «скифы», применительно к славянским племенам; при этом подчеркивается, что термин «рос» является местным и самобытным. Его происхождение и этимология не могут еще, однако, считаться окончательно выясненными.

Гиперборейские народы—северные народы. О гипербореях см. в прим. к кн. IV 32 Геродота.]

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ВСТРЕЧАЕМЫХ В ВДИ № 2 (19)

AA	— Archäologischer Anzeiger
AJA	— American Journal of Archaeology
ATIM	— Altürkische Inschriften Mittelasiens
BEFEO	— Bulletin de l'école française d'Extrême Orient
BLW	— Berliner Literaturwochenschrift
BSOS	— British School of Oriental Studies
CAH	— Cambridge Ancient History
CGF	— Comiconum Graecorum Fragmenta
CIG	— Corpus Inscriptionum Graecarum
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
ЦХШ	— Цяньханьшу
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
FHG	— Fragmenta Historicorum Graecorum
ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ИАК	— Известия Археологической комиссии
ИАН	— Известия Академии Наук
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИООИАЭ	— Известия Одесского общества по изучению истории, археологии и этнографии
IG	— Inscriptiones Graecae
Известия ООИ	— Известия отделения общественных наук
Известия УзФАН	— Известия Узбекского филиала Академии Наук СССР
IPE (IOSPE)	— Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini
JA	— Journal Asiatique
JAOS	— Journal of the American Oriental Society
JASB	— Journal of the Asiatic Society of Bengal
JDAI	— Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts
JEA	— Journal of Egyptian Archaeology
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
КирФАН	— Киргизский филиал Академии Наук СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	— Материалы по археологии России
NJCPH	— Neue Jahrbücher für Classische Philologie
PLG	— Poëtae Lyrici Graeci
Проблемы ИДО	— Проблемы истории доклассовых обществ
RE	— Pauly-Wissowa-Kroll, Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RhM	— Rheinisches Museum
CA	— Советская археология
SB	— Sibyllinische Blätter
SBA (SBAW)	— Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SBPAW (SPA W)	— Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften
SHA	— Scriptores Historiae Augustae
TGF	— Tragicorum Graecorum Fragmenta
ВДИ	— Вестник древней истории
ВСОРГО	— Вестник Среднеазиатского отделения Российского географического общества
ЗАНИФО	— Записки Академии Наук, Отделение истории и философии
ЗВОРАО	— Записки Восточного отделения Российского Археологического общества

СОДЕРЖАНИЕ

Классическая филология и ее задачи в советской науке	3
Акад. А. И. Тюменев, Эрмитажный папирус 1116 А, строки 101—102	9
Проф. С. Я. Лурье, Эксплуатация афинских союзников	13
А. Ранович, Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии	28
Ю. А. Солодухо, Концентрация земли и обезземеление мелких землевладельцев в Ираке во II—V вв. н. э. по талмудическим данным	40
А. Н. Бернштам, Проблемы истории Восточного Туркестана	52

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Проф. Н. Ф. Дератани—История греческой литературы под ред. С. И. Соболевского, В. В. Горнунга и др.	72
Л. Ельницкий—Градостроительство. Под ред. В. Шкварикова	81
Я. Ленцман—Гай Юлий Цезарь, Записки о войне с галлами, книга вторая, с введением и комментариями С. И. Соболевского; Публий Овидий Назон, Избранные произведения, комментарии Ж. С. Покровской	85
А. Тереножкин—А. Н. Бернштам, Историко-культурное прошлое Северной Киргизии	87
Проф. А. Мишулин и проф. Н. Машкин—А. Piganiol, l'histoire de Rome	90
Т. В. Блаватская (Бороздина)—«Известия на болгарския археологически институт», т. XV	94
С. Лясковский—V. Gordon Childe, Man makes himself; What happened in history; Progress and archaeology	98
И. Дьяконов—Новые данные о шумерской культуре	104
Л. Ельницкий—Легендарная история колонизации Сицилии и Великой Греции	114
Я. А. Ленцман—J. Day, An Economic History of Athens under Roman Domination	123
А. Каждан и Т. Златковская—E. Gren, Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit	129
А. Каждан—André Loysen, Recherches historiques sur les panégyriques de Sidoine Appolinaire: Sidoine Appolinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire	133
А. Н. Бернштам—Новые работы по Тохарской проблеме	134
Б. Надэль—R. Agnus Downie, James George Frazer	138
Обзор иностранных историко-археологических журналов	139

ХРОНИКА

Член-корресп. АН СССР Ш. Я. Амиранашвили, Серебряный кубок из раскопок в Триалети	150
С. В. Киселев, Алтай в скифское время	157
Н. П. Розанова, Неизданные надписи Таманского музея	173
И. С. Качнельсон, Неизданное письмо Франсуа Шамполлиона	179
О. Бич, Новые материалы о Г. Шлимане	183
А. Тереножкин, Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана	185
И. Кругликова, Археологические открытия в Италии за последние годы	190
Н. В. Шафранская, О работе античной группы ЛОИИ АН СССР	204
Б. Т. Горянов, Вопросы византиноведения на сессии Отделения истории и философии АН СССР	207
О. Юлкина, На сессии Отделения истории и философии АН СССР	211
Н. Залесский, Научная работа кафедры истории Греции и Рима ЛГУ в 1946 г.	213
Б. И. Надэль, Кафедра классической филологии ЛГУ в 1-м полугодии 1946/47 уч. года	215

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

П. Ф. Гурвич, Sallustii в письмах Цицерона	217
Проф. К. Гриневич, Херсонес и Рим	228
Проф. С. Семенов-Зусер, Рыбный рынок в Херсонесе	237

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. Латышев, Известия древних писателей о Скифии и Кавказе	247
--	-----

SOMMAIRE

La philologie classique dans la science soviétique	3
A. I. Tuménév, de l'Académie des Sciences, Le papyrus d'Ermitage 1116 A, II. 101—102	9
Prof. S. J. Luria, L'exploitation des alliés Athéniens	13
A. Ranovitch, Les laboureurs dépendants dans l'Asie Mineure hellénistique	28
J. A. Solodoucho, La concentration du sol et la paupérisation des petits possesseurs en Iraq dans le II—V siècle de n.e. d'après les données talmudiques.	40
A. N. Berns am—Les problèmes de l'histoire du Turkestan Oriental	52
CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE	
Prof. N. F. Dératani, L'histoire de la littérature grecque, sous la réd. du S. I. Solobolevsky, V. V. Gornoung etc.	72
L. Jelnitzky, Le bâtiment des villes, sous la réd. du V. Shkvarikov	81
J. A. Lenzman—J. César, De bello Gallico, l. II; Ovide, Oeuvres choisies	85
A. Térénoshkine—A. N. Bernstam, Le passé historique et culturel de la Kirghizie Septentrionale	87
Prof. A. V. Michouline et Prof. N. A. Machkine, H. Piganiol, l'histoire de Rome	90
T. V. Blavatskaya—Borodina, «Известия на българския археологически институт», т. XV	94
S. Laskovsky—V. Gordon Childe, Man makes himself; What happened in history; Progress and archaeology	98
I. Diakonoff, Données nouveaux sur la culture soumérienne	104
L. Jelnitzky, L'histoire légendaire de la colonisation de Sicile et de l'Italie méridionale	114
J. A. Lenzman—J. Day, An Economic History of Athens under Roman Domination	123
A. Kashdane et T. Zlatkovskaya—E. Gren, Kleinasien und der Ostbalkan in der wirtschaftlichen Entwicklung der römischen Kaiserzeit	129
A. Kashdane—A. N. D. Lo y e n: 1) Recherches historiques sur les panégyriques de Sidoine Appolinaire; 2) Sidoine Appolinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire	133
A. N. Bernstam, Oeuvres nouveaux sur le problème tokharien	134
B. Nadel—R. Agnus Downie, James George Frazer	138
Revue des périodiques étrangers	139
CHRONIQUE	
J. A. Amiranashvili, membre-correspondant de l'Académie des Sciences, Le gobelet d'argent des fouilles à Trialétie	150
S. V. Kissélév, Altaï à l'époque scythe	157
N. P. Rasanova, Inscriptions inédites du musée de Tarnobrzeg	173
I. S. Katznelson, Une lettre inédite du François Champollion	179
O. Bitch, Matériaux nouveaux sur G. Schliemann	183
A. Térénoshkine, Reconnaissance archéologique dans la part occidentale de l'Ouzbékistan	185
I. Krouglikova, Dernières découvertes archéologiques en Italie	190
N. V. Chafranskaya, Études de la section antique d'Institut d'Histoire à Leningrad	204
B. T. Gorianov, Les problèmes byzantiniens à la session de l'Académie des Sciences (Classe d'histoire et de la philosophie), Octobre 1946	207
O. N. Ioulkina, Séance de l'Académie des Sciences (Classe d'histoire et de la philosophie), Novembre 1946	211
N. Zalessky, Travaux scientifiques de la chaire de l'histoire grecque et romaine de l'Université de Leningrad pendant l'année 1946	213
B. I. Nadel, La chaire de la philologie classique de l'Université de Leningrad pendant la seconde moitié de l'année 1946	215
RAPPORTS ET COMMUNICATIONS	
P. B. Gourvitch, Les «Sallustii» dans les lettres du Cicéron	217
C. Grinévitich, Chersonèse Taurique et Rome	228
S. Sémenov-Zousser, Marché des poissons à Chersonèse Taurique	237
SUPPLÉMENT	
V. V. Latyshev, Scythica et Caucasica	247

**ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ В № 1 ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ
ИСТОРИИ» за 1947 год**

Стран.	Строка	Напечатано	Следует читать
97	2-я стр. сверху	И диссертации	В диссертации
99	2-я стр. снизу	дренее; ипетского	древнеегипетского
101	2-я сверху	Тутанхмона	Тутанхамона
114	6-я снизу	Gmyly	Smyly
121	2-я снизу	настроении	построении
126	8-я снизу	Arshaeological	Archaeological
136	17-я сверху	virbonus	vir bonus
146	25-я сверху	сравнивает ее жизнью	...сравнивает ее с жизнью
		vsременного	современного
	6-я снизу	соображений ва области	...соображений в обла-
		чтения	сти чтения
181	3-я снизу	впервые	первые
255	3-я снизу	Образовани	Образование
256	19-я сверху	...русской науки древ-	русской науки о древ-
		нейшей истории Рос-	нейшей истории Рос-
		сии	сии
291	3-я сверху	ἡ Πολύδρυς	ἡ Πολύδρυς
295	1-я сверху	длиннорылая	длиннокрылая
	1-я снизу	Жаха	Флаха
297	22-я снизу	«Навпактские сказания	«Навпактские сказания»
306	1-я сверху	оестрепетные	бестрепетные

Редакционная коллегия: { Проф. Н. А. Машкин
Проф. А. В. Мишулин (редактор)
Проф. А. Б. Ран'вич (зам. редактора)
Акад. В. И. Пичета
Акад. В. Н. Струве
Акад. И. И. Толстой

Адрес редакции: Москва, Волхонка, 14. Институт истории АН СССР
Телефон К 3-75-69

Подписано в печать 11.VI.47 г. А07120. Заказ № 254. Печатных лист. 21. Уч.-издат.
листов 31,5. Тираж 10 000. Цена 30 руб.

16-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР, Москва,
Трехпрудный, 9

Цена 30 руб.